

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**СОВЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ НARRATIV
1920—1930-х ГОДОВ:
СОДЕРЖАНИЕ, АКТОРЫ
И МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ**

Коллективная монография

*Ответственный редактор
B.B. Тихонов, доктор исторических наук*

Москва
Издательство Совпадение
2025

ББК 63.013
УДК 930

С56

Исследование выполнено в рамках проекта «Советский исторический нарратив 1920—30-х гг.: содержание, акторы и механизмы конструирования», финансируемого Российской научным фондом (номер гранта 23-18-00303)
<https://rscf.ru/project/23-18-00303/> EDN: FIMHVW

Рецензенты:

М.В. Ковалев, доктор исторических наук,
Институт всеобщей истории Российской академии наук
А.И. Куприянов, доктор исторических наук,
Институт всеобщей истории Российской академии наук

С56 **Советский исторический нарратив 1920—30-х годов: содержание, акторы и механизмы конструирования / Коллективная монография / отв. ред. В.В. Тихонов, доктор исторических наук.** — М.: Совпадение, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-6053509-9-6

Коллективная монография раскрывает различные стороны советского исторического нарратива 1920—30-х годов, который, как демонстрируют исследования, никогда не был цельным, носил противоречивый характер и страдал фрагментарностью, его идеологическая нагрузка часто ситуативно корректировалась. В центре внимания авторов находились различные формы осмыслиения и презентации истории: научная историография, исторические романы и кинематограф. Содержание советского исторического нарратива складывалось под влиянием разнообразных факторов (как общемировых культурных тенденций, так и советской идеологии и политики) и при участии различных акторов: лидеров партии, региональных и национальных руководителей, ученых, деятелей культуры и т.д.

ББК 63.013
УДК 930

ISBN 978-5-6053509-9-6

© Коллектив авторов, 2024
© ИРИ РАН, 2024

Оглавление

Введение (В.В. Тихонов)	4
Глава 1. Исторический нарратив как исследовательская проблема (В.В. Тихонов)	16
Глава 2. Творцы советского исторического нарратива (В.В. Тихонов)	28
Глава 3. Историописание эпохи революций и советский исторический нарратив (вторая половина XIX — первая треть XX в.) (В.В. Тихонов)	57
Глава 4. Исторический роман 1920-х—1930-х гг.: традиции и перспективы изучения (А.С. Акимова)	78
Глава 5. Петр I в советском кинематографе 1930-х гг. (М.Г. Иванова)	103
Глава 6. Декабристы в советском историческом нарративе: от научных дискуссий к кинематографу (1920-е гг.) (О.А. Плех, Ю.С. Филина)	117
Глава 7. «Герои» и «антигерои» первой половины XIX в. в советской историографии 1920—1930-х гг. (О.А. Плех)	213
Глава 8. «Годовщина революции» Д. Вертова и «Октябрь» С. Эйзенштейна: конструирование революционного нарратива (Ю.С. Филина)	231
Глава 9. Диология «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году»: конструирование историко-революционного нарратива (Ю.С. Филина)	244
Глава 10. Создавая революционную историю Советского Востока: Туркестанское восстание 1916 года в советской историографии и пропаганде 1920—40-х гг. (В.В. Тихонов)	284
Глава 11. Деколонизация истории: антиколониальный дискурс в советской исторической науке 1920—1930-х гг. (В.В. Тихонов)	301
Глава 12. Научные споры вокруг украинской истории (Я.А. Лазарев)	316
Глава 13. Советское кавказоведение 1920-х — 1930-х гг.: институты, люди, идеи (С.Б. Манышев)	416
Указатель	468

ВВЕДЕНИЕ

B.B. Тихонов

В последние годы специалисты по истории советской исторической науки, культуры и идеологии все чаще оперируют не такими устоявшимися понятиями, как собственно историческая наука, историческая мысль или историография, а предпочитают говорить о нарративе, историческом воображении, исторической идеологии и т. д. И это не только дань моде и стремление использовать актуальный терминологический аппарат. Исследование образа прошлого неизменно наталкивается на тот синергетический эффект, которым обладала советская система. Автономность социальных полей здесь сохранялась, но стремление власти выстроить механизмы идеологической консолидации приводило к более активному, чем в либеральных обществах, взаимопроникновению полей и иерархическому контролю. В роли агентов взаимодействия, мобилизации и контроля выступали идеологи-управленцы и партийные структуры.

Требование обязательного участия в производстве или поддержании идеологии приводило к высокому уровню резонирования системы. Так, философская дискуссия диалектиков и механицистов (1929) отзывалась во всех сферах. То же можно сказать и об историческом повороте середины 1930-х гг., когда форсированной «историзации» подверглось не только образование, но и культура, идеология и даже спорт (в середине 1930-х гг. была попытка создания марксистской истории спорта). В этой ситуации понятие «исторический нарратив»¹ помогает лучше «схватить» такие

¹ Вслед за Фр. Анкерсмитом, под «историческим нарративом» понимается интерпретация прошлого (в форме выстраивания последовательности фактов в определенной логике, концепций, историософии и т.д.), которая обладает из-

разнородные явления, как идеология, наука и культура, и рассмотреть их во взаимосвязи.

Советскую историографию представляли через призму разных подходов. Основой ее конвенционального самоописания стала схема, согласно которой она развивалась благодаря верному усвоению наследия классиков марксизма и под чутким руководством партии. История рассматривалась как важный участок идеологического фронта, а борьба с идеальными противниками являлась священным долгом советского историка². При этом обладание самой «передовой теорией» позволяло говорить и о передовых позициях советской историографии, и ее высочайшей (недостижимой для буржуазных историков) научности. Наиболее ярко этот вариант воплотился в многотомных «Очерках истории исторической науки в СССР» (Т. I-V, 1955–1985).

Противоположным стал взгляд на советскую историографию как на «служанку идеологии», наиболее ярко проявившийся уже в постсоветское время. В частности, его выражали в известном сборнике «Советская историография» под редакцией Ю.Н. Афанасьева (1996). Основания для этого, безусловно, имелись. Трудно отрицать тесную связь производства исторического знания с требованиями правящего режима³. Впрочем, для значительной части

вестной автономностью от самого прошлого, т. е. носит отчетливый президентский характер.

² О. Каппес предлагает для понимания советской историографии концепт «воинственная наука» и называет следующие черты «воинственной науки»: «позитивное самомнение» (уверенность в своем превосходстве перед альтернативными теориями); положительную идентификацию с правящим режимом; стремление разорвать связи со «старой» научной традицией; иерархическую структуру, во главе которой находится лидер. «Воинственная наука» выполняла широкий спектр функций: от контроля и идеологической зачистки до подготовки и обоснования идеологических поворотов. Этос «воинственной» науки не только проецировался на исторические исследования, но и формировал характерные способы поведения ученых в данной культуре. Такая система способствовала процветанию ученых с низкой научной квалификацией, зато внешне преданных режиму. См.: Каппес О. «Воинственная» наука: Проработка прошлого диктатор в германской и российской историографиях второй половины XX века. М.: АИРО-XXI, 2015.

³ Этому посвящена огромная литература. Назовем лишь главные работы: Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий, 1992; Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП(б) — ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород: Нижполиграф, 2000; Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е — начало 50-х гг. XX века). Тюмень: Мандр и К, 2003; Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические

профессиональной корпорации российских историков такие выводы казались слишком резкими. С одной стороны, это дискредитировало их собственный, еще советский профессиональный опыт. С другой — требовало поиска «позитивной» традиции в отечественной историографии, которую можно было бы объявить «настоящей наукой». И такая традиция была найдена в лице т.н.историков «старой школы», то есть ученых, сформировавшихся еще в дореволюционной, преимущественно позитивистской традиции. Появился особый историографический нарратив, стержнем которого стала история сохранения лучших профессиональных достижений дореволюционной науки историками «старой школы» в условиях идеологического прессинга и противопоставление их политически ангажированной молодой марксистской историографии. Считалось, что через историков «старой школы» традиции дореволюционные исторической науки стали органической частью советской историографии и придали ей так недостававшую ей академическую респектабельность⁴.

Стоит отметить, что в исследованиях акцент делался на вопросах взаимоотношения историков с властью, конфликтах и противостояниях внутри самой исторической науки (как правило, по вектору историки «старой школы» — историки-марксисты). Основное внимание уделялось проникновению идеологических требований в построениях историков, их компромиссу с властью или полному подчинению, а иногда и тихому сопротивлению. По-степенно произошел дрейф от однобокой трактовки идеологического вмешательства к более сложным концепциям. В частности, исследователи обратили внимание на причины, по которым власти удалось «встроить» науку в советскую систему⁵.

очерки. 2-е изд. М.: Знак, 2006; *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011; *Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017; и др.

⁴ Например: *Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143–158; *Шмидт С.О.* Сергей Федорович Платонов и «Дело Платонова» // Советская историография. М.: РГГУ, 1996. С. 215–239; *Пихоя Р.Г.* Востребованная история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы XX века // *Пихоя Р.Г.* Записки археографа. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 401–437.

⁵ По мнению А.В. Гордона, это было сделано через насаждение в исторической науке «культуры партийности»: *Гордон А.В.* Великая Французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009.

Несмотря на череду индивидуальных и коллективных репрессивных акций против интеллигенции, прошедших в 1920–1930-е гг.⁶, к концу 1930-х гг. можно говорить о заключении «большой сделки» между действующей властью, с одной стороны, научным сообществом и деятелями культуры — с другой⁷. Она базировалась на ряде оснований. Во-первых, признание со стороны советских руководителей того, что ученые и деятели культуры являются «неэкономической» (и даже, по факту, внеклассовой) статусной группой в рамках советского общества. Во-вторых, обеспечение материальных привилегий и доступа к дефицитным благам. В-третьих, предоставление социального и идеологического иммунитета ученым и деятелям культуры в обмен на хотя бы внешнюю лояльность⁸. Впрочем, этот иммунитет отнюдь не гарантировался и часто нарушался, что зачастую требовало дополнительных амортизирующих репрессии механизмов, например патронажа со стороны высокопоставленных партийных чиновников, включая лично И.В. Сталина. Наконец, в-четвертых, во второй половине 1930-х гг. в СССР усилился акцент на государственной, патриотической и даже великодержавной идеологии, разумеется, в советизированной версии. Это совпадало с основными настроениями ученого корпуса. В целом идея компромисса, пусть и неравноправного, но взаимовыгодного, довольно прочно утвердилась в науке.

Важной тенденцией современных исследований стало обращение внимания на язык советского исторописания, принципы конструирования концепций и нарративов. Одну из первых попыток такого подхода можно найти в монографии С.В. Кондратьева и Т.Н. Кондратьевой. С их точки зрения, «во второй половине

⁶ Подробнее см.: *Красильников С.А.* Наука и ученые в мобилизационной парадигме 1930-х гг. // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х — 1930-е гг.). 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. С.А. Красильникова. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 551–582.

⁷ *Fitzpatrick S.* Stalin and the making of a New Elite, 1928–1939 // Slavic Review. 1979. Vol. 38. P. 377–402; *Янковская Г.А.* Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2007; *Александров Д.А.* Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // Рингер Фр. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 624–630; *Тихонов В.В.* Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 15–30.

⁸ См.: *Зезина М.Р.* Режим привилегий для научной и художественной интеллигенции // Режимные люди в СССР. М.: РОССПЭН, 2009. С. 324–344.

1920-х–30-х годах марксистский дискурс в основных компонентах формируется, оставляя место внутри себя для различных иерархически подчиненных дискурсов. В это время ученые апеллировали к общепринятым в марксизме ценностям, но приходили к разным умозаключениям, а их понятийный язык отличался значительным своеобразием⁹.

Собственно анализ советского исторического нарратива можно найти в работе филолога Ю.В. Шатина, рассматривавшего его в первую очередь как инструмент мифологизации¹⁰. С его точки зрения, нарратив и мифотворчество современного типа тесно переплетены и одним из возможных взглядов на советскую историографию является анализ ее как «артефакта литературы».

Ю.В. Шатин отметил: «При всем разнообразии сюжетов советский исторический нарратив имел ряд особенностей, отличающих его от других исторических нарративов. Среди этих особенностей три наиболее заметны при непредвзятом подходе: а) перманентная дискурсивная война с классическим историческим нарративом («буржуазная историография»); б) повышенная аксиологичность: оценка событий превалирует над их связным изложением; в) редукционизм: отбор фактов осуществляется исключительно по мере их значимости для семиологической системы, благодаря чему удельный вес каждого факта возрастает, причем сам факт становится своего рода примером, образцом; с другой стороны, факт ослабляет аргументацию, превращая текст в мифологическое образование. С известной долей уверенности можно утверждать, что благодаря трем названным особенностям нарратив, свойственный советской историографии, достаточно быстро эволюционирует от артефакта литературы к мифологической структуре»¹¹.

По наблюдениям Ю.В. Шатина, для советского исторического нарратива был присущ и ряд других особенностей. Во-первых, повышенная коннотативность исторически значимых имен, когда характеристики заменяются хлесткими оценками, а сами имена часто табуируются (например, троцкизм был, а о Троцком

вспоминать запрещалось). Во-вторых, перманентной войной с классическим нарративом (дореволюционной историографией). В-третьих, дуальностью предиката: «Можно указать на три дуальных предиката, наиболее часто сопровождавших исторические нарративы 1930–80-х годов и во многом обеспечивающих функционирование советской исторической нарратологии: а) все цари реакционны, кроме тех, которые прогрессивны; б) все носители дворянской культуры враждебны пролетариату, кроме тех, кто стал культурным героем; в) все террористы хороши, кроме современных».

Статью Ю.В. Шатина, безусловно, можно отнести к постановочным. Отсюда и бросающаяся в глаза упрощенность озвученных тезисов. Можно поставить под сомнение утверждение о перманентной дискурсивной войне с классическим историческим нарративом, и повышенную аксиологичность, и коннотативность исторически значимых имен и проч., и проч. Так же статья носит на себе и определенную печать времени, когда модно было подчеркивать архаические черты советской системы.

Интересной и потенциально плодотворной является мысль известного филолога К.А. Богданова о том, что в отношении советского общества уместно говорить не столько об оруэловском «двоемыслии» или, как антитезе, советском « pragmaticеском » субъекте, использующем идеологию в своих практических нуждах, а о специфическом «двуязычии» (или даже о «многоязычии»). Под этим ученый подразумевает речевую культуру советского общества, когда набор лозунгов и ритуалов используется в одной ситуации (преимущественно в публичной сфере), а в повседневной жизни его вытесняет обыденный язык¹². Таким образом, лозунговая часть языка приобретает ритуальный характер. Это наблюдение можно экстраполировать на исторический нарратив советской эпохи, во всяком случае частично.

Давно замечено, что нередко советские исторические тексты можно делять на ритуальную часть, в которой даются цитаты из классиков марксизма-ленинизма, и остальную, посвященную сугубо конкретно-историческому анализу. Впрочем, степень автономности конкретно-исторической части от доктринальной

⁹ Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать». С. 31.

¹⁰ Шатин Ю. В. Исторический нарратив и мифология XX столетия // Критика и семиотика. 2002. № 5. С. 100–108.

¹¹ Шатин Ю. В. Исторический нарратив и мифология XX столетия // <http://philology.ru/literature2/shatin-02.htm#4>

¹² Богданов К.А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 28.

заметно варьировалась у историков. В любом случае наблюдения К.А. Богданова лишний раз свидетельствуют об общих принципах работы советской системы, отражающихся в разных социальных полях.

Наиболее внимательно к проблеме советского исторического нарратива подошел С.Б. Крих¹³. Он обратил внимание, что до сих пор в историографии отсутствует анализ репрезентативной выборки советских историографических текстов. Исследователь указывает, что проблемы, возникающие при анализе советского исторического нарратива, можно разделить на два типа: технические и содержательные. В первом случае исследуются механизмы создания исторического текста (написание, апробация, цензура, редактура и т. д.), во втором — собственно его содержание.

С.Б. Крих делает чрезвычайно важные наблюдения над циклами развития советского исторического нарратива. Принято считать, что перестройка исторической науки, инициированная Сталиным в середине 1930-х гг., привела к отказу от «примитивной» социологизаторской модели историописания и возврату к традициям классической историографии, разумеется, в обрамлении марксистской теории. В действительности мы можем наблюдать отказ от радикальной, но «сильной» концептуальной программы 1920 — начала 30-х гг. и переход к достаточно примитивной нарративной истории, тем более встроенной в сталинскую идеологическую систему. Более того, автор отмечает, что советская историческая наука прошла этот путь еще раз в 1960-е гг., когда поиски путей обновления теории закончились возвратом к «сильной» фактологии и минимизации концептуальных дискуссий¹⁴.

Описанные наблюдения (предположения) привлекательны по целому ряду причин. Во-первых, они позволяют взглянуть на советскую марксистскую историографию 1920-х гг. не как на «черную дыру» или «детскую болезнь левизны», но как на полноценный (и даже цельный) историографический проект, обладавший немалыми потенциями. Во-вторых, выявляется определенная закономерность в советской историографии (шире — интеллектуальной жизни), с которой можно спорить, но которую следует

¹³ Крих С.Б. Унификация нарратива в советской историографии как исследовательская проблема // Советская историография всеобщей истории как научное творчество. М.: ИВИ РАН, 2023. С. 11–28.

¹⁴ Там же. С. 17–19.

апробировать о осмыслить на фактической базе. В-третьих, четко демонстрируется особенность «сталинского» исторического поворота.

Важнейшей проблемой С.Б. Криху видится унификация советского исторического нарратива. Историк, правда с определенной осторожностью, относит завершение этого процесса на послевоенное время. «Сильная» социология 1920-х гг. порождала «рискованные» высказывания и «воинственную» риторику, а унификация нарратива значительно смягчила их, сделав советскую историографию более конвенциональной и стандартизированной. Это наблюдение, по мнению С.Б. Криха, справедливо и в отношении 1930-х гг., на которые пришелся динамичный процесс унификации, когда заметно снижался уровень «воинственности» исторических текстов и их публицистичность.

С.Б. Крих полагает, что самой обоснованной на данный момент схемой развития советского исторического нарратива следует считать следующий вариант. В 1920-е гг. можно было одновременно наблюдать дореволюционный формат историописания и «„нового социализма“, наиболее ярко выраженного в работах М.Н. Покровского с их подчеркнуто историко-материалистической составляющей, выделением базовой идеи, вокруг иллюстрации которой строится все повествование»¹⁵. Важную роль в построении советского исторического нарратива 1920-х гг. играло «дораскрытие» Маркса.

В начале 1930-х гг., с точки зрения С.Б. Криха, происходит поворот. Однако он не носил одномоментного характера и скорее представлял собой «бомбардировку» научного сообщества рядом первоначально малосвязанных новаций. Среди новых установок выделяется: 1) окончательное утверждение прямолинейной теории исторического процесса; 2) кампания критики «социологизаторства» при одновременном сохранении фактологической «бедности»; 3) идентификация научной ошибки как политической и идеологической; 4) сохранение публицистичности научного спора; 5) появление и утверждение обязательных к использованию фраз и слов, маркирующих «правильный» подход¹⁶. Помимо этого, С.Б. Крих отмечает предпочтение самим Сталиным про-

¹⁵ Крих С.Б. Указ. соч. С. 31.

¹⁶ Там же. С. 31–37.

стых трактовок, что определяло их распространение в условиях господствовавшей политической системы. Простота объясниловой модели не только отражала личность вождя, но и должна была работать на массовую аудиторию.

В 1930-е гг. «полигоном» построения нового, «сбалансированного» нарратива стали учебники и обобщающие многотомные труды (которые автор маркирует как «метанарратив»). В новой версии советского исторического нарратива значительно больше места отводилось описательности. При общем усилении идеологического давления наблюдалось снижение политизированности споров. В новых условиях в исторической науке происходила смена «референтных» групп: на смену носителям революционной (экспериментальной) традиции приходит более компромиссная академическая элита.

С.Б. Крих делает вывод, что в сталинское время частично были реставрированы более архаичные формы историописания¹⁷. Во второй половине 1930-х гг. можно было наблюдать форсированный процесс нормотворчества (формирование конвенционального видения истории) в среде историков, происходивший под воздействием как внешних, так и внутренних факторов. Утверждение новых стандартов пришлось уже на послевоенное время¹⁸.

В итоге сформировались следующие черты советского историописания. Во-первых, принципиальный антагонизм с «буржуазными» историками. Во-вторых, враждебность «модернизаторской терминологии». В-третьих, переход к систематическому учету наследия классиков марксизма-ленинизма. В-четвертых, то, что С.Б. Крих назвал «усреднением». В-пятых, усиление фактологической составляющей¹⁹.

При оценке концепции С.Б. Криха следует учитывать ряд аспектов. Во-первых, это скорее «первое приближение» к теме советского исторического нарратива как важной проблеме. Во-вторых, основные наблюдения делались на материале советской историографии древности, то есть автор сознательно ограничился полем науки, точнее одним из его участков.

¹⁷ Крих С.Б. Указ. соч. С. 65.

¹⁸ Там же. С. 67–71.

¹⁹ Там же. С. 71–77.

Насколько описанная картина соотносится с представлениями авторов предлагаемой монографии? Следует сразу подчеркнуть, что в целом они совпадают. Похожие наблюдения можно сделать и выйдя за пределы тех предметных рамок, которые обозначил для себя С.Б. Крих. Тем более что в целом они вписываются в общую динамику развития советской культуры. Важным шагом представляется отход С.Б. Криха от дилеммы «историки „старой школы“» (читай — настоящие ученые) vs историки-марксисты и отказ от взгляда на последних как на носителей почти что «антиистории». Наоборот, исследователь отметил в исторической науке «ревущих» 1920-х гг. определенный потенциал для развития. В этом контексте нужно особо выделить важное наблюдение С.Б. Криха об откате после сталинского «исторического поворота» середины 1930-х гг. к более архаичным формам историописания, а не возврату к «нормальной» исторической науке, как это часто представляется.

Однако соображения С.Б. Криха неизбежно оставляют ряд вопросов и намечают перспективы дальнейших исследований. Во-первых, насколько указанные наблюдения можно распространить на советский исторический нарратив, понятый в широком смысле, то есть как презентацию истории не только в науке, но и культуре? Во-вторых, как представляется, в схеме С.Б. Криха недостаточно прописаны институциональные аспекты, повлиявшие на развитие советского исторического нарратива. Возможно, это следует объяснить абрисной формой его размышлений и назначением самого текста, носящего не итоговый, а постановочный характер.

Представленные в настоящей коллективной монографии исследования являются конкретно-историческим анализом форм и содержания советского исторического нарратива. Они демонстрируют взаимосвязь различных аспектов презентации прошлого, причем это наблюдение верно не только в отношении к экспериментальным 1920-м г., но и применительно к более поздним периодам. С одной стороны, в этом можно увидеть практики манипуляции историей и поиски способов усиления эффективности массовой пропаганды, но с другой — разглядеть наследие авангарда с его идеей тотального синкретизма.

В указанном контексте авторы не могли ограничиться сугубо научно-историческими текстами, но обращались к художествен-

ной литературе, точнее к произведениям, написанным в жанре исторического романа²⁰. Значительное внимание в монографии уделяется кино, ставшему новым, где-то по-настоящему революционным, инструментом презентации прошлого и его трактовки и придавшим всему советскому историческому нарративу яркое визуальное измерение. Благодаря кино советское историческое воображение 1920–30-х гг. оказалось максимально «осовремененным» и приближенным к зрителю. Разумеется, художественная литература и кинематограф являлись в гораздо большей степени, чем научная историография, проекцией реалий советского общества, стремившегося при помощи образов прошлого отразить актуальные культурные и политические тенденции своего развития.

Конкретно-исторический подход наглядно продемонстрировал, что анализ конструирования образов прошлого требует учета множества нюансов и переменных, а советский исторический нарратив по праву можно назвать «ребенком» не тольколастной элиты, но и ученых-историков, писателей, режиссеров и других деятелей культуры. Из-за этого в советском историческом нарративе так много открытых и еще больше скрытых противоречий, разглядеть которые не всегда получается при первом приближении. Кроме того, заметные повороты внутренней и внешней политики приводили к тому, что какие-то элементы становились более актуальными, а какие-то приглушались.

Последнее наблюдение заставляет поставить вопрос о целостности советского исторического нарратива. С одной стороны, общие для всех марксистско-ленинская парадигма и актуальные идеологемы должны были придавать ему единство и даже монолитность. Но, с другой — множество акторов, противоречия идеологии и ее эволюция, сложность самого материала и т. д. приводили к тому, что целостность была относительной. То же можно говорить и о том, насколько советская модель «производства» исторического знания была централизованной в общесоюзном масштабе. Действительно, союзный центр стремился, по крайней мере с 1930-х гг., выстроить более-менее контролируемую систему, но одновременно сохранялась заметная самостоятельность республиканских центров.

Авторы не претендуют на полноту реконструкции и анализа обозначенных тем и проблем и понимают, что не все важные сюжеты и вопросы нашли должное отражение в монографии. Тем не менее они надеются, что благодаря их работе наши представления о советском историческом нарративе станут полнее.

²⁰ О различиях между научной историографией и историко-художественной литературой см. Главу 1 настоящего издания.

Глава 1

ИСТОРИЧЕСКИЙ НARRATIV КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

B.B. Тихонов

Исторический нарратив: особенности и функционал

Сразу бы хотелось оговорить, что авторы не ставят перед собой задачу представить на суд читателей мало-мальски исчерпывающее решение проблемы исторического нарратива. В современных гуманитарных дисциплинах это понятие зачастую используется a priori и как будто не требует специального пояснения, что порождает множественность интерпретаций и фактически подтверждает установку Р. Барта на «смерть автора», упрощая процедуру многократного «прочитывания» одного и того же текста, причем научного, т. е. претендующего на прозрачность. Вряд ли такую ситуацию стоит признавать за норму, и авторский коллектив считает своим долгом хотя бы вкратце объяснить, что же понимается под ключевым концептом предлагаемого исследования. Говоря об историческом нарративе, авторы неизбежно ступают на почву постмодернистской эпистемологии и нарратологии, как воплощения того направления методологии истории, которое с особым вниманием ставит и анализирует эту проблематику.

Широкое проникновение понятия «исторический нарратив» следует напрямую связать с лингвистическим поворотом, охватившим гуманитарное знание в 1960–80-е гг¹. Кажется, особенно

«беззащитной» перед лингвистической интервенцией оказалась историография². Если в позитивистской теории истории прошлое представляло перед историком в многочисленных «остатках» (источниках), анализ и сравнение которых позволяли реконструировать «то, как все происходило на самом деле», то лингвистический поворот радикально поменял правила игры. В эпистемологической ситуации периода классической науки³ язык выступал посредником между объектом и исследователем (в исторической науке — между прошлым и историком), теперь язык рассматривался в качестве конструктора исторической реальности. Наиболее ярко такой подход воплотился в методологических трудах Х. Уайта и Фр. Анкерсмита. В том числе и их усилиями разрабатывалось такое направление в анализе историописания, как нарратологическая теория.

О взаимосвязи между языком и развитием культуры (ее историей) плодотворно рассуждали и представители тарту-московской школы семиотики. В их понимании «весь мир — текст»⁴. Таким образом, история — это текст событий и явлений, который считывается современниками и потомками⁵. Такой подход обосновывает роль текста (знаков) в истории культуры и одновременно принципиальное тождество исторической реальности и текста (в его широком понимании, как воплощения реальности). Признается особая роль коммуникации в поддержании смыслов и создании новых. То есть крайне важно, как считывается то или иное событие-текст.

¹ Potapova N.D. Лингвистический поворот в историографии: Учеб. пособие. СПб.: Издательство Европейского ун-та, 2015; и др.

² См.: Ankersmit F.R. Historiography and Postmodernism // History and theory: Contemporary Readings / Ed. by Br. Fay, Ph. Pomper and R.Vann. Oxford University press, 1998. P. 175–192.

³ В данной работе разделяется распространенная периодизация, построенная на основе противоречий объекта и субъекта познания. Выделяются классическая наука (XVII–XIX вв.); неклассическая (первая половина XX в.) и постнеклассическая (вторая половина XX в.). К проблеме соотношения классической и неклассической моделей науки мы еще вернемся, а пока отметим, что сущностной характеристикой классической науки является т. н. объектный стиль мышления, принципиально признающий возможность устранения субъекта (субъективности) из процесса познания и описание объекта в его данности (объективность).

⁴ Лотман Ю.М. Культура и языки // Лотман Ю.М. Чему учатся люди: статьи и заметки. М.: Центр книги Рудомино, 2010. С. 56–63.

⁵ Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. С. 12, 77 и др.

Широкое распространение получило понятие дискурса⁶, позволяющее легитимизировать и даже уравнять разноплановые формы презентации истории. В этой системе координат наука существенно ограничивает свои претензии на обладание истинным (или достоверным) знанием и низводится до научного дискурса, то есть одного из возможных дискурсов. Дискурсивный релятивизм давно стал проблемой (в том числе и социальной) познания, но в целом отражает модель постнеклассической модели науки, построенной на признании изменчивости бытия и познания, возможности смены многочисленных ракурсов исследования. В исторической литературе постнеклассическую теорию историописания принято рассматривать в контексте постмодернистской культуры. Для научной историографии ситуация постмодерна зачастую рассматривается едва ли не как экзистенциальный вызов⁷.

В этом контексте трансформируется и роль историка. Если ранее он метафорично представлял в роли живого «интеллектуального инструмента», при помощи своих навыков анализирующего и реконструиующего остатки прошлого, то теперь (в самой радикальной версии) он становился «создателем» или «медиумом» (в структуралистской интерпретации) дискурсов. То есть акцент сместился с процедуры по реконструкции прошлого «так, как оно было на самом деле» к его конструированию. По мнению ряда специалистов по исторической эпистемологии, историки не могут исследовать прошлое, но способны только конструировать его образы (дискурсы)⁸.

⁶ В гуманитарных и общественных науках понятие дискурса получило широкое хождение, но приобрело, как и нарратив, расплывчатые очертания и используется аргот. В данной работе под дискурсом понимается конструирование и структурирование (или уже их результат) реальности посредством языковых практик, определяемых социокультурной традицией. Языковые практики определяют мышление и, следовательно, действия человека и его понимание мира. См.: Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 427–441;

⁷ Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. 1996. М.: Наука, 1996. С. 25–36; Тощ Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь мир, 2000. С. 169–174; Румянцева М.Ф. Теория истории. Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 15–21.

⁸ Анкерсмит Фр. История и тропология: Взлет и падение метафоры. М.: Канон-плюс, 2009.

Авторы данной монографии отнюдь не поддерживают радикальные заявления о непреодолимом разрыве между исторической реальностью и ее научными интерпретациями⁹. Реальные трудности познания прошлого вполне вписываются в гносеологическую и онтологическую проблематику постнеклассической модели науки. Тем не менее аналитический инструментарий, разработанный в рамках лингвистического поворота, продемонстрировал свою эффективность, в особенности в ситуации, когда фокус смещается с научной функции исторического исследования к социокультурным и политическим контекстам исторического знания.

Как уже отмечалось, для предлагаемого исследования наибольее значимым из арсенала постмодернистской теории истории является понятие исторического нарратива. По ироничному замечанию Х. Уайта: «Современные историки обычно рассматривают „нарратив“ как своего рода нейтральный контейнер или форму, которая вмещает в себя факты, установленные в ходе исторического исследования, не оказывая особого влияния на их содержание»¹⁰. Между тем исторический нарратив не является только формой, но и выполняет функцию содержания. Сам отбор фактов и мыслей, «достойных» быть включенными в нарратив, создает ситуацию интерпретации и даже концептуализации. В этой связи уместно говорить об историческом нарративе как о конструируемой историком (или другими акторами) повествовательной целостности. По наблюдению Р. Барта, нарратив является своеобразным сплавом логики и темпоральности¹¹. Пока этого определения и приведенных характеристик достаточно.

Наиболее известным примером лингвистического поворота в историографии стала книга Х. Уайта «Метаистория» (пер-

⁹ Более того, мы поддерживаем идеи демаркационной линии между историей и литературой, предложенную еще Аристотелем, который считал, что историк и поэт «различаются тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй — о том, что могло бы случиться» (Аристотель. Поэтика. М.: Мысль, 1957. С. 67–68).

¹⁰ Уайт Х. Практическое прошлое. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 168.

¹¹ Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика. От структурализма к постструктурлизму. М.: Прогресс, 2000. С. 207.

вое англоязычное издание — 1973 г.)¹². В ней удачно сочетались теоретические выкладки автора и его анализ историописания и философии истории эпохи их расцвета в XIX в. Автор акцентировал внимание читателей на том, что принципы построения историографии ничем не отличаются от принципов построения повествовательного художественного текста. И там и там есть фабула, развитие сюжета и связь, используются общие риторические приемы (метафора, синекдоха, метонимия и ирония), тропы и т.д. В конечном счете историческая наука и философия истории не объясняют прошлое и тем более не открывают в нем законы человеческого развития, а могут претендовать только на интерпретацию посредством приемов, схожих с литературными. Эти наблюдения ставили под сомнение претензии историографии на научность и окончательную эманципацию от литературной традиции. При этом автор отмечает, что в культуре модерна сформировалось табу на смешение литературы и истории, что позволяло историкам и философам камуфлировать литературную сущность своих текстов. Более того, за каждым нарративом стоит предвзятая идеология.

Работа Х. Уайта заставила специалистов обратить внимание на такие особенности историографического текста, как его метафоричность, поэтичность, неопределенность терминологии, в конечном счете его нарративность. В одной из своих работ Х. Уайт отметил, что «поднять вопрос о характере нарратива — значит, осмыслить сам характер культуры»¹³.

Наиболее последовательно проблему исторического нарратива разрабатывал Фр. Анкерсмит¹⁴. Приведем по крайней мере часть его наблюдений, важную для нашего дальнейшего исследования. Он указывал, что исторический нарратив не является чем-то нейтральным по отношению к прошлому, а представляет собой его интерпретацию, состоящую из совокупности высказываний. Именно нарратив выполняет функцию придания единства

¹² Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: ЕГУ, 2002.

¹³ Цит. по: Мегилл Ал. Историческая эпистемология. М.: Канон плюс, 2009. С. 186.

¹⁴ На русском языке публиковались: Анкерсмит Фр. Нарративная логика. Семантический анализ языка историка. М.: Европа, 2003; Он же. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007; Он же. История и тропология: Взлет и падение метафоры. М.: Канон плюс, 2009.

разнообразию событий и явлений. По форме нарратив не обязательно должен иметь строго повествовательную структуру (с началом, серединой и концом).

Сcientistский историографический нарратив не тождествен художественной литературе, а историзм (принцип историзма) выполняет демаркационную функцию между ними. «Нарратив — это конструирование не того, чем прошлое могло бы быть, а нарративных интерпретаций прошлого»¹⁵, — уточняет автор. При этом Фр. Анкерсмит различает историческое исследование и историческое письмо. Важно и наблюдение о первичности историографии в презентации прошлого: «Историография создает нарративные интерпретации социоисторической реальности; литература применяет их»¹⁶. Анкерсмит подчеркивает, что нарративные интерпретации применяются к прошлому, а не отражают его. Отсюда следует тезис: «Язык нарратива автономен относительно самого прошлого»¹⁷, но нарративные интерпретации не могут быть произвольными¹⁸, однако факты в этой конструкции — лишь инструмент подтверждения логики нарратива¹⁹. Любопытны рассуждения Анкерсмита об особом нарративном пространстве, возникающем при столкновении конкурирующих нарративов. «Лучший исторический нарратив — это наиболее метафорический нарратив, исторический нарратив с самым большим пространством»²⁰, — отмечает автор.

Во многом, пусть и в более осторожной форме, с Анкерсмитом согласен другой специалист по исторической эпистемологии — Ал. Мегилл. Он признает, что нарратив не является простой формой презентации прошлого, а «имеет также и культурную силу»²¹. Нарратив — один из ключевых инструментов конструирования идентичности, поскольку и отражает, и формирует представления о мире.

Ал. Мегилл обращает внимание, что на протяжении XX в. на исторический нарратив было совершено по меньшей мере две

¹⁵ Анкерсмит Фр. История и тропология: Взлет и падение метафоры. С. 74.

¹⁶ Там же. С. 70.

¹⁷ Там же. С. 73, 212–213.

¹⁸ Там же. С. 75.

¹⁹ Там же. С. 75–76.

²⁰ Там же. С. 79.

²¹ Мегилл Ал. Историческая эпистемология. С. 174.

«атаки»: во-первых, историками, стремившимися отказаться от нарратива в пользу дальнейшей проблематизации предмета исторических исследований и переключения внимания с повествования на выявление и изучение структур; во-вторых, критиками непрерывности (четкой хронологии) нарратива²². По мнению Ал. Мегилла, нарратив имеет четыре составляющие: описание (дескрипцию) определенного аспекта исторической реальности; ее объяснение; обоснование предложенного вывода и, наконец, собственно интерпретацию.

Важно отметить, что в гуманитарной мысли утвердилась идея иерархии нарративов. Так, Ж. Лиотар выдвинул понятие метанарратив, подразумевая под этим нарративы, которые выполняют функцию социокультурных доминант, определяющих содержание и логику более локальных нарративов. Лиотар связывал господство метанарративов с обществом модерна, противопоставляя этому ситуацию постмодерна, характеризующегося стремлением к деконструкции таких метанарративов²³. В модерном обществе межвоенного периода (в том числе и советском), склонном к унификации и контролю, такие мастер-нарративы являлись идеологическими и культурными доминантами, их целенаправленно конструировали и навязывали.

Таким образом, выстраивается иерархия уровней нарратива (снизу вверх): «1) собственно нарратив; 2) мастер-нарратив, или синтез, претендующий на статус авторитетного сообщения об определенных сегментах истории; 3) большой нарратив, претендующий на статус авторитетного сообщения об истории вообще; и 4) метанарратив (наиболее часто понимаемый как вера в Бога или в рациональность, имманентную миру), который служит для того, чтобы оправдать большой нарратив»²⁴.

Суммируя описанные выше достижения исторической (историографической) нарратологии, можно выделить ряд важных наблюдений и выводов. Во-первых, исторический нарратив не является нейтральной формой презентации исторической реальности, а выполняет функцию интерпретации. Во-вторых, исторический нарратив отражает сложившуюся социокультур-

ную ситуацию и способен влиять на нее, становясь действенным инструментом преобразования реальности. В-третьих, исторический нарратив выполняет функцию придания целостности. В-четвертых, исторический нарратив только опосредованно отражает прошлое, его язык автономен и во многом определен современностью, что делает нарратив эффективным идеологическим инструментом. Фактически нарратив становится презентацией идеологии. В-пятых, нарративная реальность иерархична и распадается на мета(мастер/большие)нарративы и более локальные формы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ: СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В постмодернистской эпистемологии нарратив обладает высокой степенью автономности. Фактически он деперсонализирован и выступает в роли самостоятельной силы, или самостоятельного героя, если воспользоваться теорией метафор Х. Уайта. Между тем такой подход не позволяет увидеть за нарративом социально-политические интересы, борьбу различных политических, социальных и профессиональных групп за его содержание и интерпретации. Поэтому в данной работе предлагается дополнить нарративную теорию теорией социальных полей, разработанной классиком т. н. pragматической социологии П. Бурдье. Социолог специально занимался проблемами функционирования литературы и науки как особых социальных полей. В контексте нарратологической концепции о принципиальной схожести структуры историографического и литературного текстов эти наблюдения имеют немалую ценность.

П. Бурдье отмечает ограниченность анализа литературы как своеобразной «вещи в себе». Он подчеркивает, что игнорирование социального измерения производства текстов не позволяет адекватно понять ни процесс их создания, ни результат, ни их рецепции. Также он отмечает, что содержание и значимость текста становятся понятными только после выявления сложной социальной системы, в рамках которой они создавались и бытуют.

Согласно концепции П. Бурдье, социальное пространство делится на поля, обладающие автономностью. Внутри поля скла-

²² Мегилл Ал. Историческая эпистемология. С. 182.

²³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.; СПб.: Алетейя, 1998. С. 10–11.

²⁴ Мегилл Ал. Указ. соч. С. 269.

дается своя иерархия и диспозиции, и за доминирование в поле идет борьба, определяющая ее состояние и развитие. Однако есть нюанс. Иерархия поля определяется не только внутренними факторами, но и внешними. От их соотношения и зависит уровень автономии: «Степень автономности поля производства культуры зависит от того, насколько внешний (гетерономный) принцип иерархизации подчинен внутреннему (автономному) принципу иерархизации. Чем автономнее поле, тем более благоприятен баланс символической власти для независимых от спроса производителей и тем четче граница между полюсами поля»²⁵. И еще: «Чем автономнее поле, тем жестче негативные санкции (дискредитация, «отлучение» и т. д.), применяемые к гетерогенным практикам, таким как прямое подчинение политическим директивам или даже эстетическому или этическому спросу...»²⁶. П. Бурдье признает, что в разные исторические периоды и в разных национальных традициях автономность варьировалась.

Поскольку для интеллектуальных групп (в том числе людей искусства и науки) ключевым является не материальный, а символический капитал (признание, слава, символические награды, цитируемость, тиражи книг и т. д.), то в их полях борьба идет именно за него. В этом случае взаимодействие литературы и истории следует рассматривать как соприкосновение полей и появление т. н. гетерономных практик, т. е. нарушающих гомогенную автономность поля и формирующих точки напряжения двух полей, в данном случае научного и литературного (П. Бурдье разворачивает свою концепцию на примере литературного творчества, но дает понять, что она применима и к другим видам искусства и культурного производства)²⁷.

Несмотря на признание общей логики построения нарратива в исторической науке (историографии), литературе и (с определенными оговорками) кино, следует учитывать, что историческая наука в целом развивается по принципам научного поля и стремится институционализировать и поддерживать свои дисциплинарные границы. Для понимания принципов взаимодействия

²⁵ Бурдье П. Поле литературы // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2014. С. 372.

²⁶ Там же. С. 377.

²⁷ Бурдье П. Поле литературы. С. 365–472; Бурдье П. Поле науки // Там же. С. 473–517.

полей в социологии П. Бурдье важна концепция агентов, выполняющих роль модераторов. В их роли могут выступать управляемые, бюрократы, а в идеократических режимах и идеологи.

На практике это выглядит следующим образом. Написание исторического романа воспринимается историками как «вторжение» на их поле, поэтому те считают себя вправе предъявлять художественному по сути тексту набор требований, характерных для исторического исследования (принцип историзма, опора на методически правильно интерпретированные источники и верифицированные факты и т. д.). В свою очередь, литераторы в целом склонны принимать эти правила игры, но оставляют за собой пространство для художественной интерпретации и вольного обращения с фактами. В этой ситуации историки считают себя единственными квалифицированными критиками, но литераторы предпочитают апеллировать к другим, более им близким, акторам: к литературным критикам, читателям, наконец, власти. Тем самым возникал не только конфликт полей, но и их соперничество в конструировании исторического нарратива.

ПРАКТИЧЕСКОЕ / ПОЛЕЗНОЕ ПРОШЛОЕ

Обращение к pragматической социологии перекидывает своеобразный мостик к концепциям pragматического присвоения прошлого. Без них в исследовании, посвященном тому, как образы прошлого используются в идеологической повестке не обойтись. В историософии XIX — начала XX в. история обладала собственной субъектностью и властью над обществом и человеком. В.О. Ключевский патетически заявлял: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Считалось, что игнорирование ее законов чревато катастрофическими последствиями, поэтому все стремились, во-первых, открыть эти самые законы, во-вторых, следовать им. Оглядываясь назад и видя выженный ландшафт «эпохи катастроф» начала XX в., хочется связать: то ли законы были открыты не те, то ли следовали им плохо.

XX век оказался куда pragматичнее по отношению к истории. Американский литератор и общественный деятель Ван Вик Брукс (1886–1963) на излете Первой мировой войны призывал американцев создать собственное «полезное прошлое» (usable past),

«живительное» и способствующее процветанию Америки. В теории историописания проблема использования прошлого в интересах различных социально-политических сил получила постоянную прописку²⁸.

Многократно цитируемый выше Х. Уайт с большим энтузиазмом воспринял идею М. Оукшотта о разделении истории на «историческое прошлое» и «практическое прошлое»²⁹. Если первое можно рассматривать как реконструкцию прошлого, «прошлое профессиональных историков», то второе — это прошлое, на которое опираются в современности социальные группы и конкретные индивидуумы для того, чтобы принимать решения в настоящем. Именно нарратив становится наиболее «полезной» формой и одновременно презентацию «практического прошлого»³⁰. Высшей ступенью такой pragmatики является политика памяти (историческая политика)³¹. В контексте изучения исторического нарратива анализ исторической политики позволяет понять принципы его «наполнения».

Таким образом, методологическим фундаментом предлагаемого исследования стали нарратология и pragmatическая социология науки, дополненные особым вниманием к идеологическому контексту. Возможно, в этом можно увидеть своеобразного теоретического «кадавра», механически объединяющего противоречавшие друг другу подходы. И действительно, при изучении исторического нарратива большая часть внимания уделяется «текстовой» (в широком понимании) стороне вопроса. Социальные и даже политические аспекты вопроса зачастую оказываются на периферии исследовательского внимания. Между тем даже в трудах наррато-

логов можно легко обнаружить признания в необходимости учитьывать идеологический и даже социальный контексты. Не говоря уже о П. Бурдье, сомневавшегося, что без анализа указанных контекстов вообще возможно что-то понять.

Авторы отдают себе отчет, что далеко не всегда удастся последовательно реализовать намеченную методологическую программу. Однако ее описание позволяет говорить об обретении определенной теоретической рамки, позволяющей «схватить» такое противоречивое и парадоксальное «историческое воображение» раннесоветской эпохи 1920–30-х гг.

²⁸ Обзор см.: Сафонова Ю.А. Историческая память: Введение. Учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского ун-та, 2019. С. 190–202.

²⁹ Оукшотт М. Деятельность историка // Оукшотт М. «Рационализм в политике» и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 142.

³⁰ Уайт Х. Практическое прошлое. М., 2024.

³¹ В современной литературе идут дискуссии об объеме понятий «политика памяти» и «историческая политика». По мнению авторитетного исследователя проблем исторической политики А.И. Миллера, историческая политика — частный случай политики памяти и представляет собой особую конфигурацию методов, предлагающую «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» (Miller A.I. Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: Сб. ст. / Под ред. А.И. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 19).

Глава 2

ТВОРЦЫ СОВЕТСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО НARRATIVA

B.B. Тихонов

Отцы-основатели: Маркс, Энгельс

В 1921 г. при ЦИК СССР был создан Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Уже в 1923 г. начал работать и Институт В.И. Ленина при ЦК ВКП (б). В 1931 г. их объединили в Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП (б) (ИМЭЛ). После смерти Сталина к перечню классиков марксизма-ленинизма был добавлен и он. Теперь учреждение носило название Институт Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина (ИМЭЛС). Так было до 1956 г., пока Сталина не разоблачили на XX съезде КПСС¹.

Приведенная выше справка не случайна. Она наглядно демонстрирует, что именно идеи перечисленных мыслителей определяли содержание советского исторического нарратива. Совокупность идей классиков марксизма, среди которых предпочтение (пусть и не артикулируемое) отдавалось Ленину, формировала концептуальный каркас советского марксизма².

В данной главе нет необходимости детально реконструировать исторические взгляды основоположников марксизма и их наследников. Тем не менее без хотя бы краткого описания особенностей их исторических взглядов и практик историописания вряд ли получиться понять советский исторический нарратив как определенную целостность. Именно они создавали т. н. мастер-нарра-

¹ История Института см.: *Мосолов В.Г. ИМЭЛ — цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921—1956.* М.: Новый хронограф, 2010; *Мухамеджанов М.М. От власти идеи к идее власти. Из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.* М.-СПб.: Нестор-история, 2018.

² Об советском марксизме см.: *Marcuse G. Soviet Marxism: A Critical Analysis.* New York, 1969.

тив, определявший направление и содержание нарративов более низкого уровня.

Если рисовать некую идеальную и статичную марксистскую модель истории, то можно указать на несколько ее ключевых (практически инвариантных) элементов. Определяющим в марксизме становился материалистический подход и, следовательно, материалистическое понимание истории,вшедшее воплощение через концепты формация, базис и надстройка и т. д. Двигателем развития оказывалась классовая борьба. Марксизм не был единым идеяным течением, наоборот в нем всегда находилось место для самостоятельного анализа и теоретизирования. Однако в советской историографии, благодаря отсечению противоречий, идей конкурентов по социалистическому движению, произошло конструирование более-менее непротиворечивой парадигмы, имевшей мифологизированную, но стройную схему генезиса и итогового состояния. Фактически строилась следующая «генеалогия»: Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин (до развенчания «культы личности»).

Начнем с Маркса³. Для понимания его исторической концепции и нарратива следует учитывать эпоху, в которой они возникла. Во-первых, это период т. н. классической науки, когда существовала вера в принципиальную познаваемость мира и его стабильность как объекта исследования. Во-вторых, это время т. н. больших нарративов, т. е. попыток (как идеалистических, так и материалистических) предложить всеохватывающую картину и объяснение развития человечества. В-третьих, XIX в. стал периодом глобальной трансформации мира, становления капиталистической модели экономики и развития индустриального общества со всеми его противоречиями и конфликтами. Примерно к середине XIX в. можно говорить о кризисе либерального проекта переустройства общества и поиска новых вариантов, одним из которых и стал социализм. В-четвертых, стержнем почти всех социальных концепций и учений эпохи являлась вера в прогресс и могущество человеческого разума.

³ Мы отдаляем себе отчет в том, что взгляды Маркса имели значительную динамику и рассмотрение их в статике не вполне корректно. Однако данная работа на ставит своей целью реконструкцию исторических взглядов Маркса, а приводит их в той степени, в какой это необходимо для описания контекста генезиса советского исторического нарратива. Также авторы не в силах учесть огромное количество специальной литературы, посвященной Марксу и марксизму.

Возникнув в атмосфере все еще сильных религиозных традиций и одновременно проходившей секуляризации сознания, учение Маркса оказалось сплавом рационального осмыслиения мира, пафоса его обновления и почти религиозного ожидания будущего⁴. Маркс создал нарратив, устремленный в будущее. В его прогнозах мир капитализма, мир эксплуатации, неравенства и дискредитации будет побежден более совершенным и рациональным миром социализма. Если в предыдущей историографической традиции роль метанаarrativa выполняла вера в Бога или прогресс, то для Маркса эту функцию выполняла вера в наступление коммунизма. Соответственно, такой прогрессистский ракурс предполагал критический взгляд на человеческую историю. И действительно, Х. Уайт отметил, что Марксу исторический процесс кажется «панорамой греха и страдания»⁵. Мировая история предстает драмой бесконечного грабежа господствующими классами угнетенных, и особенно это характерно для капитализма⁶.

Однако это уже не религиозная и не идеалистическая картина, поэтому на смену личности приходят классы, формации, орудия производства и т. д. То есть происходит радикальная смена исторических субъектов. Настоящим «Прометеем» нового мира должен был стать пролетариат⁷. Важным элементом марковской историософии являлась мысль, идущая, видимо, от Гегеля, о том, что смена эпох происходит через насилие. В гегелевской схеме санкцию на насилие получает герой/мировая историческая фигура, резонирующая мировой дух. У Маркса такой санкцией наделяется именно пролетариат, должны при помощи революции сбросить оковы эксплуатации и построить новый мир⁸. Описанная установка требовала особого внимания к истории классового сопротивления, революций и рабочего движения.

⁴ Отсюда его знаменитая метафора из книги «18 брюмера Луи Бонапарта» (1852) о том, что «традиция всех умерших поколений как кошмар тяготеет над мозгом живущих».

⁵ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: ЕГУ, 2002. С. 325.

⁶ Нечкина М.В. Читая Маркса... М.: Мысль, 1984. С. 121.

⁷ Булдаков В.П. Марксизм, Ленин, революция: метаморфозы великой легенды // Российская история. 2020. № 2. С. 5.

⁸ Тернер Фр. Европейская интеллектуальная история от Руссо до Ницше. М.: Кучково поле, 2016. С. 185.

По Марксу, знание должно тесно переплетаться с практикой. Если многие мыслители XIX в. видели важнейшую функцию истории в примирении с действительностью через понимание того, что сложившаяся реальность есть следствие длительного исторического развития и, тем самым, ее нельзя просто так перестраивать, то Маркс рассматривал науку и историческое сознание как инструменты преобразования мира и человеческого освобождения⁹. Отсюда в советский научный дискурс перекочует лозунг связи теории с практикой.

Для исторического нарратива Маркса важно разделение исторического процесса на базис (грубо говоря, материальное производство, производственные отношения) и надстройку (не-экономические сферы). В этой схеме диалектично соседствуют прогресс и регресс. Прогресс в технологиях и организации производства соседствует с усилением эксплуатации. Кроме того, например, в сфере надстройки прогресс в интеллектуальной сфере уживается с ростом деспотизма.

Маркс стал главный отцом-основателем не только коммунистической доктрины, но и критической теории в социальной мысли. Его утверждение о том, что за сложившимися социально-политическими порядками лежит не божественное пророчество или исторически сложившееся (а значит — разумное) устройство мира, а классовая борьба, которую правящие классы тщательно скрывают за фасадами религии, своих политических доктрин и т. д., стало мощным толчком в критическом пересмотре окружающей реальности и ее переосмысливании. Идеология объявила «ложным сознанием», а в понимании Маркса классовые интересы и конфликты пронизывали бытие человечества на всех уровнях¹⁰. Создавалась установка, согласно которой за социальными практиками, интеллектуальным продуктом и тем более политическим решением следует искать классовую заинтересованность.

Необходимо подчеркнуть, что марксизм, с его установкой на анализ структур, критикой видимой стороны общественного бытия, стремлением поставить под сомнение существующий порядок вещей и т. д. объективно «разрушал» нарративное исторописание. Однако, как продемонстрировал Х. Уайт, ему отнюдь не

⁹ Уайт Х. Метаистория. С. 329.

¹⁰ Карлос Антонио Агирре Рохас. Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М.: Кругль, 2008. С. 70–72.

была чужда нарративная логика. Более того, Маркс часто прибегал к литературным приемам, чтобы усилить убедительность своих рассуждений.

Особо стоит отметить стиль Маркса, наполненный сарказмом и даже острой сатирой, то есть стилистические приемы, рас считанные на эмоции, ему не чужды¹¹. По выражению историка М.В. Нечкиной, «Капитал» «насыщен величайшим страстным классовым гневом»¹². Последователи отца-основателя часто пытались копировать этот стиль, но в конечном счете все свелось к воспроизведению определенного набора позаимствованных риторических формул.

Энгельс во многом дополнял общую концепцию Маркса, заполняя те или иные тематические «пустоты» большого марксистского нарратива. В частности, именно Энгельс разработал вопросы генезиса человеческого общества, его социальной структуры и появления государства, то есть то, что станет отправной точкой в марксистском историческом нарративе, по крайней мере при построении его хронологически выверенной версии¹³.

Современный исследователь С.Б. Крих отмечает следующую примечательную черту построений Маркса и Энгельса: «...Превалирование логического рассмотрения над фактическим, что предполагает отношение к историческим фактам как к составным частям логических формул»¹⁴. Фактически из массива фактов выхватываются только те, которые вписываются в схему, а дедуктивный подход вытесняет индуктивный.

Нельзя сказать, что Россия находилась в центре внимания основателей марксизма, но и утверждать, что она была полностью обойдена ими, тоже не приходится. Из разрозненных замечаний и реплик, разбросанных по сочинениям и в частной переписке, советским историкам суждено было собрать как пазл более или менее целостный образ истории России.

¹¹ На это обратила внимание еще в 1920-х гг. М.В. Нечкина. См: Нечкина М.В. «Капитал» Карла Маркса как художественное целое: К 60-летию выхода в свет I тома «Капитала» // Печать и революция. 1927. Кн. 5. С. 5–21; *Она же*. Литературное оформление «Капитала» // Пролетарская революция. 1931. № 5/6. С. 94–116.

¹² Нечкина М.В. Читая Маркса... С. 123.

¹³ Об этом см.: Крих С.Б. Образ древности в советской историографии. М.: URSS, 2013. С. 34–71.

¹⁴ Там же. С. 68.

Маркс проявлял интерес к деятельности Петра I, видя в нем основателя российского великодержавия. Разумеется, негативное отношение отца-основателя марксизма к созданной Петром Российской империи, продолжительное время являвшейся «жандармом Европы», экстраполировалось и на фигуру Петра. Именно в его деятельности Маркс стремился найти истоки и объяснение действий России на международной арене. Изучая в Британском музее памфлеты современников Северной войны, он пришел к выводу, что именно в Петровское время и была создана дипломатическая система Российской империи, во многом позволявшая ей поддерживать статус великой державы.

Много внимания «русской теме» и непосредственно Петру I было уделено Марксом в «Тайной дипломатической истории XVIII века» (“Secret diplomatic history of the eighteenth century”; другой перевод названия: «Разоблачение дипломатической истории XVIII века»), вышедшей в 1856–1857 гг. на английском языке¹⁵. Петр представлял здесь как правитель, порвавший с традиционной изолированностью «славянской расы» от моря и следовавший лозунгу «России нужна вода». Завоевание Балтийского побережья рассматривалось Марксом как приобретение того, что было необходимо для «естественного развития страны». Создание Санкт-Петербурга, расположенного слишком близко к границам, стало вызовом для европейцев и стимулом для России в дальнейших завоеваниях, поскольку столицу требовалось обезопасить, отодвинув границу как можно дальше от нее. Появление новой столицы, включившей Россию в систему европейских государств, имело далекоидущие последствия: «Если московитские цари, осуществлявшие свои захваты, главным образом используя татарских ханов, должны были татаризовать Москвию, то Петр Великий, который решил действовать, используя Запад, должен был цивилизовать Россию»¹⁶. По мнению Маркса, Россия выработала слаженную систему «воздействия» на Европу, обладая необходимыми для морских держав товарами (в первую очередь речь о лесе и пеньке). Маркс отмечал особую роль остзейских немцев в «цивилизации» русской бюрократии и армии. Они придавали российской военно-бюрократической системе так не хватавших

¹⁵ Историю создания см.: Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 3–11.

¹⁶ Вопросы истории. 1989. № 4. С. 13.

ей компетенций. Известность получило высказывание Маркса о том, что «Петр Великий варварством победил русское варварство».

Энгельс в работе «Внешняя политика русского царизма» (1890) высоко оценил Петра: «Этот действительно великий человек, — великий совсем не так, как Фридрих „Великий“, послужный слуга преемницы Петра, Екатерины II, — первый вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе. Он ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики как по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше... так и по отношению к Германии. Германия занимала Петра больше, чем какая бы то ни было другая страна, за исключением Швеции»¹⁷. При этом Энгельс подчеркивал, что Петр проводил агрессивную внешнюю политику, принципы которой достались по наследству его преемникам, развернувшим активную деятельность по укреплению могущества Российской империи, достижению мирового господства и насаждению политической реакции в Европе. Безусловно, высказывания классиков марксизма трудно рассматривать в качестве полноценных аналитических исследований. Однако в будущем для советских историков они стали ориентиром¹⁸.

В.И. Ленин

В формировании марксистского нарратива русской истории ключевую роль сыграл В.И. Ленин. Г.В. Плеханов¹⁹, также немало внимания уделявший проблемам истории, «абсолютным» классиком не считался. Однако признавалось, что его идеи оказали огромное влияние на Ленина²⁰. Ориентация на мировое социа-

¹⁷ Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.: в 29 т. 1-е изд. М.: Государственное издательство, 1936. Т. XVI. Ч. 2, 12. С. 20.

¹⁸ Сводку высказываний и оценок ситуации в России см.: Нечкина М.В. Карл Маркс о России (К 150-летию со дня рождения Карла Маркса) // Ежегодник германской истории. 1969. М., 1970. С. 11–30.

¹⁹ О его политических и исторических взглядах см.: Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М.: Наука, 1997.

²⁰ В частности, М.Н. Покровский именно Г.В. Плеханову приписывал разработку «марксистской социологии» применительно к русскому материалу: Покровский М.Н. Ленин и Маркс как историки // Правда № 92. 22.04.1926.

листическое движение и европейскую интеллектуальную традицию стала предпосылкой особого интереса Ленина к европейской истории. Именно европейские сюжеты преобладали в его исторических экскурсах²¹.

Здесь нет нужды воспроизводить оценку тех или иных событий прошлого и современности, данные Лениным²². Как правило, исследователи отрицают наличие полноценной ленинской научной версии истории, однако совокупность его концепций, оценок и высказываний образуют вполне целостную картину. По наблюдениям А.А. Овсянникова, для ленинской концепции истории присущи следующие положения: «Абсолютная верность всех частей теории марксизма; способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни; исторический прогресс есть революционная смена одной формации другой, причем капиталистическое общество неизбежно превращается в социалистическое; история общества является борьбой классов, особенно с появлением пролетариата; будущий прогресс связан с исторической миссией пролетариата»²³.

От Ленина в советскую историческую мысль перешли многие принципы подхода к истории, определению ее функций и места в социально-политической практике. Так, решительно отвергался присущий классической историографии принцип нейтральности (объективности)²⁴. Коммунистическая партийность объявлялась основой исторического анализа. Поскольку теория и практика в марксизме были неразрывны, то именно коммунистическая

²¹ Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Ленин и Сталин как историки: сравнительный анализ взглядов // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 3. С. 625.

²² См., например: Городецкий Е.Н. В.И. Ленин — основоположник советской исторической науки // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М.: Наука, 1966. С. 23–137.

²³ Овсянников А.А. Эпоха в советской исторической науке: В.И. Ленин // Историческая наука России в XX веке. М.: Скрипториум, 1997. С. 59.

²⁴ В отношении книги известного историка Р.Ю. Виппера Ленин писал: «Пересказывая главные результаты современной науки, автор не только не воюет с предрассудками и с обманом, которые составляют оружие церкви как политической организации, не только обходит эти вопросы, но заявляет прямо смешную и реакционнейшую претензию подняться выше обеих «крайностей»: и идеалистической, и материалистической. Это — прислужничество господствующей буржуазии, которая во всем мире сотни миллионов рублей из выжимаемой ею с трудающихся прибыли употребляет на поддержку религии»: Ленин В.И. О значении воинствующего материализма (1922) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. М., 1970. С. 27.

партийность рассматривалась в качестве абсолютно объективного подхода, давая взглянуть на историю «с точки зрения тех, кто ее творит»²⁵.

В таком восприятии истории прошлое, настоящее и будущее неразрывно связаны. Отсюда современность оценивалась как продолжение истории и следующий шаг к будущему (победе пролетариата и построению коммунизма). «Ленинский» подход позволял отказаться от радикального модернистского отрицания прошлого (Фр. Ницше) и представлений позитивистов о том, что историк может изучать только те процессы, которые нашли свое завершение (такую точку зрения высказывал, в частности, В.О. Ключевский).

В советской политической системе сложился настоящий культ Ленина²⁶. Последователи должны были сверять свои действия и мысли с его идеями, которые были объявлены особым направлением марксизма — «ленинизмом». Сразу после смерти Ленина началась борьба за его наследие, и от того, кто оказывался более правоверным «ленинцем», зависел успех во внутрипартийной борьбе. Не случайно Сталин назвал сборник своих главных трудов «Вопросами ленинизма»²⁷. Л.Д. Троцкий в скандальных «Уроках Октября» (1924) стремился сгладить свои разногласия с Лениным в 1917 г.

Особенностью марксизма как объяснительной модели (или доктрины, если учитывать практическую сторону марксизма²⁸) является тотальность (точнее, претензии на это) охвата всех сторон человеческого бытия. Это предполагает высочайший уро-

²⁵ Такой комплимент В.И. Ленин выдвинул насчет Маркса и его анализа истории Парижской коммуны. См.: *Ленин В.И.* Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману (1907) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 14. М.: Политиздат, 1972. С. 379.

²⁶ См.: Энкнер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М.: РОССПЭН, 2011.

²⁷ Здесь Сталин давал довольно расплывчатое и сумбурное определение того, что такое ленинизм: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности» (Сталин И. Об основах ленинизма (1924) // Stalin I. Вопросы ленинизма. 9-е изд., доп. М.: Госполитиздат, 1933. С. 6).

²⁸ Об этом см. рассуждения Н.И. Бухарина: *Бухарин Н.И.* Учение Маркса и его историческое значение (Опыт теоретической характеристики) (1933) // Бухарин Н.И. Избранные труды. Л.: Наука, 1988. С. 120.

вень теоретического обобщения и доминирование логического объяснения над описательным (дискрептивным), то есть здесь существовали четкая шкала и иерархия фактов и проблем. Это приводило к ситуации, в которой содержание марксистского исторического нарратива определялось априорно. Надо признать, что такое свойство присуще любой парадигме (воспользуемся здесь понятием Т. Куна), но в марксизме это свойство многократно усиливалось его претензией на практическую применимость, поскольку требовало обращения к тому материала/предметной области, которая будет способствовать построению социалистического общества.

Кроме того, в марксизме господствовала установка на то, что сами по себе исторические факты мало что значат (хотя их относительная ценность не отрицалась), их следует объяснять и встраивать в широкую концептуальную картину. По наблюдению С.Б. Криха, постоянное обращение к трудам классиков определялось не только идеологическими установками, но и свойствами марксизма: «...Марксистский историк обречен на то, чтобы постоянно апеллировать к теоретической основе, представленной базовыми классическими трудами — она помогает ему чувствовать психологическую защищенность перед разнообразием фактов... Обязательность отсылок к классическим трудам марксизма в советской историографии была не только идеологическим насилием, но и логической необходимостью. Тем самым отсылка к классике, в силу своей неизбежности, обретает самостоятельный вес, сопоставимый с силой цитаты из главной книги в вероучительном произведении»²⁹. Таким образом, труды классиков становились мастер-нарративом советской историографии.

В этой связи напрашивается вопрос: насколько советские историки могли предложить что-то оригинальное по сравнению с классиками? «Пространство для маневра» у них оказывалось не таким уж и ограниченным. Во-первых, признание того, что классики обладали «истиной», не отменяло того, что их труды требовалось интерпретировать. Современный исследователь Л.А. Сидорова отмечала, что для первого поколения историков-марксистов был присущ относительно творческий подход к марксизму³⁰. Это

²⁹ Крих С.Б. Образ древности... С. 69.

³⁰ Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений. М.: ИРИ РАН, 2008.

объясняется не только творческим потенциалом советских интеллектуалов, но и тем фактом, что официозное толкование наследия классиков только-только складывалось. Корпус канонических текстов классиков только формировался в виде многотомных собраний сочинений, а институции (например, тот же ИМЭЛ), наделенные правом контроля за соблюдением официальных рамок, еще только разворачивали свою работу. Например, определяющую для советской историографии 1920-х — первой половины 30-х гг. концепцию «торгового капитализма» М.Н. Покровского вполне можно рассматривать в качестве оригинальной версии марксизма³¹.

Во-вторых, существовало немало концептуальных и тем более фактографических «пустот» в самом наследии признанных классиков. При всем стремлении к «тотальности» они не могли (да и не собирались) охватить всех вопросов мировой истории. Это оставляло пространство для маневра при решении конкретно-исторических проблем и построении концепций для конкретных случаев³².

В-третьих, до конца 1920-х гг. внутри большевистской партии продолжалась если не идеяная борьба, по крайней мере сохранялся определенный плюрализм мнений, что создавало предпосылки для некоторой вариативности и в общественных дисциплинах.

СТАЛИН И СОВЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ НARRATIV

Среди классиков Сталин занимал особое место. Во-первых, статус классика он приобрел далеко не сразу и долгое время позиционировался как сильный практик, а не теоретик. Его взлет как «теоретика» происходил параллельно утверждению личной власти, поэтому его активные «интервенции» на идеологическом

³¹ Сам М.Н. Покровский, в первую очередь в защитных целях, называл себе всего лишь продолжателем В.И. Ленина, хотя и давал понять, что разработал свою концепцию независимо от Ленина. См.: Покровский М.Н. ленинизм и русская история // Труды Первой всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. I. М.: Изд-во Ком. акад, 1930. С. 301–317.

³² Дмитриев А.Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. 2007. № 6 (88). С. 10–38.

фронте начались уже на рубеже 1920–30-х гг.³³ И это не случайность. Stalin почувствовал себя уверенно в статусе лидера партии и одновременно неуверенно в качестве ее теоретика. Чтобы не вступать в конкуренцию с яркими теоретиками и публицистами (в первую очередь с Троцким), он выбрал стратегию верного ученика и последователя Ленина, занимающегося только осмыслением наследия классиков. Наверное, можно сказать, что если Энгельс был соратником и продолжателем Маркса, то Stalin стремился занять (пусть скорее идеологически) это же положение по отношению к Ленину.

Обращение к истории носило и отчетливый практико-идеологический вектор. С одной стороны, перед нами стремление утвердить желаемый для него образ прошлого, превратив историю с источником легитимности власти самого Сталина. С другой — на рубеже 1920–30-х гг. проходит серия дискуссий (исторических, философских, политэкономических, политических). Нередко они кажутся мало связанными друг с другом. Однако в реальности эти дискуссии должны были определить проектное будущее советского общества. Поэтому участие в них являлось для Сталина и конструированием системы «под себя», и определением ее перспектив в меняющемся мире, и решением встающих проблем, наметками дальнейших задач и т.д. Фактически это являлось продолжением внутрипартийной борьбы за определение дальнейшего развития советского проекта после того, как надежды на мировую революцию рухнули. Как отметил современный исследователь М.В. Зеленов, Stalin перенес в сферу общественных наук и культуры внутрипартийные практики дискуссий и санкций проигравшим³⁴.

Во-вторых, Stalin позиционировал себя в качестве верного ученика Ленина и внешне никогда не дискутировал со своим учителем. Поэтому в «концептуальной стратегии» Сталина несколько смешались векторы по сравнению с западными марксистами. Он апеллировал не столько к Марксу, сколько к Ленину, при этом нередко изменяя акценты по сравнению с установками своего наставника.

³³ И.В. Stalin. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Часть I. 1920–1930-е годы / Сост. М.В. Зеленов. М.: Наука-Питер, 2006. С. 70–73.

³⁴ Там же. С. 72.

В-третьих, в отличие от Маркса, Энгельса и Ленина, для Сталина был характерен не проблемно-концептуальный, а нарративный подход к истории. Наглядно это проявилось, когда Сталин в середине 1930-х гг. волевым решением переориентировал всю советскую историографию с концептуальных схем на исторический нарратив.

Известный советский историк, автор фундаментальной «Русской историографии» (1941) Н.Л. Рубинштейн писал не без патетики, что у Сталина «историзм становится основным элементом марксизма, основным методом марксистской теории»³⁵. Однако следует добавить, что этот историзм носил вполне прагматический характер. И для Сталина прошлое носило практический, даже прагматический характер, становясь политическим инструментом. Во многом это вписывалось в изначальную установку в марксизме на тесную связь теории и практики, отказ от «чистого знания».

Знание о прошлом превратилось в культурную технологию управления, поэтому сталинизм — это еще и сталинская историческая идеология, то есть система идеологем — исторических образов, усилия пропаганды по их внедрению и специфические механизмы утверждения нужных власти представлений о прошлом. Необходимого в первую очередь для утверждения положения самого Сталина. Историзация стала одним из основных идеологических методов сталинской пропаганды, а историческая аллегория — ее основным приемом. При помощи исторических образов зрителю или читателю объяснялась текущая политическая ситуация, а тот, в свою очередь, видел в образах Ивана Грозного, Петра Великого самого Сталина.

Такая инструментализация истории (в данном случае мы будем говорить не только об исторической науке, но и о массовой исторической культуре и политике памяти) не является признаком исключительно сталинского СССР или какого-то другого авторитарного режима. Те или иные элементы этого можно обнаружить в любой политической системе, даже вполне плюралистичной и демократической. Однако в СССР 1930–40-х гг. в условиях монополии власти и почти полного отсутствия альтернативных источников информации в стране, большинство населения кото-

³⁵ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.; Л.: Госполитиздат, 1941. С. 626.

рой являлось крестьянами или выходцами из малообразованного крестьянства, историческая политика оказалась весьма эффективной. Обращение к прошлому стало важной формой легитимации власти и ее достижений, реальных и мнимых.

Почему идеология сталинизма такое внимание уделяла прошлому? На этот вопрос есть ряд ответов. При жизни Сталина поворот в идеологии объясняли по-разному, в том числе и в зависимости от собственных политических позиций. Так, его главный оппонент Лев Троцкий писал о контрреволюционных процессах, «преданной революции» и бюрократизации в сталинском СССР, вылившихся в помпезные псевдоисторические формы культуры³⁶. Русский эмигрант Николай Тимашев в 1946 г. выпустил книгу «Великое отступление», связывая этот процесс с националистическими симпатиями вождей партии, крахом к началу 30-х гг. надежд на мировую революцию и появлением нацистской угрозы³⁷.

В знаменитой книге культуролога Владимира Паперного «Культура Два» это объясняется глобальным движением социально-культурных структур советского общества, переходом от ориентированной на будущее «культуры 1» (авангард 1920-х гг.) к консервативной «культуре 2» 1930-х гг., обращенной в монументальное прошлое. Безусловно, такой подход хорошо фиксирует сам процесс и некие фундаментальные закономерности развития отечественной культуры, но плохо отражает конкретно-исторические механизмы, приведшие к такому результату³⁸.

Американский историк Дэвид Бранденбергер рассматривает сталинскую политику памяти как конструирование сложных, идеологически перегруженных нарративов, сочетающих образы дореволюционного прошлого, революционные символы и лозунги, а в центре всего оказывается фигура самого диктатора. Бранденбергер использует понятие «полезного прошлого», указывая на утилитарность сталинской идеологии³⁹. Российский историк Александр Дубровский также подчеркивает прагматический ха-

³⁶ Троцкий Л.Д. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991.

³⁷ Timashov N. The Great Retreat. New York, 1946.

³⁸ Паперный В. Культура Два. 6-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

³⁹ Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017.

рактер обращения идеологов к исторической тематике⁴⁰. А.Л. Юрганов писал о своеобразной метафизике сталинизма в культуре и общественных науках. Сутью этого явления стал механизм идеологического манипулирования и контроля, заключающийся в том, что только Сталин в конечном счете определял, что есть соответствие «истине»⁴¹.

Когда мы говорим о производстве (воспользуемся этим не очень лирическим термином, хорошо отражающим индустриальный характер эпохи и ее идеалы) исторического знания, то следует иметь в виду, что здесь выстроилась сложная властная пирамида. Во главе ее находился, разумеется, Сталин. Именно он обладал «абсолютным» знанием, определяя то, что является истиной или «фальсификацией истории». Именно высказывания вождя и его тексты оказывались теми кирпичами, на которых строилась историческая политика в СССР. Важно, что Сталин мог интерпретировать и тексты классиков марксизма. От его интерпретаций зависела актуализация тех или иных высказываний и их контекст. Объявив себя верным ленинцем, он никогда публично не оспаривал высказывания своего учителя, но вот Фр. Энгельсу повезло меньше, его представления о России подвергались публичной критике. Сталин, с одной стороны, был догматичен, но с другой — умел приспосабливать революционные теории и наследие классиков марксизма к актуальным потребностям той системы власти, которую он во многом сам же и создал.

Особую роль играли «сталинские указания». На деле они часто звучали туманно, но всегда были «исчерпывающими». Один из руководителей советского исторического фронта, А.М. Панкратова, писала: «Без знания этих указаний не может обойтись ни один историк, какой бы эпохой и какими бы конкретными вопросами он ни занимался». Имея мифические «исчерпывающие» указания, историки тем не менее совершили ошибки. Объяснялось это только тем, что они их либо не поняли, либо сознательно проигнорировали. Последнее уже квалифицировалось как саботаж и вредительство. «Сталинские указания» сродни приказам гениального полководца, ведущего свои войска от победы к победе: «Сталин-

⁴⁰ Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017.

⁴¹ Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011.

ские указания, касавшиеся как общеметодологических проблем, так и отдельных конкретных вопросов истории, стали основой решительного перелома на фронте исторической науки»⁴².

Значительный интерес представляет и язык Сталина, воплощенный в том числе и в главных для историков директивных текстах и выступлениях. В семиотике, науке о знаковых системах, принято выделять естественный и искусственный языки. Искусственный язык разрабатывается учеными специально для того, чтобы сформировать универсальные непротиворечивые термины, понятия и категории, исключающие или минимизирующие двоякое толкование. Сталин всегда предпочитал естественный язык, подразумевающий различные интерпретации и восприятия. Он любил пошутить, съехидничать, но так, чтобы после этого объекту шутки стало не по себе. Этим частично можно объяснить и особую любовь диктатора к истории, где терминология значительно проще и неопределеннее по сравнению даже с другими гуманитарными дисциплинами. Помимо того, что самого Сталина можно обвинить в недостаточной образованности (его образование не носило систематического характера, хотя он и занимался интенсивно самообразованием), популизме, эта любовь объясняется и тем, что в естественном языке проще подстраивать смыслы под собственный дискурс, трансформировать их, в нужный момент показывая, что имелось в виду совсем не то, что усвоили слушатели или читатели. Такая позиция позволяла играть роль единственного интерпретатора.

Сталинское вмешательство в производство исторического знания хоть и носило регулярный характер, но все же было ситуативным. Некоторые указания противоречили друг другу, особенно если их сравнивать на длительном временном отрезке. А главное — Сталин не мог дать указания абсолютно по всем вопросам, поэтому представления о тотальном контроле над историей являются сильным преувеличением. Оставалось много концептуальных и фактографических «пустот», на которые не пал взор генерального секретаря. С одной стороны, это создавало ситуацию неопределенности для историков («Что писать?!»), но с другой —

⁴² Панкратова А.М. Советская историческая наука за 25 лет и задачи историков в условиях Великой Отечественной войны // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л.: Изд-во Акад. наук Союза ССР, 1942. С. 15.

оставляло пространство для относительно самостоятельного исследования.

Однако не единственным определялось развитие исторического знания. Круг самых влиятельных партийно-государственных деятелей также мог вмешиваться в процесс. Более того, Сталин предпочитал, особенно в 1930-е гг., представлять свою позицию как коллективное решение партии.

В описанном выше контексте возникает естественный вопрос: сложилась ли какая-либо устойчивая иерархия классиков? То есть кому отдавался приоритет в случае обнаружения противоречивых высказываний? Парадокс советской идеологии и тесно связанного с ней исторического нарратива заключался в установке, что противоречий в высказываниях классиков не должно было быть. Поэтому одна из задач советских обществоведов заключалась в согласовании позиций и выстраивании их в логическую и непротиворечивую систему. Если противоречия встречались, то их истолковывали диалектически или просто игнорировали. К счастью, отмеченные выше особенности марксизма (превалирование логического над фактическим) и ортодоксальный подход Ленина (и тем более его последователей) к наследию Маркса и Энгельса приводили к тому, что большинство высказываний вытекали одно из другого и носили вполне согласованный характер.

Тем не менее динамика смены политических приоритетов могла привести к столкновению взглядов и, более того, вывести конфликт в открытую фазу. Самым ярким примером здесь является критика Сталиным статьи Фр. Энгельса «Внешняя политика русского царизма». В данной работе русский царизм рассматривался в качестве оплота европейской реакции и обвинялся в перманентном экспансиионизме. В 1934 г., когда встал вопрос о публикации статьи, Сталин высказался против ее издания в журнале «Пролетарская революция», обосновывая это тем, что публикация в главном историко-партийном издании противоречивой статьи может внести сумятицу в стройные ряды партии. Свои претензии Сталин обосновал в специальном письме. Их суть сводилась к следующему: Энгельс представляет Россию в качестве агрессора и оплота реакции, но не учитывает, что такую же роль играли и другие великие державы того времени. Считается, что тем самым Сталин снижал критический запал в отношении имперского про-

шлого России, частично нормализовал ее историю и переводил оценки из сугубо критического регистра в формат *real politic*. В условиях перманентных кризисов в мире в 1930-е гг. это становилось обоснованием внешнеполитической прагматики Советского Союза. Статья Сталина была опубликована только в 1941 г., но с ее идеями был знаком ряд влиятельных идеологов и историков⁴³.

Существовала ли такая иерархия непосредственно в текстах советских историков? То есть кого надо было цитировать в первую очередь и как часто? Видимо, пока придется отказаться от четкого ответа на этот вопрос. С.Б. Крих делает вывод, что в презентации древней истории приоритет однозначно отдавался Марксу и Сталину как источнику «актуальной мудрости». Энгельс, Ленин скорее их дополняли⁴⁴. Впрочем, ученый оговаривается, что такие наблюдения (исключительно предварительные) делаются на материалах советской историографии древности. В свою очередь, на материалах отечественной истории и тем более истории новейшей можно сделать несколько иные наблюдения. Здесь роль Ленина и Сталина резко возрастает, а интерпретация их высказываний приобретает ключевое значение. Представляется, что большое значение имеет предметное поле. Во всеобщей истории высказывания Маркса и где-то Энгельса оказывались ключевыми просто потому что их было немало в богатом наследии отцов-основателей. Истории России в этом плане повезло гораздо меньше, и здесь на первый план выходили лучше знавшие российский материал и контекст Ленин и Сталин.

С.Б. Крих и О.В. Метель отмечают, что в 1920–30-е гг. теоретические (идеологические) основы советской историографии не оставались неизменными. В первое десятилетие можно было наблюдать динамичное освоение трудов Маркса и Энгельса, считавшихся приоритетными, при дополнительном обращении к ряду сочинений Ленина и даже Каутского и Плеханова. Более-менее четких концептуальных рамок еще не сформировалось. В 1930-е гг. происходит формирование канонического корпуса сочинений Маркса — Энгельса и Ленина в форме собрания сочинений, но на первый план выдвигается общая схема исторического

⁴³ И.В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. С. 218–273.

⁴⁴ Советская историография всеобщей истории как научное творчество / С.Г. Карпук, С.Б. Крих, М.С. Петрова, Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2023. С. 90.

процесса, выстроенная при непосредственном участии Сталина и воплощенная в «Кратком курсе истории ВКП (б)» (1938)⁴⁵.

РАЗВЕНЧАННЫЙ КЛАССИК: МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ПОКРОВСКИЙ

Профессиональным историком в рядах РСДРП (б) (примкнул к партии в 1905 г., но часто прымкал к различным фракциям) считался Михаил Николаевич Покровский⁴⁶. Будучи учеником В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова, еще до революции он имел публикации, в том числе являлся автором или соавтором многотомных «Очерков русской истории с древнейших времен» (1910–1912) и «Очерков истории русской культуры» (1915–1918). До Октябрьской революции он уже обладал известностью в научных кругах. Причем если российские университетские и академические «мандарины», стоявшие на консервативных или либерально-консервативных позициях, отрицательно и свысока относились к его штудиям, то более либеральная и левацкая настроенная часть историков, преподававшая, как правило, в не государственных учреждениях, воспринимала их с интересом. Одновременно он много публикуется в популярных журналах и энциклопедиях. В молодости М.Н. Покровский испытал влияние идей эмпириокритицизма в интерпретации А.А. Богданова⁴⁷. Тем не менее в годы Первой мировой войны он солидизировался с позицией В.И. Ленина о необходимости перерастания войны империалистической в войну против правительства вою-

⁴⁵ Крих С.Б., Метель О.В. Советская историография древности: структуры, люди, идеи. Путеводитель по советской науке о Древней истории. М.: URSS, 2019. С. 12.

⁴⁶ О нем см.: Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М.: Мысль, 1970; Enteen George M. The Soviet Scholar Bureaucrat: M.N. Pokrovskii and the Society of Marxist Historians. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1978; Barber John F. Soviet Historians in Crisis, 1928–1932. London: Palgrave Macmillan, 1981; Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М.: Лит, 1992; White James D. M.N. Pokrovskii and the Origins of Soviet Historiography. Leiden; Boston, 2024; и др.

⁴⁷ Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 года. СПб.: Из-во СПбГУ, 1993. С. 726–727; Стайла Д. Наука и революция: Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.). М.: Академический Проект, 2013. С. 204–207.

ющих стран, что обеспечило ему прочное место в большевистской партии.

После Октябрьской революции его карьера резко пошла вверх. Он становится важным руководителем науки и образования в Советской России: заместитель наркома просвещения РСФСР (1918–1932), председатель президиума Социалистической (Коммунистической) академии, ректор Института красной профессуры, председатель Общества историков-марксистов, заведующий Центрархивом РСФСР и СССР. Разумеется, именно он превращается в главного историка страны. Этому способствовали не только административные посты, но и ораторские способности М.Н. Покровского, умевшего аудиторию увлечь своими идеями.

Стержнем его исторической концепции стала теория торгового капитализма, которому противостоял промышленный (производительный) капитал. Собственно интересами торгового капитализма объяснялось многое в русской истории с древнейших времен. С его точки зрения, на протяжении большей части русской истории государство обслуживало интересы торгового капитализма: «В мономаховой шапке ходил по русской земле именно торговый капитал, для которого помещики и дворянство были только агентами, были его аппаратом». В качестве популярного пособия по истории им публикуется «Русская история в самом сжатом очерке» (1920–1923), одобренная самим В.И. Лениным.

Пожалуй, главной задачей исторических трудов М.Н. Покровского стало разоблачение монархической и буржуазной историографии. Если отталкиваться от идеи Х. Уайта о воплощении в исторических нарративах определенных риторических стратегий, то Покровский, вне сомнения, активно использовал иронию, даже сарказм⁴⁸. Русских монархов он рисовал людьми недалекими и полностью лишенными собственной исторической субъектности. Так, о Петре I, одном из ключевых героев-символов дома Романовых, он беспардонно писал: «Царь умер от последствий сифилиса, полученного в Голландии и плохо вылеченного тогдашними медиками. При гомерическом пьянстве петровско-

⁴⁸ Это отмечает и М.В. Нечкина: Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк) (1922) // Милица Васильевна Нечкина: историографическое наследие 1920-х годов / Авт-сост. В.В. Тихонов, Л.В. Климова / Отв. ред. М.Г. Вандалковская. М.: Весь Мир, 2024. С. 144.

го двора и лучшие врачи, впрочем, едва ли сумели бы помочь»⁴⁹. С нескрываемым удовольствием разрушал он и миф об особой, цивилизующей роли Российской империи в национальных окраинах, подчеркивая колониальный характер территориальных захватов на Кавказе, в Сибири и Средней Азии. Благодаря их эксплуатации русская буржуазия и помещики пытались решить свои экономические проблемы. Великодержавие империи также ставилось под сомнение. Оценивая общий итог экономического развития России, историк приходил к выводу, что, несмотря на отдельные достижения, русская экономика носила «полуколониальный» характер, служа поставщиком сырья и рынком сбыта для ведущих западных держав.

Старая академическая элита оценивала нового классика крайне негативно. Академик С.Ф. Платонов за глаза называл его «гнусом», а однокашники по Московскому университету говорили о нем как о «позоре московской исторической школы»⁵⁰, но вынуждены были сотрудничать со всесильным «комиссаром образования и науки».

Как уже отмечалось, центральным концептом историко-нarrатива М.Н. Покровского являлся торговый капитализм⁵¹. Строго говоря, Покровский не сформулировал жесткого определения того, что же такое «торговый капитализм», что создавало возможности достаточно широкого использования данного концепта, в том числе и в более широком контексте советской культуры.

М.Н. Покровский указывал на то, что теория торгового капитализма в применении к русской истории является его оригинальной концепцией, пусть и имеющей корни в различных политэкономических теориях. Но для того чтобы отвести от себя критику, утверждал, что она совпадает с ленинским взглядом на историю России. На Первой всесоюзной конференции историков-марксистов (декабрь 1928 — январь 1929 г.) он заявил: «Та схема, та концепция русской истории, которую иногда делают мне честь связать с моей скромной личностью, — это концепция Ленина,

а не моя»⁵². Впрочем, Покровский предпочитал только говорить о том, что сначала разработал свою концепцию самостоятельно и только потом понял, что Ленин уже сформулировал ее в общих чертах. Разумеется, такое заявление нельзя рассматривать иначе как попытку встать под защиту авторитета Ленина. Не случайно оно было сделано в докладе «Ленинизм и русская история». Тем самым получалось, что теория торгового капитализма — часть ленинизма.

Впрочем, Покровский не избежал развенчания, правда уже после смерти. Его смерть оказалась очень кстати. Теории кумира прошлых лет совершенно не вписывались в новые идеологические тенденции. Но смерть М.Н. Покровского не привела к появлению нового лидера из среды самих профессиональных историков. Пустующую нишу главного специалиста по истории занял сам Сталин, что органично вписывалось в процесс формирования культа его личности. В связи с этим современный исследователь М.В. Зеленов отметил, что «...1930-е годы характеризуются созданием новых форм идеологического воздействия — прямым обращением Сталина к историкам и в редакции журналов в виде писем...»⁵³.

Во второй половине 1930-х гг. с подачи Сталина создавался новый исторический нарратив, более государствоцентричный и построенный на советском патриотизме, «дружбе народов» и культе самого Сталина. Переходу к новой концепции отечественной истории мешало наследие М.Н. Покровского. Для его дискредитации официально было объявлено, что характерной чертой «школы М.Н. Покровского» был «вульгаризаторский» взгляд на историю, а многочисленные методологические, фактические и политические ошибки самого историка и его учеников привели к тому, что их труды не могут называться марксистскими. В учебных и научно-исследовательских заведениях началась активная борьба с «представителями» «школы М.Н. Покровского», многие из которых, как это ранее случилось с историками «старой школы», были репрессированы. Ведущие специалисты, в том чис-

⁴⁹ Покровский М.Н. Избр. произведения: в 4 кн. М.: Мысль, 1967. Кн. 3: Русская история в самом сжатом очерке. С. 112–113.

⁵⁰ Готье Ю.В. Мои заметки. М.: Тетра, 1997. С. 117–118.

⁵¹ См.: Володьев О.П. Концепция торгового капитализма М.Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932 гг.). Омск: Изд-во ОмГУ, 2011.

⁵² Покровский М.Н. Ленинизм и русская история (1930) // Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов: Историографические очерки, критические статьи и заметки. 2-е изд. Т. 2. М.: URSS, 2012. С. 274.

⁵³ И.В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. С. 183–185.

ле и бывшие ученики М.Н. Покровского по ИКП, подготовили два сборника с говорящими названиями: «Против исторической концепции М.Н. Покровского» (1939) и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» (1940)⁵⁴.

АКТОРЫ: ГРАНИЦЫ ПОЛЕЙ И ВЛАСТНАЯ ИЕРАРХИЯ

Выше уже отмечалось, что в данной работе разделяется концепция П. Бурдье о социальных полях (поле науки, поле литературы и культуры и т. д.). «Крепость» границ между полями зависит от многих факторов и варьируется в зависимости от типа общества, его исторического опыта и конкретной эпохи. В отношении Советского Союза 1920–30-х гг. уместно говорить о высоком уровне проницаемости этих границ.

В первую очередь это можно объяснить самой революционной эпохой, когда сложившиеся до этого иерархии оказываются поколеблены и трансформированы. Так, советский исторический нарратив эпохи в первые революционные годы формировался не столько усилиями историков, сколько представителями авангардной культуры. Театральные режиссеры (Вс. Мейерхольд) первыми предлагали осмысление недавней истории. Художники и скульпторы создавали новый мемориальный ландшафт, построенный на революционном пафосе⁵⁵.

В определенном смысле мы можем говорить о проекте интеграции обществоведческого знания и культуры, спаянных марксизмом. В основе такого подхода (не всегда, надо признать, четко артикулируемого) лежала идея своеобразного идеологического холизма, в которой наука и культура рассматривались в качестве частей общего проекта построения коммунистического общества. Как следствие возникали условия, в которых от историков требовали писать историю, доступную для широких масс и близкую к литературе, а от литераторов — научной точности⁵⁶. Сле-

⁵⁴ Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). С. 256–271.

⁵⁵ См.: Кларк К. Петербург, горнило культурной революции. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 154–210; Корни Фр. Октябрь. Память и создание большевистской революции. Бостон; СПб.: Библиороссика, 2024. С. 39–170.

⁵⁶ О симбиозе исторической науки и литературы в советской культуре в 1934 г. рассуждал Г. Фридлянд: «История, с нашей точки зрения, не только становится

дование самому прогрессивному учению должно было решать все методологические и эстетические проблемы. Присущая искусству фантазия должна была уступить место отражению (теория отражения в материализме) героической и оттого высокохудожественной советской реальности. Искусство должно было стать точным, как наука. Еще одним направлением стала попытка объединить историю общества с естественной историей. Такой синтез хорошо вписывался в материалистическую повестку и позволял создавать «большие истории» планетарного масштаба⁵⁷.

Интегрирующие импульсы, как это ни парадоксально, были обусловлены регулярным властным вторжением в автономию полей. Именно партийные идеологи и контролирующие органы брали на себя роль проводников линии партии и тем самым выступали в качестве агентов интеграции социальных полей, которые тем не менее сохраняли известную долю автономности. Таким образом, здесь важно отметить не только репрессивную, но и интегрирующую функцию таких агентов. Это придавало советскому историческому нарративу если не гомогенность, то вполне осязаемую целостность. В свою очередь, многие интеллектуалы и деятели культуры, добровольно стремясь стать частью масштабных изменений или pragmatically используя их, брали на себя роль таких проводников.

Для этого у большевиков было предостаточно административных, политических и интеллектуальных ресурсов. Помимо прямого давления и репрессий большую роль играли инструменты советизации, в первую очередь внедрение партячеек в организации, творческие союзы, общества и т. д. С так называемого Великого перелома рубежа 1920–30-х гг. можно было наблюдать, как происходила зачистка относительно самостоятельных творческих, научных и просто общественных объединений, их консолидация и формирование централизованной системы, встроен-

наукой, но и само художественное произведение приобретает черты научного в известном смысле построения» (Фридлянд Ц. Основные проблемы исторического романа (1934). Между историей и литературой: Дискуссии о романе А.Н. Толстого «Петр Первый» в 1930-е гг. / Отв. ред. А.С. Акимова и В.В. Тихонов. М.: Совпадение, 2024. С. 15).

⁵⁷ См.: Аронова Е.А. История как наука и политика: Эксперименты в историографии и советский проект. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 68–144.

ной в государственно-партийные структуры⁵⁸. Рубежным можно назвать Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. Если поместить развитие исторической науки в общий контекст, то ее перестройка (как институциональная, так и концептуальная) середины 1930-х гг. вполне вписывается в тенденцию к централизации, консолидации и встраиванию в государственно-партийную систему. Помимо создания в 1930-е гг. новой линейки официальных учебников, должны на первых порах определять содержательный характер и наполнение мастер-нарратива, выстраивалась стройная институциональная система (академические институты, редакции, вузы и т. д.), главной задачей которой и являлось преобразование идеологических установок, идущих сверху, в респектабельный и стройный исторический нарратив. Механизм работы новых структур (выполнявших не только функцию контроля, но и мобилизации) оказался довольно сложным. Сложилась система, в которой существовало несколько параллельных структур, где-то дополнявших друг друга, а где-то конкурировавших⁵⁹.

Если высшие партийные органы задавали общие координаты и контролировали преимущественно значимые проекты⁶⁰, то партячейки должны были проводить политику партии и контролировать ситуацию внутри локальных коллективов. В советской историографии сформировалась система (правда, ее зачатки можно обнаружить еще в дореволюционное время), в которой в каждом направлении исследований существовал один лидер, «генерал-от-науки». В исторической науке было несколько центров притяжения: Б.Д. Греков, И.И. Минц, В.В. Струве и т. д. Фактически это являлось проекцией однопартийной советской

⁵⁸ Подробнее см.: Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! М.: РГГУ, 1997; Ильина И.Н. Общественные организации в России в 1920-е годы. М.: ИРИ РАН, 2001.

⁵⁹ Об этом см.: Груздинская В.С., Клюев А.И., Метель О.В. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920-х–1930-х гг. Омск: Из-во ОмГУ, 2018; Тихонов В.В. «С русским размахом и американской деловитостью»: коллективные и индивидуальные формы организаций исследований в Институте истории АН СССР // Российская история. 2021. № 5. С. 144–154.

⁶⁰ М.В. Зеленов отмечает устойчивый интерес аппарата ЦК к вопросам исторической науки, хотя на общем фоне решаемых проблем они занимали лишь малую часть: Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП(б) — ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород. 2000. С. 159.

политической системы. Лидеры выполняли ряд важнейших функций. Во-первых, контролирующую, поскольку их задачей было следить за состоянием вверенного им участка «исторического фронта». Во-вторых, они оказывались связующим звеном между партийными органами и сообществом ученых. Мощным инструментом контроля за содержанием исторического нарратива была цензура⁶¹.

Нельзя не вернуться здесь и к особой роли Сталина в формировании советского исторического нарратива. Если в 1920-е гг. его влияние можно оценивать как невысокое, то по мере утверждения статуса вождя и главы партии он помещается в его центр. И в этой ситуации именно Stalin (а также подручники, исполнявшие его волю) оказывается «интегрирующей» фигурой, определяющей главные векторы развития, имеющей возможность «ломать» границы социальных полей и определять победителя в конкурентной борьбе за «правильную» интерпретацию истории⁶². Роль Сталина в созданной во многом его стараниями системе была двоякой. С одной стороны, он стал ее стабилизирующим фактором, задавая координаты и направления ее развития, выступая арбитром в дискуссиях и определяя «победителей», тем самым предотвращая войну всех против всех. Но с другой — он же выступал ее главным дестабилизатором, круто меняя идеологические приоритеты и правила игры. Во многом эти крутые повороты имели ситуативный и прагматический характер, но именно они перестраивали диспозиции в полях науки и культуры, обнуляли или повышали символический капитал.

Значит ли это, что историки и деятели культуры выполняли идеологический заказ? Ответ будет утвердительным, но требующим множества оговорок. Во-первых, идеология власти трансформировалась под давлением обстоятельств, что создавало довольно запутанную ситуацию, когда одни установки насиливались на другие. Многие официальные положения противоречили друг

⁶¹ Подробнее о цензуре см.: Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП(б) — ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород, 2000.

⁶² В представлениях А.Л. Юрганова Stalin выступал своеобразным монодиктором системы, определяя «правильные» позиции и отбраковывая «неправильные». В этой системе искусственно создавалась ситуация неопределенности, позволявшая Stalinу занимать позицию главного арбитра в спорах. См.: Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011.

другу, что позволяло использовать эти противоречия в исторических дискуссиях. Во-вторых, власть часто сама не имела четкого представления о требуемом конечном результате. Отсюда многочисленные более или менее открытые дискуссии, обсуждения вопросов, в том числе и когда ученых и деятелей культуры приглашали в ЦК. Идеологи напоминали купцов на ярмарке, которые ходили по рядам и выбирали из предлагаемых им товаров тот, который придется по душе. Разумеется, будучи единственными покупателями, они определяли то, какой вид товара им нужен, каковы его параметры качества и стилистика. Историки и деятели культуры оказывались пусть и в подчиненном положении, но обладали определенной свободой действия и творческого маневра. При этом могло случиться и так, что отвергнутый аппаратом ЦК товар приглянется самому Сталину. В-третьих, многими сферами науки идеология просто не интересовалась, они не считались актуальными.

Властная пирамида не работала как часы. Сигналы, идущие сверху, из-за их неопределенности и отрывочности специфически преломлялись на нижних ярусах, порождая дискуссии об их содержании и области применения. Власти, что вообще было типично для той эпохи, вообще предпочитали давать только общие указания, оставляя свободу решения многочисленных конкретных вопросов непосредственным исполнителям. Так было удобнее контролировать ситуацию, в любой момент можно было заявить, что те не поняли задачи и извратили «четкие указания», и свалить вину на низовых исполнителей. На самом деле власть во главе со Сталиным сама не всегда четко понимала, чего же она хочет. В этой ситуации инициированные публичные дискуссии напоминали ярмарки проектов: историки, спорившие между собой, предлагали те или иные варианты решения проблем в рамках действующей идеологии и методологии, из которых власть выбирала наиболее приемлемый, но, как правило, подвергавшийся дальнейшей доработке вариант, и только после этого те или иные концепции или тексты попадали, в публичное пространство.

Едва ли не главным инструментом утверждения «правильного» взгляда на историю являлись идеологические кампании. Под этим понимается интенсивная серия мероприятий власти, нацеленных на утверждение нужных идеологических постулатов. На протяжении всех 1920 — начала 1950-х гг. масштабные идео-

логические кампании являлись частью обыденной жизни. Исследователи часто обращают внимание на этот аспект, и литература, затрагивающая эту тему, огромна, и здесь нет нужды вновь повторять известные факты.

Описанное выше позволяет говорить о том, что за фасадом внешне монолитных и конвенциональных образов прошлого, выработанных советской историографией и культурой, оказывались сложные процессы борьбы, согласования и даже значительной вариативности. Хотелось бы обратить внимание не только на репрессивные инструменты интеграции, но и на позитивную программу. К концу 1930-х гг. все большее значение играли и инструменты поощрения, среди которых можно выделить Сталинскую премию, чей потенциал в качестве позитивного подкрепления верных и практически «полезных» исследований и художественных произведений раскроется уже в 1940-е — начале 1950-х гг⁶³. Кроме того, в рамках советского проекта можно наблюдать многочисленные примеры по созданию интегрирующих научно-культурных программ, в которых бы ломались дисциплинарные, социальные и культурные рамки.

Самым ярким примером такой позитивной программы можно назвать уже упомянутые комплексные историко-документальные проекты, реализуемые по инициативе М. Горького в 1930-е гг.: история фабрик и заводов, история Гражданской войны. Оба проекта должны были сыграть важнейшую социально-политическую роль и стать инструментами по утверждению новой советской идентичности и формированию нового человека. Важным элементом истории фабрик и заводов должна была стать совместная работа литераторов и историков при ведущей роли самих рабочих. Перед нами проект взаимопроникновения социальных полей, воплощение идеи пролетарской культуры и науки. В действительности общекультурный уровень рабочих оказался недостаточным для реализации такой амбициозной задумки. Впрочем, можно говорить об общей работе историков и литераторов⁶⁴.

Каково было иерархическое взаимодействие историков и деятелей культуры в Советском Союзе 1920–30-х гг.? На данный мо-

⁶³ Например: Цыганов Д. Сталинская премия по литературе: Культурная политика и эстетический канон сталинизма. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

⁶⁴ Журавлев С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 98.

мент с осторожностью можно говорить о том, что это соотношение не было устойчивым и со временем менялось. Выше отмечалось, что первыми, кто воспринял дух революционного исторического нарратива, стали не историки, а деятели культуры, особенно представители авангарда. По мере стабилизации советской системы в ней восстанавливались обычные статусные иерархии, и профессиональные историки (по крайней мере историки-марксисты) вернули ведущие позиции в определении оценок прошлого. При обсуждении исторических романов и фильмов привлекались профессиональные историки. Однако всегда существовал фактор Сталина, для которого «полезное прошлое» было важнее, чем экспертиза научного сообщества. Так, несмотря на критику сценария фильма «Александр Невский»⁶⁵, именно фильм (который создавался при непосредственном участии Сталина) определял оценку эпохи и фигуры князя⁶⁶. Видимо, уместно говорить об отсутствии четкой иерархии полей. Многое определял властный заказ и то, кто лучше его улавливал и развивал. Однако следует учитывать, что историки все же воспринимали себя в качестве главных экспертов.

Глава 3

ИСТОРИОПИСАНИЕ ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИЙ И СОВЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ НARRATIV (вторая половина XIX — первая треть XX в.)

B.B. Тихонов

ФОРМИРОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ИСТОРИОПИСАНИЯ В XIX ВЕКЕ

XIX столетие стало «золотым веком» исторического знания. Это не случайно и напрямую связано с бурным развитием идеи нации и практик нациестроительства¹. Французская революция и Наполеоновские войны не только сделали нацию актуальным политическим концептом, но и спровоцировали общеевропейскую консервативную реакцию на революционные войны. В борьбе с французской гегемонией произошел рост патриотических настроений в Германии, Великобритании, Испании, Австро-Венгрии и России. На фоне этого резко возрос интерес к истории своих стран, а романтическая историография, рисующая героическое прошлое народа и культивирующая его традиции, стала доминирующей в европейских практиках историописания². Национальные истории стали ответом на амбиции эпохи Просвещения построить мир на универсальных принципах. «Разбуженные» нации всячески стремились подчеркнуть свою уникальность и неповторимую историю³.

К тому же нельзя не учитывать и тектонических сдвигов в цивилизационном развитии мира, вступившего в модерную стадию

¹ Хобсбаум Эр. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 2017. Главы 1–3.

² Иggerс Г., Van Э. Глобальная история современной историографии. М.: Канон-плюс, 2012. Глава 2.

³ Berger S. The Power of National Pasts: Writing National History in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe // Writing the Nation: A Global Perspective / Ed. by Stefan Berger. N.Y.: Springer, 2007. P. 34.

⁶⁵ Тихомиров М.Н. Изdevka над историей (о сценарии «Русь») // Историк-марксист. 1938. № 3. С. 92–96.

⁶⁶ Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. «Александр Невский»: создание киношедевра: Историческое исследование. СПб.: ИИФ «Лики России», 2012.

своей истории⁴, что привело к формированию нового темпорального режима, разграничающего прошлое и настоящее (современность и историю), историзирующего прошлое (прошлое отлично от современности) и одновременно смотрящего на прошлое как на самоценность и источник современности (эволюционная модель). Принцип историзма становится ключевым мировоззренческим компонентом эпохи⁵, превратив историю в «царицу наук» и породив многочисленные научные течения и школы, рассматривавшие его в качестве основы своих исследовательских программ (историческая школа права, историческая школа политэкономии, многочисленные литературоведческие и лингвистические школы и т. д.). Эволюционная модель отличалась любопытным свойством: она «сохраняла из прошлого то, что входило с функциональные основы современности»⁶. То есть в прошлом искали ответы на то, что актуально в современности и позволяет прояснить текущий порядок вещей. Как следствие, историки XIX в. с пристальным вниманием, и не жалея сил изучали эволюцию форм государственности, народного сознания, становления промышленности, кризиса крестьянства и искали исторические корни современных им наций.

Историки XIX в. быстро привыкли мыслить национально, т. е. смотреть на прошлое через призму идеи нации (государства-нации или культурной нации)⁷. Это предполагало не только поиски истоков нации, но и выстраивание континуитета между ее прошлым (во многом воображаемым) и настоящим положением.

⁴ Понятие Модернити до сих пор вызывает споры и критикуется за неопределенность, хотя и стало практически неотъемлемым в понятийном аппарате широкого круга гуманитариев. Упрощенно под Модернити можно понимать общество, приходящее на смену традиционному укладу жизни и мировосприятию. Чтобы избежать противоречий жесткого определения, известный американский историк С. Коткин предложил идентифицировать модернити через своеобразную триаду: массовое производство — массовая культура — массовая политика. Как нетрудно заметить, ключевым параметром здесь оказывается массовость (*Kotkin S. Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjunction // Kritika*. 2000. Vol. 2. № 1. P. 111–164).

⁵ Тернер Фр. Европейская интеллектуальная история от Руссо до Ницше. М.: Кучково поле, 2016. Главы 6–7.

⁶ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 48.

⁷ Nationalizing the Past: Historians as Nation Builders in Modern Europe. London: Palgrave Macmillan, 2010.

Каркасом такой истории выступали территориальные рамки национального государства или империи (которая тоже начинала мыслиться через призму национального). Все известные значимые события, произошедшие когда-либо на территории современного государства, признавались частью национальной истории и ее достоянием.

В описанной системе координат, в разграничении прошлого и настоящего, а также в процессе отбора «значимого» прошлого ключевую роль играли уже упомянутый музей и не менее значимую — архив. Они превратились в институты сохранения, изучения и демонстрации всего того, что можно было отнести к представлениям о национальной традиции и гордости. Архивы стали рассматриваться как хранилища национального сознания и «авторитетной» истории. После т. н. «ранкенианской революции»⁸ в историографии (первая половина — середина XIX в.) именно архивный документ становится краеугольным камнем процесса создания научной истории, под которой подразумевается преимущественно история национальная⁹. Теперь истории, в том числе и национально-государственные, должны были строиться на-solidной документальной базе, соответствовать принципу историзма и системности, т. е. обладать убедительностью и респектабельностью, не позволяющими критикам и «внешним врагам» их оспорить и тем самым поставить под сомнение легитимность власти и ее geopolитические претензии.

Как уже отмечалось выше, «эпоха наций» ожидаемо стала временем национальных историй или национально-государственных нарративов, в зависимости от акцентов¹⁰. На смену историкам-любителям приходят профессиональные историки¹¹, получившие университетское образование и овладевшие техникой архивной пропедевтики и источниковедческого анализа. Они совершенно искренне вставали на службу национальному госу-

⁸ По имени выдающегося историка Л. фон Ранке (1795–1886).

⁹ См.: Блоуин Фр., Розенберг У. Происхождение прошлого. «Подлинность» для историков и архивистов. СПб.: Из-во Европейского университета, 2017. Глава 1.

¹⁰ Macintyre S., Maiguashca J., Pók A. Editors' Introduction // The Oxford History of Historical Writing. Vol. 4: 1800–1945. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 2.

¹¹ Feldner H. The New Scientificity in Historical Writing around 1800 // Writing History: Theory and Practice: Stefan Berger, Heiko Feldner and Kevin Passmore (eds). London, 2003. P. 3–22; Иеггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. С. 151–157.

дарству и нации, видя свою задачу в воспитании или поддержании самосознания своих сограждан. Таким образом, исторические нарративы играли интегрирующую и мобилизующую роль. Принцип историзма продуцировал и особый «режим историчности», в котором события выстраиваются в телеологичный нарратив, прочерчивающий линию от истоков нации к ее настоящему и будущему¹².

Национальный нарратив обладает рядом признаков. Главным из них можно назвать то, что исторический процесс рассматривается через призму появления и развития нации/народа. История предстает как череда побед и поражений (последние должны еще больше сплачивать нацию). Включается особый «режим сопререживания», предполагающий сильное эмоциональное вовлечение и переживание событий прошлого, как будто они имеют самое непосредственное отношение к читателю. В свою очередь, тот становится «хранителем» прошлого своего народа, прямым наследником предков. Национальная история предполагает особые, неизменные позитивные качества нации, позволяющие ей занимать почетное место в мире и противостоять врагам. Последние также играют важную роль. Именно через врагов (образы иных) презентуются достижения нации (военные победы, моральный, религиозный или экономический успехи и т. д.) и объясняются ее беды. Как правило, история нации связывается с определенным государственно-территориальным образованием, а «земля предков» объявляется священной. Прошлое выстраивается в виде устойчивого континуитета между тем, что случилось на этой земле, и тем, что есть в настоящем. Европейская культура в XIX в. предложила немало примеров национальных историй.

Национальные нарративы вбирали в себя ключевые компоненты «национального воображения» (историческая миссия нации, ее «естественные границы», цивилизационная идентичность, инвариантные свойства национального характера и т. д.), комбинировали и интерпретировали их в зависимости от обще-

¹² Репина Л.П. Национальная история, историческая память и «история историков» // Вестник Российской нации. 2010. № 3(11). С. 65–77; Маловичко С.И. Национально-государственный нарратив в структуре исторического знания XIX — начала XX века // Событие и время в европейской исторической культуре. XVI — начало XX в. М.: Аквилон, 2018. С. 485.

культурного контекста, актуальной общественно-политической повестки, предпочтений их авторов и заказчиков и т. д.

XIX век стал временем расцвета исторического романа, явившегося порождением романтического национализма. Традиция исторического романа этого типа (ставшего классическим) была заложена Вальтером Скоттом¹³. Марксистский теоретик Г. Лукач отметил, что «творчество Вальтера Скотта отражает в художественно-совершенной форме прогрессивную тенденцию его времени — защиту прогресса путем разработки истории»¹⁴. Однако сциентизация истории как науки привела к демонстративной демаркации между научной историографией и историческим романом.

Итак, в XIX в. национальные/государственно-национальные истории пришли на смену всемирным и династическим, превратившись в самый современный и методологически продвинутый на тот момент формат историописания. Постепенно методический инструментарий историков совершенствовался, что обуславливалось не только потребностями собственно исторического знания, но и важностью придания респектабельности и «прочности» предлагаемым нарративам и концепциям. Едва ли не главной формой их презентации стали т. н. большие нарративы («великие истории») — многотомные труды, охватывающие внушительный хронологический отрезок в стремлении сделать историю нации как можно древнее и славнее. В дальнейшем такие нарративы задавали ключевые элементы национального самовоображения, распространяя свое влияние на все сферы культуры и политики. Такие тексты принято называть мастер-нарративами (master narratives). Можно выделить ряд функций таких мастер-нарративов: консолидация отдельных историй (в том числе и разных авторов) и помещение их в более широкий контекст; формирование рамок национальных историй; утверждение единства исторического процесса и его непрерывность¹⁵.

¹³ Долинин А.А. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М.: Книга, 1988; Лукач Г. Исторический роман. М.: Common place, 2015. С. 48, 70–132; Уайт Х. Практическое прошлое. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 42–43.

¹⁴ Лукач Г. Указ. соч. С. 132.

¹⁵ Berkhofer Jr., Robert F. Beyond the Great History as Text and Discourse. Cambridge University Press, 1998. P. 40–41.

Со второй половины XIX в. в историописании господствовал позитивизм. С эпистемологической точки зрения его ключевой характеристикой является представление о том, что историк способен непосредственно прикоснуться к прошлому через его многочисленные «остатки» — исторические источники. Историческое знание должно быть «позитивным», то есть строящимся на основе проверенных фактов и без отвлеченного философствования и «метафизики». Индуктивный подход к построению концепций предполагал привлечение максимально возможного массива источников, желательно архивных.

Культ науки, на котором строился позитивизм, тесно переплетался с национально-государственной парадигмой в историописании. Основатель позитивизма О. Конт являлся сторонником теории прогресса, но придерживался вполне консервативных взглядов и отвергал либерализм как политическую модель¹⁶. О. Конт предложил новую науку — социологию, задачей которой стало объяснение развития общества как самостоятельного исторического субъекта. В центре внимания ученых-позитивистов оказались не столько правители и конкретные личности, сколько социальные группы и большие социальные процессы.

Однако большинство историков восприняло в позитивизме не его гносеологическую модель, а скорее общие принципы и методику конкретного исследования. Это породило феномен «наивного позитивизма», когда историк концентрировался исключительно на «добытии» фактов при помощи критики источников и верификации полученных результатов¹⁷. Считалось, что пока нет полноты фактов, делать выводы преждевременно. Однако, когда можно говорить о полноте фактов, не всегда было ясно, и многие так и ограничивались простым описанием.

Ключевую роль в утверждении «научной истории» сыграла т. н. немецкая историческая школа, основателем и самым ярким

¹⁶ Иgger G., Van Э. Глобальная история современной историографии. С. 141–142.

¹⁷ Этапоном такого взгляда на историю как науку считается книга Ш. Ланглау и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» (первое издание — 1898 г.). В книге давалось несколько установок: историю нужно писать по источникам; следует придерживаться хронологического принципа изложения фактического материала; нужно избегать «литературных излишеств». Эти максимы, во многом из-за своей простоты и функциональности, определили и до сих пор определяют профессиональное кредо многих историков, став, несмотря на многочисленную критику, критериями профессионализма.

представителем которой принято считать Л. фон Ранке. Он декларировал ценностный нейтралитет в изучении истории и сформулировал простую, но крайне привлекательную максиму — «писать историю так, как было на самом деле». Ранке постулировал внимательное отношение к методике анализа источников и требовал привлечения значительного массива архивных документов. Для исторического нарратива Ранке и его последователей было характерно особое внимание к истории государства и его институтов¹⁸.

Именно позитивизм и установки немецкой исторической школы сформировали облик классической исторической науки с ее особым вниманием к источниковедению, историческому факту, индуктивности и демонстративной нейтральности. При этом историописание являлось важной частью национальной и государственной легитимности. Для позитивизма был характерен культ прогресса, однако он уравновешивался не менее сильным культом историзма. Такая комбинация приводила к идеи необходимости эволюционного развития общества.

КУЛЬТУРНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ РУБЕЖА XIX–XX вв.

Если одни формы исторической мысли в большей степени выполняли функцию утверждения и объяснения сложившегося порядка вещей, то другие призывали к революционному преобразованию мира. Маркером эпохи стал модернизм. Под модернизмом понимается целый спектр авангардных идейных и, в первую очередь, культурно-эстетических течений, ставивших под сомнение адекватность и незыблемость существующего (т. е. осмыслиенного через понятие классики) порядка вещей. Хронологию данного феномена выстроить достаточно трудно, но обычно его помещают в период от 1880-х гг. и до конца 1920-х гг.¹⁹, когда происходила культурная революция, выражавшаяся в приходе на

¹⁸ Iggers G. The Intellectual Foundations of Nineteenth-Century «Scientific» History: The German Model // The Oxford History of Historical Writing. Vol. 4: 1800–1945 / Ed. Stuart Macintyre, Juan Maiquashca, and Attila Pók. Oxford University Pres, 2011. P. 41–58.

¹⁹ Іїй П. Модернізм: Соблазн ересі. От Бодлера до Беккета и далее. М.: Гараж, 2019. С. 19.

место реализма различных модернистских течений в литературе, живописи, архитектуре²⁰. Все больший интерес привлекала человеческая индивидуальность, которая помещалась в центр мира, воспринимавшегося несправедливым и несовершенным. Символом времени стал «человек бунтующий», индивидуалист и одновременно человек страдающий, в том числе и за свой индивидуализм. Это легко уживалось с поисками новых, справедливых для всех форм общественного бытия, в которых бы личность могла раскрыть свою сущность.

Важно отметить, что модернистский вектор развития не случайно совпал с научной революцией и переходом к неклассическому этапу развития науки с новым типом научной рациональности. Если ранее считалось, что реальность непосредственно дана исследователю, то после открытий, совершенных при помощи новых приборов и технических новинок (микроскоп, рентген и т.д.), привычная картина мира сильно пошатнулась. В науке произошли радикальные перемены, характеризовавшиеся «отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теории и картины природы...»²¹. Признавалось, что в познании важна роль самого субъекта познания, что шло в противоречие с принципом нейтральности, присущим классической модели.

Научная революция, определившаяся новыми научными открытиями (радиоактивности, микромира и т.д.), фактически разрушила привычную научную картину мироустройства. Символом новой научной картины мира стала теория относительности, сформулированная А. Эйнштейном. Теперь любую «истину» можно было поставить под сомнение: «А относительно чего?» Фигура А. Эйнштейна приобрела огромную популярность в российских интеллектуальных кругах в 1910–20-е гг.²² Теория относительности способствовала поиску новых режимов темпоральности в исторической науке. Знаменитый французский историк, один из основателей «школы Анналов», Л. Февр, подчеркивал влияние теории

²⁰ Об этом см.: Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х годов: Материалы международной конференции. Москва, РАНХиГС, 30–31 октября 2014 г. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

²¹ Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М.: Гардарики, 1996. С. 294.

²² Кларк К. Петербург, горнило культурной революции. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 76.

относительности на его поколение ученых: «...Фактической отправной точкой всех новых концепций, овладевших учеными... была великая и драматическая теория относительности, потрясшая все здание науки, каким оно представлялось людям моего поколения в годы их юности»²³. Осознание относительности времени способствовало отказу от позитивистской модели четкого разграничения прошлого и настоящего. Время (режим темпоральности) начинало рассматриваться через призму социальных практик.

На смену прямолинейному рационализму позитивизма приходит более сложная модель познания, признающая особую роль субъекта познания — ученого, предстающего теперь не простым фиксатором объективной реальности, а выступающего почти творцом, привносящим даже в научное знание особенности своей личности. В радикальной форме сомнения в способности познания объективной реальности проявились в эмпириокритицизме. Его основоположниками считаются Э. Мах и Р. Авенариус, которые, опираясь на философскую традицию, идущую от Юма и Беркли, а также на новейшие достижения науки, доказывали, что необходимо обратить особое внимание на познающего субъекта, его психологию и восприятие реальности²⁴. В отечественной исторической науке идеи эмпириокритицизма выразил Р.Ю. Виппер в своей книге «Очерки теории исторического познания» (М., 1911. 284 с.), где доказывал, что знание о прошлом в значительной степени конструируется историком.

Стоит отметить повышенное внимание к психологии²⁵. Особую популярность приобрел психоанализ З. Фрейда, который доказывал, что человек — не рациональное существо, как это представляла рационалистическая философия, а терзаемое инстинктами и комплексами создание, лишь внешне действующее согласно разуму²⁶.

²³ Февр Л. Быт за историю. М.: Наука, 1991. С. 32.

²⁴ О влиянии эмпириокритицизма на представителей русского революционного движения см.: Стейла Д. Наука и революция: Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.) / Пер. с итал. О. Поповой. М.: Академический проект, 2013.

²⁵ О развитии психологии в России см.: Сироткина И., Смит Р. История психологии в России: краткий очерк с авторскими акцентами. Препринт. М.: ВШЭ, 2016.

²⁶ Об особой роли З. Фрейда и его теории в переосмыслении мира см.: Гэй П. Модернизм. Соблазн ереси: От Бодлер до Беккета и далее. М.: Гараж, 2019. С. 10–12.

Настоящим властителем дум был Ф. Ницше, призывавший критически переосмыслить все ценности и утверждавший философию крайнего индивидуализма. «Воля к власти» объявлялась центральным онтологическим и гносеологическим понятием, а «сверхчеловек» — конечной целью бытия. Ницше выступал против «антикварной» истории, считая, что история должна помогать строить будущее²⁷. Парадоксальным образом интерес к Ницше нередко шел рука об руку с марксизмом, поскольку обе доктрины выступали против отчуждения человека²⁸.

В этой интеллектуальной атмосфере жили не только учёные, но и будущие советские руководители «интеллектуального» и «культурного» фронта, которые восприняли не только материализм и марксизм. Социал-демократическое движение начала XX в. проходило в атмосфере культурных экспериментов, и революционерам импонировали богоборческие идеи модернистов и авангардистов. Приобретенный еще в дореволюционное время культурный багаж отчасти пригодился и после падения «старых режимов».

В науке модернистский вектор до сих пор не являлся предметом специального исследования. Очевидно, немалую роль в этом играет и тот стереотип о модернизме как исключительно культурном феномене. Между тем взгляд на историописание как практику и нарратив, отражающие метанarrатив(ы) эпохи, позволяет вписать и научную историографию в общекультурный и интеллектуальный контекст. Уже в конце XIX — начале XX в. усиливалась критика «наивного» позитивизма.

В контексте культурной революции происходило интеллектуальное становление и деятелей российской социал-демократии, в том числе и будущих лидеров большевиков²⁹, и ряда молодых историков и деятелей культуры, вскочивших на подножку революционного локомотива. Не случайно большевизм, благодаря своему утопическому радикализму, был чрезвычайно популярен

²⁷ Синеокая Ю. В. Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Фридрих Ницше и философия в России: Сб. ст. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999. С. 7–37.

²⁸ Кларк К. Указ. соч. С. 122–135.

²⁹ Достаточно вспомнить поиски группы «Вперед». См.: Морозова А.Ю. «Неленинский большевизм» А.А. Богданова и «впередовцев»: Идеи, альтернативы, практика. М.; СПб.: Нестор-история, 2020.

в авангардной культурной среде. В этом контексте раннесоветское историописание уместно рассматривать как сплав марксистской мысли и практики, традиций классической историографии, модернистских поисков, ситуативных решений, побед определенных акторов.

«ИСТОРИКИ АВАНГАРДА»: СОВЕТСКОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ В 1920–30-Е ГГ. В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИСТСКОЙ ЭПОХИ

Завершение Первой мировой войны двойственным образом сказалось на практиках историописания. В западных странах национальный взгляд на историю, оставаясь, впрочем, все еще доминирующим, вызывал все больше критики, поскольку уже прочно ассоциировался с национализмом и практиками военной мобилизации. Однако мировая война и ее последствия обострили и другие тенденции. Распад империй и начало вхождения колониальной системы в кризис привели к появлению множества новых независимых государств и росту национальных движений. Если на Западе можно было наблюдать определенный кризис национального историописания, то в остальном мире, наоборот, произошел резкий рост позаимствованных из европейской историографии национальных форматов историографий. Например, на обломках Османской империи бурно развивались национализирующие прошлое народов и государств нарративы, пришедшие на смену традиционному исламскому историописанию. Схожие процессы происходили в Восточной Европе, на Дальнем Востоке и в Латинской Америке³⁰.

Советский Союз позиционировал себя в качестве форпоста нового общества. Впрочем, революционный запал со временем затухал. Если о 1920-х гг. годах и даже первой половине 1930-х гг. мы можем говорить как о времени радикального революционизма, то затем СССР все больше походил на «нормальную державу», со своими государственными интересами, а не на штаб-квартиру коммунистического общества. Тем не менее марксизм официально оставался структурообразующей доктриной советской системы.

³⁰ Иггерс Г., Ван Э. Указ. соч. Глава 5.

Марксизм с его критическим взглядом на сложившийся порядок вещей и пафосом построения нового общества не просто хорошо вписывался в общий революционный настрой эпохи, но и во многом определял ее. А. Мегилл обращает внимание, что марксизм следовал общему тропу модернистского подхода, заключающегося в том, что «вещи, наблюдаемые более или менее непосредственно, вовсе не являются „реальной“ действительностью»³¹.

Марксизм стал одной из ключевых критических теорий эпохи. Стремление обнаружить под камуфляжем объективности скрытые классовые интересы приводило марксистов к практически тотальному пересмотру устоявшейся картины мира. Не случайно сильной стороной историков-марксистов являлась критика, де-конструкция нарративов своих предшественников. С позитивной повесткой было несколько хуже.

Отрицание внеклассового знания создавало определенные проблемы. Так, принцип партийности явно противоречил установке на нейтральность, присущей классической историографии. Однако признание социальной ангажированности прекрасно вписывалось в новые установки. Выделяя классы в качестве новых «субъектов» общественного развития, марксисты подчеркивали, что знание не может быть нейтральным, оно всегда классово ангажировано и отражает интересы и чаяния определенных классов. Ориентация на построение нового общества, за которым стояло будущее, создавало интересное решение проблемы объективности знания. Поскольку критерием истины признавалась практика, которая неизбежно должна была продемонстрировать преимущества социализма и привести к его победе, марксистская доктрина признавалась истиной. Следовательно, именно социалистическая (коммунистическая) партийность в общественных науках не противоречила истинности знания, наоборот, оказываясь ее залогом.

Признание неразрывной связи теории и практики диктовало и особый темпоральный режим. «Скорость» истории значительно увеличилась, и это отмечалось всеми³². Если для XIX в. было характерно разграничение прошлого, настоящего и тем

³¹ Мегилл Ал. Указ. соч. С. 209.

³² Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: РАНХиГС, 2016. С. 93–104.

более будущего, то для революционно настроенных марксистов эти границы стирались. Для них было важно, что история творится здесь и сейчас, особенно в революционную эпоху. Более того, уверенность в неизбежной победе коммунизма создавала эффект «забегания вперед», когда в прошлом и настоящем искались ростки будущего.

Приход к власти большевиков стал мощным стимулом ускорения изменений в историописании, хотя и придал ему вполне определенное направление. Если до революции можно было наблюдать конкуренцию целого ряда разных подходов, то теперь провозглашалось господство материалистического, марксистского мировоззрения. Проблема заключалась в том, что марксистский историографический канон пока не был сформирован, и не очень было ясно, что является «правильным», марксистским. В этой ситуации главным теоретиком советской исторической науки оказался М.Н. Покровский. Тем не менее в первые годы советской власти можно было наблюдать активные теоретико-методологические поиски, обусловленные во многом «концептуальными пустотами», то есть отсутствием или слабой проработкой целого ряда теоретических и конкретно-исторических проблем³³. Не прекращали заниматься методологией и представители дореволюционного академического сообщества³⁴.

Большевистская революция способствовала радикальной трансформации структуры исторических дисциплин. Так, целый ряд направлений (например, славяноведение, антиковедение, византиеведение и т. д.) оказались в кризисе из-за того, что новой властью они воспринимались как идеологические инструменты павшего царского режима. Наоборот, развитие археологии, как воплощения материалистического подхода к истории, получило серьезный стимул³⁵. Впрочем, в почете оказалась не древняя история, а история современная, причем желательно история револю-

³³ Дмитриев А.Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. 2007. № 8. С. 10–38.

³⁴ Долгова Е.А. Споры о методе в российской исторической науке // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2013. № 1 (102). С. 166–172.

³⁵ Тихонов В.В. Историческая наука в 1920-е гг.: историографические заметки // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия «История». 2013. № 30. С. 105.

ционного движения. Октябрьская революция в этом нарративе представлялась кульминацией долгого и предопределенного исторического процесса.

Произошли важные институциональные изменения. Закрылись историко-филологические факультеты университетов, бывшие центрами производства исторического знания и воспроизведения кадров. Вместо них открывались факультеты общественных наук (ФОНы), где предлагался иной предметный перечень и принципы преподавания, в том числе и идеологические³⁶. Отменили научные степени, что разрушало сложившуюся академическую иерархию. Эти шаги были направлены на перестройку высшего образования и университетской системы, которую большевики рассматривали в качестве базиса интеллектуальной жизни, но понимали, что профессорский корпус настроен в масse своей враждебно. Предполагалось, что радикальные реформы помогут провести «большевизацию» высшей школы и выстроить новую академическую систему, коммунистическую по своей сути³⁷. Разумеется, реальность и проекты вновь разошлись. Ни количество и качество «коммунистического» преподавательского состава, ни подготовка «пролетарского» студенчества не позволяли быстро реализовать эти планы.

Авангардистская эпоха задавала новые формы организации производства и присвоения исторического знания. 1920-е гг. запомнились поисками новых форм исторического образования. Так, предполагалось, что в коммунистических вузах только практические (семинарские) занятия могут воспитать полноценного марксиста и исследователя-практика, объединить знание и реальность. Выступая перед слушателями Коммунистического университета им. Г.Е. Зиновьева в 1923 г., М.Н. Покровский утверждал,

³⁶ В реальности из-за недостатка «марксистских» кадров к работе активно привлекались и более-менее лояльные кадры «старой» профессуры. Решить проблему с марксистскими кадрами не удалось даже к 1930-м гг. Как это продемонстрировали исследования, даже главная кузница советского марксизма — Институт красной профессуры (ИКП) вынужден был активно привлекать ученых с дореволюционным стажем и сомнительным политическим прошлым: Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е годы. М.: РГГУ, 2020. С. 198–212.

³⁷ Подробнее см.: Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы) / Отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 359–610.

что вскоре лекции умрут как форма обучения и «активные занятия будут заполнять все время..., ваше образование станет целиком делом ваших собственных рук, только при помощи старших товарищей»³⁸. Реализовать эти благие пожелания не удалось из-за невысокого образовательного уровня слушателей.

Тем не менее в ситуации, когда старая иерархия авторитетов рухнула, открылись возможности для экспериментальных поисков. Утверждение советского марксизма нельзя рассматривать изолированно от многочисленных авангардистских (модернистских) течений в культуре и науке. В 1920-е гг. на его развитие определенное влияние оказывали фрейдизм, эмпириокритицизм и т.д. Так, в исторических и историографических работах начинаящего тогда историка М.В. Нечкиной можно обнаружить элементы фрейдистского психоанализа³⁹. Междисциплинарностью отличалась и исследовательская программа Института истории РАНИОН, где работало много представителей «старой школы», ориентированных на вполне традиционный позитивистский подход. Институт стал своеобразной площадкой сотрудничества и противостояния старого и нового поколений⁴⁰.

Интересно, что новая эпоха позволила по-новому определить место автора в научном тексте. Если позитивистская традиция предполагала обезличенный формат авторской презентации, когда историк максимально дистанцировался от сюжета и героев, скрываясь за маской объективности, то модернистское исторописание не обязательно требовало авторской дистанции. По наблюдениям С.Б. Криха, известный антиковед С.Я. Лурье стремился в своих текстах продемонстрировать личную заинтересованность в сюжетах своих исследований, не избегал самонаблюдения как инструмента анализа и т.д. «Нечто похожее в те годы встречается обычно у тех историков, которые положитель-

³⁸ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Историографические очерки, критические статьи и заметки. Т. 1. 2-е изд. М.: URSS, 2011. С. 9.

³⁹ См.: Тихонов В.В. Историк Милица Нечкина и культурно-интеллектуальная революция // Вестник СПбГУ. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 256–265; Тихонов В.В. «Ключевскиада» М.В. Нечкиной // Диалог со временем. 2019. № 1 (66). С. 238–248; Сидорова Л.А. Отражение личности историка в его текстах: М.В. Нечкина и ее работа «В.О. Ключевский» // Диалог со временем. 2025. № 90. С. 114–130.

⁴⁰ Рыжковский В. Был ли у русской революции свой Гегель? Борис Поршнев и его «Критика человеческой истории» // Гефтер. <http://gefter.ru/archive/22681> (дата обращения: 09.02.2020)

но приняли революцию, а следом и марксизм...»⁴¹, — отмечает С.Б. Крих.

Принцип историзма традиционно рассматривается в качестве базиса не только исторической науки, но и исторического сознания современного типа в целом. Именно помещение события/явления в исторический контекст эпохи позволяло провести демаркационную линию между прошлым и настоящим. В классической историографии XIX в. историзм культивировался как принцип, позволяющий получить более объективное, не искаженное презентизмом знание о прошлом⁴².

Для советской историографии общим местом была культивация историзма как принципа познания, причем истоки этого виделись в наследии классиков марксизма⁴³. Как и в классической историографии XIX в., именно историзм являлся ключевым признаком научности знания о прошлом и отличия историографии от литературы и натурфилософии. Однако, в отличие от классической модели историзма, в которой прошлое, настоящее и будущее разграничиваются, в марксизме они теснейшим образом переплетались, зачастую не просто переходя, но и подменяя друг друга. «Гуру» марксистской историографии 1920-х гг. М.Н. Покровский утверждал, что исторический анализ «дает возможность „по прошедшему угадывать будущее“»⁴⁴.

Важной проблемой оказывалось соотношение «объективного хода истории» (и неизбежности построения коммунистического общества в марксистской теории) и исторического творчества масс. Советскими теоретиками и историками проблема решалась диалектически: непреложные законы развития существуют, и марксисты их знают, но за их реализацию нужно бороться и где-то даже добиваться их ускорения (как в случае с Октябрьской революцией).

⁴¹ Крих С. Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 208.

⁴² См.: Барг М.А. Эпоха и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987.

⁴³ Покровский М.Н. Ленин и Маркс как историки (1926) // Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов: Историографические очерки, критические статьи и заметки. 2-е изд. Т. 2. М.: URSS, 2012. С. 259; Бухарин Н.И. Учение Маркса и его историческое значение (Опыт теоретической характеристики) (1933) // Бухарин Н.И. Избранные труды. Л.: Наука, 1988. С. 142.

⁴⁴ Покровский М.Н. Ленин и Маркс как историки. С. 265.

Таким образом, была сформулирована особая концепция «активного историзма». Критерием истины здесь являлась социально-политическая практика, а не только ряд аналитических процедур в виде критики источника, привлечения системы достоверных фактов и т. д. Наоборот, следование принципам классической (ранкенианской) историографии объявлялось объективизмом, т. е. внешне беспристрастным воспроизведением фактов, за которым в реальности скрывались классовые интересы. На Первой всесоюзной конференции историков-марксистов М.Н. Покровский заявил: «Не только экономический материализм, т. е. экономическая интерпретация истории, но экономический материализм плюс борьба классов — это все-таки еще не марксизм. И только тот, кто признает политические выводы из марксизма, признает диктатуру пролетариата, тот — настоящий марксист»⁴⁵.

В лексиконе М.Н. Покровского понятие «объективность» часто носило отчетливые негативные коннотации и в этом случае связывалось с наследием немарксистской историографии. Отсюда и нередко встречающееся в его текстах ироничное словосочетание — «буржуазная объективность». С другой стороны, лидер советских историков-марксистов не стал формулировать концепцию какой-то особой «пролетарской объективности»⁴⁶. Формально этого и не требовалось, поскольку объективность может быть одна, и принадлежит она историкам-марксистам. Поэтому в советском культурно-политическом лексиконе было выработано такое понятие, как «объективизм», под которым подразумевалось аполитичное, мертвое знание, вводящее в заблуждение своей внешней нейтральностью.

Для классической историографии архивы и хранившиеся в них документы являлись краеугольным камнем. Считалось, что только благодаря работе в архивах возможно полноценное историческое исследование. Надо сказать, что советские историки также придавали архивам большое значение, поэтому взятие под контроль архивохранилищ (система которых была централизована)⁴⁷ и документирование текущих событий объявлялись важнейшей политической задачей. С 1920 г. во главе центральной

⁴⁵ Покровский М.Н. Ленинизм и русская история (1930). С. 271.

⁴⁶ Слепенко И.А. Понятия «объективность» и «научность» в творчестве М.Н. Покровского // Клио. 2025. № 6(222). С. 219–222.

⁴⁷ Хорхордина Т.И. История и архивы. М.: РГГУ, 1994. С. 6–140.

архивной организации РСФСР — Главархива — стоял М.Н. Покровский. В этой сфере он также придерживался представлений о классовом подходе при отборе документов и ангажированности архивов. Он указывал, что поверженные классы целенаправленно игнорировали историю пролетариата и революционного движения, документировали преимущественно то, что отражало их интересы, и сознательно искали историю угнетенных классов. Теперь архивы должны встать на службу советской власти и превратиться в инструмент борьбы с врагами нового строя⁴⁸. Обычно такой подход ставят в упрек М.Н. Покровскому и проводникам этой линии. Однако здесь можно увидеть и присущий марксизму модернистский по духу отказ от представлений о беспристрастности документа и стремление поместить его в контекст социально-политической практики.

Осмысление феномена исторического факта также приобретало черты политического выбора. С одной стороны, историки-марксисты охотно признавали позитивистскую по духу установку на объективность факта как такового. С другой — настороженно относились к их интерпретации. М.Н. Покровский (как и Ленин) призывал брать факты из трудов дореволюционных историков, считая их вполне достоверными, но в то же время учил, что факты требуют «правильной», марксистской интерпретации. Также он неоднократно обвинял классовых врагов в предвзятом отношении к истории угнетенных классов, в том числе и прямом искаложении фактов.

Характерной чертой 1920-х гг. стали массовые историко-документальные проекты: истпарт⁴⁹, истпроф⁵⁰ и т. д. Непрофессиональные историки и простые свидетели событий становились участниками сбора и обработки истории революционного движения, профсоюзного строительства и т. д. Тем самым разруша-

⁴⁸ Покровский М.Н. Политическое значение архивов. М.: Изд-во Центрархива РСФСР, 1926.

⁴⁹ Алексеева Г.Д. Истпарт: основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 17–29; Корнеев В.Е. Местные бюро Истпарта ЦК ВКП (б): Создание источниковой базы историко-партийной науки 1920–1929 гг. М.: МГИАИ, 1986; Корни Фр. Октябрь: Память и создание большевистской революции. Бостон; СПб.: Библиороссика, 2024. С. 173–218; и др.

⁵⁰ Гильминтинов Р.Р. Истпроф и особенности профсоюзного историописания в СССР в 1920-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2019.

лись выстроенные в классической исторической науке барьеры между историком-профессионалом и любителем. Причем здесь стиралась грань между участником событий и их исследователем, действием и архивом. Так же происходило смещение субъекта и объекта исследования. В классической науке они должны быть четко разграничены, но здесь участники революционного движения и профсоюзного строительства оказывались исследователями собственной истории.

Новые организации являлись чем-то средним между научно-исследовательским институтом и массовым движением. Эти проекты можно рассматривать как яркое проявление т. н. «революционного документализма». Его сутью являлась идея о том, что при помощи автобиографии (написанной самостоятельно или зафиксированной в интервью) «маленький человек» утверждает свою роль в истории и превращается в «Человека с большой буквы»⁵¹. В позитивистской парадигме историк (в данном случае это человек, пишущий историю) оказывается в позиции вненаходимости и может бесстрастно воспринимать прошлое как объект. В противовес этому предлагался взгляд на историка, точнее простого человека, одновременно являющегося и участником истории, и ее исследователем, как на творца истории. История в этой парадигме не являлась самоценным чистым знанием, а должна была служить делу построения нового человека, его жизнестроительству, изменению мышления, наконец, созданию нового общества. Обычно о проекте создания «нового человека» социалистического общества говорят в контексте технотопий⁵².

Между тем историографические проекты играли в этом не менее важную роль. В 1930-е гг. массовые историко-документальные проекты получили продолжение. Во многом благодаря инициативе М. Горького был реализован проект по созданию истории фабрик и заводов⁵³, была образована главная редакция «Истории

⁵¹ О «революционном документализме» см.: Хельльбек Йо. Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны). М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 118.

⁵² Обзор концепций см.: Слышкова В.В. Идея «нового человека» в 1920-х гг.: концепции в современной истории науки // Советская гуманитаристика: Мечты и прагматика в 1920–1950-е гг. М.: РГГУ, 2020. С. 134–141.

⁵³ См.: Журавлев С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М.: ИРИ РАН, 1997.

Гражданской войны», собиравшая воспоминания участников революции и гражданской войны⁵⁴.

Один из руководителей «исторического фронта» 1930-х гг., Г.С. Фридлянд, говорил в 1934 г. о сути надвигающейся реформы исторического образования: «Совершенно очевидно, что мы вступаем в полосу, когда широкое распространение исторических знаний не есть только вопрос учебно-организационного порядка, не есть только вопрос средней и высшей школы, но связан с вопросом о воспитании нового человека, человека бесклассового общества»⁵⁵. Это было произнесено сразу после постановления ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школе» (15 мая 1934 г.), ставшего точкой отсчета в перестройке советской идеологии на более консервативные и государственные позиции. Однако Г. Фридлянд здесь еще продолжал рассуждать в духе революционного романтизма предыдущего десятилетия. Он не знал, что теперь история будет использоваться не столько как инструмент построения «нового человека», сколько в качестве механизма легитимации сталинского режима и поддержания советского патриотизма.

Нацеленность в раннесоветский период на створение нового мира приводила к тому, что в советском историческом нарративе прослеживался особый темпоральный режим, в котором прошлое, настоящее и будущее не перетекали друг в друга эволюционно, но смешивались и «спрессовывались». Например, историк Г.С. Фридлянд, размышляя о том, что можно отнести к истории, говорил: «Когда начинается „история“? Существует у нас комиссия по „Истории метро“. Метро еще не построено, а его история уже пишется»⁵⁶. Эти слова подтверждают наблюдения филолога К.А. Богданова, что для советской культуры было присущее «представление об истории, превращающее современность в некое квазисакральное переживание того, что уже произошло в будущем»⁵⁷.

Возникает естественный вопрос: почему же не был реализован советский авангардистский историографический проект?

⁵⁴ «История гражданской войны в СССР» (1935 г.): история текста и текст истории / Сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М.: Политическая энциклопедия, 2017.

⁵⁵ Фридлянд Г.(С.Н.) Основные проблемы исторического романа (1934). С. 11.

⁵⁶ Там же. С. 12.

⁵⁷ Богданов К.А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое политическое обозрение, 2009. С. 9.

Причин тому несколько. Самая очевидная — идеологический поворот к классической модели историописания, произошедший во второй половине 1930-х гг. и нацеленный на воспитание советского патриотизма. Задача построения «нового человека» оказалась отодвинута задачей построения «социализма в отдельно взятой стране». В этом смысле сталинский период стал торжеством историографической неоклассики.

Немаловажно и отторжение «историографического авангардизма» академической средой. Эксперименты привели к кризису традиционных академических дисциплин: классической древности, медиевистики и т.д., а именно их представители занимали ключевые позиции в академической иерархии. Не случайно, что 1920-е гг. остались в коллективной памяти историков как времена хаоса. Причиной сворачивания экспериментов была и кадровая проблема. Качество абитуриентов (да и преподавательского состава) новых коммунистических вузов, как правило, оставляло желать лучшего⁵⁸.

Наконец, в созданную большевиками централизованную систему организации науки была заложена институциональная проблема. Научные и образовательные институции были слишком зависимы от власти, а экспериментальная наука может динамично развиваться только в условиях свободы.

Можно говорить, что «историографический авангард» повторил судьбу своего более известного современника — русского авангардистского искусства первой трети XX в. В первое десятилетие существования Советского Союза новым властям оказалось по пути с новым искусством, но по мере укрепления сталинского курса на великодержавие и неоклассику как лучшее отражение этой идеологии, авангард терял свою актуальность и вскоре фактически оказался под запретом. Огромную роль в возврате к классицизму сыграли и вкусы массового потребителя искусства, для которого авангардизм казался слишком сложным и оторванным от жизни. Во второй половине 1930-х гг. классический исторический нарратив (разумеется, марксизированный), лучше отвечавший патриотическому воспитанию, легче воспринимавшийся в рамках школьного образования, вернул потерянные ранее позиции.

⁵⁸ Грузданская В.С., Клюев А.И., Метель О.В. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920-х–1930-х гг. Очерк 5.

Глава 4

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН 1920-х — 1930-х гг.: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

A.C. Акимова

Исторический роман как жанр сложился в XIX в., но в 20-х–30-х гг. XX в. он переживал свое «второе рождение». В изменившейся социально-политической ситуации происходило обновление жанра, связанное со сближением с историей, с введением нового исторического материала, обрушившегося «всею своею громоздкою тяжестью»¹ на литературу. «Если и есть в историческом романе вымышленная фабульная линия, то она остается на втором плане, стушевываясь перед историей, которая становится главным героем романа»², — писала литературный критик О.А. Немеровская. Исчезла фабула, литературный герой стал не нужен, вымышленная сюжетная линия отошла на второй план, на первый выдвинулась сама история и документальный материал (мемуары, письма, дневники), ставший конструктивным элементом романа, как, например, в написанных в форме мемуаров романах О.Д. Форш «Одеты камнем» (1926) или М.Д. Марич «Северное сияние» (1926), посвященных декабристам.

Литературовед и критик, эмигрировавший в 1920 г., П.М. Биццилли в книге «Очерки теории исторической науки» (Прага, 1925) предложил постановку проблемы жанра исторического романа и предпринял попытку выделить его основные черты. Так, под историческим романом он понимал «„историческое“ произведение, т. е. произведение, посвященное воссозданию „исторического“, т. е. временного и местного» и «„роман“, т. е. произве-

¹ Немеровская О.А. К проблеме современного исторического романа // Звезда. 1927. № 10. С. 121.

² Там же. С. 122.

дение, имеющее целью воссоздать жизнь во всей ее полноте, т. е. и в том, что в ней принадлежит всем временам и местам»³. Он писал о влиянии исторических романов на историков, в частности на О. Тьери и Ж. Мишле, которые обратились к социальной стороне истории и использовали художественные приемы историков-беллетристов, в частности, «искусство группировать „petits faits“ вокруг действующих лиц как вокруг живых центров»⁴.

Размышляя об отличии искусства и науки, один из ведущих советских критиков, ответственный редактор журнала «Новый мир» В.П. Полонский, назвал статью М.В. Нечкиной о «Капитале» К. Маркса⁵ художественным произведением, а автора-историка настоящим художником⁶: «Историческое исследование есть произведение одновременно научного и художественного творчества. Исторический роман — произведение одновременно искусства и науки»⁸.

В 1920-е — 1930-е гг. были опубликованы такие произведения, как «Кюхля» (1925) Ю.Н. Тынянова о жизни поэта-декабриста В.К. Кюхельбекера, роман «Золотой клюв» (1926) Анны Караваевой, повесть К.Г. Шильдкрета «Скованные годы» (1926), романы А.П. Чапыгина «Степан Разин» (1927) и «Гулящие люди» (1937), роман Тынянова о последних годах жизни А.С. Грибоедова «Смерть Вазир-Мухтара» (1929), романы Форш «Одеты камнем» (1926), «Современники» (1926) и «Северное сияние» (1926) Марич, «Повесть о Болотникове» (1930) Г.П. Шторма и его же «Труды и дни Михаила Ломоносова» (1932), первая книга романа А.Н. Толстого «Петр Первый» (1930; вторая в 1934 г.), В.Я. Шишкова («Угрюм-река», 1933; первая книга романа «Емельян Пугачев», 1939) и др.

Итоги развития молодой советской литературы подвел критик Г.Е. Горбачев, объединив свои статьи начала 1920-х гг. в одну книгу, которая вышла в ленинградском издательстве «Прибой»

³ Цит. по: Биццилли П.М. Очерки теории исторической науки / Послесловие и прим. Б.С. Кагановича. СПб.: Axioma,, 2012. С. 252.

⁴ Незначительные факты.

⁵ Цит. по: Биццилли П.М. Очерки теории исторической науки. С. 255.

⁶ Нечкина М.В. Литературное оформление «Капитала» К. Маркса // Пролетарская революция. 1931. № 5–6. С. 94–116.

⁷ Полонский В.П. Проблемы марксистского литературоведения. Сознание и творчество, статья первая // Новый мир. 1931. № 4. С. 127–145.

⁸ Там же. С. 133.

в 1926 г.⁹ В ней высокую оценку получили пролетарские писатели, которые в своих произведениях обратились «от прославления „героического прошлого“ <...> к настоящему во всей его сложности и борьбе, во всем его повседневном величии медленного перерастания в социалистическое будущее»¹⁰. «Вздыхания об „ярком“ прошлом», далеком и недавнем, наряду с отвлеченно-психологическими темами и «космическими абстракциями» отличают непролетарских писателей, Форш, которая «пишет исторические романы», А.Н. Толстого, который создает исторические пьесы и авантюрные романы¹¹. Критик высказался и об опубликованных в периодике главах из романа Чапыгина «Степан Разин»: «То, что опубликовано, показывает усидчивую работу над языком, бытом и социальной жизнью эпохи, широкое и умелое развертывание сюжета, и одновременно — подчинение шаблону старого исторического романа, с ужасными казнями, необычайными побегами, сверхъестественно сильными героями, подземными тайниками. Главный же недостаток — обычное у Чапыгина чрезмерное увлечение натурализмом, сосредоточивающим внимание на мелочах, предпочитающим „деревья“ деталей — „лесу“ обобщений»¹².

О первых исторических романах высказались ведущие деятели культуры. В статье «Современники» (1926), посвященной роману Форш, А.В. Луначарский, характеризуя современную литературу, в которой преобладали «произведения, направленные на самопознание, т. е. художественное отражение тех или других жизненных явлений нашей послереволюционной действительности», отмечал появление исторических романов Форш и Чапыгина («Степан Разин»), в которых взгляд обращен «назад с точки зрения, приобретенной нами теперь, и существеннейшим образом меняющей оценки прошлого»¹³. Своебразие романа Форш, по мнению Луначарского, заключалось в социально-психологическом анализе крупных исторических личностей писателя Ни-

⁹ В предисловии автор писал о том, что его взгляды не изменились (см.: Горбачев Г.Е. Два года литературной революции. Л.: Прибой, 1926. С. 6).

¹⁰ Горбачев Г.Е. Два года литературной революции. С. 17.

¹¹ Там же. С. 18.

¹² Там же. С. 146–147.

¹³ Литературное наследство. Т. 82: А.В. Луначарский: неизданные материалы. М.: Наука, 1970. С. 265.

колая Гоголя и художника Александра Иванова, позволившем описать эпоху.

Уже в 1927 г. в периодической печати в статье литературного критика, исследователя творчества Форш и Тынянова, автора публикаций о жизни и творчестве А.А. Блока, Немеровской была поставлена проблема исторического романа¹⁴. Автор задавалась рядом вопросов: что такое исторический роман и современный исторический роман, каковы его функции и признаки. Основная задача развивавшегося в 1920-х гг. жанра — «восстановить героя, восстановить сюжет, восстановить ощущение жанра»¹⁵, — писала Немеровская. Его второстепенными признаками, по мысли критика, были «фактичность, документальность, бесfabульность, единство конструктивного плана и, главное, концентрация вокруг живых исторических фигур, заменяющих литературных героев и облегчающих ввод философского и психологического материала»¹⁶. Историческими романами она называла романы Тынянова, отчасти Марич, М.А. Алданова (изданные за границей в 1925 г. «Девятое термидора» и «Чертов мост»). «Одеты камнем» Форш критик считала не историческим, а первым психологическим романом послереволюционной литературы¹⁷. По ее мнению, форма мемуаров главного героя, вымыщенного персонажа, 83-летнего генерала Сергея Русанина, товарища по военному училищу заточенного в Алексеевском равелине офицера Михаила Бейдемана, устарела и неуместна в современной литературе, как и языковая стилизация, которая «отягощает фабулу и притупляет остроту психологической линии»¹⁸. В другой рецензии на роман, напротив, говорилось о том, что «осторожная стилизованность „мемуаров“» придавала произведению

¹⁴ Немеровская О.А. К проблеме современного исторического романа // Звезда. 1927. № 10. С. 121–129.

¹⁵ Там же. С. 128.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 123. В оценке романов Тынянова и Форш, по мнению И.Т. Изотова, испытавшая влияние формалистов Немеровская не пыталась раскрыть реально-историческое содержание романов, а сосредотачивается на поиске приемов, «с помощью которых писатели пытаются якобы приглушить звучание истории, сделать неузнаваемыми исторические события» (подробнее см.: Изотов И.Т. Проблемы советского исторического романа. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 43).

¹⁸ Там же. С. 124.

«особый исторический аромат»¹⁹. Несмотря на то что развитие жанра исторического романа критик связывала именно с сокращением исторического материала, событий и фактов и интересом писателей к участникам этих событий, их心理学и и биографии, романы Форш, писала она, «настолько тенденциозно психологичны по своей установке, что едва ли правильно их считать характерными для направления современного исторического романа»²⁰.

Дальнейшее развитие жанра Немеровская связывала не с фабулой и ее динамичностью, а с возрастающей ролью личности, участников событий в повествовании. Роман Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», в котором характер Грибоедова передан психологически точно при помощи литературных приемов (сравнений, образов, метафор), заменивших авторский анализ, — пример «торжества героя над эпохой»²¹. В то время как отказ от историко-биографической линии в пользу воспроизведения колорита эпохи в романе Чапыгина «Степан Разин» привело к разрушению историзма. И напротив, иллюзия истинности, исторической правдивости создавалась благодаря сокращению фактического материала и его литературной обработке во второй части романа Толстого «Хождение по мукам», которая публиковалась в журнале «Новый мир» в 1927 и 1928 гг.: «Толстой, следуя традициям своего одноименного праотца, выдерживает все время спокойный повествовательный тон, не гнушаясь порою публицистического стиля научно-исторического описания и применяя одинаковые краски для рисовки героев своей литературной хроники, идущих из первой части, и внелитературных героев хроники гражданской войны»²².

Связь с историей, с одной стороны, представлялась спасением для литературы, с другой — определяла выбор материала, актуального для новой исторической действительности: «Исторический роман становится одним из путей спасения современной литературы от кризиса. Исторический материал должен заменить материал литературный, стать на его место, и потому он требует

¹⁹ Иб. [Рец.] Ольга Форш, «Одеты камнем» (тайный узник Алексеевского равелина). Москва, 1925 г. Изд. «Россия» // Новый мир. 1925. № 8. С. 148.

²⁰ Немеровская О.А. К проблеме современного исторического романа. С. 128.

²¹ Там же. С. 125.

²² Там же. С. 127.

отбора. И как-то само собой случилось, что литература восприняла лишь тот материал, который переплетается с современностью, намекает на нее, даже подчеркивает ее. <...> Даже „Разин“ Чапыгина выставленными в нем событиями кивает головой всем последующим бунтам и восстаниям русской истории вплоть до крестьянских возмущений 1917 г.»²³.

Возрождение жанра исторического романа критики связывали с романами Чапыгина «Степан Разин»²⁴, Форш и Тынянова. В рецензии Е.Я. Рабиновича (писавшего под псевдонимом Е. Мустангова) Форш и Тынянов названы авторами, «упорно возрождающими этот забытый в последнее время жанр», точнее «создающими новый исторический роман, являющийся одновременно психологическим», в котором исторический фон играет второстепенную роль. Роман Караваевой об эпохе Павла I «Золотой клюв» критик считал оригинальным по замыслу и выполнению, основанным на большом документальном материале, включенном частично в повествование. В качестве недостатков указывались мелодраматические сюжетные коллизии, восходившие к романам И.И. Лажечникова и М.Н. Загоскина, и увлечение стилизацией (использование архаизмов «надобно», «сей», «весьма», «настоль», «сколь» и др.)²⁵.

Все критики были единодушны в одном: наступил новый этап в развитии исторического (и связанного с ним биографического) романа. Б.М. Эйхенбаум в книге 1929 г. «Мой временник» объяснял это возникновением «эстетического интереса к мемуарной литературе» и ее проникновением в беллетристику²⁶. Современность, по его мнению, была еще слишком злободневна и потому не литературна, не сюжетна и могла найти отражение только в жанрах очерка, фельетона²⁷. Эйхенбаум, как и Немеровская, не считал романы Форш историческими: «Одеты камнем», другой роман «Современники» он называл биографическим или историко-культурным, так как главный герой вымышленное лицо Глеб

²³ Немеровская О.А. К проблеме современного исторического романа. С. 129.

²⁴ Вальбе Б.С. К проблеме исторического романа (О «Степане Разине» А.П. Чапыгина) // Октябрь. 1934. № 12. С. 159.

²⁵ Мустангова Е. [Рабинович Е.Я.] [Рец.] Анна Караваева. «Золотой клюв». ГИЗ. М.; Л., 1927 // Новый мир. 1928. № 2. С. 299.

²⁶ Эйхенбаум Б.М. Мой временник. Маршрут в бессмертие. М.: Аграф, 2001. С. 123.

²⁷ Там же.

Иванович Багрецов стал свидетелем душевной драмы Николая Гоголя. В «Современниках» сложные фигуры писателя и художника Александра Иванова показаны схематично, как выразители идей, но не люди со своими характерами и судьбой. Исторические лица (Гоголь и Иванов, З.А. Волконская и А.И. Герцен), которые говорят цитатами из писем, оказываются фоном, на котором развертывается романтическая фабула²⁸. Об искусственности сюжетной линии, связанной с вымышленным героем Багрецовым, его романом с карбонаркой и детективной историей с флаконом Боджиа, писал и Луначарский: «Тут есть также очень много отдельных прелестных штрихов, но в общем этот роман несколько искусственен, а между тем он занимает первый план. Гоголь и Иванов только как бы выглядывают из-за фигур положения этого первого плана»²⁹. Эйхенбаум неудачу автора объяснял так: «Несмотря на огромный материал, использованный автором, роман кажется написанным бегло, общо — нет графики, есть только мазки. Это происходит потому, что автор решил дать эпоху не через характеры, не через детали жизни, а через стилизацию — сюжетную и языковую»³⁰. Он называл роман Форш «декорацией эпохи», отмечал его театральность, а фигуры исторических лиц отвлеченными. Стилизация в историческом романе, по мнению Эйхенбайма, должна быть мотивирована: «Да, я настаиваю на историческом романе „мемуарного“ стиля — с деталями жизни, с вещами, с человеком, без стилистической напряженности, без декораций. Таков, мне кажется, литературный смысл современного интереса к историческому материалу. Мы хотим спокойного, сухого повествования о человеческой судьбе»³¹.

В 1930 г. главными «героями» критических откликов стали романы Форш, Тынянова, Шторма и Толстого. Признавая необходимость обращения к исторической тематике, критики писали не столько о достоинствах, сколько о недостатках произведений, допущенных в них анахронизмах и ошибках в работе с историческими источниками, а также увлечении языковой стилизацией.

²⁸ См.: Немеровская О.А. К проблеме современного исторического романа. С. 126.

²⁹ Литературное наследство. Т. 82: А.В. Луначарский: неизданные материалы. С. 267.

³⁰ Эйхенбаум Б.М. Указ. соч. С. 124.

³¹ Там же. С. 125.

Отдельную статью Немеровская посвятила романам Форш «Одеты камнем», «Современники» и «Горячий цех» о неудавшемся восстании 1905 года³². Главным недостатком романа «Одеты камнем» она называла форму — мемуары, в которых все события воспроизводятся в преломлении больного сознания: «История в романе — это авторский обман, пропуск для ввода в него тех психологических элементов, привычных русской дореволюционной литературе, которой не было места в беллетристике в момент выхода книги. Обман удался. Роман был воспринят как исторический и в качестве исторического романа имел успех»³³. Ошибка автора, по мнению критика, заключалась и в использовании архаического языка, который создавал лишь *иллюзию подлинности*. Немеровская обратилась к одному из исторических источников романа «Современники» — воспоминаниям П.В. Анненкова³⁴ и, сопоставив его с фрагментами романа, отметила субъективизм Форш в отношении к историческому материалу, надуманность и небрежное отношение к хронологии. Автор рецензии на «Повесть о Болотникове» Шторма также отмечал увлечение автора стилизацией, которая «не разрешает проблему исторического жанра» и «не приближает читателя к пониманию изображаемой эпохи»³⁵. Резко высказалась критик Е.Ф. Усиевич об исторических произведениях Л.П. Гроссмана «Записки д'Аршиака. Петербургская хроника 1836 года» (1930), «Рулетенбург» (1932) о Ф.М. Достоевском, повести «Бархатный диктатор» (1933) о периоде «Народной воли» и убийстве Александра II, в которых язык, изысканный, но безграмотный, создает иллюзию приобщения к культуре XIX в.³⁶.

В 1930 г. итоги развития советской литературы подвел М. Горький в статье «Наши достижения». Литература, как и вся страна, «со всею массой творческих сил Союза Советов живет в состоянии войны со старым миром и в напряженном строитель-

³² Немеровская О.А. Путь Ольги Форш // Звезда. 1930. № 2. С. 205–211.

³³ Там же. С. 205.

³⁴ Анненков П.В. Литературные воспоминания. Л., 1928. См.: Немеровская О.А. Путь Ольги Форш. С. 207–208.

³⁵ Рацковская Авг. [Рец.] Георгий Шторм «Повесть о Болотникове». ГИЗ. 1930 год // Звезда. 1930. № 2. С. 235.

³⁶ Усиевич Е.Ф. Исторические романы Леонида Гроссмана // Литературный критик. 1933. № 3. Август. С. 59–60.

стве мира нового»³⁷, поэтому, отвечая на требования, предъявлявшиеся молодой советской литературе, создания монументального произведения, подобного «Войне и миру» Л.Н. Толстого, Горький требовал, чтобы и критика соответствовала литературе и давала обзоры для читателей³⁸. О современном историческом романе Горький писал: «Незаметно, между прочим, у нас создан подлинный и высокохудожественный исторический роман. В прошлом, в старой литературе — слашавые, лубочные сочинения Загоскина, Масальского, Лажечникова, А.К. Толстого, Всеволода Соловьева и еще кое-что, столь же малоценнное и малоисторическое. В настоящем — превосходный, точно на меди вырезанный роман А.Н. Толстого „Петр I“, шелками вытканный „Степан Разин“ Чапыгина, талантливая „Повесть о Болотникове“ Георгия Шторма, два отличных мастерских романа Юрия Тынянова — „Кюхля“ и „Смерть Вазир-Мухтара“ и еще несколько весьма значительных книг из эпохи Николая I. Все это поучительные, искусно написанные картины прошлого и решительная переоценка его. Я не знаю в прошлом десятилетия, которое вызвало бы к жизни столько ценных книг. Повторяю еще раз: создан исторический роман, какого не было в литературе дореволюционной, и молодые наши художники слова получили хорошие образцы, на которых можно учиться писать о прошлом не столь далеком, как далека эпоха Петра I, но очень похожем на нее — я говорю о вчерашнем дне»³⁹.

Эти и другие, названные в статье романы не раз становились предметом обсуждения Горького и его корреспондентов⁴⁰. В частности, в переписке выявлено большое количество отзывов на роман «Петр Первый». 17 февраля 1933 г., поздравляя Толстого с 25-летием творческой деятельности, Горький писал: «„Петр“ — первый в нашей литературе настоящий исторический роман, книга — надолго. Недавно прочитал отрывок из 2-й части, — хорошо! Вы можете делать великолепные вещи. Ваш недостаток — торопливость»⁴¹. 24 февраля 1933 г. Горький сообщал Л.В. Никулину: «„Смерть Лефорта“ читал в „Огоньке“, отлично сделано! Он, Але-

ша, талантливейшая человечина, что уже говорить! Ему бы надо было постареть немножко для более спокойной и серьезной работы. Много он может сделать»⁴². Сам Никулин в письме Горькому от 19 февраля 1933 г. упоминал о чтении Толстым у редактора «Известий» И.М. Гронского фрагментов из второй книги: «Это очень хорошо, особенно смерть Лефорта»⁴³. Своей оценкой «Петра Первого» делился с Горьким и А.Б. Халатов в начале апреля 1933 г.: «Читал на днях отрывки второй части „Петра I“ — прекрасная и сильная вещь»⁴⁴. В целом о второй книге «Петра» Горький писал Толстому 13 февраля 1935 г.: «...читаю, восхищаюсь, — завидую. Как серебряно звучит книга, какое изумительное обилие тонких, мудрых деталей и — ни единой лишней!»⁴⁵. И одновременно его жене Н.В. Крандиевской: «Читаю 2-ю часть „Петра“. Понемножку, дабы продлить удовольствие. Эдакий он милый, черт! Какую книгу построил, с каким мастерством...»⁴⁶.

Советский критик Б.С. Вальбе назвал первую книгу романа «Петр Первый» новой вехой в жизни и творчестве Толстого, прошедшего путь от живописателя усадеб к «Дню Петра»⁴⁷. Отталкиваясь от высказывания Маркса («Историю часто призываем для разрешения распрай современности»), он рассматривал первую книгу в контексте всего творчества писателя и исторических романов Чапыгина («Степан Разин») и Тынянова («Смерть Вазир-Мухтара»). Вальбе отмечал, что, в отличие от романа Тынянова, в «Петре Первом» нет «фальшивой претенциозности», автор почти не прибегает к вымыслу, но «исторические фигуры вправлены в такую композиционную соразмерность, которую редко встретишь в нашей текущей художественной литературе»⁴⁸. По мнению критика, роман Толстого строго документален, события в нем показаны в хронологической последовательности, как в монографии о Петре, и при этом он увлекателен потому, что «мы имеем здесь

³⁷ Горький М. О литературе // Наши достижения. 1930. № 12. С. 3.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 3—4.

⁴⁰ Подробнее см.: Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

⁴¹ Переписка А.Н. Толстого: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 154.

⁴² Горький М. Полное собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2019. Т. 21. С. 338—339.

⁴³ АГ ИМЛИ РАН. КГ—п—54—1—11. Л. 2.

⁴⁴ Архив Горького. Т. 10. М. Горький и советская печать. Кн. 1. М.: Наука, 1964. С. 283.

⁴⁵ Переписка А.Н. Толстого. Т. 2. С. 203—204.

⁴⁶ Там же. С. 204.

⁴⁷ Вальбе Б.С. «Петр Первый» // Красная газета (Вечерний выпуск). 1931. 20 января. С. 3.

⁴⁸ Там же.

дело с замечательным художественным мастерством, прекрасным языком, живым юмором и грациозными диалогами»⁴⁹. Вальбе анализировал произведение в связи с восприятием фигуры царя и его реформ в дореволюционной исторической и художественной литературе, включая повесть самого Толстого «День Петра»: «Ничего не дал России Петр, кроме крови и жестокости, ничего, следовательно, нового не даст и революция — таков общий вывод „Дня Петра“. Этой оценке „петровых дел“ соответствовала и резкая характеристика его личности, как дикого и грязного монстра. Тем знаменательнее то новое „видение Петра“, которое обнаруживает Алексей Толстой в своем новом романе <...> Толстой теперь уже понимает, что дело не в „наваждении“, не в „кровавом баловстве“, а в смене эпох, в потребности новых социально-экономических формаций, характеризующих каждую революцию и переворот Петра, в частности»⁵⁰. В романе «Петр Первый» Толстой не дает оценку деятельности Петра, так как роман не окончен, но финал первой книги, по мнению Вальбе, «прекрасно резюмирует те великолепные картины ломки старой византийской Руси, которые проходят в этом новом романе»⁵¹. Говоря об общей концепции романа, он заметил, что привлекает «творческое оправдание ломки „византийской Руси“ его радостное восприятие „мартовских ветров“ прибалтийских побережий»⁵². Иначе трактовал итоги Петровских преобразований Горбачев, подходивший к оценке произведения с марксистских позиций: «Византийская Русь могла кончиться по-разному; и беглый крепостной Цыган в союзе с Никитой Пустосвятом и казаком Петриком <...> кончили бы ее куда решительнее, чем Петр, оставилший своим преемникам подновленную шапку Мономаха»⁵³. Изображение живых людей в романе, по его мнению, стало свидетельством нерешительности Толстого «в выборе между подлинно материалистическим и идеалистическим художественным методом»⁵⁴, а марксизм писателя — лишь фон для повествования о частных судьбах. Отметив

убедительные образы Бровкина и купца Жигулина, яркие сцены столкновения стрельцов, братьев Ржовых, с Цыганом, разбойничьи разговоры в шайке и изображение взволнованной московской толпы, критик заключил, что в романе «даже для марксистского „фона“ истории Петра» нет главного: «В картине, нарисованной Толстым, все, в сущности, статично, ибо нет борьбы тенденций. А их было две: одна тенденция капитализации России сверху, со стороны царя — крупнейшего капиталиста и феодала — и его феодально-капиталистического окружения с опорой на крупное купечество и дворянство, с полным попранием интересов мещанства-мелкоторговой массы, путем приказов и монополий. Другая тенденция — к развитию капитализма путем антидворянской и антибоярской революции: разинского освобождения земли от феодальных пут, бунта казачьей вольницы против старшины, раскольничьего бегства от помещичьего государства и бунта против подчинившейся окончательно государству церкви»⁵⁵. В романе главным недостатком Петра I Горбачев считал то, что «та социальная группа, которую представлял Петр, дана у Алексея Толстого, как фон, а не как движущая сила политики главного героя романа и фабулы последнего. Петр, как вождь и одновременно слуга определенной социальной силы, в романе не показан»⁵⁶. Поступки главного героя произведения, по мнению критика, основаны на личном интересе или обусловлены влиянием Немецкой слободы, члену Толстой придал неоправданно большое значение. Критик упрекал писателя в том, что «идеалистический художественный метод» привел «к апологии Петра, к восстановлению легенды о Петре — национальном герое»⁵⁷.

В критических откликах этого периода на другие исторические романы также содержались попытки постановки проблемы о методе. Так, например, в статье о романах Тынянова И.А. Оксенов подходил к их оценке и к анализу главных исторических лиц с точки зрения отражения в них исторического материализма: «...Вся система мировоззрения, исповедуемого Тыняновым, исключает эту возможность <...> Но и вне методов исторического материализма существуют различные категории художественно-

⁴⁹ Вальбе Б.С. «Петр Первый».

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Горбачев Г.Е. Между объективизмом и идеализмом (О «Петре Первом» А.Н. Толстого) // Ленинград. 1931. № 2. С. 122.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Горбачев Г.Е. Между объективизмом и идеализмом (О «Петре Первом» А.Н. Толстого). С. 122.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 124.

го преломления исторической действительности. Возможно, наконец, смешение методов материалистического с идеалистическим, что наблюдается, например, в недавно вышедшем „Петре“ А.Н. Толстого, представляющем тем не менее крупное явление советской литературы»⁵⁸.

В статье Н.И. Замошкина вопрос о методе в литературе рассматривался на примере понятия художественного времени. Безусловно, критик не мог обойти тему историзма и исторического романа: «*Не всякий также и исторический роман*, в свете подлинного историзма, может быть таковым. Даже при наилучших показателях знания и овладения языком и людьми отошедших времен некоторые исторические романы неисторичны. За разными музейными аксессуарами и документами, за очень соблазнительными аналогиями и мостиками из прошлого в настоящее могут скрываться целые пустоши нечувствительности диалектическому ходу истории»⁵⁹. Примерами, по мысли критика, являются романы Шторма и «Восковая персона» Тынянова, которые, боясь времени, не придвигают прошлое к современности, как Л.Н. Толстой, а лишь являются стилизаторами языка.

Иначе вопрос о методе понимал В.Б. Шкловский: «Документ нужно уметь читать»⁶⁰. Исторические романы — это пестрая и психологизированная фактография. Новый взгляд на историческую личность (Грибоедова) и эпоху дал Тынянов в романе «Смерть Вазир-Мухтара» с помощью соединения сюжетов исторических анекдотов и их переосмысления. «Тынянов овладел тайной истории и сделался романистом»⁶¹, — заключил критик.

Высокую оценку критики заслужил и роман Шторма «Труды и дни Михаила Ломоносова»⁶². Н.В. Богословский отмечал стремление к документальности и искусную работу автора с истори-

⁵⁸ Оксенов Инн. Монстры и натуралии Юрия Тынянова // Новый мир. 1931. № 8. С. 176.

⁵⁹ Замошкин Н.И. О смежных и касательных сторонах диалектико-материалистического метода в литературе. (Заметки) // Новый мир. 1931. № 11. С. 185.

⁶⁰ Шкловский В.Б. Об историческом романе и о Юрии Тынянове // Звезда. 1933. № 4. С. 168.

⁶¹ Там же. С. 169. Полонский также писал о том, что Тынянов как автор «Кюхли» и «Смерти Вазир-Мухтара» является не только художником, но и историком (Полонский В.П. Проблемы марксистского литературоведения. Сознание и творчество, статья первая. С. 133).

⁶² Богословский Н.В. Роман о Ломоносове // Новый мир. 1933. № 7–8. С. 395–399.

ческими источниками, а также стремление «к освобождению от легенд, к трезвому пересмотру фактов, к изучению среды и социальной обстановки»⁶³.

Шторм и сам выступал в качестве критика. В журнале «Новый мир» он опубликовал рецензию на роман К.Г. Шильдкрета «Гораздо тихий государь» (1930) об эпохе Алексея Михайловича⁶⁴, в которой отметил не только косноязычие автора и его неумение работать с архаической лексикой и незнание описываемой эпохи, ошибки и неточности, но и «беспомощный психологизм». Он писал: «На заказной каркас „социального“ либретто надеты жидкие холсты наивных, исторически несообразных сцен»⁶⁵.

Размышляя над жанром исторического романа, Шторм задавался вопросом, существует ли исторический роман, «портретирующий», реставрирующий эпоху. Реставрация невозможна, считал он: «Исторический жанр — жанр современный; его социальная функция — образно-критический анализ прошлого. Современность — водораздел»⁶⁶. Архаизмы чаще понятнее малограмотному читателю, чем советскому интеллигенту, но они несут в себе «неисчислимый запас „лучистой теплоты“, способной согреть и расцветить наше остывшее и поблекшее слово»⁶⁷. Главное — не материал, а отношение к нему, поэтому он может быть и сюжетным (повесть о Болотникове) и фрагментарным (повесть о Ломоносове), которую сам автор назвал «„обозрением“, развернув повествование в серию дробленых эпизодов, перемежаемых вводными новеллами („иллюминациями“), играющими роль комментария к эпохе, расширенных эпиграфов внутри главы»⁶⁸.

Объяснить причину обращения современной литературы к историческому прошлому на материале исторической прозы Шторма попытался О.М. Брик⁶⁹. В опубликованной в журнале

⁶³ Богословский Н.В. Указ. соч. С. 395.

⁶⁴ Шторм Г. [Рец.] К. Шильдкрет. «Гораздо тихий государь». Исторический роман. Изд. «Федерация». М., 1930 // Новый мир. 1930. № 5. С. 203.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Шторм Г.П. Заметки об историческом романе // Литературная газета. 1932. 11 декабря. С. 3.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Брик О.М. Две повести Георгия Шторма // Литературный критик. 1933. № 3. Август. С. 140–143.

«Литературный критик» статье он писал: «Литература сходящего класса ищет в прошлом картины величия и славы своего класса, обращает свои взоры назад для того, чтобы не видеть, что делается впереди. Литература класса восходящего всматривается в прошлое, чтобы найти в нем истоки настоящего, чтобы лучше видеть свое будущее»⁷⁰. Богатые этнографическим, бытовым и языковым материалом повести Шторма («Повесть о Болотникове» и «Труды и дни Михаила Ломоносова») противопоставлялись автором безыдейной беллетристике, наполненной любованием исторической деталью, анекдотом, представленной произведениями Тынянова («Восковая персона»), Платонова («Епифанские шлюзы»), Сергеева-Ценского («Поэт и чернь»)⁷¹.

В 1933 г. в статьях, посвященных роману о М.В. Ломоносове, литератороведы А.В. Алпатов⁷² и Н.В. Богословский⁷³ писали о расцвете жанра исторического романа. Алпатов отмечал, что исторический жанр занял прочное место в советской литературе, видоизменившись идеино и художественно «в самых своих основах»⁷⁴ по сравнению с дореволюционной литературой. В качестве примеров произошедшей с жанром «перестройки» он приводил произведения А.С. Новикова-Прибоя «Цусима» (Т. 1. 1932; Т. 2. 1934), роман «Петр Первый» Толстого, «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара» Тынянова, «Степана Разина» Чапыгина, «Одеты камнем» Форш и «Гуляй Волга» (1932) Артема Веселого. Романы же Марич, Ал. Алтаева (псевдоним М.В. Ямщиковой) и Шильдкрета были, по его мнению, выражением «примитивного, подкрашенного в революционные тона упрощенчества»⁷⁵.

В статье, посвященной романам Гроссмана, критик Усиевич⁷⁶ писала о необходимости постановки проблемы исторического романа и преодоления традиции дворянской литературы в оценке фактов, исторических лиц и мировоззрения писателя, которое, безусловно, выражалось в их освещении. «Борясь с буржуазны-

ми взглядами на историю, объясняя события, поступки исторических личностей с единственной правильной точки зрения исторического материализма, мы, конечно, крайне заинтересованы в том, чтобы такой пересмотр исторического наследства происходил и в художественной форме, чтобы историческая действительность, в большей или меньшей степени искаженно отразившаяся в произведениях дворянских и буржуазных писателей, освещалась нашими писателями, мировоззрение которых дает им возможность отразить ее гораздо полнее и объективнее, с той высшей объективностью, которую дает классовая точка зрения пролетариата»⁷⁷, — писала Усиевич. Один из вопросов, к которому автор предлагала вернуться⁷⁸, — отражение в художественных произведениях исторической эпохи, например времени Ивана Грозного в романе Артема Веселого «Гуляй Волга» и современной автору действительности.

Выходившая под редакцией в том числе Усиевич «Литературная газета» посвятила часть одного из ноябрьских выпусков проблеме исторического романа⁷⁹. На первой полосе была напечатана статья от редакции «За советский исторический роман», в которой признавалась актуальность жанра в новой исторической действительности и значимость выбора для художественного изображения новых тем из прошлого. Задача художника — «дать не только изображение исторической эпохи, но чтобы извлечь из исторического небытия те события и тех лиц, которых интересы имущих классов в продолжение многих лет упорно замалчивали и обрекали на „небытие“»⁸⁰. По мнению авторов статьи, интерес вызывают романы Тынянова, при всех недостатках, роман Толстого «Петр Первый», несмотря на попытку автора «увидеть прошлое под углом зрения настоящего» и «преувеличение идей „государственности“»⁸¹. Негативную оценку получили романы А.К. Виноградова за то, что «автор попытался воспроизвести прошлое своеобразным методом: сое-

⁷⁰ Там же. С. 140–141.

⁷¹ Там же. С. 141.

⁷² Алпатов А.В. В первых рядах советского исторического романа (Шторм Г. «Труды и дни Ломоносова») // Художественная литература. 1933. № 9. С. 19–22.

⁷³ Богословский Н.В. Роман о Ломоносове // Новый мир. 1933. № 7–8. С. 395.

⁷⁴ Алпатов А.В. Указ. соч. С. 19.

⁷⁵ Там же. С. 20.

⁷⁶ Усиевич Е.Ф. Исторические романы Леонида Гроссмана. С. 46–60.

⁷⁷ Усиевич Е.Ф. Исторические романы Леонида Гроссмана. С. 46.

⁷⁸ См.: Гоффиенефер В. О родословной героев // Литературный критик. 1933. № 2. С. 121–134.

⁷⁹ Литературная газета. 1933. 17 ноября. С. 1, 3–4.

⁸⁰ Там же. С. 1.

⁸¹ Там же. С. 1.

динением нескольких исторических документов, произвольным смешением исторических персонажей и событий, что привело к извращению исторических фактов. Цитатой из статьи «Разделение поэзии на роды и виды» (1841) В.Г. Белинского «Исторический роман есть как бы точка, в которой история, как наука, сливается с искусством» открывалась целая подборка на эту тему, включившая статьи историков И.Н. Бородина о романе М.С. Джавахишвили «Арсен из Марабды» (1934) и Г.С. Фридлянда о романе Виноградова «Черный консул» (1933) с красноречивым названием «Пощадите читателя»⁸². Критика Шкловского на повесть К.Г. Паустовского «Судьба Шарля Лонсевиля» (1933) с упреком в неверной исторической концепции сопровождалась ответной статьей автора повести, в которой он сформулировал свою задачу: «...дать отношение к эпохе, взятой в ее основных и характерных чертах»⁸³.

Отличное от всех критиков мнение было высказано в статье «Стопроцентный исторический роман» В.О. Перцовым: роман исторический тот, в котором часть ситуаций достоверна и часть персонажей — это исторические лица, представляющие «специфические образы, равноценные художественному синтезу вымышленных фигур»⁸⁴, — писал критик. В качестве «стопроцентного научного исторического романа» автор рассматривал проект Горького «История заводов», в работе над которым принимали участие литераторы и историки, рабочие авторы и инженеры.

Наиболее значимым событием в обсуждении проблемы исторического романа и, как следствие, в изучении истории его восприятия в 1930-е гг. стало Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая

⁸² В finale статьи о Тынянове Шкловский добавил о романе «Черный консул» Виноградова: «Берегитесь „барокко“. Не вступайте на мертвое поле. Там А. Виноградов приклеивает кусок к куску, соединяет цитату с цитатой строчкой о том, что паруса хлопали, как тысяча бичей, или о том, что река была такого-то цвета» (Шкловский В.Б. Об историческом романе и о Юрии Тынянове // Звезда. 1933. № 4. С. 174).

⁸³ Паустовский К. Упрек возвращаю. Ответ на статью Шкловского // Там же. С. 3.

⁸⁴ Там же. С. 4.

1934 г., опубликованное в газете «Правда»⁸⁵. Вслед за его появлением одна за другой вспыхивали дискуссии об историческом романе, главным «героем» которых неизменно становился роман Толстого «Петр Первый». В начале 1934 г. статьей ленинградского критика Р.Д. Мессера «А. Толстой и проблема исторического романа» московский журнал «Литературный критик» открыл дискуссию об историческом романе. Другой участник дискуссии, М.Ю. Левидов, приводил мнения читателей, которые считали вторую книгу романа слабее первой, что, на его взгляд, неверно, так как обе книги одинаковые, равнозначные, во второй книге даже меньше стилистических погрешностей. Следом за «Литературным критиком» с предложениями обсудить роман Толстого «Петр Первый» выступил московский журнал «Октябрь». Признавая важную роль исторических романов в «деле социалистического воспитания масс реалистическим, правдивым показом прошлого» редакция московского журнала «Октябрь» признавала, что критика не уделяла должного внимания проблемам исторического романа, интерес к которому и среди писателей и читателей возрос в последние годы. В дискуссии, которая называлась «Социалистический реализм и исторический роман» (1934), приняли участие историки Г.С. Фридлянд и В.Т. Дитякин, литературные критики А. Лежнев, Д.П. Святополк-Мирский, И.Н. Бородин, писатель Е.Л. Ланн⁸⁶.

В посвященном дискуссии обзоре под заглавием «Исторический роман — орудие социалистического воспитания» говорилось о выступлении критика И.С. Новича (наст. фамилия Файнштейн)⁸⁷. Во вступительном слове он подчеркнул необходимость рассмотрения проблем исторического романа с партийным постановлением, однако в печатный текст выступление бывшего рапповского критика не вошло. Ведущая роль и в об-

⁸⁵ Правда. 1934. 16 мая. С. 1; также: Известия. 1934. 16 мая. С. 1.

⁸⁶ См.: Октябрь. 1934. № 7. С. 195–241; также: Между историей и литературой: дискуссии о романе А.Н. Толстого «Петр Первый» в 1930-е гг./ Институт российской истории Российской академии наук; Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; отв. ред.: А.С. Акимова, В.В. Тихонов; подгот. текстов: А.С. Акимова; сост., авт. статей и коммент.: А.С. Акимова, М.Г. Иванова, О.А. Плех, В.В. Тихонов. М.: Совпадение, 2024. С. 9–96.

⁸⁷ Октябрь. 1934. № 6. С. 207.

зоре, и в опубликованной в следующем номере журнала дискуссии была отведена историку Фридлянду. Говоря о соотношении между исторической наукой и художественным изображением эпохи, он признавал, что исторический роман во все времена «был огромной остроты орудием политического воспитания широчайших масс»⁸⁸. Фридлянд восторженно отзывался о романе «Петр Первый», однако заметил, что писателю еще только предстоит овладеть жанром исторического романа, так как «вопрос о внутреннем отстранении прошлого, о его преодолении касается Толстого еще больше, чем Тынянова»⁸⁹. Историк выделил ряд недостатков произведения: во-первых, «эпоха сведена автором в конечном счете к судьбе одного человека»⁹⁰, Петра, фигура которого доминирует над другими лицами и событиями; во-вторых, вслед за историком М.Н. Покровским Толстой преувеличил роль торгового капитала в романе; в-третьих, принизил роль Карла XII; в-четвертых, показал народные массы «в виде изуверов, фанатиков, сектантов», среди которых нет индивидуальностей⁹¹.

В выступлении критика В.А. Тер-Ваганяна прозвучала мысль о том, что «Петр Первый» — роман не исторический, так как в нем решается не решенный в романе «Восемнадцатый год» вопрос о количестве жертв ради революции: «Две части „Петра Первого“ свидетельствуют, что Алексей Толстой нерешенный вопрос восемнадцатого года решил в том смысле, что есть обстановка, при которой можно принести огромные жертвы для реализации общественно необходимых целей»⁹². И «Петр Первый» и «Энергия» Ф.В. Гладкова, считал критик, «одинаково ставят перед собой задачи сегодняшнего дня, одинаково решают их: один — на материале первой пятилетки, другой — на материале XVII—XVIII века»⁹³. В том же видел «порочность» романа историк В.Т. Дитякин: «...взятая Толстым тема (деятельность Петра Первого по пере-

⁸⁸ Цит. по: Между историей и литературой: дискуссии о романе А.Н. Толстого «Петр Первый» в 1930-е гг. С. 11.

⁸⁹ Там же. С. 95.

⁹⁰ Там же. С. 29.

⁹¹ Там же. С. 32; см. также его статью: Отразить величайшие мировые события в художественной литературе // За коммунистическое просвещение. 1934. 14 августа. С. 3.

⁹² Там же. С. 51.

⁹³ Там же. С. 52.

стройке России) для изображений коллизии современности, коллизии наших дней, дней пролетарской революции, не состоятельна, не подходит»⁹⁴.

Но уже через два года, ссылаясь на арестованного декана исторического факультета Московского государственного университета (расстрелян Фридлянд был в 1937 г.) и опального критика Ваганяна (расстрелян он был в августе 1936 г.), в статье об исторической беллетристике их выступления назывались клеветой на советскую действительность⁹⁵.

Дискуссия об историческом романе проводилась накануне Первого всесоюзного съезда советских писателей (Москва, 17 августа — 1 сентября 1934 г.). Однако на самом съезде проблема исторического романа затронута была мельком в докладах о детской и национальной литературе. На втором заседании говорил о необходимости новых исторических книг для детей С.Я. Маршак: «...большинство людей начинает по-настоящему любить историю или отдельную ее эпоху после хорошей исторической повести или увлекательной драмы, увиденной в театре»⁹⁶. Настоящая историческая библиотека для детей, по его мысли, должна состоять не только из «современной исторической беллетристики для взрослых», но из новых переводов исторических произведений, а также, обращаясь к специалистам-историкам, Маршак говорил о важности комментированных изданий документов (лекций, хроник, записок)⁹⁷.

Общественный деятель, литератор, председатель Союза писателей Грузии М.Г. Торошелидзе в своем докладе упоминал исторические романы М.С. Джавахишвили «Арсен из Марабды» о 1830-х гг.⁹⁸ и Лео Киачели «Кровь» о революционном движении в Грузии в 1905—1907 гг.⁹⁹ Азербайджанский литературовед, переводчик, председатель Союза писателей Азербайджана М.А. Александри отмечал, что «большинство старых писателей пишет на

⁹⁴ Цит. по: Между историей и литературой: дискуссии о романе А.Н. Толстого «Петр Первый» в 1930-е гг. С. 86.

⁹⁵ Малахов К.И. Историческая беллетристика 1936 г. // Знамя. 1937. № 5. С. 247.

⁹⁶ Первый всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет. М.: Гос. изд-во «Худож. литература», 1934. С. 35.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. С. 97.

⁹⁹ Там же. С. 98.

исторические темы, — они недостаточно знают социалистическую действительность, органически не связаны с нею»¹⁰⁰.

Обсуждение вопросов, связанных с историческим романом и, в частности, романом Толстого «Петр Первый», было продолжено в начале января 1935 г. на секции критиков Союза писателей СССР, где состоялись две дискуссии. Стенограммы заседаний от 9 и 16 января 1935 г., сохранившиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства, были опубликованы¹⁰¹. Вел оба заседания редактор Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ) И.М. Беспалов. В дискуссии 9 января принимали участие критики Брик, В.А. Катанян, С.Д. Кржижановский, Левидов, А. Лежнев, М.И. Серебрянский, Шкловский, историк Фридлянд. На втором заседании присутствовали московские (В.Р. Гриб) и ленинградские (И.Л. Гринберг, И.М. Зельцер, Р.Д. Мессер) критики, а также литературовед, редактор Ленинградского отделения ГИХЛ Л.В. Цырлин. *Обзор «диспутов» дал в своей статье Я.Н. Эйдельман*¹⁰². В центре внимания историков и критиков Москвы и Ленинграда были романы Толстого, Тынянова, Форш, Чапыгина, Шторма и др.

К тезисам, прозвучавшим на дискуссиях, в частности на проведенном журналом «Октябрь» обсуждении, обратился в начале своей статьи А.О. Старчаков¹⁰³. Вероятно, она стала во многом поворотной в судьбе критической рецепции романа «Петр Первый», который в ходе дискуссий 1934–1935 гг. вызвал противоречивые, преимущественно негативные отклики критиков. Старчаков не только дал определение исторического романа, но также сформулировал и охарактеризовал основные его признаки, исходя из определения исторического романа как одной из формы эпоса Белинского: народность («отображение событий, волновавших широчайшие массы»¹⁰⁴), которая определяет и мировоззрение художника, его взгляд на эпоху, и язык произведения

¹⁰⁰ Первый всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет. С. 124.

¹⁰¹ См.: Между историей и литературой: дискуссии о романе А.Н. Толстого «Петр Первый» в 1930-е гг. С. 125–165, 198–250.

¹⁰² Эйдельман Я.Н. Москва за месяц // Литературный критик. 1935. № 2. С. 253–255.

¹⁰³ Старчаков А.О. Заметки об историческом романе // Новый мир. 1935. № 5. С. 265–275.

¹⁰⁴ Там же. С. 267.

ния; типизация («мастер исторического романа ищет в истории типических ситуаций, и для него исторический персонаж является типическим характером»¹⁰⁵). Обращаясь к выступлениям Тер-Ваганяна, Д.П. Мирского, Цырлина и А.А. Бескиной и их тезисам о решении проблем современности на материале прошлого в романе «Петр Первый», прозвучавшим в редакции журнала «Октябрь», Старчаков подытожил их размышления: «Одно из двух — или тт. Цирлин и Бескина злостно клевещут, объявляя, что наша действительность нашла свое отражение в романе, или же они должны признать роман Ал. Н. Толстого клеветническим и враждебным. Именно к такому выводу и приходит Ваганян <...> На такой же путь становится и Д. Мирский»¹⁰⁶. Защищая романы Толстого и Тынянова, Старчаков предлагал не искать современность в отражении событий прошлого, а видеть в историческом романе проявление современного мышления художника, «познающего прошлое со своих сегодняшних идейных позиций»¹⁰⁷. Тезис Цырлина, высказанный в книге о Тынянове, об отражении в произведении на историческую тему двух действительностей, исторической и современной¹⁰⁸, подвергся критике в другой статье Старчакова¹⁰⁹.

Проводившиеся в 1930-х гг. дискуссии, как писал историк литературы И.Т. Изотов, являются «показателем того, насколько интерес к историческому роману»¹¹⁰. Помимо отдельных статей и монографий, на которые он ссылался можно привести написанную в форме диалога двух критиков статью С.И. Пакентрейгера «Разговор о Петре Первом». Первый восхищался изображением эпохи в романе, образами исторических деятелей, оживших на страницах первых двух книг; второй, напротив, за образами исторических лиц не видел «народной личности», так как Толстой не смог «открыть душу работяги, труженика, создателя

¹⁰⁵ Старчаков А.О. Указ. соч. С. 269.

¹⁰⁶ Там же. С. 274.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ См.: «Специфическая особенность исторического жанра, быть может, именно в том, что он оперирует, если так можно сказать, двумя действительностями — исторической и сегодняшней» (Цырлин Л.В. Тынянов-беллетрист. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1935. С. 14).

¹⁰⁹ Старчаков А.О. По поводу одной теории // Новый мир. 1935. № 9. С. 250–260.

¹¹⁰ Изотов И.Т. Проблемы советского исторического романа. С. 74–75.

земных благ»¹¹¹. В отличие от Артема Веселого, который в «Гуляй Волга» показал народные движения и, таким образом, внес «современный привкус» в исторический роман¹¹².

Автором первой книги, посвященной советскому историческому роману, стал М.И. Серебрянский. В монографии 1936 г. «Советский исторический роман» он рассмотрел его в сопоставлении с романами дореволюционными (Д. Мордовцева, Г. Данилевского) и зарубежными («93-й год» Гюго, «Повести о двух городах» Диккенса, «Боги жаждут» А. Франса и др.)¹¹³. В одной из рецензий на книгу говорилось о том, что глава об исторической беллетристике носит характер отрывистый и информационный, — автор не рассмотрел конкретные вопросы: соотношение художественной и исторической правды, типизации и традиции в современной литературе, язык художественного произведения¹¹⁴. Аллатов также принял участие в обсуждении книги¹¹⁵. Называя ее расплывчатой и неконкретной, он пояснял свое мнение: «В оценках отдельных произведений критик ограничивается подчас уклончивыми *общими* замечаниями, касающимися часто лишь внешней сюжетной стороны их. М. Серебрянский склонен чрезмерно „идеологизировать“ творчество писателей, игнорируя живую образную ткань их произведений, обесцвечивая в своем изложении яркое художественное *своеобразие некоторых исторических романов и повестей своеобразие*»¹¹⁶.

В нескольких номерах журнала «Литературный критик» в 1937 и 1938 гг. публиковались статьи Георга Лукача, посвященные истории развития жанра¹¹⁷ от его возникновения в первой четверти XIX в. (роман В. Скотта «Вэверли») до характеристики исторического романа начала XX в. Он писал о возникновении жанра:

¹¹¹ Пакентрайгер С.И. Разговор о Петре Первом // Тридцать дней. 1935. № 4. С. 75.

¹¹² Там же.

¹¹³ Серебрянский М.И. Советский исторический роман. М.: Гослитиздат, 1936.

¹¹⁴ Кедров Л. Советский исторический роман // Литературное обозрение. 1937. № 5. С. 49–51.

¹¹⁵ Аллатов А.В. О советском историческом романе // Книга и пролетарская революция. 1937. № 6. С. 126.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Литературный критик. 1937. № 7, 9, 12; 1938. № 3, 4, 8, 12. Впервые полностью на немецком языке: Lukacs G. Der historische Roman. Berlin, 1955. Подробнее о его взглядах на историю развития жанра см.: Изотов И.Т. Проблемы советского исторического романа. С. 128–145.

«Выделение исторического романа в самостоятельный жанр <...> является и сейчас симптомом недостаточной связи писателя с современностью. Эта слабость имеет совсем иное происхождение, чем тот же недостаток у писателей предыдущего периода, но, тем не менее, она не может не вызвать весьма проблематичных формально-художественных последствий. В обоих случаях неизбежно возникает модернизация истории, а вместе с тем и бледность, отвлеченность подлинно исторических образов»¹¹⁸. Для дальнейшего развития жанра он считал значимым обращение к эпосу: «Литературная реализация новых общественных тенденций неизбежно вызывает глубокие изменения в формально-эстетических принципах романа и, в частности, романа исторического. В самой общей форме можно определить это изменение как тенденцию к эпосу. Она ощущается во многих современных произведениях: яркий пример из советской литературы — образ Чапаева, из западной — концепция романа „Генрих IV“»¹¹⁹.

Проблема научного изучения жанра советского исторического романа была поставлена в планировавшемся в 1939 г. в Институте мировой литературы им. А.М. Горького труде. В проспекте издания томов истории советской литературы народов СССР она формулировалась в широком контексте: в связи с развитием исторической тематики в других жанрах (в частности, в трагедии И.Л. Сельвинского «Рыцарь Иоанн»)¹²⁰.

Подводя итоги развития советской литературы за 20 лет, критик «Нового мира» писал: «Появился ряд исторических произведений, которые выдвинули новый плодотворный подход к истории, дающий более глубокую картину реальных исторических событий и более верные и живые образы замечательных людей прошлого»¹²¹. В 1920-х — 1930-х гг. «писатели овладевали основами жанра исторического романа и искали новые пути и новые принципы в этой области литературы», что отразилось прежде всего в «со-

¹¹⁸ Лукач Г. Современный буржуазно-демократический гуманизм и исторический роман (Окончание) // Литературный критик. 1938. № 12. С. 67–68.

¹¹⁹ Там же. С. 73.

¹²⁰ История советской литературы: [Схема-план] / Сост. Отделом советской литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького под руководством М.И. Серебрянского, В.В. Ермилова, К.Л. Зелинского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939. С. 11.

¹²¹ Литератор. Двадцать лет советской литературы. (Краткий обзор) // Новый мир. 1937. № 11. С. 340.

существовании и соревновании самых различных принципов отражения исторической действительности»¹²². Одна из главных задач исторического романа в этот период — формирование нового отношения к событиям прошлого и деятелям истории, как писал Серебрянский: «В этом смысле он <исторический роман> вместе с исторической наукой делает одно дело»¹²³. Безусловно, расцвет научно-теоретического изучения жанра исторического романа относится ко второй половине XX в., к 1960–1980-м гг.¹²⁴ В работах рассматривались композиция, соотношение вымысла и исторической правды, проблемы типического и народности, т. е. развивались идеи, которые были сформулированы в ходе обсуждения конкретных произведений 1920-х — 1930-х гг. и проблемы жанра исторического романа.

Глава 5

ПЕТР I В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 1930-х гг.

М.Г. Иванова

В советском историческом нарративе Петр I выступал одним из ключевых представителей героического пантеона. Романтизованный герой — это всегда образ синтетический. Как описывал образ героя Гете, «общий, основанный на трансформациях тип, проходит через все органические существа, и его хорошо можно наблюдать на всех частях на некотором среднем разрезе»¹. В контексте нашего исследования это значит, что собирательный образ Петра I, включив в себя черты и русского героического эпоса, оценки его времени, высказанные в литературе, науке и публицистике, объединял в себе характеристики из разных литературных и исторических нарративов не только советского, но и предыдущих периодов.

Традиционно время правления Петра I преподносилось как эпоха стремительного прогресса и резкого цивилизационного рывка. Однако в народной памяти царствование Петра Великого традиционно было окружено скорее трагическим ореолом. Уже при жизни императора сформировалось восприятие Петра I как знамения Апокалипсиса. Поражает, что это видение сохранялось, например, в среде старообрядцев и спустя двести лет после смерти императора².

Итак, восприятие реформ Петра I изначально было амбициозным — от восторженной апологетики до восприятия царя «Антихристом». А.С. Пушкин в «Медном всаднике» представлял Петра I естественным порождением «варварской стихии», кото-

¹²² Андреев Ю.А. Русский советский исторический роман. М.; Л., 1962. С. 9.

¹²³ Серебрянский М.И. Советский исторический роман. С. 42.

¹²⁴ См., например, библиографию в: Александрова Л.П. Советский исторический роман. Типология и поэтика. Киев: Изд-во при Киевском ун-те изд-го объединения «Высшая школа», 1987. С. 152–159.

¹ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. С. 22.

² Шмурло Е.Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства // XVIII век. СПб., 1912. Вып. 1. С. 1–30

рый столь же звериными методами мог справиться со стихией социального, с «бунтом бессмысленным и беспощадным»: «...Уздой железной Россию поднял на дыбы». Много позже у А. Белого и В. Брюсова Петр I уже превратился в символ деградировавшей империи, чья «железная узда» сдерживала и сковывала «общество», тем самым являясь источником его варваризации.

После революции 1917 г. образ Петра I начал присваиваться политической риторикой, поскольку позволял поднять вопрос о допустимости насилия ради совершения прогрессивных реформ и развития научно-технического прогресса. В отличие от других исторических героев, которые в советском историческом нарративе 1920-х г. выступали символами имперского шовинизма, угнетения и эксплуатации, Петр I получил более сдержанную, а местами даже оправдательную оценку. В мае 1918 г. В.И. Ленин говорил о политике Петра, подчеркивая ее прогрессивный характер: «Пока в Германии революция еще медлит „разродиться“, наша задача — учиться государственному капитализму у немцев, всеми силами перениматъ его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это переманивание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими методами борьбы против варварства»³. О Петре I писал Л.Д. Троцкий как о ревностном адепте прогрессивной формы русской национальной идеи: «Варвар Петр был национальнее всего бородатого и разузоренного прошлого⁴», а также как о «русском государственном деятеле, предвосхитившем некоторые стороны большевизма»⁵. В образе Петра I в сатирическом журнале «Красный перец» был изображен нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин в 1923 г. на карикатуре, изображавшей дипломатическое признание СССР западными странами⁶.

Широко известно, что, выступая на пленуме ЦК ВКП (б) в 1928 г. И.В. Сталин одобрительно высказывался о строительстве промышленности Петром: «Когда Петр Великий, имея дело с бо-

³ Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М., 1974. С. 301.

⁴ Троцкий Л.Д. Литература и революция. М.: Красная новь, 1923. С. 73.

⁵ Там же. С. 69.

⁶ Кон Ю. Чичерин: Все флаги в гости будут к нам [рисунок] // Красный перец. 1923. № 1.

лее развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны — то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости⁷. В данной речи Stalin, обращаясь к Петровской эпохе, обозначил те политические задачи, которые стояли перед партией большевиков на момент начала первой пятилетки — «строительство заводов и фабрик», «снабжение армии», «усиление обороны». Пологательные оценки Петровской политики становились частью советского исторического нарратива и продолжали инструментализироваться, упрощаться, очищаться от лишних коннотаций и дискуссионных точек зрения.

Включая Петра Первого в советский пантеон исторических героев, последователи марксизма могли ориентироваться на «Тайную дипломатическую историю XVIII века» К. Маркса, который видел в фигуре Петра создателя дипломатической системы Российской империи, а также завоевателя выхода к Балтийскому морю, необходимого для «естественного развития страны» и обеспечивающего цивилизационное развитие России с опорой на европейский опыт («Петр Первый варварством победил русское варварство»)⁸. Ф. Энгельс дополнил эту оценку в работе «Внешняя политика русского царизма» (1890) тем, что Петр I передал практику ведения агрессивной внешней политики по наследству преемникам.

С конца 1920-х гг. происходило конструирование новой идеологии с целью укрепления легитимности режима Сталина и партии большевиков в массовом сознании жителей СССР в условиях форсированной политики индустриализации в городе и последствий коллективизации в деревне. Советский исторический нарратив переживал процесс развития нового аналитического языка и подходов к использованию образов национальных героев в качестве одного из инструментов агитации и унификации политической идеологии. Культурные организации также переживали серьезные институциональные преобразования.

Именно в это время заметно возрастает роль кино в формировании советского исторического воображения. Но все было неоднозначно. С одной стороны, кино объявлялось «важнейшим из

⁷ Stalin И.В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б) // Stalin И.В. Соч. Т. 11. С. 248–249.

⁸ Там же.

искусств», с другой — оно практически полностью подчинялось новому, соцреалистическому канону, определенной визуальной, музыкальной и сценарной поэтике произведений.

В 1930 г. Государственное всесоюзное кинофотообъединение «Союзкино» возглавил Б.З. Шумяцкий, при котором к 1933 г. этот орган превратился в Главное управление кинофотопромышленности (ГУКФ) при СНК СССР. На деле это означало передачу ГУКФ прав на идеологический и цензурный контроль над кинопроизводством через утверждение сроков и финансовых смет кинолент, содержания киносценариев. Немаловажно также и то, что ГУКФ (с 1936 г. — ГУК) отвечал за экспорт и демонстрацию кинолент за рубежом. Низкая доходность отрасли и высокие затраты на ее поддержание превратили ее в один из инструментов партийно-государственного контроля над одним из самых любимых массовых развлечений советских людей. Кино стало инструментом «воспитательной работы», затмившей собой «авторское искусство»⁹. Киноязык не мог и не должен был иметь самостоятельную семантику и должен был стать нацелен на «понятность миллионам»¹⁰. Учитывая тесную связь литературы и кинематографа, стоит также отметить, что в 1934 году на Первом съезде советских писателей был утвержден метод социалистического реализма как основной и единственно верный художественный метод.

Работа над киносценарием к фильму о Петре I началась в 1933 году и происходила одновременно с дискуссиями в литературной среде о судьбе исторического романа в целом и о романе А.Н. Толстого «Петр Первый», в частности¹¹. Этот процесс был связан с идеологическими поисками писателем подходящего аналитического языка для включения образа императора в советский культурный и исторический нарратив. К тому моменту Толстой уже пережил разгромную критику членами РАПП его ранней пье-

⁹ См.: Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг. Документы / Составитель, авт. предисл. и примеч. А.Л. Евстигнеева. М.: РОССПЭН; РГАЛИ, 2016. А также: Булгакова О. Советское кино в поисках «общей модели» // Соцреалистический канон: Сб. ст. / Под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический Проект, 2000. С. 150.

¹⁰ Там же. С. 148.

¹¹ Подробнее см. Акимова А.С. «Зажечь критическую мысль»: дискуссии 1934–1935 гг. о романе А.Н. Толстого «Петр Первый» // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 280–292.

сы о Петре Первом «На дыбе» (1928–1929), в которой император представлял кровавым деспотом: «Двадцать лет стену головой прошибаю... Двадцать лет... Гора на плечах... Я — сына убил. Для кого сие? Миллионы народу я перевел... Много крови пролил. Для кого сие?.. Что делать? Ум гаснет...» Толстой пытался найти способ изобразить Петра идеологически верно и в то же время так, чтобы он отвечал реалиям исторических документов, которые писатель использовал в работе. Эта формула будет найдена к моменту выхода первой серии фильма «Петр Первый». Исторический герой Петра превратился из тирана в носителя идеи исторического прогресса и выразил это емко в своей финальной реплике: «Не для себя я был суров, но дорога мне была Россия... Не напрасны были наши труды, и поколениям нашим надлежит славу и богатство отечества нашего беречь и множить. Виват!»

Киносценарий публиковался частями вместе с фотографиями со съемок и эскизами костюмов в газетах «Литературный Ленинград», «Литературная газета», «Резец», «Вечерняя Москва» и «Кадр» начиная с июня 1935 г. Фильм «Петр Первый» задумывался как самостоятельное произведение, дополняющее роман и делающее его доступным массам, поэтому повествование начиналось с «нарвской конфузии» 1700 г. Показ такого события в начале фильма отвечал классической схеме построения кино, когда зритель видит в самом начале безнадежное положение главного героя, из которого ему предстоит найти выход. При этом первой опубликованной сценой в «Литературной газете» была уже кульминация фильма — «Казнь Алексея»¹². За ней следовал финал — Всешутейший и Всепьянейший Собор, который должен был предвосхитить будущие дворцовые перевороты, раскол среди дворянства, казнокрадство и предательство интересов страны приближенными Петра I. Однако этот сюжет был изъят из финальной версии сценария.

Над фильмом на протяжении всего времени активно работала талантливая команда, включающая Толстого и Петрова, технического директора фабрики «Ленфильм» Б. В. Дубровского-Эшке, а также художника Н. Г. Суворова, оператора В. В. Горданова. Был определен звездный состав актеров: Н. К. Симонов (Петр I),

¹² Толстой А.Н., Петров В.М. Казнь Алексея // Литературная газета. 1935. № 32

Н. К. Черкасов (царевич Алексей), А. К. Тарасова (Екатерина I), М. И. Жаров (Меншиков), И. П. Зарубина (Ефросинья). Черкасов на одной из первых встреч с Петровым предложил свою кандидатуру на роль Петра I. Сыграть царя он хотел еще в Ленинградском государственном театре драмы, когда там шли репетиции пьесы А.Н. Толстого, но не решился. Петров же увидел в Черкасове идеальную кандидатуру на роль царевича, и актеру удалось войти в этот образ и сделать его запоминающимся. На роль Петра I пробовались 14 кандидатов, но именно 15, т. е. Симонов, по-настоящему запомнился режиссеру и съемочной группе, хотя и чисто внешних сходств, кроме роста, с Петром Великим и его парадными портретами не имел.

Подготовка к съемкам и подбор актеров Н. В. Дорьянном проходили непублично. Оператор картины Горданов отмечал в своих воспоминаниях: «Не всегда он [Петров. — М.И.] посвящал нас в свои планы: о „Грозе“ мы узнали уже после его долгих переговоров с дирекцией, о „Петре I“ — едва ли не последними на студии»¹³. По воспоминаниям Горданова в целом можно сделать вывод, что работа в команде проходила не всегда слаженно и, скорее, в тревожной обстановке: «Потом был „Петр I“ (первая серия) — на мой взгляд, высшее достоинство нашего коллектива. Но после него группа распалась окончательно и в совместной работе уже не встречалась»¹⁴. Частые простоя, доработки сценария вынуждали членов творческой команды искать себе занятие в других кинолентах, тем самым оставляя режиссера в одиночестве в моменты принятия ответственных решений. Петров, как отмечал Горданов, воспринимал такие события «очень болезненно», как «художественные потери» для фильма¹⁵.

К тому моменту как Петров приступил к работе над «Петром Первым», он уже снял со своей командой фильм «Гроза» (1934) по Н. Островскому (с Тарасовой в главной роли). Этот фильм, судя по записям Шумяцкого, Сталину понравился. Об актрисе Тарасовой он говорил, что «„играет прекрасно“. <...> Б. Ш. рассказал и о режиссере В. Петрове, о том, что он сейчас готовится ставить „Петра I“. И. В. бросил замечание, что тема весьма интересная,

¹³ Горданов В.В. Люди, профессия, жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2912. Оп. 6. Д. 262. Л. 43.

¹⁴ Там же. Л. 41.

¹⁵ Там же.

но трудная. Если над ней столь же добросовестно поработать, как над „Грозой“, и ускорить ритм, то можно получить весьма большое произведение»¹⁶. Эта цитата ставит под сомнение распространенное мнение о том, что фильм «Петр Первый» был снят по личному заказу Сталина. Вместе с тем известно, что Stalin уделял пристальное внимание советскому кино, так что можно предположить, что он косвенно знакомился с этой лентой в ходе ее производства.

У режиссера Петрова, как и у писателя Толстого, был опыт эмиграции в годы Гражданской войны. Так что их объединял общий опыт переживания эпохального исторического события. Также у них были серьезные причины для концентрации творческих усилий на решении новых идеологических задач молодого государства. Информация о прошлом Петрова, сохранившаяся в архивных записях Ленфильма, намеренно достаточно запутанная, чтобы скрыть подробности его службы в Белой армии. Впервые сведения об этом появились в одной из кадровых записей на фабрике «Ленфильм» только в 1957 г. Согласно этой записи, в годы Первой мировой войны режиссер отправился служить в школу прапорщиков Одесского военного округа, затем попал на фронт в пулеметный полк в Ораниенбауме. Уже через год службы он смог, несмотря на тяготы военного времени, уехать учиться режиссуре в Англию к режиссеру Г. Крэгу в Rechersall Theatre, откуда английское правительство его мобилизовало в армию А.И. Деникина.

Вернувшись обратно в конце 1919 г. в Советскую Россию, Петров перешел на сторону Красной Армии, где сначала служил помощником командира отряда при Одесском губвоенкомате, затем в разных городах и селах Украины в органах ЧК и ГПУ.¹⁷ Петров был мобилизован из органов в 1924 г., откуда он отправился на обучение на кинокурсы к Н. Морозову. Вероятно, лично пережитые им события научили его тонко чувствовать историю, понимать военное дело и мастерски передавать это на экране. «Петр Первый» был не единственным фильмом с масштабными батальными историческими сценами, которые он снял. За ним последовали «Кутузов» (1943) и «Сталинградская битва» (1949). Também для задуманного проекта режиссер Петров

¹⁶ Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М.: РОССПЭН, 2005. С. 957.

¹⁷ Петров В.М. Автобиография // РГАЛИ. Ф. 2581. Оп. 1. Д. 146. Л. 4.

подходил идеально в силу его работы с кинематографистами из Европы, ведь изначально «Петр Первый» должен был быть снят совместно с французскими кинематографистами аккурат к Всемирной выставке в Париже 1937 г. Однако впоследствии планы изменились.

Изучая историю создания «Петра Первого», становится понятно, что для Петрова крайне важно было создать ленту, которая бы демонстрировала артефакты эпохи, передавала визуально и быт, и повседневные привычки петровской военной, купеческой и политической элиты XVIII в. Поэтому большое внимание в фильме было уделено костюмам и декоративным атрибутам. В архиве сохранились зарисовки художника Суворова, выполненные с необыкновенной тщательностью. Часть из них относится к детству Петра, ко времени Великого посольства в Европу. Скорее всего, либо команда фильма получила сценарий уже в ходе работы над фильмом и ориентировалась на роман, либо изначально планировалось, что фильм охватит больший временной отрезок жизни Петра.

Так, среди портретов героев можно было найти боярина Артамона Сергеевича Матвеева, царя Ивана Алексеевича (с портрета, находящегося в Эрмитаже), а также самого Петра накануне Стрелецкого бунта 1682 г. Была выполнена зарисовка предметов домашней утвари поморов — скобари (сосуды для пива, кваса, браги), приборы для высекания огня, чернильницы, медные иконки, резные рукомойники, ковши и черпаки, рыболовка, солонница, светцы и многое другое¹⁸. К сожалению, заготовленные материалы не пригодились в производстве киноленты, так как ни сцен со старообрядцами, ни эпизодов с юными годами жизни Петра Первого в фильме не было. Первая часть начинается сразу с Нарвского сражения 1703 г.

Очень подробно были воссозданы предметы морского и военного быта — корабль «Святой Апостол Петр», построенный Петром I в 1696 г. на воронежской судоверфи, передняя часть «Ингерманландца», а также топоры для абордажа и корабельные гвозди. Детально был изображен костюм солдата-бомбардира Семеновского полка. В приемную Екатерины художник поместил великолепный голландский стол, а для сцен, связанных

¹⁸ Эскизы и зарисовки к Петру Первому // РГАЛИ. Ф. 2605. Оп. 1. Д. 146. Л. 3

с Грановитой палатой, — тщательно прорисовал ее интерьер и убранство. Для сцен с Великим посольством, пользуясь гравюрами, нарисовал эскизы домов различных европейских городов — Риги, Копенгагена, домик Петра в Саардаме¹⁹. Были изображены три варианта французских женских платьев эпохи конца XVII — начала XVIII в., в том числе — с портрета Елизаветы Шарлотты Пфальцской.

Для сцен петровских ассамблей и застолий художник детально прорисовал подсвечники, серебряные кофейники, стеклянный кубок с гербом Меншикова (к тому же очень большой), медные стенники со свечами²⁰. Важным свидетельством стремления к исторической точности является то, что режиссер приобрел себе домой ряд редких артефактов того времени, в том числе оригинальный Морской устав Петра I, напечатанный в Санкт-Петербурге в 1724 г.²¹ Использование таких предметов помогало ему создавать сценографию морских баталий. В целом, благодаря такой проработке визуального образа эпохи, образ Петра I в фильме ассоциируется, скорее, с военным стратегом и флотоводцем, а не только с реформатором.

Несмотря на то что, согласно плану Ленфильма, картина должна была быть выпущена к июлю 1936 г.²², такая тщательная подготовка очень сильно выбивалась как из сроков, так и из заданного на производство картины бюджета. Также режиссер не присутствовал на производственных совещаниях фабрики в 1935 г.²³, дорабатывая сценарий вместе с Толстым и планируя натурные съемки, главным образом баталии в Озерах. Согласно докладной записке зам. зав. Отделом культурно-просветительной работы ЦК ВКП (б) А.И. Ангарова секретарю ЦК ВКП (б) А.А. Андрееву о производстве картины «Петр I» от 14 апреля 1937 г., уже к тому моменту «запланированные на картину 5 млн 800 тысяч рублей были потрачены и режиссер требовал дополнительных

¹⁹ Эскизы и зарисовки к Петру Первому // РГАЛИ. Ф. 2605. Оп. 1. Д. 146. Л. 4—5.

²⁰ Там же.

²¹ Хранится в домашнем архиве потомков В.М. Петрова.

²² Переписка с отделами и переписка с ГУКФ об изменении и уточнении плана // ЦГАЛИ. Ф. 257. Оп. 15. Д. 25. С. 3.

²³ Протоколы заседаний по просмотру кинокартин «Петр I» и проекте реконструкции кинофабрики // ЦГАЛИ. Ф. 257. Оп. 12, Д. 84.

тельные ассигнования в сумме 2 млн рублей»²⁴. По документам «Ленфильма», запрос в ГУК с просьбой об увеличении сметы подтверждается, 70% из этой суммы были необходимы на реквизит, например на постройки декораций для съемки сцены Полтавского боя в Одессе²⁵.

Съемки задерживало не только производство реквизита, но и корректура сценария. Он прошел через два основных этапа доработки — в апреле—мае и в июле 1935 г. В июльской версии сценария Толстой и Петров поменяли местами некоторые сцены, поставив ранее более приоритетные с точки зрения критики темы. К примеру, сцена с появлением Демидова была отложена, а перед ней была поставлена сцена тяжелого быта и социального положения крестьян. Также в сцене строительства Санкт-Петербурга раньше поставили сцену с купцом Жигулиным, который просил у Петра Первого разрешить ему поставлять товар на русские торговые корабли²⁶. Еще одно изменение коснулось структуры сценария. Теперь он был поделен на две части, и первая часть заканчивалась вовсе не так патетически, как можно представить себе по фильму «Петр Первый». По июльскому сценарию в finale фильма закованные крестьяне попадали на Невьянский завод к Демидову, а царевич Алексей спасался бегством в Австрию²⁷.

В июльском сценарии была значительно смягчена сцена самосожжения раскольников. Если в майском варианте собравшиеся в лесном скиту раскольники сначала слушали юродивого, восклицавшего о приходе Антихриста: «Юродивый, с гремящей цепью на голом теле, завопил нечеловечески. В ужасе закрестился народ. Плач усилился»²⁸, то в июльском сценарии провозвествие произносил уже старец Нектарий: «Царь Петр Антихрист. Пьяня

²⁴ Докладная записка зам.зам. Отделом культурно-просветительной работы ЦК ВКП (б) А.И. Ангарова секретарю ЦК ВКП (б) А. А. Андрееву о производстве кинокартини «Петр I» // Культура и власть от Сталина до Горбачева: Кремлевский кинотеатр 1928–1953 годы: Документы. М.: РОССПЭН, 2005. С. 416.

²⁵ Протокол совещания сотрудников по кинокартине «Петр 1», 2-я серия // ЦГАЛИ. Ф. 257. Оп. 15. Д. 76. Л. 19–20.

²⁶ Толстой А.Н., Петров В.М., Лещенко Н.М. «Петр Первый». Киносценарий. Часть первая. Печатные листы режиссерского сценария с правкой А.Н. Толстого// Отдел рукописей Института мировой литературы и искусства Российской Академии Наук (ОР ИМЛИ РАН). Ф. 43. Оп. 1. Д. 454. Л. 53

²⁷ Там же. Л. 73.

²⁸ «Петр Первый». Киносценарий. Первый вариант. Машинопись // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 43. Оп.1. Д. 453. Л. 12.

кровью человечьей. Ныне царство его — ад... Знаешь ли ты ад? Бездна преглубокая. Огонь негасимый. Смола горящая. Черви и жупел... Туда хотите?»²⁹ Учитывая тот факт, что старец Нектарий после этой патетической речи предавал свою паству и бежал из горящего скита, эта сцена в новом прочтении указывала больше на слабость движения раскольников, на то, что ими движет не мистический страх перед Антихристом, а желание укрыться от страшных поборов. Правда, надо сказать, что в итоговую версию сценария сцена с раскольниками не войдет вовсе.

Изменились образы русской и шведской армий в сценах военных сражений. В первом варианте сценария шведская армия под Нарвой была показана как образец организованного наступления, а русская армия — наоборот, хаотичного отступления: «Под кучами бревен стонали раненые, пробуя вылезть, но на них падали люди, бревна, камни ... В панике побежали русские»³⁰. В июльском варианте описание боя было существенно изменено: «Развевается флаг. Сверху крепости, с редута, видны выстрелы из пушек. Перед крепостью взрывы от русских выстрелов/ во рву /, в палисадах ./»³¹. Любые ассоциации с поражением русской армии исчезали в обилии деталей батальных сцен.

Менялось и отношение к войне представителей боярства и купечества. В майском сценарии читатель мог увидеть представителей боярства в первый раз в стенах Успенского собора. Бояре произносили молитву перед Нарвским сражением: «Ломились подсвечники от пудовых свечей купечества. Бровкин, сопя от слез, повторял... Подпевал самозабвенным голосом Демидов. Вторили патриаршему хору купцы. <...> Князь Буйносов и князь Вяземский жались, глядя зло из-за широких спин именитых купцов. Косился Лопухин, перешептываясь с боярами, глядя, как истово прикладывалось к кресту именитое купечество»³². В июльском же варианте бояре вместо этого стояли на смотре войск Преображенского полка, при этом только Буйносов и Вяземский восклицали недовольно: «Господи, да сидеть бы нам смироно»³³, в то время как остальные представители боярства видели основную ценность во-

²⁹ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 43. Оп. 1. Д. 454. Л. 22.

³⁰ Там же. . 453. Л. 27.

³¹ Там же. Л. 33.

³² Там же. Л. 24.

³³ Там же. Л. 30.

енных действий Петра Первого в расширении торговых контактов: «Это как смироно. В Амстердаме за пшеницу по гульдену дают. А во Франции и того дороже. А ты — смироно. Нам бы хоть один город на море»³⁴.

Первые наброски к литературному сценарию второй части фильма были сделаны А. Н. Толстым в январе 1936 г.³⁵, в расширенном варианте первый литературный сценарий был опубликован (с разноточениями) в журнале «Молодая гвардия» в августе 1937 г.³⁶, через месяц после выпуска первой серии фильма на экраны страны. Сценарий второй серии, как и генеральный план, переделывался затем несколько раз вплоть до марта 1938 г.³⁷. По сравнению с черновым вариантом сценария ко второй серии от июля 1935 г., в течение последующих двух лет в него было добавлено несколько сцен, отражающих изменение общественно-политического контекста во время работы над второй серией фильма.

По черновикам Толстого заметно, что зимой 1936 г. он дорабатывал сцены, отражающие тесные контакты Петра I с Европой. В частности, диалог царя с философом Лейбницием³⁸. Эта сцена должна была показать pragматичные и агрессивные намерения Европы использовать русскую интеллигенцию ради своей пользы: «Умен, умен, не для нас, а для вас. Умен Лейбниц!», — говорил Петр австрийскому послу³⁹. Сцена с Лейбницием, столь важная для идеологической стороны фильма, вызвала особое внимание начальника Главного управления кинематографии С.С. Дукельского, обратившегося к Петрову и директору фабрики «Ленфильм» М.Е. Денисюко в марте 1938 г. с просьбой «проверить, соответствует ли в историческом разрезе встреча Петра с ученым Лейбницием⁴⁰».

Данная сцена включала внешнюю политику русского государства в контексте большой европейской политики, так как Петр I

³⁴ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 43. Оп. 1. Д. 454. Л. 31

³⁵ Толстой А.Н., Петров В.М., Лещенко Н.М. «Петр Первый». Киносценарий. Сцены. Вторая серия // ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 456. Л. 1–9.

³⁶ «Петр Первый», киносценарий (2 серия) // Молодая гвардия. 1937. № 8

³⁷ Толстой А.Н., Петров В.М., Лещенко Н.М. «Петр Первый». Киносценарий. Сцены. Вторая серия. «Петр Первый», киносценарий (2 серия) // ЦГАЛИ. Ф. 237. Оп. 15. Д. 76. Л. 13.

³⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 456. Л. 1.

³⁹ Там же. Л. 4.

⁴⁰ Переписка с ГУКФ о работе над картиной «Петр 1». Часть 1 // ЦГАЛИ. Ф. 257. Оп. 15. Д. 70. Л. 14.

в ней просил посла посодействовать мирным переговорам с Карлом XII, вернувшимся (по сценарию) в Стокгольм: «От мира мы никогда не отказываемся, для того и трудимся... Но мир подпишу, какой мне нужен. А хотите нас пугать... Что ж хорошего. И мы станем пугать Европу... Сил у нас хватит...»⁴¹. Интересно, что данные записи были сделаны в виде набросков, беглым почерком на маленьких листочках бумаги. Можно предположить, что А.Н. Толстой делал их во время устного разговора в формате заметок, чтобы не забыть вставить в будущий сценарий. И эти сцены были включены не случайно. Фильм «Петр Первый» планировался к показу на международном уровне. Так, например, фильм пользовался большим успехом в США и был показан в 1938 году в 10 крупнейших американских городах. В Чикаго фильм побил рекорд по посещаемости. Его даже показывали на высшем уровне — президенту США Рузвельту в Белом доме⁴².

Несмотря на то, что доработка сценария, срыва сроков и неряшливы организационно-технического характера не просто затянули производство фильма, но и значительно увеличили финансовые затраты, руководство ГУКФа одобряло Ленфильму различные требования по увеличению стоимости бутафории, костюмов, пиroteхники, набора штата (с целью сокращения расходов на роли солдат и матросов даже набрали бойцов РККА⁴³). Это доказывает идеологическую важную роль создаваемого мифа о Петровской эпохе, особенно ближе к 1938 г., когда все отчетливее в мире вырисовывались очертания грядущей большой войны. Именно на этом акцентирует внимание режиссер картины В.М. Петров: «Характеры и сюжетные линии, наметившиеся в первой серии, получают во второй части фильма свое полное развитие и завершение. В результате военных побед и внутренних преобразований Россия вступает на международную политическую арену и начинает принимать участие в общеевропейских делах. Военные успехи страны вызывают тревогу у многих европейских правительств. Тем самым значительно усложняется обстановка, в которой приходится действовать Петру и его сподвижникам. <...> Внешний враг разбит

⁴¹ Переписка с ГУКФ о работе над картиной «Петр 1». Часть 1 // ЦГАЛИ. Ф. 257. Оп. 15. Д. 70. Л. 14.

⁴² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 958. Л. 11

⁴³ Протокол совещаний и сметной комиссии по 2 серии // ЦГАЛИ. Ф. 257. Оп. 15. Д. 76. Л. 26.

основательно. Но враг внутренний — Алексей и его сторонники — активизируется».

В записке начальнику ГУКФ С.С. Дукельскому, составленной весной 1938 г. директором Ленфильма М.Е. Денисяко, для дальнейшего производства картины требовалась высококачественная импортная съемочная и звуковая аппаратура, разрешение освободить всех актеров фильма, занятых на других проектах, вся съемочная группа фильма была «выделена в особое положение для создания ей соответствующих бытовых условий»⁴⁴. В заключение к записке это объяснялось идеяными причинами: «Авторы в новый вариант [режиссерского сценария. — М.И.] привнесли целый ряд уточнений, отчетливо выявляющих основную тему сценария, <...> Личная драма Петра, его конфликт с Алексеем перерос в социальную драму, в конфликт двух идеальных течений эпохи. В силу этого образ Петра еще больше поднялся, еще больше вырос, стал более мощным.<...> Линия западных держав, мечтающих об уничтожении России, боящихся ее могучего развития, идущих на всяческие ухищрения с тем, чтобы остановить Петра на этом пути — стала доминантой, характеризующей лагерь Алексея и тех, кто пытается сделать его орудием в своих интересах...»⁴⁵.

Конечно, это было нужно не только для выполнения поставленных сверху задач по ежегодному объему производства фильмов, но и потому, что необходимость ускорить съемочный процесс и пойти на уступки съемочной группе свидетельствовала о высокой идеологической ценности мифа о Петре I для советского кинематографа. Как правки в сценарий, так и оценки картины ее создателями, включая режиссера, все больше показывали, что образ Петра I становился важной частью советского исторического нарратива конца 1930-х г. Важной составляющей этого нарратива было подчеркнуть важность развития промышленности и военной мощи страны. Подчеркнуть значимость представителей из народа в деле построения новой идеологии. Образ Петра I в кино стал платформой для обращения к исторической памяти с целью выражения этих идей различными группами — от писателей и литературных критиков, работавших над сценарием, до культурных и административных сотрудников киностудии «Ленфильм».

⁴⁴ Там же. Л. 7–8.

⁴⁵ Там же. Л. 12.

Глава 6

ДЕКАБРИСТЫ В СОВЕТСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ НARRATIVE: ОТ НАУЧНЫХ ДИСКУССИЙ К КИНЕМАТОГРАФУ (1920-е гг.)

О.А. Плех, Ю.С. Филина

Восстание 14 декабря 1825 г. стало одной из наиболее ярких страниц в истории Российской империи первой половины XIX в., интерес к которой не угасает на протяжении двух веков. В исторической науке первые попытки осмыслить произошедшее предпринимались еще в дореволюционное время, и с тех пор историография прошла долгий путь от официальной концепции, сформулированной самодержавной властью, через советский нарратив, где декабристы интегрировались в революционную генеалогию, до постсоветского периода, акцентирующего внимание на необходимости демифологизации декабристской проблематики. В связи с этим особый интерес привлекают научные дискуссии 1920-х гг. и события, связанные с подготовкой и празднованием 100-летнего юбилея, когда перед сообществом историков была обозначена цель — в противовес дореволюционной «легенде»¹ создать новую концепцию декабризма².

В последние годы историки все больше обращаются к изучению практик коммеморации и в связи с этим рассматривают

¹ В историческом нарративе 1920-х гг. понятие «легенда», применяемое для обозначения концепций развития движения декабристов, стало общеупотребительным (в первую очередь, так характеризовались дореволюционные концепции, что, по всей видимости, должно было подчеркивать их ошибочность и научную несостоятельность).

² В 1920-е гг. историография декабристского движения пополнилась большим количеством публикаций и к 1930 г. насчитывала уже более 5 тыс. библиографических единиц, из них не менее 650 вышло в свет в рамках празднования 100-летнего юбилея (см.: Восстание декабристов. Библиография / Сост. Н.М. Ченцов. М.; Л.: Гос. изд.-во, 1929; Нечкина М.В. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825–1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 238).

юбилей 1925 г., сходясь во мнении, что его празднование усилило эмоциональность нарратива, превратив декабристов в икону советской пропаганды. В монографии Л. Тригос показано, как литература, выставки и искусство середины 1920-х гг. стремились изобразить декабристов в качестве предшественников Октябрьской революции, акцентируя внимание на их жертвенности и упрощая реальные мотивы движения³.

Исследования, фокус которых направлен на культурные формы юбилейного нарратива, вносят весомый вклад в изучение не только коммеморативных практик, но и раннесоветского мифотворчества⁴. Что, конечно, отчасти позволяет проследить миграцию мифологем о декабристах из научных дискуссий в публичную сферу, однако многие вопросы, касающиеся создания «первого» советского нарратива в 1920-е гг., остаются слаборазработанными⁵. Известно, что в этот период историки, стремясь

³ Trigos L.A. The Decembrist Myth in Russian Culture. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009. P. 30.

⁴ Так, В.В. Бахтурин, рассмотрев различные варианты мемориализации декабристов в ходе юбилейной кампании (открытые лекции и встречи, поиск и реставрация мест захоронения, выставочная деятельность и т.д.), попытался показать, как миф о декабристах, отражаясь в публичных формах нарратива, служил легитимации советской власти (Бахтурин В.В. Столетний юбилей восстания декабристов в социокультурном контексте 20-х годов ХХ века: варианты конструирования исторической памяти // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. Кн. 6. С. 71–85). М.А. Александрова, анализируя литературную «декабристиану», уделила внимание мифологизации истории декабристов в советской культуре 1920-х гг. и обозначила проблему «адаптации традиционного мифа к новым условиям» (Александрова М.А. Декабристы в культурно-исторической мифологии советской эпохи. Литературная «декабристиана» 1920–1960-х гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. Вып. 4. С. 459–465). К.И. Крутко показал, что советские драматурги, работая над пьесами к 100-летнему юбилею («Николай I: декабристы» (1923) Н.Н. Лернера, «Декабристы» (1923) А. Айно и «Декабристы» (1925) М.С. Яхонтовой), стремились создать образы декабристов, соответствующие идеалам нового советского общества, символизировавшие борьбу за свободу и справедливость (Крутко К.И. Образы декабристов в советских пьесах, созданных к 100-летнему юбилею восстания 1825 года // Манускрипт. 2025. Т. 18. Вып. 1. С. 386–391).

⁵ Исследователи только приступают к изучению юбилейного исторического нарратива (см.: Булдакова Д.И., Киянская О.И. Столетие восстания декабристов в советской периодике середины 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 11 (44). С. 9–16; Плех О.А. Юбилей восстания декабристов на страницах научных журналов середины 1920-х гг. // Россия-XXI. 2024. № 1. С. 52–77).

опровергнуть дореволюционные «легенды», обратились ко многим неизученным сюжетам, но представить новую стройную концепцию декабризма так и не смогли. На формирование исторического нарратива накладывало отпечаток сосуществование разных поколений ученых. Историки-марксисты, вооружившись «схемой Покровского», изучали Южное общество, Общество соединенных славян и восстание Черниговского полка, а «буржуазные» (и примкнувшие к ним) исследователи под влиянием «либеральных концепций» по-прежнему фокусировали внимание на изучении Северного общества и восстания 14 декабря. Между тем явно обнаруживаются пробелы в изучении процессов формирования рамок «нового» нарратива о декабристах, появления альтернативных концепций и конструирования мифов. Остается открытым вопрос, какие идеи признавались научным сообществом значимыми (затем закрепились в историографии и, может быть, воспроизводятся по сей день), а какие — неприемлемыми и чем это обосновывалось. Несмотря на активное изучение коммеморативных практик, большинство современных монографических изданий лишь частично затрагивает юбилейную кампанию и культурные образы декабристов, не касаясь механизмов трансформации нарратива в 1920-е гг., особенно в части влияния научных дискуссий на публичные формы презентации нарратива, в том числе на кинематограф. В частности, остается неясным, какие мифогемы закреплялись или трансформировались на экране, можно ли среди них найти «заблуждения» Покровского, отвечала ли задачам легитимации советской власти кинематографическая адаптация.

В ходе настоящего исследования не представляется возможным заполнить все имеющиеся историографические лакуны, но его результаты позволят приблизиться к пониманию многих процессов, протекавших в 1920-е гг. На основе анализа исторического нарратива⁶ и его воплощения в фильмах «Декабристы» и «С.В.Д.» («Союз великого дела»)⁷, с учетом достижений исто-

⁶ Источниковую базу составили тексты, отражающие дискуссионные вопросы движения декабристов: монографические издания, публикации в журналах «Былое», «Историк-марксист», «Каторга и ссылка», «Красный архив», труды Наркомпроса, Центрархива, Академии наук и Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

⁷ В ходе исследования выявлены и проанализированы различные варианты сценариев фильмов.

риографии, предпринимается попытка рассмотреть формирование «первой» советской легенды и мифологем, ее окружавших, с целью проследить, как научные споры и кинематографические образы формировали нарратив и как при этом приходилось балансировать между исторической достоверностью, пропагандистскими устремлениями и творческими амбициями. Сопоставление позиций историков с содержанием сценариев и протоколами обсуждений фильмов позволит увидеть, как и какие научные идеи адаптировались для масс, а какие альтернативные интерпретации оказались под запретом.

«ЛЕГЕНДЫ О ДЕКАБРИСТАХ»: КОНСТРУИРОВАНИЕ И РАЗВЕНЧАНИЕ МИФОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В формировании исторического нарратива о декабристах выделяются три основных этапа: дореволюционный, советский и постсоветский, что логично обосновывается сменой парадигм в исторической науке.

Восстание и его последствия не только всколыхнули высшее общество, но и оказали сильное влияние на развитие общественно-политической мысли в стране. Несмотря на то что тема декабризма во второй четверти XIX в. была под запретом, именно в это время предпринимались первые попытки осмыслить произошедшее, причем не только со стороны репрессированных участников. Главным «историографом» восстания декабристов выступила сама верховная власть, приложив немало усилий для формирования официальной концепции⁸, которая в наиболее завершенном виде⁹ была представлена в труде М.А. Корфа «Восшествие на пре-

⁸ Донесение Следственной комиссии. [СПб., 1826].

⁹ К числу историков, представлявших официальный взгляд на восстание, как правило, относят Н.Г. Устрялова, который в «Историческом обозрении царствования императора Николая I», описывая обстоятельства восшествия на престол Николая I, уделил им несколько страниц («Мятеж 14 декабря»), где фактически переписал текст упомянутого высочайшего манифеста от 13 июля 1826 г. (Устрялов Н.Г. Историческое обозрение царствования государя императора Николая I. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1847. С. 16–19).

стол императора Николая I»¹⁰. Написанный по высочайшему повелению текст был тщательно отредактирован Николаем I, однако вышел в свет уже после его смерти, в 1857 г. Его основные идеи перекликались с позицией, изложенной в манифесте, обнародованном в день казни декабристов: 1) малочисленность заговорщиков («горсть молодых безумцев»), не имевших поддержки в массах и среди солдат, которые оказались «жертвами коварного подлога»; 2) «случайность» восстания и несвойственный для «покорной, преданной, богобоязливой, царелюбивой России» преступный замысел против царствующей семьи; 3) бессмысленность мятежа, во главе которого оказались люди, увлеченные чуждыми западными идеями и незнакомые с интересами населения¹¹. Пожалуй, нельзя не согласиться с М.В. Нечкиной, которая полагала, что эти тезисы должны были не только оправдать действия Николая I, но и «доказать» его «права на российский престол»¹².

Выход в свет сочинения Корфа оживил интерес к декабристам, вызвав весьма противоречивые отклики. Монархически настроенные круги увидели в нем слишком откровенное изложение событий¹³, а оппозиционные — подвергли резкой критике «раболепный» взгляд «николаевского сановника». К примеру, А.И. Герцен и Н.П. Огарев изложили свое отношение к восстанию, опубликовав в 1858 г. за границей совместную работу «14 декабря 1825 и император Николай: по поводу книги барона Кор-

¹⁰ Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I-го. СПб.: Тип. 2 Отд. С.Е.И.В.К., 1857.

¹¹ В манифесте от 13 июля 1826 г. довольно ясно излагалась позиция верховной власти: «Не в свойствах, не во нравах русских был сей умысел. Составленный горстю извергов, он заразил близкайшее их сообщество, сердца развратные и мечтательность дерзновенную; но в десять лет злонамеренных усилий не проник, не мог проникнуть далее. Сердце России для него было и всегда будет неприступно. Не посрамится имя русское изменю престолу и Отечеству... Мы видели при сем самом случае новые опыты приверженности... видели все состояния соединившихся в одной мысли, в одном желании: суда и казни преступникам» (Саблин В.М. Декабристы и тайные общества в России. М.: Типо-лит. Русского товарищества печатного и издательского дела, 1906. С. 109).

¹² Нечкина М.В. Декабристы. М.: Наука, 1982. С. 170.

¹³ Записка И.П. Липранди «Несколько слов о книге „Восшествие на престол императора Николая I“» // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах: Вып. XIII. М.: Редакция альманаха «Российский архив», 2004. С. 239–284.

фа»¹⁴. На страницах этого произведения декабристы выступали в роли героев, сумевших возвыситься над узкосословными интересами и в схватке с самодержцем-тираном пожертвовать собой ради справедливого будущего России. Так в эмигрантской среде родилась вторая интерпретация восстания, в советской науке окрещенная «революционной концепцией декабризма». И хотя в позднейшей публицистике, касающейся феномена декабризма, Герцен и Огарев действительно выражали более радикальные идеи, на российскую общественность наибольшее влияние оказал именно либеральный взгляд, исполненный надеждой на реформаторский потенциал самодержавия¹⁵.

Попытки осмыслить причины и цели восстания предпринимали также сами декабристы. В мемуарах они стремились дать, скорее, философское обоснование своих действий¹⁶. При этом единства взглядов не наблюдалось, что ярко проявилось в их личной переписке по поводу выхода в свет труда Корфа: одни не могли однозначно сформулировать свою позицию, поскольку весьма удивились решению верховной власти раскрыть для публики «царственную тайну» (В.И. Штейнгель, Е.П. Оболенский); другие акцентировали внимание на тенденциозности изложения («убийственной раболепной лести»), наличии многочисленных «умолчаний», стремлении «унизить уничтоженных» и исказить действия восставших (И.И. Пущин, М.И. Муравьев-Апостол и др.)¹⁷.

Из всех произведений, вышедших из-под пера декабристов, особое внимание современных исследователей привлекает трехтомное сочинение Н.И. Тургенева «Россия и русские», впервые изданное на французском языке в апреле 1847 г. в Париже, Брюсселе и Гааге, а затем в Берлине на немецком¹⁸. В историографии встречаются мнения, что «декабрист без декабря» стал родоначальником

¹⁴ 14 декабря 1825 года и его истолкователи: (Герцен и Огарев против барона Корфа) / Отв. ред. Е.Л. Рудницкая. М.: Наука, 1994. С. 65–206.

¹⁵ Там же. С. 48–57.

¹⁶ Мемуары декабристов / Сост. А.С. Немзер. М.: Изд-во «Правда», 1988; Мемуары декабристов. Северное общество / Сост. В.А. Федоров. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981; Мемуары декабристов. Южное общество / Под ред. И.В. Пороха, В.А. Федорова. М.: Изд-во Московского университета, 1982.

¹⁷ 14 декабря 1825 года и его истолкователи: (Герцен и Огарев против барона Корфа) / отв. ред. Е.Л. Рудницкая. С. 41–43.

¹⁸ Тургенев Н.И. Россия и русские / Пер. с фр. С.В. Житомирского. М.: ОГИ, 2001.

третьей интерпретации восстания, так называемой либеральной легенды¹⁹. С одной стороны, еще до революции признавалось, что его труд «был единственным сочинением в эпоху имп. Николая, в котором русский политический либерализм получил довольно полное выражение»²⁰. И действительно, большое внимание в книге удалено двум важнейшим вопросам: уничтожению крепостного права и преобразованию государственного строя. Тургенев последовательно и довольно органично изложил свой взгляд на «политическую и социальную картину России», а также рассуждал о будущем империи, представив обширную программу реформ.

С другой стороны, свое произведение он адресовал европейской публике²¹. Но что более важно, помещенный в первом томе («Записки изгнанника») рассказ автора о своей жизни был проникнут далеко не стремлением изложить взгляды декабристов. Вошедшая в том «оправдательная записка», в которой он по пунктам опровергал опубликованное «Донесение Следственной комиссии», являлась, по сути, отчаянной попыткой оправдаться перед самодержавием и опровергнуть обвинения в его адрес. Еще большие вопросы у современников, в особенности у декабристов, с достоинством понесших наказание и не вымаливавших прощения, и следующих поколений русских революционеров вызывали его записки, адресованные Николаю I в 1826–1827 гг.²² Сохранить общественную репутацию от совершенного краха ему удалось лишь благодаря тому, что до советского времени оставался неизвестным полный текст второй записки императору. В преддверии празднования 100-летнего юбилея, когда активизировалась работа по поиску и публикации архивных материалов, этот документ был обнаружен и обнародован²³. Реакция советских историков на

¹⁹ Леонтьева О.Б. Героизация и дегероизация образов декабристов в исторической памяти российского общества второй половины XIX — начала XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 2. С. 57.

²⁰ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона. Т. 34: Трумпль — Углеродистый кальций. СПб.: Тип. акц. общ. Брокгауз-Ефон, 1902. С. 110.

²¹ В России его впервые удалось издать в 1907 г., причем с большими трудностями и далеко не полную версию (подробнее см.: Тургенев Н.И. Россия и русские / Пер. с фр. С.В. Житомирского. С. 626, 652–653).

²² Подробнее см.: Там же. С. 627–634.

²³ Записка Н.И. Тургенева / Публ. подгот. Н.Ф. Бельчиков // Красный архив. 1925. Т. 13. С. 68–70; Шебунин А.Н. Н.И. Тургенев в тайном обществе декабристов // Декабристы и их время. Т. 1. М.: Изд-во политкаторжан, 1928. С. 109–146.

«позорно коленопреклонную» оправдательную записку, в которой Тургенев не только отрекался от участия в заговоре, но и пытался доказать «ничтожность» тайных обществ²⁴, была вполне ожидаемой. Ее весьма красноречиво изложил М.Н. Покровский: «Н.И. Тургенев весьма спокойно, и нимало не нуждаясь, жил в Англии. Никаких неприятностей в этой стране, — позже десятилетиями оказывавшей гостеприимство Герцену, — ему не угрожало... Казалось бы, какой великолепный случай бросить в лицо Николаю всю правду, стать адвокатом дела замученных в царских тайниках товарищей перед лицом всего цивилизованного мира. И, вместо этого, такие тирады... И находятся до сей поры русские интеллигенты, свято блюдущие культ Н.И. Тургенева! Тогда как единственный интерес, какой представляет этот человек в истории революционного движения двадцатых годов, это интерес эксперимента: что будет, если среднего декабриста из Северного общества поместить в максимально благоприятные условия, абсолютно вне пределов досягаемости для Николая? Ответ мы имеем: будет записка Тургенева. Отныне этот человек, на которого еще [А.Н.] Пыпин ссылался, как на одного из главнейших историков заговора, остается чем угодно — экономистом, финансистом, — но историк декабристов он такой же, как Тихомиров историк „Народной Воли“. „Записка“ Тургенева дискредитирует „либеральную легенду“ декабристов больше, чем это могли бы сделать писания дюжины критиков»²⁵.

В связи с вышесказанным сложно согласиться с утверждением, что именно сочинения Тургенева стали отправной точкой для формирования либеральной легенды. Скорее, она зародилась благодаря ответу Герцена и Огарева на произведение Корфа и в дальнейшем воодушевляла либеральную печать и нашла отражение в историографии. В частности, Покровский полагал, что «полнее всего» ее удалось раскрыть А.Н. Пыпину²⁶. В то же время в более поздних публикациях Герцен развивал тезис о «первых русских революционерах», акцентируя внимание на их жертвен-

²⁴ Записка Н.И. Тургенева / Публ. подгот. Н.Ф. Бельчиков // Красный архив. 1925. Т. 13. С. 70.

²⁵ Покровский М.Н. Предисловие // Красный архив. 1925. Т. 6 (13). С. VII–VIII.

²⁶ См.: Покровский М.Н. Декабристы: Сб. ст. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 33; Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I: исторические очерки. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1885.

ности и бескорыстном служении народу. Такая героико-романтическая интерпретация событий («революционная» легенда) способствовала формированию мифа о декабристах как мучениках свободы и резко противопоставляла себя правительенной легенде, которая сохранялась в официальной историографии. Все эти концепции не имели документальной опоры, и, несмотря на значительное количество публикаций, даже к 1917 г. ощутимый недостаток фактического материала заполнялся домыслами и общими суждениями. Конечно, с рассекречиванием части архивов в 1905 г. изучение декабризма стало более систематическим. Вышли в свет работы П.Е. Щеголева, Н.П. Павлова-Сильванского и В.И. Семевского²⁷, заложившие новые стандарты исследования с опорой на мемуары и архивные документы. Однако и эти исследования во многом воспроизводили уже устоявшиеся легенды, в том числе герценовский миф о декабристах-революционерах.

Нarrатив, унаследованный от «героико-романтической» интерпретации, не только сохранил эмоционально окрашенную идеализацию декабристов, но и подготовил почву для их восприятия в качестве символа революционной преемственности в советский период, когда сословное происхождение декабристов нивелировалось их моральным пафосом и борьбой с самодержавием. Такой взгляд стал доминирующим к 1917 г. и оказал значительное влияние на декабристоведение в первое советское десятилетие, когда наблюдалась преемственность исторического нарратива через советскую адаптацию дореволюционных мифов. Более того, героический образ декабристов эволюционировал, находя отражение не только в научных, научно-популярных и художественных публикациях, но и в различных культурных формах, таких как, например, кинематограф 1920-х гг.

В советское время под влиянием идеологических установок декабристы оказались интегрированы в ленинскую схему «трех этапов освободительного движения» (декабристы — разночин-

²⁷ Павлов-Сильванский Н.П. Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом. Ростов н/Д: Тип. «Донская речь», 1907; Семевский В.И. Волнение в Семеновском полку в 1820 г. СПб.: Б. и., 1907; Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Тип. 1 Спб. труд. артели, 1909; Щеголев П.Е. А.С. Грибоедов и декабристы. СПб.: Изд. М.А. Суворина, 1905; Щеголев П.Е. Первый декабрист Владимир Раевский: Из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905; и др.

цы — пролетариат), где они олицетворяли «дворянский этап», при этом основное внимание акцентировалось на их революционности и антифеодальной борьбе, а классовые ограничения и либеральные устремления оставались в тени²⁸. Этот нарратив характеризовал декабристов как «первых революционеров России»²⁹, чья жертвенность символизировала преемственность борьбы, но служил прежде всего легитимации советской власти, подавляя альтернативные интерпретации (такие как умеренный либерализм Северного общества). При этом в советское время требовалось следовать утвержденной схеме не только в исторических исследованиях, но и в художественной литературе на историческую тематику. Следует отметить, что советский «канон» декабристского движения оформился далеко не сразу: пройдя путь от относительного «плурализма» в оценке отдельных событий, что наблюдалось в 1920-е гг., до канонически выверенной концепции, получившей наиболее полное выражение в поздних работах М.В. Нечкиной.

С исследовательской точки зрения 1920-е гг. представляются любопытным периодом, позволяющим увидеть, каким образом и под влиянием каких факторов происходил слом устаревших дореволюционных оценок и зарождались новые, одобряемые большевистской властью теории, как протекали процессы мифологизации и демифологизации. Именно на 1920-е гг. пришлось знаменательное для исторической науки событие — 100-летний юбилей восстания, который не просто актуализировал тему, но вывел ее за пределы сугубо научных дискуссий и во многом задал вектор для ее изучения в последующие десятилетия.

К празднованию юбилея готовились заблаговременно. Перед историческим сообществом стояла вполне конкретная задача: требовалось развенчать бытовавшие легенды о декабристиах, в первую очередь ту, которую культивировала самодержавная власть. Историки получили доступ к ранее неизвестным документам и возможность переосмыслить роль и значение восста-

²⁸ Эдельман О.В. Миф о декабристах // Arzamas.academy. URL: <https://arzamas.academy/materials/906> (дата обращения: 17.08.2025).

²⁹ В историографическом обзоре декабристоведения П. О’Меара назвал советский взгляд узкой марксистско-ленинской рамкой «освободительного движения» (O’Meara P. Recent Russian historiography on the Decembrists: from „liberation movement“ to „public opinion“ // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2013. Т. 14. № 4. Р. 806).

ния в истории Российского государства. Важно подчеркнуть, что в 1920-е гг. в исторической науке существовали представители «старой школы» и молодые советские историки, которые по-разному видели пути достижения этой цели. Первые считали главной задачей «восстановление» достоверной и полной картины событий, что оказалось затруднительно даже в отношении восстания на Сенатской площади. В частности, А.Е. Пресняков отмечал, что эти трудности произрастают «не от недостатка, а, напротив, от большого обилия свидетельств, которые во многих подробностях расходятся и противоречат друг другу»³⁰. В свою очередь, историки-марксисты полагали, что нужно «найти декабристам место, законное и обеспеченное, в развитии русской революционной идеологии», но для этого недостаточна «фактическая база»³¹; следовательно, требуется сосредоточить усилия на публикации архивных материалов, и задача по обнародованию документов в 1920-е гг. решалась вполне успешно.

В научном сообществе публикация источников, в первую очередь материалов суда и следствия, признавалась главным вкладом юбилейной литературы в разработку темы декабризма. Речь идет не только о крупных изданиях³², подготовленных Центрархивом и Обществом бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, но и о материалах, представленных на страницах исторических журналов, таких как «Былое», «Каторга и ссылка» и «Красный архив»³³. В этот период историкам «старой школы» удавалось об-

³⁰ Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года с приложением военно-исторической справки Г.С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 149.

³¹ Покровский М.Н. Предисловие // Красный архив. 1925. Т. 6 (13). С. 5.

³² Наиболее значимым изданием является серия «Восстание декабристов», которая была задумана и издавалась Центрархивом под руководством Покровского (См.: Восстание декабристов: документы / Под общ. ред. и с предисл. М.Н. Покровского. Т. 1–8. М.; Л.: Наука, 1925–1929).

³³ Опубликованные документы, которые, по замыслу издателей, должны были углубить представления об истинных намерениях участников движения, оказались разнообразны и по типу, и по содержанию. Письма, записки, воспоминания декабристов и лиц из их окружения в основном содержали биографические подробности, в том числе касающиеся материального положения, взаимоотношений с родственниками и проч. (См., например: Декабрист Е.П. Оболенский: Письмо к Я.Н. Толстому / Публ. подгот. С. Шестериков // Былое. 1925. № 1 (29). С. 66–69; Из архива декабриста Василия Львовича Давыдова: Неизданные письма с комментариями Н.К. Пиксанова // Историк-марксист 1926. Т. 1. С. 175–200; Из архива К.Ф. Рылеева / Публ. подгот. Б.Л. Модзальевский, П.Н. Карелин //

народовать даже «идеологически» неверные материалы (что как нельзя лучше говорит об относительной свободе в научных разработках). К таковым уникальным документам следует отнести военно-историческую справку «Гвардия в декабрьские дни 1825 года», автором которой являлся полковник Русской императорской армии Г.С. Габаев³⁴. Данный материал сумел опубликовать Пресняков в качестве приложения к своей книге «14 декабря 1825 года»³⁵.

Между тем борьба с дореволюционными легендами велась не столь успешно. Юбилейная литература так и не смогла предложить новую концепцию, лишенную «многочисленных пробелов» и очевидных для советских историков «ошибок». Для научного сообщества такой итог оказался вполне ожидаемым. Так, по мнению Нечкиной, «бедность монографической разработки декабризма» была напрямую связана с «документальной неосвещенностью», а вновь опубликованные в юбилейных изданиях документы и вовсе привели к тому, что не осталось «ни одного труда о декабристах до юбилея, который... не устарел бы всецело или отчасти»³⁶. При этом среди публикаций ярко выделялись труды историков предшествовавшей эпохи, реакция на которые среди историков-марксистов не была однозначной. В данном случае следует обратить внимание на публикации уже упомянутого Преснякова. Так, довольно резкую критику по поводу его работ высказал редактор журнала «Историк-марксист» А.В. Шестаков, отметив, что в них «любознательный читатель не найдет ниче-

Былое. 1925. № 5 (33). С. 28–44; К истории освобождения крестьян декабристом И.Д. Якушкиным / Публ. подгот. Н.Ф. Лавров // Красный архив. 1925. Т. 13. С. 250–257; Неизданная рукопись декабриста Н.В. Басаргина / Публ. подгот. Е.Е. Якушкин // Каторга и ссылка. 1925. № 5 (18). С. 161–173; Песня декабриста / Сообщ. Е.Е. Якушкин // Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 319–321; Рассказ И.Я. Телешова о 14 декабря 1825 года / Публ. подгот. Б.Е. Сыроечковский // Красный архив. 1925. Т. 13. С. 284–288; Стихотворение декабриста / сообщ. Е.Е. Якушкин // Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 317–319; Три письма декабриста Петра Борисова / Публ. подгот. М.В. Нечкина // Каторга и ссылка. 1926. № 6 (27). С. 57–64; Три письма Л.Н. Толстого к декабристу П.Н. Свищунову / Публ. подгот. Б.Е. Сыроечковский // Красный архив. 1924. Т.6. С. 235–242; и др.).

³⁴ Публикация подобного рода материалов была бы немыслима в 1930-е гг.

³⁵ Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года: с приложением военно-исторической справки Г.С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 г.». М.; Л.: Госиздат, 1926.

³⁶ Нечкина М.В. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825–1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 238, 242.

го нового, кроме старой трухи о столкновении „самодержавной власти с новой нарождающейся русской общественностью“, об „отчуждении правительственной власти от всех насущных общественных интересов — материальных и культурных“ и т. п.». Он упрекал Преснякова в «кадетизме», которым веяло «от фраз: „разделение трона от народа“ как причины декабризма, объяснение этого движения „разорением страны“ после наполеоновских войн и пр.»³⁷. В свою очередь, Нечкина, хотя и поддерживала мнение, что его труды «по существу нового не дают», но в целом отзывалась о них положительно³⁸.

В то же время при ближайшем рассмотрении критика выглядит вполне оправданной. Во-первых, умозаключения Преснякова в целом дублировали тезисы распространенных до революции легенд о декабристах, причем почерпнутые из разных источников, что привело к противоречивости его суждений. Так, статью «Восстание декабристов» он начинал с того, что называл восстание декабристов «первым опытом революции в России», а далее уже рассуждал о «военном заговоре», «офицерском перевороте», подчеркивая отсутствие сплоченности в среде заговорщиков³⁹. Во-вторых, в своем повествовании он придерживался публицистического стиля, воспроизводя многие ошибки и домыслы, не имевшие научного обоснования. И наконец, в-третьих, историк пренебрегал научным цитированием и не привел ни одной ссылки на документальные материалы, что не позволяло читателю увидеть круг источников, на котором базировалось его исследование.

На общем фоне также выделялся опыт осмысливания восстания декабристов, предпринятый Е.В. Сказиным, который хотя и не относился к историкам «старой» школы, но вполне воспринял идеи дореволюционной историографии. В своей статье он попытался восстановить хронологию событий 14 декабря 1825 г., при этом активно ссылался на работы Корфа, Шильдера, С.А. Панчулидзе и др.⁴⁰ Как отметила Нечкина, автор пребывал «во власти либеральной концепции декабризма», и, «несмотря на усилия

³⁷ Шестаков А.В. Русские исторические журналы конца 1925 и начала 1926 г. // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 305.

³⁸ Нечкина М.В. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825–1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 243.

³⁹ Пресняков А.Е. Восстание декабристов // Былое. 1925. № 5 (33). С. 3–27.

⁴⁰ Сказин Е.В. 14 декабря 1825 г. // Каторга и ссылка. 1925. № 8 (33). С. 65–86.

дать марксистское толкование, ему не удалось связать его [восстание. — *O.П., Ю.Ф.*] с эпохой, он ушел в исследование фактических деталей и тактики восстания, своеобразно им понимаемой⁴¹. Обвинения в отсутствии связи с рассматриваемой эпохой выглядели не вполне справедливо, поскольку не только Сказин, но и историки, крепко стоявшие на марксистских позициях, да и сама Нечкина в своих статьях не демонстрировали стремления «углубиться» в общеисторический контекст, ограничиваясь общими суждениями о развитии революционного движения.

Среди молодого поколения историков наиболее активно взялась за разработку темы М.В. Нечкина. Делая первые шаги в науке, она следовала за предложенной Покровским «схемой движения декабристов» и сосредоточилась на изучении событий, происходивших на юге страны⁴², но, несмотря на все усилия, ей так и не удалось сконструировать «правильный» образ декабристов. В этом она преуспела в последующие десятилетия. В современной историографии признается, что именно разработанный ею нарратив, подчеркивавший революционность и нравственный пафос движения и игнорировавший все, что в него не укладывалось, лег в основу советской концепции о декабристах. Хотя по мнению самой Нечкиной, высказанному в 1930-е гг., ее произведения базировались на концепции вождя пролетарской революции: «Ленин действительно дал сложную, продуманную и отличающуюся глубокой цельностью концепцию движения декабристов. Он называл их дворянскими революционерами. Этим он подчеркнул одновременно и классовую ограниченность движения, и его революционное существо. Концепция Ленина глубоко диалектична»⁴³. Эти громкие заявления звучали в связи с критикой взглядов Покровского, и, пожалуй, следует согласиться с точкой зрения, что стройная «ленинская концепция» декабризма в большей степени

⁴¹ Нечкина М.В. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825–1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 243.

⁴² Нечкина М.В. Восстание Черниговского полка // Каторга и ссылка. 1925. № 8 (21). С. 87–112; Нечкина М.В. Общество соединенных славян. М.; Л.: Госиздат, 1927; Нечкина М.В. Общество соединенных славян: предшественники революционеров-разночинцев среди декабристов (1825–1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 154–174.

⁴³ Нечкина М.В. Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: Сб. ст. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 312.

являлась мифологемой, сконструированной самой Нечкиной на основе «противоречивых и разновременных высказываний вождя большевиков»⁴⁴.

Более того, глядя на проведенное ею исследование трудов Покровского, напрашивается предположение, что она же сформулировала и «схему» опального историка. Всего она выявила 13 публикаций (написанных с 1907 по 1926 г.), где Покровский упоминал декабристов. Наиболее полному разбору подвергла дореволюционные работы, в которых нашла самые вопиющие заблуждения. Что же касается публикаций 1920-х гг., которые по сути представляли собой либо введение к сборникам документов и статей, либо лекции, либо газетные заметки, в них вообще не прослеживалось определенной позиции. Тем не менее Нечкина заявила, что «концепция сложилась у Ленина с 1902 г.» и «к тому, моменту, когда Покровский выступил со своей первой работой о декабristах, — 1907 г., — он уже смог бы продумать первые высказывания Ленина о декабристах, относящиеся к 1901, 1905 и 1906 гг. А к 1920–1926 гг. — времени, когда Покровский дает целую группу своих последних работ о декабристах, он уже давным-давно мог бы усвоить ленинскую концепцию. Он не сделал этого»⁴⁵. Подробнее о «схеме Покровского» будет сказано далее, но здесь следует подчеркнуть следующее: обвиняя своего учителя в том, что «его концепция восстания декабристов в корне расходится с ленинской», Нечкина не упоминала, как она в 1920-е гг. активно цитировала его «удачные» идеи⁴⁶ и как, делая обзор юбилейной литературы, утверждала, что именно Покровский являлся «первым ученым, давшим анализ классового существа декабри-

⁴⁴ Сафонов М.М. Из истории создания советской концепции восстания декабристов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2015. Вып. 4. С. 56.

⁴⁵ Нечкина М.В. Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: Сб. ст. Ч. 1. С. 312.

⁴⁶ По сути, в декабристоведении она являлась главным представителем «школо Покровского» и, конечно, не могла отрицать, что в 1920-е гг. вела научные разработки в русле его «схемы». Она призналась, что «стояла на ошибочных позициях», но с 1935 г. «начала отходить от указанных ошибок», поскольку изучила «высказывания Ленина о декабристах и постановления партии и правительства об учебнике истории», что дало ей «возможность понять всю ложность концепции Покровского» (там же. С. 334).

стов»⁴⁷. Тогда она ставила ему в заслугу то, что он сместил исследовательский фокус с Северного общества на Южное, Соединенных славян и восстание Черниговского полка, теперь же, в 1939 г., утверждала, что «Покровский в угоду своей концепции пошел на прямую фальсификацию», поскольку Ленин «отводил центральное место политическому значению выступления именно в столице — 14 декабря»⁴⁸.

Активное участие в разгроме Покровского и четкое следование указаниям Сталина позволили Нечкиной увернуться от серьезных нападок⁴⁹ и в послевоенное время канонизировать в своих работах советскую концепцию движения декабристов, вписанную в историю русской революционной борьбы. Отныне ленинский (по существу, сталинский) взгляд на «дворянских революционеров» (и их безапелляционную революционность), интегрированный в официальную схему развития и смены общественно-экономических формаций, надолго утвердился в декабристоведении. В современных исследованиях существует точка зрения, что на роль главного декабристоведа претендовал другой известный советский историк, Н.М. Дружинин⁵⁰. В 1930-е гг. его «стартовые позиции» выглядели более выгодными, поскольку в 1920-е гг. он писал о восстании на Сенатской площади с опорой на ленинские высказывания⁵¹, а в 1935 г. опубликовал статью «14 декабря 1825 года в Петербурге», где скорректировал свои взгляды в соответствии с меняющимися идеологическими уста-

⁴⁷ Нечкина М.В. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825—1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 246.

⁴⁸ Нечкина М.В. Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: сб. ст. Ч. 1. С. 333.

⁴⁹ Во второй половине 1930-х гг. в адрес Нечкиной звучала резкая критика. Ее обвиняли в том, что она пересмотрела свои взгляды на декабристов лишь после того, как стали «известны указания товарищей Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспекта учебника истории СССР», а ее первые «правильные» публикации выглядели «формальными» и неверно трактующими «вопрос о преемственности республиканских традиций для последующего революционного поколения» (Подробнее см.: Гохберг И. Об антиленинской концепции М.Н. Покровского по вопросу о декабристах // Исторический журнал. 1939. № 6. С. 22—31; Нечкина М.В. Ленин о декабристах // Фронт науки и техники. 1935. № 5—6. С. 29—37).

⁵⁰ Сафонов М.М. М.В. Нечкина против М.Н. Покровского: «марксистское понимание истории» // Деятели русской науки XIX—XX веков. Вып. 5 / Отв. ред. И.П. Медведев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 77—93.

⁵¹ Дружинин Н.М. Кто были декабристы и за что они боролись? М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925.

новками⁵². Однако он проиграл Нечкиной, которой удалось не только доказать «вредные» взгляды своего учителя, но и, проанализировав обширное ленинское наследие, приспособить разрозненные противоречивые высказывания лидера большевиков «к текущим идеологическим потребностям» (еще и согласовать их с позицией Сталина)⁵³. Следует отметить, что в послевоенное время Дружинин попытался оспорить точку зрения Нечкиной на события, произошедшие 14 декабря, но также проиграл и не получил поддержки в научном сообществе⁵⁴.

В 1955 г. вышла двухтомная монография Нечкиной⁵⁵, которая обозначила границы официальной историографии декабризма вплоть до перестройки. Основные постулаты ее концепции не подвергались критике. Существует точка зрения, что в позднесоветской историографии начало формироваться «неофициальное» направление⁵⁶, обратившееся к изучению различных идейных течений и форм общественной деятельности (в том числе либеральных) и «их влияния на формирование политической программы декабристов»⁵⁷. Кроме того, начиная с 1960-х гг. советская интеллигенция, по сути, отождествляя себя с декабристами, стала видеть в «дворянских революционерах» борцов за свободу и свое alter ego⁵⁸. Следует подчеркнуть, что, несмотря на идеологическую заданность и жесткость официальной «легенды», наследие совет-

⁵² Дружинин Н.М. 14 декабря 1825 года в Петербурге // Борьба классов. 1935. № 7—8. С. 37—49.

⁵³ Сафонов М.М. М.В. Нечкина против М.Н. Покровского: «марксистское понимание истории» // Деятели русской науки XIX—XX веков. Вып. 5 / Отв. ред. И.П. Медведев. С. 92.

⁵⁴ Подробнее см.: Сафонов М.М. Из истории создания советской концепции восстания декабристов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2015. Вып. 4. С. 55—65.

⁵⁵ Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 1—2. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

⁵⁶ См., например: Ланда С.С. Дух революционных преобразований...: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов, 1816—1825. М.: Мысль, 1975; Пугачев В.В. Из истории политической мысли декабристов (тайное общество и политическая лирика А.С. Пушкина в 1818—1820 гг.) // Вопросы истории государства и права. Вып. 1. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1977. С. 37—54.

⁵⁷ Подробнее см.: Ильин П.В. Декабристоведческая научная традиция: актуальные задачи изучения в прошлом и настоящем // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 148.

⁵⁸ Эрлих С.Е. Декабристы. История мифа // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 166.

ских декабристов не теряет актуальность и сегодня, в первую очередь благодаря фундаментальной источниковой базе⁵⁹.

В постсоветский период под эгидой деидеологизации интерес к революционной тематике начал стремительно ослабевать, однако в последние десятилетия исследовательский фокус вновь обращен к теме декабризма, но уже под другой оптикой: помимо очевидного стремления отойти от советской интерпретации и прийти к более взвешенному освещению событий⁶⁰, историография демонстрирует значительные изменения в подходах к изучению движения. Историки прикладывают немало усилий к пересмотру «традиционной» схемы развития декабристского движения⁶¹ (берущей свое начало из «Донесения Следственной комиссии»⁶²) и развенчанию дореволюционных и советских мифов, которыми переполнена научная литература и которые по сей день влияют на культурную идентичность (перекликаясь с мифами о Пушкине, Сибири и т. д.⁶³). Большое внимание уделяется изучению «общественного мнения» и его влиянию на формирование декабристского движения.

В настоящее время можно говорить о развитии целого научного направления, нацеленного на изучение нарратива или (что чаще фигурирует) «мифов» о декабристах, которое рассматривает дореволюционные интерпретации в связи с советскими трансформациями и их отражением в культуре, включая кинематограф. Признается, что герценовский миф о декабристах как героях-жертвенниках лег в основу интеллигентской мифологии XIX–XX вв. Л. Тригос от-

⁵⁹ Этот тезис не подвергают сомнению ведущие современные декабристоведы (см., например: Эдельман О.В. Разговор о декабристах // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 156–158).

⁶⁰ См., например: Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: Правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009; Бокова В.М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003; Мироненко С.В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М.: Кучково поле, 2016; Эдельман О.В. Следствие по делу декабристов. М.: Модест Колеров, 2010.

⁶¹ См., например: Киянская О. Декабристы. Пленники свободы. М.: Молодая гвардия, 2023; O'Meara P. Recent Russian historiography on the Decembrists: from „liberation movement“ to „public opinion“ // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2013. Т. 14. № 4. Р. 805–822.

⁶² Речь идет о классической схеме развития декабристского движения: Союз спасения — Союз благоденствия — Северное и Южное общества — восстания — суд и репрессии.

⁶³ Trigos L.A. The Decembrist Myth in Russian Culture. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009. P. 16.

мечает, что жизнеспособность мифа, культивировавшего бескорыстие и патриотизм, и сакральный статус темы декабристов в кругах интеллигенции обусловливали его противостояние официальной легенде Николая I, стремившегося стереть заговорщиков из общественного сознания, а в советское время этот миф был не только усилен в историографии, но и популяризирован в литературе и кинематографе⁶⁴. Более того, Тригос показывает, что декабристы сами занимались своего рода мифотворчеством и формировали свои взгляды, свой собственный образ, основываясь на литературных и исторических моделях (и доказывает этот тезис с опорой на семиотический подход Ю.М. Лотмана и Л.Я. Гинзбург)⁶⁵. Ряд современных исследователей пытаются развенчать герценовский миф, выявляя фактические искажения, домыслы и путаницу в данных и источниках⁶⁶. С.Е. Эрлих, анализируя понятие «декабрист», определяет его как продукт пропаганды, самоназования или герценовской идеологии⁶⁷. П.В. Ильин предложил переосмыслить критерии этого термина, опираясь на достоверные свидетельства, а не на литературные образы⁶⁸. Некоторые исследователи даже утверждают, что тайных обществ вовсе не существовало, а их образ был сконструирован следователями⁶⁹.

Современная борьба с мифами имеет и обратную сторону, когда, как справедливо отметила О.В. Эдельман, в погоне за сенсацией и новизной в публикациях появляются не имеющие

⁶⁴ Trigos L.A. The Decembrist Myth in Russian Culture. P. 15, 24.

⁶⁵ Op. cit. P. 19.

⁶⁶ Кацис Л.Ф. Декабрист в кино и повседневной жизни: Декабристоведение как историко-психологическая категория // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. М.: РГГУ, 2008. С. 622.

⁶⁷ Эрлих С.Е. Кого считать декабристом? Ответ советского декабристоведения (по материалам библиографических указателей 1929–1994) // 14 декабря 1825 года: Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 3. СПб.: Нестор-История, 2000. С. 258.

⁶⁸ Ильин П. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб.: Нестор-История, 2004.

⁶⁹ Данный тезис звучит в исследовании Н.Д. Потаповой (см.: Потапова Н.Д. Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2017), но подвергается критике за игнорирование источников (к примеру, воспоминаний М.А. Фонвизина и М.И. Лунина). Подробнее см.: Гордин Я.А. Новое декабристоведение — технология «разрушения мифов»// Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 185–186, 190.

документальных подтверждений гипотезы (например, связи декабристов с масонами⁷⁰), что, в конечном итоге, порождает новые мифы⁷¹. В целом современные историки солидаризируются в том, что существует дефицит обобщающих работ, доступных широкой аудитории: советские труды концептуально устарели, а исследования, в которых разбираются отдельные, частные аспекты темы, непонятны для неспециалистов⁷². Появление «любительского» декабристоведения, включая конспирологические теории, говорит о важности просветительской работы для противодействия исказлениям⁷³. Кроме того, российская историография в большинстве своем остается изолированной от международного сообщества историков, которые сумели добиться весомого успеха в таких направлениях исследований, как, например, гендерные, что ограничивает возможности разработки темы «декабристок»⁷⁴. Проблема «жен декабристов» уже стала полноценной частью нарратива о декабристах, но гендерный подход в ее изучении реализуется довольно слабо, при этом признается, что сегодня она «одна из самых популярных формул русской культуры, неотъемлемая часть „мученической“ составляющей декабристского мифа»⁷⁵.

ЮБИЛЕЙНАЯ КАМПАНИЯ 1925 г.

Кардинальные изменения в политическом строе и общественной жизни России, произошедшие после Октябрьской революции, предопределили повышенный интерес к революционной

⁷⁰ Хотя связи декабристов с масонами рассматривались и в 1920-е гг.

⁷¹ К подобным исследованиям можно отнести статью О.В. Шемякиной (см.: Шемякина О.В. Народовольцы и декабристы: проблема преемственности революционных поколений в народнической мемуаристике 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. № 3. С. 12–27).

⁷² Эдельман О.В. Разговор о декабристах // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 159.

⁷³ Гордин Я.А. Новое декабристоведение — технология «разрушения мифов»// Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 192.

⁷⁴ O'Meara P. Recent Russian historiography on the Decembrists: from „liberation movement“ to „public opinion“ // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2013. Т. 14. № 4. Р. 821.

⁷⁵ Эрлих С.Е. Формула «жены декабристов» в публикациях «толстых журналов» рубежа XX–XXI вв. // Клио. 2014. № 8 (92). С. 7.

тематике. История революционного движения заняла главное место в исторической науке, а восстание декабристов стало рассматриваться как его важный этап. Еще до Февральской революции В.И. Ленин в своих трудах и выступлениях заявлял, что это событие сыграло особую роль в «революционном воспитании русского народа». Первые его упоминания о революционных устремлениях декабристов принято относить к началу 1900-х гг., в 1906 г. в работе «Политический кризис и провал оппортунистической тактики» он прямо упоминал о «дворянской революционности декабристов»⁷⁶, а в январе 1917 г., выступая в Цюрихе на собрании швейцарской рабочей молодежи, отметил: «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами»⁷⁷. Казалось бы, научный интерес к восстанию и «легитимность» празднования его 100-летнего юбилея не должны были вызывать разногласия, но в 1920-е гг. среди исследователей встречались и иные точки зрения.

В конце 1923 г. при Центральном архиве Москвы и при Обществе бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев начали работать специальные комиссии по подготовке празднования юбилея восстания 14 декабря 1825 г., что вызвало любопытную полемику на страницах газет. Так, в газете «Рабочая Москва» председатель Исппарта историк М.С. Ольминский выразил недовольство деятельностью Общества бывших политкаторжан⁷⁸, «запылившего» юбилей декабристов. Он напомнил, кем были декабристы («помещиками дворянами, включая и князей, и графов; кроме того, почти все они были офицерами, вплоть до генералов») и во имя чего вышли на площадь (ведомые «сословными предрассудками и сословными интересами»). Ольминский, полагая, что декабристы «не заслуживают того, чтобы памятью их чествовалась революционная Россия», задался вопросом: «Понятно, что „сто-

⁷⁶ Нечкина М.В. Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: Сб. ст. Ч. 1. С. 303–305.

⁷⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 30: Июль 1916 — февраль 1917. М.: Издательство политической литературы, 1973. С. 315.

⁷⁸ Ольминский не решился критиковать деятельность Комиссии Центрархива, появившейся раньше и возглавляемой Покровским.

летний юбилей“ объединит всех белогвардейцев, российских и за-граничных. Но какое дело до него Обществу бывших каторжан?»⁷⁹.

Однако научное сообщество в целом не поддержало такой взгляд. Так, видный деятель Общества бывших политкаторжан В.Д. Виленский-Сибиряков по поводу публикации Ольминского отметил, что «сто лет тому назад, при господстве крепостного права в России, не могло быть революционеров, стоящих на пролетарской точке зрения», и нельзя «ставить в вину декабристам, что они не были коммунистами-большевиками»: «Они были только буржуазными революционерами, и другими быть не могли... В ту эпоху, в порядке исторического дня стояла замена крепостнического строя строем буржуазным, который в свою очередь создал почву для подготовки строя социалистического»⁸⁰. Также Виленский-Сибиряков подчеркнул, что для «бывших политических каторжан это столетний юбилей массовой политической каторги, а затем и политической ссылки», и упрекнул Ольминского в «выдергивании» отдельных фраз из показаний «того или иного из декабристов»: «Из этого делать выводы и обобщения — это далеко не надежный метод для понимания исторического значения декабрьского восстания 1825 г. При помощи подобного метода можно поставить под сомнение все, что угодно»⁸¹.

20 марта 1924 г. в составе Общества бывших политкаторжан была образована «Комиссия по подготовке празднования юбилея»⁸². В ее вошли А.В. Якимова (председатель), И.А. Теодорович, М.М. Чернавский, В.Н. Фигнер, Д.Б. Рязанов, А.К. Кузнецов, И.Н. Бороздин, Б.П. Козьмин, М.Ю. Ашенбреннер, Г.Б. Сандомирский, И.И. Жуковский-Жук (секретарь)⁸³. В задачи комиссии входило, во-первых, «всестороннее изучение движения декабристов, его происхождения, развития и последствий в связи с культурным и социально-политическим содержанием эпохи», во-вторых, «возможно широкое содействие изучению декабрист-

⁷⁹ Полемика по вопросу о чествовании столетнего юбилея декабристов // Каторга и ссылка. 1924. № 2 (9). С. 319–320.

⁸⁰ Там же. С. 321.

⁸¹ Там же. С. 320–321.

⁸² Первоначально носила название «Комиссия для издания материалов по возмущению 14 декабря 1825 года».

⁸³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 533. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; Обращение комиссии по подготовке празднования юбилея декабристов // Каторга и ссылка. 1924. № 1 (8). С. 300–301.

ского движения на местах путем установления связей с местными краеведческими обществами и исследователями, взаимного освещения и объединения общей работы»⁸⁴.

Деятельность комиссии отражал журнал «Каторга и ссылка». В первом номере за 1925 г. вышла своего рода руководящая статья, в которой излагались конкретные задачи, стоявшие перед редакторами журнала при отборе публикуемого материала: в «статьях нашего издания будет рассмотрен вопрос о классовом составе заговорщиков, о взаимоотношениях между различными группами среди них самих, а также между ними и другими слоями восставших масс, будут выяснены причины и условия возникновения движения декабристов, будут вскрыты истинные намерения и стремления руководителей и участников этого движения, будут обрисованы приемы и способы, которыми они хотели добиться своих основных целей, будут освещены причины неудачи как всего заговора, так и устроенных декабристами восстаний. Наконец, будут отмечены последствия заговора и влияние декабрьских восстаний 1825 года на все последующее освободительное движение в России»⁸⁵.

В руководящей статье, отталкиваясь от того, что «лучшая форма чествования памяти декабристов — ознакомление современного читателя с их идеями, с их личностями, с их жизненным подвигом», юбилейная комиссия изложила свою программу по изданию материалов⁸⁶. В первую очередь планировалась публикация сочинений декабристов («их политических и социальных

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 64. Л. 1.

⁸⁵ К столетнему юбилею декабристов. От Комиссии Всесоюзного общества политкаторжан и ссылконоселенцев по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов // Каторга и ссылка. 1925. № 1 (14). С. 178.

⁸⁶ 3 апреля 1924 г. на заседании юбилейной комиссии с участием Покровского и других историков обсуждался подробный план издания библиографии о восстании декабристов, которая предназначалась «не для нужд популяризации», но должна была ускорить исследовательскую разработку темы. Выделенные тематические блоки позволяют судить о приоритетных направлениях исследований: «1) Общие труды; 2) Записки современников о декабристах...; 3) Подготовка декабризма; 4) Северное общество; 5) Южное общество; 6) Общество соединенных славян; 7) День 14-го декабря в Петербурге; 8) Восстание Черниговского полка; 9) Процесс декабристов; 10) Казнь декабристов; 11) Оценка 14-го декабря у современников. Реакция 1826 года; 12) Политические отголоски декабризма в николаевское время; 13) Декабристы в Сибири. Жены декабристов; 14) Декабристы на Кавказе; 15) Декабристы в Польша; 16) Движения среди солдат и матросов в связи с декабризмом» (см.: ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 63. Л. 1, 6).

программ, их собственных воспоминаний и писем), «а также исследований о всех сторонах их жизни и деятельности». «Виднейшее место в группе этих изданий» должно было занять «предпринятое Центрархивом опубликование следственно-судебного дела декабристов, а также историко-биографического описания всех документов, относящихся к движению 1825 года, хранящихся во всех архивах СССР» (эта работа велась одновременно в Москве и Ленинграде). Планировалось также издание сочинений и писем отдельных декабристов: «Декабрист А.М. Муравьев, Декабрист М.И. Муравьев-Апостол — издания «Былого», под ред. С.Я. Штрайха, Декабрист М.С. Лунин — издание Пушкинского дома при Российской академии наук, под ред. С.Я. Штрайха, Декабрист И.И. Пущин — издание О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, под ред. С.Я. Штрайха»⁸⁷.

К началу 1925 г. юбилейная комиссия «уже приступила к печатанию специальных сборников неизданных материалов по истории пребывания декабристов на каторге и в ссылке в виде их записок и писем, а также в виде исследований по отдельным моментам указанного периода». Кроме того, комиссия разработала план лекций «на общие темы по истории декабристов» на 1925 г.: «Лекции и доклады эти будут устраиваться в фабрично-заводских районах и в рабочих клубах, а также в центре города»⁸⁸. Наиболее важной признавалась работа, которую должны были провести «рабочие и красноармейские клубы», в том числе чтение лекций и докладов, иллюстрируемых «диапозитивными снимками с портретов декабристов, с картин и видов, относящихся к их деятельности», и «инсценировки наиболее ярких моментов из истории восстания декабристов, суда над ними и жизни их в Сибири». Юбилейная комиссия акцентировала внимание читателей на том, что «в разных областных центрах СССР, главным образом, в Си-

⁸⁷ Отмечалось, что журналы «Красный архив» и «Былое» уже приступили к публикации документов, Центрархив (под ред. Б.Л. Модзалевского и А.А. Сиверса) подготовил к изданию «Алфавит декабристов — свод сообщений о всех участниках тайных обществ по материалам следственной комиссии», Исторический музей в Москве готовил к выпуску «альбом неизвестных до настоящего времени портретов декабристов, их жен и их друзей» (К столетнему юбилею декабристов. От Комиссии Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов // Каторга и ссылка. 1925. № 1 (14). С. 183–184).

⁸⁸ Там же.

бири организованы местные комиссии по празднованию юбилея, приводящие в известность имеющиеся в провинциальных хранилищах материалы по истории декабристов и заботящиеся о сохранности или восстановлении памятников над их могилами»⁸⁹.

Таким образом, Общество наметило широкую программу мероприятий, в итоге реализации которой требовалось не только получить ответы на поставленные научные вопросы и дать «новое научное толкование» концепции декабризма⁹⁰, способной удовлетворить запросы молодой советской науки, но и донести все это до широких масс. Что касается исследовательской части программы, то содержание номеров «Каторги и ссылки» (как и в целом юбилейной литературы) показывает, что достичь поставленных целей не удалось. Богатое документальное наследие, хранившееся в царских архивах, давало возможность опубликовать весомый комплекс ценных материалов, раскрывавших не только собственно деятельность тайных обществ и организацию восстания, но и многие другие сюжеты. Что же касается сугубо исследовательских работ, то их оказалось совсем немного. Большая часть авторов сосредоточилась на рассмотрении частных вопросов, не пытаясь представить общий взгляд и вписать свои выводы в «новую» историю декабризма, а те, кто все же решился на обобщения, не смогли отойти от «старых» концепций.

Содержание упомянутой руководящей статьи и протоколов заседаний юбилейной комиссии позволяет говорить о том, что представления самих членов Общества о восстании и его итогах в целом базировались на дореволюционных легендах (в первую очередь на герценовском мифе). Так, в статье, во-первых, подчеркивалось решающее влияние Великой французской революции на развитие «русского вольнодумства» и конституционного движения, а также то, что Наполеоновские войны и пребывание русской армии за границей «особенно содействовали» осознанию в передовых кругах служилого дворянства пагубности экономической эксплуатации и личного рабства и «развитию всех этих настроений и стремлений, углублявшихся в среде гвардейского и армейского офицерства и расширявшихся в солдатских

⁸⁹ Каторга и ссылка. 1925. № 1 (14). С. 184.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 72. Л. 13.

и крестьянских массах»⁹¹. Во-вторых, развитие декабристского движения трактовалось как вызревание заговора среди очень ограниченной части офицерства, «которое было глубоко убеждено в неподготовленности народных масс к организованному выступлению против царизма» (причем под «народными массами» понимались и солдаты). В-третьих, подмечалась «жертвенность» заговорщиков, происходивших из богатых дворянских фамилий и имевших возможность построить «большую служебную карьеру», но решившихся на политический заговор (что оценивалось как настоящий «подвиг»); в свою очередь, примкнувшие к «глavarям» бедные офицеры руководствовались только идеяными убеждениями и «бескорыстной любовью к угнетенным народным массам». В-четвертых, выделяя в составе декабристов разные социальные группы, высвечивалась неоднородность и отсутствие единства во взглядах на «приемы и способы», с помощью которых «предполагали достичь осуществления своих целей», что отразилось и на действиях во время восстания и в ходе судебного процесса: «Плохая организованность самих руководителей заговора, недостаточная подготовленность широких кругов их последователей и сочленов по тайным обществам, недостаточное понимание целей и планов переворота со стороны народных масс не дали декабристам возможности использовать первоначальный испуг Николая Павловича и полную растерянность его окружения. Проявленная восставшими слабость и нерешительность ободрили противную сторону, и скоро Николай перешел в нападение». В-пятых, акцентировалось внимание на поведении декабристов во время следствия, которые, не зная других примеров политических процессов и пребывая в «благородном идеализме», «в тактическом отношении вели себя, в огромном большинстве, чрезвычайно невыдержанно, каялись в заблуждениях, молили о пощаде»; однако те из декабристов, которые не впали в «припадок малодушия» и «держались все время с мужеством сознательных революционеров», дали последующим поколениям «пример стойкости и мужества смелых противников самодержавия». Чтобы подчеркнуть значение восстания декабристов и необходимость

⁹¹ К столетнему юбилею декабристов. От Комиссии Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов // Каторга и ссылка. 1925. №1 (14). С. 178–179.

празднования юбилея, с опорой на известную цитату Герцена⁹² особо подчеркивалось, что «все последующие поколения русских политических и революционных деятелей считали декабристов своими духовными отцами»: «Своим самопожертвованием, своим сознательным мученичеством декабристы положили начало русскому революционному движению. Хоть и плохо было подготовлено восстание декабристов, хоть и неудачно было оно выполнено, все-таки это восстание показало всем последующим поколениям русских революционеров путь к освобождению трудающихся масс, оно наметило способы борьбы с угнетателями народа»⁹³.

Изложенная юбилейной комиссией концепция позволяет увидеть основные постулаты, на которых в целом базировалась историческая наука в преддверии юбилея. Не оспаривая роль декабристов в развитии революционного движения, восстание все же воспринималось как заговор, мятеж (в отношении событий на Сенатской площади в протоколах заседаний Общества политкаторжан даже использовалось понятие «возмущение»⁹⁴). Движение не отличалось сплоченностью и единством, тем более речи не шло о повсеместном распространении среди его участников революционных настроений. Предполагалось, что обнародование документов позволит сформировать более определенное понимание процессов, однако, как уже упоминалось, новой концепции декабризма юбилей не выдвинул. Более того, советский исторический нарратив «впитал» и развивал многие мифы, имевшие распространение в дореволюционной либеральной печати (подробнее об этом см. далее).

Одной из главных новаций юбилейного исторического нарратива стала характеристика декабризма как довольно крупного движения, не ограничивавшегося только подготовкой к восстанию. Историки-марксисты, рассматривая декабристов как первый этап развития русского революционного движения, начали видеть в них революционеров, которые «боролись за новый, более прогрессивный экономический и политический строй». При этом

⁹² Речь идет о его утверждении, что «пушечный гром, раздавшийся на Сенатской площади, разбудил целое поколение».

⁹³ К столетнему юбилею декабристов. От Комиссии Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов // Каторга и ссылка. 1925. № 1 (14). С. 178–182.

⁹⁴ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

обнаруживалось отсутствие «единой революционной идеологии» и указывалось на наличие различных взглядов на «революционную тактику» и существование самостоятельных течений, среди которых выделялась «демократическая струя» в лице Общества соединенных славян. Однако выработать определенную позицию по поводу социальной природы движения так и не удалось.

По завершении юбилейной кампании Общество политкаторжан продолжило уделять повышенное внимание теме декабристов. В конце декабря 1925 г. оно учредило в своем составе две постоянные «Комиссии по изучению декабристов и их времени» (в Москве под председательством Фигнер, при Ленинградском отделении под предательством А.В. Прибылева)⁹⁵, которые объединили «историков, историков литературы и музейных работников, занимающихся изучением декабристов и их эпохи». Деятельность этих комиссий перекликалась: «они связаны постоянными и живыми связями и их следует рассматривать как два отделения единой организации». Помимо собственных разработок «в области истории декабристов», в задачи комиссий входило «установление тесных и постоянных связей со всеми другими организациями, учреждениями и отдельными лицами, отдающими свои силы аналогичной работе, в целях взаимной информации, поддержки и содействия в общем деле»⁹⁶.

Московская комиссия в разные годы насчитывала от 41 до 57 членов, среди которых числились Покровский, Нечкина, Дружинин и другие ведущие декабристоведы⁹⁷. Тематика докладов, обсуждавшихся на заседаниях⁹⁸, и разворачивавшиеся вокруг них дискуссии⁹⁹ позволяют судить о проблемах, волновавших научное сообщество во второй половине 1920-х гг. Протоколы заседаний отражают не только разнообразие тем, но и дают воз-

⁹⁵ По сути, комиссии являлись «непосредственным продолжением» юбилейной комиссии (там же. Д. 72. Л. 13).

⁹⁶ Там же. Д. 64. Л. 3.

⁹⁷ Там же. Д. 72. Л. 1–2, 48.

⁹⁸ Комиссии вели активную работу по организации собраний для заслушивания и обсуждения научных докладов. Так, за первые три года деятельности Московской секции было устроено 43 пленарных заседания, на которых прочитано 46 докладов и сообщений, Ленинградской секции — более 40 заседаний и более 50 докладов и сообщений (там же. Л. 13).

⁹⁹ Важно отметить, что эти дискуссии носили научный характер и не превращались в «идеологические» баталии.

можность увидеть попытки представить новое научное истолкование декабристского движения. К таковым следует отнести доклады Б.И. Сыромятникова «Последний дворцовый переворот» и Н.Л. Рубинштейна «Экономические основы и социальная сущность движения декабристов».

Доклад историка и правоведа Сыромятникова, заслуженный на заседании 1 июня 1926 г., для исторической науки 1920-х гг. выглядит весьма любопытным. Представитель «старой» школы не преследовал цель дать общую оценку декабризма (поскольку считал, что недостаточна источниковая база), но задался вопросом «о причинах неудачи самого восстания», а точнее: «Как сами декабристы смотрели на свое выступление и каков был их замысел», причем свое исследование он осуществил «путем анализа идеологии и психологии участников движения». И пришел к выводу, что декабристы — «сыны XVIII в., века „просвещения“ и политического рационализма», «потомки и завершители дела Петра Великого», «чистые политики», верившие в «писанные хартии» и «революционное чудо», «типичные либералы XVIII в.». Поэтому восстание ими было задумано как политический дворцовый переворот: «Это старое историческое орудие XVIII века они решили пустить в ход еще раз в целях осуществления новых политических начал, направив его не против личности монарха во имя существующего строя (XVIII в.), а против самих основ самодержавия и крепостнической империи. И они должны были потерпеть на этом пути роковой крах: никто не вливает новое вино в старые мехи. Это и был последний „дворянский дворцовый переворот“». Автор даже осмелился назвать Негласный комитет «первым тайным обществом начала XIX в.», а Александра I соответственно — первым «декабристом», и высказать совсем «радикальную» мысль, что декабристы «резко выскакивали против вовлечения масс в движение, боясь „кровопролития“, новой „пугачевщины“, революции по образу французской». Целью их «„заговора“ и переворота» как раз являлась «идея предотвращения революции»: «„Все для народа, ничего через народ“ — таков их девиз». Имевшиеся в распоряжении историков факты, по мнению Сыромятникова, ясно доказывали, что декабристы «сознательно и принципиально стремились к дворцовому перевороту», потому и потерпели неудачу, продемонстрировав «полный паралич революционной воли 14/ХII, когда они „играли в поддавки“ с противной стороной и так до

конца и не решились открыто провозгласить свои лозунги, спасая лояльную позицию солдат», а в итоге оказались «трагически одинокими героями, которым не оставалось ничего как погибнуть жертвенно и с честью»¹⁰⁰.

После выступления автора состоялись «краткие, за поздним часом, прения» с весьма ограниченным числом участников, которые сошлись во мнении, что декабрьское восстание нельзя отождествлять с дворцовыми переворотами XVIII в. В обсуждении довольно «буржуазной» концепции приняли участие В.Н. Бочкарев, Д.И. Шаховской, Б.Е. Сыроечковский. Бочкарев полагал, что «заговор декабристов — дворцовый заговор, дворцовый переворот, но не „последний“». Шаховской считал, что декабрьское восстание есть не что иное, как «военный переворот». Лишь Сыроечковский попытался дать более аргументированный отпор, указывая, что, хотя автор «очень убедителен» и его доклад «обильно насыщен материалом», «почти каждое положение... вызывает на спор, требует оговорок и уточнения». Однако из-за ограниченности во времени он отметил только то, что «докладчику не удалось разрешить основную и самую трудную задачу всякого исторического исследования: определить специфический индивидуальный характер данного движения», обвинил автора в приписывании облику декабристов несвойственных черт, «родивших их с восемнадцатым веком», и указал, что на революционном пути декабристы делали только первые шаги: «Этот сдвиг движения в программах и тактике и есть наиболее характерная для них черта. Революция со всеми своими элементами впервые входила в русскую жизнь, и перед лицом ее терялись и сами декабристы; однако разные группы относились к ней по-разному». По-видимому, полноценная дискуссия не состоялась, поскольку и Сыромятников, «за поздним временем», ответил оппонентам очень кратко и только по основным пунктам, не отказавшись от главного тезиса — «последний дворцовый переворот»¹⁰¹.

В 1926 г. автору удалось опубликовать свою концепцию на страницах юридического издания «Право и жизнь»¹⁰² (не менее «буржуазного», чем содержание статьи), и, конечно, эта работа

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 66. Л. 70 об. — 72.

¹⁰¹ Там же. Л. 72—73.

¹⁰² Сыромятников Б.И. Последний дворцовый переворот // Право и жизнь. 1926. Кн. 1. С. 3—15.

не избежала резкой критики историков-марксистов (хотя по сути во многом повторяла идеи Покровского, высказанные еще до революции)¹⁰³. Сыромятников не пополнил ряды декабристоведов, и в последующие годы у него так и не получилось подстроить свои исследования под идеологемы советской исторической науки¹⁰⁴.

Рубинштейн, входивший в число молодых историков-марксистов, выдвинул весьма оригинальную концепцию декабризма, пытаясь обосновать экономический базис движения. Автор утверждал, что с начала XIX в. наблюдалось «упадочное состояние города, городской торговли и промышленности, городской класс утратил свою руководящую роль в капиталистическом хозяйстве», а дворянское хозяйство исчерпало возможности интенсификации вотчинного уклада и не могло приспособиться к нарождавшимся капиталистическим условиям. В то же время «носителем капиталистической эволюции хозяйства» стало крестьянство, чьи мелкие мастерские начали быстро превращаться в крупные капиталистические предприятия, а крестьянский торг вырос в «крупное купечество». Иными словами, в первой четверти XIX в. уже существовал «крестьянский капитализм», лежавший в основе социальных противоречий между феодальным дворянством, переживавшим процесс «внутреннего разложения», и нарождавшимся промышленным капитализмом в деревне¹⁰⁵. Автор полагал, что

¹⁰³ В частности, Нечкина, «разбивая» концепцию Покровского, отмечала: «В дни столетнего юбилея декабристов, проф. Б.И. Сыромятников выступил с работой „Последний дворцовый переворот“ (К столетию восстания декабристов). В замысле автора, как видим, не было ничего оригинального. М.Н. Покровский и К. Левин проводили эту идею в своей работе еще за 19 лет до выхода работы проф. Б.И. Сыромятникова. Декабристы, по мнению Покровского, и не шли дальше того представления о роли народа в перевороте, которую сыграл он, например, в дворцовом перевороте 1762 г. под руководством Орловых» (Нечкина М.В. Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: Сб. ст. Ч. 1. С. 315). Следует отметить, что Нечкина, делая обзор юбилейной литературы в середине 1920-х гг., случайно или намеренно (учитывая ее отношения с Покровским), но обошла вниманием эту публикацию (Нечкина М.В. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825—1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 238—250).

¹⁰⁴ Подробнее о нем см.: Тихонов В.В. Историк «старой школы»: Научная биография Б.И. Сыромятникова. Pisa: Pisa university press, 2008; Киселев М.А. «Регулярное» государство Петра I в сталинской России: Судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. СПб.: Нестор-История, 2020.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 67. Л. 20.

декабристы отражали интересы этой «сельской буржуазии», растворенной в крестьянской массе и не способной сплотиться для борьбы за власть. Именно поэтому «буржуазный характер» их программы в сфере экономики проявился в разрешении, прежде всего, аграрного вопроса, и по этой же причине восстание оказалось обреченным на неуспех в борьбе с крепостным хозяйством и его государственной организацией.

Выступление Рубинштейна на заседании 4 марта 1927 г. вызвало оживленную дискуссию, в ходе которой Сыромятников заявил, что автор игнорировал развитие промышленного капитализма в XVIII в. и имеющиеся в науке фактические данные о росте промышленного и торгового капитала. Дружинин был категорически против отождествления взглядов Северного и Южного обществ и считал, что концепция докладчика «совершенно не применима к программе северных декабристов». Сыроечковский вообще усомнился в правильности самого тезиса «крестьянский капитализм» применительно к социальной группе, которую рассматривал Рубинштейн, поскольку «капиталисты, вышедшие из крестьянской среды, социально уже не крестьяне, а представители той же буржуазии» («декабристы отнюдь не были выразителями стремлений этой социальной группы»)¹⁰⁶.

Следует отметить, что не меньшую критику вызвала публикация Рубинштейна в «Каторге и ссылке»¹⁰⁷. Наиболее резко на его работу отреагировал редактор журнала «Историк-марксист» А.В. Шестаков: «С автором можно спорить, тем более что его аргументация страдает смешением традиционных для марксиста терминов, путаницей в анализе хозяйственных форм... Так, у него „феодальная реакция XVIII века“ увлекается сельским хозяйством и агрономией, заботясь об усилении продукции своего поместного хозяйства в целях выгодного сбыта хлеба на основе монополии, вытеснения купца из торгового оборота и т.д. Типичная форма дворянского торгового капитала автором подменяется „феодальной“ организацией хозяйства. Получается изрядная путаница.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 67. Л. 17–19.

¹⁰⁷ Несмотря на столь смелые и слабоаргументированные утверждения, считается, что эта статья принесла ученому успех (Рубинштейн Н.Л. Экономическое развитие России в начале XIX в. как основа движения декабристов // Каторга и ссылка. 1925. № 8 (21). С. 9–34).

И такого рода методологическими „невязками“ переполнена вся статья, претендующая дать новое освещение той экономической базы, на которой развернулось движение „декабристов“»¹⁰⁸.

В свою очередь, Нечкина относительно новой теории хотя и высказалась, что автор представил «маловероятные домыслы», изложенные «аподиктически, с недостаточным аппаратом доказательств», но вступать в полемику не стала, «ожидая более подробного изложения его мыслей для возможности их последовательной критики», да и в целом посчитала изложенное в статье лишь «некоторым отклонением, частичным расхождением» со «схемой Покровского»¹⁰⁹. Возможно, такое лояльное отношение связано с тем, что Рубинштейн успел зарекомендовать себя как настоящий приверженец взглядов Покровского. Еще в 1924 г. он опубликовал статью, в которой воспевал научные достижения «выдающегося историка», указывая на то, что в его лице «русская историческая наука едва ли не впервые стала устанавливать тенденцию исторического процесса»¹¹⁰. При этом во второй половине 1930-х гг., когда разгромили «школу Покровского», историку удалось увернуться от нападок.

В основной своей массе доклады, вынесенные на обсуждение Московской комиссии Общества политкаторжан, касались более частных вопросов, которые сами участники, подводя итоги проделанной работы, сгруппировали следующим образом: 1) «экономические отношения времени декабристов и экономическое положение самих декабристов»; 2) «проявления социального и политического недовольства в крестьянских и солдатских мас- сах начала XIX века»; 3) «различные моменты декабристского движения и последовавшего за ним следственного процесса» (в эту категорию относились доклады, посвященные восстанию 14 декабря 1825 г., восстанию Черниговского полка и т.п.); 4) «характеристика общественной среды, окружавшей декабристов и входив-

¹⁰⁸ Шестаков А.В. Русские исторические журналы конца 1925 и начала 1926 г. // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 304–305.

¹⁰⁹ Нечкина М.В. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825–1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 243, 246.

¹¹⁰ Рубинштейн Н.Л. М.Н. Покровский — историк России // Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11. С. 209.

шей с ними в непосредственное соприкосновение»¹¹¹. Отдельные выступления касались региональных аспектов движения и литературного отображения декабризма.

Наибольшая часть подготовленных докладов носила биографический характер, что стало возможным благодаря введению в научный оборот большого массива источников личного происхождения. Возможно, по этой причине (а также из-за тесного сотрудничества с литераторами) стали появляться нехарактерные для советской науки исследования, направленные на изучение психологии участников движения и организаторов восстания, их родственных связей, межличностных контактов, формирования мировоззрения и т.п. (отдельные доклады можно даже рассматривать как опыт ментальной истории¹¹², например доклад С.Н. Чернова «Солдатские настроения в 1820 г.»¹¹³).

Несмотря на то что к концу 1920-х гг. деятельность комиссий несколько затормозилась (в 1929 г. всего состоялось 9 общих собраний, в 1930-м — 10), в тематике исследований продолжали появляться новые любопытные проблемы. Так, в 1928 г. Дружинин сделал доклад на тему «Масонство Пестеля», а на 1929 г. планировалось обсуждение таких выступлений, как: «Масонские ложи XVIII — нач. XIX в.» (В.Н. Голицын), «Масоны-декабристы» (Н.П. Киселева), «Антисемитизм Пестеля» (М.В. Нечкина), «Связь польского тайного общества с декабристами» (А.И. Круглый), «Политические проекты Сперанского» и «Александр I и декабристы» (Б.И. Сыромятников)¹¹⁴. Правда, в 1929 г. ни один из перечисленных докладов так и не был зачитан, но очевидно, что разработки в этих направлениях велись. В марте—апреле 1931 г. декабристскую комиссию упразднили¹¹⁵.

¹¹¹ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 72. Л. 13 об.—14.

¹¹² Подобного рода исследования также обнаруживаются среди юбилейных публикаций (см., например: Кудряшев К.В. Народная мольба о декабристских событиях 1825 года // Бунт декабристов: Юбилейный сборник, 1825—1925. Л.: Былое, 1926. С. 311—320).

¹¹³ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 66. Л. 1—2; Чернов С.Н. Из истории солдатских настроений 20-х годов // Бунт декабристов: Юбилейный сборник, 1825—1925. С. 56—128.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 72. Л. 34 об., 37 об., 48, 50.

¹¹⁵ Взамен в составе Общества политкаторжан организовали «Секцию по изучению революционных движений народов СССР в XIX в. по 90 гг.» (домарксистского периода) (там же. Л. 60).

«СХЕМА ПОКРОВСКОГО»

Особое внимание следует уделить характеристике взглядов на декабристское движение главного партийного историка 1920-х гг. Подводя итоги юбилейной кампании, Нечкина в качестве заслуживающего уважения достижения указала на широкое признание «схемы Покровского»: «Все популярные брошюры и основная масса специальных статей, вышедших к юбилею, взяли ее за основу своего изложения». Но что из себя представляла концепция Покровского (и существовала ли она вообще)? Кажется, в тот период ответить на этот вопрос не могла даже Нечкина. Она отмечала, что Покровский первый обратился к изучению «экономических корней» декабризма, «указал и раскрасил „легенду о декабристах“, сложившуюся в прошлом веке и не умершую ныне»: «Им была разбита обычная схема движения декабристов, в центре которой было Северное общество и день 14 декабря на Сенатской площади, и выдвинута новая, в которой главное место занимают Южное общество с П. Пестелем, Соединенные славяне и восстание Черниговского полка»¹¹⁶. Если толковать эти слова буквально, то получается, что под «схемой» понималась не полноценная концепция, а схема развития революционного потенциала движения, отсюда и расстановка приоритетов в изучении.

Покровский противопоставлял Южное общество Северному: «Что „Южное общество“ было серьезнее „Северного“, не подлежит сомнению. В Петербурге заговор в настоящем смысле этого слова сложился, можно сказать, перед самым выступлением; раньше была рыхлая организация, без определенного плана и определенной цели, жившая случайными слухами о том, что делалось на юге, и смутными надеждами, что до нас, авось, не дойдет. А когда безжалостная история поставила нос к носу с немедленным выступлением именно в Петербурге, началась истерика, подбадривание друг друга революционными фразами, искусственное подогревание революционного энтузиазма, которого хватило на несколько часов — и то не у всех. Как раз глава заговора Трубецкой, — единственное „северное“ имя, которым хвалились и на юге, — не нашел в себе мужества даже, чтобы пойти на площадь. На юге го-

¹¹⁶ Нечкина М.В. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825—1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 246.

дами велась серьезная конспиративная работа. Здесь не нужно было случайности вроде беспотомственной смерти Александра I, чтобы развязать действие: план действия здесь был готов, ясно представляли себе, с чего начать и чем кончить. И главное, на юге был крупнейший, по существу дела единственный, идеолог всего движения — Пестель»¹¹⁷. Пожалуй, в этом отрывке заключена главная мысль историка, которую в середине 1920-х гг. он так или иначе доносил в своих публикациях и выступлениях¹¹⁸, обращая внимание научного сообщества на необходимость изучения не восстания на Сенатской площади, а событий, происходивших на юге. Следовательно, он выделял два течения в декабристском движении, причем революционностью наделял только южан. Можно ли данные тезисы назвать полноценной концепцией декабризма (учитывая, сколько ключевых вопросов в изучении проблемы выделялось в исторической науке)? Пожалуй, вряд ли. Скорее, это был его общий взгляд на проблему. В 1920-е гг. понятие «схема Покровского» встречалось в периодике, но, по всей видимости, закрепилось в научном лексиконе во многом благодаря Нечкиной и последующей кампании по «разгрому» «школы» ученого.

В конце 1930-х гг. Нечкина, как уже упоминалось, критикуя своего наставника, вывела и проанализировала все его публикации, где упоминались декабристы: «Тринадцать литературных работ (включая в это число главы о декабристах в его общих работах)», которые «писались на протяжении длительного периода — с 1907 по 1926 г.»¹¹⁹. Она утверждала, что труды Покровско-

¹¹⁷ Из статьи, опубликованной в газете «Правда» (1925, № 297) (см.: Покровский М.Н. 14/26 декабря 1825 года // Покровский М.Н. Декабристы: Сб. ст. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 70).

¹¹⁸ Главный историк позволял себе и весьма колкие замечания относительно поведения южан и северян в 1925 г.: «Южане „проходили“ восстание, а «их собратья на севере „простояли“ его, так и не перейдя к активным военным операциям» (цит. по: Шестаков А.В. Русские исторические журналы весны 1926 г. // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 269).

¹¹⁹ В данном случае не лишним будет привести этот список публикаций, поскольку, глядя на него, сложно говорить о богатом наследии Покровского по теме декабристов. До революции вышли две общие работы, содержащие соответствующие разделы (Гл. III. Декабристы // История России в XIX веке. Т. 1: Дореформенная Россия (1800–1840). СПб.: А. и И. Гранат, [1907]. С. 67–137 (в соавт. с К.Н. Левиным); Гл. XVIII. Декабристы // Русская история с древнейших времен. Т. IV. М.: Изд. Т-ва «Мир», 1914. С. 281–331). Его декабристское творчество 1920-х гг. собрано в отдельный сборник под заглавием «Декабристы» (М.: Госиздат, 1927): 1) Стенограмма лекции «Из истории общественного движения

го «содержат постепенно видоизменяющуюся, развивающуюся и постепенно дополняемую схему, эволюционирующую от чрезвычайно примитивной к более сложной форме». Пытаясь объяснить эту «схему» и ее эволюцию, Нечкина уделила большое внимание дореволюционным публикациям, особенно первой работе, написанной совместно с К.Н. Левиным¹²⁰, хотя и признавала, что сам Покровский «резко противополагал своей первой концепции концепцию, которой он придерживался в последующих работах»: «Ничем нельзя было доставить ему большего неудовольствия, чем ссылкой на его первую работу о декабристах... Он никогда не перепечатывал ее и считал свою позднейшую концепцию ни в чем не имеющей сходства с первой работой»¹²¹. И это не случайно, поскольку в 1907 г. он рассматривал декабристов как чужую буржуазным идеям «кучку» «обиженных самодержавием» дворян, намеревавшихся совершить дворцовый переворот. По его мнению, это было чисто дворянское движение, проникнутое не революционными, а сословно-корыстными настроениями; оно было развернуто не вперед, «к дальнейшему развитию революции», а в прошлое — к дворцовым переворотам XVIII в. («республиканские взгляды (декабристов) были подготовлены прошлым дворянской России»)¹²². При этом в своих дореволюционных трудах Покровский пытался оспорить революционный «героический эпос» Гер-

в России начала XIX века», прочитанной в Коммунистическом университете им. Свердлова зимой 1922/1923 г.; 2) Статья «Декабристы (Легенда и действительность)», опубликованная в 1923 г. в Записках Коммунистического университета им. Свердлова (Т. 1. С. 7–20); 3) Статья «14 декабря 1825 года», опубликованная в «Известиях ЦИК» (1926. № 1); 4) Статья «14/26 декабря 1825 года» (Правда. 1925. № 297); 5) Статья «Два вооруженных восстания» (Под знаменем марксизма. 1925. № 12. С. 6–16); 6) Предисловие к брошюре Г.В. Плеханова «14-е декабря 1825 года», вышедшей в 1926 г.; 7) Предисловие к брошюре А.И. Герцена «Русский заговор 1825 г.», вышедшей также в 1926 г.; 8) Предисловие к юбилейному номеру журнала «Красный архив» (1925. Т. XIII. С. V–VIII). Кроме того, Покровский посвятил декабристам несколько страниц в «Русской истории в самом скромном очерке» (М.: Госиздат, 1920) и часть первой и вторую лекцию в «Очерках русского революционного движения XIX–XX вв.» (М.: Красная новь, 1924). Последней публикацией историка по теме являлось предисловие к шестому тому сборника документов «Восстание декабристов», изданному в 1929 г.

¹²⁰ Левин К.Н., Покровский М.Н. Декабристы // История России в XIX веке. Т. 1: Дореформенная Россия (1800–1840). СПб.: А. и И. Гранат, [1907]. С. 67–137.

¹²¹ Нечкина М.В. Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: Сб. ст. Ч. 1. С. 312–313.

¹²² Там же. С. 313–320.

цена, во многом следуя либеральной легенде, развитой в трудах Пыпина: «„Легенда 14 декабря“ держалась прочно, пока... „чрезвычайно секретные“ данные... вдруг оказались доступными для самой широкой массы... В наших руках, действительно, „источники первой руки“: и государственные архивы едва ли скрывают теперь хотя одну крупную тайну, касающуюся процесса декабристов. Легенда пала — героев романа нет больше, есть живые люди, со слабостями и недостатками, но и со всеми привлекательными чертами живых людей. И мы знаем теперь в точности, к чему стремились эти люди, как представляли они себе будущее России и способы перехода к этому будущему»¹²³.

Если дореволюционные труды Покровского содержали вполне определенный взгляд, то идеи, прозвучавшие в публикациях 1920-х гг., не являли собой полноценной концепции, поэтому Нечкиной, задавшейся целью проанализировать «схему» Покровского, по сути, пришлось заняться ее конструированием. Разрозненные и противоречивые высказывания историка позволили ей прийти к выводу, что в советское время он продолжил «протаскивать под флагом марксизма свою неленинскую концепцию», хотя «несколько иначе» расставлял в ней «акценты» и придавал «трактовку некоторых вопросов несколько иную форму». Однако же попытку ясно сформулировать позицию ученого (соответственно и отразить его «схему»), сформировавшуюся именно в 1920-е гг., вряд ли можно признать удачной, в особенности ее противопоставление ключевым тезисам «ленинской концепции»: когда Нечкина выделила десять главных идей Ленина, то антитезы ей пришлось «выдергивать» из всего наследия Покровского (в том числе дореволюционного). Получилась изрядная мешаница с многочисленными оговорками, обнаруживающимися противоречиями и явными пробелами (по некоторым пунктам пришлось признать, что Покровский «не имеет твердой точки зрения»). Основные обвинения сводились к тому, что ученый отрицал революционность, прогрессивность и сплоченность движения, подчеркивал его «дворянский», «аристократический» и «корыстный» характер и в целом пренебрежительно относился к декабристам, «тем самым очерняя важный этап в революционном прошлом».

¹²³ Левин К.Н., Покровский М.Н. Декабристы // История России в XIX веке. Т.1: Дореформенная Россия (1800–1840). С. 100.

«Концепция Покровского начисто лишена чувства родины», — так подытожила свое исследование Нечкина¹²⁴. Следует отметить, что другие историки, критиковавшие Покровского за «извращенное» толкование исторических фактов, отмечали, что «в оценке характера движения декабристов у него много противоречивых высказываний». Так, И.К. Гохберг подчеркивал, что в одних публикациях он «отрицал революционность декабристов», в других — выступал «с диаметрально-противоположными утверждениями, называя выступление декабристов революцией»¹²⁵.

Пожалуй, в научном плане главной заслугой Покровского стала его организационная деятельность, благодаря которой в 1920-е гг. удалось обработать и опубликовать весомый массив архивных материалов. Что же касается его собственных научных разработок темы, то к юбилею из-под его пера не вышло ни одной крупной работы о декабристах. По всей видимости, к этому времени у него так и не сложилось ясного представления о сущности движения, его причинах и последствиях. Он не стремился погрузиться в глубь темы, ограничиваясь лишь корректировкой и дополнением своих идей, что происходило под влиянием вводимых в научный оборот источников. Таким образом, есть основания полагать, что так называемая схема Покровского не что иное, как очередной миф, сконструированный Нечкиной и другими историками.

Исторический нарратив 1920-х гг. показывает, что на призыв Покровского активизировать изучение деятельности «южных» обществ откликнулись далеко не все историки. Не считая статей, касавшихся отдельных эпизодов и личностей¹²⁶, в этом направлении наибольший вклад удалось внести именно Нечкиной. Ряд ее публикаций¹²⁷ вызвал живой интерес в научном сообществе, что неудивительно — автор пришла к «революционным» выводам.

¹²⁴ Нечкина М.В. Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: Сб. ст. Ч. 1. С. 335–336.

¹²⁵ Гохберг И.К. Об антиленинской концепции М.Н. Покровского по вопросу о декабристах // Исторический журнал. 1939. №6. С. 27–28.

¹²⁶ См., например: Троцкий И. Ликвидация Тульчинской управы Южного общества // Былое. 1925. № 5 (33). С. 47–74.

¹²⁷ Нечкина М.В. Восстание Черниговского полка // Каторга и ссылка. 1925. № 8 (21). С.87–112; Нечкина М.В. Общество соединенных славян. М.; Л.: Госиздат, 1927; Нечкина М.В. Общество соединенных славян: предшественники революци-

Во-первых, она попыталась опровергнуть представление о декабристах как исключительно дворянском явлении. В связи с этим занялась поиском «революционеров-разночинцев» в Обществе соединенных славян¹²⁸, утверждая, что в движении декабристов это была совершенно самостоятельная «демократическая струя»: «Общество соединенных славян... резко отлична и по тактике, и по революционным планам и, наконец, по социальному составу от массы других декабристов. Оно выступило на революционное поприще как самостоятельная единица, не утеряло основных черт своей физиономии и после слияния с Южным обществом и кончило свою революционную историю заговором в Зерентуйском руднике. Славяне организовали восстание Черниговского полка и вынесли огромную долю его тяжести на своих плечах. Им первым во всей революционной истории принадлежит мысль о революции народной. Они — первая организация, планомерно занимавшаяся пропагандой среди солдат и видевшая в солдате не пушечное мясо, хотя бы революционное, а сознательного участника революции, товарища-единомышленника. Пусть славяне все же революционеры, не нашедшие массы, — они хотели найти ее, они ее искали, и в этом их огромная заслуга. Они не понимали в революции нерешительности, постепенности, половинчатости. Они хотели действовать сразу, одним ударом»¹²⁹.

Во-вторых, слияние Южного общества с Обществом соединенных славян, по мнению Нечкиной, не привело к полному поглощению последнего, что ярко проявилось во внутренней борьбе славян и С.И. Муравьева-Апостола в ходе восстания Черниговского полка. Доказывая решающую роль офицеров-славян, она, с одной стороны, вооружилась ранее неизвестными архивными материалами, но с другой — подкрепляла свои суждения выдернутыми из контекста фразами, якобы свидетельствовавшими об ошибках и нерешительности Муравьева-Апостола, размышляла по поводу того, как бы могло развиваться восстание, если бы руководитель поддержал «смелые планы» революционеров. Иными

неров-разночинцев среди декабристов (1825—1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. №1. С.154—174.

¹²⁸ Нечкина М.В. Общество соединенных славян: предшественники революционеров-разночинцев среди декабристов (1825—1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. №1. С.154.

¹²⁹ Там же. С. 174.

словами, историк явно преувеличивала значение Общества соединенных славян и идеализировала его членов.

Весьма своеобразную трактовку «схема Покровского» получила в украинской юбилейной литературе. Осознание того, что главные события в истории декабристов происходили на юге, истинными революционерами являлись члены Южного общества и Общества соединенных славян, а самым крупным стало восстание Черниговского полка, — всколыхнуло украинскую науку, в первую очередь националистически настроенные круги. Такие видные исследователи, как М.С. Грушевский, Д.И. Багалей, С.А. Ефремов и др., задались вопросом: «Украинские декабристы или декабристы на Украине?» Результатом их научных изысканий стала «концепция южного декабризма»: «украинские декабристы», политическая идеология которых базировалась на идеях национального возрождения, являли собой пример борцов за независимую Украину¹³⁰. Стремление украинизировать декабристов привлекло внимание Нечкиной, представившей в «Историке-марксисте» обстоятельный разбор новой теории. Она отметила, что украинские историки воспользовались неразработанностью вопроса о Южном обществе в литературе: «Самая яркая и наименее исследованная страница декабризма оказалась своей, украинской, прямо-таки краеведческой... На всем украинском юбилее — печать украинской гордости, что есть-де украинские декабристы». Проанализировав украинские юбилейные публикации, историк обнаружила домыслы, не имевшие документального подтверждения, случаи замалчивания одних и преувеличения других фактов и пришла к выводу, что «новая общая концепция южного декабризма необоснована и в существе неправильна»¹³¹.

¹³⁰ Декабристи на Україні. Збірник праць комісії для дослідів громадських течій на Україні / за ред. акад. С. Єфремова та В. Міяковського. К.: з Друкарні Української академії наук, 1926; Науковий збірник харківської науково-дослідчої катедри історії української культури. Ч. 4: Повстання декабристів на Україні / За ред. акад. Д. Багалія. Харків: Державне видавництво України, 1926; Рух декабристів на Україні. Ювілейне видання Укрцентрархіва / За ред. акад. Д. Багалія. Харків: Укрцентрархів, 1926; „Українські декабристи чи декабристи на Україні?“: Рух декабристів очима істориків 1920-х років: [збірник наукових публікацій]. К.: Логос, 2011; и др.

¹³¹ Нечкина М.В. Украинская юбилейная литература о декабристах // Историк-марксист. 1927. № 3. С. 187, 189.

Следует отметить, что концепция, близкая к украинскому декабризму, прозвучала и на заседаниях Московской комиссии по изучению декабристов Общества политкаторжан. Так, 24 ноября 1927 г. с докладом «К вопросу о базе южного движения декабристов» выступил Ю.Г. Оксман, заявив, что Общество соединенных славян зародилось в Одессе и ее округе, в то время являвшейся «хозяйственным и политическим центром притяжения для всего южного района». Именно здесь «на капиталистическом плацдарме хозяйственно отсталой страны» развивалось политическое движение, вовлекавшее помещиков и промышленников, интеллигенцию и революционеров, и формировался широкий оппозиционный блок, объединенный экономическими интересами¹³².

Концепция Оксмана вызвала живую дискуссию. Нечкина «решительно» не согласилась с докладчиком, упрекнув его в том, что он «пошел по ложному пути украинской литературы», и подчеркнула следующее: «типичные декабристы не были украинцами», «тайное общество объединяло в своей среде представителей разных территорий» и вообще выдвинутая проблема «территориальной базы южного декабризма — искусственна и не коренилась в истории движения». Сыроечковский нашел представленный материал интересным и вполне убедительным, но «связь между ростом южного активизма и экономической жизнью юга... недостаточной обоснованной». В свою очередь, Дружинин вступил в полемику с Нечкиной, утверждая, что «постановка вопроса о местных хозяйственных влияниях вполне уместна»: «Только своеобразные социально-экономические условия юга могут объяснить резкие отличия южного общества от северного». Впрочем, он также отметил, что докладчик, пытаясь выявить связь между хозяйственным развитием и политическими настроениями, не учел множество факторов, и эта тема требует более глубокого анализа. В ответ на замечания Оксман «высказался против отождествления своей концепции с основной украинской историографией», которая «рассматривает Украину начала XIX века как единое хозяйственное целое, как предмет взаимной борьбы польского и московского капитала за колонию», подчеркнул, что речь шла «об одесском хозяйственном районе и его влиянии на прилегающие губернии», и призвал ученых продолжить изучение экономи-

ческого развития юга, видя в этом потенциал для декабристоведения¹³³.

Свой взгляд Оксман представил на страницах журнала «Прапор марксизму»¹³⁴, обстоятельно углубившись в экономическую проблематику. Любопытно, что эта публикация вызвала интерес Преснякова, посчитавшего, что она «ставит изучение революционного движения на Украине на новые содержательные расширенные основания» и дает «неожиданные перспективы дальнейшего изучения». В целом он довольно высоко оценил исследование: «Одно из самых значительных проявлений той тяги на углубленное изучение движения декабристов, которая обуяла историков со дней их юбилея». При этом особо подчеркнул, что Оксману удалось раскрыть тему на «основе большого и свежего материала», причем «не в общих суждениях», а «исторически конкретно, согласно подлинным требованиям марксистской методологии»¹³⁵.

ЮБИЛЕЙНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ 1925 Г.

Появление специальных комиссий по подготовке к празднованию вовсе не означало, что юбилейная кампания стала дедом государственной важности. Главная причина этого крылась не в социальном происхождении и политических взглядах декабристов. В декабре 1925 г. праздновался еще один юбилей, более значимый и важный для большевиков и молодого Советского государства, — 20-летие революции 1905–1907 гг. Перед организаторами мероприятий стояла сложная задача — требовалось «мирно» размежевать юбилеи, и научное сообщество должно было оказывать активное содействие в достижении этой цели. Как уже упоминалось, «декабристские» комиссии не планировали ограничивать свою деятельность только изданием документов и результатов научных исследований. Они достигли соглашения с Литературно-художественной комиссией, изъявили готовность

¹³³ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 67. Л. 54–54 об.

¹³⁴ Оксман Ю.Г. Одеське „Гніздо Змови“ 1825 року. (Спроба перегляду питання про базу „декабризму“ на Україні) // Прапор марксизму. 1928. № 1 (2). С. 165–207.

¹³⁵ Пресняков А.Е. Ю. Оксман. Одеське „Гніздо Змови“ 1825 року. (Прапор марксизму). 1928. № 1 (2). С. 165–207 // Каторга и ссылка. 1928. № 7. С. 196.

¹³² ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 67. Л. 53–54.

участвовать в организации театральных постановок, выставок, публичных лекций для широких масс трудящихся.

При планировании юбилейных мероприятий предполагалось, что исторический нарратив станет одним из способов конструирования и трансляции «правильного» образа декабристов, однако сосуществование разных поколений историков обернулось несогласованностью, стихийностью юбилейного творчества. Как справедливо отметила Нечкина, «несмотря на многое ценное, что дал юбилей, в нем видна индивидуалистическая замкнутость нашей научной работы, отсутствие согласованности и общего плана. В большинстве случаев налицо обособленность исследователя от популяризатора»¹³⁶. Это не означало, что историки не откликнулись на призыв «нести знание в массы». Издавалось довольно много популярных брошюр, но почти все они подверглись жесткой критике. Авторам ставили в упрек то, что они отражали состояние предшествовавшей историографии: «Все новые издания источников, документов и весь статейно-монографический материал прошел мимо них»¹³⁷. В критических обзорах литературы звучали обвинения в непонимании потребностей целевой аудитории, искажении фактов и неверном освещении событий, а те из авторов, которые пытались популяризовать «идеологически» верную историю декабристов, как оказалось, испытывали трудности с доступным изложением материала¹³⁸.

Со значительными трудностями пришлось столкнуться в ходе клубной культурно-просветительской работы, что, во-первых, было связано с недостатком соответствующей литературы, которая выходила в свет несвоевременно, с большим опозданием. Практических пособий вовсе не имелось, и работники клубов, руководствуясь лишь общими наставлениями, самостоятельно осуществляли поиск необходимой информации и разрабатывали сценарии представлений. При этом даже к концу 1925 г. перечень рекомендуемых публикаций о декабристах едва ли на-

¹³⁶ Нечкина М.В. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825–1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 250.

¹³⁷ Там же. С. 247.

¹³⁸ Там же. С. 247–248; Гофман Л. Н.М. Дружинин. Кем были декабристы и за что они боролись? // Былое. 1925. № 6 (34). С. 238–239; Сказин Е.В. Ефим Грекулов. Первое вооруженное восстание против царизма (декабристы) // Каторга и ссылка. 1925. № 6 (19). С. 271–272; Он же. Н. Ашукин. Декабристы // Каторга и ссылка. 1925. № 4 (17). С. 276–277.

считывал 20 библиографических единиц. Так, представленный в ноябрьском номере «Советского искусства» список литературы для художественной клубной работы, включал 14 наименований: 1) Е.Ф. Геркулов «Первое вооруженное восстание против царизма (декабристы)» (М., 1925); 2) «История революций в отражениях художественной литературы. Кн. 1: От декабристов до 1905 г.» (Харьков, 1925); 3) Д.С. Мережковский «14 декабря» (Л., 1918); 4) Хрестоматия по истории классовой борьбы / Сост. В. Фейдер (Л., 1925); 5) Н.С. Ашукин «Декабристы: История восстания 14 декабря 1825 года» (М., 1924); 6) Н.А. Некрасов «Собрание стихотворений»; 7) «Собрание стихотворений декабристов» (М., 1906); 8) Т.Б. Лозинская «Декабристы: Экскурсия» (Л., 1925); 9) М.М. Клевенский «К.Ф. Рылеев» (М.; Л., 1925); 10) П.Е. Щеголев «Петр Григорьевич Каходский» (Пг., 1921); 11) Н.П. Павлов-Сильванский «Павел Иванович Пестель (13 июля 1826 года): биографический очерк» (Пг., 1919); 12) С. Берсенев «Сергей Иванович Муравьев-Апостол» (М., 1920); 13) «Кондратий Федорович Рылеев: воспоминания И.А. Бестужева» (М., 1919); 14) К.Н. Левин «Декабристы: история вооруженного восстания 14 декабря 1825 г.» (Харьков, 1923)¹³⁹. Как видно, почти половина произведений из списка появилась задолго до начала юбилейной кампании. Более того, в опубликованной библиографии были допущены опечатки, затруднявшие поиск книг. В частности, автором последней работы назван Ленин, что очень любопытно, ведь одной из задач юбилейного нарратива являлось опровержение буржуазных концепций, в то время как работа Левина, по сути, являлась выдержанной из первого тома «Истории России в XIX веке», написанного до революции в соавторстве с Покровским.

Во-вторых, от работников клубов требовалось не просто провести мероприятия, но также донести до публики, зачем вообще празднуется юбилей. В журнале «Советское искусство» С.И. Корев, описывая возможные формы художественной работы, подчеркнул, что «еще не так давно был весьма спорным вопрос — отмечать ли вообще столетие декабристов, и если этот вопрос возникал у наиболее видных представителей нашего рабочего класса и партии, то совершенно естественно, если он воз-

¹³⁹ Литература о декабристах для художественной клубной работы // Советское искусство. 1925. № 8. С. 94.

никнет у членов клуба. И вот, объяснить рабочей массе, почему мы все-таки этот юбилей празднуем, с одной стороны, и провести линию через отделяющее нас от декабристов столетие, связать вспышку 1825 г. с нашими современными достижениями и задачами, с другой стороны, — вот каково должно быть содержание вступительной части этого вечера». Более того, он считал, что главная задача организаторов заключалась в том, чтобы «обрисовать событие и уяснить значение, а не праздновать и не устраивать торжественных вечеров», поскольку «революционная вспышка 1825 г.» не может быть сопоставима с событиями 1905 г. и не должна их затмевать¹⁴⁰. И в данном случае он выражал мнение многих деятелей культуры, не поддерживавших героизацию декабристов. То, что для рабочих юбилей оказался чуждым, пришлось признать и Покровскому: «Масса населения, в первую голову учащаяся молодежь и рабочие, обратили внимание только на двадцатилетие пятого года; а наша старая интеллигенция занялась декабристами, о которых массы, увы, не вспомнили, хотя ежедневная печать — особенно сообщения о разных „открытиях“ из Ленинграда — наводила их на это воспоминание достаточно усердно»¹⁴¹.

Определенные результаты были достигнуты в организации выставок и постановок, большая часть которых пришлась на декабрь 1925 г. Так, в Музее Революции открылась выставка по истории восстания декабристов, на которой экспонировались предметы, предоставленные Центрархивом, Эрмитажем и др. учреждениями, а также вещи, принадлежавшие семьям декабристов. В Государственном академическом театре оперы и балета на вечере, посвященном памяти декабристов, представили два фрагмента оперы «Декабристы» Ю.А. Шапорина (работа над ней продолжалась до 1953 г.), в Большом театре впервые была поставлена опера «Декабристы» В.А. Золотарева. Успехом пользовалась пьеса молодого драматурга Н.А. Венкстерн «В 1825 году», премьера которой состоялась 27 декабря 1925 г. на сцене МХАТ-2. Автора хотя и упрекали в «отсутствии выявления социальных корней» трагедии декабристов, но признавали, что пьеса дает зрителю «кон-

кретный материал, вполне правдивый и художественно-проработанный»¹⁴².

В целом юбилейные мероприятия должны были усилить легитимацию советской власти через миф о революционной преемственности и стать практическим воплощением трансформации нарратива о декабристах, интегрировав научные дискуссии в публичное пространство мемориализации (лекции, выставки, постановки, кинематограф). Однако неразбериха в организационных и методических вопросах не позволила в полной мере реализовать задуманное. Связь между «теоретиками» и «просветителями», научным сообществом и широкой публикой так и не удалось наладить. Вопрос о том, какой именно концепции движения декабристов следует придерживаться, для деятелей культуры оставался открытым. Не предпринималось попыток разработать «методички», которыми можно было бы руководствоваться при организации массовых мероприятий. Как и не появилось публикаций, которые бы в общих чертах описывали «советский» взгляд на восстание. Эта проблема осознавалась, но должным образом не решалась. Так, Корев предлагал при подготовке художественного материала ориентироваться на книгу Покровского «Очерки русского революционного движения XIX–XX вв.» (М.: Красная новь, 1924), что не могло стать выходом из сложившейся ситуации. Лекции, включенные в «Очерки», не были рассчитаны на массового читателя, да и так называемую схему Покровского в полной мере не отражали. Неудивительно, что «схема» не заняла доминирующую позицию ни в культуре, ни в искусстве, затерявшихся среди стихийного юбилейного творчества.

ЮБИЛЕЙНЫЙ КИНЕМАТОГРАФ

Одним из важнейших инструментов распространения желаемого образа декабристов в 1920-е гг. стал кинематограф, для которого юбилейная кампания осложнялась необходимостью адаптации исторического материала для массового восприятия в условиях нарастающего контроля в сфере кино. В отличие

¹⁴⁰ Корев С. Декабрь в клубе // Советское искусство. 1925. № 8. С. 24–25.

¹⁴¹ Покровский М.Н. Два вооруженных восстания. 1825–1905 // Под знаменем революции, 1925. № 12. С. 5.

¹⁴² Е.Г. «В 1925 году» // Советское искусство. 1926. № 1. С. 69.

от 10-летнего юбилея Революции 1917 г.¹⁴³, ясный план выпуска фильмов к 100-летию восстания декабристов отсутствовал. Инициатива их подготовки исходила от Ленинградской кинофабрики, будущего «Ленфильма»¹⁴⁴, которая первоначально планировала производство трех кинолент, но на широкие экраны вышли только две.

В 1926 г. режиссер А. В. Ивановский снял историческую драму «Декабристы»¹⁴⁵, рассказывающую историю любви декабриста Ивана Анненкова и французской модистки Полины Гель. Главная сюжетная линия разворачивается на фоне событий, связанных с историей декабристов: крестьянские мятежи, организация тайных обществ, восстание на Сенатской площади, следствие и суд, ссылка и жизнь в Сибири. Премьера фильма состоялась в январе 1927 г.¹⁴⁶ Режиссерами второй киноленты — «С.В.Д.» («Союз великого дела»), — вышедшей на экраны в августе 1927 г.¹⁴⁷ и освещавшей историю восстания Черниговского полка, стали Г. М. Козинцев и Л. З. Трауберг. По сюжету фильма зимой 1825 г. (накануне и в ходе восстания декабристов) шу-

¹⁴³ См. Главу «„Годовщина Революции“ Д. Вертона и „Октябрь“ С. Эйзенштейна: конструирование революционного нарратива» настоящего издания.

¹⁴⁴ В 1920-е гг. ленинградские (до 1924 г. петроградские) кинофабрики представляли собой часть государственной системы кинопроизводства, формирование которой началось в 1919 г. Киноstudия, являвшаяся предшественницей «Ленфильма», эволюционировала под влиянием централизации отрасли. С 1922 г. она носила название «Севзапкино» (Северо-Западное областное управление по делам фотографии и кинематографии), в 1925 г. переименована в «Ленинградкино» (Ленинградская кинофабрика). Согласно постановлению СНК РСФСР от 13 июня 1924 г., произошла реорганизация «кинодела в РСФСР», а в августе 1926 г. «Севзапкино» и «Госкино» влились во Всероссийское фотокинематографическое акционерное общество «Совкино». Ленинградскую кинофабрику передали «Совкино» и переименовали в «Ленинградскую фабрику „Совкино“» (кинофабрику «Совкино» в Ленинграде) (см.: Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг.: Документы / Сост. А. Л. Евстигнеева. М.: РОССПЭН, 2016. С. 34, 204–205, 215–218, 306–308). В 1926–1927 гг. в документах (протоколах заседаний, письмах и т. д.) встречаются разные названия ленинградской киноstudии, поэтому во избежание путаницы в данном тексте она будет именоваться Ленинградской кинофабрикой.

¹⁴⁵ Государственный фонд кинофильмов Российской Федерации (далее — ГФФ). Р1076.

¹⁴⁶ В кинотеатрах Ленинграда премьера фильма состоялась 25 января (см.: Жизнь искусства. 1927. № 4).

¹⁴⁷ В кинотеатрах Ленинграда премьера фильма состоялась 30 августа (см.: Жизнь искусства. 1927. № 35. С. 14).

лер и авантюрист Медокс выиграл в трактире кольцо с буквами «С.В.Д.». Этую аббревиатуру, являвшуюся инициалами невесты проигравшего, Медокс начал интерпретировать по-разному, в зависимости от происходивших событий. Сначала он трактовал ее как «Счастье вызывает дураков», а затем благодаря перстню сумел внедриться к декабристам, доказывая, что «С.В.Д.» — это знак тайного общества «Союз великого дела». Сблизившись с организаторами восстания («народным» декабристом поручиком Сухановым¹⁴⁸ и «умеренным» — генералом Вишневским), Медокс планирует сдать их правительству за 100 луидоров (аббревиатура получает новое звучание: «Следить, выдавать, добить!»). Восстание Черниговского полка терпит поражение, его инициаторы оказываются в заключении. Главную сюжетную линию дополняет романтическая история Суханова и жены Вишневского. В finale фильма Медокс разоблачен, а декабристам удалось организовать побег из тюрьмы (в версии для советского зрителя Суханов в конце погибает)¹⁴⁹.

История создания этих кинокартин весьма показательна как для исследования коммеморации, так и для изучения методов и приемов практического воплощения исторического нарратива в киноискусстве. В 1926–1927 гг. набиравший популярность кинематограф вызывал все больше вопросов у Главного комитета политического просвещения (ГПП, Главполитпросвет) и лиц, занимавшихся политико-просветительной и культурной работой: «Советская кинематография может и должна в ближайшее время обратить все внимание на увеличение производства идеологически выдержаных советских картин, на вытеснение иностранной продукции, в большинстве случаев нам чуждой и вредной, и на действительно полное и здоровое обслуживание рабочих и крестьян кинопродукцией, способной содействовать культурному и политическому воспитанию масс»¹⁵⁰. Партийные органы видели в кинематографе «самое важное агитационное и пропагандист-

¹⁴⁸ Суханов стал главным героем финальной версии «С.В.Д.». Его историческим прообразом являлся декабрист И. И. Сухинов.

¹⁴⁹ Подробнее см.: Лотман Ю.М., Цивьян Ю.Г. SVD: жанр мелодрамы и история // Тынчановский сборник. Первые тынчановские чтения. Рига: Зиннатне, 1984. С. 46–78; Огузов С.А. Сюжет фильма «С.В.Д.» как реализация формального метода // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 234–246.

¹⁵⁰ Дымов С. К росту советской фильмы // Жизнь искусства. 1927. № 50. С. 14.

ское орудие воздействия на массы»¹⁵¹, в то время как большинство государственных и общественных организаций, владевших кинотеатрами, воспринимало его как «предприятие, дающее большую прибыль», что способствовало не только развитию киносети¹⁵², но и доминированию на советском кинорынке «идеологически вредной заграничной дребедени»¹⁵³: «Совершенно забыли о прямом назначении кино. Отсюда происходят и погоня за заграничными боевиками, и отказ ставить на экране кинотеатра идеологически выдержаные советские фильмы»¹⁵⁴.

Вопрос об идеологическом наполнении тесно переплетался с проблемой качества, что находило отражение в рецензиях на поступавшие в прокат картины, которые во многих случаях содержали возгласы вроде: «Зачем производят такие картины в Советском Союзе?» или «Зачем ввозят такой хлам из-за границы?» С точки

¹⁵¹ Проблемы политico-просветительской роли кино и необходимости вытеснения советскими фильмами заграничных обсуждались в 1926 г. на съезде политпросветов, а к концу 1927 г. было принято решение о необходимости созыва особого партийного совещания по кинематографии, которое должно было положить конец «преступной неразберихе и политике „коммерческого расчета“» и выработать «единую платформу» в вопросе «соединения социалистического государства с кинематографией на пролетарских основах» (Гринфельд Ф. К партсовещанию о киноработе // Жизнь искусства. 1927. № 49. С. 5; Дымов С. Советизация кино // Жизнь искусства. 1927. № 10. С. 9; К предстоящему киносовещанию // Жизнь искусства. 1927. № 39. С. 1).

¹⁵² В середине 1920-х гг. киносеть на территории РСФСР стремительно развивалась, в том числе за счет коммерциализации проката: если на 1 марта 1925 г. насчитывалось 1397 киноустановок (в том числе 650 коммерческих, 647 клубных, 100 деревенских кинопредвижек), то к 1 апреля 1926 г. уже имелось 3983 киноустановок (1125, 1558 и 1200 соответственно), а на 1 октября 1927 г. — 7521, из них 4895 городских и 2356 деревенских (Дымов С. К росту советской фильмы // Жизнь искусства. 1927. № 50. С. 14; Он же. Советизация кино // Жизнь искусства. 1927. № 10. С. 9; Фрид Л.С. Очерки по истории развития политico-просветительной работы в РСФСР: (1917–1929 гг.). Л.: [Б. и.], 1941. С. 162).

¹⁵³ Советская кинопродукция заметно уступала зарубежным фильмам: на 1 марта 1925 г. доля отечественных картин в прокате составляла 27,5%, заграничных 72,5%; на 1 октября 1926 г. 35 и 65% соответственно (Дымов С. Советизация кино // Жизнь искусства. 1927. № 10. С. 9; Юсупова Г. «Ввоз заграничных картин по этим причинам крайне необходим»: Зарубежные фильмы в советском прокате 1920-х годов // Искусство кино. 2022. № 9/10. С. 200–213). Фильмы закупались в первую очередь в Америке, где киноиндустрия и кинопрокат бурно развивались. В частности, к 1927 г. в США ежедневная посещаемость кинотеатров достигала 13 млн, а в РСФСР «посещаемость всех театров, в том числе кино», за год составляла примерно 50–60 млн (К предстоящему киносовещанию // Жизнь искусства. 1927. № 39. С. 1).

¹⁵⁴ Дымов С. Советизация кино // Жизнь искусства. 1927. № 10. С. 9.

зрения политического просвещения на «заграничном рынке» не имелось «идеологически приемлемых картин», а советскому кинематографу, помимо наращивания объемов кинопроизводства, требовалось задать «чрезвычайно жесткие требования» не только в отношении «идеологической выдержанности», но и «художественности»¹⁵⁵. При этом кинокритики отмечали, что «примитивные агитки, когда ценность фильмы измерялась лишь по количеству вложенных в нее политических лозунгов», должны уступить место актуальным и интересным сценарным замыслам: «Рабочему зрителю, несомненно культурно выросшему, нужны сейчас действительно художественные, подлинно кинематографические картины, с тем, чтобы здоровая пролетарская идеология не была насилиственно пристегнута к ленте в титрах или искусственных положениях, а органически вытекала бы из сущности разворачиваемого действия»¹⁵⁶. И в данном контексте особое внимание привлекали киноленты на историческую тематику, в особенности те, которые касались зарождения и развития революционных идей. Такие фильмы, появлявшиеся в прокате в середине 1920-х гг., как правило, вызывали недовольство партийных органов. Так, член Главного репертуарного комитета (ГРК; Главрепертком) П.А. Бляхин и заведующий киносекцией в ЦК ВКП(б) С. Мельников в записке от 9 марта 1928 г., адресованной заведующему Отделом пропаганды и агитации (Агитпроп; АПО ЦК ВКП(б)) А.И. Криницкому, отмечали: «Большинство исторических картин лишиены правильного марксистского освещения исторических событий изображаемой эпохи. Они делались в расчете не на рабоче-крестьянского зрителя, а на обывателя („Поэт и царь“, „Декабристы“, „Солистка его величества“, „Кастусь Калиновский“ и т. п.)»¹⁵⁷.

«Декабристы» стал первым юбилейным фильмом (и первым советским фильмом о декабристах), вышедшим на экраны. Однако первоначально планировалось, что таковым станет кинокартина «Пламенеющий полюс». Из протокола заседания художествен-

¹⁵⁵ Тимофеев В. Отчего у нас есть плохие кинокартини // Жизнь искусства. 1927. № 30. С. 12.

¹⁵⁶ Недюброва В.В. Общественность и кинопроизводство // Жизнь искусства. 1927. № 11. С. 15.

¹⁵⁷ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 962. Оп. 10. Д. 2. Л. 21 об.

ного бюро Ленинградской кинофабрики от 6 марта 1926 г. следует, что подготовленный Б.А. Лавреневым сценарий фильма, охватывавший «не только восстание Черниговского полка, но и вообще историю Южного тайного общества», не имел «хроникального характера»: «Несколько параллельных фабульных линий связывают сложный исторический материал. Параллельные романы, связанные с ходом событий, великосветский — Волконского и Раевской и демократический — Кузьмина и крепостной Фроси. Последний роман в особенности фабульно прикреплен к истории: неудачный исход восстания отражается трагически на личной судьбе героини. Крупные исторические фигуры: Пестеля, Муравьева, Бестужева-Рюмина даны не только на политическом и батальном материале, но и на интимном. Вместе с тем соблюдена насколько это возможно и историческая фактичность»¹⁵⁸. Иными словами, сценарий «Пламенеющего полюса» выстраивался вокруг двух любовных линий и освещал историю Южного общества. Тем не менее акцентировалось внимание на том, что фильм, в первую очередь, художественный и не претендует на историческую последовательность событий («хроникальность»), а любовные линии переплетены с историей восстания Черниговского полка, чтобы зритель проникся трагичными событиями через личную (и вымышленную) историю героев.

В результате обсуждения художественное бюро приняло сценарий, а его воплощение, вероятно, поручили режиссеру Ивановскому. Правда, в своих воспоминаниях он не упоминал о подготовке к съемкам «Пламенеющего полюса», но отметил, что работу над первым фильмом о декабристах поручили ему и историку Щеголеву. И в данном случае он подразумевал именно фильм «Декабристы»¹⁵⁹. Следует подчеркнуть, что история появления сценария этой киноленты связана с подготовкой ранее упомянутой одноименной оперы Шапорина. Созданный писателем А.Н. Толстым и Щеголевым первый вариант либретто для оперы был признан неудачным, поскольку не отражал марксистское видение исторического процесса. Однако этот текст, доработанный Щеголевым

¹⁵⁸ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб). Ф. 257. Оп. 16. Д. 7. Л. 8 об.

¹⁵⁹ Ивановский А.В. Воспоминания кинорежиссера. М.: Искусство, 1967. С. 199.

и Ивановским, стал основой для сценария фильма «Декабристы»¹⁶⁰.

Как свидетельствует протокол заседания художественного бюро при кинофабрике от 26 августа 1926 г., работу над проектами фильмов и процесс съемки затрудняли репрессии, развернувшиеся к лету 1926 г. в среде киноработников. В частности, после ареста режиссера В.Р. Гардина¹⁶¹ окончание картины «Поэт и царь»¹⁶² поручили Ивановскому, в связи с чем «Пламенеющий полюс» отдали режиссеру Ч.Г. Сабинскому. После освобождения Гардина вернули постановку. Что же касается фильма «Пламенеющий полюс», к работе над которым уже приступил Ивановский и отснял некоторые сцены, то его хотели оставить за Сабинским. Когда Ивановский узнал об этом, то пытался опротестовать действия художественного бюро, ссылаясь на то, что уже затратил много труда на эту киноленту и потому имеет больше прав на ее постановку. Однако к требованиям режиссера отнеслись скептически. Член художественного бюро З. Любинский в ходе заседания, состоявшегося 26 августа 1926 г., отметил, что «Пламенеющий полюс» отдали Ивановскому в разгар постановки «Декабристов» лишь по той причине, что кинофабрике «во что бы то ни стало» нужно было начать постановку («по разным соображениям»). Признавалось, что заснятые Ивановским зимние сцены по качеству не являлись «стопроцентным товаром» и не удовлетворяли требованиям кинофабрики. Любинский подчеркивал, что «те-

¹⁶⁰ «Декабристы» стал третьим фильмом, касавшимся истории революционного движения, созданным в tandemе Щеголева и Ивановского. До этого они работали над картинами «Дворец и крепость» (1924) и «Степан Халтурин» (1925), отражавшими борьбу революционеров-«народовольцев». В этих кинолентах нашел воплощение ленинский исторический нарратив, который подчеркивал неэффективность тактики индивидуального террора. К примеру, в фильме «Дворец и крепость» можно увидеть следующие друг за другом титры: «Народовольцы считали, что, убив царя, они освободят страну», «На место одного убитого деспота вступил другой». Ивановский в своих воспоминаниях указывал, что при создании «Дворца и крепости» Щеголев выступал не только как сценарист, но и как организатор процесса. В частности, именно он «познакомил» Ивановского и писателя О.Д. Форш (роман которой лег в основу сценария) «с новыми материалами из ранее секретных архивных документов» (*Ивановский А.В. Воспоминания кинорежиссера. М.: С. 175*).

¹⁶¹ В 1926 г. был подвергнут кратковременному аресту.

¹⁶² «Поэт и царь» (реж. В.Р. Гардин и Е.В. Червяков) — первая советская историко-биографическая драма, посвященная последним дням жизни поэта А.С. Пушкина. Премьера состоялась 20 сентября 1927 г.

перь по финансовым соображениям нельзя откладывать „Декабристов“ и закончит их режиссер [Ивановский] лишь к сентябрю, поэтому Ивановскому нельзя ставить „Пламенеющий полюс“¹⁶³. Таким образом, художественное бюро при Ленинградской кинофабрике опасалось, что «параллельность» постановок, как и передача киноленты из одних режиссерских рук в другие, может обернуться неудовлетворительным результатом.

Тем временем Ивановский, отстаивавший право закончить оба фильма, сделав их дилогией, посвященной восстанию 1825 г., продолжал работу. Завершив съемки в сентябре 1926 г., он представил свою двухсерийную картину, которую художественное бюро в составе М. Богорачева, Б.Л. Леонидова, К.Г. Аршавского и Ю.Н. Тынянова подвергло критике. К первой серии фильма было предъявлено множество замечаний кинематографического характера: «Пролог как и был, так и остался слабым местом всей ленты — с какой бы стороны не оценивать его. Монтаж первой серии еще менее удовлетворителен, чем это было, так как вставленные куски слабо вяжутся даже при помощи разъясняющих надписей. Так, например, сцены пензенской ярмарки перебиваются сценами заседания тайного общества, не имея никакой даже ассоциативной связи... Вся четвертая часть является, в сущности, мотивировкой того, как Якубович узнал о смерти Александра и лишь конец ее имеет сюжетное значение. Монтаж этой части нельзя признать удачным... Все надписи совершенно неудовлетворительны. Многие предвосхищают действия: „солдаты мерзли“ и показ сцены солдаты мерзнут... В других надписях, как с литературной стороны, так и с исторической¹⁶⁴. Коммерческий успех первой серии в данном виде становится сомнительным, так как за исключением последней части нечем захватить внимание зрителя, несмотря на обилие эпизодического материала. Рассчитывать же на одно богатство декораций — рискованно»¹⁶⁵. Вторая серия признавалась непригодной в принципе: «Как и предполагалось... [она] ни в коем случае не может служить самостоятельной про-

граммой, так как не имеет сюжетного развития, а является только непомерно растянутым сюжетным завершением первой серии. Этот материал может иметь эмоциональное значение только как завершающий первую серию, то есть если все будет смонтировано как одна картина»¹⁶⁶. Таким образом, двухсерийная картина, которая должна была объединить сценарии «Пламенеющего полюса» и «Декабристов» и открыть плеяду фильмов о декабристах, не состоялась. Обе киноленты, отснятые Ивановским, были признаны неудачными, после чего работа (путем досъемок и перемонтажа) продолжилась исключительно над второй серией, вышедшей на экраны под названием «Декабристы».

В РГАЛИ сохранилось письмо Ивановского Щеголову, из которого следует, что он телеграммой запрашивал у Щеголова информацию о «цензуре декабристов к столетнему юбилею»¹⁶⁷, но ответа так и не получил: «Сегодня на [кино]фабрике узнал, но не верю этому, что Вы взялись перемонтировать декабристов»¹⁶⁸. К сожалению, письмо недатированное, поэтому невозможно определить, о цензуре какого этапа работы над кинолентой шла речь. В своих воспоминаниях Ивановский, описывая создание фильма «Декабристы» (в том числе подбор актеров, изготовление декораций, разные случаи, произошедшие на съемках), совсем не уделил внимания проблемам разработки исторической части сюжета. Он лишь отметил, что между ним и Щеголовым «произошла небольшая размолвка», но тут же подчеркнул, что она не отразилась на их отношениях¹⁶⁹. Относительно реакции на фильм режиссер добавил следующее: «Из Ленинграда я уехал еще до демонстрации „Декабристов“ на экране. Мне переслали оттуда рецензии, которые были достаточно резкими. В них правильно отмечалось, что в центре картины романтическая история, а декабристы показаны только фоном! Это, конечно, была наша ошибка — моя и Щеголова»¹⁷⁰.

Реакция кинокритиков действительно оказалась далека от восторгов: «„Декабристы“ — явление прискорбное в советской

¹⁶³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 4. Л. 1 об.

¹⁶⁴ Имеется в виду, что надписи признавались неудовлетворительными не только с литературной, но и с исторической точки зрения. Однако вне протокола осталось, что именно в историческом содержании картины не устроило художественное бюро.

¹⁶⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 4. Л. 15.

¹⁶⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 4. Л. 15 об.

¹⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 2733. Оп. 1. Д. 600. Л. 1.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Ивановский А.В. Воспоминания кинорежиссера. М.: Искусство, 1967. С. 205–206.

¹⁷⁰ Там же. С. 206.

кинематографии. Фильма неудовлетворительна во всех отношениях — сценарно, режиссерски, актерски, операторски, лабораторно и — самое главное — не отвечает своему социальному заданию. Это тем горче для нас, что фильма ставилась два года, обошлась в сотни тысяч рублей, раззванивалась на всех углах и перекрестках так, что на одни рекламные расходы можно было поставить хорошую, нужную ленту». Полагая, что фильм снят в «костюмно-историческом» жанре, подчеркивалась неудачная постановка («от театра»), перегруженность эпизодами, декорациями, действующими лицами и «высокопарными» надписями («материал распирает фильму»), а также непригодность сценария Щеголева для кинематографа. Декабристы показаны не «очеловеченными»: «Они заседают (ох, как много заседают эти Северный и Южный союзы!), читают программы и резолюции, произносят патетические фразы, часто целуются, но вместе с тем они фальшивы и схематичны. Танцующий Александр I, который занимает в ленте микроскопически малое место, хорошо воспринимается зрителем, ибо он полнокровен, занят пустым, но человеческим занятием. А вот заседающие декабристы, растекшиеся на семь частей, — неубедительны и воспринимаются плохо». Общее впечатление снижало неудачная «перекрайка» киноленты, произведенная по решению художественного бюро: «Монтаж, как кинематографическая организация материала, отсутствует, замененный сумбурно склейкой эпизодов, бессистемным нанизываем куска на кусок, раздражающей механической переброской действия во времени и месте»¹⁷¹.

«С.В.Д.» был поставлен по сценарию Тынянова и Оксмана¹⁷². Последний, как и Щеголев, активно участвовал в архивных реформах, что положительно отразилось на разработке сюжетной линии фильма. Тынянов вспоминал: «Когда мы с Ю.Г. Оксманом писали сценарий этой вещи, мы хотели в противовес мундирам, безвкусице и параду, данным в „Декабристах“, осветить крайнюю левую декабристского движения. Фэксам¹⁷³ в этом сценарии по-

¹⁷¹ Недоброво В. Декабристы // Жизнь искусства. 1927. № 5. С. 15.

¹⁷² В 1917–1918 гг. Оксман работал помощником начальника архива Наркомата просвещения, принимая участие в реорганизации архивного дела после революции.

¹⁷³ ФЭКС (Фабрика эксцентрического актера) представляла собой авангардное творческое объединение в советском искусстве 1920-х гг., ориентированное на

нравилась романтика 20-х годов, и им удалась не хроникальная и не историческая сторона дела, а нечто другое: кинематографический пафос. Картина восстания, где использованы и обыграны все ситуации бережно и расчетливо, — лучшее, что сделали фэ́ксы»¹⁷⁴. Соответственно, авторы литературного сценария противопоставляли свое произведение «Декабристам». Кроме того, их подход был подчеркнуто не «хроникальным». Они фокусировались в первую очередь на киноискусстве. Именно поэтому сценаристы, изначально ориентируясь на ФЭКС, настояли, чтобы над фильмом работали режиссеры Козинцев и Трауберг.

Подготовка «С.В.Д.» шла одновременно с работой над картинами «Пламенеющий полюс» и «Декабристы». Согласно протоколу заседания художественного бюро Ленинградской кинофабрики от 10 февраля 1926 г., сценарий Тынянова (в данном случае упоминание Оксмана отсутствовало) был предварительно принят, но его предложили сократить «до нормального метража»¹⁷⁵. Затем его направили на рассмотрение в Главполитпросвет¹⁷⁶, откуда поступила положительная рецензия. В частности, ответственный секретарь Художественного совета по делам кино при Главполитпросвете

экспериментальные подходы в театре и кино. Основанное в 1921 г. в Петрограде Козинцевым и Траубергом, оно изначально функционировало как молодежная театральная мастерская, где они руководили обучением актеров и постановкой экспериментальных спектаклей, подчеркивавших гротеск и динамику. С 1924 г. ФЭКС эволюционировал в киномастерскую при студии «Севзапкино» (позже «Ленфильм»), где Козинцев и Трауберг играли ключевую роль в производстве немых фильмов, воспитании кадров и интеграции театральных инноваций в кинематограф. Их лидерство способствовало формированию уникального стиля, повлиявшего на развитие советского кино, хотя объединение формально просуществовало только до 1926 г. Подробнее см.: Бруни В.А. Кино. Русский художественный авангард и советский киноавангард 1920-х // Энциклопедия русского авангарда. URL: <https://rusavanguard.ru/online/history/kino/> (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁷⁴ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 347.

¹⁷⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 3. Л. 14.

¹⁷⁶ Главполитпросвет координировал политко-воспитательную и агитационно-пропагандистскую работу, нацеленную на утверждение коммунистической идеологии, и управлял сетью учреждений (избами-читальнями, клубами, библиотеками, школами для взрослых и т.п.). К концу 1920-х гг. в сфере кино он выполнял функции, аналогичные Главрепертуару, но с упором не на художественный, а на идеологический контроль, тем самым используя кинематограф в качестве инструмента пропаганды и просвещения. Следует отметить, что и рецензии Главрепертуара на исторические киноленты не ограничивались замечаниями исключительно художественного толка, следовательно, цензурные функции Главполитпросвета и Главрепертуара отчасти дублировались.

С. Веремиенко в письме от 24 марта 1926 г. указывал: «В целом сценарий одобряют и разрешают к постановке, однако отмечают, что желательно было бы учесть следующие замечания: социально-наивно получилась повесть о страдальцах-революционерах вообще, без всякого выявления их классовой сущности. Это, возможно, следовало бы обосновать в нескольких дополнительных кадрах. В крайнем случае (чтобы не повторять „Декабристов“) можно ограничиться хорошей вступительной надписью»¹⁷⁷. Также в замечаниях Главполитпросвета отмечалась неправдоподобность большой легкости, с которой Медоксу удавалось осуществлять кражи и заниматься мошенничеством¹⁷⁸.

Следующее обсуждение сценария на заседании художественного бюро Ленинградской кинофабрики состоялось 19 ноября 1926 г. (на тот момент его название расшифровывалось как «Северное восстание декабристов»¹⁷⁹). Было дано следующее заключение: «В сценарии как целевая установка взят крепкий сюжет. На фоне движения декабристов на юге и пребывания их в Сибири развита интересная интрига. Из чисто коммерческих соображений, использования реквизита, костюмов и павильонов — считать необходимым выпуск трех фильмов по движению декабристов. Сценарий принять и отправить на утверждение в ГПП»¹⁸⁰.

По устоявшемуся порядку, помимо ГПП сценарий требовалось направить еще на проверку в Главрепертком, который в своей рецензии предложил более значительные правки. Во-первых, их не устроил характер «народного» декабриста Суханова, которому якобы недоставало мужественности. Во-вторых, предлагалось изменить характер авантюриста Медокса, добавив ему светскости и буржуазности. В-третьих, нужно было дать историческое обоснование причин неудачи восстания Черниговского полка, «совершенно выбросив мотив — Медокс предает восстание»¹⁸¹. В-четвертых, Главрепертком считал, что каторгу и вообще конец

¹⁷⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 12. Л. 100.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ О значении данной аббревиатуры для Тынянова и режиссеров фильма, как верbalного знака, лишенного семантики, подробнее см.: *Огудов С.А. Конструирование вымышленного мира в киносценарии Ю.Н. Тынянова и Ю.Г. Оксмана «С.В.Д.» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 94–101.*

¹⁸⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 12. Л. 99.

¹⁸¹ Там же. Л. 103.

фильма надо приблизить к литературному сценарию. На рецензии ГРК режиссер сделал пометку, что в целом согласен с замечаниями, но о моменте восстания «надо подумать», чтобы не дублировать «Декабристов»¹⁸².

Из всей четверки авторов (режиссеров и сценаристов), работавших над «С.В.Д.», к 1926 г. наибольший репутационный вес был у Тынянова, обладавшего заметным авторитетом в советской литературе и академической среде, являвшегося не просто литературоведом, а одним из ключевых представителей формалистской школы. В 1925 г. вышел его роман «Кюхля», признанный М. Горьким за историческую достоверность и стилистическую утонченность. В свою очередь, Козинцев и Трауберг не были столь важными фигурами советского художественного ландшафта. Более того, подходила к закату эпоха советского формализма / авангарда. Тем не менее режиссеры имели возможность вносить в сценарий правки, усиливавшие новаторский подход к съемкам, а Тынянов и Оксман их принимали¹⁸³.

Однако дирекция «Совкино», в состав которого к середине 1926 г. вошла и Ленинградская киностудия, хотя и приняла к постановке литературный сценарий¹⁸⁴, но выразила недовольство режиссерскими правками. Свой отзыв дирекция вынесла на обсуждение художественного бюро, из-за чего на Ленинградской кинофабрике разгорелся конфликт: оказалось, что итоговый постановочный план не соответствовал литературному сценарию. При поддержке сценаристов Козинцев и Трауберг, отражая посягательство на их творческую задумку, в письме директору «Совкино» представили следующий ответ: «Настоящим сообщаем наши соображения по постановочному плану картины СВД. Хотя картина и „историческая“, но мы не считаем возможным подходить к ней с обычными нормами „исторически-хроникальной“ фильмы. В основу сцена-рия легла необычная, хотя и основанная на точных данных, история провокатора Медокса и декабриста Суханова. Было бы нелепо

¹⁸² ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 12. Л. 103.

¹⁸³ О серьезном вмешательстве в сценарий писал в воспоминаниях Трауберг (подробнее см.: *Трауберг Л.З. Свежесть бытия. М.: Всесоюз. творч.-произв. об.-ние «Киноцентр», 1988. С. 57.*

¹⁸⁴ Разбор литературного сценария см.: *Огудов С.А. Конструирование вымышленного мира в киносценарии Ю.Н. Тынянова и Ю.Г. Оксмана «С.В.Д.» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 96–97.*

пым сводить необычное в обычное, дать историю восстания, как восстания, и предательства, как такового. Тема СВД значительнее, интереснее и сильнее кинематографически. В нескольких словах (что, конечно, трудно) тема выражается так: 1) начало XIX века, деспотизм, солдатчина; 2) первое брожение, слабо организованное, слабо спаянное идеологически; 3) по указанным причинам первое восстание кончается поражением; 4) чуть не свергнутая власть не только карает (это, в своем плане, было бы вполне законно), но и мстит, паникует и изобретает способы „всех посадить под арест“... из всего вышесказанного вытекают два мотива и подхода к СВД не как к „исторически-хроникальной“ драме. 1. Противоположение „беззаконных насильников“ и „провоцируемых жертв“ указывает самый жанр вещи, это должна быть мелодрама. 2. Установка не на общеизвестный и значимый факт (восстание Черниговского полка), а на малоизвестный, волнующий вне временными, чисто кинематографическими материалами, факт провокации избавляет от необходимости давать зрителю иллюстрации к учебнику истории¹⁸⁵. Режиссеры утверждали, что опасность шаблонов вынуждает их вступить на путь, свойственный американским мелодрамам, то есть имитировать некоторую загадку для зрителя. Они подчеркивали, что при такой ставке на занимательность может затушеваться актуальность картины, по крайней мере для советского общества, поэтому старались выделить все социальные предпосылки (которые перечислили в процитированном письме), правда, оговариваясь, что это может быть на первый взгляд незаметно. Иными словами, их способ придать фильму социальную значимость заключался в том, чтобы «дать правильные типы»: Медокс — отрицательный персонаж, на фоне которого даже либеральные устремления казались возвышенными; Суханов — положительный персонаж, не столько офицер, сколько солдат, которому «социально» одиноко среди дворян-декабристов (это, к примеру, находило отражение в восприятии Суханова солдатами, для которых он был «свой», а не как прочие офицеры)¹⁸⁶.

20 июня 1927 г. художественное бюро Ленинградской кинофабрики одобрило итоговый вариант фильма¹⁸⁷: «Картина любо-

¹⁸⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 12. Л. 106.

¹⁸⁶ Там же. Л. 107.

¹⁸⁷ В прессе «Совкино» объявило, что съемки завершились к 1 февраля 1927 г. (Новости кино // Жизнь искусства. 1927. № 5. С. 15).

пытна, прежде всего, как первый в нашей кинематографии опыт сочетания авантюрно-мелодраматической интриги (похождения Медокса) с историческим фоном и содержанием (восстание южных декабристов). Сочетание это следует признать удавшимся. При занимательной фабуле картина обладает довольно четкой социальной установкой, вскрывая корни неудачи восстания южных декабристов, оторванность руководителей от солдатской массы и так далее... картину принять, прокорректировав некоторые надписи, и направить на утверждение правления Совкино¹⁸⁸. Однако Главрепертком не согласился с решением художественного бюро кинофабрики. Чтобы приостановить выход фильма на экраны, представители ГРК подключили к разбирательству с киностудией и создателями фильма партийные (Агитпроп) и государственные органы (Народный комиссариат просвещения), направив им следующее письмо-уведомление: «Просмотрев кинокартину Союз великого дела (С.В.Д.), ГРК констатирует, что между картиной и разрешенным к постановке сценарием почти ничего общего нет. В противовес сценарию, уделявшему большое внимание развитию декабряского движения на юге в низах (среди солдат и крестьян), в связи с чем центральная фигура декабриста Суханова четко противопоставлялась либерально-трусливым кругам декабристов (группе князя Вишневского и др.), режиссеры картины тщательнейшим образом вытравили все социально-значительное в сценарии, выдвинув на первый план героически-любовные похождения Медокса. В таком виде картина приняла характер псевдоисторических мещанских романов с добродетельными героями и коварными авантюристами, в которой обращение с историческими фактами столь же беспардонно, как и у постановщиков со сценарием¹⁸⁹. Ответ на это письмо последовал 12 августа 1927 г. от имени правления «Совкино», которое указало, что ГПП постановку разрешил, а что касается «вытравливания» всего социально-политического, то это преувеличение, поскольку в фильме, наоборот, усилено «расслоение» между офицерами и солдатами. Более того, попытку ГРК запретить картину правление «Совкино» назвало «плодом бесспорного бюрократического извращения»¹⁹⁰, и этого «извращения» удалось избежать: фильм не только вышел на со-

¹⁸⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 12. Л. 111.

¹⁸⁹ Там же. Л. 114.

¹⁹⁰ Там же. Л. 115.

ветские экраны, но и был экспортирован для показа европейским зрителям.

«С.В.Д.» получил положительные отзывы критиков, которые подчеркивали новаторское «эксцентрическое монтажное комбинирование отдельных смысловых кусков» и типичные для ФЭКСов приемы построения эпизода «в окружении определенных атмосферных условий»: «Эта атмосфера сцен играет роль эмоционально-воздействующего момента, но отнюдь не фона, на котором развертывается действие. Эмоциональное расцвечивание кусков идет через дым, через метель, через ветер и т. д.»¹⁹¹. Отмечался узнаваемый стиль ФЭКСов («условные экспрессионистические тона»), первоклассное операторское искусство и безукази-ненная актерская игра. Новаторским для исторических фильмов выглядел минимализм: «В фильме было всего лишь 20 отдельных сцен с соответствующим количеством декораций»¹⁹².

Особое внимание привлекла трансформация исторических событий и искажение фактов в сценарии фильма, что расценивалось как осознанное допущение ради реализации авторской концепции. Но в чем эта концепция заключалась? Многие кинокритики связывали это с тем, что «историческое событие было взято не как предмет инсценировки, а как фон», поэтому «установка была не на достоверность, а на типичность», то есть главной целью являлась демонстрация «типологии» движения декабристов¹⁹³. Так, киновед А.И. Пиотровский, подводя итоги 10-летнего развития советского кинематографа, отметил, что в жанре «исторических эпопеи» «С.В.Д.» задал «новые стандарты», сочетающие «широкую и подчеркнуто патетическую историческую характеристику с фабулой, на первый взгляд вполне свободной от истории, лишенной на первый взгляд исторических мотивировок, но обусловленной нашим, современным распределением симпатий, нашим современным сочувствием и враждой к людям прошлого»¹⁹⁴.

Экономические причины остались за рамками сценария, однако следует согласиться с Ю.М. Лотманом и Ю.Г. Цивьянном, что

«социологический код» в нем прослеживается довольно четко¹⁹⁵. Декабристы изображены не как монолитная группа. Среди них выделяются умеренное крыло во главе с генералом Вишневским, предпочтавшее компромиссы и переворот без кровопролития, и радикальное, близкое к народу и солдатам, во главе с поручиком Сухановым, готовое к революционной борьбе и полномасштабному восстанию ради достижения цели. Такой подход как раз и соответствовал «современным распределениям симпатий». Он отчасти укладывался в «схему Покровского», который, как уже было сказано ранее, не видел единства в декабризме, противопоставляя либерально и радикально настроенных участников, и полагал, что главные для истории революционного движения события происходили на юге страны. В таком ключе проводила свои первые исследования Нечкина, доказывая наличие «революционеров-разночинцев» и самостоятельной «демократической струи» в движении декабристов. Кроме того, следует учитывать научные взгляды Оксмана, который хотя прямо не называл себя приверженцем школы Покровского, но свои исследования проводил именно в том направлении, на которое указывал главный советский историк 1920-х гг. И наконец, немаловажным (а может быть, и самым важным) фактором, оказавшим влияние на содержание сценария, являлся запрос аудитории: юбилейные мероприятия, нацеленные на широкие массы, уделяли особое внимание восстанию Черниговского полка и деятельности Южного общества, героизму и революционным настроениям «южных» декабристов.

Следует отметить, что с точки зрения исторического наполнения и реализации сценарного замысла фильм в полной мере противостоял «Декабристам», в котором главные действующие лица не «живут», не «борются», а только «заседают». В целом кинокритики, выделяя «С.В.Д.» как «наиболее кинематографичную» ленту, сделанную ФЭКСами, относили его к числу тех советских фильмов, которые ознаменовали «сдвиг в масштабах истории мирового кино» (в отличие от «никуда не годной ленты» «Декабристы»)¹⁹⁶.

¹⁹¹ Недоброво В.В. Союз великого дела // Жизнь искусства. 1927. № 36. С. 9.

¹⁹² Союз великого дела S.W.D. // Жизнь искусства. 1927. № 32. С. 15.

¹⁹³ Недоброво В.В. Союз великого дела // Жизнь искусства. 1927. № 36. С. 9.

¹⁹⁴ Пиотровский А.И. Перед 10-летием советского кино // Жизнь искусства. 1927. № 43. С. 2.

¹⁹⁵ Подробнее см.: Лотман Ю.М., Цивьян Ю.Г. SVD: жанр мелодрамы и история // Тыняновский сборник. Первые тыняновские чтения. Рига: Зиннатне, 1984. С. 46–78.

¹⁹⁶ Недоброво В.В. Поэт и царь // Жизнь искусства. 1927. № 39. С. 13.

В последующее время историки и киноведы, обращавшие внимание на юбилейные киноленты, также во многом противопоставляли их друг другу, подчеркивая различия в художественном подходе. Если «С.В.Д.» получил признание как эталон советского авангарда, то «Декабристам» уделялось гораздо меньшее внимание, хотя режиссер Ивановский считался классиком историко-документального жанра¹⁹⁷. В «Очерках истории советского кино» отмечалось, что фильм «Декабристы» включал мелодраматическую линию любви декабриста И.А. Анненкова к француженке Арман Дюваль (в фильме — Полине Гебль), подменяя историческую трагедию банальной драмой¹⁹⁸. Советские киноведы критиковали фильм за замедленный темп, избыточное использование надписей и неудачное изображение ключевых фигур (к примеру, актера С.К. Шишко, сыгравшего К.Ф. Рылева, упрекали в том, что на экране он изобразил «истерического неврастеника», а не истинного патриота). Н.А. Лебедев отметил, что этот, как и другие фильмы Ивановского, отличались пышностью постановки и портретным сходством, но напоминали дореволюционные киноинсценировки, лишенные глубоких обобщений¹⁹⁹. При этом фильм получил признание за исторически достоверное изобразительное решение (оператор И.А. Фролов, художник А.А. Арапов) и разоблачение царского режима²⁰⁰.

Современные исследователи видят в «Декабристах» яркое отражение мифа о революционной преемственности, когда декабристы изображаются в качестве предшественников Октябрьской революции и акцентируется внимание на их жертвенности²⁰¹. В то же время они солидарны с советскими критиками, что кинолента пронизана отголосками предшествовавшей эпохи. Так, Е.Я. Марголит отмечает, что Ивановский использовал имперскую киногенцию, контрастировавшую с авангардными подходами 1920-х гг.:

¹⁹⁷ Лебедев Н.А. Очерк истории кино СССР. М.: Искусство, 1965. С. 436.

¹⁹⁸ Очерки истории советского кино. Т. 1: 1917–1934. М.: Искусство, 1956. С. 126.

¹⁹⁹ Лебедев Н.А. Очерк истории кино СССР. М.: Искусство, 1965. С. 436.

²⁰⁰ Очерки истории советского кино. Т. 1: 1917–1934. М.: Искусство, 1956. С. 126.

²⁰¹ Trigos L.A. The Decembrist Myth in Russian Culture. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009. P. 30.

дореволюционной эстетике «Декабристов» противопоставлял себя «С.В.Д.», воплощавший революционную энергию²⁰².

«С.В.Д.» стал объектом пристального внимания историков и киноведов, благодаря своему авангардному стилю и новаторской режиссуре. Весомый вклад в изучение этой киноленты внесли Ю.М. Лотман и Ю.Г. Цивьян, которые рассматривали ее как полемический ответ «Декабристам»²⁰³. В «Очерках истории советского кино» отмечалось, что сценарий, основанный на биографии поручика И.И. Сухинова, был переработан режиссерами, в результате чего исторические события превратились в фон для мелодраматической трагедии «одиночки», что отражало кризис индивидуализма. В операторской работе А.Н. Москвина с мрачной тональностью и контрастами света киноведы увидели пессимистическую трактовку, заимствованную из немецкого романтизма, которая признавалась идеально более слабой, чем в наивных «Декабристах»²⁰⁴.

ВЛИЯНИЕ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН НА ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

В исторической литературе, посвященной декабристам, как правило, присутствует тезис о связи движения с Наполеоновскими войнами, в первую очередь с заграничным походом русской армии 1813–1814 гг., когда не только офицеры, но и солдатская масса познакомилась с европейским образом жизни. Даже в тех публикациях, где напрямую эта мысль не звучит, участие декабристов в борьбе в Наполеоном упоминается почти всегда.

В дореволюционной историографии эта мифологема была распространена. В частности, она отчетливо изложена в общем курсе истории России XIX в. Левина и Покровского, где очерк о декабристах начинался с Наполеоновских войн, которые «имели весьма серьезные последствия для развития политической и об-

²⁰² Марголит Е.А. Советский киноавангард: от условной реальности к жизненному материалу // Koinon. 2021. Т. 2. № 1. С. 162.

²⁰³ Лотман Ю.М., Цивьян Ю.Г. SVD: жанр мелодрамы и история // Тыняновский сборник. Первые тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1984. С. 46–78.

²⁰⁴ Очерки истории советского кино. Т. 1: 1917–1934. М.: Искусство, 1956. С. 205.

щественной мысли в России». Цитируя декабриста И.Д. Якушкина, историки подчеркивали, что «сравнение западноевропейских порядков с русскими и знакомство с немецкими и французскими представителями либеральной буржуазии заставили русскую военную молодежь „нечувствительно усвоить свободный образ мыслей и стремление к конституционным учреждениям, стыдясь за Россию, так глубоко униженную самовластием“»: «Прежде всего их поразило то, что в З[ападной] Европе вместо разрушающегося феодального строя устанавливаются свободные общественные отношения. Этот факт произвел на них глубокое и неизгладимое впечатление... Из похода они вернулись домой уже „с новыми понятиями“ и „с политическими идеями, о которых раньше и не слыхали в России“»²⁰⁵. Герцен полагал, что «вскоре после войны в общественном мнении обнаружилась большая перемена»: «Столкновение между покровителем — деспотизмом и покровительствуемой — цивилизацией стало неминуемым. Первая битва между ними произошла 14 (26) декабря»²⁰⁶. Ленин, сравнивая восстание декабристов с выступлениями 1905 г., подчеркивал, что в 1825 г. «руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам, в особенности офицерам-дворянам; они были заражены соприкосновением с демократическими идеями Европы во время наполеоновских войн»²⁰⁷.

В историческом нарративе 1920-х гг. не наблюдалось однозначной позиции по этому вопросу. В этот период Покровский смотрел на причины декабризма с материалистической точки зрения, основное внимание уделяя «социально-экономической подкладке» и развитию капиталистических отношений (главным образом, изучая динамику хлебных цен)²⁰⁸, и практически не упоминал о Наполеоновских войнах. Нечкина, развивая мысль лидера большевиков, хотя и признавала влияние войны 1812 г., заставившей декабристов «совсем по-иному вдуматься в вопрос

²⁰⁵ Левин К.Н., Покровский М.Н. Декабристы // История России в XIX веке. Т. 1: Дореформенная Россия (1800–1840). СПб.: А. и И. Гранат, [1907]. С. 67.

²⁰⁶ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7: О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 194, 196.

²⁰⁷ Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Ленин В.И. Сочинения. Т. XIX: 1916–1917 / Под ред. Н.И. Бухарина, В.М. Молотова, М.А. Савельева. М.; Л.: Соцэкиз, 1931. С. 351.

²⁰⁸ Покровский М.Н. Декабристы: Сб. ст. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 5–31.

о положении угнетенного крепостного народа», в «вопрос о родине, ее судьбе, путях ее развития», и связывала декабризм с «общим ходом освободительной борьбы человечества в XVIII–XIX вв.», но эти тезисы отодвигались ею на второй план в угоду марксистского представления о трансформации общественно-экономических отношений. В 1920-е гг. она пыталась проанализировать процесс «пролетаризации» дворянства, породивший «революционеров-разночинцев»²⁰⁹, а в послевоенных публикациях уже более четко представляла генезис декабризма: «Движение декабристов выросло на почве русской действительности. Оно порождено кризисом феодальной формации и уходит своими корнями в ведущий процесс эпохи — разложение стареющего феодально-крепостного общественного строя и возникновение новых, капиталистических отношений»²¹⁰. Другие историки-марксисты также не стремились ставить во главу угла связь с Наполеоновскими войнами. Многие исследователи прямо заявляли, что рассмотрение движения декабристов через борьбу с Наполеоном значительно упрощает истинные причины восстания и мотивы декабристов, и упрекали в этом историков «старой школы»²¹¹, в трудах которых повествование о декабристах по-прежнему велось на фоне нашествия французской армии и его последствий (в том числе экономических)²¹².

Отсутствие единства в вопросе влияния Наполеоновских войн на генезис декабризма в историческом нарративе 1920-х гг. нашло отражение и в юбилейных кинолентах. Либретто оперы «Декабристы» в большей степени концентрируется на связи декабристов с идеями Французской революции. Так, Анненков, разговаривая с Луниным в парижской кофейне, рассказывает о Полине Гельб: «Ее отец — участник Великой революции... Неужели ты не чувствуешь, как эти камни поют о прошлом. Свобода и любовь! За этим столиком сидел Дантон — я верю. Там проходил Робеспьер, погруженный в размышления. Здесь висело извещение о правах человека. Отец Полины смочил платок в королевской крови под

²⁰⁹ Нечкина М.В. Общество соединенных славян. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 7–17.

²¹⁰ Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 50, 79–80, 107–108.

²¹¹ См., например: Шестаков А.В. Русские исторические журналы конца 1925 и начала 1926 г. // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 305.

²¹² См., например: Пресняков А.Е. Восстание декабристов // Былое. 1925. № 5 (33). С. 3–27.

эшафотом». Лунин в ответ лишь сетовал: «Не разжигай меня, Анненков. Завтра на почтовых полетим в страну рабства. Царь-тиран да царская собака Аракчеев — взамен свободы и любви. Несчастная Россия!»²¹³. В сценарии фильма этот мотив уже проявляется как фактор, объединяющий солдатские массы: «Вместе, чай, Наполеону бок ломали»²¹⁴. В сценарии «С.В.Д.» Наполеоновские войны не фигурируют в качестве одной из причин восстания, однако при характеристике главного героя «народного» декабриста Суханова подчеркнуто, что он «рядовым проделал все кампании»²¹⁵.

Таким образом, рассматриваемая мифологема далеко не всеми признавалась ключевой при характеристике движения декабристов, что нашло отражение не только в историческом нарративе, но и в его трансформации в сценариях к фильмам: в «Декабристах» довольно силен нарратив о внешнем влиянии на формирование революционных идей, в «С.В.Д.», напротив, акцент сделан на внутренних социальных факторах.

ДЕКАБРИЗМ КАК ЕДИНОЕ И СПЛОЧЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Одной из главных мифологем советского исторического нарратива после разгрома «школы Покровского» стало представление о декабристах как о едином и сплоченном движении. В дореволюционной историографии вопрос таким образом даже не ставился. Декабристы рассматривались в контексте развития общественного движения, для которого в этот период было характерно увлечение либерализмом. Так, в трудах Пыпина акцентировалось внимание на внутренней неустроенности тайных обществ, неопределенности целей и характера действий: «Как ни резки были случайные заявления некоторых членов общества, в нем не было никакого определенного плана: ни северное, ни южное общество, ни „соединенные славяне“ не были приготовлены ни к каким заранее условленным действиям, и особливо таким, какие означали конец общества. В Петербурге, в Москве, в южной армии

²¹³ Толстой А.Н. Полное собрание сочинений. Т. II: Пьесы. М.: Гослитиздат, 1949. С. 507–508.

²¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2354. Оп. 1. Д. 210. Л. 28.

²¹⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 20. Л. 1.

действия членов общества были отрывочны, бессвязны и свидетельствовали гораздо больше об их тревоге и растерянности, чем об исполнении какого-нибудь плана». Исследователь доказывал не только разность между «северянами» и «южанами», во многом связанную с «личными свойствами» лидеров, но и отсутствие единства внутри тайных обществ, собрания которых часто посещали люди, не разделявшие их идей²¹⁶. Герцен видел в декабризме эволюцию взглядов от конституционных и либеральных («в английском смысле») к более радикальным и республиканским, при этом выделяя на общем фоне Пестеля и признавал, что его предложения не находили всеобщей поддержки²¹⁷.

Для марксистских историков вопрос о единстве декабристов имел принципиальное значение, поскольку, обосновывая развитие революционного движения в России, требовалось доказать преемственность его этапов, легитимизирующую Октябрь 1917 г. и приход к власти большевиков. Исходные тезисы довольно четко прозвучали в дореволюционных трудах Ленина. В 1912 г. он писал: «Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной Воли“. Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом... Но это не была еще сама буря. Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян»²¹⁸. Спустя два года он более конкретно сформулировал свое видение развития «освободительного движения» в России: Оно «прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества... 1) период дворянский, примерно

²¹⁶ Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I: исторические очерки. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1885. С. 459, 469.

²¹⁷ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7: О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 194, 198–200.

²¹⁸ Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Сочинения. Т. XV: 1910–1912 / Под ред. В.В. Адоратского, В.М. Молотова, М.А. Савельева. М.; Л.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 468–469.

с 1825 по 1861 год; 2) разночинский, или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время. Самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы и Герцен... Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его „Колокол“ помогли пробуждению разночинцев»²¹⁹.

Таким образом, с точки зрения советских историков, в представлении Ленина декабристы являли собой первый и очень важный этап революционного движения, запустивший процесс борьбы против самодержавия и крепостничества, завершившийся социалистической революцией. И, будучи важной составной частью революционного движения, они не могли рассматриваться как аморфное объединение людей с различными взглядами, не имевших крепких убеждений. Это было именно движение, сплоченное общей революционной целью. Так появилась одна из главных советских мифологем декабризма, однако в 1920-е гг. она еще в полной мере не раскрылась в историческом нарративе. Во многом это объяснялось взглядами Покровского, который, как уже стало понятно в ходе анализа его «схемы», не разделял ленинский подход. В дореволюционных публикациях историк доказывал, что «огромное большинство членов не только Северного, но и Южного обществ придерживалось весьма умеренных взглядов»: «Петербургцы были убежденными монархистами... Что касается южан, то они тоже были гораздо правее Пестеля, и если они придерживались революционных мыслей, то исключительно под влиянием могучего и неотразимого авторитета Пестеля, спорить с которым у них не хватало духу». Проводя водораздел между «северянами» и «южанами», он подчеркивал, что и те и другие «усердно занимались прожектерством в области тактических средств, но ясной, определенно формулированной общей тактики так и не могли создать»²²⁰. В 1920-е гг., подкрепляя свои взгляды выдержками из декабристских проектов и материалов следствия, Покровский во все отказывал «северянам» в революционности, считая их крайне правой «типичной буржуазно-помещичьей группировкой», кото-

²¹⁹ Ленин В.И. Из прошлого рабочей печати в России // Ленин В.И. Сочинения. Т. XVII: 1913–1914 / Под ред. Н.И. Бухарина, В.М. Молотова, М.А. Савельева. М.; Л.: Партизdat, 1932. С. 341.

²²⁰ Левин К.Н., Покровский М.Н. Декабристы // История России в XIX веке. Т. 1: Дореформенная Россия (1800–1840). СПб.: А. и И. Гранат, [1907]. С. 82, 85.

рой противостояли две южные группы: крайне левые Соединенные славяне (истинные революционеры, демократы, атеисты) и более правое Южное общество (революционеры и демократы, стоявшие на мелкобуржуазных позициях). Между тем историк не решался оспаривать ленинское наследие и признавал, что в целом декабристы действительно являлись первыми борцами за свободу, а эта легенда, сформировавшаяся еще в период правления Николая I, культивировалась на протяжении всего XIX в. и вдохновляла последующих борцов с самодержавием. Именно в этом заключалось ее колossalное значение для развития революционного движения²²¹. Нечкина в 1920-е гг. также отталкивалась от тезиса о разобщенности движения: «Декабристы не представляют собой группы, спаянной одной революционной идеологией. Одни из них тесно связаны с прошлым дворянской России... Другиеглядят в будущее, их организации — зачатки грядущих движений»²²². Свою исследовательскую оптику она направила на Общество соединенных славян и организованное ими восстание Черниговского полка, поскольку видела в этой организации истинных революционеров, выделявшихся из общей массы декабристов.

В целом в 1920-е гг. ни историки-марксисты, ни представители «старой школы»²²³ не рассматривали декабристов как монолитную группу, сплоченную революционными идеями. Да и само понятие «движение» в отношении декабристов только к концу 1920-х гг. прочно вошло в научный лексикон, вытеснив термин «восстание». По всей видимости, такая ситуация была обусловлена обнародованием огромного массива архивного материала, в котором отражалась неоднородность декабризма, революционная несостоятельность Северного общества, политическая и идеологическая незрелость лидеров, не сумевших между собой договориться. Все это заставляло историков, основывавшихся на марксистских позициях, обратить взор на «юг» и призывать не преувеличивать роль «северян», «простоявших» восстание на Сенатской площади. Нельзя сказать, что попытки согласовать ленинскую схему развития революционного движения с имею-

²²¹ Подробнее см.: Покровский М.Н. Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. М.: Красная новь, 1924.

²²² Нечкина М.В. Общество соединенных славян. С. 5.

²²³ См., например: Пресняков А.Е. Восстание декабристов // Былое. 1925. № 5 (33). С. 8.

щимися конкретно-историческими материалами не предпринимались, однако добиться «успеха» на этом пути удалось лишь во второй половине 1930-х гг., когда начал создаваться образ единого фронта декабристов, а разногласия между тайными обществами и внутренние конфликты стали задвигаться на второй план, как не оказывавшие существенного влияния на общий ход нарастания революционных настроений.

В юбилейном кинематографе отсутствие единства среди декабристов нашло яркое отражение. В «Декабристиах», начиная от либретто до итоговой версии фильма, движение показывалось неоднородным. В Северном обществе, помимо явного либерала Трубецкого, показаны и другие «предатели», неготовые пойти на цареубийство: радикалам (Рылееву, Каховскому) противостояли умеренные (Трубецкой, Ростовцев), что на киноэкране подчеркивало героизм первых. Отметим, что Ростовцев не был показан в итоговой версии фильма, но он присутствовал в либретто в сцене собрания членов тайного общества на квартире у Рылеева, заявляя следующее: «Считаю заговор сей легкомысленным... замыслы цареубийства — преступными»²²⁴. В фильме также нашло отражение разграничение между Северным и Южным обществами. В то время как северные декабристы развлекались на балах, Пестель посещал заключенных в остроге. Показано, как главный либерал декабристов Трубецкой, по сути, единственный, кто противостоял идее установления республики, мотивировал это тем, что «мужикам» такое не подходит. Но несмотря на подобные взгляды, «северяне» избрали его диктатором.

В «С.В.Д.» лидер тайного общества генерал Вишневский организовывал собрания с такими же, как и он, напыщенными офицерами, среди которых выделялся только поручик Суханов, на одно из таких собраний рискнувший привести солдата, чтобы доказать, что весь полк поддержит декабристов. Вишневский сначала возмутился («кто пустил простого солдата»), но когда узнал, что рядовые на их стороне, то согласился даже пожать руку солдату, но только через платок. Данная сцена особо подчеркивала разрыв между либеральными декабристами и «не таким» Сухановым, который старался переубедить генерала изменить отношение к солдатам: «Нам они будут нужны, генерал. Револю-

ция не совершается только 19 офицерами». Когда Вишневского арестовали, как организатора восстания, то оказалось, что между ним и взявшим его под стражу генералом особенной разницы нет. Истинные герои «С.В.Д.» — это солдаты и Суханов, что выражается, в первую очередь, в их готовности идти до конца: при освобождении Вишневского последний останавливает Суханова от убийства стражника, просит обойтись «без крови», что самым негативным образом оказывается на судьбе восстания. Когда плененные после восстания солдаты готовились к побегу из тюрьмы, Суханов, избежавший ареста, узнал о засаде и сам сдался, чтобы предупредить товарищей. Все пленники выразили готовность идти на смерть под его руководством. Показательна также сцена, когда Вишневский попытался отговорить Суханова от вооруженного сопротивления в ходе побега, утверждая, что уже пролилось слишком много крови. Суханов одернул руку, понимая, что перед ним предатель революционного дела.

«ДВОРЯНСКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ»

Мифологема о «дворянских революционерах» напрямую проистекает из концепции Ленина о трех этапах развития революционного движения в России. И как уже стало понятно, она также не сразу утвердилась в историческом нарративе. Истоки появления мифа о революционерах-героях-жертвенниках традиционно ищут в публикациях Герцена, где он действительно называл декабристов первыми революционерами и первой «по-истине революционной оппозицией», появившейся в России, но все же распространял это далеко не на всех участников тайных обществ, указывая, что революционные идеи Пестеля значительно опережали свое время и не получили общей поддержки «друзей»²²⁵.

Еще до революции миф о жертвенности революционеров подвергли ревизии Левин и Покровский: «Революционность не только северян, но и южан шла вовсе не так далеко, как это принято думать». Основную массу декабристов они характеризо-

²²⁵ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7: О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 194, 196.

²²⁴ РГАЛИ. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

вали как трусливых людей, не имевших ни твердых убеждений, ни силы духа, что отчетливо проявилось во время дознания, когда они «с головой повышавали друг друга и проявили слишком мало самой простой человечности и порядочности». Впрочем, как и Герцен, они выделяли из общей среды Пестеля: «Только для одного из декабристов связь социальной и политической проблемы была ясна — и именно поэтому его и приходится поставить совершенно особняком в ряду его товарищей. То был П.И. Пестель... типичнейший якобинец по складу своего ума, по своему характеру и темпераменту». Хотя одним из «наиболее цельных революционеров» считали П.Г. Каховского, но и его изображали «обиженным самодержавием дворянином», неспособным понять «революционное настроение вообще»²²⁶.

Ленин же, напротив, в своих выступлениях и публикациях, развивая идею Герцена о первых революционерах, причисляет декабристов к «дворянским, помещичьим революционерам»²²⁷: именно они в истории освободительной борьбы впервые выдвинули лозунг республики и впервые открыто выступили в столице против самодержавного строя с политическими требованиями и оружием в руках. В этом и заключалась не только их революционность, но объективное историческое значение декабризма.

В историческом нарративе 1920-х гг. понятие «дворянские революционеры» практически не использовалось. У главного историка 1920-х гг. революционность декабризма вызывала большие сомнения. От своих прежних взглядов он не отказался и продолжал резко противопоставлять «либеральное» Северное общество «революционным» Южному обществу (мелкобуржуазному) и Обществу соединенных славян (демократическому). Вступив в дискуссию с Ольминским, вынесшим в публичное пространство вопрос, зачем вообще отмечать юбилей, Покровский подчеркнул, что тоже не считает события 14 декабря знаковыми, хотя отчасти празднование оправдывается тем, что на площади пролилась кровь солдат и «черни». Он предлагал пересмотреть юбилейную

²²⁶ Левин К.Н., Покровский М.Н. Декабристы // История России в XIX веке. Т.1: Дореформенная Россия (1800–1840). С. 85, 103–104, 113–114, 134.

²²⁷ Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Сочинения. Т. XV: 1910–1912 / Под ред. В.В. Адоратского, В.М. Молотова, М.А. Савельева. М.; Л.: Партиздан ЦК ВКП(б), 1937. С. 464, 468.

дату и перенести ее на 28 декабря (день «подлинно революционного» восстания Черниговского полка).

Нечкина и другие историки тоже не обосновывали революционность всего движения. Более того, существовала разноголосица в терминологии, характеризовавшей выступление декабристов. Его часто называли «заговором», «переворотом» (что подчеркивало малочисленность и закрытость и вызывало ассоциации с дворцовыми переворотами) либо «мятежом», «бунтом» (что отражало бессистемность, несогласованность, растерянность в самый решительный момент). В то время как понятие «революционности» подразумевало не только сплоченность и организованность движения, но и наличие широкой социально-политической программы (а не просто стремление к политическому перевороту). И уж совсем неуместной, с ленинской точки зрения, являлась характеристика декабристов как носителей либеральных идей, надеявшихся на реформаторский потенциал самодержавия, не желавших кровопролития и преследовавших узкословные интересы. Лишь к концу 1930-х гг. после полного отказа от идей Покровского в советской историографии и искусстве декабристов стали изображать не иначе как «дворянских революционеров», их выступление стало трактоваться как «военное восстание», в прошлое ушли идеологически неверные понятия «мятеж», «заговор» и т.п.

В юбилейных кинолентах революционность декабристов получила отражение, но опять же в разной интерпретации. Либретто оперы «Декабристы» начинается со сцены, которая пронизана революционными настроениями. Анненков и Лунин, сидя в парижском кафе, обсуждают положение дел в царской России. Лунин произносит: «В последний раз вдохни воздух очарования и свободы! А дальше — плац-парад, униженный поклон царю да кнут в казармах... Лишь смертью тирана, внезапным переворотом купим и счастье народа русского, и свое счастье!», Анненков отвечает: «Клянусь, Лунин! Клянусь моей любовью итти за тобой!», Лунин восклицает: «На цареубийство?..», и получает ответ: «Клянусь!..»²²⁸. К Лунину подходит старик-француз и, понимая, что перед ним русские офицеры, произносит: «Франция истекла

²²⁸ Толстой А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 11: Пьесы. С. 509.

кровью от войн императора. Лучшие погибли. Реакция отравляет нас отвратительным зловонием. Мы устали. Паруса революции разодраны в клочья. Человечество ждет новых вождей. Очередь за вами — русские». Узнав, что декабристы отправляются в Россию и планируют восстание, старик дает напутствие: «Закон естественный для каждого народа. Сначала власть духовная, попы — власть суеверия. Потом — помещики, бароны, феодалы — власть меча. И наконец, век индустрии. Век расслоения на классы и классовой борьбы. На рубеже сих трех эпох пылают революции. Запомните! Таков закон неумолимый человечества. Вы, русские, изжили две эпохи. Пред вами исступление, огонь и кровь Великой революции»²²⁹. В этой сцене прослеживаются, с одной стороны, тезис о влиянии идей Великой французской революции и Наполеоновских войн, а с другой — стремление вписать декабристов в мировую историю освободительной борьбы человечества.

Декабристы, узнав о кончине Александра I, приходят в ужас от того, что императором станет Николай²³⁰, и из этой мысли рождается план убийства престолонаследника и захвата власти. Сцена собрания членов тайного общества на квартире у Рылеева, когда обсуждались дальнейшие действия, насыщена революционной риторикой:

Бестужев: Великий князь Николай Павлович потерян хуже того. Седьмую ночь не спит. Не чает ни в ком поддержки. Решиться не может. Охвачен страхом...

Якубович: Труслив, как заяц, блудлив, как кошка...

Бестужев: Должны воспользоваться мы двусмысленным сим положением наследников престола.

Пущин: Сейчас иль никогда!

Анненков: Пред нами век гражданского мужества!

Кюхельбекер: Братья, ножны изломаны, и сабли спрятать нам нельзя, — вперед, во имя человечества!

Якубович: Убить обоих, как собак!

Каховский: Да здравствует республика!

Бестужев: Я предлагаю план действия. Мы Николаю не присягаем. Мы поднимаем гвардейские полки и послезавтра, четырнадцатого декабря, приводим их на площадь, к Сенату. Мы

назначаем диктатора и директорию. Мы объявляем созыв Земской Думы из представителей земли русской.

Трубецкой: А ежели неудача?

Бестужев: Разбиты будем — с войсками отступим к Новгороду и по пути поднимем военные поселения.

Пущин: Уничтожение самодержавия, освобождение крестьян и равенство перед законом граждан всех сословий — вот наше знамя.

Кюхельбекер: Подобно знамени трехцветному великой революции французской²³¹.

В этом обсуждении члены Северного общества изображены решительными борцами за республику, свободу и классовую справедливость, непоколебимо настроенными на уничтожение самодержавия. Иными словами, в либретто представлена революционность, в определенной степени укладывающаяся в ленинское представление о декабристах (хотя в черновике либретто в ходе обсуждения Анненков высказывается в поддержку Константина: «Император Константин, другого я не мыслю»²³²).

Немое кино не позволяло передать такие обширные диалоги, однако в фильме «Декабристы» удалось отразить поддержку большинством декабристов идеи республики. Кроме того, в эпилог сценария была помещена следующая фраза: «Наш скорбный труд не пропадет: из искры возгорится пламя»²³³. Эта цитата из стихотворения А.И. Одоевского «Ответ на послание А.С. Пушкина» (1827) в советской интерпретации символизировала преемственность революционной борьбы, где «искра» декабристов предвещала «пламя» Октябрьской революции. Тем самым обосновывался советский миф о декабристах как предшественниках большевиков и подчеркивалась связь с диалектическим материализмом.

В фильме «С.В.Д.», отражавшем события на юге, где наличие революционных настроений ни у кого не вызывало сомнений, в первых же титрах указывается на надвигающуюся бурю: «100 лет назад, когда в ожидании неизбежного мятежа...». С одной стороны, в этой фразе можно увидеть отголоски ленинского представления о развитии освободительного движения (хотя о неизбежности

²²⁹ Толстой А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 11: Пьесы. С. 528–529.

²³⁰ РГАЛИ. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 14. Л. 73.

²³¹ РГАЛИ. Ф. 2354. Оп. 1. Д. 210. Л. 34.

²³² Там же. С. 527.

потрясений писал не только Ленин), но с другой — употребление понятия «мятеж» не соответствовало идеологическому наполнению тезиса о революционности декабристов.

ДЕКАБРИСТЫ—ВЫРАЗИТЕЛИ НАРОДНЫХ ЧАЯНИЙ

Образ декабристов как выражателей народных чаяний начал формироваться еще в дореволюционной историографии. Так, Пыпин акцентировал внимание на том, что декабристы руководствовались «чувством общего блага», и это придавало нравственную силу их идеям («даже враги этих людей признавали... бескорыстие их мотивов»). В основе их идеологии лежали понятия «о более совершенном общественном устройстве, о требованиях общего блага, равноправности и свободы», а их программы предлагали давно назревшие преобразования «во всем механизме управления». Полемизируя с теми, кто упрекал декабристов в «легкомысленном увлечении западной либеральной модой», отсутствии «русских» (народных) корней, «полном безучастии народа», отмечал, что на первом плане у них стояло освобождение крестьян: «Трудно было бы требовать чего-нибудь более „русского“ и более „народного“». Что касалось «безучастности» народа, то, по мнению Пыпина, для 1820-х гг. это являлось вполне понятным и нормальным явлением, и не только потому что движение не было доступно и известно массам: народ не знал «умственной жизни» высших слоев общества и «не мог [раз]делить даже тех благих стремлений и желаний, которых предметом он был сам»²³⁴. Герцен, поддерживая тезис о глубокой нравственности и бескорыстности декабристов, также признавал бессознательность широких слоев населения. Он высоко оценивал талант Пестеля («пророк», предвосхитивший «развитие народных масс»), который впервые «задумал привлечь народ к участию в революции», но заблуждался: «ни друзья его не могли подготовить социальную революцию, ни народ — участвовать в общем деле с дворянством»²³⁵.

²³⁴ Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I: исторические очерки. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1885. С. 471, 473–474.

²³⁵ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7: О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. С. 200.

Совершенно иное видение представили в своей работе Левин и Покровский: «За исключением проекта Пестеля, крестьянская программа декабристов была довольно далека не только от идеала, но и от той скромной действительности, которую осуществила реформа 19 февраля»; в планах декабристов крестьянский вопрос не занимал «даже вообще выдающегося места»; «ниспровергая в корне политический строй крепостной России», в социальной области «старались сохранить все, что можно от старого строя» и жертвовали лишь «рабством в его наиболее грубой форме». Даже «наиболее цельный революционер» Каховский «шел на смерть 14 декабря» едва ли за права крестьянства и не скрывал этого: «Игра в „друга трудящихся масс“, так привычная для позднейших русских либералов, была совершенно чужда этому искреннему ициальному человеку». Между тем историки полагали, что, со слов самих декабристов (прежде всего, их воспоминаний), в исторической литературе сформировалась легенда, гласившая, что они «прежде всего были социальными эманципаторами», а 14 декабря стало «провозвестником 19 февраля», тогда как «на самом деле 19 февраля как раз вырвало почву из-под ног у той политической идеи, которую пытались внедрить в сознание русского общества деятели 14 декабря»²³⁶.

В свою очередь, Ленин особо подчеркивал, что декабристы были «страшно далеки от народа», но он не отказывал им в революционном патриотизме и национальном самосознании, в стремлении освободить страну от деспотизма и крепостнического гнета. Лидер большевиков прекрасно понимал сословную сущность движения и отразил это в понятии «дворянские революционеры»: они не только были революционерами, но и дворянами, помещиками, офицерами и не могли абстрагироваться от своего сословного происхождения, что выражалось в «классовой ограниченности» движения. Именно поэтому отсутствовала прямая связь с народом, а все предложения объединиться с массами вызывали отторжение. Они избрали единственно приемлемую для себя тактику — «военное восстание» в надежде установить «военную диктатуру». О массовом вооруженном восстании декабристы не могли даже помышлять, и это отличало их рево-

²³⁶ Левин К.Н., Покровский М.Н. Декабристы // История России в XIX веке. Т. 1: Дореформенная Россия (1800–1840). С. 99, 103, 108.

люционность от демократической пролетарской и крестьянской. Подчеркивая оторванность декабристов от народа, Ленин пытался показать постепенное и исторически обусловленное развитие революционного движения, которое сначала затронуло аристократию, не рассчитывавшую на массы, затем вовлекло более широкие слои разночинцев и интеллигенцию, и только на последнем этапе в борьбу включились крестьянство и пролетариат.

В историческом нарративе 1920-х гг. борьба декабристов против крепостничества, конечно, не отрицалась, однако трактовалась она с разных позиций. Покровский несколько изменил риторику, но в сущности его позиция не поменялась. Называя декабристов «носителями помещичьей идеологии» и «идеологии промышленного капитала», он уже отмечал, что ликвидация крепостного права — «основная черта декабристской программы», но при этом подчеркивал, что «освобождение крестьян» мыслилось ими «эгоистически»²³⁷. Выделяя революционные и нереволюционные течения в декабризме, он обосновывал буржуазность Северного общества, указывая, что даже самодержавие в 1861 г. оказалось щедрее по отношению к крестьянству, чем проект Конституции Н.М. Муравьева (более того, даже «надменный временщик» Аракчеев предлагал дать наделы крупнее). Следовательно, «северяне» не только не отражали народных чаяний, а стремились «полупролетаризировать крестьянство», преследуя интересы промышленного капитала. Мелкобуржуазное Южное общество не ставило целью освободить крестьян повыгоднее для помещиков, однако предлагало утопичный план национализации земли с выделением каждому крестьянину надела в пользование, но не в собственность. Только Общество соединенных славян он считал истинными демократами, имевшими непосредственные связи и поддержку в солдатской среде. Историк также упоминал, что декабристы боялись «всенародного восстания» и кровопролития и потому не стремились искать поддержку в массах. Как отмечала в конце 1930-х гг. Нечкина, такие взгляды Покровского, акцентирующие внимание на «корыстности» и «аристократичности» декабристов, в целом отражали его «пренебрежение» к дви-

жению²³⁸. Следует отметить, что и ряд других историков-марксистов (к примеру, Ольминский) имели схожие представления о декабристах, видя в них исключительно лиц, руководствовавшихся узкосословными, помещичьими интересами.

Сама Нечкина в 1920-е гг. не заостряла внимание на программных установках Северного и Южного обществ. Сосредоточившись на изучении Общества соединенных славян, она пыталаась не только доказать их демократичность, но и выдвинула тезис, что «тот революционер-разночинец, который начал свою славную историю с Чернышевского, в сущности уже намечался в лице Соединенных славян». Иными словами, она пыталась доказать появление уже в первой четверти XIX в. тех революционеров-разночинцев, которые, согласно Ленину, взяли революционную инициативу в пореформенный период: «Обществу Соединенных славян принадлежит этот первый разночинный подвиг»²³⁹.

Историки «старой школы», пытаясь приспособиться к новым веяниям в исторической науке, во многом повторяли идеи Покровского. Так, Пресняков, подчеркивая разобщенность тайных обществ в социальных и политических вопросах, выделяя буржуазно-либеральную настроенность «северян» освободить крестьян по инициативе помещиков без земли или с малым наделом и ограничить монархию представительством «землевладения и торгово-промышленного капитала» и «якобинско-демократические» предложения «южан» о коренной аграрной реформе, полном равенстве в гражданских и политических правах и республиканском устройстве государства²⁴⁰.

Таким образом, мифологема о декабристах, выражавших интересы народных масс, в первую очередь крестьян, в 1920-е гг. еще не закрепилась в историческом нарративе. Восприятие движения как народного, борьба декабристов за освобождение угнетенного населения, антикрепостническая идеяная основа программных документов — все это начало культивироваться только со второй половины 1930-х гг.

²³⁸ Нечкина М.В. Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: сборник статей. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 336.

²³⁹ Нечкина М.В. Общество соединенных славян. С. 8.

²⁴⁰ Пресняков А.Е. Восстание декабристов // Былое. 1925. № 5 (33). С. 8.

²³⁷ Покровский М.Н. Декабристы: сборник статей. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 12, 24.

В юбилейных кинолентах также прослеживается отношение декабристов к простому народу и его потребностям. В либретто оперы «Декабристы» главные герои довольно ясно выражают свои идеалистические взгляды: «Мы должны уничтожить тиранию, освободить народ от постыдного рабства и осветить наукой тьму невежества»²⁴¹. В то же время подчеркивается оторванность декабристов от народа. Так, Анненков, задумавшись о своей жизни с Полиной в Москве, рассуждает: «Я молод, счастлив. Мой день наполнен смехом, музыкой и умной нежностью Полины. Хочу я суety, — друзья к услугам, шумный свет. Да, если бы в стране аркадской в век золотой нам жить! Беспечно, бездумно. Равные среди счастливых. Но жить, заткнувши уши, зажмурясь, отгородясь глухими стенами, коврами, лелея счастье маленькое, личное... Нет, невозможно! Когда Полина целует меня, где-то миллионы женщин плачут безнадежно. Унынье, рабство, нищета! Россия, — на коленях подставившая спину батогам! А мы, в мундирах, с шифром палача, песенки поем французские, гордимся величием империи, кудрями дев играем беззаботно... Верные собаки тирана... Сие противно разуму... Честь продана и совесть опорочена»²⁴².

В фильме «Декабристы» озабоченность положением крестьянства раскрывается, в первую очередь, через фигуру Рылеева. В сцене, следующей сразу после пролога, Рылеев, находясь в своем имении, говорит матушке, что твердо решил дать их крестьянам вольную. Следующая сцена призвана оттенить исключительность подобного поведения в среде состоятельного дворянства: крестьянин с крестьянкой, принадлежавшие богатейшей помещице Анненковой, приходят к управляющему имением с просьбой их поженить. Однако управляющий, вместо того, чтобы дать согласие на свадьбу, нападает на невесту, пытаясь ее изнасиловать. Жених вынужден силой защищать возлюбленную. В итоге крестьян наказывают, а управляющему все сходит с рук. Рылеев, узнав о случившемся, решился встать на защиту «соседских» крестьян, и поехал к Анненковой, но та его просто выгнала.

Примечателен образ солдат и крестьян в финальной версии фильма: они не показаны единой «народной» массой. Так, 14 декабря солдаты колеблются, их убеждают в необходимости восстания, поскольку их обманули, и Константин на самом деле не отрекся. Параллельно с этой сценой показаны крестьяне на баррикадах, поддерживавшие восстание. Кроме прибывавших на площадь воинских частей, постепенно к восставшим стягивался «народ», и люди были готовы взять оружие из рук солдат, которые продолжали колебаться и медлить. Однако на этапе сценарной работы рассматривалась возможность подчеркнуть «народность» и «решительность» солдат посредством таких изречений, как: «Я Отечеству защита / Моя спина всегда избита»²⁴³.

В «С.В.Д.» главными революционными героями выступают поручик Суханов и солдатские массы. О близости к народу говорит сам Суханов в одной из первых сцен, заявляя, что не будет ловить «политического», так как «мы не полицейские крысы, а солдаты». Когда Суханов собирался арестовать авантюриста Медокса, последнему удалось убедить его отпустить, апеллируя к народным чаяниям: «Не губи меня... я изменился с тех пор, я теперь такой же друг народа, каким ты был тогда...» В сценарии «С.В.Д.» поручик назван «Сухиновым» и его принадлежность к народу обозначена довольно ясно: «Сухинов... сын крестьянина...»²⁴⁴. Известно, что прототипом главного героя являлся декабрист Сухинов, поручик Черниговского полка, который отнюдь не был выходцем из крестьянской среды. Можно предположить, что именно поэтому фамилии героя в сценарии и в итоговой версии фильма различаются.

Чтобы подчеркнуть «народность» главного героя, в сценарии предполагалось, что раненому Сухинову помогает крестьянин, несмотря на то, что поручик его предупреждает о грозящем ему наказании за помочь восставшим: «Сухинову помогает крестьянин... но последнему все равно, он ведет декабристов в избу»²⁴⁵. В сцене, когда солдатам сообщают, что от их имени присягнули царю Николаю, их удается заставить кричать «Ура!» только под угрозой расстрела. Кроме того, в сценарии показан простой

²⁴¹ Толстой А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 11: Пьесы. М.: С. 509.

²⁴² Там же. С. 526.

²⁴³ РГАЛИ. Ф. 2354. Оп. 1. Д. 210. Л. 28.

²⁴⁴ ЦГАЛИ. Ф. 257. Оп. 16. Д. 20. Л. 1.

²⁴⁵ Там же. Л. 28.

народ, явно выражавший поддержку восставшим: «Люди дают конвойным хлеб»²⁴⁶.

Организованность восстания 14 декабря

Действия декабристов накануне и в ходе восстания на Сенатской площади, как и в целом значение 14 декабря в истории движения, — вопросы, которые в историографии получали неоднозначные трактовки. В дореволюционной литературе доминировало представление об отсутствии организованности и подготовленности «северян» к выступлению. Так, Пыпин, употребляя в отношении событий 14 декабря понятия «происшествие» и «тревожная случайность», доказывал, что смерть Александра I стала декабристов врасплох, «и они в самую последнюю минуту колебались и не соглашались во мнениях». Единственное, в чем они были единодушны, — другого такого шанса не представится и нужно что-то предпринять: «Было поздно составлять какой-нибудь план, — они чувствовали, что их идеалам наставал конец, и среди общественного недоумения и беспомощности ими овладевала потребность какого-нибудь заявления своих давнишних стремлений и протестов: отчаяние увлекло их к действиям, которые стали их гибелью». Исследователь особо подчеркивал, что восстание 14 декабря не было «издавна решенным и обдуманным» планом, в нем было «много случайного и минутного», и потому «ошибочно выводить» из этих событий «заключение о всем характере тайного общества»²⁴⁷. Характеризуя психологическое состояние заговорщиков накануне и в ходе восстания, Пыпин в большей степени основывался на воспоминаниях декабристов и очевидцев, что, с одной стороны, добавляло романтизма описываемой картине, но с другой — в полной мере не раскрывало логику их действий.

В более резких тонах подготовку к восстанию описывали Левин и Покровский: «В сущности среди петербургских заговорщиков царил полный разброда. Заговорщики много говорили, нервничали, волновались, но никто из них не знал хорошо, ка-

²⁴⁶ ЦГАЛИ. Ф. 257. Оп. 16. Д. 20. Л. 35.

²⁴⁷ Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I: исторические очерки. С. 468–470.

ким силами располагает общество. Более того, они во время своих горячих дебатов никак не могли выработать общей тактики». Основываясь на материалах следствия, историки писали о «безнадежности заговора, задуманного без определенного плана, при крайне недостаточной организации его, не имевшей даже точного понятия о своих силах». Все это предопределило и поведение заговорщиков 14 декабря, когда большинство заняло «выжидательное положение» (а некоторые «попрятались», как Трубецкой), и итоги восстания²⁴⁸.

Герцен в своих публикациях акцентировал внимание не на конкретных событиях 14 декабря, а о значении восстания для развития революционного движения: «14 (26) декабря действительно открыло новую фазу нашего политического воспитания, и — что может показаться странным — причиной огромного влияния, которое приобрело это дело и которое сказалось на обществе больше, чем пропаганда, и больше, чем теории, было само восстание, геройское поведение заговорщиков на площади, на суде, в кандалах, перед лицом императора Николая, в сибирских рудниках». Более того, он обосновывал решающее влияние восстания на Сенатской площади на дальнейший политический курс Николая I: «Именно 14 декабря принудило правительство отбросить лицемerie и открыто провозгласить деспотизм»²⁴⁹. Ленин, упоминая о событиях 14 декабря, вслед за Герценом, видел в них огромное политическое значение, но подробно на этом вопросе не останавливался и не давал оценку поведению декабристов накануне и во время восстания. Для него первостепенную роль играл сам факт восстания в столице, который произвел неизгладимое впечатление на самодержавие и запустил цепочку событий, приведших к Октябрю 1917 г.

В 1920-е гг. ленинская оценка значения 14 декабря не получила обоснования в историческом нарративе. В связи с юбилеем Покровский вынужден был признать, что тогда в столице «было впервые поднято знамя восстания против царского самодержавия» (до этого случались восстания против «определенного царя, а не

²⁴⁸ Левин К.Н., Покровский М.Н. Декабристы // История России в XIX веке. Т. 1: Дореформенная Россия (1800–1840). С. 93, 96.

²⁴⁹ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7: О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. С. 200–201.

против царизма вообще»), но это, пожалуй, являлось единственным положительным моментом, который он видел. В остальном он отмечал «ультрапозорное» поведение «северян» в ходе и после восстания, боязнь «пальбы» и озабоченность тем, «как бы солдаты не начали стрелять», нежелание увидеть поддержку стекавшегося на площадь народа, который вел себя более решительно и активно, чем восставшие, бросая поленья и камни в сторону Николая и его войск. Руководители восстания не были революционерами и революции не желали, поэтому, «даже имея в руках оружие, им, в сущности, не воспользовались». Но гораздо важнее для Покровского было то, что «непосредственный моральный эффект восстания» оказался ничтожным: «И если воспоминание о пяти виселицах и сотнях каторжников Петровского завода оживляло в ряде поколений русской интеллигенции ненависть к самодержавию, то идею собственно вооруженного восстания декабристы скомпрометировали надолго». Такие взгляды, по сути, нивелировали положительную оценку восстания и вступали в явное противоречие с позицией Ленина²⁵⁰.

Более лояльный взгляд на события 14 декабря демонстрировали историки «старой школы», хотя и они продолжали акцентировать внимание на дезорганизации декабристов. Так, Пресняков подчеркивал, что руководители действовали наспех, лихорадочно: 13 декабря «в обсуждении плана действий не мало было колебаний и сказывалась определенная двойственность», когда заговорщики раскололись на два лагеря (Трубецкой, не веривший в возможность захвата власти, предлагал вооруженную демонстрацию и соглашение с правительством, а Рылеев и Бестужев настаивали на выводе войск на Сенатскую площадь и решительном ударе). Более чем слабая подготовка восстания помогла самодержавию одержать победу: «На его стороне оказались выигрыш времени и дезорганизация революционного центра, у восставших не было объединенных планомерных действий»²⁵¹. Подобный взгляд нашел отражение в либретто оперы «Декабристы», где показаны разногласия между декабристами в ходе обсуждения плана восстания (причем мнения заговорщиков расходились не только по поводу вывода войск, но и в вопросе о цареубийстве). В фильме «Дека-

бристы», где заговорщики очень много «заседали», все-таки показано планирование действий, а дезорганизация восстания связана с предательством и неготовностью Трубецкого. «Мы — без головы!», — восклицает Рылеев²⁵².

НИКОЛАЙ ПАЛКИН

В советском историческом нарративе доминировало представление о Николае I как о мстительном и жестоком тиране, душителе свободы, что во многом стало следствием восстания декабристов. Конечно, в дореволюционное время в российской печати появление такого образа было немыслимо, зато вольная русская печать не сдерживала себя в оценках эпохи и личности императора. Придуманное Герценом прозвище «Николай Палкин» как нельзя лучше отражало приписываемые ему черты, которые, пожалуй, наиболее емко сформулировал Сказин: «сухой формалист, человек мелочный, жестокий, недалекий, но чрезвычайно самонадеянный и самолюбивый»²⁵³. В историческом нарративе о движении декабристов 1920-х гг. император выступает именно в образе Николая Палкина, и по этому вопросу среди исследователей разногласий не возникало.

Как уже отмечалось ранее, в 1920-е гг. был обнародован большой массив архивных материалов, среди которых находятся весьма интересные для изучения процесса конструирования исторических мифов документы, касавшиеся действий Николая I в ходе и после восстания. Так, в «Красном архиве» были опубликованы выдержки из записок императора 1831 г., освещавшие события ночи с 14 на 15 декабря, когда допрашивали декабристов. Советские исследователи, понимая, что именно этот источник лег в основу «официальной» истории воцарения Николая I, пытались найти в нем доказательства «моральной» победы заговорщиков: «В моральном единоборстве с допрашиваемыми декабристами Николай нередко оказывался побежденным, и эту неприятную правду не могла закрыть ни от него самого, ни от других никакая ретушь, как бы густо ни накладывал ее в своем рассказе царствен-

²⁵⁰ Покровский М.Н. Декабристы: Сб. ст. С. 69, 82–83.

²⁵¹ Пресняков А.Е. Восстание декабристов // Былое. 1925. № 5 (33). С. 13–14, 19.

²⁵² РГАЛИ. Ф. 2354. Оп. 1. Д. 210. Л. 28.

²⁵³ Сказин Е.В. 14 декабря 1825 г. // Каторга и ссылка. 1925. № 8 (33). С. 66.

ный мемуарист». Публикуемые отрывки должны были раскрыть «подлинный характер николаевского расследования», развенчать миф о великодушии самодержца: «„Собственноручные записки“ сами достаточно выразительно изображают, как быстро соскачивала с него всякая игра в благородство, как сбивался он с тона и впадал в бешеную ярость, лишь только встречал со стороны своих „пленников“ дух независимости, сознание собственного достоинства и верность данному слову, как не прочь он был свести при случае личные счеты, как мало останавливался его следовательский азарт даже перед явной болезнью и физическими страданиями его жертв»²⁵⁴. Особое внимание следует обратить на записи, касавшиеся допроса Трубецкого:

«Призвав генерала Толя во свидетели нашего свидания, я велел ввести Трубецкого и приветствовал его сими словами:

— Вы должны быть известны об происходившем вчера. С тех пор многое объяснилось, и, к удивлению и сожалению моему, важные улики на вас существуют, что вы не только — участником заговора, но должны были им предводительствовать. Хочу вам дать возможность хоть несколько уменьшить степень вашего преступления добровольным признанием всего вам известного; тем вы дадите мне возможность пощадить вас, сколько возможно будет. Скажите, что вы знаете?

— Я невинен, я ничего не знаю, — отвечал он.

— Князь, опомнитесь и войдите в ваше положение: вы — преступник; я — ваш судья; улики на вас — положительные, ужасные и у меня в руках. Ваше отрицание не спасет вас; вы себя погубите — отвечайте, что вам известно?

— Повторю, я не виновен; ничего я не знаю.

Показывая ему конверт, сказал я:

— В последний раз, князь, скажите, что вы знаете, ничего не скрывая, или — вы невозвратно погибли. Отвечайте!

Он еще дерзче мне ответил:

— Я уже сказал, что ничего не знаю.

— Ежели так, — возразил я, показывая ему развернутый его руки текст, — так смотрите же, что это?

²⁵⁴ Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. / Публ. подгот. Б.Е. Сиро-ечковский // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 223.

Тогда он, как громом пораженный, упал к моим ногам в самом постыдном виде.

— Ступайте вон! Все с вами кончено! — сказал я, и генерал Толь начал ему допрос»²⁵⁵.

Доказательством мстительности и злопамятности императора должен был служить и отрывок из дневника академика А.В. Никитенко. Этот источник был хорошо известен историкам, однако в его дореволюционных изданиях находилось много цензурных пропусков, среди которых сюжет о декабристе В.С. Норове, характеризующий императора не с лучшей стороны. Судя по записям Никитенко, суровое наказание Норову, не участвовавшему в восстании, но знавшему многих его участников, являлось не более чем расплатой за «столкновение с великим князем Николаем Павловичем», имевшее место в начале 1820-х гг.²⁵⁶

В юбилейных кинолентах также показан образ Николая Палкина. В либретто оперы «Декабристы» заговорщики, узнав о смерти Александра I и нежелании Константина унаследовать трон, осознали, что престолонаследником станет Николай: «Ужасно! Тиран, душитель вольной мысли, прусский солдафон!»²⁵⁷. В сценарии фильма император демонстрирует декабристам мстительность и тиранничность: «Вы не имеете понятия о чести... В крепости я вас стгною»²⁵⁸. Однако в финальной версии фильма этот образ усилен, а кроме того, ярко представлены и другие члены императорской фамилии.

Пролог фильма акцентирует внимание на Александре I, который был хитер, обещал освободить народ от «самовластия», но делать этого не собирался и опасался за свою власть. Константин изображен маленьким, полноватым, с залысинами. Он истеричен и опасается, что «они» (видимо, двор) задушат его, как отца. Известие о смерти отца привело его в ужас, и он заявляет, что отрекся и никогда не будет императором. Николай же, напротив, высок, статен и держится достойно. Образцовый солдафон, сосредоточенный на вытянутом носке и поднесении ему солдатами стакана

²⁵⁵ Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. / Публ. подгот. Б.Е. Сиро-ечковский // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 225–226.

²⁵⁶ Декабрист В.С. Норов / Публ. подгот. С. Шестериков // Былое. 1925. № 2 (30). С. 87–89.

²⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 2642. Оп. 1. Д. 14. Л. 23.

²⁵⁸ Там же. Ф. 2354. Оп. 1. Д. 210. Л. 19.

на голове. Эта маска срывается с него только на допросе Трубецкого, и в данном случае показанное на экране любопытно сравнить с приведенными выше записками императора. В фильме Николай начинает кричать: «Мерзавец! Мундир замарал! Погоны долой!» После чего срывает с декабриста погоны, явно демонстрируя намерение его придушить, и отталкивает.

В противовес сцене с Трубецким, допрашивая Рылеева, император проявляет себя как весьма проницательный следователь и правитель. Смотря на этого декабриста (отчаянного романтика среди революционеров), говорит, что глаза у него честные и такие не лгут. Николай прямо заявляет, что сам мечтает о республике. И тогда Рылеев произносит пылкую речь, предвещающую революцию 1917 г.: «Я зрю сквозь целое столетие! Будет революция в России, БУДЕТ!» После этого Рылеев чуть не падает, а Николай заботливо усаживает его на стул и дает стакан воды. Прибегнув к такой хитрости, император обманул Рылеева, который начал рассказывать о тайном обществе, называя фамилии декабристов.

«С.В.Д.» не показывает фигуру императора, выводя на экраны только неоднозначный титр: «В столице полки Николая против полков Константина». Однако в сценарии к фильму присутствовало упоминание о мстительности взошедшего на престол Николая I: «Чуть не свергнутая власть не только карает... но и мстит»²⁵⁹.

РАСПРАВА НАД ДЕКАБРИСТАМИ

В советской историографии, в том числе 1920-х гг., особо подчеркивалась жестокость наказания, что рассматривалось как еще одно доказательство тирании и мстительности Николая I. Декабристы предстают в образе героев, чья жертва символизировала начало освободительной борьбы, что в целом перекликалось и с герценовским мифом. «С высоты своей виселицы эти люди пробудили душу у нового поколения; повязка спала с глаз», — писал Герцен²⁶⁰.

Официальная дореволюционная историография доказывала милосердие Николая I по отношению к декабристам: он «откло-

²⁵⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 20. Л. 106.

²⁶⁰ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 7: О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. С. 201.

нил от себя всякий приговор по делу пяти осужденных декабристов, поставленных верховным судом вне разрядов», следовательно, «казнь их — дело не его, а судей». Советские историки оспаривали этот взгляд. Так, Сыроечковский, публикуя документы, характеризовавшие поведение императора в дни казни, подчеркивал: «Разгром декабристов на Сенатской площади, их аресты и допросы, следствие и суд над ними и самую их казнь Николай I, как известно, сделал своим личным делом, и дело это он вел твердо и без колебаний к тому концу, который для него был предрешен в первые же мгновения после победы еще в ночь с 14 на 15 декабря, — к казни суровой и беспощадной, которая должна быть возмездием для „убийц“ и примером для других»²⁶¹. Обнародованные Сыроечковским письма императора свидетельствовали о том, что он не только стремился поскорее «расправиться» с руководителями восстания, но и занимался «разработкой в подробностях самого обряда казни и наряда войск к ее исполнению»²⁶².

Среди архивных материалов сохранилось немало документов, отражающих проправительственный взгляд, и в 1920-е гг. они также допускались к печати, что вовсе не следует воспринимать как стремление к плюрализму. Подобного рода свидетельства служили, скорее, доказательством слепого раболепия, что было свойственно, в первую очередь, чиновникам разного ранга. Так, в «Красном архиве» представлен рассказ о 14 декабря И.Я. Телешова, в 1825 г. служившего в Министерстве финансов. Из этого повествования следует, что, находясь на площади, Николай I проявлял себя как милостивый и добрый государь, отдававший «свои распоряжения с видом печальным, но с твердостью необыкновенно», тогда как окружавшая его свита «была в чрезвычайном смущении», все «движения» придворных «выражали не только скорбь, но даже отчаяние», а их «наружный вид» искусно и проворно менялся «по обстоятельствам»²⁶³.

Следует отметить, что «милосердный» приговор могло обеспечить заступничество высокопоставленных лиц. Ярким примером, на который в 1920-е гг. историки обратили особое вни-

²⁶¹ Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов / Публ. подгот. Б.Е. Сыроечковский // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 174–175.

²⁶² Там же. С. 175–176.

²⁶³ Рассказ И.Я. Телешова о 14 декабря 1825 года / Публ. подгот. Б.Е. Сыроечковский // Красный архив. 1925. Т. 13. С. 286–287.

мание, являлось поведение генерал-майора М.Ф. Орлова (брата генерал-адъютанта А.Ф. Орлова). Император его хорошо знал и на первом же допросе рассчитывал на чистосердечное раскаяние и помочь в следствии. В своих записках Николай I следующим образом описал этот разговор: «Других я допрашивал, его же прошу, как благородного человека, старого флигель-адъютанта покойного императора сказать мне откровенно, что знает. Он слушал меня с язвительной улыбкой, как бы насмехаясь надо мной, и отвечал, что ничего не знает, ибо никакого заговора не знал, не слышал, и потому и к нему принадлежать не мог; но что ежели бы и знал про него, то над ним бы смеялся как над глупостью. Все это было сказано с насмешливым тоном и выражением человека, слишком высоко стоящего, чтоб иначе отвечать, как из снисхождения. Дав ему договорить, я сказал ему, что он, по-видимому, страшно ошибается насчет нашего обоюдного положения, что не он снисходит отвечать мне, а я снисхожу к нему, обращаясь не как с преступником, а как с старым товарищем, и кончил сими словами: Прошу вас, Михаил Федорович, не заставьте меня изменить моего с вами обращения; отвечайте моему к вам доверию искренности. Тут он рассмеялся еще язвительнее и сказал мне: Разве общество под названием „Арзамас“ хотите вы узнать? Я отвечал ему весьма хладнокровно: До сих пор с вами говорил старый товарищ, теперь вам приказывает ваш государь; отвечайте прямо, что вам известно. Он прежним тоном повторил: Я уже сказал, что ничего не знаю и нечего мне рассказывать. Тогда я встал и сказал генералу Левашеву: Вы слышали? Принимайтесь же за ваше дело! — и — обратясь к Орлову — А между нами все кончено. С сим я ушел и более никогда его не видел»²⁶⁴.

Сыроечковский расценивал этот эпизод как моральную победу Орлова, которая ему дорого обошлась. Император, любивший «холопство» и не терпевший «сопротивления», «чувствовал себя задетым и уязвленным». Находясь под арестом, чтобы избежать сурогового наказания, генерал-майор начал искать помощи покровителей и изъявил желание оказать любое содействие в разоблачении виновных. Он буквально умолял Николая I о новой аудиенции, но тот более не захотел с ним встречаться и позволил

лишь дать письменные объяснения. «У меня и мысли нет щадить кого бы то ни было, даже самого себя, и я даю честное слово написать обо всем, что сохранилось в моей памяти», — заявлял Орлов в записке от 2 января 1826 г., адресованной генерал-адъютанту В.В. Левашову²⁶⁵. Все это позволило добиться наиболее мягкого приговора: исключение из службы и ссылка под надзор в деревню.

В юбилейных фильмах судьба восставших показана весьма символично. «Декабристы» демонстрируют казнь на фоне праздника императорского двора и фейерверков, при этом лицо Николая I пропускает сквозь кадры с виселицей. Герои «С.В.Д.» избегают казни и ссылки, но Суханов, освобождая своих соратников, умирает от пули, пущенной бесчестно в спину. Примечательно, что для зарубежной аудитории предлагался альтернативный финал, где Суханов спасается и на берегу озера встречается с возлюбленной Вишневской.

* * *

Юбилейная кампания 1925 г., посвященная 100-летию восстания декабристов, ознаменовала важный этап трансформации советского исторического нарратива о генезисе революционного движения в России. В отличие от дореволюционной «вольной» (оппозиционной) историографии, где декабристы изображались как жаждущие либеральных реформ романтические герои, советская историческая наука интегрировала их в марксистско-ленинскую генеалогию как первых революционеров, которые «боролись за новый, более прогрессивный экономический и политический строй», а восстание 14 декабря — как событие, обозначившее начало освободительного движения в России, завершившегося в октябре 1917 г. Однако наблюдавшиеся в 1920-е гг. в исторической науке процессы отражали стихийность творчества и идеологические противоречия между представителями «старой» школы, труды которых сохраняли налет «буржуазности», и историками-марксистами, пытавшимися развенчать либеральные мифы дореволюционной историографии. Разные формы искусства молодое советское государство воспринимало как мощные инстру-

²⁶⁴ Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. / Публ. подгот. Б.Е. Сыроечковский // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 231–232.

²⁶⁵ М.Ф. Орлов и 14 декабря / Публ. подгот. П.С. Попов // Красный архив. 1925. Т. 13. С. 148–150, 168.

менты политico-просветительской работы, которые, преломляя научные дискуссии и трансформируя советский исторический нарратив, должны были интегрировать в публичное пространство мемориализации идеологически правильный образ декабристов. Итоги юбилейной кампании, в первую очередь кинематографическое воплощение декабристов, отразили отсутствие «нarrативного» единства, показав, что, с одной стороны, многообразие исторического материала и идеологических платформ, на которых стояли создатели нарратива, позволяли частично адаптировать продукт под политический запрос, при этом сохранив определенную свободу творчества. С другой стороны, отсутствие консенсуса в научной среде в вопросах значения и стратегии презентации восстания декабристов не позволило и деятелям кино однозначно и быстро встроить декабристов в пантеон революционных героев.

В историческом нарративе 1920-х гг. консенсус удалось достичь лишь в одном вопросе, который касался презентации образа Николая I в качестве «Николая Палкина», мстительного тирана и душителя свободы. Этот образ, перекочевавший из дореволюционного герценовского мифа о декабристах, вполне однозначен и прослеживается во всех исторических исследованиях и кинематографе. Архивные публикации, такие как «собственоручные записки» Николая I, в представлении историков-марксистов являлись наилучшим свидетельством его злопамятности и жестокости: император не только мстил за 14 декабря, но и сам разрабатывал ритуал казни, видя в декабристах личных врагов. В фильме «Декабристы» император предстает хладнокровным интриганом, срывающим погоны с Трубецкого и обманывающим Рылеева, а в «С.В.Д.» его тирания подчеркнута посредством титров о «мстительном» характере самодержавной власти. Образ «Николая Палкина» отражал антимонархический акцент нарратива, а расправа над декабристами развивала миф о царе-душителе и жертвах тирании.

Почти не вызывала разногласий среди историков оценка событий 14 декабря. Признавая, что само по себе восстание в российской истории являлось первым актом сопротивления, направленным не против конкретного царя, а против самодержавного строя в принципе, историки не могли не упоминать о дезорганизации декабристов, слабой подготовке, отсутствии четкого плана действий и нерешительности. Иными словами, «героический акт»

фактически нивелировался изображением происходившего хаоса и разногласий среди руководителей восстания, и это нашло отражение в юбилейном кинематографе.

В 1920-е гг. мифологизация декабристов не преследовала цели отразить единство и сплоченность движения, что наблюдалось как в пространстве исторических исследований, так и в их презентации на экране. Попытки внедрить исторический материализм с учетом огромного массива обнародованных архивных материалов приводили лишь к углублению представлений о неоднородности движения. Наиболее ярко эта тенденция отразилась в трудах Покровского, отрицавшего революционность Северного общества как «буржуазно-помещичьего» и фокусировавшего внимание на радикальных течениях, в особенности на «демократических» Соединенных славянах. Нечкина пошла дальше своего учителя, развивая тезис о «революционерах-разночинцах» в обществе соединенных славян. Юбилейный кинематограф также подчеркивал классовые противоречия в среде декабристов, через образы Трубецкого и Рылеева в «Декабристах» и Суханова и Вишневского в «С.В.Д.».

Миф о декабристах как бескорыстных патриотах, выражавших народные чаяния и боровшихся за свободу и справедливость, сформировался еще до революции и культивировался Герценом. Такое представление поддерживал и Ленин, хотя при этом подчеркнул классовую ограниченность и оторванность от масс первых революционеров. В 1920-е гг. эту мифологему разделяли далеко не все, а Покровский прямо обвинял абсолютное большинство декабристов в эгоистичности, корыстности и подкреплял свои взгляды цитатами из программных документов движения, которые имели мало общего с интересами крестьянства. В юбилейных кинолентах также близость к простому человеку и понимание его тяжелого положения прослеживаются в поведении только отдельных героев, но не соотносятся с основной массой декабристов.

Таким образом, начиная с подготовки к 100-летнему юбилею советская власть приступила к формированию своей концепции, интегрируя декабристов в революционную генеалогию. При планировании юбилейных мероприятий предполагалось, что исторический нарратив станет одним из способов конструирования и трансляции «правильного» образа декабристов, однако сосуществование разных поколений историков, проявлявшееся в иде-

ологической разноголосице, обернулось несогласованностью и стихийностью юбилейного творчества. И все же, несмотря на относительный плюрализм в презентации декабризма, научные дискуссии 1920-х гг. заложили основу для советской «мифологии» декабристов в последующие десятилетия. Юбилейные мероприятия, в том числе постановки пьес и выпуск фильмов, способствовали трансформации исторического нарратива, которая, на фоне попыток отказаться от либеральных легенд и выработать новую концепцию в рамках марксистско-ленинской парадигмы, нередко оборачивалась элементарной адаптацией дореволюционных мифов. В то же время юбилейный кинематограф, культивируя героизм и жертвенность, закреплял в массовом сознании образ декабристов как борцов с самодержавием, что предвосхитило сталинскую унификацию исторического нарратива 1930-х гг., где их начали характеризовать как монолитное сообщество революционеров, открывшее первый этап освободительного движения в России.

Глава 7

«ГЕРОИ» И «АНТИГЕРОИ» В ИСТОРИИ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920–1930-Х ГГ.

O.A. Плех

Профессор Московского университета известный историк М.М. Богословский в дневнике за 8 марта 1917 г. отметил: «Переворот наш — не политический только, не революция июльская или февральская. Он захватит и потрясет все области жизни и социальный строй, и экономику, и науку, и искусство... В частности, наша русская история испытает толчок особенно сильно: новые современные вопросы пробудят новые интересы и при изучении прошлого, изменятся точки зрения, долго внимание будет привлекаться тем, что выдвинулось теперь, будут изучаться с особым напряжением революционные движения в прошлом. Позитивное, что сделано монархией, отступит на второй план. Надолго исчезнет спокойствие тона и беспристрастие¹. Как видно, еще задолго до октябрьских потрясений Богословский прозорливо смотрел в будущее и понимал, что историческую науку ждут глобальные перемены, которые не только зададут тон научным дискуссиям, но и напрямую отразятся на тематике исторических исследований. И в этом отношении в наиболее уязвимом положении оказалась история Российского государства первой половины XIX в.

До революции ученые только приступили к изучению этого периода. На рубеже XIX–XX вв. появились первые крупные публикации. Главным образом, это были результаты исследований официальных историографов, которые хотя и имели возможность работать с архивными материалами, но с большой осторожностью

¹ Богословский М.М. Дневники, 1913–1919: из собрания Государственного исторического музея. М.: Время, 2011. С. 322–323.

давали оценки эпохе и ее героям, не подвергая критике действия правительства и распоряжения верховной власти. В то же время уже существовала литература, отражавшая критический взгляд на предшествовавшие царствования и их итоги. В коллективной памяти всегда сохраняются самые яркие события и личности, и если Александровское время ассоциировалось с победой над Наполеоном, то правление Николая I началось с подавления восстания декабристов, а закончилось поражением в тяжелой Крымской войне 1853–1856 гг. На представления об эпохе накладывало отпечаток и то, что в период подготовки и проведения Великих реформ самое пристальное внимание было уделено недостаткам дореформенной системы государственного управления. В это же время «толстые» журналы начали активно публиковать многочисленные воспоминания, заметки, анекдоты, ярко характеризовавшие не только главных деятелей предшествовавшей эпохи, но и чиновников-взяточников и царивший на местах произвол. Все это привело к тому, что к началу революционных изменений в историографии, по сути, оформились два обособленно существовавших течения: одно представляло официальную трактовку событий, лишенную негативных оценочных суждений, где героями выступали царствующие лица и главные политические и военные деятели эпохи², другое, наоборот, отражая взгляды прогрессивно настроенных исследователей и публицистов, затрагивало «неудобные» для власти темы, акцентировало внимание на проблемах и противоречиях в правительственной политике, но не уходило дальше официальных изданий, также выделяя только главных действующих лиц эпохи³.

После установления советской власти в исторической науке интерес к периоду первой половины XIX в. был обусловлен в первую очередь тем, что в это время произошло восстание декабристов, которое ознаменовало собой начало освободительного движения в России. При этом не ставилось цели углубить пред-

² См., например: Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование: [в 4 т.]. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1897–1898; *Он же*. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование: [в 2 т.]. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903; *Он же*. Император Павел Первый: историко-биографический очерк. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1901.

³ См., например: История России в XIX веке. Т. 1: Дореформенная Россия (1800–1840). СПб.: А. и И. Гранат, [1907].

ставление об эпохе и всесторонне проанализировать развитие общества и государства. В 1920-е гг. наследие дореволюционных исследователей хотя и не было забыто, но историкам стало очевидно, что по прежним канонам работать больше не получится. Идеологи «новой» науки, призывавшие отказаться от старой «либерально-позитивистской историографии», как и молодые историки-марксисты, еще не вступали в открытую конфронтацию с представителями дореволюционных школ, а последние хоть и пытались подстроиться под изменившиеся обстоятельства, но все же сохраняли критический взгляд и, «по-новому» излагая многие сюжеты, демонстрировали прежние установки. Все это обусловило противоречивость периода, отразившуюся не только на тематике исследований и характере научных дискуссий, но и в изображении «героев» и «антигероев» в истории Российской империи первой половины XIX века.

В 1920-е гг. основной фокус исторической науки был направлен на изучение развития революционного движения, при этом исследователи не стремились к рассмотрению персонального вклада деятелей революционного движения, за исключением наиболее ярких личностей, каковых в первой половине XIX в. находилось крайне мало. По всей видимости, такой подход был продиктован позицией главного историка-марксиста М.Н. Покровского, который, как известно, выступал против исследования «исторических перемен» через «действия отдельных лиц»⁴. Что также можно трактовать и как борьбу с дореволюционной традицией изучения истории через «жизнеописание ее главнейших деятелей», когда эпоха оценивалась в неразрывной связи с биографией царя / императора. На призыв Покровского сосредоточить внимание на изучении социально-экономических факторов, оставил «личности в покое», отклинулись далеко не все⁵. И несмотря на то что «персональный состав» героев и антигероев первой половины XIX в. в историографии 1920-х гг. не выглядит внушительным, все же

⁴ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен: в 4 т. Т. 1. М.: Соцэкиз, 1933. С. 121.

⁵ Подробнее см.: Платт Кевин М.Ф. Репродукции травмы: сценарии русской национальной истории в 1930-е годы / Пер. с англ. Т. Вайзер // «Горький». URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/2/reprodukciya-travmy-scenarij-russkoj-nacionalnoj-istorii-v-1930-e-gody.html> (дата обращения: 19.09.2025).

можно выделить общие тенденции, характеризующие отношение к деятелям эпохи.

В 1920-е гг. активной разработкой истории революционного движения в России занимались «ветераны революции» — Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльнопоселенцев, считавшее своим долгом подготовку и издание библиографического словаря деятелей революционного движения в России. Члены Общества полагали, что без подобных трудов невозможна закладка «здания истории русского революционного движения». Летосчисление они вели в соответствии с ленинскими представлениями об этапах развития освободительного движения в России, начиная с восстания декабристов, не оставляя в стороне «Радищева и других борцов с царизмом — революционеров-одиночек». При этом издание словаря, с одной стороны, преследовало практические задачи (перед историком, принимающимся за изучение массовых революционных организаций, «где перед ним будут проходить тысячи революционеров», потребуется их «расставить на свои места»), но с другой — надеялось на интерес «у широких трудящихся масс, которые должны знать имена не только крупных деятелей русского революционного движения, но и тех до сих пор безыменных героев революции, которые, идя через тюрьму, катогру и ссылку, устилая своими трупами пройденный революционный долгий путь, готовили победу русских рабочих и крестьян»⁶. В этом члены Общества видели «восстановление исторической справедливости по отношению к этим безыменным героям русского революционного движения» и надеялись, что история сохранит их имена.

Следует отметить, что идею создания словаря впервые высказал в 1920 г. П.Е. Щеголев, полагая, что требуется подготовить многотомное издание, включающее том с биографиями декабристов и революционных деятелей николаевской эпохи. Поддерживая этот замысел, Общество пришло к выводу, что в полной мере не сможет его реализовать, поскольку историки только приступили к изучению архивов и еще не составили полных списков участ-

⁶ Деятели революционного движения в России: от предшественников декабристов до падения царизма: Библиографический словарь. Т. 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». Ч. 1: до 50-х гг. XIX в. / Сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1927. С. IX, XIII—XV.

ников революционных движений, в том числе «рядовых деятелей» (в частности, в исторической науке уже собраны сведения о «вождях» декабристов, но оставались неизвестны участники «из солдатских и матросских низов»). Поэтому целью подготовки издания стало создание «предварительного списка всех участников революционного движения, с краткими о них биографическими сведениями, с указанием главнейших источников для их изучения, независимо от удельного веса революционера в той или иной партии». В 1927 г. в свет вышла первая часть первого тома словаря, охватывающая период с конца XVIII до середины XIX в. В ней, по сути, нашел отражение список главных героев-революционеров («декабристов, их предшественников и немногочисленных революционеров так называемой „николаевской эпохи“»)⁷.

Общество политкаторжан, формируя полный список революционеров и собирая о них самую основную информацию, не стремилось выделить «главных» и «второстепенных» героев, считая, что о первых достаточно много написано и до революции, и после. В этом отношении весомый вклад внесла деятельность двух комиссий, созданных для подготовки 100-летнего юбилея декабристов (одна при Центрархиве, другая при Обществе политкаторжан), и издавших большой массив архивных материалов. Кроме того, в 1920-е гг. появился целый ряд публикаций, посвященных отдельным декабристам, при этом наибольшее внимание историков привлекала фигура П.И. Пестеля. Сам Покровский особо останавливался на его взглядах и деятельности. Неоднократно называя Пестеля «якобинцем», историк подчеркивал его обособленность среди декабристов, республиканские взгляды и стремление к союзу с народом: «Один Пестель видел, что русская революция, если ей сужден успех, будет не меньше, а больше „великой“ французской, и что ждать этого успеха нельзя, не заинтересовав в революции широчайших масс»⁸. Считая, что революционная решимость «южан» напрямую связана с деятельностью

⁷ Для словаря был разработан формуляр, включавший следующую информацию по каждой персоналии: фамилия, имя, отчество, национальность, дата и место рождения, социальное происхождение, образование, начало революционной деятельности, участие в революционной деятельности, приговор, дальнейшая судьба, дата смерти, библиография (Там же. С. XXII—XXIII).

⁸ Покровский М.Н. Предисловие к брошюре А.И. Герцена о декабристах // Покровский М.Н. Декабристы: Сб. ст. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 60.

Пестеля и его авторитетом среди декабристов, историки признавали утопичность его идей и стремление не допустить массового народного движения⁹. В разряд героев возводились также Рылеев и Каховский¹⁰, а в качестве антигероя выступал Трубецкой («не состоявшийся диктатор», «плохой революционер»). Однако следует отметить, что даже в отношении «предателей» революционного движения встречались попытки реабилитации. К примеру, Н.Ф. Лавров, соглашаясь с общим мнением, что Трубецкой не являлся революционером, призывал не торопиться обвинять его¹¹. Подобные взгляды, конечно, подвергались критике. В частности, М.В. Нечкина, похвалив исследователя за «щательно собранный материал», усомнилась, что представленная фактология способна опровергнуть устоявшийся взгляд («стоит ли посвящать несколько страниц вопросу, стоял ли Трубецкой на коленях перед Николаем I или нет»)¹².

Еще одной характерной чертой историографии 1920-х гг. стало стремление опровергнуть сформировавшиеся в дореволюционное время концепции, в особенности исходившие от официальных историографов. В первую очередь это касалось положительных образов царствующих особ. В исследованиях, касавшихся движения декабристов, главным «антигероем» выступал Николай I. Обнародованные в этот период архивные материалы, в первую очередь личного происхождения, по мнению советских историков, способствовали развенчанию официального «мифа» о его восшествии на престол. Так, в журнале «Красный архив» разместили переписку Николая I с московским военным генерал-губернатором Д.В. Голицыным и «записочку» к военному министру А.И. Татищеву. Публикаторы однозначно обозначили цель издания этих документов, которые, «не внося каких-либо существенно новых данных в историю декабрьского восстания», «лишний

⁹ См., например: Пресняков А.Е. Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов // Каторга и ссылка. 1925. №8 (21). С.62–64.

¹⁰ Дружинин Н.М. Кто были декабристы и за что они боролись? М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1925; Клевенский М.М. К.Ф. Рылеев. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925; Щеголев П.Е. Петр Григорьевич Каховский. М.: Альциона, 1919; и др.

¹¹ Лавров Н.Ф. Диктатор 14 декабря // Бунт декабристов: Юбилейный сборник, 1825–1925. Л.: Былое, 1926. С. 129–222.

¹² Нечкина М.В. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825–1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 243.

раз и достаточно ярко» охарактеризовали императора, «ставшего в дни декабря 1825 г. сыщиком и следователем, настойчиво выслеживающим нити и разветвления тайного общества»¹³. С этой же целью обнародовали его записи в дни казни декабристов («письма его к матери и к братьям и деловые записочки к начальнику его штаба бар[ону] Дибичу и другим помощникам по расправе с декабристами»), которые опровергали тезис, что он «отклонил от себя всякий приговор по делу пяти первых осужденных декабристов, поставленных верховным судом вне разрядов», и не имел отношения к их казни. Переписка же свидетельствовала, что «разгром декабристов на Сенатской площади, их аресты и допросы, следствие и суд над ними и самую их казнь Николай I... сделал своим личным делом, и дело это он вел твердо и без колебаний к тому концу, который для него был предрешен в первые же мгновения после победы еще в ночь с 14 на 15 декабря, — к казни суровой и беспощадной, которая должна быть возмездием для „убийц“ и примером для других».

Публикаторы старались доказать, что, хотя императору и хотелось поскорее расправиться с бунтарями, он вынужден был «проделать комедию „суда“» (не получившему никакой самостоятельности в решении участи «пяти первых подсудимых») и «ждать целых семь месяцев». На протяжении этого времени он и его близкие «жили в непрерывном и все нарастающем нервном напряжении», однако благодаря полному одобрению и поддержке семьи, придворной и сановной среды Николай I был настроен решительно: «Ни разу не поколеблясь, вел все дело к намеченной развязке и готовил психологически к ней и себя, и все „общество“»¹⁴. Кроме того, «подлый характер николаевского расследования» раскрывали собственноручные записки императора, где нашли отражение проводимые им допросы (даже спустя годы Николай I раздражался и начинал неприлично браниться, когда речь заходила о декабристах, поскольку в ходе допросов проиграл декабристам им «в моральном единоборстве»)¹⁵.

¹³ Из переписки Николая I в декабре 1825 года // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 241.

¹⁴ Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов // Красный архив. 1926. Т. 4. С. 174–175.

¹⁵ Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 222.

Весьма любопытной выглядит публикация заметок Н.К. Шильдера¹⁶, обнаруженных на полях книги М.А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I»¹⁷. По мнению публикатора Е.В. Сказина, замечания, сделанные одним из главных дореволюционных историографов, как нельзя лучше доказывали несостоятельность официальной версии воцарения Николая I (изложенной в книге Корфа). Часть этих записей характеризовала личность императора («да он всю жизнь только и требовал формы»; «Николай отказывался от престола, потому что не верил, чтобы Константин Павлович отказался от такого лакомого куска»; «лукав и находчив»; «опять закобянился»). Многие действия Николая I во время и после восстания на Сенатской площади историк объяснял трусостью. Отметил, что «все его ненавидели», из-за чего он был подозрителен, недоверчив и установил «полицейский» режим. По мнению Шильдера, император в полной мере осознавал, что давал приказ «стрелять в невинных солдат», а относительно тех, кто побежал «вдоль Крюкова канала», уточнил, что стреляли еще и «в тыл». Рассказ о «великодушном прощении» солдат прокомментировал так: «Прощены, т. е. сосланы на Кавказ». Историк акцентировал внимание на многих сюжетах, представленных Корфом в искаженном виде, отметил и случаи откровенного «вранья» (к примеру, Корф писал о «толпе народа», бежавшей с криками: «Ура, Константин!», Шильдер же отметил, что «ни одна душа не кричала»). Кроме того, он явно сомневался в истинности утверждения, что восстание — дело рук «горсти молодых безумцев», а в завершение написал, что Николай I «отправился».

Отдельные замечания относительно личности Николая I можно найти во многих публикациях, и все они, по сути, повторяли характеристики, сформулированные еще А.И. Герценом. Император часто нарекался Палкиным, характеризовался как жандарм, стремившийся запугать и контролировать всех. При этом отдельные историки признавали его одним из сильнейших Романовых, ставя в один ряд с Петром I, полагая, что он и сам был

¹⁶ Заметки Н.К. Шильдера о восстании 14 декабря и имп. Николае I / Публ. подгот. Е.В. Сказин // Каторга и ссылка. 1925. №2 (15). С. 148–153.

¹⁷ Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I-го. СПб.: Тип. 2 Отд. С.Е.И.В.К., 1857.

в этом искренне убежден¹⁸. Исследователи сходились во мнении, что «кровавое» начало правления наложило отпечаток на все тридцатилетие, а «смерть Николая I вызвала вздох облегчения даже в тех кругах общества, которые были, казалось, преданы столу»¹⁹. При этом в научной литературе не единожды озвучивался тезис о самоубийстве императора из-за постыдного проигрыша в войне²⁰.

Среди всех публикаций 1920-х гг. особое внимание привлекает труд А.Е. Преснякова «Апогей самодержавия», в котором автор попытался дать более взвешенную оценку и личности, и царствованию Николая I. Будучи историком «старой школы» и во многом следя дореволюционным традициям, через жизнеописание императора он представил свое видение эпохи. Новизна же его исследования заключалась в стремлении проанализировать факторы, повлиявшие на формирование мировоззрения самодержца, и составить его психологический портрет. При этом Пресняков не преследовал цель «раскрасить» образ Николая Палкина и даже ни разу не упомянул это прозвище. Он задался вопросом, почему в период, когда «на Западе государственный строй принимал новые конституционные формы», в России наступил «расцвет самодержавия в самых крайних проявлениях его фактического властowania и принципиальной идеологии». И ответ на этот вопрос историк видел в «цельной фигуре Николая I», цельной «в своем мировоззрении, в своем выдержанном, последовательном поведении». Рассматривая личность самодержца с опорой на данный тезис, он выяснил многие факторы, которые поддерживаются и развиваются в современных исторических исследованиях. В частности, упоминая о «солидном» военном образовании Николая, отметил его нелюбовь к «отвлеченностям» и пробелы в юридических и политических знаниях, указал на неприязнь к «распущенности» и полной интриг придворной жизни и привитые с детства «немецкий» формализм, воинскую дисциплину, стремление к порядку, идею служебного долга и религиозно-нравственные представления. После

¹⁸ См.: Банкке С. Петровская реформа в освещении С.М. Соловьева // Историк-марксист. 1929. № 13. С. 138.

¹⁹ Московские настроения в марте 1855 года (по неизданным материалам архива П.А. Кулиша) // Былое. 1925. № 4 (32). С. 163.

²⁰ Банкке С. Петровская реформа в освещении С.М. Соловьева // Историк-марксист. 1929. № 13. С. 138.

воцарения Николай I относился «к власти как к врученному ему судьбой „залогу“, который он должен хранить, беречь, укреплять и передать в целости сыну-преемнику». И это убеждение сформировалось из-за того, «что императорская власть свалилась на него неожиданно». Хотя Пресняков был искренне убежден, что в действительности он заранее знал, каким образом решен вопрос о престолонаследии, но сознательно убеждал всех в обратном и «частым повторением этой легенды» довел даже себя до того, «что почти ей поверил»²¹. Так или иначе, но желание сохранить «в полной неприкосновенности» самодержавие стало «долгом» и тяжким бременем. Ему приходилось считаться с мнением братьев («не мог отрицать за ними права на некоторое соучастие во власти»). При этом Пресняков особо акцентировал внимание на довольно сложных отношениях с Константином, который настаивал на продолжении политики Александра I и противился реформам.

Историк не мог не коснуться влияния восстания декабристов на политический курс самодержца, но попытался сохранить объективность и выяснил противоречивость этого влияния. С одной стороны, восстание поразило Николая, углубило недоверие к элите и дворянству, продемонстрировало «распущенность» в военной среде, породило стремление «навести порядок» в государственном управлении, с другой — заставило его задуматься о причинах произошедшего и убедило в необходимости преобразований: «характеристика положения государства», составленная из показаний декабристов, «была постоянно под рукой у Николая, и он часто ее просматривал». Однако в силу своего мировоззрения император полагал, что перемены должны происходить «путем постепенных усовершенствований существующего порядка мерами правительства», а «все общественные классы должны склониться в полном доверии перед императорской властью и содействовать, по мере сил, не за страх только, а за совесть осуществлению ее национально-консервативной программы». Уверенность в правоте намеченного курса внушали последние годы царствования старшего брата, отказавшегося от «либеральных мечтаний».

Все это нашло непосредственное отражение в политике, когда реформы проводились, но только самые необходимые и не

затрагивавшие основы устоявшегося порядка, им предшествовала длительная подготовка, а сами нововведения «осуществлялись обычно в виде опыта в какой-нибудь области государства» и только после этого распространялись на всю территорию. При этом Николай I как истинный самодержец «решение всегда оставлял за собой», «затрачивал много труда и времени на дела государственного управления и стремился лично и деятельно руководить им». По сути, механизм функционирования верховной власти сводился к «ручному управлению»: «Николай считал управление по личной воле и личным воззрениям — прямым долгом самодержца. Вопросы общие и частные, дела государственной важности и судьбы отдельных лиц — сплошь и рядом зависели от личного усмотрения и настроения государя, который в своих резолюциях иногда руководствовался законными основаниями, а чаще своим личным мнением, полагая, „что лучшая теория права есть добрая нравственность“»²².

В целом труд Преснякова демонстрирует довольно сочувственный взгляд на Николая I, который вовсе не похож на невежественного солдафона, отличавшегося жестокостью и мстительностью. Более того, его образ кажется даже положительным на фоне характеристики братьев Константина и Михаила, для которых был свойственен «тяжелый, неуравновешенный нрав, мелочный формализм и порывы грубой раздражительности». По мнению Преснякова, Николай был «более уравновешен», хотя тоже мог раздражаться и «терялся в отчаянии от неудач — и тогда малодушно жаловался, даже плакал». Однако в контексте проведенного исследования, где император показан, в первую очередь, как человек (с внутренними противоречиями, сильными и слабыми сторонами), истинные мотивы его поведения и выбранный политический курс выглядят вполне обусловленными объективными обстоятельствами: «Его образ как императора казался цельным в своем мировоззрении и политическом поведении, потому что он — выдержаный в определенном стиле тип самодержца. Но это — типичность не человека, а исторической роли, которая не легко ему давалась»²³.

В 1920-е гг. Пресняков также опубликовал работу, посвященную Александру I. Историк попытался сохранять объективность

²¹ Пресняков А.Е. Апогей самодержавия: Николай I. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925. С. 3–4, 10–14.

²² Пресняков А.Е. Апогей самодержавия: Николай I. С. 36, 40, 43–46, 88.

²³ Там же. С. 88–89.

при характеристике и этого императора, рассматривая его царствование с учетом «индивидуальной психологии». Историк полагал, что Александр I – «подлинно „историческая“ личность, т.е. типичная для своего времени, чутко и нервно отразившая в себе и силу сложившихся традиций, и нараставшую борьбу разнородных тенденций и интересов, общий эмоциональный тон эпохи и ее идеологические течения». В историографии император, как правило, изображался как «крайне неустойчивая, путаная и противоречивая» личность, но Пресняков исходил из того, что его «личная психология» гораздо глубже и сложнее. Самодержец являлся «человеком „принципиальным“ и ожидавшим от сотрудников разумения его „идеи“, ее разработки в проектах и выполнения в мероприятиях», но это была «только одна, притом формальная сторона его типа», за которой скрывалась «сложная человеческая натура, определившаяся в отношении к жизни и к людям при очень своеобразных условиях воспитания и восприятия окружающей действительности»²⁴.

Историк доказывал, что мировоззрение Александра I сформировалось под влиянием двух противоположных школ, «Екатерины и Павла, Лагарпа и Аракчеева». Но эти, казалось бы, не сочетаемые идейные платформы в его психике «слились органически» и представляли собой «идеологическую цельность», и именно этим объясняются «противоречия» как в характере, так и в деятельности императора. Он, как и многие деятели его эпохи, был восприимчив «к различным течениям жизни, мысли и настроений, традиций иисканий» и демонстрировал «удивительное смешение принципов, круговорот разнородных интересов, с постояннымисканием их компромиссного синтеза, но без цельного увлечения и без сильной воли» (что проявлялось не только в публичной, но и в частной жизни). В отличие от Николая I, «никакой устойчивой, выдержанной основы» в Александре I не просматривалось, зато ярко выделялись самолюбие, недоверчивость, лицемерие, мелочная подозрительность, интриганство. Все это позволяло ему умело пользоваться «министрами и другими сотрудниками, все направлять и все решать самому». Кроме того, на его личности и деятельности непосредственно отразились события 11 марта 1801 г., поскольку он сам был участником заговора

против отца и «принял его кровавый исход»: «Эти воспоминания входили в его политические расчеты, влияли на оценку им людей и положений»²⁵. Личностный кризис, который настиг императора в последние годы, проявился в «глубокой утомленности жизнью» и осознании «непосильности для него огромной роли, какая выпала ему на долю». Он разочаровался в либерализме, отрекся от своих взглядов и «религиозно-просветительной идеологии», отказался от реформ и развернул правительство к национально-консервативным началам. «Моральная депрессия» оказалась настолько глубока, что «он готов был откладывать и требовавшие решимости действия до времени, когда не ему придется их совершать».

Труды Преснякова, как и публикации других советских историков 1920-х гг., отражали стремление дать психологические характеристики самодержцам и акцентировать внимание на сюжетах, которые официальная дореволюционная историография замалчивала. Пожалуй, наиболее красочные портреты императоров, наполненные множеством детальных описаний умонастроений, переживаний и дополненные яркими диалогами, представил литератор Г.И. Чулков. Позиционируя себя не историком, а «портретистом и психологом», автор попытался раскрыть «внутреннюю трагикомедию павшей монархии» и в изложении фактов отразить «точку зрения самих царей»: «Наступило время, когда мы можем писать не только страстные памфлеты против поверженных монархов, но и спокойно зарисовывать их личины»²⁶.

Среди периодических изданий публикации, непосредственно посвященные российским императорам, появились в журнале «Былое». Их автором являлся Н.Н. Фирсов, которого следует относить к историкам «старой» школы, однако его взгляды вовсе не были пропитаны симпатиями к Романовым. Петр III изображен слабовольным алкоголиком, Екатерина II — женщиной великой хитрости, но еще более великой распущенности, Павел I — с детства страдающим душевной неуравновешенностью, а под конец жизни — настоящей душевной болезнью: «Брачный союз двух маний, солдатомании (в лице Петра III) и эротомании (в лице Екатерины), разумеется, не обещал для потомства полного психиче-

²⁴ Пресняков А.Е. Александр I. Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1924. С. 6, 28–29.

²⁵ Пресняков А.Е. Александр I. С. 55, 181–185.

²⁶ Чулков Г.И. Императоры: Психологические портреты. М.; Л.: Госиздат, 1928. С. 4.

ского здоровья». Супруга Павла I (Мария Федоровна) хотя и не страдала психическими расстройствами, но выделялась «тупостью мысли и узостью умственных представлений». Такая отягощенная наследственность выпала на долю Александра I: оказались гены по материнской линии («глубоко-эгоистическая сентиментальность при умственной ограниченности»). Он хотя и не унаследовал от отца душевную болезнь, но был подвержен минутному впечатлению и впадал в разные противоречия с самим собой. Кроме того, как и бабушка, умел приспосабливаться к обстоятельствам, плывя по течению, хитрил направо и налево. Соответственно, в таком ключе характеризовалась и его деятельность на престоле: следовал не интересам страны, а своим собственным, был слишком слабовольным. Фирсов уделил внимание тому обстоятельству, что император знал о декабристах, но ничего не предпринял и объяснил это выжидательной позицией, нежеланием что-то делать и стремлением остаться человеком на троне. При всем этом Фирсов полагал, что Александр I в действительности являлся добродушным и порядочным («природная мягкость в соединении с либеральной закваской лагарповского воспитания»)²⁷.

В целом как непосредственный предмет исследования личности самодержцев мало привлекали внимание историков, несмотря на то, что практически каждая публикация 1920-х гг. сопровождалась негативными оценками самодержавия и крепостнических порядков. Павел I и Александр I упоминались гораздо реже, чем Николай I, но также обычно выступали в качестве антигероев.

С конца 1920-х гг. дискуссии в исторической науке начали постепенно сворачиваться под эгидой того, что окрепшему советскому государству уже нужны исследователи, не просто признающие советскую власть, но принимающие непосредственное участие в строительстве социализма²⁸. И в этом отношении марксистско-ленинский взгляд не терпел противоречий и «инаковой» позиции относительно общего курса истории, в особенности наиболее чувствительной революционной тематики. В 1930-е гг. под влиянием идеологических установок происходила консолидация сообщества историков-марксистов, обернувшаяся открытой борьбой против «буржуазного мировоззрения» в научной истори-

ческой литературе и приведшая к появлению в конце десятилетия единственную «правильной» трактовки истории Российской империи и оценки ее главных действующих лиц (которая ярко запечатлена в официальных учебных изданиях конца 1930-х гг.).

Обратившись к содержанию «Краткого курса» истории ВКП(б), можно увидеть, что он ведет летопись событий с 1883 г. Относительно дореформенной эпохи отмечалось лишь то, что до 1860-х гг. в «царской» России преобладало крепостническое хозяйство дворян-помещиков с низкопроизводительным подневольным трудом, насчитывалось очень мало фабрик и заводов, а также то, что «царское правительство» было вынуждено отменить крепостное право, поскольку потерпело тяжелое поражение в Крымской войне и было «запугано крестьянскими „бунтами“ против помещиков»²⁹. Никакие персоны в связи с этим не упоминаются.

В школьном учебнике России, вышедшем в 1937 г. под редакцией А.В. Шестакова, история России первой половины XIX в. изложена кратко и схематично, но, несмотря на это, официальный взгляд на эпоху и ее героев прослеживается довольно четко. Во-первых, государство этого периода именуется «царская Россия», а в отношении всех правителей употребляется только понятие «царь» (в отличие от европейских империй, чьи правители именуются императорами). Эта особенно бросается в глаза, учитывая, что в предыдущем разделе, где представлена история XVIII в., Петр I и Екатерина II (и другие правители XVIII в.) авторами «удостоены» титула «император». В современной науке понятия «император» и «царь» (а также их употребление применительно к Российскому государству) трактуются неоднозначно, и многие исследователи склонны воспринимать их как синонимы, однако в случае с советским учебником, скорее всего, избегание императорского титула отражало стремление подчеркнуть феодальный деспотизм крепостнического самодержавия и отмечавший отсталую Россию от более прогрессивной Европы, которую сотрясали революции.

Во-вторых, Павел I, Александр I и Николай I показаны правителями, проводившими последовательную империалистиче-

²⁷ Фирсов Н.Н. Александр Первый // Былое. 1923. № 22. С. 3.

²⁸ Подробнее см.: Вайнштейн О.Л. Становление советской исторической науки (20-е годы) // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 32–47.

²⁹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). [М.] : Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. С. 5.

скую и реакционную политику, нацеленную, с одной стороны, на захват новых территорий (Грузия, Финляндия, Бессарабия, Кавказ), а с другой – на подавление недовольства угнетенным положением внутри страны и сохранение крепостнических порядков.

В-третьих, эпоха показана через борьбу с европейскими революционными движениями, и политика российских «царей» характеризуется преемственностью в стремлении не допустить распространения революционных идей и развития революционной ситуации.

В-четвертых, авторы учебника не охарактеризовали личности Павла I и Александра I (за исключением упоминания, что «Александр I принимал участие в заговоре против отца»³⁰), зато особое внимание уделили «жандарму Европы» Николаю I. Представленный образ в полной мере соответствовал прозвищу Николай Палкин: невежественный солдафон, установивший жестокую палочную дисциплину в стране («за всем населением был установлен тщательный надзор», «по малейшему подозрению, по непроверенному доносу людей арестовывали», «управлял Россией через дворян-чиновников, среди которых было много взяточников и казнокрадов», «при нем были солдат, крестьян, арестованных, были тех, кто шел против помещиков и царя», «были розгами, плетьюми, кнутами, палками», «крестьян заставляли еще больше работать на помещика», «у них отнимали всю землю», «крестьяне не выдерживали такой каторжной жизни и восставали против произвола крепостников»³¹). Особую жестокость Николай I проявил, расправляясь с декабристами.

В-пятых, особое вниманиеделено декабристам, причем их общая характеристика укладывалась в сформулированную Нечкиной ленинскую концепцию³²: «Восставших в декабре 1825 года дворян-революционеров стали называть декабристами. Их было немного, и они не были связаны с народом. Но декабристы первые организованно и открыто выступили с оружием в руках против самодержавия в самой царской столице. Их дело не погибло. Его продолжали следующие поколения революционеров». При

³⁰ Краткий курс истории СССР: Учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А.В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1937. С. 79.

³¹ Там же. С. 85–87.

³² См. главу 6. Декабристы в советском историческом нарративе: от научных дискуссий к кинематографу (1920-е гг.).

этом показана разница между тайными обществами «дворянских революционеров»: члены Северного общества хотели уничтожить крепостное право, «но почти всю землю решили оставить помещикам» и сохранить царя, признавая «нужным ограничить его власть»; глава Южного общества Пестель хотел не только дать крестьянам свободу и землю, но и установить в России республику, предлагая убить царя и его семью. Любопытно, что совершенно не упомянуто наиболее демократичное и революционно настроенное Общество Соединенных славян, а восстание Черниговского полка приписано к заслугам «южан». В учебнике подчеркивалось, что после восстания «в Сибирь было сослано более 100 офицеров-заговорщиков», при этом декабристы представлены общей «массой», из которой удостоены упоминания лишь один антигерой — Трубецкой (который 14 декабря «струсил и на площадь не явился») и «пять главных руководителей»: Пестель, Рылеев, Кауховский, Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин. Несмотря на то что казненные офицеры изображены героями, из них выделен только Пестель, который был «образованным и смелым» и его идеями руководствовалось Южное общество. Об остальных практически ничего не сказано, за исключением того, что Рылеев являлся «другом Пушкина», а Кауховский убил генерал-губернатора. Между тем в качестве героев восстания на Сенатской площади показан народ («крепостные, мастеровые, рабочие-строители»), который кидал «поленьями и камнями в солдат, оставшихся на стороне Николая», но тут же подчеркнуто, что «дворяне-революционеры побоялись воспользоваться их помощью»³³.

В-шестых, авторы учебника акцентировали внимание на том, что «в царстве жандармов и чиновников» (то есть в николаевское время), несмотря на «невыносимо тяжелую» жизнь, находились герои, выражавшие в своем творчестве протест против крепостничества и самодержавия. В качестве таковых названы «создавший русскую литературу» Пушкин, «заклеймивший» убивших Пушкина «придворных паразитов» Лермонтов, описавший «господство и произвол чиновников Николая I» Гоголь, «затравленный жандармами» критик-революционер Белинский, «народный» композитор Глинка, украинский поэт-революционер Шевчен-

³³ Краткий курс истории СССР: Учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А.В. Шестакова. С. 82–85.

ко, с которым «жестоко расправился Николай I», и, конечно же, буржуазно-демократический революционер и писатель Герцен, решительно выступивший «против крепостного права и царского произвола» и позднее вместе «со своим другом Огаревым» за границей издававший журнал «Колокол». Упоминание этих героев сопровождалось пусты и краткой, но характеристикой их вклада в борьбу с самодержавием (в отличие от героев-декабристов, которые названы без имени-отчества, только по фамилиям).

В-седьмых, на страницах учебника большое внимание уделено «борьбе горцев за независимость» и национальному кавказскому герою Шамилю, возглавившему эту борьбу. В то же время история Отечественной войны 1812 г., в которой отмечен героизм русских войск, лишена героев³⁴: упомянут только «командующий русской армией генерал Кутузов», решивший «сдать без боя Москву и отступить, чтобы сохранить армию». При этом из контекста следует, что наградой для армии, вынесшей суровые испытания, стали военные поселения, начальником которых являлся «жестокий и грубый генерал Аракчеев», сделавший жизнь солдат «хуже катоги».

На этом список персонажей в разделах учебника, касающихся истории первой половины XIX в., исчерпан. Как видно, он довольно краткий, но позволяет понять, как выглядел панtheon героев к концу 1930-х гг.: в его основании располагались «мученики»-декабристы, впервые с оружием в руках выступившие против самодержавного строя, а на вершине — деятели культуры и публицисты, с помощью пера пробуждавшие общественное сознание, а также национальный герой Шамиль. Им противостояли антигерои: цари-душители свободы и их верные слуги (Аракчеев). Примечательно, что в учебнике не прослеживается однозначное отношение к Кутузову, которого, по все видимости, в этот период еще не причисляли к героям.

Глава 8

«ГОДОВЩИНА РЕВОЛЮЦИИ»

Д. ВЕРТОВА И «ОКТЯБРЬ» С. ЭЙЗЕНШТЕЙНА: КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРРАТИВА

Ю.С. Филина

Кинематограф, как и литература, является одним из инструментов создания культурной памяти. Согласно Я. Ассману, культурная память является «коннективной», соединяющей структурой общества¹. Именно в этой исследовательской перспективе представляется значимым изучение революционного нарратива в советском кино. Как и любое произведение искусства, фильм, в той или иной степени, базируется на реальности. Фильм не способен вобрать в себя все ее элементы и в этом свойстве совпадает с коллективной и индивидуальной памятью². Однако именно благодаря этому свойству возникает новый кино-нарратив, впоследствии оказывающий влияние на культурную память общества. Советское кино на протяжении XX в. показало себя одним из эффективных инструментов формирования и пропаганды определенного исторического нарратива, который был результатом деятельности и идеологических институций, и режиссерского, авторского подхода, и мифологического пространства в целом. При этом данное утверждение относится и к революционному нарративу, и к более отдаленным во времени историческим событиям и эпохам.

Кино — всегда коллективная история, как его характеризовал сам С. Эйзенштейн, но советским режиссерам, несмотря на весь обширный аппарат контроля, все же удавалось сохранять

¹ Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 317.

² Эрл А. Литература как медиум культурной памяти / Пер. с нем. А. Заверткиной и М. Шкиля // Своими словами. 2023. № 5. С. 178.

³⁴ Как и не названо ни одного героя Крымской войны 1853–1856 гг.

главную роль в процессе производства фильмов³. Кроме того, советский кинематограф, особенно послереволюционного периода, стал художественным и культурным феноменом, значимым на международном уровне. Благодаря сочетанию этих факторов появились многочисленные исследования советского кино, которые лежат в области киноведения, культурологии, философии и истории⁴.

В данном тексте будут проанализированы два фильма — «Годовщина революции» (1918) и «Октябрь» (1927) — с точки зрения конструирования революционного нарратива. Это два весьма разных произведения, которые созданы культовыми режиссерами — Д. Вертовым (надписи к фильму делал литератор А.И. Савельев)⁵ и С. Эйзенштейном (в соавторстве с Г. Александровым). Известным фактом является противостояние режиссеров, в особенности со стороны Д. Вертова по отношению к С. Эйзенштейну, что было результатом как разницы в теоретических вопросах художественной составляющей, так и борьбы за распределение ресурсов, выделяемых государством на кинопроизводство⁶.

«Годовщина Революции» — неигровой фильм, первый опыт Д. Вертова, сделанный еще до формулирования им теории «кино-глаза». Фильм был смонтирован в 1918 г. из материалов документальной хроники. Всего было изготовлено 50 копий фильма,

³ Белодубровская М. Не по плану. Кинематография при Сталине. М.: НЛО, 2020. 260 с.

⁴ Волков Е.В. Образы Октября, его героев и врагов на советском экране в 1920 — 1930-е годы // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII — XXI вв. Челябинск, 2011. С. 416–426.; Горбачев О.В. Советский художественный кинематограф как исторический документ: особенности анализа и интерпретации // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 126–136.; Кирсанова Л.И., Коротина О.А. Право на кино: пролетарский кинематограф С. Эйзенштейна, А. Довженко, Дзиги Вертова // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 4. С. 299–307; Соколов Р.А., Сухорукова А.С. Воспоминания участников событий 1917 г. как документальная основа кинофильма С.М. Эйзенштейна «Октябрь» // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 501–514; Widdis E. Socialist senses: film, feeling, and the Soviet subject, 1917–1940. Bloomington, Indiana: Indiana university press, cop, 2017. 407 р.

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 2091. Оп. 2. Д. 203. Л. 1.

⁶ Подорога В.А. Революция как миф авангарда. Высокая ставка: Дз. Вертов — С. Эйзенштейн // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 3. С. 121–136.

однако позднее он был утерян и восстановлен лишь в 2017 г.⁷ Историк Л.Н. Мазур отмечает, что историко-революционные фильмы первого периода, к которому относится и фильм Д. Вертова, не занимались конструированием исторического нарратива, т. к. события были слишком свежи⁸. Однако как потребность самого автора и общества в целом в осознании такого масштабного события, так и стремление большевистской власти к как можно более оперативной перестройке символического пространства, а также последующее базирование, например, того же С. Эйзенштейна на материалах «Годовщины Революции» позволяют говорить о конструировании историко-революционного нарратива уже в данный период. Фильм С. Эйзенштейна и Г. Александрова «Октябрь» — игровой. Именно в нем впервые в советском кино была предпринята попытка сыграть В.И. Ленина, вызвавшая крайнее неудовольствие, например, со стороны В.В. Маяковского. Фильм Д. Вертова «Годовщина Революции» охватывает более обширный период (от свержения монархии до Брестского мира и путешествия Л.Д. Троцкого по Волге). Фильм «Октябрь» в итоговом варианте рассказывает об эпохе Временного правительства и событиях октября 1917 г., однако известно, что по первоначальному замыслу авторов картина должна была включать и события Гражданской войны. Оба фильма «юбилейные», что наделяло их особым статусом и привлекало внимание со стороны власти, хотя в 1918 г. работа Д. Вертова получила со стороны большевиков в большей степени содействие, нежели контроль, ввиду того, что соответствующие органы, такие как Главрепертком, еще просто не были созданы. Однако и в 1927 г. творческая задача ставилась довольно открыто, и ни для одного из режиссеров отображение Революции 1917 г. не представлялось прямым почасовым воспроизведением исторических событий. Так, относительно фильма «Октябрь» Совкино направило в Комиссию по празднованию 10-летия Октябрьской революции при ЦК ВКП(б) следующую формулировку: «Картина

⁷ Изволов Н. Детектив в духе Умберто Эко: как разыскивали «Годовщину Революции» — дебют великого Дзиги Вертова // Искусство кино. 2023. 1/2. URL: <https://kinoart.ru/texts/detektiv-v-duhe-umberto-eko-kak-razyskivali-godovschinu-revolutsii-debyut-velikogo-dzigi-vertova> (дата обращения: 13.09.2023)

⁸ Мазур Л.Н. Конструирование революционного мифа в советском художественном кинематографе. 1917–1953 гг. // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 168–182. С. 173.

должна отразить все величие, мощь и пафос Октябрьской Революции⁹. Интересно, что вторым пунктом в этом плане революционного кино идет как раз фильм Д. Вертова «Одиннадцатый», который обозначен как «большая художественная хроникальная картина, отражающая борьбу и строительство партии и СССР за 10 лет советской власти»¹⁰. При этом на фильм С. Эйзенштейна было первоначально выделено 300 тысяч рублей, а на «Одиннадцатый» Д. Вертова — 30 тысяч¹¹. Такое распределение бюджетов, в первую очередь, было обосновано, конечно, разницей в особенностях кинопроизводства игрового и хроникального (в значении смонтированного из документальных кадров) фильмов, однако послужило дополнительным фактором в противостоянии Д. Вертова с С. Эйзенштейном.

Мы рассмотрим на отрезке в десятилетие изменения и совпадения в позиционировании революционных событий в фильмах «Годовщина Революции» (1918) и «Октябрь» (1927) через такие аспекты, как вопрос «исторической точности» для авторов, роли масс и «массовости», а также отображения действующих лиц революции.

Д. Вертов выпустил «Годовщину Революции» в тот же год, когда благодаря М. Кольцову устроился секретарем-делопроизводителем в отдел хроники Московского кинокомбината¹². Синхронных записей режиссера, его заметок при создании первого фильма, к сожалению, не сохранилось. Однако вся дальнейшая его деятельность была связана именно с хроникой, вокруг которой была выстроена кинематографическая теория и объединение киноков¹³. Д. Вертов считал, что игровое кино — это неверный и исключительно коммерческий путь развития кинематографии, особенно неприемлемый для социалистической страны. Игровое кино для него обладало театральностью и «литературщиной», которые маскировали, заменяли реальность: «Мы ни на минуту не забываем, что стул делается из дерева, а не из лака, который его

покрывает. Мы твердо знаем, что сапог делается из кожи, а не из ваксы, которая заставляет его блестеть»¹⁴. Именно хроника, неигровое кино было способно запечатлеть ту самую реальность: «Таким образом, налицо две крайние точки зрения. Одна — киноков, ставящих своей целью организацию подлинной жизни. Другая — ориентация на агитационно-художественную драму с переживаниями или приключениями»¹⁵. Задачи передачи революционного пафоса или достижений советского хозяйства Д. Вертов считал совершенно истинными и продолжал выполнять. Будучи довольно долго искренним сторонником советской власти, он не видел противоречия между агитационной составляющей своих фильмов, революционным пафосом и стремлением к отражению реальности, «жизни». При этом, несмотря на многочисленные упреки со стороны коллег в отсутствии сценария, Д. Вертов указывал на продуманность и создание нарратива фильма. Так, в записях о картине «Одиннадцатый» он писал: «Каждой работе Кино-глаза (в частности работа над 11-м) предшествовало и предшествует тщательное изучение трактуемого вопроса, затем составление и разработка подробного тематического плана, который последовательно обсуждается и корректируется рядом инстанций: производственным отделом, художественным советом, правлением и, наконец, Высшим репертуарным комитетом»¹⁶.

С. Эйзенштейн использовал «Годовщину Революции», а также документальные съемки как основу и источник для «Октября»¹⁷. Кроме того, им были собраны (точнее, были предоставлены Музеем Революции) не только воспоминания, но и фотографии различных участников революционных событий¹⁸. В том числе, например, портрет П.Н. Милюкова с автографом и надписью «Революция должна быть не классовой, а всенародной. Иначе она погибнет»¹⁹. Одним из результатов такой тщательной работы с хроникой стал документальный манер кадров «Октября». Особенно это коснулось сцены штурма Зимнего дворца, которая

⁹ РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Д. 239. Л. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 10.

¹² Листов В. Жизнь и страдания молодого и немолодого Вертова // Из наследия. Т. 1. Драматургические опыты. М.: Эйзенштейн-центр, 2004. С. 3.

¹³ Киноки (кино-оки) — творческое объединение советских документалистов в 1920-х, сформировавшееся вокруг Дзиги Вертова.

¹⁴ Вертов Д. Статьи, дневники, замыслы. М., 1966. С. 70.

¹⁵ Там же. С. 72.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2091. Оп. 2. Д. 164. Л. 25.

¹⁷ Беляков В.К. «Инструментализация хроники»: киносъемки событий 1917 года в меняющемся историческом контексте // Международный журнал исследований культуры. 2018. 2 (31). С. 6–18.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Д. 232–235.

¹⁹ Там же. Д. 233.

прочно закрепилась в массовом восприятии октября 1917 г. Кадры штурма из фильма выставлялись в советских музеях в качестве иллюстрации исторических событий²⁰. Более того, эта сцена даже перекочевала в фильмы в том числе американских киностудий²¹.

Фильм «Октябрь» проходил обсуждение на разных уровнях, вопрос исторической точности особенно занимал Совкино, где устраивались читки сценария под руководством К.М. Шведчика-ва. Высказывались комментарии о хронологических неточностях, о том, что не надо брать гражданскую войну (на том этапе обсуждался первоначальный план и сценарий фильма), т.к. ее невозможно будет раскрыть при обозначенном хронометраже. Однако в целом большинство представителей Совкино сходились во мнении, что историческая точность и хронология должны уступить перед художественными задачами фильма. Так, И.П. Трайнин заявлял: «Мы можем дать только чувство эпохи, но не историческую точность»²². [Ю.В.] Мальцев выражал схожие суждения: «Исторической точности нужно держаться постольку, поскольку это не повредит художественной стороне картины»²³. С. Эйзенштейн по завершении этого обсуждения безоговорочно заявил, что «материал исторически верен»²⁴. При этом в протоколах общественных просмотров фильма в Ассоциации революционного кино (АРК) и дивизии им. Дзержинского отзывы носят совершенно иной характер. Многие выражали поддержку производству таких фильмов, говорили о значении «Октября» и прославляли советскую власть, но некоторые красноармейцы не стеснялись говорить о том, что фильм показался им скучным и затянутым²⁵.

Массовость революции была одним из важных элементов революционного нарратива, и кино в этом отношении обладало куда более значимым инструментом, чем, например, изобразительное искусство. Не случайно «Годовщина Революции» и «Октябрь» значительное место в хронометраже уделяют показу революционной толпы. Особое измерение массовость получает примени-

²⁰ Лебедев Н.А. Очерки истории кино СССР. Немое кино: 1918–1934. URL: <http://www.bibliotekar.ru/kino/23.htm> (дата обращения: 13.09.2023).

²¹ Напр., мультипликационный фильм «Anastasia» (1997).

²² РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Д. 243. Л. 1.

²³ Там же Л. 2.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Д. 263. Л. 1.

тельно к теме города, поскольку оба режиссера переехали в Москву и воочию наблюдали ее стремительное изменение. То, что испанский философ, современник российской революции 1917 г., Х. Орtega-и-Гассет формулировал как растущее столпотворение, стадность, всеобщая переполненность, становилось реальностью и для Москвы, и Петрограда/Ленинграда: «Становится вечной проблемой то, что прежде не составляло труда — найти место»²⁶. Г. Александров, вспоминая о 1920-х гг. в Москве, отмечал, что вся многонациональная молодежь даже с самых окраин устремилась в Москву²⁷. Кроме того, городское пространство является одним из важных въездов революционной памяти, т. к. на городских улицах, в особенности в послереволюционное десятилетие, создается множество мемориальных объектов.

В «Годовщине Революции» массы появляются с самого начала фильма. Следует отметить, что даже известие о созыве Учредительного собрания показано положительно. Мы видим радостные толпы и митинги, однако затем титр сообщает: «Учредительное собрание, не оправдавшее надежд народа, было распущено».

В фильме мы видим Знаменскую площадь и Таврический дворец, где сосредоточено значительное количество людей, при этом Дворцовая площадь — пустая, что при такой смене кадров создает ощущение изолированности монархии. Аналогичный процесс мы видим и в кадрах Москвы, где улицы заполнены массами, а у Иверских ворот большое скопление людей. Среди толпы при помощи специальных титров выделяется группа солдат. Далее идут кадры манифестаций об успехах Корнилова. Отдельный титр поясняет зрителю, что пролетариат в этих действиях участия не принимал.

Д. Вертов противопоставляет Зимний дворец, как символ самодержавной власти и власти Временного правительства, и Кремль, где разместился «мозг Советской России». Единственной опорой Временного правительства «Годовщина Революции» называет юнкеров. Конечно, в фильме присутствует и Смольный. Тут находились: Л.Д. Троцкий (курит в кадре один), А.В. Луначарский (выступает), А.М. Коллонтай (одна, стоит с бумагами, улыбается в камеру в конце сцены). Повреждения московского

²⁶ Орtega-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. 509 с. С. 16.

²⁷ Александров Г.В. Эпоха и кино. М.: Издательство политической литературы, 1983. С. 28.

Кремля описываются в совершенно иной коннотации, нежели Зимнего дворца. Внимательным взглядом обводится Кремль, Никольские ворота. Зрителям поочередно показывают повреждения кремлевских зданий. Петроградская часть октябрьских событий в большей степени отдает революционным пафосом в то время, как московская выглядит несколько трагично в контексте пострадавшего исторического наследия. Соответственно, Петроград ассоциировался в большей степени с императорской фамилией, а Москва являлась вместо нее более обширного исторического прошлого. Подобное отношение к Москве формировалось благодаря переезду советского правительства в «красный Кремль». Кремль после въезда большевиков показан уже иначе — это не отдельные кадры расстрелянных зданий, а впечатляющая панorama, в которой особо отмечается открытие Троицких ворот.

Важный элемент повествования, многократно показанный в «Годовщине Революции» и отсутствующий в «Октябре», — похороны. Городской тип проживания в целом отдаляет человека от пространства смерти, однако период Первой мировой войны, революции и последовавшей за ней гражданской войны, сопровождавшейся эпидемиями и голодом, сделал смерть и похороны обыденным явлением, а затем сформировалась практика революционных похорон²⁸. Д. Вертов демонстрирует революционные, массовые похороны: жертв революции на Марсовом поле, июльские — жертв Октябрьской революции (все в Петрограде). На последние вышли «десятки тысяч пролетариев». При рассказе о Брестском мире в «Годовщине Революции» основной акцент сделан на возвращении к мирной жизни, отдельными кадрами продемонстрировано возвращение инвалидов из плена.

Фильм С. Эйзенштейна начинается с объявления, что он посвящается питерскому пролетариату. Однако первым кадром является памятник Александру III, расположившийся в Москве у храма Христа Спасителя и специально воссозданный для съемок «Октября». Для наибольшего сходства С. Эйзенштейн использовал фотографии памятника, предоставленные ему Музеем Революции. Кадры фильма показывают памятник внимательно, с акцентом на символах власти. Женщина, выглядящая маленькой у подно-

²⁸ Соколова А. Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннегоСССР. М.: НЛО, 2022. 456 с.

жия памятника, выступает, ораторствует. Затем люди закидывают лестницы, веревки и сносят памятник. Следует отметить, что памятник Александру III возвращается в последних кадрах фильма. Некоторые исследователи полагают, что таким образом режиссер сделал символическое заявление о И.В. Сталине: в начале фильма люди сметают абсолютную власть, за этим следует революционная эпоха, которая заканчивается с «воцарением» нового лидера на этот раз в большевистском обличье. С. Эйзенштейн сам неоднократно описывал, как ему приходилось останавливать жизнь города для съемок, поворачивать вспять облик Петрограда, набирать те самые «массы» для исполнения ролей²⁹. Соответственно, для С. Эйзенштейна Москва предстает уже городом-носителем жестокой власти, в то время как образ Петрограда закрепляется как образ «колыбели революции». Именно «Октябрь» имитирует выстрел Авроры и демонстрирует многочисленные планы мостов, которые прочно входят в революционную символику. Л.Н. Мазур приходит к выводу, что «Октябрь» закрепляет образ Революции как народной стихии, главным героем С. Эйзенштейна является народ³⁰. Безусловно, массовость для С. Эйзенштейна является важным элементом революционного нарратива, однако в сравнении с «Годовщиной Революции» этому явлению удалено меньше экранного пространства. Кроме того, «Годовщина Революции» представляет массы вполне деятельными, это самостоятельная сила революции, в то время как в «Октябре» массы являются уже в большей степени орудием в руках политического вождя, о чем подробнее скажем далее.

Двумя наиболее значимыми фигурами Революции 1917 г. являются и в «Годовщине Революции», и в «Октябре» А.Ф. Керенский и В.И. Ленин. Монархия в обеих картинах носит более зловещий, но менее конкретный характер, а подобное противопоставление А.Ф. Керенского и В.И. Ленина закрепилось непосредственно в революционный период³¹. Следует отметить, что Д. Вер-

²⁹ Напр.: Красный Эйзенштейн. Тексты о политике. М.: Common place, 2017. С. 80–89.

³⁰ Мазур Л.Н. Конструирование революционного мифа в советском художественном кинематографе. 1917—1953 гг. // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 176.

³¹ Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 г.). М.: НЛО, 2017. С. 413—432.

тов, вслед за слухами еще дореволюционного периода³², в первых же титрах заявляет о монархии, как о «развратной власти». В «Октябре» же демонстрируется в комнатах Зимнего дворца роскошный образ жизни царской семьи, а также особая жестокость ряда женщин, имеющих ярко выраженный буржуазный вид. Сценарные записи позволяют говорить о намеренно создававшейся на экране связи моды и ухоженного вида с буржуазностью. При этом бедный внешний вид, наоборот, приобретал благородную коннотацию: «Высокомерные модницы оставили телефонную станцию. Осталось шесть „плохо одетых“ девушек»³³.

На момент создания «Годовщины Революции» позволялось показывать куда большее количество действующих лиц революции, чем это будет возможно через 10 лет. А.Ф. Керенский демонстрируется как один из деятелей революции, имевший влияние на армию, но потерпевший политическое поражение ввиду буржуазного подхода и политики продолжения войны.

Совершенно иной подход реализован в «Октябре», где фигура А.Ф. Керенского подвергается заметному символическому наполнению. На этапе подготовки фильма возникла сложность в поиске подходящего актера. В дневнике С. Эйзенштейн записал: «Черт бы его драл, до сих пор не найден Керенский. Есть только скверные кандидаты. Штраух с утра и до ночи с пачкой подлинных фотографий шарит по городу в поисках исторического типажа»³⁴. В случаях с А.Ф. Керенским и В.И. Лениными большее значение для С. Эйзенштейна имело внешнее сходство, нежели актерские данные. Две основные характеристики А.Ф. Керенского, отраженные в «Октябре», — это, с одной стороны, стремление к абсолютной власти, а с другой — истеричность и женственность. Первая продемонстрирована сценой с религиозными символами (вызвавшей много вопросов), с шахматами, где А.Ф. Керенский и Л.Г. Корнилов сопоставляются с Наполеоном Бонапартом, повернувшим революцию вспять. Вторая характеристика передается не только игрой актера, но и сопоставлением А.Ф. Керенского с императрицей Александрой Федоровной. В сценарии это акцентируется отдельно: «В апартаментах Александры Федоровны /

Александр Федорович!» [эти две фразы обведены]³⁵. А.Ф. Керенский в испуге зарывается в подушки, в то время как на защиту революции шагают солдаты, матросы, рабочие, а также большевики освобождаются из тюрем. При этом А.Ф. Керенский покидает Зимний дворец на машине, камера отдельно фокусируется на флаге США.

Следует отметить, что подобное отображение А.Ф. Керенского вызвало негодование у некоторых участников общественных просмотров, что отразилось в протоколах: «Затем надо сказать, что Керенский не был таким дегенератом. Совершенно пропадает Октябрь. Смешной становится победа над дегенеративным вождем буржуазии. А там сплошь показаны дегенераты. Керенский прячется в подушки. А разве Керенский не былся, не вызывал казачество, не дрался в Гатчине...»³⁶. Однако такие суждения получают отпор: «Товарищ из ГИЖа [Государственный институт журналистики] относительно Керенского ошибается. Керенский был неврастеником, он был трус, он бежал, переодетый в женское платье. Керенский не был политической фигурой. Он показан исторически верно, и его только и можно показывать в смешном виде...»³⁷.

Значительно меньше символизма С. Эйзенштейн использует при конструировании образа В.И. Ленина. В отличие от «Годовщины Революции», где В.И. Ленин появляется впервые уже в Кремле, в «Октябре» мы видим его в самом начале фильма: события на Финляндском вокзале начинают разворачиваться на 9-й минуте. Тут же мы видим первый митинг. Появление «вождя революции» неизменно действует на массы — толпа оживает. Аналогичный эффект производится при любом появлении В.И. Ленина в кадре: митинги у дворца Кшесинской, события у Смольного. При этом в Смольном В.И. Ленин несколько раз показан чертящим планы, что закрепляет именно за ним полноправное авторство захвата власти. Сценарные заметки также подчеркивают власть В.И. Ленина над толпой: «Долго выжидал старый „солдат революции“, пока не успокоится море голов. Затем поднял руку. Смолкли все — стало очень тихо»³⁸. Однако, несмотря на конструирование

³² Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: НЛО, 2020. С. 395.

³³ РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Д. 197. Л. 85.

³⁴ Там же. Д. 212. Л. 3.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Д. 197. Л. 27.

³⁶ Там же. Д. 263. Л. 14.

³⁷ Там же. Л. 18.

³⁸ Там же. Д. 197. Л. 8.

такого образа «солдата революции» в кино, С. Эйзенштейн весьма иронично относился к феномену вождизма. В дневнике во время съемок фильма он записал: «Хорошо бы Никандрова снять на фоне Мавзолея и запросить Институт [Исптарт], к какому периоду относится данная фотография. Или, незаметно войдя, выйти и хлопнуть часового по плечу: „Ну что, ласковый был император“»³⁹. Это происходило на фоне арестов в кинематографической среде, которые Эйзенштейн называет массовыми и пишет про арест А.А. Ханжонкова⁴⁰.

Д. Вертов не выражал в записях хоть сколько-нибудь ироничное отношение к фигуре В.И. Ленина. Он, напротив, следовал в течение жизни за тем нарративом отношения к вождям, который формировался советской властью. Так, его воспоминания 1952 г. описывают роль группы киноков в документировании жизни вождя: «Ряд документальных кино-кадров, показывающих нам живого Ленина, были опубликованы в советском экранном журнале „Кино-неделя“». Это был журнал, который выпускался нами регулярно с весны 1918 г. Мы помещались в особняке [...] Там же был нами выпущен большой полнометражный фильм „Годовщина Революции“, где документальные кадры живого Ленина вошли в раздел „Мозг Советской России“»⁴¹. Завершает же эти воспоминания он хрестоматийной фразой: «Сталин — это Ленин сегодня»⁴². Большинство из тех лиц, которых Д. Вертов демонстрировал в фильме «Годовщина Революции», были невозможны к показу в 1952 г., а некоторые уже и в 1927 г.: И.И. Вацетис (расстрелян в 1938 г.), М.Н. Покровский (признан извратителем исторических фактов), К.Б. Радек (убит в 1939 г.), А.И. Рыков (расстрелян в 1938 г.), А.Г. Шляпников (расстрелян в 1937 г.), Л.Б. Каменев (расстрелян в 1936 г.) и многие другие. При этом гражданская война в «Годовщине Революции» показана, в первую очередь, через взаимодействие Л.Д. Троцкого и И.И. Вацетиса с солдатскими массами. Л.Д. Троцкий после октября и в течение начала 1920-х гг. являлся весьма любимой кинематографистами фигурой. В том числе он занимает значительное место в хронометраже «Годовщины Революции». В «Октябре» же показать его

к моменту выхода фильма было уже нельзя. По воспоминаниям Г. Александрова, И.В. Сталин лично посетил монтажную, чтобы убедиться, что Л.Д. Троцкого в фильме не будет⁴³.

Соответственно, вопрос «исторической точности» использовался обоими режиссерами в качестве дополнительного обоснования выпуска картин. Несмотря на разницу в теоретическом вопросе и художественных методах, «историческая точность» не воспринималась ни Д. Вертовым, ни С. Эйзенштейном как воспроизведение хронологической последовательности событий. «Годовщина Революции» — фильм, созданный из документальной хроники, однако ее монтаж, а также создание поясняющего текста создали авторское произведение, которое впоследствии использовалось С. Эйзенштейном для создания «Октября». Имитируемая документальность последнего, а также художественное значение фильма привели к закреплению образа штурма Зимнего дворца не только в России, но и за рубежом. Ряд элементов революционного нарратива, формируемых «Годовщиной Революции», такие как «развратность» царской семьи и феномен массовых похорон, были прямым продолжением эпохи Первой мировой войны и революционной культуры. К моменту создания «Октября» они утратили свою актуальность и были заменены уже элементами советского нарратива, такими как минимизация значения февральского этапа революции и Временного правительства. Кроме того, изменился порядок взаимодействия масс и вождя (В.И. Ленина). Роль масс как самодеятельного субъекта в «Годовщине Революции» сменялась в «Октябре» на обязательное взаимодействие толпы с лидером (контроль оставался за последним).

³⁹ РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 2. Д. 1103. Л. 25.

⁴⁰ Там же. Л. 5.

⁴¹ Там же. Ф. 2091. Оп. 2. Д. 187. Л. 1 об.

⁴² Там же. Л. 4.

⁴³ Друбек Н. Крупным планом: «Октябрь» Сергея Эйзенштейна // Сеанс. Курс № 4. URL: <https://chapaev.media/articles/7505> (дата обращения: 13.09.2023).

Глава 9

ДИЛОГИЯ «ЛЕНИН В ОКТЯБРЕ» И «ЛЕНИН В 1918 ГОДУ»: КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОГО НARRATIVA

Ю.С. Филина

Практически любой фундаментальный труд по истории советского кинематографа упоминает дилогию М.И. Ромма про В.И. Ленина¹. Это объясняется тем, что «Ленин в Октябре» открыл художественную кинолениниану. Дилогия принесла все-союзную известность режиссеру как в среде профессионального сообщества, так и среди массового зрителя. Популярность фильма отмечалась в периодической печати². Можно, конечно, в этом заподозрить пропагандистский прием, но и современные исследователи оценивают аудиторию «Ленина в Октябре» в 21 миллион зрителей за первый год демонстрации. Столько же посмотрело и «Ленина в 1918 году»³. В 1938 г. «Ленин в Октябре» демонстрировался в США, во второй половине 1940-х гг. фильм показывался в Германии (советская зона оккупации) и Китае, в конце 1960-х гг. — в Занзибаре в консульстве СССР и т. д. Кроме того, в цифры по просмотрам не включены ни клубные, ни телевизионные показы дилогии. Таким образом, дилогия «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» не только задала идеологические и эстетические рамки ленинианы и всего историко-революционного кино, но и определяла их на протяжении, как минимум, тридцати лет.

¹ Очерки истории советского кино: в 3 т. М.: Искусство, 1956. Т. 2. 896 с.; Листов В.С. Россия. Революция. Кинематограф. М.: Материк, 1995. 172 с.; Зоркая Н.М. История отечественного кино. ХХ век. — М.: ООО «Белый город», 2014. — 512 с.

² Напр.: Кинофильмы о Ленине // Рабочая Москва. 1938. 21 января

³ Федоров А.В. Тысяча и один самый кассовый советский фильм: мнения кинокритиков и зрителей. М.: ОД «Информация для всех», 2023. С. 324.

Создание дилогии происходило в период масштабных идеологических сдвигов в исторической науке. После установления советской власти ведущие позиции заняла т. н. «школа Покровского». Однако в начале 1930-х гг. произошла радикальная перестройка исторической науки⁴. Итогом этого процесса стало появление «Краткого курса ВКП(б)»⁵. По мнению Д. Бранденбергера, именно тогда произошел переход к истории партии не как коллективному субъекту, а как истории героев⁶. Данное обстоятельство усилило значение кино, ставшего одного из главных инструментов конструирования историко-революционной памяти.

В советской историографии тема историко-революционного кино исследовалась преимущественно с двух позиций: как часть киноведческих исследований либо как история о создании ленинианы или сталинианы. Наиболее масштабной работой по конструированию исторического нарратива в советском кино является монография «Музей революции: Советское кино и сталинский исторический нарратив» (2008) Е.А. Добренко. Автор продемонстрировал значимость кино для советского общества, как одного из главных инструментов конструирования истории. Е.А. Добренко выделяет «эффект соцреалистического романа, где читатель заранее знает, кто из персонажей герой, а кто негодяй»⁷. В исследовании Д. Бранденбергера о советской пропаганде «Кризис сталинского агитпропа» также уделяется внимание вопросу исторического нарратива в кино 1930-х гг.⁸ Кроме того, данной теме посвящен довольно обширный список публикаций последнего десятилетия⁹.

⁴ Тихонов В.В. Полезное прошлое. История в сталинском СССР. М.: НЛО, 2024. 366 с.

⁵ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпропаганда и террор в СССР, 1927–1941. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 34–35.

⁶ Там же. С. 92.

⁷ Добренко Е.А. Музей революции. Советское кино и сталинский исторический нарратив. М., 2008. С. 269.

⁸ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. С. 92–103.

⁹ См.: Семенова Н.В. Интерпретация ранней советской истории в драматургической «лениниане» // Историческое знание и познавательные практики переходных периодов всемирной истории. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 290–300.; Мазур Л.Н. Конструирование революционного мифа в советском художественном кинематографе. 1917–1953 гг. // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 168–182. Анстолов А.И. Воображая жертву: жертвенность в контексте трансформаций историко-революционного нарратива. М.: Издательство МГУ, 2017. С. 168–182.

Создание «Ленина в Октябре» (1937). Первый фильм дилогии был подготовлен, в первую очередь, к юбилейной дате — 20-летию Октябрьской революции. Несмотря на важность для советского государства праздничного календаря, юбилейное кино в первые десятилетия советской власти создавалось непросто: сроки были сжатыми, случались регулярные задержки, а уже готовое кино нередко направляли на дополнительные съемки. Не избежал этого и фильм «Ленин в Октябре». Уже готовый к осени фильм не пустили в массовый прокат вплоть до декабря 1937 г., поскольку доснимался эпизод со штурмом Зимнего¹⁰. Схожая ситуация была и с 10-летним юбилеем революции¹¹.

Решение о создании кинокартин к двадцатому юбилею было принято на самом высшем уровне: «19 марта 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение „Об организации закрытого конкурса на пьесы и сценарий об Октябрьской революции в связи с двадцатилетием Октябрьской революции“. В нем было определено задание: „Показать роль Ленина в подготовке и проведении Октябрьской революции, выявить организующую роль партии. Центральным стержнем пьесы и сценария должна быть пролетарская Октябрьская революция как переломный этап в истории человечества. В пьесе и сценарии может быть показан Ленин“»¹². К закрытому конкурсу на сценарий фильма были привлечены Н.Ф. Погодин, братья Васильевы, А. Довженко, А.Г. Ржешевский, Л.И. Славин, М.Э. Чиаурели, Б.А. Лавренев, П.А. Павленко и А.Я. Каплер¹³. Непосредственно общением со сценаристами занимался П.М. Керженцев¹⁴. 1 апре-

ционного нарратива в советском кино сталинской эпохи //Международный журнал исследований культуры. 2018. №. 2 (31). С. 66–82; Киселева А.А. Формирование отношения к российской истории в СССР 1930–1940-х гг. (на материале исторического кино) // Studia Culturae. 2021. №. 47. С. 130–141.

¹⁰ Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 444–445.

¹¹ См.: Филина Ю.С. «Годовщина Революции» Д. Вертова и «Октябрь» С. Эйзенштейна: конструирование революционного нарратива // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9. В. 3. С. 42–51. URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/39-magistravitaе-3-2024.html>. DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-3-42-51

¹² Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. С. 316.

¹³ Кроме того, отдельным блоком шел театр. См.: Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. С. 158–159.

¹⁴ Платон Михайлович Керженцев (1881–1940) — революционер, член РСДРП(б) с 1904 г., советский государственный деятель. В сер. 1930-х занимал следующие посты: управляющий делами СНК СССР (1930–1933), председатель

ля 1936 г. он сообщает Сталину и Молотову, что фактически все выбранные сценаристы, кроме А.Я. Каплера, заняты¹⁵.

Сохранилась переписка П.М. Керженцева с А.Я. Каплером, приложенная к первой версии сценария, которая охватывает период с мая по ноябрь 1936 г. 4 мая 1936 г. П.М. Керженцев пишет письмо А.Я. Каплеру:

«Уважаемый товарищ,

В связи с проведением конкурса на сценарий, посвященный Октябрьской революции, авторское задание на который Вы получили, жду от Вас сообщений, какую тему Вы себе выбрали. Прошу сообщить мне Вашу наметку с указанием примерно сюжета, действующих лиц, хронологических рамок сценария»¹⁶. Он получает ответ от сценариста только в начале августа 1936 г. К этому моменту основной сюжет, по-видимому, был уже проработан: «Сюжетный герой вещи Эйно Рахья. Фамилия его пока заменена вымышленной. (Я подчеркиваю, что Рахья сюжетный герой, т. к., по сути, герой Ильич). [...] В Петрограде Рахья не только связывает Ленина с ЦК, со Сталиным и Правдой, носит его письма и т.п., но и служит Ильичу глазами и ушами... Рахья расспрашивает о сути разногласий с Зиновьевым и Каменевым — Ленин объясняет ему»¹⁷.

Первый вариант сценария был представлен 23 ноября 1936 г. и назывался «Ильич с нами»¹⁸. Для отзывов он рассыпался в пар-

Комитета по радио (1933–1936). В 1936–1938 гг. — первый председатель Комитета по делам искусств. Известен тем, что вел кампанию против «формализма»: критика оперы Шостаковича «Леди Макбет» (1936), изъятие авангарда из музеев, атака на театр Мейерхольда с его закрытием (1938).

¹⁵ Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. С. 315. Оценка итогам конкурса была дана П.М. Керженцевым 14 декабря 1937 г., где были перечислены поступившие сценарии и результаты их оценки [см.: Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. С. 452–454]. Первая премия за «Ленина в Октябре» была присуждена А.Я. Каплеру, вторая — Чиаурели и Цагарели за «Великое зарево» (вышел на экраны в 1938 г.). С.И. Юткевич в воспоминаниях утверждал, что сценарий Н.Ф. Погодина «Ноябрь» (позже реализованный под названием «Человек с ружьем») сначала был принят как наиболее удачный, а затем отвергнут ввиду отсутствия сцен со И.В. Сталиным. Только после смены руководства ГУКФ фильм былпущен в производство. Однако в материалах обсуждения сценария содержится такое объяснение факта, что фильм не может быть реализован, как основной юбилейный, что в нем демонстрируется только узкий сюжет, нет основного революционного действия.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 1. Д. 204. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 2–3.

¹⁸ Там же. Л. 8.

тийные инстанции¹⁹. Как только он был предварительно одобрен (Главное управление кинофотопромышленности [ГУК/ГУКФ] предоставило свои замечания), его передали на Мосфильм для назначения съемочной группы. На должность режиссера был назначен М.И. Ромм. При этом режиссер к моменту назначения не обладал идеальной репутацией: один раз его увольняли из киностудии, а предыдущий опыт с фильмом «Тринадцать» был признан скорее неудачным. Как писал сам М.И. Ромм: «Мне нечего было терять, кроме цепей, да и цепей у меня не было, потому что в тот момент я был свободен как птица — я был уволен с «Мосфильма»²⁰.

П.М. Керженцев докладывал о результатах конкурса на киносценарий об Октябрьской революции Сталину и Молотову. Согласно письму (под грифом «секретно»), сценарии предоставили Каплер, Погодин, Славин, Ржешевский и Чиаурели. По каждому из сценариев Керженцев представил краткое заключение. Наиболее удачным был признан «Ленин в Октябре». Тем не менее даже он дорабатывался с учетом пожеланий ГУКа: «Автору было предложено внести ряд исправлений и уточнений, в частности более широко показать роль партии и руководство восстанием со стороны Ленина и Сталина, более развернуто показать рабочие массы, снять излишне приключенческие моменты»²¹.

28 декабря 1937 г. во время обсуждения среди кинопрофессионалов выхода «Ленина в Октябре» М.И. Ромм указывал, что семь месяцев сценарий А.Я. Каплера лежал в Комитете искусств, т.к. все ждали сценариев от «гениев», а А.Я. Каплер таковым не

считался²². Успевшие заслужить признание сценаристы и режиссеры не спешили браться за выполнение государственного заказа. На том же обсуждении Г.Л. Рошаль²³ говорил, что еще одной датой, к которой должен был выйти фильм, должны стать выборы в Верховный Совет СССР²⁴. Позднее как Ромм, так и Каплер будут указывать не только на сжатость сроков, но и на рискованный тип кинопроизводства: «...Снятый эпизод немедленно монтировался, озвучивался, перезаписывался, отправлялся в лабораторию и с него снималась лаванда. Когда был снят последний эпизод, то картина готова»²⁵. Сложность заключалась и в том, что, несмотря на спешку, требовалось знакомство киножурналистов с описываемыми историческими событиями.

Все по «секретным документам». В 1930-е гг. публичная история стала частью легитимации личной власти Сталина, а ведущая роль в трактовке революционных событий перешла от Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (т. н. Истпарт; представлявший научный подход и аккумулировавший архивные документы) и Общества старых большевиков (фиксировавшее личную память участников революции) к Комиссии по истории Гражданской войны, созданной по инициативе Сталина²⁶. К моменту выхода первого фильма дилогии закрепление «сталинского нарратива» в советской исторической науке еще не завершилось. Кино было гораздо более быстрым и эффективным инструментом трансляции населению новых идеологических установок, чем крупные научные или пропагандистские труды. Однако для усиления доверия к фильму необходимо было сделать его «правдивым», то есть исторически достоверным.

Одним из важных способов «легитимации» историко-революционного фильма была демонстрация его неразрывной связи с «подлинно историческими» фактами, при реальном отказе от воспроизведения исторически точного, хронологически последовательного рассказа. В этом отношении можно говорить о кон-

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 1. Д. 204. Л. 9.

²⁰ Там же. Ф. 844. Оп. 4. Д. 129. Л. 15.

²¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 958. Л. 58. «Ноябрю» Н. Погодина дана следующая характеристика: «несмотря на ряд талантливых сцен имеет крупный недостаток. Не были показаны массы, действующие в революции, не показана борьба пролетариата, яростное сопротивление буржуазии. Ленин, как вождь, не был обрисован в сценарии, роль т. Сталина была совершенно не отражена. Не были показаны колебания крестьянства, явившегося центральным образом сценария и его переход к большевикам был мало мотивирован. Представители буржуазии и иностранных держав были даны в чисто комическом плане и не представлены подлинными врагами революции, оказывавшими ей яростное сопротивление. Образ Ленина недостаточно глубоко развернут. Тов. Погодин продолжал перерабатывать сценарий, но и к осени он еще не был доработан так, чтобы его можно было принять к постановке».

²² РГАЛИ. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 268. Л. 101.

²³ Григорий Львович Рошаль — советский режиссер, сценарист, педагог.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 268. Л. 99. Правда, для выборов создавались специальные киноленты (см.: Кремлевский кинотеатр. С. 440–441).

²⁵ РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

²⁶ Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 1. С. 36.

сенсусе среди советских режиссеров, считавших, что подлинная историчность достигалась преимущественно двумя путями: обещанием с участниками революционных событий и знакомством с историческими документами.

В случае, например, с С.М. Эйзенштейном и его фильмом «Октябрь» можно с уверенностью говорить о работе с материалами Музея революции в Санкт-Петербурге, т. к. эти материалы отложились в его фонде в РГАЛИ. Однако в 1936–1939 гг., когда создавались фильмы «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», ситуация была уже иная. Например, в сентябре 1936 г. вышла «Инструкция начальника ГУК Б.З. Шумяцкого о порядке работы с документальными материалами, собранными для написания сценариев», в которой говорилось в том числе об ограничении и контроле над копиями «секретных» материалов из архивов²⁷.

Тем не менее первый фильм дилогии создавался в тесном контакте с музеиными специалистами. За экспертизу со стороны музейного сообщества отвечал Центральный музей им. В.И. Ленина в лице его директора Н.Н. Рабичева. Судя по одной из записок заместителя начальника ГУКа В. Усиевича к Шумяцкому, реакция Н.Н. Рабичева на «Ленина в Октябре» была неоднозначной²⁸. Однако в 1938 г. Рабичев был репрессирован. Как следует из архивных документов, в подготовке обвинения некоторое участие принял и П.М. Керженцев, который докладывал в письме от 24 января 1938 г. Молотову и Ежову о том, что узнавал в личной беседе у Рабичева о распространении им литературы троцкистского характера в 1922 г.²⁹

17 декабря 1937 г. в журнале «Советское искусство» выходит статья А.Я. Каплера «Великая тема», где он сообщает, что для ускорения работы над сценарием «была организована группа товарищ из числа сотрудников ленинской редакции „Истории фабрик и заводов“, которые вместе со сценаристом занялись изучением исторических источников»³⁰. На следующий день проходит общественное обсуждение «Ленина в Октябре» в Смольнинском лектории, где помощник режиссера Васильев сообщает уже другую версию: «Прежде всего в Москве есть Музей Ленина, в котором

²⁷ Кремлевский кинотеатр. С 350–351.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 958. Л. 49–51.

²⁹ Там же. Д. 950. Л. 85.

³⁰ Каплер А. Великая тема // Советское искусство. 1937. № 58 (404). С. 3.

собраны богатейшие материалы о Владимире Ильиче»³¹. Кроме того, он ссылается на встречи с участниками октябрьских событий, в первую очередь, с Д.З. Мануильским³².

Одним из самых часто звучавших вопросов на общественных обсуждениях «Ленина в Октябре» в 1937 г. был вопрос об участии Н.К. Крупской в подготовке фильма. К началу 1930-х гг. она обрела статус главной хранительницы памяти о В.И. Ленине: к ней обращались и художники, желавшие узнать, насколько состоятельны избранные ими сюжеты о вожде, и музейные организации, чтобы подтвердить или опровергнуть те или иные материалы о В.И. Ленине³³. Н.К. Крупская отвечала страждущим и давала свои, зачастую очень скромные, советы и комментарии. Чаще всего ее совет был прост — читайте Ленина. Однако создатели дилогии к жене и соратнице вождя по какой-то причине обращаться не стали. На вопросы зрителей отвечали помощник режиссера Д. Васильев и оператор Волчек: «...К Крупской мы не обращались за помощью, потому что уже были даны определенные инструкции и этих указаний, мы считали, что достаточно, и все, что нужно делать, было достаточно освещено. Мы разговаривали с очень многими товарищами, с очевидцами, которые Ленина очень хорошо знали»³⁴; «к Крупской мы не обращались, потому что для нее это большая утрата»³⁵; «Главным консультантом нашей картины был ЦК партии. Там просматривались материалы, давались нам указания товарищами на съемках, на фабрике нашей группы»³⁶. Зрители проявляли определенную осведомленность, указывали, например, на статью Крупской о картине, где она отмечала недостатки³⁷. Очевидно, что «большая утрата» не является достаточным обоснованием для игнорирования статуса Крупской. Можно предположить, что в данном случае сказался комплекс факторов: недостаток времени, высказывавшееся Н.К. Крупской неодобрение в сторону по-

³¹ РГАЛИ. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 268. Л. 22.

³² Дмитрий Захарович Мануильский — революционер, большевик, член Петроградского ВРК.

³³ РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 172.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 268. Л. 3 об.

³⁵ Там же. Л. 4 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 111.

пыток создать образ вождя в театре и на экране, контакты при создании фильма со значимыми советскими функционерами³⁸. Тем не менее исполнители ролей Ленина, как Б.В. Щукин (дилогия), так и М.М. Штраух³⁹ («Человек с ружьем») все же прошли Н.К. Крупскую помочь им в воссоздании образа вождя. По воспоминаниям Щукина, Н.К. Крупская отнеслась к его трудам весьма положительно. Б.В. Щукин много времени посвятил подготовке к роли в «Ленине в Октябре», затем также к роли Ленина в спектакле «Человек с ружьем» по Н.Ф. Погодину в театре Вахтангова. При подготовке к фильму «Ленин в 1918 году» актер лично навещал Крупскую⁴⁰.

В воспоминаниях М.И. Ромма также фигурирует трагикомичная история с секретными документами: «„Уроки Октября“ Троцкого, „Воспоминания“ Рахья, которого по совету Шумяцкого Каплер переделал в Василия. Был номер „Новой жизни“ с письмом Зиновьева и Каменева и целый ряд других вещей, которые можно было держать только в руках, в чемодане»⁴¹. У М.И. Ромма не было собственной квартиры, где бы он мог спокойно работать со столь важными документами, поэтому он дважды останавливался у своих коллег. В киносреде шли массовые аресты, поэтому оба раза Ромма с документами задерживали, как проживавшего у преступников. Схожую историю в воспоминаниях приводит и сын В.А. Антонова-Овсеенко⁴²: его отец закончил общаться с помощником режиссера С. Васильевым о событиях октябрьских дней за полчаса до ареста⁴³. В воспоминаниях Каплера, опубликованных

³⁸ В лекции для ВГИКа 1960–70 гг. М.И. Ромм говорил, что Н.К. Крупская водила их по кабинету. См.: РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 4. Д. 129. Л. 28–29. («Кое-что нам рассказала Надежда Константиновна [...] Когда мы осматривали квартиру Ленина в Кремле...»). Однако из материалов ее фонда в РГАСПИ, доступных исследователям, это не подтверждается. Следует отметить, что часть фонда Н.К. Крупской до сих пор засекречена.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 221. Л. 8–9.

⁴⁰ Киселев Г.Ф. Н.К. Крупская и первые исполнители роли В. И. Ленина... в театре и кино. С. 226–227.

⁴¹ Ромм М.И. Как в кино. Дубль-2. Устные рассказы. Сост. — Я.И. Гройсман. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. С. 94.

⁴² Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883–1938) — политический деятель, в 1917 г. вступил в партию большевиков. Руководил действиями красногвардейцев, солдат и матросов во время штурма Зимнего дворца и арестом Временного правительства. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян.

⁴³ Ракитин А. Именем революции. М.: Издательство политической литературы, 1965. С. 178.

в середине 1960-х гг., указано, что ему выделили для работы с материалами некоего юриста, увлеченного кинематографом Николаем Владимировичем Пестрово⁴⁴.

Взаимодействие при создании фильма с революционными деятелями и партийными структурами должно было помочь в создании чувства ощущения исторической подлинности. Для авторов же существовала еще одна сторона взаимодействия с указанными государственными органами — согласование содержания фильма. И.В. Сталин, как известно, проявлял повышенное внимание к кино. Широко известна практика коллективного просмотра картин советским руководством. Кроме того, согласование проходило на различных уровнях партийных и киноорганизаций.

На обсуждении «Ленина в Октябре» 17 декабря 1937 г. в большом зале Ленинградского лектория помощник режиссера Д. Васильев следующим образом описывал процесс согласования картины: «Главным консультантом был начальник Главного управления кинематографии Шумяцкий. Кроме того, все куски, которые снимались первоначально, показывались в других авторитетных партийных консультациях, и мы оттуда получали все указания и поправления. И вообще вся постановка, с момента, когда был написан сценарий, а сценарий был написан по инициативе товарища Сталина, затем сценарий был представлен правительству управлению, все было поручено комиссии. Сценарий получил очень хорошую оценку, получил первое место»⁴⁵. Однако было ли возможно такое оперативное согласование отснятых фрагментов? Это представляется маловероятным. Архивные материалы, а также эпизод с доснятием штурма Зимнего дворца и ареста Временного правительства говорят в пользу того, что первый фильм дилогии в процессе съемок не согласовывался с партийным начальством.

Сценарные изменения являются обычной практикой в процессе создания кино. Однако именно эти изменения способны указать на то, что было можно и что нельзя, что важно, а что вторично. К моменту поступления в Комитет по делам искусств сценарий сопровождался следующей краткой аннотацией, прекрасно описывающей основную фабулу: «Осень 1917 г. Тревожно наочных улицах Петрограда, очереди за продуктами, патрули, обыски

⁴⁴ Каплер А.Я. Сквозь годы // Искусство кино. 1965. № 12. С. 123.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 268. Л. 3.

в поисках оружия и подозрительных лиц. В такую погоду приезжает в Ленинград Ленин, в сопровождении охраняющего его Василия. Удачно избежав вокзальных патрулей, Ленин пробирается на подготовленную для него конспиративную квартиру, откуда и руководит, с помощью, главным образом, Сталина, революционной борьбой петерского пролетариата. Василий охраняет вождя. Большевизация рабочих масс все больше и больше тревожит руководителей Временного правительства, и они предпринимают неудачную попытку к убийству вождей и в первую очередь Ленина. Между тем революционное настроение растет. Принятое ЦК партии решение о вооруженном восстании встречено с энтузиазмом рабочими, солдатами и матросами. Предательство Каменева и Зиновьева заставляет Ленина принять решение о начале восстания. Временное правительство свергнуто, пролетариат победил. Пробравшийся в Смольный В.И. Ленин открыто выступает в большом зале Таврического дворца под охраной революционных солдат и рабочих. Теперь Василий свободен, он может отдохнуть, и он засыпает, сидя у ног вождя⁴⁶.

Первоначально сценарий имел заголовок «Ильич с нами», затем «Восстание», а итоговым вариантом стал «Ленин в Октябре». «Ильич» — довольно распространенный вариант упоминания вождя в 1920–1930-е гг., который характеризовал близость к народу, что продемонстрировано, например, в работе Д. Верто娃 «Три песни о Ленине». Можно предположить, что для заголовка главного фильма к 20-летнему юбилею Октябрьской революции такое весьма фамильярное обращение было признано неуместным. «Восстание» — обезличенный вариант. Кто стал инициатором итогового варианта — неизвестно.

Серьезные изменения претерпела и первоначальная сцена «Ленина в Октябре» — пролог фильма. На титульном листе авторского сценария значится следующее: «В прологе использован эпизод из книги Джона Рида „Десять дней, которые потрясли мир“ — разговор солдата со студентом»⁴⁷. Пролог с той же сценой и ее титулом сохранился и в версии Комитета по делам искусств⁴⁸. Студент представляет вроде как революционные, но противобольшевистские силы, солдат же стоит за «народную правду» о противостоянии двух классов — буржуев и остальных, выражителем которой

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 1. Д. 204. Л. 103.

⁴⁷ Там же. Ф. 631. Оп. 3. Д. 277. Титульный лист.

⁴⁸ Там же. Ф. 962. Оп. 1. Д. 204. Л. 25.

является Ленин. Несмотря на применение студентом самых разных аргументов от собственного сидения в тюрьме за революционную деятельность до подкупа немцами Ленина, ему не удается переубедить солдата⁴⁹. Интерпретация этой сцены Дж. Рида присутствует также в фильме «Человек с ружьем». Диспозиция представлена на этот раз офицером и солдатом, однако упоминание о противостоянии классов и связи Ленина с немцами присутствует. В сценарии, который М. Ромм записал по фильму, имеется иное начало: «Возываясь на помосте, надрывается оратор. Это адвокат Карнаухов — меньшевик обороны»⁵⁰.

Отбор главных персонажей осуществлялся с учетом текущей политической конъюнктуры. Главным сюжетным персонажем, по утверждению автора сценария, является Василий — рабочий, оберегавший Ленина. Его прототипом являлся Эйно Раахья⁵¹. В 1960-е гг. А.Я. Каплер говорил об этом уже открыто. В стенограмме беседы о работе над образом В.И. Ленина от 22 сентября 1967 г. А.Я. Каплер сообщал: «...Выяснилось, что говорить об этом человеке в то время было невозможно, так как он уже был репрессирован. Это финн Эйно Раахья. Ему партия поручила быть рядом с Владимиром Ильичом и охранять его. Пришло мне изменить и национальность его, и характер, и т. д. И не так уж просто на гладком месте создавать характер второго персонажа...»⁵² [...] После того, как Эйно Раахья был восстановлен, в картине уже изменить это нельзя было. Но вы знаете, какое мы переживали сложное время, и в это время невозможно было ничего сделать»⁵³. Фрагмент примерно аналогичного содержания был опубликован двумя годами ранее в журнале «Искусство кино», где Каплер также рассказывал историю работы над дилогией и своего творческого пути⁵⁴. В рукописной версии этих воспоминаний сохранилась пометка от руки:

⁴⁹ Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957. URL: http://www.sovmusic.ru/jpg/10_dnej/10_dnej.htm

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 966. Оп. 2. Д. 568. Л. 1а.

⁵¹ Раахья Эйно Абрамович (1885–1936) — финский революционер, охранял В.И. Ленина в том числе при его возвращении из Финляндии в Петроград. По официальной версии, Эйно Раахья с 1920-х гг. противостоял руководителям Коммунистической партии Финляндии. Считается, что он умер своей смертью от туберкулеза.

⁵² РГАЛИ. Ф. 2900. Оп. 3. Д. 387. Л. 12.

⁵³ Там же. Л. 13.

⁵⁴ Искусство кино. 1965. № 12. С. 112–131.

«А Златогорова!»⁵⁵. Т.С. Златогорова была соавтором сценария А.Я Каплера, что значится в первоначальных версиях. Также она была возлюбленной Каплера, в официальном браке они не состояли. Златогорова была репрессирована, однако, в отличие от Каплера, не вернулась из заключения. Несмотря на развенчание культа личности и т. н. «оттепель», в печатной версии статьи А.Я. Каплера упоминания Златогоровой нет.

Образ Василия, как и многих героев и антигероев дилогии, оказался весьма удачным. Настолько, что многие зрители поверили в историчность этого персонажа. На обсуждениях «Ленина в Октябре» у зрителей также возник вопрос, кто такой Василий. Авторы не отвечали прямо, но тем не менее указывали на наличие некой исторической основы: «Василий — это образ не портретный [...] нам не рекомендовали точно воспроизвести этого человека»⁵⁶. В феврале 1940 г. А.Я. Каплер для аудитории творческого совещания по вопросам исторического и историко-революционного кино заявлял, что «Василий — это, как известно, персонаж вымышленный. И тем более поразительным показалось нам, когда мы в первый раз получили письмо от какого-то пионерского отряда, в котором просили сообщить, где Василий живет, какой его адрес, где он служит, потому что они хотят его поблагодарить за то, что он хорошо охранял Ленина»⁵⁷. Василий стал в итоге тем персонажем, с которым мог себя отождествлять каждый зритель, настроенный положительно к советской власти.

В.И. Ленин. Если Василий был сюжетным героем, то действительно центральным персонажем являлся В.И. Ленин. Культ личности и мемориализация В.И. Ленина к году выхода первого фильма дилогии были уже масштабно развернуты⁵⁸. Однако в кино, которое, казалось бы, являлось «главнейшим из искусств», все еще оставался пробел. Ленин появлялся в художественных фильмах, но либо в виде хроникальных кадров, либо портретов. Опыт С.М. Эйзенштейна, который создал образ вождя на экране с помощью «типажного» (схожего внешним обликом) Никан-

дрова, был признан неудачным и получил множество негативных откликов. Остальные режиссеры боялись браться за такую ответственную задачу, как создание полноценного образа В.И. Ленина. Однако во многих фильмах он присутствовал сюжетно, как незримая сила, влияющая на развитие истории, часто с использованием кинохроники (например, «Его призыв» или «Три песни о Ленине»). «Ленин в Октябре» положил начало художественному воплощению образа вождя.

На каких же «трех китах» стоит образ Ленина? Их можно обозначить как *Узнаваемость — Человечность — Воля к революции*. В выступлениях и воспоминаниях М.И. Ромм и А.Я. Каплер описывали, что им было важно воссоздать не натуралистичный образ В.И. Ленина, а тот, который уже отложился в представлениях основной массы населения. Это касалось и цветопередачи: природный, довольно светлый и рыжеватый оттенок волос Ленина на кинопленке выглядел совсем не так, как на фотографиях более раннего периода, поэтому гримеру пришлось использовать более темные оттенки накладных волос. В схожем ключе приходилось работать при демонстрации возвращения Ленина из Финляндии, когда он изменил внешность. Из выступления А.Я. Каплера в 1940-е гг.: «Ленин в октябре 1917 г. приехал из Финляндии бритым, и, следуя натуралистически исторической точности, Ленина надо было показать в этот период бритым, но тогда его не узнали бы в картине, так как народ знает Ленина с бородой и усами. Этот очень грубый и вульгарный пример показывает, как приходилось ломать натуралистическую историческую действительность, ради достижения исторической правды, ибо образ Ленина, создавшийся в сердце народа, есть образ именно того Ильича с бородой и усами, портрет которого существует в представлении народа»⁵⁹. Одна из сцен дилогии воспроизводит одну из известных фотографий В.И. Ленина, где он сидит на ступеньках трибуны во время заседания III конгресса Коминтерна в Андреевском зале Кремля⁶⁰.

В первоначальном сценарии А.Я. Каплера вождь мирового пролетариата демонстрировал значительную суровость по отношению к Василию, являвшемуся собирательным образом совет-

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 2912. Оп. 3. Д. 226. Л. 44.

⁵⁶ Там же. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 268. Л. 3.

⁵⁷ Там же. Ф. 1923. Оп. 1. Д. 2784. Л. 10.

⁵⁸ См: О Ленине: сборник воспоминаний. М., Л.: Государственное издательство, 1924. В 4-х кн.; Ленин в зарисовках и в воспоминаниях художников. М.; Л.: Гослит, 1928. 192 с. и т.д.

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 2208. Оп. 2. Д. 651. Л. 5–6.

⁶⁰ Хранилась в Музее В.И. Ленина в Москве, ныне ГИМ — <https://lenin.shm.ru/1064-2/>

ского гражданина⁶¹. Василий получал упреки в незнании чего-либо и невнимательности, однако при переходе к киноверсии эти моменты были исключены, а вот примеры заботы В.И. Ленина и его внимания к простому человеку — усилены.

Этот поведенческий паттерн закрепился за Ильичом. Впоследствии он был воспроизведен, например, в «Выборгской стороне», заключительной части серии фильмов о большевике-революционере Максиме. в первых двух фильмах трилогии В.И. Ленин отсутствует, в третьей появляется лишь эпизодически, демонстрируя свою заботу о простом человеке: он укрывает Максима пледом и дорисовывает ему еще час сна, чтобы того не беспокоили до 8 утра. Трудоспособность и неприхотливость В.И. Ленина в быту отмечалась многими мемуаристами, за этими воспоминаниями следовал и М.И. Ромм. Также он отдельно подчеркивал, что со Щукиным они старались в каждом кадре выразить то, что двигало Ильичом на протяжении жизни — волю к революции.

И.В. Сталин. Второй по важности вождь также появлялся в картине. Образ И.В. Сталина уже воссоздавался художественными силами на экране, например в советском фильме Госкинпрома Грузии «Американка» (1930). Однако канонического образа второго вождя ко второй половине 1930-х гг. еще не сложилось. Не преуспела в этом отношении и дилогия: образ Сталина конструировался лишь как приложение к Ленину. В 1940-х гг. А.Я. Каплер сетовал на то, что второй вождь все еще является невзятой вершиной для советской кинематографии: «Что же касается до образа Сталина в этих картинах, то мне представляется, что эта работа, вообще, еще не может даже быть признана начатой...»⁶².

Фильм, в его первоначальном монтаже, демонстрировал плотную связь двух вождей, их личную симпатию и близость друг к другу. Если следовать за постановкой дилогии, то выходит, что Stalin во всех отношениях был ближе к Ленину, чем, например, Крупская. В первой же сцене «Ленина в Октябре», где зрителю демонстрируют Ленина, незримо появляется и Stalin. Ленин первым же произнесенным предложением просит товарища Василия передать сообщение Stalinу и только после этого — письмо Н.К. Крупской. После приезда к Анне Михайловне (Феофано-

вой) Ленин снова обращается к Василию, чтобы он, впрочем, как и зритель, не забывал о том, кто главный человек в жизни Ильича: «Помните, прежде всего — свидание со Stalinым». При встрече двух вождей демонстрируется и их физическая близость, они обнимаются дважды. В фильме И.В. Stalin интересуется бытовыми условиями В.И. Ленина. В сценарии такое заботливое отношение у советских вождей было обобщенным. Давая очередное указание Василию, Ленин проявляет заботу о скромном и/или неприхотливом Stalinе: «Последнее — возьмите деньги — вот... достаньте теплое кашне и передайте его Stalinу. И нужно сделать это тактично»⁶³.

На обсуждениях «Ленина в Октябре» у зрителей возникали вопросы относительно персонажа И.В. Сталина. Чаще всего интересовались тем, кто сыграл его роль, но это был не единственный повторяющийся вопрос. Участников обсуждения также волновал вопрос, куда подевался акцент И.В. Сталина? В первом фильме в немногочисленных репликах второго вождя он и правда отсутствовал. Ко второму фильму этот недочет был исправлен.

Среди положительных идентифицируемых героев выделяются также Ф.Э. Дзержинский и Я. Свердлов. Их сюжетные линии будут усилены в «Ленине в 1918 году». В сценарии, отложившемся в фонде Госкиноиздата, фигурирует следующая концовка «Ленина в Октябре»: «[Актовый зал Смольного] За столом президиума стоят новые люди. Это Stalin, Molotov, Dzerzhinsky, Kalinin, Sverdlov, Uritskiy и другие. Они тоже аплодируют Leninu. В зале крестьяне, рабочие, солдаты, матросы, russkie, украинцы, татары. Все они с бесконечной любовью, с восторгом смотрят на своего Ильича»⁶⁴. В титрах указаны лишь Дзержинский и Свердлов, на кадрах можно по внешнему сходству идентифицировать Молотова и Урицкого, Калинин отсутствует. Примечательно, что почти все «новые люди», кроме Сталина и Молотова, к моменту выхода фильма мертвы, а значит, не представляли политической опасности, в первую очередь для создателей дилогии, как потенциальные «враги народа». Национальную принадлежность выделить в фильме на кадрах общего плана было достаточно затруднительно, однако такие попытки явно присутствуют.

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 3. Д. 277.

⁶² Там же. Ф. 1923. Оп. 1. Д. 2784. Л. 10.

⁶³ РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 1. Д. 13. Л. 19.

⁶⁴ Там же. Ф. 966. Оп. 2. Д. 568. Л. 96.

На противоположном полюсе от «истинно советских людей» стояли *враги советской власти*, которые вечно о чем-то сговаривались. Заговор — основа вражеского действия в дилогии. В первоначальном сценарии и в итоговом варианте порядок показа врагов советской власти разнится. В фильме «Ленин в Октябре» первые необезличенные враги — это *Троцкий, Каменев и Зиновьев*. Правда в фильме о них рассказывают, а не показывают.

Обстановка в партии большевиков накануне восстания не была спокойной, разногласия проявлялись и в ходе заседаний 10 и 16 октября. Ни о каком единстве партии в тот момент говорить нельзя⁶⁵. В фильме события партийных заседаний перемешаны, несколько заседаний представлены как одно — 10 октября 1917 г. Зрителя в полной мере на заседание ЦК не пускают: общего плана нет, лишь речь Ленина. Впрочем, как и Василия: тот ждет за дверью. Тем не менее события с возражением Каменева и Зиновьева против вооруженного восстания изложены достаточно последовательно. Зритель видит Ленина, выступающего на партийном заседании, обвиняющего в предложении ждать: «Я не вижу разницы между предложениями Троцкого и Каменева с Зиновьевым. Они оба означают ждать»⁶⁶. Stalin в оригинальной версии фигурирует на заднем плане относительно Ленина. Предатели присутствуют на словах, но не изображаются. Каменев и Зиновьев не получают партийной поддержки в своих возражениях против восстания, опущен момент с их письмом «К текущему моменту», адресованному областным комитетам РСДРП(б). Мелкие неточности присутствуют: например, в реальности Ленину сообщили по телефону о письме Каменева, а не он сам прочитал его в «Новой жизни»⁶⁷. Что же именно Ленин считал предательством? Об этом довольно четко сообщено в следующем фрагменте: «Мы не можем опровергнуть кляузной лжи Зиновьева и Каменева, не вредя еще больше делу. В том-то и состоит безмерная подлость, настоещее изменничество обоих этих лиц, что они перед капиталистами выдали план стачечников, ибо, раз мы молчим в печати, всякий дога-

дается, как стоит дело»⁶⁸. Однако действительно ли Ленин объединял позиции Троцкого и Каменева с Зиновьевым? Вовсе нет. Об этом свидетельствует письмо В.И. Ленина в Центральный Комитет РСДРП(б), написанное 19 октября 1917 г.: «Увертка Каменева на заседании Петроградского Совета есть нечто прямо низкое; он, видите ли, вполне согласен с Троцким. Но неужели трудно понять, что Троцкий не мог, не имел права, не должен перед врагами говорить больше, чем он сказал»⁶⁹.

В сценарии А.Я. Каплера Зиновьеву давалось слово на партийном заседании: «...Я глубоко убежден, что объявлять сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту судьбу партии, судьбу русской и международной революции»⁷⁰. Однако впоследствии позиция «врага» была минимизирована. В первом фильме дилогии нет прямого указания на сотрудничество Каменева и Зиновьева с врагами-буржуями. Тем не менее в различных вариантах сценария публикация в «Новой жизни» однозначно трактовалась именно как предательство. Была не вошедшая сцена в типографии, где слова о предательстве были вложены в уста рабочему. Сначала работники типографии отказывались печатать текст Каменева, затем происходил диалог: «Седоусый рабочий подходит к наборщику и трогает его за рукав: / — Брось, — говорит он не-громко, — это не фальшивка... / — Не может быть! / Вбегает метранпаж: / — А ну, по местам! / — Это хуже фальшивки, — говорит седоусый, — тут предательство»⁷¹. Предательство Каменева и Зиновьева было настолько откровенно, что даже буржуазные силы осуждают подобное поведение: «Послушайте, будем откровенны — ведь это предательство»⁷².

В сценарных версиях фильма «Ленин в Октябре» первыми представленными зрителю врагами являются представители буржуазии. В авторском варианте сценария А.Я. Каплера враги-буржуи не только появляются первыми, но и лучше прописаны по сравнению с другими антагонистами, им отведено больше сцен. Во главе их находится Родзянко, заседают они в кабинете посла

⁶⁵ Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / Отв. ред. Ю.А. Петров: в 2 т. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 1. С. 715–717.

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 1. Д. 13. Л. 24.

⁶⁷ <https://leninism.su/works/73-tom-34/1712-pismo-k-chlenam-partii-bolshevikov.html>

⁶⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 34. Июль — октябрь 1917. С. 423–427.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 3. Д. 277. Л. 15.

⁷¹ Там же. Ф. 962. Оп. 1. Д. 204. Л. 61.

⁷² Там же. Л. 65.

иностранный державы⁷³: «В креслах — миллионеры, заводчики, министры Временного правительства Терещенко⁷⁴ и Коновалов⁷⁵, какой-то генерал, два полковника. В глубине, на диване, сложив мясистые руки на огромный живот, развалился слоноподобный Родзянко»⁷⁶. Делается акцент на том, что Временное правительство готовило сдачу Петрограда: «Родзянко, который, как известно, в это самое время подготовил сдачу Питера немцам»⁷⁷. Данное обстоятельство согласуется с ленинской позицией о намерениях Родзянко сдать Петроград немцам⁷⁸, хотя документальных доказательств таких намерений нет.

Родзянко весьма узнаваем, но вот министры Терещенко и Коновалов вряд ли были известны широкой публике. Кроме того, если указанные лица представляли скорее реакционные силы, то был еще один спектр враждебных большевикам сил — демократические. В отличие от врагов, засевших в самой партии большевиков, эти буржуазно-демократические враги не представлены конкретными историческими фигурами: ни Рутковский, ни Кириллов, ни Жуков не являются историческими фигурами. Можно предположить, что прообразом Жукова является Мартов, а Рутковского — Савинков, однако прямых указаний на это нет.

Одной из главных характеристик буржуазных врагов является то, что они действуют всегда в согласии со своими зарубежными партнерами, полагаясь на их помощь и поддержку. Более того, в своей борьбе против большевиков они готовы жертвовать российскими территориями: «[фабрикант Рыжов] — Пожалуйста! С искренним воодушевлением кричит Рыжов. — Отдать пол-России? Отдадим! Кавказ — англичанам? Берите! / Посол спокойно кивает

⁷³ РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 1. Д. 13. Л. 13. В авторском сценарии А.Я. Каплера они заседали первоначально в кафе.

⁷⁴ Терещенко Михаил Иванович (1886—1956) — предприниматель, владелец заводов, землевладелец, банкир. В составе Временного правительства был сначала министром иностранных дел, а затем финансов. Арестован большевиками в Зимнем дворце. В 1918 г. был освобожден и эмигрировал.

⁷⁵ Коновалов Александр Иванович (1875—1949) — предприниматель и политический деятель. В 1912—1917 гг. — член IV Государственной Думы. В составе Временного правительства министр торговли и промышленности. Арестован большевиками в Зимнем дворце. В 1918 г. был освобожден и эмигрировал.

⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 966. Оп. 2. Д. 568. Л. 13.

⁷⁷ Там же. Ф. 844. Оп. 1. Д. 13. Л. 15.

⁷⁸ <https://leninism.su/works/73-tom-34/1712-pismo-k-chlenam-partii-bolshevikov.html>

головой /. Украину этим — ну известно кому... Пусть жрут! Нам не жалко, мы на все согласны. Но дайте же человека, которому бы я поверил, — с искренним воодушевлением, ударяя себя в грудь кулаком, почти рыдая, требует Рыжов. — Дайте настоящего душителя, дайте вешателя! Надо же, господа, чтобы был настоящий человек!»⁷⁹. Посол иностранной державы говорит, что надо разоружить заводы руками эсеров и меньшевиков, а затем «принять некоторые меры относительно большевистских лидеров». Родзянко менее осторожен в своих высказываниях и прямо говорит о необходимости убить Ленина. Сценарный вариант расширял список большевиков, убийство которых планировалось буржуями: «Паузу прерывает военный атташе: — Надо понимать господина посла немножко шире. Большевистский партий имеет свою головка. Есть Ленин и есть Сталин.⁸⁰ [...] — Затем Свердлова! — кричит Терещенко⁸¹». Далее по ходу сцены перечисляют еще Дзержинского и Урицкого. Присутствует в фильме и А.Ф. Керенский. Несомненно, для массового зрителя это была одна из наиболее узнаваемых фигур. Однако он изображен как человек, лишенный фактической власти и потерявший связь с реальностью. Окружение Керенского насмехается над его пафосной манерой речи и не видит в нем политического лидера.

Судя по имеющимся материалам, антигерои в первом фильме о Ленине произвели не столь сильное впечатление на зрителя, однако шпик некоторым запомнился: «Был еще случай с артистом Лагутиным, который играл в картине роль шпика. Он выслеживал Ленина. Приходит Лагутин ко мне и говорит: «Какой успех! Вчера на улице мальчишки узнали меня и закидали камнями, а в трамвае какой-то парень посмотрел на меня и говорит: „Ты где сходишь, гад?“ Пришлось ехать до конечной остановки. Все это свидетельствуют, что народ наш фильм принял и оценил»⁸².

Политические силы. К моменту съемок и показа дилогии — никаких иных партий, кроме ВКП(б), в СССР не существовало, фракционность внутри партии осуждалась, ее «зачинщики» истреблялись физически, а партийный и государственный аппарат оказались спаяны. Тем не менее в фильмах показывались иные

⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 966. Оп. 2. Д. 568. Л. 14.

⁸⁰ Там же. Л. 15.

⁸¹ Там же. Л. 16.

⁸² Там же. Ф. 844. Оп. 1. Д. 35. Л. 13.

времена и иное положение дел. Более того, именно на примере революционного периода авторам нужно было продемонстрировать советскому (и не только) зрителю абсолютное превосходство партии большевиков и их закономерную победу над остальными политическими силами и при большой поддержке населения. Однако отображению центристских или правых партий, таких как кадеты или октябрьсты, не нашлось места. Они отождествлялись со всеми буржуазными силами в виде капиталистов разного масштаба, помещиков и офицерства. Выразителем их политической воли являлось, согласно дилогии, Временное правительство, пусть к октябрю 1917 г. и наступило разочарование буржуазных сил в фигуре А.Ф. Керенского.

Сложнее оказалось А.Я. Каплеру и М.И. Ромму в первом фильме определиться со стратегией презентации *эсеров*. Первоначальная стратегия предполагала показать, с одной стороны, ту поддержку, которой пользовалась партия эсеров у населения, с другой стороны, наступившее разочарование после нежелания немедленно заканчивать войну. В режиссерском сценарии указано, что на митинге (начальная сцена) выступает эсер, который говорит о необходимости участия в войне до победного конца. Большевик Матвеев доказывает, что оратор совсем не крестьянин, а маскирующаяся интеллигенция⁸³. Также эсеры фигурировали в сцене с письмом из деревни, в котором было описано, что крестьяне первоначально были с эсерами, но те поддержали Керенского и продолжение войны, поэтому крестьяне передумали, а еще заодно убили офицеров⁸⁴. От этих сцен в «Ленине в Октябре» было решено отказаться. В итоговом варианте *эсеры и меньшевики* оказались прикреплены друг к другу, как и их олицетворения — Жуков и Рутковский. Впервые они появляются в сцене с иностранным послом, Родзянко и т.д. Им было поручено разоружить заводы, но сделать им это не удалось: на всем заводе оказался лишь один рабочий-эсер, и тот отказался идти им навстречу.

Следует отметить, что в фильме фигурирует еще одна политическая сила — это *анархисты*. Правда, информация о них лишь мелькает в кадре в виде расположенной в Смольном таблички «Анархисты на третьем этаже». Вероятно, такое изображение

⁸³ РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 1. Д. 35. Л. 10.

⁸⁴ Там же. Л. 35.

должно было передать зрителю послание о незначительной роли анархистов в революционных событиях. В одной из сцен В.И. Ленин упоминает *черносотенную газету*, говоря, что врагов надо знать в лицо.

Советы. Согласно «Краткому курсу истории ВКП(б)», после февральских событий 1917 г. Советы захватили меньшевики и эсеры, которые своими действиями дискредитировали Советы среди населения⁸⁵. Однако после корниловского мятежа авторитет и влияние Советов выросло⁸⁶. При этом перед создателями фильма ожидало вставал ряд трудностей. Они не могли раскрывать позицию Троцкого по восстанию, показывать его деятельность в Петроградском Совете. Ввиду этого Советы в фильме оказались фактически исключены из нарратива, присутствуя лишь в виде лозунгов на плакатах.

Военно-революционный комитет. 20 октября было образовано бюро в составе трех большевиков (Антонов-Овсеенко, Подвойский⁸⁷, Садовский⁸⁸) и двух левых эсеров (П.Е. Лазимир, Г.Н. Сухарьков). ВРК заручился поддержкой Петроградского гарнизона. ВЦИК покинул Смольный, с 22 октября там разместился штаб по подготовке вооруженного восстания⁸⁹. Однако на момент съемок фильма документы, которые касались ВРК, были засекречены.

Вопрос о роли ВРК оказался весьма важным для И.В. Сталина в связи с формированием нарратива о его участии в революционных событиях октября 1917 г. Для подчеркивания роли Сталина в этих событиях надо было сместить акцент с ВРК на так называемый *Военно-революционный центр (ВРЦ)*. Впервые смещение акцента произошло еще в 1924 г. в ходе т.н. «литературной дискуссии», когда в выступлении Сталина именно ВРЦ был назван главным в организации восстания. Как отмечает исследователь Е.Ю. Синин, для доказательства данного положения И.В. Сталин

⁸⁵ История ВКП (б). Краткий курс. С. 170.

⁸⁶ Там же. С. 193.

⁸⁷ Подвойский Николай Ильич (1880–1948) — политический деятель, вступил в РСДРП в 1901 г. В дни восстания — зампредседателя ВРК. Оказывал поддержку С. Эйзенштейну при съемках «Октября».

⁸⁸ Садовский Андрей Дмитриевич (1880–1927) — политический деятель, вступил в РСДРП в 1901 г. Во время восстания заведовал вооружением, связью и транспортом.

⁸⁹ Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / Отв. ред. Ю.А. Петров; в 2 т. Т. 1. С. 718.

обратился к протоколам заседания ЦК РСДРП(б) от 16 октября 1917 г., «особо выделив вопрос о „практическом центре по организации руководства восстанием“»⁹⁰. При этом как другие документы, так и воспоминания, созданные в скором времени после революционных событий, не приводят данных о какой-то особой роли ВРЦ. После статьи Каменева в «Новой жизни», раскрывающей планы о восстании, согласно протоколам ЦК партии, он был исключен из ЦК, но это решение было забыто, и он оказался действующим лицом в штабе революции — Смольном. В упомянутом выше выступлении 1924 г. Сталин сказал, что у Джона Рида в произведении «Десять дней, которые потрясли мир» воплотились лишь массовые слухи, в то время как сам Stalin знает то, как все происходило, изнутри. Таким образом, закреплялось противоречие между двумя нарративами: сталинским и созданным Джоном Ридом. К моменту публикации «Краткого курса ВКП(б)» вопрос о соотношении значения ВРК-ВРЦ был решен уже однозначно: «16 октября состоялось расширенное заседание ЦК партии. На нем был избран Партийный центр по руководству восстанием во главе с тов. Сталиным. Этот Партийный центр являлся руководящим ядром Военно-революционного комитета при Петроградском Совете и руководил практически всем восстанием»⁹¹.

Один из первых вариантов режиссерского сценария «Ленина в Октябре» предваряет машинописное примечание. Авторство его неизвестно, в нем указано на историческую неточность с несколькими заседаниями ЦК в реальности, которые в фильме были слиты в одно. Отдельно указано на «выбор пятерки по руководству восстанием», которое состоялось 16 октября⁹². Здесь определенно имеется в виду ВРЦ и расстановка сил в соответствии со сталинской концепцией. В сценарии на партийном заседании демонстрировался момент с выбором ВРЦ: «Прихожая. Василий и пожилой рабочий слушают. Из комнаты заседания доносится голос

⁹⁰ Синин Е.Ю. И.В. Stalin и Военно-революционный центр: одна из страниц «литературной дискуссии» в РКП(б) 1924 года // Актуальные вопросы гуманитарных наук. Сб. научных статей бакалавров, магистрантов и аспирантов. Вып. 3. М.: Книгодел, 2020. С. 315–326.

⁹¹ История ВКП (б). Краткий курс. С. 197.

⁹² РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 1. Д. 13. Л. 3. Ответ на это примечание на том же листе сделан рукой М. Ромма, в котором он сообщает, что «этот маленький [отход у меня] от исторической истины заранее с Вами согласован (в принципе!). Остальное в полной мере соответствует тем данным, которые мы могли узнать».

одного из членов ЦК: / — Товарищи, в военно-революционный центр по руководству восстанием выбраны Stalin, Свердлов, Дзержинский, Урицкий»⁹³. Этот момент воспроизведен в фильме, причем именно в таком виде: зрителю демонстрируют закрытую дверь и доносящийся из-за нее голос. Из большевистских органов акцент был сделан именно на партии, а точнее на ЦК. Далее ВРЦ исчезает. Непосредственно восстанием, за исключением Ленина, который руководит скорее теоретически, согласно нарративу фильма, руководит «Штаб в Смольном». Однако указатель на стенах Смольного гласит «Военно-революционный комитет». Звонок на фабрику о начале восстания раздается именно от ВРК. Добравшись, несмотря на различные угрозы и опасности, в Смольный, Ленин сразу направляется к Stalinу, где зритель может увидеть тот самый «штаб»: Stalin в центре завис над картой Петрограда, рядом с ним Дзержинский, матрос и еще два неаннотированных персонажа. В сценарии это выглядит так: «[Смольный] На стеле карта Петрограда. Над картой склонились Lenin, Дзержинский и Свердлов. В глубине комнаты Stalin дает указания группе вооруженных матросов»⁹⁴. После сцены с Зимним — [Комната ВРК]. Все так же склонились над картой Stalin, Дзержинский, Свердлов»⁹⁵. Однако сам момент восстания четырежды перебивается титром «Военно-революционный комитет», именем же ВРК арестовывается Временное правительство.

«Ленин в 1918 году». Публичное заявление о продолжении «Ленина в Октябре» сделал оператор Б. Волчек на обсуждении фильма в заключительном слове: «Директивные инстанции дали нам указание и предложили работать в дальнейшем над созданием второй серии фильма о Ленине, и сейчас сценарист Каплер работает над сценарием 2-й серии. Вторая серия будет ставиться у нас в студии и охватит период первого года советской власти и 1918 года. В этот фильм, по-видимому, войдут эпизоды Брестского мира, борьба Lenina с Бухарином, Рыковым, в эпизоды фильма 2-й серии войдет покушение на Lenina эсеркой Каплан. В этом фильме войдут эпизоды начала советской власти. По-видимому, этот фильм завершится возвращением Lenina в Совнарком после его выздоровления

⁹³ РГАЛИ. Ф. 966. Оп. 2. Д. 568. Л. 17.

⁹⁴ Там же. Л. 77.

⁹⁵ Там же. Л. 86.

*в 1918 году, когда на него покушалась эсерка Каплан*⁹⁶. Этот анонс Волчека оправдался лишь частично. В итоге фильм, в первоначальном монтаже длившейся чуть более двух часов, исключил обстоятельства заключения Брестского мира, оставив только покушение на В.И. Ленина.

1937–1939 годы оказались весьма тяжелыми и для работников кинематографа, многие из них оказались репрессированы. В том числе Б.З. Шумяцкий, игравший определенную роль в судьбе дилогии. В ноябре 1937 г. он писал секретно Сталину и Молотову, что «руководящие работники Всесоюзного Комитета по делам искусств продолжают активную борьбу против фильма „Ленин в Октябре“ [...] Керженцев и Рабичев [...] снова указывали, что образ В.И. Ленина трактуется нами в картине неправильно»⁹⁷. Однако подковерные игры не привели к положительному результату: в январе 1938 г. он был снят с должности и арестован, а в июле — расстрелян. На смену ему пришел С.С. Дукельский, начинавший свой карьерный путь в рядах ВЧК-ОГПУ-НКВД. Новый руководитель кинематографии не пришелся по душе большинству режиссеров и сценаристов. М. Ромм в этом плане не был исключением. Позднее он говорил о том, что Б.З. Шумяцкий старался «примазаться» к успеху «Ленина в Октябре», а режиссер, не зная, что за этим стоит, всячески старался отбивать атаки. В воспоминаниях он приходил к выводу, что надо было постараться помочь Шумяцкому⁹⁸.

Тем не менее съемочную команду дилогии в эти годы репрессии не коснулись (их черед пришел позднее), и они успешно сняли вторую часть дилогии. По словам Ромма, опубликованным в «Известиях» в 1939 г., первый вариант сценария был готов к середине лета 1938 г. Рабочее название было «Ленин», но Stalin своей волей назвал второй фильм «Ленин в 1918 году»⁹⁹. Фильм был снят за три с половиной месяца¹⁰⁰. В отличие от «Ленина в Октябре», сохранилась стенограмма просмотра «Ленина в 1918 году» в кремлевском кинотеатре. По записи С.С. Дукельского И.В. Stalin сделал шестнадцать замечаний к фильму «Ленин в 1918 году»¹⁰¹. В том

числе, сцена, в которой сотрудники ВЧК спасают Ф. Каплан от самосуда, внесена И.В. Stalinым. Там же сохранилась и та версия сценария, которая поступила к И.В. Stalinу¹⁰².

В первом фильме выстраивался образ человеколюбивого В.И. Ленина. Второй фильм отчасти этот образ повторял, однако были и изменения. Можно выделить два главных посыла второй части: необходимость *жестких мер советской власти в отношении контрреволюционных сил и положительная характеристика ВЧК*. В начале фильма к В.И. Ленину приходит М. Горький. Персонаж исключительно положительный, любимый Ильичом, однако излишне мягкий. Он просит не только обеспечения для ученых и деятелей искусства, но и помилования, и ставит вопрос — а не излишне ли жестока советская власть? Lenin дает ему ответ в самом начале фильма при помощи «простого» бойца советской власти, свидетельствующего от имени «народа», что с кулаками и остатками буржуазии надо нещадно расправляться. Но более глобально тот же вопрос ставится на протяжении всего фильма от описанной до финальной сцены общения идущего на поправку Lенина с приехавшим к нему Stalinом. Особенно ехидно на этом фоне смотрится характеристика «Ленина в 1918 году», данная С. Эйзенштейном: «Картина доходит до сердца, в ней схвачена самая сердцевина того, чем велик большевизм, — гуманность»¹⁰³. Однако именно гуманность во втором фильме дилогии скорее отрицается, даже главный гуманист картины — Горький — сообщает зрителю, что насилие — необходимо.

Главное обоснование применения насилия — многочисленные внутренние и внешние враги. Причем враждебное окружение присутствует на двух уровнях: внешнем и внутреннем. Первый демонстрируется в первых кадрах фильма, когда зрителю показывают карту 1918 г., где пространство Советской России сжимается, захватываемое врагами. Внутренние враги присутствуют на протяжении всего фильма, ведь предатели дела революции есть везде. Наиболее подлые предатели засели в самом сердце партии, на этот раз мы услышим фамилии *Троцкого, Каменева, Зиновьева, Пятакова и Бухарина* (покажут зрителю лишь последнего). Прямых документальных свидетельств, что упоминание именно этих фами-

⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 268. Л. 12 об.

⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 4. Д. 34. Л. 1.

⁹⁸ Ромм М.И. Устные рассказы. М., 1989. С. 56–57

⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 57. Л. 11.

¹⁰⁰ Ромм М.И. Ленин в 1918 году // Известия. 1 марта 1939 г.

¹⁰¹ Кремлевский кинотеатр. С. 533.

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 159. Л. 15–94.

¹⁰³ Эйзенштейн С.М. Ленин в наших сердцах // Известия. 6 апреля 1939 г.

лий было дано «сверху», пока не выявлено. Однако второй фильм дилогии определенно обличал всю подлость таких «предателей»: «Мы смотрим фильм после того, как троцкистско-бухаринская банда разоблачена и уничтожена. Но ненависть, которую вызывает этот уже уничтоженный враг, не уменьшается»¹⁰⁴. Примечательно, что Рошаль во время обсуждения «Ленина в 1918 году», проходившем в Доме кино 21 марта 1939 г., отмечал, что «этот картина, выходит в исторические дни, эта картина выходит в дни исторического XVIII съезда партии»¹⁰⁵.

Заговор по-прежнему основа действия контрреволюционных сил. Заговорщики собираются в ложе в Большом театре. Их план действия состоит в убийстве лидеров большевиков в один день (должны быть убиты Ленин и Свердлов в Москве, Сталин в Царицыне, Урицкий в Петрограде) и последующем захвате Кремля. Оставшиеся **буржуазные силы** во главе с неким Константиновым. Кооперируются они с **левыми коммунистами и левыми эсерами**, у которых подготовлен новый глава правительства — Пятаков и генеральный секретарь партии — Бухарин. Убийство Урицкого и покушение на Ленина в реальности были разнесены по времени, но в фильме даны практически единовременно для усиления драматического эффекта. Еще один ярый враг советской власти — кулаки. В.И. Ленин даже беседует с одним из них, дает ему понять, что нет никакого «мужика», а есть только кулак и мироед. При этом в театральной версии «Ленина в 1918 году» к Ленину на аудиенцию приходило несколько крестьян, часть из них была бедняками, т.е. положительными героями для советской власти. В фильме же положительный образ крестьянина отсутствует. Однако рабочие однозначно с советской властью, поддерживают ее и идут за нее сражаться в Красную армию. И даже когда одного рабочего заговорщики все-таки подговорили убить Ленина, тот не смог этого сделать, потому что слова вождя отзываются в каждом рабочем. В итоге для убийства Ленина избрана **Фани Каплан**, дама курящая, что-то пьющая из пузырька. М. Ромм отмечал, что актрисе было тяжело, она чувствовала как собственную ответственность, так и ненависть к ней, которая витала на съемочной площадке¹⁰⁶. Эпизод покушения воспроизведен довольно точно, он

также согласуется с воспоминаниями шоfera Гиля, присутствовавшего при покушении. Единственная «утка», которую воспроизводит фильм, — это отравленные пули, коих в реальности не было. В сценарии был момент, где Бухарин пытается добить Ленина, когда тот лежит уже раненый, при помощи некоего врача по фамилии Кечкер¹⁰⁷. Но поскольку Ленина осмотрели двое докторов, которые уже рекомендовали верное лечение, а Кечкер трусит, план не удается¹⁰⁸. **Троцкому**, стремящемуся вредить опородованно, через приказы и письма на фронт, противостоит лично Сталин, отменяя его приказы, цель которых — расформирование фронта и сдача Царицына белым. Сталин во втором фильме представлен как великий боевой стратег.

Одним из непременных участников заговора против советского государства является представитель иностранного государства. В обоих фильмах дилогии эту функцию выполняет посол буржуазного государства. Однако сценарий второго фильма разворачивал эту линию более широко. За основу была взята история британского дипломата и тайного агента Роберта Локкарта, которого в 1918 г. арестовали в советской России и выслали из страны. «Краткий курс истории ВКП(б)», связывая все антисоветские силы между собой, также упоминает Локкарта: «Мятеж белогвардейца Савинкова в Ярославле, организованный главою английской миссии в Москве Локкартом, был разгромлен, а Локкарт арестован. Эсеры, убившие т.т. Урицкого и Володарского и произведшие злодейское покушение на жизнь Ленина, за белый террор против большевиков были подвергнуты красному террору и разгромлены во всех сколько-нибудь значительных пунктах центральной России»¹⁰⁹. Согласно сценарию, Свердлов подменял Ленина на посту руководителя СНК, пока тот не оправился от ранения. Свердову поступает информация от сотрудников ВЧК, что двое контрреволюционеров скрылись в здании посольства, куда сотрудники не решаются входить, однако Свердлов дает разрешение, в результате все злодеи

¹⁰⁴ Соболев Л. Великая правда // Правда. 9 апреля 1939 г.

¹⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

¹⁰⁶ Ромм М.И. Ленин в 1918 году // Известия от 1 марта 1939 г.

¹⁰⁷ Фамилия Кечкер не относится к наиболее распространенным. Следует отметить, что в 1930-е гг. действительно существовал врач с такой фамилией: Кечкер Леонид Харитонович (1898–1971), однако практиковать он начал во второй половине 1920-х гг., соответственно, не мог иметь отношения к лечению В.И. Ленина. Л.Х. Кечкер пострадал по делу врачей уже в 1953 г.

¹⁰⁸ РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 1. Д. 15. Л. 69.

¹⁰⁹ История ВКП (б). Краткий курс. С. 219.

задержаны¹¹⁰. Василий уже в стенах ВЧК ведет допрос Константина и узнает, что тот на самом деле Сидней Реджинальд Рейтон, лейтенант английской армии. Затем вводят английского посла Локкарта. Василий обвиняет его, что тот вместе с французским послом, буржуями и белогвардейцами убили Урицкого и организовали покушение на Ленина¹¹¹.

Главный союзник советской власти в фильме, пожалуй, даже не пролетариат, а *ВЧК*. Во многом это достигается за счет весьма удачного образа Ф.Э. Дзержинского, который суров, но справедлив, силен, хоть и страдает от болезни. Союз лично В.И. Ленина и ВЧК демонстрируется в одной из самых выразительных и запоминающихся сцен фильма: общение Ильича с сиротой Наташей. В итоговом монтаже, когда Ленин узнает, что родители девочки умерли от голода, он сразу же звонит Ф.Э. Дзержинскому, требует расстрелять спекулянтов и предлагает ВЧК (!) взять на себя заботу о беспризорных детях. В сценарии перед этим разговором В.И. Ленин звонил Н.К. Крупской и просил пристроить девочку¹¹². При этом А.М. Коллонтай, которая в 1918 г. руководила Народным комиссариатом государственного призрения, никто не вспомнил. Эта сцена в бумажном воплощении в большей степени рисовала образ Ф.Э. Дзержинского, который принимал крестьянских ходоков, просил комфортно их расположить, а когда его подчиненный сообщил, что это не их дело, то железный Феликс выдал следующий тезис: «*ВЧК все касается, что нужно советской власти*»¹¹³. Также в литературном сценарии после беседы с Лениным и Горьким красноармеец Коробов подходил к всенародному любимцу Василию. Коробов спрашивал Василия, где тот работает, последний отвечал, что в ЧК¹¹⁴. Однако даже среди сотрудников ВЧК есть предатели, одного из них самолично вычисляет Ф.Э. Дзержинский, правда, предатель успел убить к тому моменту доблестного и неподкупного коменданта Кремля Матвеева.

Одним из главных терминов политической жизни 1918–1920 гг. был *террор* — белый и красный. Красный террор был объявлен советской властью в ответ на убийство Урицкого. В филь-

ме убийство Урицкого является частью заговора Константинова, а сообщает Ленину о случившемся Дзержинский. В реальности же звонил и разговаривал с Лениным сразу после убийства председатель Петросовета — Г.Е. Зиновьев, но, конечно, его показывать уже было нельзя. Личность убийцы не упоминается. В фильме само понятие «террор» присутствует, его произносит при телефонном разговоре Свердлов после покушения на Ленина. Однако в режиссерском сценарии террор упоминается больше, и его источником является «народ». После покушения перед тем, как потерять сознание, Ленин шепчет Василию, что не время предаваться печали, пусть товарищи рабочие берутся за оружие. В отличие от итоговой версии фильма, здесь употребляется выражение «красной террор», когда рабочие стремятся устроить самосуд. «Красный террор» выкрикивается в потоке таких лозунгов, как «смерть буржуазии», «к оружию» и «смерть убийце»¹¹⁵. Отсутствующий в самом фильме титр гласил, что народ встал на защиту революции, ответил массовыми арестами буржуазии, расстрелами белогвардейцев. После того как Дзержинский допросил и раскрыл убийцу Матвеева, зрителю сообщалось, что на покушение на В.И. Ленина советский народ ответил красным террором, были взяты Казань, Грозный и Уральск, а из многих мест враги бежали¹¹⁶.

«Ленин в 1918 году» продолжил развивать тему доверительных отношений между В.И. Лениным и И.В. Сталиным, даже несмотря на то, что Сталин, как и в первом фильме дилогии, присутствует довольно мало. Особенно сильно связь двух вождей проявляется на фоне мучений Ильича после покушения. В сценарии положение со здоровьем Ильича вырисовывается как будто более тяжелым, например присутствует кровохарканье. Сцены со страдающим от ранения Лениным перемежаются со сценами со Сталиным в поезде и боев Гражданской войны. Ленин оправляется от ранения только тогда, когда Сталин улучшает положение на фронте¹¹⁷. Данный мотив сохраняется и в фильме, но в сценарии он прописан подробнее. Есть и дополнения в фильме: когда Ленин просит врача в фильме сообщить ему, конец ли это, то он делает ремарку,

¹¹⁰ РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 1. Д. 15. Л. 70.

¹¹¹ Там же. Л. 91–93.

¹¹² Там же. Л. 30.

¹¹³ Там же. Л. 32.

¹¹⁴ Там же. Л. 16.

¹¹⁵ РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 1. Д. 15. Л. 62–63.

¹¹⁶ Там же. Л. 97.

¹¹⁷ Там же. Л. 73–86.

что если конец, то надо вызвать Сталина. В сценарном варианте диалога нет упоминания Сталина¹¹⁸.

Отдельным блоком следует сказать про *женских персонажей в дилогии*. Сразу можно отметить, что большинство женских персонажей находятся в домашнем пространстве: Анна Михайлова, приотившая Ленина по возвращении, жена Василия Наталья, Евдокия Михайлова — помощница по хозяйству из второй части, даже Н.К. Крупская. Они не показаны какими-то активными участниками революционного процесса. Наталья, находящаяся в положении, выражает озабоченность происходящими событиями, указывает Василию, что отец из него так себе, т. к. он постоянно отсутствует. Тем не менее каждая из героинь высказывает личную человеческую симпатию к В.И. Ленину. В сценарии Евдокия Михайлова более активна, нежели в фильме. Когда она видит, что Ленина ранили, то заявляет, что лучше бы это произошло с ее сыном, и даже спасает своей проницательностью В.И. Ленина от стакана отравленного молока. Каплан же единственная женщина-злодейка, но она не является самостоятельным субъектом событий, ею руководят, и она явно не в себе.

Как было отмечено выше, довольно часто на обсуждениях «Ленина в Октябре» звучал вопрос от зрителей, а где же Крупская. Это касалось не только подтверждения ею подлинности образа Ильича, но и непосредственного киновоплощения. В фильме «Ленин в 1918 году» она появляется в момент ранения Ленина, однако создатели дали ей лишь пару не слишком выразительных реплик. В сценарии же в таком качестве волнующихся были еще сестра В.И. Ленина Мария Ильинична и Мария Величкина¹¹⁹, что согласуется с воспоминаниями о покушении на Ленина его шофера Гиля¹²⁰.

В ходе зрительских обсуждений поднималось еще несколько вопросов касательно женских персонажей. Несмотря на то что женщины в фильме представлены преимущественно в домашнем пространстве, появление буквально нескольких женщин среди заводчан и марширующих колонн в Смольном вызвало дискуссию. Один из рядовых зрителей указывал, что подобные

мелочи вносят долю фантазийного в фильм: «*Вот, например, показан штрих — сбор на заводе и некоторые женщины (может быть, женщинам это покажется обидным) очень революционно настроены. В самом деле этого не было. Женщины того времени значительно больше были забитым человеком, чем рабочий (шум зала). Возьмите фотоснимки рабочей гвардии того времени — увидите ли вы там женщину, в погоне за задачами сегодняшнего дня вы нарушаете истину*»¹²¹. Несомненно, общий тренд о соотношении участвовавших в революционных событиях октября мужчин и женщин был истолкован зрителем верно, но полное исключение женщины из революционного процесса на экране не было оправдано для создателей фильма ни с исторической, ни с идеологической точек зрения.

Был еще один эпизод «женского» участия в революционных событиях — это т. н. ударницы, т. е. бойцы женских ударных батальонов. В фильме С.М. Эйзенштейна «Октябрь» ударницы показаны как весьма фривольные и истеричные дамы, которые хоть и пытались оказать сопротивление революционным солдатам, но сделать этого не смогли. Отсутствующий эпизод вызвал вопросы у зрителей «Ленина в Октябре». Создатели фильма сообщили зрителям, что им этот эпизод кажется неважным: «*Видите, товарищи, я думаю, что то обстоятельство, что существует представление, что основная сила на стороне временного правительства были „ударницы“ — это представление неверное, навязанное врагами. Несомненно, это вражеская точка зрения. Временное правительство имело довольно солидную силу*»¹²². Подобный ответ кажется не слишком убедительным. «Ленин в Октябре» формировал образ рабочего и солдата Красной армии, в том числе штурмующего Зимний, как крайне положительного и культурного человека. В фильме показана сцена, где Матвеев просит солдат не стрелять в Зимнем, чтобы не повредить памятники искусства, один из солдат даже поправляет Матвеева относительно названия скульптуры. Как было продемонстрировано ранее, произведение Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир» стало одним из источников формирования революционного нарратива для деятелей кино 1930-х гг. Там сообщалось, что

¹¹⁸ РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 1. Д. 15. Л. 68.

¹¹⁹ Там же. Л. 67.

¹²⁰ См.: Гиль С.К. Шесть лет с В. И. Лениным. Воспоминания личного шофера Владимира Ильича Ленина. М.: Молодая гвардия, 1957. 103 с.

¹²¹ РГАЛИ. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 268. Л. 9.

¹²² Там же. Л. 6.

распространявшееся слухи о массовом насилии над женским батальоном не соответствовали действительности, однако указывалось, что советская комиссия по расследованию подтвердила три случая изнасилования ударниц¹²³, что не согласовывалось с идеализированным образом революционных бойцов.

Сексуализированное внимание к женщине и «нетоварищеское» отношение приписывались в сценарии врагам советской власти: «Полковник: Говорил. И не только с ним. Я говорил и с Александром Федоровичем, и со штабными... (смотрит на проходящую женщину, говорит задумчиво) Хорошенькая...»¹²⁴. В то же время наделение мужчины женскими чертами также использовалось для подчеркивания негативных сторон персонажа. Легенда про А.Ф. Керенского, бежавшего в женском платье, не повторялась, но про Зиновьева на заседании ЦК было дано следующее замечание: «резкий почти бабий голос»¹²⁵.

Борьба за память. Конструирование нарратива о самой дилогии началось параллельно с созданием первого фильма. В синхронной периодической печати, как общей, так и специализированной, давались положительные оценки критиков и зрителей разного уровня. Фильм хвалил, например, С. Эйзенштейн, говоря, что вот он настоящий Ленин. Создатели давали комментарии о процессе создания фильма. В 1938 г. съемочная группа получила ордена Ленина. Для профессионального сообщества дилогия закрепилась как образец историко-революционного кино, особенно в части отображения вождей. Сами создатели возвращались к опыту этих фильмов, чтобы ставить определенные вопросы. Так, в одном из докладов для кинosoобщества конца 1930-х — начала 1940-х гг. А.Я. Каплер следующим образом строил повествование: в первой части он заявлял о невозможности советской кинематографии следовать за буржуазной, потому что последняя только и делает, что искажает реальность, особенно в исторической тематике¹²⁶. Затем он отмечал, что если образ В.И. Ленина более-менее удалось воссоздать, то полноценного И.В. Сталина в кино еще нет: «В фильмах „Великое зарево“ и „Ленин в 1918 году“

¹²³ Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. URL: http://az.lib.ru/r/rid_d/text_1919_ten_days_that_shook_the_world.shtml

¹²⁴ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 1. Д. 204. Л. 35–36.

¹²⁵ Там же. Ф. 844. Оп. 1. Д. 13. Л. 23.

¹²⁶ Там же. Ф. 2208. Оп. 2. Д. 651. Л. 1.

образ *Сталина* наличествует в большей мере, в других фильмах меньше, но все-таки это не идет дальше показа внешнего. И тот горячий прием, который получали в части показа образа *Сталина* со стороны зрителя, ни в коей мере не может быть отнесен за счет киноискусства, которым создавался этот образ *Сталина*, а только за счет горячего желания зрителя увидеть *Сталина* на экране¹²⁷». После чего Каплер указывал на еще один пробел в историко-революционном кино, боязнь показать врага: «Одним из примеров может служить неудачное решение образа Бухарина в фильме „Ленин в 1918 году“. Такими же являются образы Зиновьева и Каменева, показываемые со спины в „Великом зареве“»¹²⁸. Однако подобные суждения и минусы уже созданной классики жанра высказывались лишь в закрытой профессиональной аудитории.

1940-е и начало 1950-х гг. стали не самым продуктивным временем для советской кинематографии. Этому способствовали многие факторы. Сказывалась в том числе и позиция нового руководства. В 1943 г. М.И. Ромм, уже достигший определенного статуса, писал письмо на имя *Сталина* об удручающем положении советской кинематографии¹²⁹. Письмо довольно пространное, но из него следует, что именитый режиссер считает, что к нему и его столь же именитым коллегам выстроилось неправильное отношение и им не дают работать, но режиссеры все делают во имя партии, и, если чем провинились, — готовы это исправить. Заканчивается письмо весьма хрестоматийно: «Извините, что своим письмом я отнял у вас время, такое ценное для всего передового человечества»¹³⁰.

В 1943 г. был арестован А.Я. Каплер по обвинению в антисоветской агитации. Большинство историков сходятся во мнении, что причиной ареста стала романтическая связь со С.И. Аллилуевой. Уже после смерти *Сталина* Каплера освобождают в 1954 г. и реабилитируют. По данным журналистов, М.И. Ромм А.Я. Каплеру по освобождении оказывал материальную поддержку, но данные сведения не подтверждаются источниками¹³¹.

¹²⁷ РГАЛИ. Ф. 2208. Оп. 2. Д. 651. Л. 7.

¹²⁸ Там же. Л. 9.

¹²⁹ Там же. Ф. 844. Оп. 4. Д. 160.

¹³⁰ Там же. Л. 4.

¹³¹ Про старое добре кино. Первый канал. URL: <https://web.archive.org/web/20150104000608/http://www.1tv.ru/documentary/print/fi=8034>

Серьезные изменения в жизнь всего советского общества привнес XX съезд КПСС, а затем наступление «оттепели». В кинематографе, как и других видах искусства, это выражалось в появлении новых тенденций, но и «старые» установки сохраняли свою актуальность, хотя и требовали изменений. Предписания XX съезда доводились до сведения подразделений Министерства культуры, к которому перешел контроль за кинематографом. Например, согласно приказу министра культуры СССР Н.А. Михайлова № 126 от 6 марта 1956 г.: «1. В целях обобщения творческого опыта театров страны и мобилизации деятелей театрального искусства на выполнение задач, поставленных XX съездом КПСС, звать в Москве в мае 1956 г. совещание по театральному искусству. 2. Подготовку совещания возложить на Главное управление театров и музыкальных учреждений (т. Кабанова)»¹³². Аналогичное мы видим и в приказе от № 130 от 8 марта для работников документальной кинематографии «Задачи документальной кинематографии в связи с решениями XX съезда КПСС — доклад т. Кастелина Н.А.»¹³³. 9 марта состоялось уже заседание коллегии Министерства культуры. Протокол гласит следующее: «Исключительно важное значение имеет глубокая партийная критика на съезде в докладе товарища Хрущева вреда культа личности. Культ личности нашел свое отражение и в искусстве театра, кино, живописи [...] В таких произведениях массы представлялись безликой толпой, а не творцом истории, как тому учит великий Ленин. Задача состоит в том, чтобы до конца выплатить последствия культа личности в литературе и искусстве»¹³⁴. [как в тексте] *При создании новых художественных фильмов, в особенности на исторические темы, строго руководствоваться марксистско-ленинским пониманием роли народа в истории, организующей роли партии и советского государства*¹³⁵. При этом в подобных документах Сталин не упоминается, основной упор делается на создание новых фильмов и обновление технической базы.

Основное обсуждение изменений в кинематографической продукции происходило на уровне руководства Министерства культуры и ЦК КПСС. В начале июня 1956 г. была подготовлена следующая докладная записка ЦК КПСС об идеологической

работе среди творческой интеллигенции: «Долгое время главное внимание деятелей культуры было направлено на прославление личности И.В. Сталина, на создание пьес, портретов и т.п., далеких от настоящей исторической правды. Культ личности И.В. Сталина нанес наибольший ущерб нашему кино. Многие из картин, особенно те, которые создавались в послевоенные годы, не могут демонстрироваться на экранах потому, что в них грубейшим образом фальсифицирована история Великой Отечественной войны и мирного строительства после войны. Эти картины присваивают все успехи советского народа лишь одному И.В. Сталину, умаляют и призывают роль нашего великого народа, нашей партии [...] Беспринципность проявляла и критика. Она или безудержно восхваляла фильмы, такие, как „Клятва“, „Падение Берлина“, которые на все лады восхваляли И.В. Сталина, или также безудержно ругала другие фильмы, не считаясь с тем, что в этих фильмах было хорошего или плохого. Постановщик этих фильмов М. Чиаурели был объявлен высшим законодателем в области социалистического реализма, хотя его фильмы ничего общего с социалистическим реализмом не имели, грубо исказя жизненную правду. Если пьесы, романы, в которых имеет место культ личности И.В. Сталина поддаются исправлению, то фильмы и произведения живописи, к сожалению, большей частью исправить нельзя. У нас осталось очень мало фильмов о Великой Отечественной войне, пригодных для демонстрации. Монументальные фильмы „Сталинградская битва“ и „Третий удар“, на постановку которых было затрачено много усилий, не поддаются исправлению. Лишь часть фильмов, имеющих большую художественную ценность, (таких, например, как „Ленин в Октябре“, „Ленин в 1918 году“) удалось исправить, и они смогут быть возобновлены к демонстрации на экранах»¹³⁶. Автор записки — заместитель начальника Главного управления по производству фильмов И. Рачук, но записка шла за подписью министра культуры Н.А. Михайлова. О перемонтаже диологии в этот период свидетельствуют и карточки, которые составлялись на фильмы в Главном управлении кинофикации Министерства культуры СССР. Так, карточка на «Ленина в 1918 году» указывает, что начало производства январь 1956 г., окончание — июль 1956 г¹³⁷.

¹³² РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 410. Л. 108.

¹³³ Там же. Л. 117.

¹³⁴ Там же. Д. 437. Л. 3—4.

¹³⁵ Там же. Л. 87.

¹³⁶ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 457. Л. 3—4.

¹³⁷ Там же. Ф. 3438. Оп. 8. Д. 84.

В публичном поле тема вырезки кадров со Сталиным из кино во время «оттепели» замалчивалась. В газете «Правда» от 18 апреля 1962 г. вышла статья Ромма «Большая тема в искусстве». Она получила много отзывов читателей, которые сохранились в архивном фонде М.И. Ромма. В целом все отзывающиеся подчеркивают важность исторического кино. Письма писали и репрессированные, просившие осветить эту тему в кино. Один из читателей, которого «XX съезд вернул к жизни», предлагал снять фильм о репрессиях¹³⁸, другой отмечал, что нет ни одной книги или фильма о сталинском злоупотреблении властью¹³⁹, третий, что «сама тема культа была бы превосходной для хорошего фильма»¹⁴⁰ и т.д. Неизвестно, получили ли они письменный ответ режиссера, но в киноэquivаленте ответа ни в 1960-е, ни в 1970-е гг. не последовало.

Советское искусство было пронизано клиент-патронскими отношениями разного уровня, а деятели кинематографа были вхожи ко многим руководящим лицам. Естественно, это касалось и кино. Несколько переформатирования таких отношений проходили после XX съезда — дело будущих исследований, однако следует отметить, что, несмотря на формальные обсуждения культа личности, в непубличных и профессиональных кругах риторика М.И. Ромма изменилась. В начале 1959 г. у него произошел явный конфликт с С.И. Аллилуевой¹⁴¹. В одном из писем она заверяла Ромма, что отныне «ни при каких обстоятельствах моей ноги больше не будет даже в самых отдаленных окрестностях Вашего дома»¹⁴². В начале 1960-х гг. он вступил в спор с главредом журнала «Октябрь», утверждая, что эта редакция душит все новаторское в советской кинематографии. В результате В. Кочетов написал жалобное письмо на М.И. Ромма в Идеологический отдел ЦК КПСС, особенно его возмутили указания Ромма на то, что теперь не сажают и не расстреливают¹⁴³. Серьезных последствий для Ромма, видимо, не наступило.

В 1960-е гг. вышли воспоминания и М.И. Ромма, и А.Я. Каплера о создании дилогии (и не только). Упоминание репрессий

¹³⁸ РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 2. Д. 58. Л. 6–6 об.

¹³⁹ Там же. Л. 8–9 об.

¹⁴⁰ Там же. Л. 14.

¹⁴¹ См.: Там же. Оп. 4. Д. 167.

¹⁴² Там же. Л. 9.

¹⁴³ Там же. Ф. 5. Оп. 55. Д. 51. Л. 2–3.

в этих воспоминаниях присутствует лишь по касательной, страшные картины сопровождаются неким юмористическим или ироничным тоном. Даже Каплер, прошедший через лагеря, не упоминает об этом жизненном опыте. Авторы делают акцент на своей искренности в момент создания фильмов, всей сложности и актуальности воссоздания образа вождя революции¹⁴⁴.

Следующая волна переосмысливания наступила в перестройку и 1990-е гг. На этот раз процесс трансформации памяти происходил более публично, в печати и мемуарах. К своему опыту обращались многие создатели классического историко-революционного кино, Козинцев и Трауберг, Чухрай и т.д., а также другие работники кинематографа. Некоторые свидетельствовали, что М.И. Ромм был счастлив вырезать сцены со Сталиным¹⁴⁵. Г.Н. Чухрай вообще утверждал, что в дилогии с самого начала присутствовала «фига в кармане», а «Ромм решил противопоставить Сталину Ленина. Не исторического Ленина, а такого, который жил тогда в сознании народа. Такое противопоставление считалось величайшей крамолой и каралось расстрелом»¹⁴⁶. Можно предположить, что подобные суждения были основаны в большей степени на личной симпатии: в письме от 24 января 1961 г. к М.И. Ромму Г.Н. Чухрай писал: «Я обязан вам больше других»¹⁴⁷.

Отношения А.Я. Каплера и М.И. Ромма, как двух талантливых людей, соперничавших на съемочной площадке, складывались явно непросто¹⁴⁸. Однако в публичную полемику при жизни они не вступали. Однако, когда их обоих уже не стало, как, впрочем, и советского государства, третья жена А.Я. Каплера поэтессы Ю.В. Друнина опубликовала статью под заголовком «Горький урок человековедения», где приводила выдержки из письма А.Я. Каплера к М.И. Ромму. Основной темой стал «Ленин в Октябре». Каплер указывал, что его также арестовывали и изымали все,

¹⁴⁴ См.: Каплер А.Я. Искусство кино. 1965. № 12. С. 112–131.; Ромм М.И. Беседы о кино. М., 1965.

¹⁴⁵ Марьямов Г. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М.: Конфедерация союзов кинематографистов «Киноцентр», 1992. С. 40.

¹⁴⁶ Искусство кино. 1997. № 10.

¹⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 2. Д. 53. Л. 1.

¹⁴⁸ Во время съемок «Ленина в Октябре» жена М.И. Ромма Е.А. Кузьмина следующий образом отвечала на одну из реплик режиссера: «А про Люсью Каплера я никак не удивлена. Он был говно и остался говном и почему бы он вдруг мог перемениться» (РГАЛИ. Ф. 844. Оп. 4. Д. 202. Л. 6 об.)

что связано со сценарием, указывал на «странности», описанные в «Беседах о кино» М.И. Ромма. Главный, на мой взгляд, фрагмент этого письма следующий: «Мы оба были под гипнозом всеобщего преклонения перед Сталиным. Зачем же Вам теперь представлять себя жертвой культа личности и даже борцом с культом?»¹⁴⁹.

Таким образом, несмотря на значимость для советского государства кинематографа с идеологической точки зрения, процесс подготовки юбилейного фильма к 20-летию Революции был спрессованным по времени и довольно хаотичным. Воссоздание В.И. Ленина на экране было весьма сложной и опасной задачей, за которую не хотели браться многие именитые деятели кино.

Возможности сценариста и режиссера, создающих историко-революционное кино, в плане работы с историческим материалом, оказывались существенно выше, чем у «простого» советского гражданина. Однако одновременно с этими возможностями появлялось понимание о «секретности» таких документов и осознание вероятности быть арестованным за эти документы, окажись они в руках при других обстоятельствах. При этом представители непосредственно контролирующих, рецензирующих органов могли сегодня диктовать свою версию прошлого, указывать на «правильную» трактовку революционного прошлого, а завтра уже оказаться в списке врагов народа. Круг лиц, которых можно было выводить как героев революции, сужался. Даже те, кто не подвергся репрессиям, например Н.К. Крупская, получали более пассивную роль.

Сравнение различных вариантов сценариев привело к выводу, что первоначально для сценариста дилогии основным «нarrативным гигантом» было произведение Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Однако в большей степени это относится к «Ленину в Октябре», а вот «Ленин в 1918 году» уже изначально воспроизводил «Краткий курс ВКП(б)». Тем не менее уже в первом фильме дилогии февральские события окончательно отвергались как часть историко-революционного нарратива, главное дело Ленина — революция, но революция, сметающая не царизм, а капитализм и буржуазию. Революционная культура, которой во многом была присуща (и не без оснований) «шпиономания»,

в дилогии утрировалась, т. к. враги практически никак не проявляют себя открыто, а основой их деятельности является заговор.

XX съезд, а затем перестройка и распад СССР позволили авторам вернуться к интерпретации событий дилогии и обстоятельствам ее создания. Здесь следует оставить за скобками моральную составляющую, потому что это, во-первых, не является предметом научного исследования, а во-вторых, кто знает, на какую глубину компромисса, осознанного или нет, может пойти человек, и констатировать: вырезка сцен со Сталиным произошла в 1956 г. после XX съезда, создатели дилогии опубликовали воспоминания, в которых весьма осторожно оговаривались те или иные стеснения, которые коснулись их во время съемок фильма. «Возвращения» имен в опубликованных воспоминаниях не было. А.Я. Каплер рассказал лишь про Э.А. Рахья, но он и не был официально репрессирован. Главный тезис авторов был непременно об искренности своего отношения к делу революции и важности кинопроизведения о В.И. Ленине.

Следующий виток «борьбы за память» произошел уже в перестроечные и постперстроечные годы, когда создателей дилогии в живых уже не было. Многие архивные документы стали широко доступны, но оценки оставались полярными. Создателям дилогии приписывалась либо «фига в кармане», либо слепое следование сталинским установкам.

¹⁴⁹ Друнина Ю.В. Горький урок человековедения // Искусство кино. 1993. № 3. С. 104–105. Следует отметить, что данное письмо существует в публикации 1993 г., однако в архивных фондах выявить его не удалось.

Глава 10

СОЗДАВАЯ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ИСТОРИЮ СОВЕТСКОГО ВОСТОКА: ТУРКЕСТАНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1916 г. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ПРОПАГАНДЕ 1920–40-хгг.

B.B. Тихонов

Туркестанское восстание 1916 г., спровоцированное началом мобилизации местного населения на тыловые работы, и охватившее значительную часть края¹, стало трагическим событием для народов Средней Азии. Восстание сопровождалось нападениями на представителей царской администрации и русских переселенцев. Подавление восстания привело к многочисленным жертвам и массовой миграции казахов и киргизов.

Восстание заняло важное место в советской политике памяти в 1920–30-х гг. Через призму событий 1916 г., с одной стороны, конструировался революционный миф Средней Азии, а с другой — происходила презентация раннесоветского антиколониалистского дискурса. Среди советских специалистов по национальным отношениям и руководства страны сложилось убеждение, что в деле утверждения социализма необходимо формировать развитие наций для полноценного вовлечения их в строительство социализма. Одним из вариантов такой прогрессист-

¹ Подробнее см.: Котюкова Т. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель-Observer. 2011. № 8. С. 98–126; Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): Сб. докл. Международной научно-практической конференции, Москва, 18 сентября 2015 г. М.: [б. и.], 2016; Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии (сборник документов и материалов) / Сост. Т.В. Котюкова. М.: Марджани, 2016. 468 с.; Ганин А.В. Кровавые уроки шестнадцатого года: Восстание 1916 г. в Семиреченской области // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2016. № 1 (7). С. 94–124.; Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации: Материалы Международной научной конференции, Москва, 23–24 мая 2016 г. М.: Институт российской истории РАН, 2016. 224 с.

ской практики стало формирование исторического нарратива, который, по замыслу его творцов, должен был вернуть нерусским народам их подавленную историческую субъектность и вписать в славную революционную традицию, приведшую к победе Октябрьской революции.

В то же время в 1920-е гг. для Средней Азии оставалось актуальным наследие джадидов², стремившихся придать памяти о восстании 1916 г. национальное измерение и представить его в качестве пробуждения исламских народов Российской империи. Отчасти этот антиколониальный пафос вписывался в советский нарратив, но в то же время противоречил ему в ряде ключевых моментах: в нем не было демонстрации классовой солидарности с пролетариатом империи и терялся континуитет с Октябрьской революцией.

Советская историография восстания 1916 г. уже анализировалась в ряде публикаций³. Как правило, акцент делался на идеологическом контексте и трансформации образа восстания 1916 г. в советской политике памяти. Также отмечалось, что советская национальная политика сыграла значимую роль в конструировании через образ восстания национального дискурса народов Средней Азии⁴. Можно было бы уточнить — «национально-освободительно-

² Джадидизм — идеология исламского модернизма, одной из задач которого стало развитие национального самосознания исламских народов Российской империи.

³ Например: Локшин А.Е. Восстание в Центральной Азии в 1916 г. в советской и российской историографии. Некоторые особенности и характеристики // Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации. Материалы Международной научной конференции, Москва, 23–24 мая 2016 г. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 160–179; Сарсенбаев Б.С. Восстание 1916 г. в оценке первых национальных лидеров Казахстана и Киргызстана 1920–1930-х гг. // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2016. Т. 16. № 6. С. 206–212; Тихонов В.В. Антиколониальная революция: Туркестанское восстание 1916 г. в советской политике памяти (1920-е — середина 50-х гг.) // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: Материалы X Международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С.34–41; Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.): [колл. монография] / [Ред.-сост.: Т.В. Котюкова]. М.: Русский импльс, 2017. С. 387–389; и др.

⁴ Чокаева А. Красные кыргызы: советская историография восстания 1916 года // Понятия о советском в Центральной Азии. Бишкек: Штаб-Press, 2016. С. 57–62.

го» дискурса, вполне вписывающегося сразу в несколько ключевых для того времени идеологических установок: неприятие павшего царского режима, политики «коренизации», борьбы с «великорусским шовинизмом» и больших надежд на народы Востока в качестве союзников в борьбе с капитализмом.

Историк Х. Дрие обратила внимание на то, что в интерпретации Туркестанского восстания советской властью и представителями местной интеллигенции часто делались разные акценты. Советы предпочтитали говорить о «народно-освободительной» борьбе, в то время как среднеазиатская интеллигенция (разумеется, неоднородная по своему национальному составу и с различными интеллектуальными и идеологическими предпочтениями) рисковала рассуждать о «национально-освободительной» борьбе, в чем, несомненно, можно увидеть идейное наследие джадидов. В первом случае фокусировался классовый фактор, во втором — национальный⁵. Последнее ожидаемо вызывало опасения большевиков и расценивалось как «местный национализм», «исламизм» или «пантюркизм». При этом следует учитывать и терминологическую неопределенность, когда использование понятия «национально-освободительное» в общем контексте подразумевало интерпретацию восстания как «народно-освободительного». Концептуальным маркером здесь выступала связь восстания с пролетарским революционным движением и континуитет с грядущей Октябрьской революцией. Фактически за эти-ми двумя очень похожими понятиями скрывались два концепта: национально-антиколониальный и классово-антиколониальный. Забегая вперед, можно отметить, что победа последнего была неизбежной, особенно после искоренения наследия местных интеллигентов-джадидов в конце 1920-х гг.

Хотелось выделить и другой ракурс проблемы — внешнеполитический. Дело в том, что конструирование национальных (республиканских) исторических нарративов в СССР происходило в напряженном внешнеполитическом контексте, который самым непосредственным образом влиял на их содержательное и идеологическое наполнение⁶. При этом обращение к ранее не вводив-

⁵ Дрие Х. Кино, нация, империя: Узбекистан, 1919–1937. Бостон; СПб.: Библиороссика, 2023. С. 318.

⁶ Yilmaz H. National Identities in Soviet Historiography: The Rise of Nations under Stalin. London and New York: Routledge, 2015. 256 p.

шимся в научный оборот архивным документам позволит полнее представить сам процесс включения восстания 1916 г. в советский исторический нарратив. В этой связи возникает и еще один важный вопрос: почему ряд среднеазиатских восстаний был подвергнут остракизму и выпал из актуальной идеологической повестки, а восстание 1916 года сохранило свой статус?

ДИСКУССИИ О ХАРАКТЕРЕ ВОССТАНИЯ 1916 Г. В 1920–30-Х ГГ.

Восстание 1916 г. быстро вошло в обойму актуальных исторических образов. Причин тому было немало. Во-первых, в ситуации, когда в Средней Азии продолжала сохраняться напряженность, обусловленная радикальными политическими и социокультурными трансформациями, а также боевыми действиями «басмачей», образ «правильного», революционного восстания использовался для легитимации новой власти. В 1920–30-е гг. была популярна формула, согласно которой восстание 1916 г. стало ключевой предпосылкой революционного преобразования Средней Азии. Согласно указанию И.В. Сталина в курсе лекций «Об основах ленинизма» (1924), торжество революции возможно через «революционный союз с освободительным движением колоний и зависимых стран против империализма»⁷. На этом указании основывалась интерпретация восстания 1916 г. Известный партийный деятель М.Г. Рафес выводил в 1936 г. (на тот момент — заместитель наркома просвещения Узбекской ССР) следующую формулу: «Восстание 1916 года — определенное звено в цепи событий, приведших к победе Октябрьской революции... связать восстание 1916 года с гражданской войной в Средней Азии, а затем с победой социалистического строительства и национальной политики в Средней Азии»⁸.

Во-вторых, события 1916 г. вписывались в советский антиколониальный дискурс 1920-х гг., позволяя клеймить царскую «колониальную» и «антинародную» политику, а восстание рас-

⁷ Stalin I.V. Вопросы ленинизма. 9-е изд., доп. М.: Госполитиздат, 1933. С. 47.

⁸ АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 132. Л. 7.

сматривалось как (анти)колониальная революция⁹. Очевидно, что значимую роль в продвижении героического мифа о событиях 1916 г. на уровне высшего советского руководства играл влиятельный политик, казах по национальности Т.Р. Рыскулов, сам принимавший активное участие в восстании¹⁰.

1920-е гг. отличались определенным плюрализмом и отсутствием четких указаний о том, как следует интерпретировать восстание и его ход. Как уже отмечалось, востребованным оставались представления, связываемые с традицией джадидов, о национально-антиколониальном характере восстания.

В 1926–27 гг. Испарт при Среднеазиатском бюро ЦК ВКП(б) организовал дискуссию, в которой приняли участие ведущие исследователи и партийные деятели. Разброс мнений был значительным. А. Кенжин отрицал сам факт восстания, рассматривая его как ряд не связанных между собой случаев сопротивления мобилизации. И. Кузьмин считал восстание бунтом «темных и забитых масс», поскольку в Туркестане не было буржуазно-национального движения. На недостаток руководящей силы указывали и Ф. Голощекин и К.В. Харламович¹¹. Т. Рыскулов и Г.И. Брайдо доказывали, что восстание было спровоцировано царским правительством с целью захвата колонизационных фондов. А. Миклашевский подчеркивал большую роль в восстании панисламистов и рассматривал восстание как национальное и даже националистическое, направленное против царской власти и русских колонистов¹². Е. Федоров доказывал, что движение шло за восстановление власти феодалов, и поэтому его следует считать реакционным. Впрочем, с его точки зрения, оно было революционным в том смысле,

что ослабляло фронт империалистической войны¹³. А.Н. Зорин в книге 1931 г. указывал, что восставшие оказались в противостоянии с русскими переселенцами¹⁴.

Внутриполитические процессы конца 1920 — начала 1930-х гг. оказали заметное влияние на трансформацию образа восстания 1916 г. Если в предыдущее десятилетие ряд «старых» интеллектуалов активно сотрудничали с советской властью, видя в ее рамках возможность национально-культурного развития, то в период «Великого перелома», «наступления социализма по всем фронтам» и роста международной напряженности¹⁵ такие взгляды все больше вызывали подозрения. В 1927 г. по обвинению в национализме был арестован преподаватель Восточного рабочего коммунистического университета Лизиз Азиззода, представивший диссертацию «История пробуждения Туркестана», в которой акцентировался национальный фактор в восстании 1916 г. и не прослеживалось четкой линии между событиями в Средней Азии и революцией 1917 г.¹⁶.

В ситуации, когда дискуссии признаются политически опасными и сворачиваются, Культпроп Среднеазиатского бюро ЦК ВКП (б) и Среднеазиатский научно-исследовательский институт истории революции (САНИИР) в 1931 г. подготовили тезисы к 15-й годовщине восстания. Если в 10-летний юбилей была организована дискуссия, то теперь уже последовали директивные указания. В них восстание рассматривалось в качестве проявления кризиса империализма, выразившегося в мировой войне и усилении эксплуатации. Это привело к хозяйственному кризи-

⁹ Сафаров Г. Колониальная революция: опыт Туркестана. М.: Гос. изд-во, 1921; Шестаков А.В. Восстание в Средней Азии 1916 г. // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 84–114; Галузо П., Божко Ф. Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. ст. М.; Ташкент: Госиздат УзССР, 1932.

¹⁰ Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока. (Восстание киргиз Туркестана против царизма в 1916 г.) // Новый Восток. 1924. № 6; Его же. Восстание туземцев Средней Азии в 1916 году. Кызыл Орда: Гос. изд-во К.С.С.Р, 1927.

¹¹ Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1984: Наука. С. 48–51.

¹² Миклашевский А. Социальные движения 1916 г. в Туркестане // Былое. 1924. № 27–28.

¹³ Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент: Госиздат Узб. ССР, 1925.

¹⁴ Зорин А.Н. Революционное движение в Киргизии. Фрунзе: Киргосиздат, 1931.

¹⁵ С конца 1920-х гг. идеологема «осажденной крепости» занимает ведущее место в восприятии внешнего мира. СССР позиционируется в качестве страны, находящейся в кольце врагов, а мир капитализма в условиях мирового кризиса не только враждебен, но и чрезвычайно агрессивен. См.: Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику...»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М.: Кучково поле, 2008. С. 88–163.

¹⁶ Халид А. Создание Узбекистана: Нация, империя и революция в раннесоветский период. Бостон: СПб.: Библиоросика, 2022. С. 472. Связь между диссертацией и арестом неочевидна, скорее всего арест последовал вследствие внутрипартийной борьбы. Однако здесь важно отметить «национально-освободительный» подход среднеазиатских историков к Туркестанскому восстанию.

су в Центральной Азии (как и в империи в целом), являвшегося частным проявлением общего кризиса империализма: «Восстание было направлено против империалистической борьбы за хлопок, обрекавшей хлопкороба на вечную кабалу»¹⁷.

Согласно тезисам, восстание носило «национально-освободительный» характер. Категорически отвергалось положение о восстании как бунте «несознательного и забитого» населения. Эта точка зрения объявлялась «великодержавным шовинизмом». Движущими силами объявлялись дехканские и скотоводческие классы, а также «пролетарские и полупролетарские элементы коренного населения городов»¹⁸. Вопрос о роли партии большевиков решался следующим образом. Поскольку партия в это время оказалась загнанной в глубокое подполье, то и восстание осталось «без пролетарского руководства и без руководства большевистской партии»¹⁹. Что и стало одной из причин его поражения. В то же время авторы тезисов осторожно указывали, что восстание постепенно принимало организованные формы.

«Местные эксплуататорские классы», связанные с интересами господствующих российских классов, заняли «позицию трусливого „нейтралитета“». Впрочем в тезисах указывалось, что в некоторых районах во главе оказались представители эксплуататорских классов, шедшие с восставшими до конца. Это связывалось с их стремлением восстановить старые порядки, в частности возродить ханскую власть. Кроме того, осторожно ставилась проблема нападений на русских поселенцев. Утверждалось, что восставшие руководствовались классовым чутьем и в основном нападениям подвергались зажиточные кулаки. Можно смело предположить, что актуализация образа кулака в качестве общего врага связана с проводившейся в СССР коллективизацией.

Несмотря ни на что, подчеркивалось, что восстание 1916 г. «подготовило победу Октября в Средней Азии», став репетицией, позволившей народам извлечь уроки из поражения и больше не доверять националистам и местным эксплуататорским классам.

¹⁷ Восстание 1916 года в Средней Азии: Тезисы культпропа Средазбюро ЦК ВКП(б) и САНИИР к 15-й годовщине восстания // Галузо П., Божко Ф. Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. ст. М.; Ташкент: Госиздат УзССР, 1932. С. 62.

¹⁸ Там же. С. 66.

¹⁹ Там же. С. 67.

В 1917 г. «дехканство и скотоводческие массы Средней Азии вступили в боевой революционный союз с российским пролетариатом и крестьянством»²⁰.

Итак, тезисы фиксировали поворот к контролю над исторической памятью. В 1930-е гг. будут доминировать озвученные в приведенных выше тезисах положения. В конкуренции двух концептов — «национально-антicolonиального» и «классово-антicolonиального» — победа закреплялась за последним. Показательна эволюция кыргызского историка Ю. Абрахманова, который в 20-е гг. описывал восстание как националистическое, а в 30-е гг. уже стремился продемонстрировать классовую солидарность восставших с русскими рабочими и крестьянами. Обшим врагом оказывается царская администрация и кулак²¹.

Восстание 1916 г. стремились сделать важным элементом общественного сознания. Фактически оно заменило в историческом нарративе советской Азии героику революционной борьбы. Публиковались специальные сборники воспоминаний участников событий. В 20-летие событий (1936 г.) была опубликована книга известного тогда казахского исследователя восстания 1916 г. С.Д. Асфендиарова. В ней уже указывалось, что казахи вели классовую борьбу не только с царской администрацией, но она проходила и внутри аула. Негативно оценивалась «чиновничья» казахская интеллигенция, к которой причислялся Ч. Валиханов, объявлявшийся идеологом казахского султаната. То же относилось и к национальной буржуазии. Обе силы рассматривались как «классово чуждые народу». Казахский буржуазный национализм, ассоциирующийся с джадидами, находился под перекрестным влиянием пантюркизма и панисламизма, хотя и делал первые шаги, чтобы освободиться от их влияния. Автор осторожно указывал, что революционное движение начала XX в. способствовало активизации национально-освободительной борьбы казахов. Само восстание по-прежнему оценивается как национально-освободительное. Особое внимание теперь уделялось тому, что восстание способствовало развитию классового сознания казахов. Специальная глава описывала революционизацию каза-

²⁰ Восстание 1916 года в Средней Азии: Тезисы культпропа Средазбюро ЦК ВКП(б) и САНИИР к 15-й годовщине восстания // Галузо П., Божко Ф. Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. ст. М.; Ташкент: Госиздат УзССР, 1932. С. 70.

²¹ Чокаева А. Указ. соч. С. 68–70.

хов, отправленных на работы в прифронтовой зоне. Это можно рассматривать как попытку показать влияние большевистской партии и пролетариата на казахское освободительное движение. Ранее это почти полностью отрицалось. С.Д. Асфендиаров считал главной движущей силой казахскую бедноту. Восстание было подавлено при «поддержке байства и при предательстве казахской буржуазной интеллигенции»²².

Произошедший во второй половине 30-х гг. поворот к «советскому патриотизму» и «дружбе народов» открыл новое окно возможностей для реинтерпретации событий 1916 г., а репрессии против ведущих партийных историков зачистили историографическое пространство²³. Все больше подчеркивалась роль русского пролетариата в руководстве (пусть и косвенном) восстанием. Публикация «Краткого курса истории ВКП (б)» (1938) потребовала усиления в описаниях восстания роли партии. Постепенно был выработан шаблон, по которому восстание 1916 г. как бы вливалось в единый поток революционного движения в Российской империи, а движение пролетариата создавало благоприятные условия для антиколониальной борьбы.

Видимо, ко второй половине 1930-х гг. можно говорить о том, что складывается и выходит на общесоюзный уровень культ руководителя восстания и участника Гражданской войны на стороне большевиков казаха Амангельды Иманова (1873–1919). Это являлось частью конструирования нового, гибридного пантеона советских героев, в который вошли как представители революционной традиции, так и исторические персоны, олицетворяющие государственнический вектор²⁴, что вполне вписывалось в идеологему «советского патриотизма» и дрейф исторического

²² Асфендиаров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. М.; Алма-Ата: Казакстанское краевое изд-во, 1936. С. 111.

²³ Локшин А.Е. Восстание в Центральной Азии в 1916 г. в советской и российской историографии. Некоторые особенности и характеристики // Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации. С. 167.

²⁴ См.: Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. Глава 3. Представляется, что Д. Бранденбергер слишком акцентирует т. н. «руссоцентризм» сталинской идеологии второй половины 1930-х гг. Пример Амангельды Иманова наглядно демонстрирует, что пантеон должен был носить многонациональный характер. Д. Бранденбергер признает этот факт, но связывает это с «колебаниями официального курса сталинской массовой культуры» (Там же. С. 99).

нарратива в сторону великодержавия с сохранением пафоса революционной борьбы²⁵. Фигура Амангельды Иманова должна была придавать пантеону многонациональный характер и поддерживать революционную линию. В 1938 г. вышла книжка И. Рахманова «Амангельды Иманов». В том же году был снят первый казахский звуковой фильм «Амангельды Иманов» (реж. М. Левин)²⁶. Издавались монографии²⁷. По-настоящему этот культ был развернут уже в годы Великой Отечественной войны.

Неопубликованная книга А.В. Шестакова

Имя Андрея Васильевича Шестакова (1877–1941) вспоминают, как правило, в связи со знаменитым «Кратким курсом истории СССР» (1937), занявшим второе место (первое не присудили никому) на всесоюзном конкурсе учебников истории для школы и ставшим на некоторое время образцом для всей советской исторической литературы. В редактировании учебника непосредственное участие принял сам Сталин²⁸. В нем восстание в Туркестане было преподнесено в антициаристском и антиимпериалистическом ключе, как форма революционной борьбы. В тексте

²⁵ См.: Тихонов В.В. Как «История народов СССР» стала «Историей СССР»: к вопросу о трансформации идеологических установок советского курса истории в 1930-е годы // Россия и современный мир. 2023. № 1 (121). С. 168–182.

²⁶ В Узбекистане в 1934 г. был снят фильм «Перед рассветом», посвященный восстанию 1916 г. По мнению Х. Дрие, в фильме прослеживался отчетливый национально-антicolonиальный дискурс, а русские солдаты представали в непрятливом виде. Однако фильм не вышел в прокат и был подвергнут критике, поскольку не демонстрировал классовую и межнациональную солидарность в борьбе с угнетателями. См.: Дрие Х. Кино, нация, империя: Узбекистан, 1919–1937. Бостон; СПб.: Библиороссика, 2023. С. 317–346.

²⁷ Брайнин С., Тимофеев Н. Амангельды Иманов — вождь восстания 1916 г. в Казахстане. Алама-Ата: Казиздат, 1939.

²⁸ И.В. Сталин: Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сборник документов и материалов. Часть I. 1920–1930-е годы. СПб., 2006. С. 183–217; Историю — в школу: создание первых советских учебников // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2008; Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 224–250; Тихонов В.В. В преддверии «дружбы народов»: отражение межнациональных отношений народов СССР в школьных учебниках по истории 1930-х гг. // История и историки: историографический вестник. 2015–2019. М.: Институт российской истории РАН, 2021. С. 68–86; и др.

указывалось, что восставшие нападали на города, вступали в бой с царскими войсками и полицией, а также проявляли классовое сознание и убивали своих волостных старшин. Про нападения на русских переселенцев не говорилось. Специально упоминался Амангальды Иманов. Подавление восстания описывалось как предельно жестокая акция: «Царские власти посыпали против восставших войска с пушками, пулеметами, броневиками. В крови и в дыму сожженных кишлаков и аулов они задушили эти восстания»²⁹. Но далее говорилось о классовом и межнациональном единстве в борьбе против царизма. Учебник закрепил именно такую презентацию восстания 1916 г.

Однако до своего главного триумфа А.В. Шестаков уже имел репутацию историка-марксиста «со стажем»³⁰. До 1917 г. он принимал активное участие в революционном движении, затем находился на партийной и советской работе. В 1924 г. окончил исторический факультет Института красной профессуры. Уже к концу 1920-х гг. Шестаков выдвинулся в качестве одного из ведущих специалистов по истории революционного движения и истории Средней Азии.

В историографии восстания 1916 г. имя А.В. Шестакова регулярно всплывает как автора ряда статей по теме, однако он готовил и полноценную монографию, но его главный труд так и не был опубликован. Согласно документам, выявленным в личном фонде А.В. Шестакова в Архиве РАН, работа над рукописью монографии, носившей рабочее название «Восстания в 1916 г. в Узбекистане и Киргизии», началась в 1929 г. Уже в названии, кстати, можно увидеть то, что Шестаков первоначально придерживался концепции множества восстаний. Самый ранний набросок текста монографии датирован 18 июня 1929 г. Также можно найти план монографии от 24 июня 1929 г.³¹ Неизвестно, когда точно была готова черновая версия книги, но в фонде А.В. Шестакова сохранились рецензии специалиста по Средней Азии П.Т. Алексе-

енкова (датирована 3 февраля 1934 г.) и М.Г. Рафеса (датирована 31 мая 1936 г.). Последний занимал в то время пост заместителя наркома просвещения Узбекской ССР. В рецензии П.Т. Алексеенкова отмечались многочисленные недоработки по фактическому материалу, а М.Г. Рафес акцентировал концептуально-идеологические промахи³². Очевидно, что последовала «работа над ошибками» и книге дали зеленый свет. Во всяком случае, А.В. Шестаков работал с гранками издания, датированными 28 декабря 1936 г.³³. Однако ясно, что работа над монографией была отложена и, очевидно, связано это было с подготовкой школьного учебника по истории СССР. В 1936 г. Шестаков все же опубликовал статью о восстании 1916 г., в которой придерживался концепции колониальной революции и выстраивания континуитета между восстанием и Октябрьской революцией³⁴.

После триумфа «Краткого курса истории СССР» А.В. Шестаков оказался в центре внимания, регулярно выступал с лекциями в главных образовательных и научно-исследовательских центрах СССР. Но через какое-то время вернулся к работе «своей жизни» и подготовил новую черновую версию монографии о восстании 1916 г. к 1940 г. В ней учитывались не только реалии текущей исторической политики, но и изменение статуса самого А.В. Шестакова, обретшего всесоюзную славу и авторитет историка, транслирующего актуальные идеологические установки. В этой ситуации он мог позволить себе более напористый стиль по отношению к своим оппонентам. Тем более что многие из них уже стинули в горниле Большого террора (М.Г. Рафес, С.Д. Асфендиаров, Т.Р. Рыскулов и др.). Теперь А.В. Шестаков мог окончательно занять место главного специалиста по истории восстания 1916 г. В монографии громились концепции Г. Брайдо, А. Миклашевского, А.Н. Зорина.

Текст содержал важные указания на актуальность осмысливания исторического опыта восстания: «В первой империалистической войне империализм был расшатан до такой степени, что он не смог удержать в своей власти $\frac{1}{6}$ часть земного шара — Россию. Несомненно, что в результате второй империалистической войны,

²⁹ Краткий курс истории СССР / Под ред. А.В. Шестакова. М., 1937. С. 147.

³⁰ Луцкий Е.А. А.В. Шестаков // История СССР. 1967. № 3. С. 134–141; Алаторцева А.И. А.В. Шестаков — историк и революционер // История СССР. 1978. № 6. С. 94–105; Тихомиров Н.В. А.В. Шестаков как ведущий критик исторической концепции М. Н. Покровского во второй половине 1930-х гг. // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 1(21). С. 49–55.

³¹ АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 129.

³² АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 132. Л. 1–7.

³³ Там же. Д. 126. Л. 68–73.

³⁴ Шестаков А.В. 20-летие восстания в Средней Азии (1916–1936) // Революция и национальность. 1936. № 9. С. 41–44.

по своим масштабам и ужасам далеко превосходящей первую войну 1914–1918 гг., можно ждать дальнейшего распада этой проклятой человечеством системы. Вот почему необходимо тщательное изучение всех факторов, которые ускоряют распад империализма и содействуют победе социалистической революции»³⁵.

Итак, в данном отрывке транслируется идея мировой революции, стимулом к которой станет текущая мировая война, которую в СССР рассматривали в качестве явного признака кризиса системы капитализма. Стоит указать, что именно этот мировой контекст делал восстание 1916 г. чрезвычайно востребованным историческим образом, позволявшим актуализировать антиколониальный опыт русской революции в мировом масштабе.

Концептуальной основой монографии стал тезис о национально-освободительном характере восстания и сталинская формула о революционном союзе пролетариата с освободительным движением колоний и зависимых стран против империализма. Восстание рассматривалось как стихийное, но оказавшее огромное влияние на победу сначала буржуазной Февральской революции, а затем и Октябрьской: «Восстание 1916 г. расшатало колониальную систему царизма в Средней Азии, несмотря на всю свирепость его подавления»³⁶. По утверждению А.В. Шестакова, жестокое подавление восстания царизмом создало предпосылки для того, чтобы местное население поддерживало большевиков в годы Гражданской войны в борьбе против контрреволюции.

В определении роли большевиков в организации и руководстве восстанием А.В. Шестаков признавал, что имеющиеся источники не позволяют обнаружить связь восставших масс с партийными организациями большевиков. Однако «в отдельных случаях какие-то намеки на такую связь имеются»³⁷.

Автор подчеркивал классовую солидарность в ходе восстания: «...Русские рабочие и беднота нигде не выступали против восставших. Точно так же нигде восставшее местное население не выступало против русских рабочих и русской бедноты»³⁸. Местные феодалы кое-где участвовали в организации и руководстве восста-

нием, но там, где они выходили на первый план, сопротивление царским войскам оказывалось слабым³⁹. Отрицалась революционность джадидов, которые определялись как «среднеазиатские кадеты»⁴⁰. Книга так и не увидела света. Скорее всего, причиной была смерть А.В. Шестакова 29 июня 1941 г.

Критика «Истории Казахской ССР» и попытки ревизии оценки Туркестанского восстания

Настоящей проверкой на прочность мифа о Туркестанском восстании стало обсуждение и критика «Истории Казахской ССР», подготовленной в эвакуации рядом ведущих советских историков (А.М. Панкратовой, М.П. Вяткиным, Н.М. Дружининым, Е.Б. Бекмахановым и др.) и вышедшей в 1943 г. Учитывая военное время, предполагалось, что акцент в тексте будет сделан на «военных героических традициях казахов». Из героических событий особый акцент делался на восстании 1916 г.: «Оно как бы подводило итог всей предыдущей борьбе казахов за свою свободу и независимость. Непосредственно сомневавшись с буржуазно-демократической революцией в России, оно явилось прологом того соединения пролетарской революции с национальной войной, которое предсказывали классики марксизма-ленинизма»⁴¹. В своем письме к руководству Казахской ССР редакторы издания М. Абдыкалыков и А. Панкратова подчеркивали, что именно в данной книге впервые был представлен взгляд на Амангельды Иманова как на настоящего героя и выдающегося лидера восстания⁴².

В годы Великой Отечественной войны для поднятия боевого духа солдат-казахов пропаганда активно продвигала культ Амангельды Иманова. В 1944 г. Казахстан отметил 25-летие со дня его смерти⁴³. Были организованы специальные экспедиции для запи-

³⁵ АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 126. Л. 76.

³⁶ Там же. Л. 82.

³⁷ Там же. Л. 83.

³⁸ Там же. Л. 95.

³⁹ РАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 126. Л. 102.

⁴⁰ Там же. Л. 174.

⁴¹ История Казахской ССР / Под ред. М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. С. 8.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 224. Л. 26–32 об.

⁴³ Тезисы докладов к 25-летию со дня смерти Амангельды Иманова. Алма-Ата, 1944.

си фольклора и воспоминаний о восстании⁴⁴. Однако героизация Туркестанского восстания вызывала критику со стороны сторонников более великодержавного и русоцентричного подхода.

В 1944 г. на волне критики «Истории Казахской ССР» можно было наблюдать и попытки дискредитации Амангельды Иманова. Так, член-корреспондент АН СССР, лауреат Сталинской премии А.И. Яковлев⁴⁵ на совещании историков в ЦК ВКП (б) 10 июня 1944 г. заявил, что «когда в истории Казахстана развертываешь страницы с похвалами восстанию Амангельды, происходившем как раз тогда, когда развертывалось Брусиловское наступление на нашем юго-западном фронте, это не может не вызвать протеста. Амангельды — герой с точки зрения казахов, но хвалить его подвиги с нашей, русской, точки зрения едва ли удобно»⁴⁶. Эта точка зрения не была принята и подвергалась критике. В частности, на том же совещании представитель Агитпропа Е.Н. Городецкий указывал: «Восстание в 1916 г. в Средней Азии — это одно из национально-освободительных восстаний, которое по характеристике т. Сталина являлось резервом нарастающей пролетарской революции. Характеризовать это восстание как предательский удар в спину русской армии — значит извращать ленинскую оценку войны 1914—1917 гг. и становиться на позиции оправдания и защиты царизма»⁴⁷. Таким образом, ревизия оценки Туркестанского восстания тогда не состоялась.

В докладной записке (не ранее 24 октября 1945 г.) Г.М. Маленкову от Управления пропаганды ЦК ВКП (б), в которой оценивалось содержание пропаганды в Казахстане, указывалось, что некоторые казахские историки увлеклись идеализацией феодального прошлого и дошли до того, «что поставили на одну доску деятельность подлинно народного героя, руководителя национально-освободительного восстания 1916 г. Амангельды Иманова, с деятельностью Едиге, Кенесары Касымова и некоторых других казахских ханов, стали рассматривать Амангельды как продол-

⁴⁴ Дулатова Д.И. Указ. соч. С. 104.

⁴⁵ Вполне возможно, что за А.И. Яковлевым и другими «историками-русофилами» стояла влиятельная часть Аппарата ЦК ВКП (б) в лице А.С. Щербакова и Г.Ф. Александрова, ратовавших за советский патриотизм с русским акцентом.

⁴⁶ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 82.

⁴⁷ Там же.

жателя дела Едиге и других ханов „в борьбе за свободу, счастье и интересы народа“⁴⁸. Таким образом, в ходе кампании против «идеализации феодального прошлого» восстание 1916 г. стало его символическим противовесом и именно в этом формате сохранилось в советском историческом нарративе.

Итак, в 1920—30-е гг. можно было наблюдать, что оценка восстания 1916 г. определялась двумя разными акцентами. Если оно рассматривалось в качестве антиколониальной борьбы, то его образ приобретал национальный оттенок. Если подчеркивалась связь с русским пролетариатом или выстраивался четкий континуитет с Октябрьской революцией, то приобретался более отчетливый классовый оттенок, что вписывало восстание в общесоюзный исторический нарратив.

Идеологические трансформации периода Великой Отечественной войны полноценно развернулись уже в послевоенное время. Видимо, именно тогда и можно говорить об утверждении т. н. «сталинского русоцентризма». Однако советская идеология продолжала сохранять значительный интернациональный компонент, включая в обойму актуальных историко-идеологических образов и многие исторические фигуры и символы нерусских народов.

Критика «Истории Казахской ССР» привела к трансформации канона написания национальных историй народов СССР. Теперь однозначно осуждались проявления «местного национализма». Прокатилась кампания борьбы с «идеализацией феодального прошлого». То есть многие антицаристские восстания, которые возглавлялись местными «феодалами», постепенно выпали из обоймы актуальных исторических символов антиколониальной борьбы, в частности казахское восстание второй трети XIX в. под предводительством Кенесары Касымова. Наиболее громким событием стало развенчание в 1950 г. культа Шамиля⁴⁹.

Однако Туркестанское восстание в целом сохранило свой символический статус национально-освободительного и револю-

⁴⁸ ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933—1945. М.: РОССПЭН, 2009. С. 992.

⁴⁹ Tillet L. The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill: The University of North Carolina Press; 1969. P. 130—147; Манышев С.Б. «Первый кавказский революционер»: шейх Мансур в советской историографии // Minbar. Islamic Studies. 2023. № 3 (16). С. 518—520.

ционного события. Почему это произошло? Во-первых, важную роль играла фигура Амангельды Иманова, принявшего сторону большевиков и тем самым вписанного в героический революционный миф. В данном случае снималась проблема «идеализации феодального прошлого». Во-вторых, нужно учитывать внешнеполитический фактор. Восстание 1916 г., как антиколониальная революция, оставалось ценным символическим ресурсом, поскольку антиколониальные амбиции Советского Союза активизировались в условиях послевоенного кризиса мировой колониальной системы.

Глава 11

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ ИСТОРИИ: АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ 1920–1930-х гг.

В.В. Тихонов

Развитие советской исторической науки 1920–30-х гг., как правило, рассматривается через призму утверждения в ней марксистской парадигмы и подчинения идеологическим нуждам правящего режима¹. Данный ракурс, безусловно имеющий право на существование, неизбежно создает эффект противопоставления «правильной» и «неправильной» исторической науки. В роли «белых рыцарей» правильной науки выступают т.н. историки «старой школы», а место «черных рыцарей»очно обосновалось за т.н. историками-марксистами и их лидером М.Н. Покровским.

Между тем гораздо более плодотворным является подход, согласно которому развитие советской исторической науки следует рассматривать не в контексте сохранения или отказа от традиций дореволюционного историописания, а с точки зрения тех новаций, которые были привнесены и отражали глобальные интеллектуальные и идеологические тенденции. В этом смысле историографические поиски советских историков-марксистов 1920–30-х гг. начинают обретать совершенно другой смысл и играть другими красками. В частности, мощный антиколони-

¹ Зеленов М.В. Аппарат ЦК РКП(б) — ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород: Нижполиграф, 2000; Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е — начало 50-х гг. XX века). Тюмень: Мандр и К, 2003; Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011; Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. М.: ИРИ РАН, 2014; Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017; и др.

альный дискурс советской историографии 1920–30-х гг. предстает не идеологизированным отрицанием «нормальной» государственно-патриотической традиции, а построением нового формата презентации исторического нарратива, в котором истории всех народов СССР занимали более или менее равнозначное место. По мнению А. Голубева, можно говорить о школе исторического антиколониализма применительно к советской исторической науке 1920–1930-х гг.²

В данной статье я постараюсь ответить на ряд вопросов: В противостоянии с какой историографической традицией выстраивался антиколониальный дискурс? Как он формировался и эволюционировал? Насколько вписывался в советскую национальную политику? Почему его постепенно вытеснили из актуальной идеологической и научной повестки?

ГОСУДАРСТВЕННО-НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ НARRATIV ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исторические нарративы, создаваемые профессиональной историографией, являлись одновременно как следствием, так и инструментом нациестроительства в Европе последней четверти XVIII — начала XX вв.³ В XIX в. национальные/государственно-национальные истории пришли на смену всемирным и династическим, превратившись в самый современный и методологически продвинутый на тот момент формат историописания. Национальные нарративы вбирали в себя ключевые компоненты «национального воображения» (историческая миссия нации, ее «естественные границы», цивилизационная идентичность, инвариантные свойства национального характера и т. д.), комбинировали и интерпретировали их в зависимости от общекультурного

² Golubev A. No Natural Colonization: the Early Soviet School of Historical Anti-Colonialism // Canadian Slavonic Papers. 2023. № 2 (65). P. 190–204.

³ Миллер А.И. История империй и политика памяти // Наследие империй и будущее России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 57; Игерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М.: Канон-плюс, 2012. С. 138–141.

контекста, актуальной общественно-политической повестки, предпочтений их авторов и заказчиков и т. д.

Едва ли не главной формой их презентации стали т. н. большие нарративы («великие истории») — многотомные труды, охватывающие внушительный хронологический отрезок в стремлении сделать историю нации как можно древнее и славнее. В дальнейшем такие нарративы задавали ключевые элементы национального воображения, распространяя свое влияние на все сферы культуры и политики. Такие тексты принято называть мастер-нарративами (master narratives). Можно выделить ряд функций таких мастер-нарративов: консолидация отдельных историй (в том числе и разных авторов) и помещение их в более широкий контекст; формирование рамок национальных историй; утверждение единства исторического процесса и его непрерывности⁴.

К началу XX в. российская историческая наука, благодаря усилиям ее классиков, в первую Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, построила устойчивый государственно-национальный (общеимперский) нарратив. Его краеугольными камнями стали вполне типичные для европейского исторического воображения того времени концепты или их вариации. Главными из них стали культ государства и концепция колонизации, презентующая русскую историю как процесс окультурирования пространства обществом и государством. Миф о колонизации можно назвать ключевым компонентом национальной по форме и государственной по содержанию российской историографии. Он придавал истории телеологичность, определяя ее как процесс освоения земель, предназначенных русскому народу и государству. В этом смысле он подпитывал историческую легитимацию Российской империи и ее культуртрегерскую миссию.

Однако со второй половины XIX в. с государственного-национального нарративом конкурировали различные федералистские и национальные концепции. Н.И. Костомаров, А.П. Щапов, Н.М. Ядринцев, М.С. Грушевский и другие историки все настойчивее предлагали концепции и нарративы, в которых демиургом

⁴ Berghof Jr., Robert F. Beyond the Great History as Text and Discourse. Cambridge University press, 1998. P. 40–41.

истории выступали низовая инициатива и национальные силы. Стоит отметить, что марксистское направление начала XX в. (М.Н. Покровский, Н.А. Рожков, Г.В. Плеханов и др.) почти не уделяло внимания национальным проблемам, однако акцентировало классовые аспекты исторического процесса, тем самым критически пересматривая базовые установки презентации российской истории.

Дореволюционная историография национальных историй в XIX — начале XX в. представляла собой сложную систему, в которой конкурировали множество форматов историописания, концептуальных подходов и нарративных стратегий. В целом это отражало динамику и противоречия развития самой Российской империи. Можно выделить своеобразный мастер-нarrатив, сутью которого было представление об исторически обусловленном расширении России, сочетавшем рост могущества русского народа (нации), завоевания и колонизацию. Он был представлен (где-то в большей, где-то в меньшей степени) в трудах ведущих историков того времени — Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, И.Д. Иловайского и др. В упрощенной форме он входил и в официальную идеологию. Спецификой мастер-нarrатива являлось то, что он пытался сочетать ряд компонентов: 1) династическую историю (впрочем, во второй половине XIX в. она становилась все менее акцентированной); 2) национально-государственную историю, когда русские рассматривались в качестве «исторического народа», воплощением чего и стала великая империя; 3) христианский (православный) мессианизм, к концу XIX в. трансформировавшийся в представление о культурной миссии России как форпоста Европы в Азии; 4) экспансионизм, военный и хозяйственный (концепция колонизации), объясняемый комплексом представлений, в том числе и о «естественных исторических рубежах»; 5) представление о достаточно успешной ассимиляции инородцев или их инкорпорации в имперскую систему.

По мере роста национального сознания на окраинах империи, развития здесь местных образовательных и интеллектуальных центров, возникали и конкурирующие исторические концепции и нарративы, в которых конструировалась национальная идентичность, противопоставляемая общеимперской и подрывающая ее.

КРИТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО НARRATIVA В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920-Х ГГ.

Первая мировая война, революционные события и Гражданская война катализировали рост национального сознания народов бывшей Российской империи. Некоторые национальные регионы добились полного суверенитета, а некоторые из них приобрели пусть и кратковременный, но оттого не менее волнующий опыт независимости. Большевики не могли игнорировать волну национальных движений, более того, они стремились ее использовать в революционных целях. В представлениях большевиков национализм нерусских народов являлся реакцией на классовые проблемы и политику национального угнетения, проводимую русским царизмом. Кроме того, большевики рассчитывали направить в революционную струю национальные движения во враждебных буржуазных государствах. Именно это обусловило мощный антиколониальный пафос советской идеологии 1920-х гг.⁵

Победа большевиков кардинально перевернула ситуацию в исторической науке, разрушила сложившиеся иерархии и перенаправила господствующие тенденции. Главным историком оказался М.Н. Покровский, занимавший ряд ключевых постов в системе науки и образования и ставший ректором Института красной профессуры (ИКП). Одним из важнейших шагов по утверждению новой, марксистской исторической науки Покровский считал разоблачение дореволюционной «дворянской» и «буржуазной» историографии. Как марксист, он считал, что за историческими текстами скрывается идеология господствовавших классов, направленная на упрочение их власти. Следовательно, для победы над идеологическими противниками следует «взломать шифр», т. е. скинуть ту «идеологическую оболочку» объективизма, за которой прячется эксплуататорская направленность их трудов⁶.

М.Н. Покровский резко критиковал династический формат официального историописания и концепцию надклассовой

⁵ Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. С. 17–21.

⁶ Покровский М.Н. «Идеализм» и «законы истории» // Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Историографические очерки, критические статьи и заметки. Т. 2. 2-е изд. М.: URSS, 2012. С. 36–37.

сущности государства в России. В предложенной им системе координат Русское государство выступало инструментом удержания власти господствующих классов и, кроме того, порабощения нерусских народов, история которых буквально поглощалась государственно-национальным нарративом. Особое внимание М.Н. Покровский уделял разоблачению националистических и имперских элементов историописания. Он подчеркивал колониальную сущность Российской империи, называл мифом утверждения об особой цивилизационной миссии великорусов или представления о практически бесконфликтной ассимиляции нерусских народов. М.Н. Покровский считал Российскую империю типичной европейской колониальной державой, экономически и культурно эксплуатирующей захваченные колонии. Расширение российского государства объяснялось не через призму типичной для дореволюционной историографии концепции колонизации, а через призму концепции колониализма.

В Институте красной профессуры Покровский организовал специальный историографический семинар, участники которого готовили доклады, посвященные анализу исторических трудов с классовой точки зрения⁷. В 1927 и 1930 гг. из печати вышли два историографических сборника, подготовленных участниками семинара⁸. З.В. Лозинский подготовил очерк, анализирующий наследие С.М. Соловьева. Работа носила говорящее название — «С.М. Соловьев — историк великодержавной России». В ней С.М. Соловьев был назван «историком-националистом», поскольку, по мнению З.В. Лозинского, концентрировался на истории великорусов, игнорировал историю нерусских народов, а при помощи концепции противостояния «леса и степи» обосновывал территориальные захваты Московского государства и Российской империи⁹.

⁷ Артизов А.Н. Историографические семинары М.Н. Покровского // История и историки. 1995. М.: Наука, 1995. С. 185–199.

⁸ Русская историческая литература в классовом освещении: Сб. ст. / Предисл., под ред. М.Н. Покровского. Вып. 1. М.: Изд. Коммунистической Академии, 1927; Русская историческая литература в классовом освещении: Сб. ст. с предисл. и под ред. М.Н. Покровского. Вып. 2. М.: Изд. Коммунистической Академии, 1930.

⁹ Лозинский З. С.М. Соловьев — историк великодержавной России // Русская историческая литература в классовом освещении: Сб. ст. / Предисл., под ред. М.Н. Покровского. Вып. 1. М.: Изд. Коммунистической Академии, 1927. С. 205–276.

М.А. Рубач, работавший в Украинской ССР, подготовил очерк по историкам-федералистам, к которым отнес Н.И. Костомарова, А.П. Щапова, М.П. Драгоманова и др. Автор с пафосом писал: «Призванные разрушить схему единой русской истории и „собирания всея Руси“ в единую неделимую державу, федералистические теории расчленяют ее на составные части, из которых она некогда „собиралась“. На ее руинах они строят ряд самостоятельных собственных историй, давая историческое обоснование национально-государственному возрождению национально угнетенных народов»¹⁰. Здесь же М.А. Рубач коснулся и фигуры М.С. Грушевского, отрицавшего общерусскую историю. В статье подчеркивалось, что федералистские концепции до определенного момента объективно играли демократическую роль и помогали вернуть субъектность угнетенным народам, хоть и носили буржуазный характер и продуцировали развитие местного национализма.

Против «великодержавного» взгляда на историю нерусских народов выступал и другой выпускник ИКП — А.В. Шестаков. Помимо прочего, его непосредственной специализацией являлась история Средней Азии. В неопубликованной статье «Проблемы истории народностей Востока в русской истории» (1925) он писал: «...Мы стоим перед фактом необходимости соответствующей „ревизии“ в изучении русской истории, перед необходимостью внести в нее нужные поправки с точки зрения того политического положения, в которое сейчас поставлена старая Россия, замененная Союзом ССР, т. е. Союзом тех народностей, которые на равных правах с великорусами строят свою историю, строят социализм. И под углом этого строительства социализма с точки зрения преодоления „отсталых общественных укладов“, с точки зрения внекапиталистического развития отдельных частей и народов нашего Союза настала пора решительного пересмотра старых исторических концепций и создания новой истории, истории народов СССР»¹¹. В 1930-е гг. именно А.В. Шестаков станет ведущим лектором по истории народов СССР в московских вузах.

¹⁰ Рубач М.А. Федералистские теории в истории России // Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. с предисл. и под ред. М.Н. Покровского. Вып. 2. М.: Изд. Коммунистической Академии, 1930. С. 25.

¹¹ АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 177. Л. 5.

Накал разоблачительной критики пришелся на 1930–31 гг., когда ряд историков (например, С.Ф. Платонов, М.К. Любавский, С.В. Бахрушин и др.) ассоциировавшихся с традициями дореволюционной историографии, были арестованы по т.н. «Академическому делу». С. А. Пионтковский представил ряд докладов и подготовил книгу с говорящим названием — «Буржуазная историческая наука в России», в которой подвергал разгрому «остатки» буржуазной историографии: работы С.Ф. Платонова, С.В. Бахрушина, М.К. Любавского, А.Е. Преснякова, в которых автор обнаружил «национал-шовинизм».

В 1920-е гг. советская историография прошла стадию «историографической зачистки» государственно-национального нарратива. Эта критика носила радикальный (и во многом несправедливый с точки зрения научной этики) характер. Антиколониальный пафос советских историков-марксистов подпитывался не только борьбой с «идеологией царизма», но и надеждами на мировую революцию, в которой угнетенные колониальные народы вольются в революционные ряды.

В значительной степени историкам во главе с М.Н. Покровским удалось при помощи критического классового анализа выявить и гипертрофированно застричь родовые пороки государственно-национального взгляда на историю нерусских народов: отказ им в исторической субъектности, замалчивание насилия со стороны Русского государства и т. д. Однако радикальной критики было мало, нужно было что-то предложить взамен. Именно так появился масштабный проект отказа от привычного исторического нарратива и создания нового формата национальных историй, в котором каждый народ Советского Союза должен был обрести равные со всеми права.

От «Истории народов СССР» к «Истории СССР»

На Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов (28.12.1928–04.01.1929) вместо привычной секции по истории России была организована секция истории народов СССР. М.Н. Покровский объяснял это следующим образом: «...Мы поняли, — чуть-чуть поздно, — что термин „русская история“ есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным

флагом и „единой, неделимой“». И далее: «История угнетенных народов не может не упоминать об истории народа-угнетателя, но отсюда заключать к их тождеству было бы величайшей бессмыслицей»¹².

На этом же заседании произошел важный инцидент, связанный с украинской делегацией. Сотрудник Украинского института марксизма-ленинизма З.Н. Гуревич заявил, что в русской историографии советского периода все еще остаются «отрыжки великодержавного шовинизма»¹³. Украинские делегаты выражали сомнение, что историки из РСФСР могут разрабатывать украинскую тематику, избрав при этом русификаторства. Данный демарш обнажал ключевые точки напряжения в среде советских историков. Во-первых, он стал проявлением мощной национал-коммунистической линии¹⁴, вызывавшей все большее опасение союзного центра. Во-вторых, ставилась под сомнение центральная роль Общества историков-марксистов. Предполагалось, что оно будет выполнять координирующую функцию в масштабе всего СССР, но историки с Украины ставили эти амбиции под сомнения. Однако в 1930–31 гг. прошли по всему Союзу зачистки, напрямую коснувшиеся историков «старой школы» и национал-коммунистов. Препятствия перед созданием более централизованной модели были устранены. Однако не Общество историков-марксистов оказалось в центре этого проекта. Его создатель М.Н. Покровский в начале 1930-х терял позицию за позицией, а в 1932 г. умер. В этой ситуации на первый план вышел Институт истории Коммунистической академии.

Важным фактором выстраивания новой модели истории народов СССР стало начало масштабной мобилизационной кампании — «Великого перелома» («наступление социализма по всему фронту»). Помимо прочего, Великий перелом включал и мобилизацию наций, т. е. их форсированное развитие, позволяющее высвободить их социокультурную «энергию» и направить ее на

¹² Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28.XII.1928 — 04.I.1929. Том первый. М.: Изд. Коммунистической Академии, 1930. С. IX.

¹³ Там же. С. 440.

¹⁴ Об этом см.: Мартин Т. Указ. соч. С. 291–375.

построение социализма¹⁵. Одновременно пришли в движение и важные идеологические процессы. Можно было наблюдать, как радикальная революционная и интернациональная риторика все больше разбавляется государственническими идеологемами¹⁶.

Работу по проблеме создания национальных историй подстегнул XVII съезд КПСС, прошедший с 26 января по 10 февраля 1934 г. По его итогам в рупоре советской историографии, журнале «Историк-марксист», было объявлено, что «историки могут и должны показать конкретно, как изменялось лицо нашей страны, как все зависимые и угнетаемые царизмом, отсталые экономически, политически и культурно колонии царской России превращались в бурнорастающие национально-автономные республики, ликвидирующие свою вековую отсталость только в условиях диктатуры пролетариата»¹⁷. Предполагалось, что изучение истории народов СССР позволит преодолеть пережитки национализма. Одинаково клеймились великодержавный и местный национализм.

В начале 1934 г. на базе Института истории Комакадемии и Института национальностей СССР ЦИК СССР предполагалось проведение всесоюзного совещания по проблеме подготовки обобщающей истории СССР и отдельных историй советских республик¹⁸. Однако совещание не провели. Можно предположить, что причиной тому стал резкий поворот на «историческом фронте», связанный со школьными учебниками по истории.

Поворотной можно считать мартовскую встречу 1934 г. историков с И. В. Сталиным, который раскритиковал на ней существующие учебники истории. Помимо прочего, он указал, что нужна не «история народов СССР», а «история СССР», поскольку «русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собирательству он приступил и сейчас»¹⁹. Казалось бы, разница между

¹⁵ Хирш Фр. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

¹⁶ Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017.

¹⁷ Историческую науку на уровень великих задач (Итоги XVII съезда ВКП(б) и задачи большевистских историков) // Историк-марксист. 1934. № 2. С. 8.

¹⁸ АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 273, 303.

¹⁹ Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / Отв. ред. и вступ. статья А.Л. Литвина. Казань: Казань, гос. ун-т, 2009. С. 487–488.

«историей народов СССР» и «историей СССР» незначительная. Однако в первом случае акцент делался на историческое равноправие народов и их историческую субъектность, а во втором — на развитие государственных форм. Идеологически это обосновывалось тем, что СССР стал настоящей родиной пролетариата, воплощением завоеваний революции, где все народы обрели равноправие. Но в реальности революционный и антиколониальный пафос снижался и постепенно вытеснялся новым культом государства. В публичное пространство внедряются новые актуальные идеологемы: «советский патриотизм», «советский народ», «дружба народов»²⁰.

Огромное влияние оказывал внешнеполитический фактор. СССР изначально воспринимал себя в качестве осажденной крепости. Это усиливалось по мере роста напряженности международной обстановки. Приход фашистов к власти во многих странах Европы рассматривался в том числе и как «историографический вызов», поскольку те активно апеллировали к истории в обосновании своих претензий. В этом контексте акцент на СССР, как на нечто единое, а не сумму «народов СССР», выглядел реализацией данной установки.

Впрочем, данная установка (пока неофициальная) не сразу изменила подход к презентации истории народов СССР. На протяжении середины 1930-х гг. историографические концепты «история народов СССР» и «история СССР» сосуществовали и даже могли быть взаимозаменяемыми. Переломным можно считать 1937 г., когда вышел «Краткий курс истории СССР» под редакцией А. В. Шестакова. В его подготовке непосредственное участие принимал Сталин. Во многом именно его правки снижали радикальность критики политики царизма по отношению к нерусским народам.

²⁰ Виноградов И. Жизнь и смерть советского понятия «дружба народов» // Cahiers du Monde russe. 1995. № 4 (36). Р. 455–462; Brandenberger D. Global in Form, Soviet in Content: The Changing Semantics of Internationalism in Official Soviet Discourse, 1917–1991 // The Russian Review. 2021. № 80 (October 2021). Р. 2–20; Tillett L. The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969. Р. 37–55; Whittington A. Making a Home for the Soviet People: World War II and the Origins of the Sovetskii Narod // Empire and Belonging in Eurasian Borderlands. Cornell University Press, 2019. Р. 147–149; Тихонов В.В. От «СССР-цев» до «советского народа»: в поисках единства на 1/6 суши планеты Земля // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. С. 188–201.

Стоит указать, что определенную роль в корректировке сыграли и рецензии историков «старой школы», написанные на рукопись учебника. В них они часто ратовали за возрождение по крайней мере некоторых компонентов дореволюционного государственно-национального нарратива. Например, С.Б. Веселовский в рецензии на «Краткий курс истории СССР» писал: «Двухвековой процесс продвижения русского народа от берегов Оки до Черного моря, так наз. наступление на степь, «проглощены», если можно так выразиться, авторами учебника. Я считаю это большим пробелом, так как в этом наступлении великорусы и украинцы совершили большое культурно-ценное дело и проявили большую силу духа и упорства, временами доходящие до героизма, заселяя под ударами кочевников никем не занятые и не обрабатываемые пустые земли»²¹. Фактически речь идет об отказе от концепции колониализма и возврате к концепции колонизации. Рецензия обратила на себя внимание в аппарате ЦК ВКП(б), и ее копию передали А.В. Шестакову.

После публикации «Краткого курса истории СССР» в программах и институциональной структуре исторического образования окончательно утвердилась «история СССР»²². Однако произошедший поворот не был очевиден для многих современников. Во многом из-за того, что он произошел явочным порядком, и никто не разъяснил новых правил. Показателен пример с дискуссией по поводу структуры академической «Истории СССР», которую готовили в Институте истории АН СССР²³. Разработчиком программы, ее написания выступил заместитель директора Ф.Д. Кретов, ранее занимавший высокие должности в советской системе управления наукой, в частности, в 1935–1936 гг. являлся заведующим отделом науки ЦК ВКП(б). В проекте (датирован 10 июня 1937 г.) он указывал: «...История СССР — это никак не русская история, не история только Руси, а история всех народов, которые вошли в состав СССР; это такая история, в которой

²¹ АРАН. Ф. 638. Оп. 4. Д. 24. Л. 9.

²² Тихонов В.В. Как «История народов СССР» стала «Историей СССР»: к вопросу о трансформации идеологических установок советского курса истории в 1930-е годы // Россия и современный мир. 2023. № 4(121). С. 168–182.

²³ Об этом проекте: Тихонов В.В. «С русским размахом и американской дерзивностью»: коллективные и индивидуальные формы организации исследований в Институте истории АН СССР // Российская история. 2021. № 5. С. 144–154.

история Великороссии не должна отрываться от истории других народов и наоборот... Все народности и народы СССР являются не случайными и не временными обитателями, а естественными законными хозяевами нашего Великого Дома, который теперь всегда очищен от эксплуататоров всех мастей»²⁴. Проект поражал масштабами. По замыслу его автора в «Истории СССР» должна была отразиться история всех народов СССР, вне зависимости от их численности и значимости. Предыдущий вариант проекта был утвержден на заседании Президиума АН СССР 27 октября 1936 г.²⁵

Казалось бы, именно он ляжет в основу многотомной «Истории СССР». Однако против этого выступили как историки «старой школы» (С.В. Бахрушин, А.Н. Самойлович, И.А. Орбели), так и бывшие выпускники ИКП²⁶. Окончательные причины провала проекта Ф.Д. Кретова не известны. Очевидно, что протесты нашли поддержку в ЦК ВКП (б). Тем более что это хорошо вписывалось в общую тенденцию отказа от радикального антиколониального дискурса и переходу к историческому нарративу, в котором педалировались консолидирующие факторы и события, все больше акцентировалась роль русских и их государственной и революционной традиции. Впрочем, окончательно это закрепится уже в годы войны. Тогда же целый ряд народов будет подвергнут репрессиям по принципу коллективной вины и депортирован.

Отказ от радикального антиколониального дискурса был связан и с внешнеполитическим контекстом²⁷. Возникали серьезные опасения, что красочными описаниями зверств русских колонизаторов советские историки помогают потенциальному противнику. Например, при обсуждении в Институте истории АН СССР 4 декабря 1937 г. того, как представить историю Сибири в учебниках А.М. Панкратова прямо говорила: «...Сейчас Япония, японские историки выдвигают такого рода теорию, что Сибирь — это не русский край. Сибирь — это завоеванный русскими край, а, по существу, это край, где жили такие народы, как эвенки и тунгусы, в значительной мере происхождения монголо-китайского, ближе к Японии, чем к России». В этой связи возникла важный вопрос:

²⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп.6. Д. 115. Л. 1–2.

²⁵ Там же. Д. 13.

²⁶ Там же. Д. 162. Л. 29 об. — 30 об.

²⁷ Yilmaz H. National Identities in Soviet Historiography: The Rise of Nations under Stalin. London and New York: Routledge, 2015.

«Должны ли мы показать Сибирь просто, как колонию, или же подчеркнуть ее особенность, как освоенной русскими переселенцами русской земли»²⁸. Разумеется, в таких условиях требовалось снизить антиколониальный пафос.

Постепенно на смену таким риторическим единицам, как «колониальное завоевание», «грабеж», «эксплуатация» и т. д., в советский исторический нарратив пришли другие — «освоение», «присоединение», «воссоединение» и т. д.

Отличительной чертой советской историографии (во всяком случае ее большевистской части) 1920-х гг. являлся ее радикальный антиколониальный дискурс. Он выстраивался в качестве антитезы дореволюционному историческому нарративу и первоначально во многом представлял собой критику построений классиков дореволюционной историографии. Используя критический классовый подход, молодые ученики М.Н. Покровского выявляли классовую сущность историков прошлого и настоящего, оценивая их труды как форму легитимации идеологического господства правящих классов, оправдания колониальных захватов и угнетения нерусских народов.

Инструментом переформатирования сложившегося канона историописания стал историографический концепт «история народов СССР», противопоставлявшийся «истории России / русской истории». Его сущность состояла в переходе от исторического нарратива, построенного на территориальной экспансии Русского государства, к нарративу, в котором все народы Советского Союза получили бы равные права и стали бы субъектами исторического процесса.

В должной мере реализовать данный проект не получилось, поскольку с середины 1930-х гг. советская историческая политика все больше отходила от радикального революционного дискурса и дрейфовала в сторону более патриотической и государственни-

ческой идеологии, в которой разоблачающий пафос заменялся консолидирующими концептами и нарративами.

В определенной степени произошел возврат к дореволюционному наследию, обильно сдобренному классовым подходом. Во время войны и особенно в послевоенное время утверждается схема, согласно которой народы Советского Союза исторически устремлялись друг к другу, особенно к «старшему брату» — русскому народу. А акцентированный антиколониальный пафос предыдущих десятилетий воспринимался в качестве «детской болезни левизны».

²⁸ Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 252. Подробнее см.: Тихонов В.В. История народов Сибири в советских школьных учебниках 1930-х гг. // История народов России в исследованиях и документах / Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. М., 2004. Вып. 9: К юбилею В.В. Трепавлова / [отв. ред. Дж.Я. Рахаев] ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. М.: Ин-т росс. истории Рос. акад. наук. 2022. С. 316–327

Глава 12

НАУЧНЫЕ СПОРЫ ВОКРУГ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ

Я.А. Лазарев

На 1920–1930-е гг. пришелся период экспериментов по созданию советского исторического нарратива. Данный процесс отличался заметной политизированностью дискуссий со стороны новой генерации историков (историков-марксистов) во главе с М.Н. Покровским. Они призывали к кардинальному пересмотру (с марксистских позиций) исторического прошлого СССР, включая историю народов, вошедших в состав советского государства¹.

Важную рамку для их концептуальных поисков задавал идейно-политический контекст. Практически вся политическая верхушка СССР придерживалась гиперкритического/негативного взгляда на прошлое Российского государства до 1917 г., которое рассматривалось в качестве *колониальной империи* («тюрьмы народов»), создававшее якобы неравноправные условия для развития всех народов, кроме русского. Ключевым понятием, через которое осмыслился этот негативный опыт и его отрицательные проявления в советской действительности и историографии, являлся *великодержавный (велико-)русский шовинизм*. Это понятие активно использовалось для критики национальной политики в Российской империи и недостатков в решении национального вопроса советским правительством. В первую очередь речь шла о главном толкователе марксизма в СССР — В.И. Ленине, а заnim и ключевых лидерах большевистской партии (например, Н.И. Бухарин и И.В. Сталин)². Противоположностью велико-

державному шовинизму являлся *буржуазный национализм*. Через это понятие описывались искажения в понимании истории конкретных народов, которые заключались в формировании ложных представлений о приоритете борьбы за национальную культуру или автономию, тем самым подрывая интернациональные принципы единства. В связи с этим возникает естественный вопрос: насколько декларируемые принципы отражались на производстве нарративов, посвященных истории народов СССР в центре и на местах?

Отмеченная проблема весьма обширна и глубока, в описании чрезвычайно интересных деталей производства национальных историй легко потерять нерв и уйти в сторону от ее разрешения. В рамках настоящей главы планируется сосредоточиться на вопросах, связанных с производством украинского исторического нарратива в контексте академических биографий М.С. Грушевского и М.И. Яворского — двух знаковых фигур своего времени, руководивших академической наукой в Украинской ССР в 1920-е гг. Чем продиктован наш выбор?

С точки зрения советской идеологии историки находились на противоположных позициях. *Михаил Сергеевич Грушевский* (1866–1934) представлял собой живое воплощение буржуазного национализма в исторической науке и одновременно с этим являлся создателем основополагающих работ по украинской истории. В противоположность Грушевскому *Матвей Иванович Яворский* (1885–1937) являлся лидером украинских историков-марксистов. Ему было поручено создать новый, марксистский нарратив по украинской истории и бороться с влиянием работ Грушевского. Внешне ничего не указывало на общность взглядов двух историков, если бы не общий трагичный финал карьеры обоих историков. Оба историка были арестованы по сфабрикованному делу «Украинского национального центра», руководителем которого был объявлен Грушевский, а Яворский

литературы, 1973. С. 149; Письмо В.И. Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации». 30–31 декабря 1922 г. // Там же. Т. 45. М., 1970. С. 356–362; Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. 17–25 апреля 1923 г. М.: Красная новь, 1923. С. 212, 215, 441, 444, 650–651; *Сталин И.* Марксизм и национально-колониальный вопрос (сборник избранных речей и статей). М.: Госполитиздат, 1937. С. 71–72, 77, 106–107, 109, 112, 116–117, 125, 127, 129, 134, 191.

¹ См.: Тихонов В.В. «Деколонизация» истории народов СССР в советской историографии (1920–1930) // *Quæstio Rossica*. 2024. Т. 12. № 1. С. 193–208.

² См., например: *Ленин В.И.* Рабочий класс и национальный вопрос // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 23. М.: Издательство политической

проходил как один из руководителей военизированного крыла этой антисоветской организации. С трагичной судьбой Грушевского и Яворского ассоциируется репрессивная политика советского правительства в отношении украинской национальной интеллигенции, начавшаяся на рубеже 1920-х — 1930-х гг. Считается, что важным следствием таких политических практик стало продвижение дореволюционного («русскоцентричного») исторического нарратива, который должен был внести в публичное пространство важные смыслы о позитивной роли царского (имперского) периода в истории народов СССР³.

Есть устоявшееся мнение, что одним из ключевых акторов, осуществлявших целенаправленное давление на Грушевского и представителей его «школы», являлись московские историки-марксисты во главе с М.Н. Покровским. В книге историка С.Н. Плохия 2005 г. (укр. пер. 2011 г.) Покровский и его ученики/клевреты превращаются в агрессивное сообщество, которое стремилось любыми средствами низвести своих научных (идеологических) оппонентов и навязать свою точку зрения (схему истории) местным исследователям, с подачи которых запускались идеологические кампании против Грушевского и его сторонников, закончившиеся трагически⁴. Ровно тем же акторам (Покровскому и его ученикам) историографическая традиция приписывает падение Яворского, который боролся за национальную схему истории в ее марксистском изводе⁵.

³ См.: Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931—1956. СПб.: ДНК, 2009; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939. М.: РОССПЭН, 2011. С. 307—314.

⁴ Плохій С. Великий переділ: Незвичайна історія Михайла Грушевського. Київ: Критика, 2011. С. 346—352.

⁵ См., например: Mace J. E. Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine, 1918—1933. Cambridge, Mass., 1983. (укр. пер. 2018). Р. 232—263; Касьянов Г.В. Академік М.І. Яворський: доля вченого // Український історичний журнал. 1990. № 8(353). С. 80—84; Юр'ганов А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. С. 36—43; Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930—1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 94—95; Шаповал Ю.І. Україна 20—50-х років: сторінки неаписаної історії. Київ: Наукова думка, 1993. С. 90—93; Санцевич А.В. М.І. Яворський: нарис життя та творчості. Київ: Ін-т іст., 1995.

М.С. ГРУШЕВСКИЙ И ИМПЕРИЯ

Итак, начнем с биографии Михаила Сергеевича Грушевского. Без его имени невозможно представить историю мировой украинистики. Работы Грушевского (в особенности многотомная неоконченная «История Украины-Руси») до сих пор считаются основополагающими (базовыми) нарративами по украинской истории с древности по XIX в. Особое значение в своих текстах Грушевский придавал истории казацкого государства (Гетманщины), созданного гетманом Б.М. Хмельницким в 1648 г. и ликвидированного в 1764 г. Оно представлялось наиболее успешным воплощением идеи национального украинского государства, на которое проецировались современные Грушевскому идеалы национал-демократического устройства. Провал этого проекта произошел, когда Гетманщина находилась в составе Российского государства, что давало основания для выдвижения исторических, а затем и политических претензий к российской стороне, якобы целенаправленно уничтожавшей украинскую государственность. Логично предположить, что подобные трактовки прошлого, изложенные в опубликованных текстах, могли вызвать серьезные дискуссии в академической среде, особенно в тот период, когда еще существовала Российская империя, а украинство, к идеологам которого относили Грушевского, считалось антиправительственным политическим движением. В этой связи мы обязаны начать свой рассказ не с того момента, когда Грушевский оказался в СССР, а с его взаимоотношений с академической средой Российской империи.

Свой научный путь М.С. Грушевский начал в Российской империи. Как выпускник Киевского университета он зарекомендовал себя в качестве специалиста по древнерусской и польской истории. Его оригинальные, но спорные построения относительно генезиса древнерусской государственности заставили обратить внимание на молодого специалиста. Отсутствие карьерных перспектив заставило Грушевского перебраться во Львов (Австро-Венгрия), где он занял кафедру всеобщей истории. Здесь он начал работу по написанию своей многотомной «Истории Украины-Руси» (Історія України-Руси). Первые тома «Истории», посвященные древнерусскому периоду, вызвали живейший отклик среди российской научной общественности, несмотря на крити-

ческие замечания по поводу спорности построений о начальной истории украинского народа. В этих работах обосновывался разрыв украинской и российской истории с периода Древней (Киевской) Руси⁶. Насколько можно судить, разрыв с российским академическим миром серьезно волновал Грушевского. В 1903 г. он с радостью откликнулся на предложение прочитать на русском языке курс лекций по украинской истории в Русской высшей школе общественных наук в Париже. То было экспериментальное высшее учебное заведение, позиционировавшее себя в качестве свободного русского университета, где могли преподавать ученые и политики оппозиционной направленности (например, В.И. Ленин)⁷.

Положительная реакция на лекции у русскоязычной аудитории сподвигла Грушевского подготовить на их основе обобщающий труд по украинской истории. В 1904 г. в Санкт-Петербурге на русском языке был издан «Очерк истории украинского народа», где описывалась история украинского народа с древности по современность. Актуальность этого труда объяснялась тем, что «на русском языке не существует цельного обзора истории украинского народа», несмотря на очевидный запрос, а также по причине того, что украинский оригинал или немецкий перевод фундаментальной «Истории Украины-Руси» «не может получить значительного распространения в России»⁸. Автор предупреждал читателя, что книга вышла «не в таком виде, как это для меня было бы желательно», в ней присутствовали «значительные пробелы, особенно в последних главах», который планировалось «восполнить позже»⁹. Это касалось разделов, посвященных украинской истории второй половины XVIII–XIX в.

В построении своего текста Грушевский описывал украинский народ как сущность, существовавшую с древних времен. С первых страниц русскоязычный читатель «Очерка» знакомился

⁶ Тельвак В.В. Наукові погляди Михайла Грушевського в історіографічних дискусіях у Російській імперії кінця XIX — початку ХХ ст. // Студії з архівної справи та документознавства. Т. 16. Київ, 2008. С. 42–57.

⁷ О Русской высшей школе общественных наук в Париже (1901–1906) см.: Гутнов Д.А. Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.

⁸ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. СПб.: Общественная польза, 1904. С. I.

⁹ Там же. С. II.

с непривычными сюжетами, вроде «волн» «украинской колонизации» обширных территорий от северного Причерноморья до Карпат, Трансильванских гор, Днепра, Дона, Кубани и Кавказского хребта с древности и по XVIII в. Или читал о лингвистическом и психофизическом обосаблении украинской и великороссийской народностей, на которые повлияли «многократные массовые передвижения» (например, «турецких орд»), сформировав «украинский национальный тип и язык», который отличался большей однородностью. Последнее подавалось с довольно специфической формулировкой. Читаем: «Но языком, хотя он служит наиболее ярким и существенным показателем национальной особенности, дело не ограничивается. Украинский этнический тип отличается от своих ближайших родственников — Великороссов и Белоруссов — также и в других отношениях: особенностями антропологическими в тесном смысле, т. е. физическим устройством тела (формою черепа, ростом, соотношениями частей тела), и чертами психофизическими, проявляющимися в народном характере, психологии, складе семейных и общественных отношений. <...> Как в лингвистическом, так и в психофизическом отношении обособление украинской, белорусской и великорусской выходит далеко за пределы истории. Выходя из своей прародины, эти группы племен, уже там отмеченные известными отличиями, попадали в отличную этнографическую среду (так, великорусская народность формируется преимущественно на финской почве, белорусская — в близком общении с литовской группой, украинская — в вечном соседстве с Тюрками), в отличные физические, экономические и культурные условия. В результате образовалось народное самочувствие, которое отличает теперь, совершенно инстинктивно, Украинца и Великоросса, „хохла“ и „кацапа“, и дает себя чувствовать уже на первых страницах истории»¹⁰. Украинская и великороссийская народности только пересекались на историческом пути, но не были единственным целым, а первенствующую роль в «первых веках их исторической жизни» играли украинцы¹¹.

Не трудно заметить, что в основу исторического различия, политического и культурного превосходства были положены

¹⁰ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. С. 9–10.

¹¹ Там же. С. 10.

принципы классической расовой теории¹². В нарративе Грушевского мы найдем рассуждения и про расовую чистоту. Украинцы за счет «западной окраины и северного Полесья сохранили в более чистом и нетронутом виде первоначальную колонизацию». В отличие от них, происхождение великороссиян увязывалось с финно-угорскими народами, т. е. Грушевский настаивал на их неславянском происхождении и, соответственно, на генетической чужеродности украинцам¹³. Отсюда проистекала необходимость в упоминании пейоративных прозвищ украинцев и великороссиян, также противопоставленных друг другу: если «хохол» — «насмешливое прозвище у Великороссов», то слово «кацап» — «производят теперь очень правдоподобно от тюркского casap — мясник»¹⁴. На таком негативном противопоставлении выстраивался весь последующий текст «Очерка», касавшийся истории русско-украинских отношений.

Исторические взгляды Грушевского, замешанные на расовой теории, подводили историка к необходимости поиска превосходства украинцев и отсталости великороссов в их историческом прошлом. По мысли Грушевского выходило, что украинцы смогли воспринять более высокие образцы культуры и политического устройства, и именно на украинском базисе выстраивалась древнерусская государственность. Киевское государство (не княжество) — это государственное наследие исключительно украинцев.

Расхождение украинской и великороссийской народностей углубилось в период феодальной раздробленности и монгольского нашествия. Дальнейшее развитие украинской государственности связывается с историей *Галицко-Волынского государства* (не княжества). С поглощением этих земель Польшей в XIV в. начинается история многовекового «национального гнета» (культурного и политического). Примерно с конца XVI в. под давлением «польского правительства» главной силой в сохранении национальной

¹² Соотнесение взглядов М.С. Грушевского с расовой теорией — проблема, совсем не изученная в историографии. Исследователи, которые занимались творчеством Грушевского, старались обходить тему стороной, осторожно замечая, что историк «был убежден в особом характере украинской нации и рассматривал его как результат скорее длительной исторической эволюции, чем расового различия (по его мнению, украинская нация с расовой точки зрения является смешанной) (см.: Плохий С. Великий передел. С. 185).

¹³ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. С. 8–9.

¹⁴ Там же. С. 10.

идентичности становится украинское казачество, а принципы войсковой организации — ядром новой формы украинской государственности (Гетманщины). В ходе казацкого восстания гетмана Б.М. Хмельницкого (1648–1653) украинцы решают принять подданство российского царя, и в 1654 г. Украина (Гетманщина) входит в состав Российской государства¹⁵. Однако этот поворотный момент не прекратил «национальный гнет».

Если описание негативного влияния католической Польши было вполне понятно и объяснимо, т. к. речь шла о притеснении по национальному признаку (вере и языку), то гнет со стороны православной России (Москвы) выглядел заметной новацией. Грушевский был не первым, кто указывал на проблемы в истории русско-украинских отношений. Однако всегда подчеркивался прогрессивный характер общежития в составе Российского государства (империи). Например, в популярном сочинении Д.Н. Бантыш-Каменского «История Малой России», неоднократно переиздававшемся в России с момента своего выхода в 1822 г. В изложении же Грушевского данные сюжеты превращаются в национальную катастрофу.

Выходило так, что украинские казаки (носители государственной идеи) вступили в многолетнее противостояние с Россией за свое «автономное государство», в то время как «московское (центральное) правительство» на протяжении многих десятилетий стремилось его уничтожить. Само противостояние было предопределено несходством государственного устройства обеих политий. Грушевский писал, что «на первых же порах столкнулись конституционные привычки украинского населения с самодержавными принципами Москвы», «свободный, выборный строй украинского управления был противен монархическому, централизованному строю Московского государства и подлежал перестройке»¹⁶. Эти важные тезисы раскрывались в довольно противоречивом рассказе о нахождении Украины в составе России.

На практике «самодержавные принципы Москвы» воплощались довольно специфическим способом. В удержании Украины, от которой удалось сохранить только часть по левому берегу Днепра, Москве помогала та же самая украинская элита, которая с ней

¹⁵ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. С. 116–225.

¹⁶ Там же. С. 239, 245–246.

боролась. Парадокс заключался в том, что «московское правительство» потакало материальным и сословным интересам казацкой старшины, санкционировав ее трансформацию из выборной корпорации в наследственную (дворянскую), а также допустив утверждение на украинских землях крепостной зависимости. Читаем у Грушевского: «Начиная с Хмельницкого и кончая последним украинским демагогом Петриком (конца XVII в.) украинская интеллигенция вообще и казацкая старшина специально не представляла себе общественного строя без сословных привилегий, без подданных и господ»¹⁷. Эти недостатки «свободного, выборного строя украинского управления» способствовали нагнетанию противоречий между старшиной и «народными массами». На этом сыграла российская сторона, чтобы сломать « силу... народного сопротивления». Потакая (не навязывая) материальным и сословным интересам казацкой старшины, «московское правительство» приступило к созданию «нового господствующего сословия из казацкой старшины», а самая страшная социальная практика — закрепощение крестьянства «стало развиваться вполне осознательно только с конца XVII в., когда старшина нашла для своих сословных стремлений опору в московском правительстве»¹⁸.

Приоритет материальных и узкосословных интересов подводил к тому, что «даже наиболее выдающиеся, горячие украинские патриоты (вроде Полуботка) были грешны в своей экономической политике, в отношении к посполитым и козакам, и это подрывало их энергию и стойкость в политике»¹⁹. При этом, чтобы держать в узде казачью старшину, которая то думала об автономии, то от нее отказывалась, российское правительство «при всякой атаке на автономию... поднимало вопрос о злоупотреблениях старшины и необходимости их разследования, об охране народа от этой старшинской эксплуатации и т.п., и старшина, боясь своим сопротивлением толкнуть его еще дальше по пути к полному разрушению благосостояния, уступала»²⁰.

Получалось так, что обвинение в адрес «московского правительства» в уничтожении украинского «автономного государства» строилось на том, что оно толком не вмешивалось в политиче-

скую жизнь Украины, позволяя элите добровольно осуществлять свою преступную и антигосударственную деятельность. Выворачивая логику Грушевского, можно сказать, что национальное государство за украинскую старшину должен был строить великороссийский чиновник, не допуская коррумпирования казацких (войсковых) институтов власти. При этом Грушевский допускал определенную фальсификацию исторических событий. Тезис о роли российского правительства в легализации крепостного права на Украине противоречил общизвестным фактам. Например, в «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева довольно подробно излагалось, как правительство вплоть до правления Екатерины II мешало казацкой старшине в закрепощении рядового казачества и свободного крестьянства.

Возможно, осознавая концептуальные противоречия, подтасчивавшие тезис о явно негативной роли Российского государства и национальном угнетении, Грушевский шел на намеренную негативизацию деятелей российской истории и не чурался использовать откровенные фейки. Особенно это касалось царствования Петра I. В годы его правления российское правительство стремилось «воспользоваться этим моментом (изменой гетмана И.С. Мазепы. — Я. Л.), чтобы окончательно превратить Украину в свою провинцию». Несмотря на определенные изменения в управлении Украиной, Петр I не ликвидирует казацкое (войсковое) самоуправление, не вводит общеимперские налоги и судопроизводство. После смерти гетмана И.И. Скоропадского в 1722 г. управлять Украиной был назначен черниговский полковник П.Л. Полуботок совместно с русскими чиновниками Малороссийской коллегии. Полуботок стремился восстановить гетманство, но за свои злоупотребления на Украине был посажен в Петропавловскую крепость, где и умер в конце 1724 г. Грушевский пишет, что в заключении этот «герой-мученик» «произносит перед Петром смелую обличительную речь, упрекая в утеснении Украине»²¹. «Обличительная речь» Полуботка была известна русскоязычному читателю исключительно по анонимному памфлету начала XIX в. — «Истории русов». С 1870 г. это сочинение, равно как и подложность «речи», было окончательно доказано

¹⁷ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. С. 247.

¹⁸ Там же. С. 248.

¹⁹ Там же. С. 280, 287–290.

²⁰ Там же. С. 290–291.

²¹ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. С. 301–302.

Г.Ф. Карповым²². Без каких-либо пояснений и оговорок Грушевский считал уместным использовать этот сомнительный факт. Из «Истории русов» проистекало утверждение о роли Г.Н. Теплова (соратника последнего гетмана К.Г. Разумовского) в ликвидации гетманства²³.

Несмотря на очевидные концептуальные проблемы, натяжки и выдумки, «Очерк» М.С. Грушевского получил самые хвалебные отзывы в столичной прессе и на Украине²⁴. Рецензии выходили на страницах «Вестника Европы», «Исторического вестника», «Журнала Министерства народного просвещения», «Киевской старине» и др.²⁵ Авторами рецензий были филологи-слависты (А.И. Яцимировский), украинские историки (И.П. Житецкий) и общественные деятели (В.К. Прокопович, Д.И. Дорошенко). Среди этих текстов следует выделить разбор «Очерка», сделанный Н.Д. Чечулиным (1863–1927), видным российским историком, специалистом по истории городов XVI в. и царствованию Екатерины II. Чечулин всячески нахваливал сочинение Грушевского, в котором «сообщается всегда много очень ценного и любопытного», а «некоторые главы заслуживают самого серьезного внимания и, думается нам, должны войти во все курсы и обзоры русской истории»²⁶. К числу наиболее «выдающих сторон» сочинения

²² Об истории данного фейка см.: Лазарев Я.А. Пример «потомкам всей России»: к истории культа П.Л. Полуботка в Малороссии в первой четверти XIX в. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: Сб. ст. Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых, Москва, 24–27 октября 2023 года. М.: ИРИ РАН, 2023. С. 105–113; Карпов Г.Ф. Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за времена: 8-е января 1654–30-е мая 1672 года. М.: Тип. Грачева, 1870. С. 70.

²³ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. С. 309.

²⁴ Все отзывы на дореволюционные исследования М.С. Грушевского были собраны в 46-м томе 50 томного собрания сочинений историка. Однако по прихоти составителей все русскоязычные тексты были переведены на современный украинский язык, что создало проблему адекватной передачи дореволюционной лексики и, соответственно, восприятия текстов (Грушевський М.С. Твори у 50 томах. Т. 46. Кн. I. Рецензії на праці Михайла Грушевського. Львів: Світ, 2015.).

²⁵ См. также: Тельвак В.В. Рецензування праць Михайла Грушевського як історіографічна проблема (до 1914 року) // Грушевський М.С. Твори у 50 томах. Т. 46. С. VIII–XXX

²⁶ Чечулин Н.Д. Рец.: Проф. Мих. Грушевеский. Очерк истории украинского народа. СПб., 1904 // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. № 4. С. 394.

Грушевского Чечулин причислял описание украинской истории XVII–XVIII вв. Внимание рецензента привлекло необоснованное выделение «малорусского племени» и его отрыв от великорусского уже в IX–XI вв., искусственный разрыв культурного влияния и отказ от употребления исторического понятия «Малороссия». Несмотря на замечания, Чечулин «с большим удовольствием приветствовал книгу г. Грушевского, как произведение вообще талантливое, а в отдельных своих частях, мы готовы сказать, пре-восходное»²⁷.

Окрыленный признанием «Очерка истории украинского народа», Грушевский готовит второе его издание. Исправленное и дополненное, оно снова выходит в Санкт-Петербурге в 1906 г. Во введении к новому изданию Грушевский не скрывал своей радости относительно признания в академическом мире Российской империи: «Первое издание этой книги появилось год тому назад и было вообще очень радушно и дружелюбно принято и в кругах научных, и в сферах публицистических — конечно, за исключением нескольких, оставшихся верными себе, „голосов из оврага“, которые в счет не идут»²⁸. Далее Грушевский заверял читателя, что учел замечания и «расширил изложение истории XVIII и XIX веков; история последних трех столетий, которой уже в первом издании была посвящена почти половина книги, в этом издании занимает ея большая половина»²⁹.

Однако при увеличении числа страниц концептуальные изменения носили косметический характер. Автор не изменил себе и снова выстроил свой текст, модернизируя прошлое украинского народа, начиная с пресловутой «украинской колонизации» и «борьбы со степными ордами», которая «составила славу и заслугу украинского народа пред историей европейской культуры». Был слегка слажен, но не убран расовый дискурс: «Украинский этнический тип отличается от своих ближайших родственников — Великороссов и Белоруссов также и в других отношениях: особенностями антропологическими в тесном смысле, т. е. физическим устройством тела (формою черепа, ростом, соотношениями частей тела), и чертами психофизическими, проявляющимися в на-

²⁷ Чечулин Н.Д. Рец.: Проф. Мих. Грушевеский. Очерк истории украинского народа. С. 399.

²⁸ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. С. III.

²⁹ Там же.

родном характере, психологии, складе семейных и общественных отношений. В сфере фольклора и этнографии, формах частного и общественного быта украинская народность запечатлена многими характеристическими особенностями, и эти последние, как физические, так и духовные черты, также имеют за собою не по всем одинаковую, но значительную давность»³⁰. Сохранились и тезисы о культурном и политическом превосходстве украинской народности над великороссийской, отмеченные также в употреблении пейоративных слов, вроде «хохла» и «кацапа»³¹.

В изложении русско-украинских отношений Грушевский продолжил линию на намеренную негативизацию их последствий для украинской государственности. Вновь излагалась история столкновения «конституционных привычек украинского населения... с самодержавными принципами Москвы», когда утверждению власти Москвы способствовал конфликт внутри украинского народа между элитой (казацкой старшиной) и остальным населением (демосом). Опять «старшина с гетманом, имея поддержку у московской бюрократии» смогли окончательно отстранить от власти простой народ. Но то была «сомнительная победа»: «Плоды борьбы старшины с козацким демосом собрал московский централизм, подчинив к тому времени (последняя четверть XVII в. — Я. Л.) старшину своему контролю и ограничив ее так, что ей собственно осталась только иллюзия управления: правила Украиною уже московская бюрократия»³². Только в изложении того, как «правила Украиною... московская бюрократия» у Грушевского были серьезные проблемы. В тексте читатель не найдет нормального описания практик воеводского управления на Украине и системы налогообложения, кроме выдернутых единичных конфликтных ситуаций,озведенных в правило. При этом казацкая старшина спокойно утверждала на практике нормы крепостного права, а затем стала часть имперского дворянства³³. Бегло и широкими мазками описывалось правление Петра I, сыгравшего якобы важную роль в уничтожении украинского автономизма. В очередной раз Грушевский выдавал за реальный факт выдуманную речь П.Л. Полуботка из

³⁰ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. С. 14–15.

³¹ Там же. С. 15–16.

³² Там же. С. 278–279.

³³ Там же. С. 333–335.

анонимного памфлета «История русов»³⁴. Исключительно колебаниями внешнеполитических конъюнктур Грушевский (возможная война с Турцией) объяснял восстановление гетманства в 1727 г. и его же ликвидацию в 1734 г. Украинского историка не волновали противоречия в изложении исторического материала и необходимость в более тщательном изучении политики российского правительства в отношении Украины³⁵.

Данное сочинение Грушевский вознамерился подать на Уваровскую премию — ключевую награду в Российской империи, присуждаемую за выдающиеся сочинения по российской истории. Премия присуждалась в честь графа С.С. Уварова, видного политического деятеля эпохи Николая I и автора идеологической концепции «православие-самодержавие-народность». Экспертизу работ проводила Императорская Академия наук, точнее Историко-филологическое отделение. К моменту подачи сочинения на конкурс Грушевский был не первым украинским (малороссийским) историком, который удостаивался Уваровской премии. В 1888 г. высокая награда была присуждена Д.И. Багалею за первый том «Очерков из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства» (1887) и сборник документов «Материалов для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI–XVIII ст.» (1886), несмотря на критический отзыв профессора Казанского университета Д.А. Корсакова³⁶. Свой успех Багалей повторил в 1899 г. за сочинение «Опыт истории харьковского университета»³⁷. В 1890 г. малой Уваровской премии удостоился А.М. Лазаревский за фундаментальное исследование «Описание старой Малороссии», при этом рецензия на данное сочинение была подготовлена Багалеем³⁸. Регулярно выигрывали работы по истории украинского (малороссийского) язы-

³⁴ Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. С. 343–346, 348.

³⁵ Там же. С. 348–351.

³⁶ Отчет о тридцатом присуждении наград графа Уварова (приложение к LXI-му тому записок Императорской Академии наук. № 7). СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1889. С. 13–16, 69–96.

³⁷ О присуждении премии графа Уварова профессору Д.И. Багалею // Киевская старина. 1889. Т. LXVII. № 11. С. 75.

³⁸ Отчет о тридцать втором присуждении наград графа Уварова (приложение к LXIX-му тому записок Императорской Академии наук. № 3). СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1892. С. 6–10, 39–186.

ка, культуры и фольклору, где экспертизу проводили украинские языковеды и литературоведы вроде А.А. Потебни, являвшиеся членами Академии наук³⁹. Среди подобных работ было и сочинение учителя Грушевского по Киевскому университету В.Б. Антоновича. Вместе с М.П. Драгомановым он подготовил публикацию «Исторических песен малорусского народа», первый том которых удостоился награды в 1876 г.⁴⁰

Выдвигая на конкурс свое сочинение, Грушевский заметно волновался: соответствует ли содержание «Очерка» требованиям премии или текущей политической обстановке. Свои сомнения он изложил в письме видному российскому историку и методологу академику А.С. Лаппо-Данилевскому (1863–1919). Грушевский просил последнего в случае необходимости снять свою работу с конкурса⁴¹. В ответ на это письмо Лаппо-Данилевский заверял своего адресата (30 сентября 1906 г.), «что сочинение... подойдет на Уваровскую премию. Во всяком случае, если у членов комиссии возникнет сомнение, которое мне не удастся преодолеть, то я поступлю согласно Вашему желанию»⁴². И это писал не просто историк, симпатизировавший Грушевскому, подписавший мнение Академии за отмену ограничений на издание книг на украинском языке, но и постоянный рецензент (с 1898) и член комиссии по присуждению Уваровской премии (с 1900)⁴³.

Рецензентом на сочинение Грушевского должен был выступить выдающийся русский историк В.О. Ключевский. Однако от этого поручения он отказался. В письме от 23 октября 1906 г. он мотивировал свой отказ «осложнением занятий в университете и необходимостью ускорить издание... курса русской истории», которые лишили историка «в текущем году необходимого досуга

³⁹ См., напр.: Отчет о двадцатом присуждении наград графа Уварова (приложение к XXXII-му тому записок Императорской Академии наук). СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1878. С. 20–22, 764–839.

⁴⁰ Отчет о девятнадцатом присуждении наград графа Уварова 25-го сентября 1876 года. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1878. С. 7–10, 174–186.

⁴¹ Грушевский М.С. Твори у 50 томах. Т. 46. С. 552.

⁴² Матяш И.Б. «Прошу принять уверение в совершенном почтении и превеличности». Письма А.С. Лаппо-Данилевского М.С. Грушевскому. 1905–1914 гг. // Исторический архив. 2002. № 4. С. 140.

⁴³ Ростовцев Е.А. Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. Вып. 1. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2001. С.218.

для всякой иной научной работы»⁴⁴. Тогда новым рецензентом был назначен Д.А. Корсаков (1843–1919), профессор Казанского университета, специалист по эпохе Анны Иоанновны. В своей рецензии Корсаков отмечал, что представленное сочинение имеет важное значение для российской науки после выдающихся, но устаревших трудов Д.Н. Бантыш-Каменского и Н.А. Маркевича. Подчеркивалось, что Грушевский учел многие критические замечания, особенно в изложении событий XVIII–XIX вв., которым было уделено гораздо больше страниц. Корсаков предупреждал высокое жюри, что представленное сочинение не претендует на полное освещение прошлого украинского народа, что подчеркивает само его название. В рецензии Корсаков были обозначены и проблемные места. Грушевскому следовало тщательнее проработать схему происхождения украинского народа и генезиса славян, которую историк выстраивал на критике давно устаревшей концепции древнерусского государства. Искусственно вытягивалась роль Галицко-Волынского княжества, как альтернативного центра сориентации русских земель. Высоко оценивая изложение истории Гетманщины от Б.М. Хмельницкого до Полтавского сражения 1709 г., Корсаков отмечал чрезвычайную краткость в изложении последующих событий. Рецензент сожалел о том, что читатель не может понять, что происходило последние 50 лет: как утверждался российский государственный контроль на украинских землях и происходило уничтожение Гетманщины Петром I, почему возникали попытки в обновлении института гетманства и случалось его восстановление, какую роль в истории украинского народа сыграли сербские колонисты. При этом Корсаковым высказывалась интересная мысль о том, что крах украинской государственности был связан с отсутствием самодержавия, поэтому казаки покорились Российскому государству, объединившему все русские земли⁴⁵.

Расположение А.С. Лаппо-Данилевского и положительный отзыв Д.А. Корсакова давали серьезные шансы на победу в конкурсе, но в итоге Грушевский был удостоен лишь почетного отзыва

⁴⁴ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / Отв. ред. акад. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1968. С. 205.

⁴⁵ Корсаков Д.А. Отзыв о сочинении М.С. Грушевского «Очерк истории украинского народа» // Грушевський М.С. Твори у 50 томах. Т. 46. С. 251–255.

ва⁴⁶. Впрочем, это никоим образом не исключало Грушевского из академического сообщества империи. Например, у Грушевского установились выгодные научные контакты с Лаппо-Данилевским, который помогал его ученику — И.Н. Джиджоре (1880–1919), подданному Австро-Венгрии, в его архивных поисках⁴⁷. В ответ Грушевский хвалебно отзывался о научных концепциях Лаппо-Данилевского на страницах центральных научных изданий империи⁴⁸.

Незамеченные ошибки и превратные трактовки прошлого русско-украинских отношений, замешанные на расовой теории, прошли незамеченными в российском академическом сообществе или на них предпочитали закрывать глаза. Обретенный академический авторитет Грушевский стремился использовать в политическом поле. Украинский историк имел серьезные политические амбиции. В 1905 г. львовский профессор представил в качестве политического публициста, чьи взгляды должны были подкреплять его исторические сочинения.

На страницах печатных изданий историк давал подробные разъяснения по поводу «украинского вопроса». Украиноязычной аудитории в Галиции объяснялось, что украинский народ многие десятилетия вел борьбу с «бюрократично-полицейским автократизмом» в России, который строился на насилии и притеснении «национальной жизни» всех народов, кроме одного господствующего народа — великороссийского: это касалось дискриминации языка, культуры и политических прав. Широкая децентрализация империи подразумевала ликвидацию привилегированного положения великороссийского народа и разделение государства на национально-территориальные образования. При этом Грушевский не стеснялся осуждать политическую пассивность украинцев в Российской империи или ограниченность марксистского учения в понимании национального вопроса⁴⁹.

⁴⁶ Матяш И.Б. «Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности». С. 150.

⁴⁷ Там же. С. 142, 143–144, 148–149.

⁴⁸ Грушевский М.С. Рец.: Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907 // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. № 9. С. 197.

⁴⁹ Грушевский М. Українство і питання дня в Росії // Літературно-науковий вестник. 1905. Кн. VI. Т. XXX. С. 1–10; Грушевский М. Конституційне питання і українство в Росії // Літературно-науковий вестник. 1905. Кн. VI. Т. XXX. С. 245–258.

Ровно те же мысли М.С. Грушевский стремился донести до русскоязычной аудитории в Российской империи, особенно на страницах еженедельника «Украинский вестник», выходившего в Санкт-Петербурге в 1906 г. Грушевский оценивал текущую ситуацию как очередное ослабление имперского режима, дающего шанс для украинцев к обретению политической субъектности, возможности перестать быть «париями». Для этого следовало «размежеваться» с центром и создать «территориально-национальные автономии». В данном контексте им употреблялись метафоры «узников» и «тюремщика»⁵⁰. В статье с характерным названием «Единство или распадение» Российское государство прямо называлось «российской бастилией» и «тюрьмой народов», для которого было характерно «подневольное существование, охраняемое армию штыков и нагаек», а «внутреннюю связь, внутреннее тяготение» окончательно разрушили «гнет и эксплуатация правящей бюрократии»⁵¹.

Со слов Грушевского выходило, что украинцы («самая большая негосударственная народность») постоянно подавлялись правительством, из-за чего национальная интеллигенция и городская буржуазия имели «налет» обрусения. Своим читателям Грушевский сообщал, что «отношение правительства России к украинской народности» в прошлые столетия он изложил в своей научно-популярной книге «Очерки истории украинского народа», изданные в Санкт-Петербурге в 1904 г. Отталкиваясь от ее содержания, Грушевский приводил ключевые тезисы. Российское правительство стремилось к внешнему единобразию, репрессивными методами вытравливая «исторические формы украинской жизни» и «национальные особенности», вопреки собственным политическим обязательствам, желаниям и «отчаянному сопротивлению» местного населения. Ассимиляция в единую великороссийскую культуру начинается с Петра I, что подразумевало в т.ч. цензурные репрессии в отношении украинского языка. Дан-

⁵⁰ Грушевский М. Национальный вопрос и автономия // Украинский вестник. 1906. № 1. С. 8–17; Грушевский М. Украинский Пьемонт // Украинский вестник. 1906. № 2. С. 104–108; Грушевский М. Единство или распадение // Украинский вестник. 1906. № 3. С. 139–151; Грушевский М. Наши требования // Украинский вестник. 1906. № 5. С. 267–273.

⁵¹ Грушевский М. Единство или распадение // Украинский вестник. 1906. № 3. С. 144, 148.

ная политика привела к тому, что «национальная работа» была перенесена в Галицию, вместо налаживания внутреннего мира и стабильности⁵².

Как видно, взгляды Грушевского-политика были тесно переплетены с работами Грушевского-историка. Ссылки на собственные научные работы играли роль объективных аргументов, к тому же признанных в российском академическом сообществе. Правда, сравнивая его публицистические и научные тексты, не всегда понятно, где Грушевский выступает больше политиком, нежели историком, где им движет поиск исторической истины, а не выстраивание идеологизированной концепции. Публицистические высказывания Грушевского с острой критикой существующего строя также не привели к серьезному обсуждению его текстов в столичной публичной сфере.

Логично предположить, что свое академическое признание в России историк стремился конвертировать в какой-либо академический пост. В 1907 г. Грушевский вознамерился занять кафедру русской истории в Киевском университете св. Владимира, ставшую вакантной после смерти историка П.В. Голубовского (специалиста по древнерусской истории) в марте 1907 г. До этого времени он зондировал почву чтением публичных лекций на украинском языке в Киеве (1906), а потом перенес сюда из Львова издание «Літературно-наукового вістника». В 1906 г. Грушевский получает степень почетного доктора (*honori causa*) Харьковского университета⁵³. Со сдержанным оптимизмом Грушевский делился своими планами с А.С. Лаппо-Данилевским летом 1907 г.: «В Киев меня сильно потянуло. Есть теперь возможность — хотя и не блестящая, работать дома, у себя, в том направлении, в каком 15 лет тому нельзя было работать, пока еще силы есть, достигнуть того, что удалось до некоторой степени здесь — в условиях в значительной степени чужих — наладить работу культурную, научную, хотя и не индифферентную к вопросам жизни. Тем более, что в южных университетах историческая наука вообще не в аванташе в последнее время, как знаете. Но Киевский университет приобрел в последнее время настолько черносотенную окраску, что на его

⁵² Грушевский М.С. Украинство в России, его запросы и нужды (Глава из «Очерка истории украинского народа»). СПб.: Общественная польза, 1906.

⁵³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПФ АРАН). Ф. 4. Оп. 4. Д. 5046. Л. 4 об.

профессоров надежда плоха»⁵⁴. Несколько позднее он писал более пессимистично: «Потянула меня нынешняя рассейская волна, захотелось послужить моменту на месте. Вакантная кафедра, оказавшаяся в это время в Киеве, подала повод к разным планам и пожеланиям моего перехода в местных прогрессивных кругах, и к большому переполоху в сферах „истинно-русских“». Переполох, вероятно, совершенно напрасный ввиду известного характера киевской университетской корпорации⁵⁵. О каком переполохе шла речь?

В связи с выдвижением Грушевского на заведование кафедрой в киевской русскоязычной печати развернулась настоящая кампания против украинского историка. Застрельщиками выступали промонархические консервативные газеты «Закон и Порядок» и «Киевлянин». Редактором и издателем «Закона и Порядка» был Б.М. Юзефович (1843—1911), человек весьма консервативных взглядов (в т.ч. и на еврейский вопрос). В газете Юзефовича появляется статья, подписанная псевдонимом «Киевлянин», в которой Грушевский удостаивается крайне неприятных оценок. Автор опасался, что на ключевую кафедру Киевского университета, играющую важную воспитательную роль, может быть избран «враг России, презирающий ее историю и стремящийся, по примеру профессора Кареева, истребить из памяти своих слушателей самое имя „Россия“» и благодаря захвату кафедры будет пролоббировано преподавание на украинском языке («украинском» волялюке). Грушевский, этот «вождь укроманов», в своей деятельности уже успел «оклеветать и оболгать все прошлое России ради достижения подлых политических целей». В статье указывались представители местной интеллигенции, которые потворствовали продвижению Грушевского, — филолог В.Н. Перетц (1870—1935) и историк М.В. Довнар-Запольский (1867—1934). Помимо этого, Грушевский имел «надежных покровителей в лице „kadetov“ центрального органа министерства народного просвещения и членов Академии наук, видящих в нем чуть ли не гения»⁵⁶. В ответ

⁵⁴ «Я никогда не выступал против России». М. С. Грушевский и русские учёные (1914—1916 гг.) / Публ. А. А. Варлыго // Исторический архив. 1997. № 4. С. 197.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Закон и Правда 1907 года № 144-й // К вопросу о кандидатуре на кафедру русской истории в Университет св. Владимира профессора Львовского университета Михаила Грушевского. Киев, 1908. С. 5—7.

на политизированный текст последовало защитное слово украинского историка-юриста Н.П. Василенко, опубликованное в «Киевском голосе» (проукраинском издании). Василенко стремился подчеркнуть научные достоинства и заслуги Грушевского. Последний выписывался как «действительно ученый, талантливый и опытный профессор, который имеет много ученых трудов по древне-русской и украинской истории», который может достойно заменить покойного профессора Голубовского и усилить научную и архивную работу в Киеве. В тексте Василенко оппоненты Грушевского (в т.ч. из профессуры Киевского университета) маркировались как противники «прогрессивного развития русской жизни, в особенности же украинского национального самоопределения», способные лишь на «грязные инсинуации»⁵⁷. Реакцией на выступление Василенко стала еще более жесткая критика Грушевского. Почетная докторская степень Грушевского признавалась политически мотивированной, сам историк «разучился говорить по-русски и выражается так уродливо, что ухо не терпит его слушать», он «не только отрицает законность русского государства, стремясь к „украинской“ автономии, но даже отвергает единство русского народа». В итоге читателя подводили к мысли, что Грушевский, владевший «научной техникой», — «ученый лгун», который «извращает прямой смысл памятников, подтасовывает факты, подчиняет где нужно целяя события, пользуясь для этого каким-нибудь глухим намеком в источниках, одним словом вгоняет историю в рамки своих предвзятых политических вожделений»⁵⁸.

На страницах другой промонархической газеты — «Киевлянин» — публиковались публицисты, входившие в умеренно-правые организации, вроде Киевского клуба русских националистов или Киевского отделения Всероссийского национального союза, важную роль в редакционной политике газеты играл В.В. Шульгин. В одной из статей автор под псевдонимом «Профессор» давал более конструктивную критику Грушевского как «публициста с политической окраской». Пристальное внимание автор обращает на его статью (названную «брошюрой») «Единство или рас-

⁵⁷ Киевский Голос 1907 года № 81-й // К вопросу о кандидатуре на кафедру русской истории. С. 10–11

⁵⁸ Закон и Правда 1907 года № 158-й // К вопросу о кандидатуре на кафедру русской истории. С. 16–18.

падение России», где Грушевский превратно трактует прошлое и национальную политику Российского государства, обзывая «тюрьмой народов» и «всероссийской бастилией»⁵⁹.

К выступлению против Грушевского затем присоединилась газета «Окраины России», издававшаяся в Санкт-Петербурге в 1906–1912 гг., но распространявшаяся также в Москве, Киеве, Вильно и Варшаве. Редакция газеты придерживалась промонархических взглядов и занимала консервативную позицию по национальному вопросу⁶⁰. Очередной неизвестный автор, скрывший свою личность за псевдонимом «А.Б.»⁶¹, обсуждал содержание сборника ранее публиковавшихся публицистических статей Грушевского — «Освобождение России и украинский вопрос», изданного на русском языке в Санкт-Петербурге в 1907 г. В странном разборе Грушевский маркировался как ловкий политикан, стремившийся примазаться к деятелям общероссийского «освободительного движения», «чтобы, при ликвидации исторической России, урвать в ней место для „самостийной Украины“». По этой причине Грушевский комплиментарно отзывается о революционерах, социалистах и разных «автономистах», в положительных тонах описывает деятельность украинских гетманов, изменивших и воевавших против России (И.Е. Выговский, П.Д. Дорошенко и И.С. Мазепа). Подчеркивалось, что базой политической программы Грушевского выступал «Очерк истории украинского народа» (1904) — сочинение, имевшее «явную тенденциозность», несмотря на «почетный отзыв, присужденного ему недавно нашей Акад[емией] Наук»⁶².

Такой накал критики привел к разбирательству в Киевском окружном суде в октябре 1907 г., где Грушевский стремился защитить свою честь и научную репутацию от нападок газеты Б.М. Юзефовича. Ход судебных разбирательств освещался на страницах «Киевлянина», где подробно излагалась позиция по

⁵⁹ Закон и Правда 1907 года № 158-й. С. 36–39, 40

⁶⁰ Мякинин О.В. Газета «Окраины России» (1906 — 1912 гг.) как источник изучения национальной политики в Российской империи в начале XX века // Историография и источниковедение отечественной истории. Вып. 5. СПб.: Скифия-принт, 2009. С. 608–617.

⁶¹ Возможно, под псевдонимом «А.Б.» скрывался русский славист и публицист А.С. Будилович (1846–1908).

⁶² Окраины России 1907 года №№ 45 и 46 // К вопросу о кандидатуре на кафедру русской истории. С. 42–46 и далее.

преимуществу одной стороны — Юзефовича. Во время своих выступлений Юзефович пытался сгладить свою вину в намеренном оскорблении чести и репутации Грушевского, но продолжал настаивать на том, что «ученый Грушевский, извращая факты в угоду политике, есть ученый пристрастный, а [он] не хотел его оскорбить», публикуя острополемические статьи в своей газете⁶³. В итоге Юзефовича приговорили по одной из двух вменяемых ему статей «к штрафу в 10 руб. и к домашнему аресту на 3 дня». Однако в начале 1908 г. после апелляции Юзефовича решение суда первой инстанции было отменено, а редактор «Закона и Порядка» был полностью оправдан⁶⁴.

Анализируя публичную кампанию против Грушевского, есть большое искушение принять точку зрения украинского историка в том, что его выдвижению помешали коварные русские националисты из Киева⁶⁵. Однако нам неизвестно, насколько публичная полемика напрямую повлияла на руководство Историко-филологического факультета Киевского университета, чтобы отклонить кандидатуру Грушевского.

В столь непростой ситуации могли быть замешаны личные и корпоративные интересы местных историков. Кафедра русской истории, на которую претендовал Грушевский, была одной из двух аналогичных институций в Киевском университете. Одну кафедру возглавлял историк М.В. Довнар-Запольский, которому молва приписывала протежирование Грушевского, а вторая оставалась вакантной вплоть до 1915 г., когда на ее заведование был избран Е.Д. Сташевский, ученик Довнар-Запольского. Помимо Грушевского в 1908 г. была отклонена аполитичная кандидатура историка общественной и церковной мысли В.Н. Саввы, затем исследователь истории Великого Княжества Литовского И.И. Лаппо отказался в последний момент от переезда из Юрьева в Киев. В то

⁶³ Киевлянин 1907 года № 280 // К вопросу о кандидатуре на кафедру русской истории. С. 20–22 и далее.

⁶⁴ Киевлянин 1907 года № 280 // К вопросу о кандидатуре на кафедру русской истории. С. 28; Судова справа Бориса Юзефовича проти Михайла Грушевського. 1907–1908 pp. // Alma Mater. Університет св. Володимира напередодні та в добу Української революції. 1917–1920. Матеріали, документи, спогади; У 3 кн. / Упоряд. В.А. Короткий, В.І. Ульяновський. Кн. 1: Університет св. Володимира між двома революціями. Київ: Прайм, 2000. С. 111–114.

⁶⁵ Ср.: Тельвак В.В. Наукові погляди Михайла Грушевського в історіографічних дискусіях у Російській імперії кінця XIX — початку ХХ ст. С. 49–50.

же время у Довнар-Запольского были свои кандидаты — историк В.Е. Данилевич (1872–1936), ученик В.Б. Антоновича, а потом — Сташевский. Проблема Данилевича, которого вытащил из Харькова Довнар-Запольский, заключалась в том, что тот не мог претендовать на профессорское звание и, соответственно, на занятие кафедры без защиты диссертации, что им так и не было сделано⁶⁶.

Интересные обстоятельства внутрикорпоративных дрязг постфактум зафиксировал приват-доцент Киевского университета П.П. Смирнов (1882–1947), ученик Довнар-Запольского, а в дальнейшем крупный советский историк, специалист по истории российских городов XVI–XVII вв. В письме к С.Б. Веселовскому от 5 мая 1913 г. Смирнов так описывал ситуацию с пустующей кафедрой: «В Киевском университете, не в пример прочим и из внимания к литовским авантюрам его в отдаленном прошлом, имеется не одна, а две кафедры русской истории; одна предполагается литовско-русская. После Антоновича занимает ее Довнар, а первая после смерти Голубовского вот уже 7 лет пустует. Как человек очень умный Митрофан Викторович почел неудобным такое раздвоение и стал проводить ту политику, чтобы из внимания к традиции в Киеве остались обе кафедры, но при условии, чтобы занимал их или один он, или же в крайнем случае 1,5 его. С этой целью у нас имеется приват-доцент В.Е. Данилевич, очень почтенный человек, но заневестившийся. Пока он являлся заполнением пустоты, все шло хорошо, и устроенные состязания на кафедру оканчивались ко всеобщему удовлетворению забаллотированием Карского⁶⁷, Саввы и Михаила Грушевского. Не помню всех имен. Но когда штатный приват-доцент стал понимать себя на манер профессора, это, по вполне понятным мотивам, стало неудобным. <...> Но в этом весеннем полугодии 1913 года высшее начальство, по бизарии гумору, решительно предложило назначить новый конкурс. <...> Ходят слухи о кандидатуре Лаппо из Юрьева; других варягов не знаю. Но такое неисторическое повторение событий через 1000 лет не улыбается, конечно, ни Митрофану Викторовичу, ни Данилевичу. Последний решил сделать последнюю попытку напечатать свою диссертацию („Приказ Ве-

⁶⁶ Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). М.; Брянск: Изд-во БГПУ, 1997. С. 46–47, 147–149, 190–191.

⁶⁷ Возможно, речь шла о русском филологе Е.Ф. Карском (1861–1931).

ликия Россия“) и защитить ее осенью в Харькове. Он выслужил что-то 18 или 21 год, и было бы жалко, конечно, теперь уходить из университета, а дело идет к этому. Что касается Митрофана Викторовича, то он с редкой последовательностью постановил еще более приблизиться к идеалу: полтора человека на 2 кафедры для Киева достаточно, и с этой целью побудил Евгения Дмитриевича Сташевского немедленно печатать свою диссертацию⁶⁸. Согласно другому письму Смирнова, от 18 марта 1914 г., конкуренцию Сташевскому в занятии вакантной кафедры попробуют составить историки Г.А. Максимович и И.П. Козловский⁶⁹.

Как видно, прямой свидетель тех событий (Смирнов) лишь мимоходом фиксирует имя Грушевского в числе прочих забаллотированных кандидатов, не упоминая о какой-либо скандальности с участием украинского историка. Речь шла об установлении неформального контроля со стороны Довнар-Запольского над проблемной кафедрой через своего протеже. Ничего другого не фиксируется в письмах В.И. Саввы и Е.В. Данилевича, адресованных Веселовскому, где описывались «киевские нравы» вокруг защиты диссертации и избрания Сташевского⁷⁰. Также любопытно отметить, что декан Историко-филологического факультета Киевского университета Н.М. Бубнов (1905–1919) в своем очерке мемуарного характера (1917) никак не упоминает имени Грушевского. При этом Бубнов относил Довнар-Запольского и Данилевича к числу «левых, боровшихся за правду» против «правой партии» в университете, которым «из Москвы помогал „академик“ Веселовский», а продвижение Сташевского, наоборот, рассматривалось как победа правых сил, что лишний раз говорило о запутанности внутрикорпоративных баталий за власть среди местных историков⁷¹. Неудивительно, что Грушевский, ослепленный собственным тщеславием, даже не мог предположить, что киевские историки, знаяшие его или учившиеся с ним, могут решать свои

⁶⁸ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М.: Древлехранилище, 2001. С. 308–309.

⁶⁹ Там же. С. 326.

⁷⁰ Там же. С. 359–365, 366–368.

⁷¹ Бубнов Н.М. Сага о правой профессуре Университета св. Владимира // Alma Mater: Університет св. Володимира напередодні та в добу Української революції. 1917–1920. Матеріали, документи, спогади; У З кн. / Упоряд. В.А. Короткий, В.І. Ульянівський. Кн. 1. С. 159.

местечковые политические задачи, не заботясь о продвижении его кандидатуры.

Кампания против М.С. Грушевского, организованная русскими националистами в Киеве, по большому счету, оказалась единственным проявлением сколько-нибудь публичного обсуждения публицистических сочинений Грушевского, где обращалось внимание на их ангажированность. Парадокс этой кампании заключался в том, что оппоненты Грушевского были правы относительно политической заряженности публицистических и исторических работ историка, в которых имелось место передергиваниям и подтасовкам. Однако вместо их детального разбора они предпочли политизированный формат дискуссий, содержавший персональные оскорблении Грушевского, что выставляло в невыгодном свете самих киевских русофилов.

Впрочем, случившаяся неприятная ситуация не закрыла доступ Грушевскому к широкой публике. Он продолжил выступать с публичными лекциями в том же Киеве, например, по истории «культурно-национального движения на в XVI–XVII вв.» в 1908 г. Эти лекции сначала были опубликованы на украинском языке в Галиции в 1909 г., а затем с некоторыми дополнениями вышли отдельным изданием в 1912 г. в Киеве. На это сочинение написал комплиментарную рецензию В.А. Мякотин (1867–1937), видный исследователь истории малороссийского крестьянства, придерживавшийся социалистических взглядов. Мякотин отмечал, что, несмотря на отдельные «возражения», книга «в общем же интересная и содержательная», пожелав автору «выпустить эту книгу и на русском языке, сделав ее доступной для широких кругов русских читателей, из которых в настоящем ей виде с ней смогут познакомиться лишь немногие»⁷².

Грушевский прекрасно понимал необходимость более широкой презентации своих взглядов для русскоязычной аудитории, так тепло его принял. В дополнение к «Очеркам украинского народа» в 1913 г. он подготовил перевод на русский язык «Иллюстрированной истории Украины» — сочинения, написанного еще в более популярной форме. По этой причине автор отсылал своих русскоязычных читателей, стремившихся углубить свои знания

⁷² Мякотин В.А. Рец.: Мих. Грушевський. Культурно-національний рух на Україні в XVI–XVII в. Київ; Львів, 1912. С. 248. Цена не обозначена. // Русское богатство. 1912. № 11. С. 392–393.

по украинской истории, именно к тексту «Очерка». В тексте «Иллюстрированной истории» были заметно сглажены резкие формулировки относительно расового превосходства украинцев над великороссами, убрано упоминание пейоративных слов «кацап» и «хохол». Теперь речь шла о положительных чертах «украинских племен» (антов и словен), зафиксированных, например, византийскими авторами (Прокопий Кесарийский)⁷³. В отношении великорусов был упомянут лишь факт их смешения с «финскими народами»: «На востоке соседями славян на Балтийском побережье были литовские племена, а за ними — различные финские народы, занимавшие тогда почти все земли на Волге (позже они смешались с славянскими, великорусскими переселенцами, приняли их язык и в конце концов слились с ними в один великорусский народ)»⁷⁴. Как нетрудно догадаться, этот смешанный народ не имел никакого отношения к «Киевскому государству». Свообразной компенсацией за подобные концептуальные «уступки» стало сглаживание формулировок относительно роли казацкой старшины в утверждении власти Российского государства на Украине и идеализация героев прошлого. Теперь российская сторона собственными силами стремилась ограничить/уничтожить «украинскую автономию». Несмотря на внутренний раскол, «ко-
зачья старшина и украинское чувствовали необходимость такого автономного всесословного устройства, и военная козачья организация выполняли ее роль; но новый украинский автономный строй не был продуман до конца и не сорганизован планомерно»⁷⁵. Украинскому обществу не хватило времени «из-за военного положения», чтобы «спокойно поработать над своим общественным и политическим устройством, над своей конституцией»⁷⁶. Случившееся социальное расслоение ослабляло силы в борьбе за автономию, поэтому украинская элита (казацкая старшина) все больше уступала российским властям и была вынуждена принять права российского дворянства⁷⁷. В изображении политического давления на элиту Грушевский убирает рассуждения об ее коррумпиро-

⁷³ Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины / Авториз. пер. со 2-го укр. изд. проф. Мих. Грушевский. СПб.: Просвещение, 1913. С. 22–30.

⁷⁴ Там же. С. 20.

⁷⁵ Там же. С. 319.

⁷⁶ Там же. С. 321–322.

⁷⁷ Там же. С. 359–385, 459, 472.

ванности и активном участии в закрепощении собственного населения. На это фоне заметна идеализация политических лидеров Украины, например того же П.Л. Полуботка. Теперь Полуботок целиком и полностью жертва имперских планов, хитрости и самодурства российских чиновников. Прежние утверждения о коррупционности казацкого лидера, которые могли быть выявлены российскими чиновниками, замазаны рассуждениями о том, что они «легко могли получить от населения такие ответы, какие им были желательны, особенно в этот момент, когда Украина осталась без своих руководителей — старшин и не было кому предупредить давления на население. Перед грозным московским начальством население по большей части давало бы такие ответы, какие им подсказывались и таким образом правительство получило бы много голосов за введение на Украине московских порядков»⁷⁸. Создавая из Полуботка образ «героя-мученика», Грушевский не отказал себе в удовольствии в очередной раз процитировать фейковую речь казацкого лидера, произнесенную перед Петром I. Теперь она трактовалась как свидетельство определенного культа, зафиксированного народной памятью: «Полуботка прославляли, как героя-мученика за Украину. Разказывали, что он смело укорял Петра за нарушение украинских прав, доказывал, что угнетение Украины не приносит ему никакой чести»⁷⁹. Эта популярная работа получила хвалебные отзывы, особенно она была отмечена историками левых взглядов (Н.А. Рожков, В.И. Пичета)⁸⁰.

Итак, в публичной сфере позднеимперского периода мы наблюдаем комплиментарное отношение к М.С. Грушевскому и его научным работам со стороны видных российских ученых. Критические замечания относительно трактовки древнерусской истории, генезиса украинской народности или полноты изложения истории Гетманщины XVII–XVIII вв. тонут в сонме хвалебных отзывов. Practически никто не видит откровенной негативизации и политизации истории русско-украинских отношений, особенности истории украинской казацкой государственности, вокруг

⁷⁸ Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. С. 395–396.

⁷⁹ Там же. С. 396–397.

⁸⁰ Тельвак В.В. Марксистська рецепція творчого доробку Михайла Грушевского (перша третина ХХ століття) // Український археографічний щорічник. Київ, 2009. Вип. 13–14 (16–17). С. 365–397.

которой будет выстраиваться ядро украинского национального нарратива. Русскоязычные труды Грушевского обретают статус серьезных исторических исследований, признанных среди академической публики, придерживавшихся разных политических взглядов. По этому поводу довольно метко высказался историк и публицист Н.И. Ульянов (1904–1985), ученик С.Ф. Платонова, талантливый историк-марксист, прошедший сталинские лагеря, попавший в немецкий плен, затем угнанный на принудительные работы в Германию и волей судьбы оказавшийся в эмиграции⁸¹. Ульянов писал: «Академический мир тоже относился к украинской пропаганде абсолютно терпимо. Он делал вид, что не замечает ее. В обеих столицах, под боком у академий и университетов, издавались книги, развивавшие фантастическая казачьи теории, не встречая возражений со стороны ученых мужей. Одного слова таких, например, гигантов, как М.А. Дьяконов, С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, достаточно было, чтобы обратить в прах все хитросплетения Грушевского. Вместо этого, Грушевский спокойно печатал в Петербурге свои политические памфлеты под именем истории Украины. Критика такого знатока казачьей Украины, как В.А. Мякотин, могла бы догола обнажить фальсификацию, лежавшую в их основе, но Мякотин поднял голос только после российской катастрофы [1917 г.], попав в эмиграцию. До тех пор, он был лучший друг самостийников. <...> Существовал неписанный закон, по которому за самостийниками признавалось право на ложь. Разоблачать их считалось признаком плохого тона, делом „реакционным“, за которое человек рисковал получить звание „ученого жандарма“ или „генерала от истории“. Такого звания удостоился, например, крупнейшей славист, профессор Киевского университета, природный украинец Т.Д. Флоринский»⁸².

На академическое признание Грушевского в империи не повлияла его политическая деятельность и публицистика. Стараниями российских ученых Грушевского почти избирают в действи-

⁸¹ См.: Базанов П.Н. «Петропольский Тацит» в изгнании. Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова = Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб.: Владимир Даль, 2018.

⁸² Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966. С. 274–275

тельные члены Императорской Академии наук⁸³, они же защищали украинского историка от преследований правительства, когда в декабре 1914 г. тот был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Австро-Венгрии. Важную роль в этом сыграл авторитетный русский историк — С.Ф. Платонов. Несмотря на то что за Грушевского хлопотали и другие видные ученые, вроде историка древнерусской литературы А.А. Шахматова, именно к Платонову за консультацией обратился президент Академии наук — великий князь Константин Константинович. В письме от 9 декабря 1914 г. Платонов убеждал великого князя в ценности Грушевского, как «большого ученого» с «серьезными, всеми учеными признанными заслугами». Впрочем, великий князь и сам был готов ходатайствовать за арестованного украинского историка⁸⁴. Было очевидно, что империи был опасен Грушевский-политик, а не Грушевский-историк, хотя все это были переплетенные между собой ипостаси. Определенные опасения старались высказывать киевские русофилы, но их голос тонул среди рукоплесканий прогрессивной общественности.

М.С. Грушевский в СССР

Крах Российской империи в 1917 г. выдвинул Грушевского-политика в руководство Украинской Народной республикой в 1917–1918 гг., а ее падение привело к вынужденной эмиграции в Вену, откуда он наблюдал за утверждением власти большевиков в России и на Украине. Находясь в эмиграции в Вене, историк испытывал серьезные материальные трудности — его научная и политическая деятельность не приносила заметных доходов. Он был разочарован в местной украинской эмиграции, которая демонстрировала пассивность в деле развития и расширения украинского движения. Наблюдая за тем, как разворачивалась политика коренизации (украинизации) в Украинской ССР, историк всеми силами стремился вернуться в республику и внести свою посиль-

⁸³ Тельвак В.В. Михайло Грушевський та Російська Академія наук: історія недалого обрання (кінець 1924 року) // Архіви України: Науково-практичний журнал. 2016. № 5–6. С. 99.

⁸⁴ Ссылка М.С. Грушевского. Подгот. Павел Елецкий // Минувшее: исторический альманах. Вып. 23. СПб.: Atheneum, Феникс, 1998. С. 218–219, 221–222.

ную лепту. На взгляд Грушевского, благодаря советской власти появился исторический шанс для создания «Соборной Украины», т. е. объединения УССР с Западной Украиной, и дальнейшего развития национальной культуры. И действительно, для этого были все основания. Стараниями советской власти и органов госбезопасности из общественной жизни УССР политически и физически были исключены те представители украинской интеллигенции, что придерживались альтернативных (русофильских) взглядов и выступали против Грушевского. Более того, в рамках усиления украинизации советское правительство будет повторствовать массовой миграции украинцев из-за границы, включая польскую Галицию.

Практически все переговоры по возвращению историка велись через украинскую партийную верхушку. Еще до своего возвращения на Украину в марте 1924 г. Грушевский начинает интегрироваться в систему Всеукраинской академии наук (ВУАН) — его избирают действительным членом академии (1923), что позволяет ему возглавить различные комиссии (в т.ч. Археографическую комиссию) и активно включается в научную и общественно-политическую работу на Советской Украине⁸⁵. В это время при помощи учеников им были подготовлены, пожалуй, лучшие и архивно-фундированные тома многотомной «Истории Украины-Руси», описывавшие времена гетманства Б.М. Хмельницкого и начало правления И.Е. Выговского. С первых дней пребывания на Украине за деятельность Грушевского пристально следило украинское ГПУ. Его информаторы давали нелестные характеристики политическим взглядам Грушевского. Несмотря на это, в 1926 г. при поддержке украинской партийной верхушки с размахом был отмечен 60-летний юбилей историка, а его кандидатура всерьез рассматривалась в качестве нового президента ВУАН⁸⁶.

⁸⁵ Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД... С. 19–33; Плохий С. Великий переділ... С. 223–243; Ясь О. «На чолі республіканської науки...». Інститут історії України (1936–1986): Нариси з інституціональної та інтелектуальної історії (До 80-річчя установи). Київ: НАН України. Ін-т історії України, 2016. С. 15–17.

⁸⁶ Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД... С. 34–40; Тельвак В.В. П'ять ювілей Михайла Грушевського // Український історичний журнал. 2016. №2. С. 33–50.

Однако более важным и существенным было то, что в руках М.С. Грушевского находился академический журнал — «Украина». В 1914–1918 гг. журнал представлял собой печатный орган Украинского научного общества в Киеве, а с 1924 г. превратился в главное издание Исторической секции ВУАН, возглавляемой историком. С 1925 г. журнал выходил раз в 2 месяца с тиражом от 1700 до 3000 экземпляров, его номера (книги) пополняли библиотеки УССР, а также Москвы и Ленинграда. До ареста Грушевского под его редакцией было выпущено 36 номеров (за 1924–1930 гг.). Грушевский отвечал не просто за наполнение номеров научными статьями (особенно исторического плана), а и за идеологию журнала⁸⁷. В этом плане важную роль играли его редакторские статьи и заметки. С «академического амвона» Грушевским излагалось единственно правильное толкование событий и ключевых деятелей украинской истории. По этому поводу известный ученый-естественник В.И. Вернадский заметил в своем дневнике (11 августа 1925 г.): «Читал „Украину“ за 1925 <г.>. Ясно, что Грушевский сумел поставить себя автономно среди большевистского движения. Весь журнал ведется как будто большевиков не было, и это большая вещь»⁸⁸. Сделанное нами наблюдение проиллюстрируем на конкретных примерах.

В тематическом номере, посвященном 40-летию со дня смерти Н.И. Костомарова (1817–1885), другого выдающегося украинского историка, Грушевский считал важным акцентировать внимание читателей на политической деятельности историка («отца Новой Украины»), его политических, а не исторических сочинениях. Грушевский объяснял важность «Книги бытия украинского народа» (1845–1846) в формировании идеологии украинского национального движения, проникнутой ненавистью автора «к авторитаризму, аристократизму и бюрократизму» в Российской империи. Грушевский подробно описывал содержание «Книги бытия», где речь шла о противостоянии свободолюбивой Украины (подлинной наследницы Древней Руси) с деспотической «Москов-

⁸⁷ Жуковський А. Михайло Грушевський і журнал «Україна» // Український історик. 1986. № 1–2. С. 6–8; Савчук А. Редакційна політика Михайла Грушевського в журналі «Україна» (1924–1930) // Київські історичні студії: наук. журнал. 2016. № 2. С. 40–48.

⁸⁸ Вернадский В.И. Собрание сочинений: в 24 т. Т. 20. Дневники В.И. Вернадского 1923–1934 гг. М.: Наука, 2013. С. 111.

щиной» и сервильными «москалями», в итоге поработившими регион. Представления Костомарова отразились на содержании его исторических сочинений и сути федеративной концепции развития Древней Руси⁸⁹. Политические и исторические взгляды Костомарова совпадали в негативной оценке истории русско-украинских отношений и довели историка до своеобразного культурно-политического расизма (о превосходстве малороссов над великороссами). Специфика этих взглядов заключалась в том, что в их основе лежали сочинения сомнительного происхождения, например анонимный памфlet начала XIX в. «История русов», насквозь пронизанный выдуманными фактами и домыслами⁹⁰. При жизни Костомарова на это указывал один из его критиков, Г.Ф. Карпов, но об этом в тексте Грушевского, как и в остальных статьях номера, не упоминалось. Как мы помним, без этого сомнительного сочинения не обходился и сам Грушевский.

Другой пример использования журнала «Украина» как идеологической трибуны — тематический номер, посвященный 20-летней годовщине со дня смерти В.Б. Антоновича (1834–1908) — учителя Грушевского. Безусловно, Антонович был политическим деятелем, участником т.н. «Киевской громады», но в не меньшей степени он являлся историком-казаковедом и археографом. Однако в описании своего ученика Антонович предстает лидером и идеологом украинства, который смог пробиться через российскую культуру и литературу, «безраздельно господствовавшую над воображением и предпочтениями украинской интеллигенции» своего времени, поэтому Грушевский предпочитает скрыть факт присуждения Антоновичу Уваровской премии. Российская культура и литература «не вызывала в нем ни особого уважения, ни того меньше — симпатий», т.к. являлись «атрибутами казенной обрусительской школы, и они остались для него навсегда орудием украинского порабощения». Российская сторона всегда расценивалась Антоновичем в качестве «угнетателя, а украинская угнетенною». В этом свою роль играл агрессивный «национальный характер» великоросса. Антоновича пугала «великорусская народная стихия... своей грубой, жестокой, непоколе-

⁸⁹ Грушевський М. Костомаров і Новітня Україна. В сорокові роковини // Україна. 1925. Кн. 3(12). С. 4.

⁹⁰ Лазарев Я.А., Ившин В.С. Интеграция Малой России и ее статус в трудах Г.Ф. Карпова (1839–1890) // Славяноведение. 2021. № 2. С. 115–130.

бимої силой, культом безоглядного авторитета и насилия», из-за этого «он не любил касаться русско-украинских отношений, потому что не имел возможности высказывать о них то, что держал в уме»⁹¹.

В тех же случаях, когда биография и научное наследие выдающихся предшественников не вписывались в схему о репрессивной политике дореволюционной России, М.С. Грушевский показывал себя как мастерский софист. Упомянем его редакторскую статью из номера, приуроченного к 25-летней годовщине смерти А.М. Лазаревского (1834–1902). Этот авторитетный украинский историк не был замечен в политической активности, но был чрезвычайно плодовит в научном плане. Лазаревский принадлежал к народническому направлению в историографии, главной особенностью которого было объяснение упадка казацкой государственности (Гетманщины) в 1654–1764 гг. и утверждения крепостного права в регионе процессами социального расслоения, а не целенаправленной политикой российского правительства, когда верхушка казачества (старшина) сама превращалась в новых помещиков. Это прекрасно знал Грушевский и не мог не упомянуть. Он признавал, что Лазаревский «чурался каких-либо национальных организаций», а своими работами «упорно старался остыть национальный запал развивать пережитки национальной романтики, идеализации прошлого». Однако из-за такой позиции историка, вносившей «сдержанность и холодок в его работы», он лишился «того живого нерва, того внутреннего пламени, которое является секретом популярности историка и влияния на общество», особенно среди «национал-ориентированных кругов». Сосредоточенность Лазаревского на истории украинского землевладения и экономических процессах привела к «однобокому» освещению «жизни Гетманщины».

На этом основании Грушевский, признавая авторитет ученого, считал обязанным напомнить читателю, что «процесс ограбления и порабощения трудовых слоев правящей старшиной», шедший на протяжении «столетнего „естественного развития“», «благожелательно поддерживался российским правительством и венчался им же целым рядом законодательных актов». В результате целенаправленной политики российского правительства

⁹¹ Грушевський М. З соціально-національних концепцій Антоновича // Україна. 1928. Кн. 5(30). С. 6–7.

к концу XVIII в. сформировался класс эксплуататоров — «малороссийское дворянство». Грушевский упрекал Лазаревского в том, что тот никак не рефлексировал над этими процессами. По этой причине за «декорациями» классовых интересов потерялись дворяне-вольнодумцы, боровшиеся за «украинскую автономию», «патриотично настроенная старшина», которая стояла во главе своего народа в противостоянии с «Москвой», грабившей Малороссию и отнимавшей ее права, о чём писал, например, Т.Г. Шевченко, но забывал Лазаревский. В вину последнему также ставилось предвзятое отношение к спорным героям украинского прошлого, вроде черниговского полковника П.Л. Полуботка и даже гетмана И.С. Мазепы⁹².

К слову сказать, негативные трактовки русско-украинских отношений дореволюционного периода М.С. Грушевский акцентировано вставлял даже к таким юбилеям, как 10-летний юбилей Октябрьской революции (1927) или 20-летие научной деятельности Украинского научного общества в Киеве (1928). В этих текстах речь шла то о борьбе с гегемонией «российской культуры» в украинской науке, то о борьбе за свою свободу украинского народа, вырвавшегося из «мертвой хватки» Москвы. С момента присоединения Украины в 1654 г. «российский империализм» эффективно использовал классовую борьбу для превращения региона в свою колонию. Грушевский не чурался рассуждать об истории Украины с позиций классического расизма: ограничения «культурной независимости Украины» были ключом к экономической эксплуатации региона, в результате чего с XVII по XVIII в. украинцы превратились из «учителей московских грамотеев, проводников в пересаживании на московскую почву европейской культуры» в тех, кому был навязан «великорусский казенный и литературный язык» в качестве «единственного оружия культуры, литературы и науки»⁹³. Не трудно заметить, что Грушевский академическим языком воспроизводил своим прежние политические тезисы, зашитые на расовой теории, а не просто повторял политический лозунг «Прочь от Москвы!» (Геть від Москви!) другого общественного деятеля Украины, Миколы Хвылевого.

⁹² Грушевський М. В двадцять п'яті роковини смерті Ол.М. Лазаревського. Кілька слів про його наукову спадщину та її дослідження // Україна. 1927. Кн. 4(23). С. 4–5, 8, 10–12.

⁹³ Грушевський М. Велике діло // Україна. 1929. Кн. Січень–лютий. С. 3.

В рамках советской академической науки М.С. Грушевский продолжал легально транслировать прежние политические взгляды. Очевидная негативизация прошлого русско-украинских отношений не встречала серьезной критики. Тем не менее атаки на Грушевского шли из стана новой генерации советских историков — историков-марксистов на Украине и в Москве. В рамках господствовавшего политического дискурса в СССР Грушевский являлся живым воплощением чуждого *буржуазного национализма*,искажавшего правильное (классовое) понимание истории. На страницах изданий историков-марксистов сочинения Грушевского маркировались как враждебные, публично декларировалась борьба с выдвинутой им схемой украинского исторического процесса и теории бесклассности украинской нации. Что же касается конкретных замечаний по творчеству Грушевского, то они сводились к пониманию исторических процессов конца Российской империи и революции 1917 г. на Украине.

Это показали, например, дискуссии, случившиеся на Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов в Москве (28 декабря 1928 — 4 января 1929 г.). Конференцию организовал лидер советских историков-марксистов М.Н. Покровский. На этом масштабном публичном мероприятии официально присутствовало 399 чел., представлявших различные регионы и республики СССР⁹⁴. Делегацию украинских историков-марксистов возглавлял М.И. Яворский. Помимо этого, он входил в президиум конференции и являлся одним из 124 делегатов с правом решающего голоса, наряду другими видными советскими историками. Во время конференции Яворский выступал с двумя докладами (пленарным и секционным) и докладывал о состоянии украинской исторической науки.

Имя Грушевского всплыло в ходе выступления Яворского на секции «Истории народов СССР» с докладом «Современные антимарксистские течения в украинской исторической науке». В своем выступлении Яворский попытался дать краткий обзор развития «антимарксистских течений», начиная от автора анонимного сочинения «История русов» (нач. XIX в.) до современности. Яворский персонально указал на тех, из-за кого воспроизво-

⁹⁴ Труды Первої Всесоюзної конференції істориків-марксистів. 28/XII—1928 — 4/I—1929. Т. 2. М.: Ком. акад., 1930. С. 615–618.

дились «старые взгляды, старая схема в украинском историческом процессе» — М.С. Грушевский и В.К. Липинский («выразители интересов мелкобуржуазной базы украинского национализма»). Если взгляды Липинского оказывали влияние исключительно на эмиграцию, то взгляды Грушевского обретали силу в УССР, а его «концепция, — говорил Яворский, — ... сейчас получает на Украине солидную базу, выявляет очень сильную тенденцию противопоставлять себя платформе нашего марксистского фронта», «вокруг него создалось довольно уже крепкое ядро молодых работников». Докладчик прямо заявлял, что Грушевский только декларировал «присоединение... к лозунгам нашей революции», на деле отстаивая «крестьянский характер украинской нации».

После этих замечаний, не вдаваясь в конкретный разбор построений историка, Яворский переходил к критике других, не менее важных проводников антимарксистских идей — филолога академика С.А. Ефремова, историка права Н.П. Василенко, историков Д.И. Багалея, М.Е. Слабченко и А.П. Оглоблина. Последние двое олицетворяли «антимарксистское течение», которое все же «стремится прийти к марксизму, стремится усвоить метод марксизма, но не усваивает его полностью». Однако тот же Оглоблин являл собой и пример того, кто под «давлением мелкобуржуазных элементов» может пойти на «уступку старой схеме» Грушевского и встать на позиции «национал-марксиста», подменяющего «классовую борьбу национальным процессом». В конце своего выступления Яворский поддержал призыв М.Н. Покровского бороться не только «за мировоззрение, за марксистское историческое мировоззрение, но и за марксистскую методологию»⁹⁵. Грушевский был важным объектом для критики, но лишь одним из сонма тех, кто мешал развитию марксистской исторической науки.

За выступлением М.И. Яворского последовало обсуждение его доклада. На проблемы в изучении украинского прошлого и некритического восприятия личности и взглядов М.С. Грушевского обратил внимание только московский историк-марксист П.О. Горин (ученик и соратник М.Н. Покровского). Перед собравшимися Горин заявил, что в украинской исторической науке «под видом „марксизма“ преподносятся вещи из арсенала наших

врагов». В пример ставился некий украинский учебник, «пользовавшийся широким признанием» в УССР, где интерпретация революционных событий подавалась искаженно, по Грушевскому. Горин отметил, что в описании событий рубежа XIX—XX вв., близких ему с профессиональной точки зрения, транслируются идеи, далекие от «революционного марксизма». Речь шла о признании революционной роли за местной буржуазией и принижении роли пролетариата, когда «украинский кулак» становится союзником революции, что явно противоречило концепции «союза пролетариата и беднейшего крестьянства», а также ленинским постулатам. Со слов Горина, в неназванном учебнике выделалось значение австрийской Галиции, где концентрировалась «национальная и революционная сила из Российской Украины» при непосредственном участии Грушевского. Озвученные упреки подводили под политическое обвинение. С места даже последовала реплика: «Это троцкизм». Критикуемым учебником в итоге оказалась «Історія України в стислому нарисі» Яворского, которая несколько лет являлась, по сути дела, единственным учебником по украинской истории в УССР. Об этом на конференции признался сам Яворский⁹⁶. Публичное выступление Горина затронуло репутацию и авторитет лидера украинских историков-марксистов, поэтому вместо обсуждения негативного влияния идей Грушевского и способов его преодоления между украинскими и московскими историками-марксистами развернулась жесткая дискуссия, межстами напоминавшая свару.

После конференции дискуссия перетекла в публичное пространство со взаимными обвинениями на страницах ведущих партийных и научных изданий Москвы и Украины. Яворский, имевший покровительство среди украинского партийного руководства, и его соратники мастерски использовали дискурсивные особенности того времени: на упреки в «буржуазном национализме» и «правом уклоне» они отвечали обвинениями в «великодержавном шовинизме» и троцкизме. Кроме того, принципиальная позиция Яворского привела к конфликту и расколу внутри сообщества историков-марксистов УССР. Данный раскол усугубился отстранением Яворского от всех постов из-за вскрытых об-

⁹⁵ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. С. 426, 428–432, 433, 434–435, 443–448.

⁹⁶ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. С. 426–458, 460–468.

стоятельств, не связанных с его научной и политической работой (служба в австро-венгерской армии)⁹⁷. Параллельно с этими событиями начались чистки гуманитарной интеллигенции в ВУАН в рамках дела «Союза освобождения Украины» / «Союз визволення України» (СВУ).

Очевидно, что в таких условиях было не до критики М.С. Грушевского и тем более подготовки кампании против него. Публичные прения и дискуссии историков-марксистов показали, что Грушевский являлся скорее символической персонификацией борьбы против буржуазной историографии, нежели фигурой, с критики которой начинались практические шаги по перестройке украинского исторического нарратива, за исключением трактовки революционных событий. По этому поводу довольно метко высказался видный московский историк-марксист С.А. Пионтковский. В ноябре 1930 г. он находился в Харькове и занимался налаживанием контактов с местными историками: «Своеобразно переплетается на Украине на историческом фронте национальный вопрос. С национальной буржуазией украинские историки не борются. Они успокоились, что ОГПУ посадило членов СВУ в концентрационный лагерь, а идеологически вовсе не думают преодолевать ни Багалея, ни Грушевского, а наоборот, им даже кажется это святотатством, когда предлагают им это делать, и главный огонь они направляют на нас, москвичей, и в первую голову на Покровского. Покровский, по их мнению, это основная опасность на историческом фронте, так как это вождь национал-шовинизма»⁹⁸.

Сдержанная позиция М.И. Яворского по отношению к М.С. Грушевскому объяснялась влиянием последнего на его работы, что справедливо было отмечено П.О. Гориным. Исторические учебники Яворского должны были очистить украинскую историю от неверных напластований и трактовок, сделанных буржуазными националистами и великодержавными

⁹⁷ См. подробнее: Лазарев Я.А. Идеологическая кампания или роковая случайность? Дискуссии 1928–1930 гг. и крах карьеры историка М.И. Яворского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26. № 2. С. 194–212.

⁹⁸ Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / Редкол. Д. Бранденбергер, А.М. Дубровский, А.Л. Литвин. Казань: Казанский ГУ, 2009. С. 380–381.

шовинистами. Однако вместо этого они имели концептуальное единство в выстраивании схемы украинской истории по XVIII в. включительно, несмотря на декларируемый классовый подход⁹⁹. Обратимся к одной из первых обобщающих работ Яворского — «Нарис історії України» (1923–1924). Историк не скрывал своего комплиментарного отношения ко мнению Грушевского по украинской истории, подчеркивая точность и правильность его наблюдений, особенно это касалось развития украинского общества, экономики и культуры (XVI–XVIII вв.), а также истории казачества. Грушевский был среди тех историков (наряду с Н.И. Костомаровым, В.Б. Антоновичем), кто сумел опровергнуть теорию М.П. Погодина о сохранении «великороссийского племени» на Поднепровщине в XVI в. Ключевые работы историка (включая russkoязычные) приводились в библиографическом списке¹⁰⁰. Яворский комплиментарно оценивал не только Грушевского-историка, но и Грушевского-политика. Обращаясь к истории украинского национального движения (конец XIX–нач. XX в.), Яворский писал: «Под ударами российского великодержавного патриотизма национализм в Украине снова замер, снова притихла политическая мысль, затухала литература... Правительство запретило даже читать память Т. Шевченко. Культурная и политическая жизнь, как было раньше, перешла снова с Приднепрянщины до Галичины, где находились украинские школы, где украинская культура имела такой центр, как Научное товарищество им. Шевченко. В галицкий университет перешло в это время из Приднепровья много украинской молодежи с проф[ессором] Грушевским во главе. Эта молодежь еще раньше пробовала объединить в украинском подполье украинские социал-революционные кружки в одну Украинскую социал-революционную партию», но попытка эта не удалась¹⁰¹. Грушевский причислялся к числу «противников большевиков», которые перешли на правильную сторону, признавая правоту своих оппонентов¹⁰². После этих слов трудно ожидать от Яворского более

⁹⁹ Плохій С. Великий переділ. С. 353–363.

¹⁰⁰ Яворський М. Нарис історії України. Ч. II. Станово-шляхецьке суспільство.-Козацька революція. Київ: Держвидав України, 1924. С. 20, 33, 57, 61, 84, 101, 129–130, 135.

¹⁰¹ Яворський М. Нарис історії України. Ч. II. Аделаїда, 1987. 223–224.

¹⁰² Там же. С. 249.

глубокого изложения русско-украинских отношений, нежели они были рассмотрены у Грушевского. Под марксистской фразеологией, замешанной с популярной теорией «торгового капитализма» М.Н. Покровского, скрывалась все та же намеренная негативизация русско-украинских отношений. Демократическая «казацкая держава» противопоставлялась «дворянской» Москве. Важную роль в процессе подчинения Украины играла «грубая природа московского купца-боярина», который агрессивно продвигал интересы московского торгового капитала. Этот «московский купец-боярин» угрожал сословным интересам казачества и старшины «большой конкуренцией и настойчивостью, нежели поднепровский магнат», из чего проистекала борьба за независимость Украины. Правда, описания этого натиска у Яворского отсутствуют. «Московские интриги» сводились к хитрому плану, потакания интересам казацких старшин или торговым запретам, например, когда украинцам при Петре I (1714) было запрещено напрямую вывозить за границу часть товаров, «только через Московщину»¹⁰³. На этом фоне Яворский ярко и выпукало изображает, как «казацкая старшина ценою „холопства его царского величества“ обеспечила себе исключительное право на эксплуатацию поднепровского крестьянства», стремительно богатела, утверждала крепостное право, трансформируясь в «господарей-помещиков», а потом в потомственных дворян¹⁰⁴. Из этой среды, продавшей свою автономию, в конце XVIII — начале XIX в. вышла antimонархическая дворянская оппозиция¹⁰⁵. Идентичные мысли Яворский воспроизводил и в других своих работах¹⁰⁶.

Исторические работы М.С. Грушевского прекрасно вписывались в дискурсивные рамки марксистской исторической науки. Практически вся политическая верхушка СССР придерживалась гиперкритического / негативного взгляда на прошлое Российского государства до 1917 г., которое рассматривалось в качестве колониальной империи («тюрьмы народов»), создававшей якобы неравноправные условия для развития всех народов, кроме русского.

¹⁰³ Яворський М. Нарис історії України. Ч. II. Аделаїда, 1987. С. 136–169,

¹⁰⁴ Там же. С. 162–189.

¹⁰⁵ Там же. С. 189–192.

¹⁰⁶ Яворський М. Нариси з історії революційної боротьби на Україні. Т. I. Харків: Держвидав України, 1927. С. 18–19, 21, 36–37, 45–48, 49–54, 102–110.

Стоит ли удивляться тому, что М.Н. Покровский, лидер советских историков-марксистов, использовал работы Грушевского в обосновании своей концепции «торгового капитализма», где речь шла о целенаправленном превращении Украины в колонию Российской империи. Еще с дореволюционных времен Покровский весьма комплиментарно отзывался о работах Грушевского и ссылался на них, прежде чем перейти к публичной критике со второй половины 1920-х гг. Приведем несколько примеров.

Определяющей работой для М.Н. Покровского стало пятитомное исследование «Русская история с древнейших времен» (1910–1913), написанное при участии В.К. Агафонова, Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева. В этом обобщающем исследовании русская история с древности и по конец XIX в. осмыслилась с марксистских (классовых) позиций. Сочинения Грушевского были указаны в библиографическом разделе среди базовых работ по русской истории древнего и средневекового периодов (т. II), а также истории Московского государства (т. III). Составляя «библиографическую справку», Покровский писал, что ее целью было «удовлетворить лишь элементарным запросам читающих по русской истории; ея интерес заключается в указаниях, благодаря которым возможно было бы в сознании интересующихся наметить определенный круг, исходя из которого читатель чувствовал бы себя несколько ориентированным в обширной литературе по русской истории». Покровский подчеркивал, что им осознанно игнорировались «указания на первоисточники, мемуары, иностранные сочинения, также на так называемую популярную литературу, в целом, пожалуй, обильную, но часто крайне безпринципную, невзирая на те или другие имена»¹⁰⁷. Впрочем, это замечание не касалось популярных работ Грушевского — «Очерков истории украинского народа» (1906) и «Иллюстрированной истории Украины» (1913)¹⁰⁸. В основном тексте, особенно в главе IX «Борьба за Малороссию», ссылки на эти спорные работы в основном тексте отсутствуют. Вместо них Покровский ссылается на другие работы украинского историка по истории украинского казачества, отдавая должное наблюдениям «профессора Грушевского», особенно в части оценки политического кругозора гетмана Б.М. Хмельниц-

¹⁰⁷ [Покровский М.Н.]. Русская история с древнейших времен М.Н. Покровского при участии Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева. Т. V. М., Б.д. С. 329.

¹⁰⁸ Там же. С. 331–332.

кого¹⁰⁹. В изложении борьбы Хмельницкого и истории «Украины под московским владычеством» Покровский следовал в русле, близком к концепции Грушевского, занимаясь схожей модернизацией прошлого: рассуждая о трансформации политических требований казаков от «сословных» к «национально-религиозным», «казацкой революции», которая была страшна «дворянской государственности» Москвы, или признавая существование «казацкого государства», внутри которого вызрел губительный конфликт между казацкой старшиной и «чернью», а «московское правительство не хуже польского сумело использовать [этую] классовую вражду». Этот конфликт предопределил «постепенное превращение казацкого государства в московскую провинцию, только управляемую на особых условиях»¹¹⁰.

Сам Покровский не раскрывал детали этого превращения, хотя и писал о желании российского правительства «ассимилировать Украину», когда «в Москве на каждого прибывшего черкаса смотрели, как на ценную добычу», упоминал о передаче налогов в царскую казну гетманом И.М. Брюховецким, о завоевании «Малороссии», об издержках государства в борьбе за регион и влиянии торгового капитала на национальную политику государства¹¹¹. Более целостно у Покровского получилось проиллюстрировать превращение «Казацкой Украины Хмельницкого» в «дворянскую страну, какою было московское государство XVII века» за счет политической власти казацкой старшины, которая самостоятельно осуществляла земельные захваты и вела выгодную торговлю с великокорсийскими регионами и заграницей. В результате этого произошло «образование крупной феодальной собственности без всякой помощи феодальной традиции» и превращение казацкой старшины в «украинских шляхтичей»¹¹². Подобно Грушевскому, это противоречие никак не объяснялось. В последующих переизданиях «Русской истории» Покровского, включая брошюру с выдержками по истории Украины, все ссылки на Грушевского в основном тексте сохранились. Изменения коснулись переиме-

¹⁰⁹ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен М.Н. Покровского при участии Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева. Т. III. М., 1911. С. 26, 46, 58.

¹¹⁰ Там же. Т. III. С. 49–61.

¹¹¹ Там же. С. 61, 66–68.

¹¹² Там же. С. 70–7

нования главы 9 из «Борьбы за Малороссию» в «Борьбу за Украину» и библиографического раздела, который был изъят¹¹³.

В изложении украинской истории и истории казацкого государства (1648–1764), заложенного Б.М. Хмельницким, мы наблюдаем концептуальное и содержательное единство в работах видных историков-марксистов. В их текстах произошла (национал-)марксистская адаптация политизированного нарратива М.С. Грушевского. Без этого нарратива, как выясняется, был невозможен новый марксистский нарратив, осмысливающий опыт национального строительства Московского государства / Российской империи. Теоретически классовый анализ и экономический материализм, проповедуемый советскими историками, должны были заострить внимание на принципиальных лакунах, характерных для освещения украинской истории — отсутствие подсчетов и статистических выкладок, должных проиллюстрировать дискриминационную политику России по отношению к Украине (налоги, экономическая сегрегация, эксплуатация земельного фонда, демографические потери). Однако вместо этого советский читатель (в столицах или в УССР) получал отчасти беллетризованный рассказ о национальном угнетении украинского народа русским, который не уступал по силе тяжким польским временам. В результате такого «угнетения» против российской власти восставали даже продажные и коррумпированные украинские (казацкие/дворянские) элиты.

М.С. Грушевский и Академия наук СССР

Отсутствие настоящей дискуссии по поводу концепции и сочинений М.С. Грушевского привело к удивительной солидарности историков «старой» школы и новой марксистской генерации в продвижении ученого по академической лестнице и укреплении его академического авторитета. До известного времени этому способствовало и отсутствие политической дискриминации по отношению к деятельности украинского историка. Общеизвестно, что

¹¹³ Покровский М.Н. Об Украине: Сб. ст. и материалов / Под ред. Н.Н. Попова. Киев: Соцэгиз Украины, 1935. С. 36, 42–44, 51, 67, 76, 79, 159; Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех книгах. Кн. I. Русская история с древнейших времен (тома I и II). М.: Мысль, 1966. С. 450–517. Ср.: Плохий С. Великий передел. С. 365–366.

Грушевского избирают в число академиков АН СССР в 1929 г. Однако первые серьезные шаги предпринимались гораздо раньше.

По приезде М.С. Грушевского в СССР в 1924 г. практически сразу же разворачивается кампания по продвижению его кандидатуры в действительные члены Академии наук СССР (АН СССР). По свидетельствам историка-антиковеда В.П. Бузескула, за это взялись видные российские историки М.М. Богословский и С.Ф. Платонов. В письме лингвисту Б.М. Ляпунову (январь 1925 г.) сообщалось, что «М. С. Грушевского должны были бы представить выдающиеся русские историки — С.Ф. Платонов и М.М. Богословский. Другим братить это на себя неловко»¹¹⁴. Действительно, 19 ноября 1924 г. Платонов подготовил аналитическую записку о Грушевском и его трудах, под которой также подписался известный русский византинист Ф.И. Успенский. Платонов оценивал Грушевского как «талантливейшего и влиятельнейшего представителя современной украинской историографии». Отмечались его политические и организаторские способности: этот «виднейший представитель украинства и вождь тех кругов, которые боролись за равноправие украинского элемента в крае с польским и русским», смог создать «Научное общество имени Шевченко», которое «достигло по своему значению как бы украинской академии наук», а потом приложил руку к созданию ВУАН. Платонов считал уместным поставить Грушевского «по значению для украинского самосознания и общественной работы» бровень с поэтом Т.Г. Шевченко, историком и публицистом М.П. Драгомановым. Что же касается научных работ Грушевского, отмечалась важнейшая роль его фундаментальной «Истории Украины-Руси», ставшей «одним из наиболее выдающихся ученых явлений нашей эпохи». Отдавалось должное Грушевскому, что основные положения своей работы он смог донести «до широкой среды русских читателей» в «Очерках истории украинского народа» (1904) и «Иллюстрированной истории Украины» (1913)¹¹⁵. Несмотря на усилия Платонова и других русских ученых, кандидатура Грушевского была отвергнута на стадии обсуждения

¹¹⁴ Робинсон М.А. М.С. Грушевский и русская академическая элита // Славянский альманах 2008. М.: Индрик, 2009. С. 187.

¹¹⁵ Платонов С.Ф. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.: Наука, 2017. С. 284.

в Историко-филологическом отделении АН СССР¹¹⁶. По этому поводу филолог В.Н. Перетц писал своему коллеге М.Н. Сперанскому (2 августа 1925 г.), что «Грушевского нынче Платонов не мог провести в чл[ены]-корр[еспонденты], ибо „не встретил сочувствия“». Неудача с выдвижением не остудила пыл сторонников Грушевского в АН СССР. Позднее его попытались выдвинуть по Отделению русского языка и словесности. Однако и эта попытка закончилась ничем. Тот же Перетц 19 ноября 1925 г. писал историку литературы А.И. Соболевскому, что к выдвижению украинского историка приложили руку он и филолог-славист Е.Ф. Карский, но вместо Грушевского в члены-корреспонденты большинством голосов продвинули ничтожную кандидатуру¹¹⁷. Насколько можно судить, о всех отмеченных инициативах Грушевский не знал ровно счетом ничего. К новому выдвижению Грушевского вернулись в 1927–1928 гг.

С весны 1928 г. стартовала кампания по выборам новых членов АН СССР. Этой кампании суждено было стать одной из самых скандальных. Партийное руководство стремилось продвинуть партийных и/или лояльных власти ученых и общественных деятелей, например Н.И. Бухарина и М.Н. Покровского¹¹⁸. С самого начала подготовки к этому событию М.С. Грушевский — это приемлемая и желательная кандидатура. В записках Комиссии по наблюдению за работой АН СССР, адресованных членам Политбюро (с 29 ноября 1927 г.), кандидатура Грушевского фигурировала в списках по Отделению гуманитарных наук. В дальнейшем от УССР решено было включить еще двух кандидатов — академиков ВУАН Д.И. Багалея и А.Е. Крымского. Однако именно Грушевский был среди «наиболее желательных кандидатов», его фамилия специально подчеркивалась в документах, он прошел согласование с непременным секретарем АН СССР С.Ф. Ольденбургом, который не выразил никаких возражений. Затем 23 марта 1928 г. кандидатура Грушевского вместе с Багалеем и Крымским была за-

¹¹⁶ Тельвак В.В. Михайло Грушевський та Російська Академія наук: історія не-вдалого обрання (кінець 1924 року) // Архіви України: Науково-практичний журнал. 2016. № 5–6. С. 100.

¹¹⁷ Робинсон М.А. М.С. Грушевский и русская академическая элита. С. 188.

¹¹⁸ Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Академическая наука и власть на выборах в АН СССР 1928–1929 гг. // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 4. С. 380–386.

фиксирована постановлением комиссии Политбюро по выборам академиков как «приемлемая». На заседании Политбюро, принимавшем данное решение, присутствовали И.В. Сталин и партийные руководители УССР в лице С.В. Косиора и Н.А. Скрыпника¹¹⁹. Кандидатуры Багалея и Грушевского были официально выдвинуты летом 1928 г. от Харьковского института народного образования и Харьковского научного украинского общества¹²⁰. О выдвижении Грушевского и Багалея «по линии социально-гуманитарной» ЦК КП(б)У 16 июня 1928 г. уведомлял Н.А. Скрыпник, а по поводу Крымского замечалось: «В настоящий момент НКО¹²¹ по политическим соображениям считает нецелесообразным» его выдвижение¹²². Однако в начале октября 1928 г. было решено оставить лишь одного Грушевского. Снятие «конкурентов» Грушевского объяснялось следующим: Багалей был отвергнут по некоторым «деловым соображениям» (заменен на Д.М. Петрушевского), несмотря на превосходные рекомендации от выдвигавших его учреждений¹²³, а Крымский рассматривался «как политически неприемлемый». Отмечалось, что после переговоров с академиками С.Ф. Ольденбургом и А.Е. Ферсманом на вакантные места «по истории» наиболее высокие шансы были у А.Е. Преснякова и М.С. Грушевского¹²⁴. Вычеркивание Багалея из числа вероятных кандидатов в члены АН СССР очень беспокоило заведующего Укрнаукой Ю.И. Озерского. Свои опасения он изложил в письме партийному руководству Украины в лице С.И. Косиора и П.П. Любченко от 11 октября 1928 г.: «Грушевский проходит (пока в переговорах, комиссии еще не было) бесспорно. Багалий не в активных фигурах. В Комиссии был установлен такой порядок наших кандидатур: Покровский, Рязанов, Грушевский, Лукин, Пресняков, Петрушевский. Порядок академиков (приблизитель-

¹¹⁹ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991. Т. 1. 1922–1952. М.: РОССПЭН, 2000. С. 53–54.

¹²⁰ Андреева Е.В. Выборы в АН СССР в 1928–1929 гг. // Петербургские исследования. 2016. № 6. С. 186–189.

¹²¹ Народний комісаріят освіти УРСР (Народный комиссариат просвещения УССР).

¹²² Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД. Трагічне десятиліття: 1924–1934. Київ: Україна, 1996. С. 77–78, 216.

¹²³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки им. В.И. Ленина, г. Москва (далее — ОР РГБ). Ф. 178. Оп. 1. К. 6647. Д. 2. Л. 1–3.

¹²⁴ «Наше положение хуже каторжного». Первые выборы в Академию наук СССР // Источник. 1996. № 3. С. 113, 115, 123, 124, 125, 127.

но по переговорам): Рязанов, Грушевский, Покровский, Пресняков, Любавский, Егоров. Багалий выпадает из той и другой комбинации. Я считаю, тут для нас будет чрезвычайно невыгодно — удар по Багалию и по соображениям того, что Грушевский возвышается, а Багалий получает удар. По академии — с научной стороны Багалий ниже Грушевского, но общественная сторона у Багалия куда приличнее. Не может стоять вопрос Грушевский или Багалий...»¹²⁵. Предположения Ю.И. Озерского полностью сбылись: комиссия по историческим наукам во главе с академиком С.Ф. Платоновым поддержала кандидатуры М.С. Грушевского, М.Н. Покровского и Д.Б. Рязанова.

В состав комиссии Платонова был включен также М.И. Яворский¹²⁶. Последнему, «идеологическому оппоненту» Грушевского, было поручено составить справку на будущего академика. Конфликт интересов был налицо. Однако, согласно тексту справки, зачитанной 10 декабря 1928 г. на Общем собрании АН СССР, Яворский весьма комплиментарно охарактеризовал научное наследие Грушевского. Отмечался вклад ученого в создание «самостоятельной схемы украинского исторического процесса», что стало своеобразной «попыткой идеологической революции и в русской историографии», внесшей важный вклад в «борьбу со старой буржуазно-дворянской схемой русской истории, предшествующей националистические интересы русского капитала». Большая ценность работ Грушевского заключалась в том, что «он дал богатейшее фактическое содержание этой схемы» и на этом поприще успешно продолжает свою работу в Советской Украине. Достигнутые успехи, по словам Яворского, не могут быть перечеркнуты недостатками его «народнической теории о так называемой „бесклассовой“ природе украинской нации». Эта концепция, критикуемая «марксистами-историками», «сохранила известное значение даже сегодня», т. к. благодаря ей на историческую арену были выведены народные массы «в роли решающего фактора», хоть и без классового анализа. Яворский убеждал академических экспертов в том, что Грушевский «вполне заслужил почетное название первого историка Украины». Яворский подробно не оста-

¹²⁵ Матвеева Л.Н., Цыганкова Э.Г. Всеукраинская Академия наук. Год 1929–й // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб: Феникс (Atheneum-Феникс), 1995. С. 119–120.

¹²⁶ Андреева Е.В. Выборы в АН СССР в 1928–1929 гг. С. 186–189.

навливался на политической деятельности Грушевского в 1917 г. и не давал ей оценок. Вместо этого он подчеркивал «громадную роль» публицистики Грушевского в «украинской общественной жизни» в «условиях борьбы украинской нации с русским самодержавием за самоопределение». Все это, несомненно, заслуживало «полного уважения и внимания не только со стороны одной нашей академической, но и вообще широкой советской общественности»¹²⁷. Яворский считал необходимым подчеркнуть, что «особая комиссия по историческим наукам постановила единогласно считать кандидатуру М.С. Грушевского [в] действительные Члены Всесоюзной Академии Наук как одну из наиболее достойных обогатить ее новыми творческими силами на пути ее новых задач»¹²⁸. Написанное Яворским разительно отличалось от того, как в публичной сфере он критиковал научные и политические взгляды Грушевского.

Неудивительно, что при такой поддержке со стороны властей, ученых «старой» школы и «новой» генерации кандидатура М.С. Грушевского была поддержана сначала на собрании секции 12 декабря 1928 г. (16 из 17 голосов «за»), а потом — Общим собранием АН СССР 12 января 1929 г. (26 из 30 голосов «за»)¹²⁹. В этой связи остается загадкой, почему не была сделана ставка на Д.И. Багалея, старшего по возрасту, не менее уважаемого в научных кругах, сознательно принявшего марксистскую методологию и критиковавшего сочинения Грушевского¹³⁰?

После избрания в академики АН СССР Грушевский не мог сдержать своей радости. В письме С.Ф. Платонову от 18 января

¹²⁷ Записка об ученых трудах проф. М. С. Грушевского (Составлена по поручению Особой комиссии М. И. Яворским) // Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 года (Приложение к Известиям Академии наук по Отделению гуманитарных наук за 1928 год). Л., 1929. С. 24–27; СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 167. Л. 3–11.

¹²⁸ Записка об ученых трудах проф. М. С. Грушевского (Составлена по поручению Особой комиссии М. И. Яворским). С. 27.

¹²⁹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 167. Л. 1–2; *Плохій С. Великий переділ*. С. 254–255.

¹³⁰ См.: Кравченко В.В. Д.И. Багалей: научная и общественно-политическая деятельность. Харьков: Основа, 1990. С. 6, 43, 49, 63, 69–70, 105, 109–111, 120–122; Он же. Личный фонд Д.И. Багалея в Рукописном отделе Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета // Археографический ежегодник за 1988 год. М.: Наука, 1989. С. 223–225.

1929 г. Грушевский сердечно благодарили своего академического союзника: «Многоуважаемый Сергей Федорович! Прошу принять искреннюю благодарность за Ваше извещение и приветствие с избранием меня в члены Академии Наук СССР. Прошу передать мою глубокую благодарность органам, почтившим меня избранием, и уверения в желании посильнее послужить их научной работе»¹³¹. Позднее Грушевский признавался, что не менее важную роль в его судьбе сыграл и М.Н. Покровский, с которым в современной историографии ассоциируется закат карьеры украинского историка. Находясь в ссылке в Москве, 4 сентября 1934 г. Грушевский написал В.М. Молотову о себе, что он «считался самым большим знатоком в области украинских исторических дисциплин, покойный Покровский выдвинул мою кандидатуру в этой области и во Всесоюзную академию наук, и в международный комитет (Comite International des Sciences Historiques), теперь украинская историография в этой организации не представлена никем, мои связи с учеными кругами разрушены, все это создает лишние поводы к разным нежелательным толкам»¹³².

Помимо получения статуса академика АН СССР Грушевский являлся важной фигурой для репрезентации советской исторической науки на международных научных форумах. Лидер советских историков-марксистов М.Н. Покровский, исполняя поручение секретариата ЦК ВКП(б), считал необходимым включить Грушевского в число возможных делегатов от СССР на VI Международный конгресс исторических наук в Осло, намеченный на 1928 г. Историки, отобранные от УССР, шли с пометкой — «Точное распределение учреждений сделает Украина». В своей докладной записке Покровский маркировал Грушевского (вместе с Е.В. Тарле и В.И. Пичетой) как *беспартийного немарксиста*, который считался таковым (немарксистом) в «своем кругу». Включение подобных ученых мотивировалось необходимостью опровергнуть «белогвардейскую сплетню, будто в СССР немарксистам запрещено заниматься историей»¹³³. Впрочем, у местного партийного

¹³¹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 167. Л. 14.

¹³² Письмо историка М.С. Грушевского В.М. Молотову. Публ. подгот. Е.Н. Никитин // Отечественные архивы. 1998. № 3. С. 96.

¹³³ Архив Российской академии наук, г. Москва (далее — АРАН). Ф. 1759. Оп. 4. Д. 175. Л. 25–26; см. также: Груздинская В.С. Международный конгресс исторических наук в Осло как коммуникативная площадка советских и эмигрант-

руководства по кандидатуре Грушевского вопросов не возникло. Его имя было включено в предварительную программу конгресса, но, по неизвестным причинам, историк не смог посетить мероприятие¹³⁴.

Избрание М.С. Грушевского в академики АН СССР совпало по времени с внутренними распрями, происходившими в ВУАН за академическую власть и распределение скучных внутренних ресурсов. По сведениям ГПУ УССР, речь шла о противостоянии Грушевского с другими академиками ВУАН сначала с С.А. Ефремовым и А.Е. Крымским, а затем группой вице-президента ВУАН К.Г. Воблы¹³⁵. По этому поводу академик В.И. Вернадский сделал следующую запись в своем дневнике (20 ноября 1934 г.): «Грушевский вел борьбу [не] на жизнь, а на смерть за влияние с Крымским, не стесняясь никакими средствами; оба забегали в Харьков и ослабляли моральную свою силу. Он среди украинцев имел врагов самых ожесточенных — имел их и среди русских»¹³⁶. Во многом из-за этого противостояния оказался нереализованным проект Грушевского по созданию Украинского исторического института в структуре ВУАН¹³⁷. Кроме того, в начале 1930 г. в ходе реорганизации ВУАН был ликвидирован ряд кафедр и комиссий по украинской истории, в частности, из непосредственного руководства Грушевского была изъята Археографическая комиссия, против чего безуспешно пытался протестовать ученый, а затем был временно приостановлен выпуск журнала «Украина», который возобновится в 1932 г. в заметно измененном формате¹³⁸.

Однако членство в АН СССР позволило Грушевскому реанимировать этот проект, особенно в ту пору, когда начались чистки

сих ученых // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. С. 99–100.

¹³⁴ АРАН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 32. Л. 84 об., 100 об., 107 об.

¹³⁵ Робинсон М.А. М.С. Грушевский и русская академическая элита. С. 191–192; Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД. С. 50–52, 63–80.

¹³⁶ Вернадский В.И. Собрание сочинений: в 24 т. Т. 20. Дневники В.И. Вернадского 1923–1934 гг. М.: Наука, 2013. С. 490.

¹³⁷ Юркова О. Український Історичний Інститут: проект М.С. Грушевського 1928 року // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. [№ 5]. Історіографічні дослідження в Україні [Вип. 10]: Збірка наукових праць на пошану академіка НАН України В.А. Смолія: У 2 ч. Київ, 2000. Ч. 2. Історіографія. С. 314–325.

¹³⁸ Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД. С. 88–93.

в ВУАН в связи с делом СВУ, затронувшие его оппонентов. С апреля 1929 г. Грушевский включается в работу Отделения русского языка и словесности АН СССР, участвует в обсуждении проектов по реформированию отделения и, в частности, создания в Ленинграде «Института славяноведения и украинского и белорусского языков и литературы»¹³⁹. В этом Грушевский видит шанс для усиления своего академического влияния. С мая 1929 г. он начинает поднимать вопрос о важности создания Института Украинской истории в структуре АН СССР, подает специальную докладную записку и требует включения своего проекта в пятилетний план развития Академии¹⁴⁰. Помимо этого, историк озабочился пиаром своей инициативы, опубликовав докладную записку в подконтрольном журнале «Украина» в номере за май–июнь 1929 г.¹⁴¹ Так был запущен бюрократический процесс обсуждения инициативы ученого. Этот процесс несколько притормозило «Академическое дело», развернувшееся в Ленинграде с конца 1929 г., и реформирование самой Академии. К активному обсуждению проекта Грушевского руководство АН СССР вернулось лишь осенью 1930 г. Масштаб амбиций Грушевского несколько поумерился: теперь речь шла о Комиссии по изучению истории Украины. 22 сентября 1930 г. из секретариата АН СССР от Грушевского просили предоставить на предстоящую сессию Положение, определяющее структуру Комиссии и содержание ее работы, хотя оно было передано в конце мая, но «где-то затерялось»¹⁴². Согласно записи в трудовой книжке ученого, 2 октября он был избран председателем Комиссии (видимо, формально)¹⁴³. 26 октября Положение о Комиссии было отправлено повторно. На протяжении ноября того же года Грушевский просил «оформить Комиссию историю Украины — провести утверждение положения, произв[одственно-го] плана, ассигновок, помещения»¹⁴⁴.

¹³⁹ Робинсон М.А. К истории создания Института славяноведения в Ленинграде (1931–1934 гг.) // Славянский альманах 2004. М.: Индрик, 2005. С. 210–211.

¹⁴⁰ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 167. Л. 17, 18–19.

¹⁴¹ [Грушевський М.] Про потребу утворення Інституту Української Історії в складі Академії Наук С.Р.С.Р. (Доповідна записка академіка М.С. Грушевського) // Україна. 1929. Кн. 34. С. 161–172.

¹⁴² СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 167. Л. 25, 27.

¹⁴³ Там же. Ф. 4. Оп. 4. Д. 5046. Л. 5 об.

¹⁴⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 17. Д. 167. Л. 27, 28–28 об.

В продвижении своей идеи он постарался заручиться поддержкой нового (с марта 1930 г.) вице-президента АН СССР академика Н.Я. Марра (1865–1934), который имел серьезный академический и политический вес. Из письма Марра от 7 сентября 1930 г. мы узнаем, что тот являлся экспертом по проекту Комиссии, который запрашивал некие «дополнительные сведения, уточняющие задания Комиссии по изучению истории Украины на 1931 г.». Марр просил «прислать в ближайшее время эти дополнительные сведения, которые послужат материалом для обоснования Ваших пожеланий относительно работ Комиссии». В одном из ответных писем за 9 декабря 1930 г. Грушевский благодарил Марра за поддержку его проекта: «Вы были добры обещать поддержку моему плану..., и я не сомневаюсь, что благодаря этой поддержке она и получила утверждение. Но кроме этого утверждения все остальное застряло на точке замерзания». Далее Грушевский пересказывал все перипетии бюрократического согласования проекта, из чего следовало, что на сентябрьской сессии Положение и производственный план не были утверждены и потребовалась их переработка с учетом «резолюций», предложенных Марром. Поэтому Грушевский, восстанавливавшийся после гриппа, просил «не отказать в ... содействии — помочь оформиться этой комиссии: утвердить положение, получить ассигновки и штатные единицы»¹⁴⁵. Уже в письме от 12 декабря Грушевский писал Марру, что после его «дружеского письма» получил запрос от секретариата АН СССР «относительно дополнительных сведений к производственному плану», которые были отправлены 8 декабря. С надеждой на лучшее он просил «дать ход, чтобы „положение“ Комиссии и планы получили наконец утверждение»¹⁴⁶. Но похоже, что у академика Марра были несколько иные планы.

Н.Я. Марра больше беспокоило собственное академическое влияние и судьба его Яфетического института, ставшего в 1931 г. Институтом языка и мышления. Теперь судьба детища М.С. Грушевского находилась в руках протеже Марра — филолога-слависта Н.С. Державина (1877–1953), важной фигуры в истории отечественной славистики и лингвистики 1920–1930-х гг. В конце января 1931 г. его кандидатуру в академики продвинул Марр по

¹⁴⁵ Тельвак В.В. Листування М. Грушевського з М. Марром // Український історичний журнал. 2014. №4. С. 192–193.

¹⁴⁶ Там же. С. 193.

Отделению общественных наук¹⁴⁷. Несколько позже — 15 февраля — Державин подготовил «Положение об Институте славяноведения АН СССР». Этот проект нам интересен тем, что один из пяти секторов института (Сектор истории и экономики) должен был возглавить Грушевский, т. е. стать небольшим академическим начальником за пределами Украины¹⁴⁸. Важность потенциального назначения Грушевского становится понятна в контексте чисток и реорганизации ВУАН, снижавших административное влияние историка. В начале 1931 г. Историческая секция, возглавляемая Грушевским, была преобразована в Исторический цикл, состоявший из 10 кафедр. Грушевскому было доверено возглавить только одну из кафедр цикла (Эпохи торгового капитала)¹⁴⁹. Наблюдая за этими пертурбациями, в начале марта 1931 г. Грушевский вместе с дочерью уезжают в Москву¹⁵⁰.

Обсуждения проекта Н.С. Державина шли на протяжении марта 1931 г., но тут вмешались политические обстоятельства. 23 марта Грушевский был арестован по сфабрикованному делу антисоветского Украинского национального центра (УНЦ), главой которого он якобы являлся. После изнурительных допросов в Харькове и Москве 15 апреля 1931 г. Грушевский неожиданно был выпущен и оставлен в Москве под надзором органов госбезопасности¹⁵¹. После ареста Грушевский не стал парией в академическом мире: он вернулся к научной работе и, что немаловажно, его возвращения ждали ленинградские коллеги. С сентября 1931 г. начал свою работу Институт славяноведения во главе с Н.С. Державиным¹⁵². На заседании Института 14 ноября 1931 г. Державину было поручено «снести с акад. Грушевским по вопросам о его

¹⁴⁷ Робинсон М.А. К истории создания Института славяноведения в Ленинграде. С. 219; Марней Л.П., Носов Б.В. Письмо и записка академика Н.С. Державина председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову о развитии отечественного славяноведения в 1930-е гг. (К предыстории Института славяноведения РАН) // Славянский альманах 2024. Вып. 3–4. М.: Индрик, 2024. С. 400–401.

¹⁴⁸ Робинсон М.А. К истории создания Института славяноведения в Ленинграде... С. 219–220.

¹⁴⁹ Ясь О. «На чолі республіканської науки...». С. 25.

¹⁵⁰ Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД. С. 94.

¹⁵¹ Пиріг Р.Я. Життя Михайла Грушевського: Останнє десятиліття (1924–1934). Київ: Україна, 1993. С. 110–118; Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД. С. 102.

¹⁵² Аксенова Е.П. Очерки из истории отечественного славяноведения в 1930-е годы. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. С. 65.

сотрудниках и о порядке их приглашения, а равно указать академику Грушевскому, что его личные темы для Инслава приемлемы»¹⁵³. Кроме того, 19 ноября 1931 г. Грушевский пишет письмо непременному секретарю АН СССР В.П. Волгину, в котором просил «выяснить и осведомить меня: Комиссия истории Украины будет ли существовать и впредь, или со включением ее в Институт славяноведения она вовсе прекращает свое существование? Должен ли я представлять от Комиссии истории Украины сведения, планы, сметы... в ответ на запросы Секретариата и Управления делами АН, получаемые мною от времени до времени? Должен ли я продолжать работу по исполнению производственного плана КИУ и обеспечивать для этого средства, или с организацией Института славяноведения в этом уже нет надобности?»¹⁵⁴.

На сегодняшний день мы не знаем, как выстраивались взаимоотношения между двумя академиками АН СССР. По имеющимся данным, история самого Института славяноведения складывалась весьма непросто. Учреждение, численность которого не превышала 7–10 чел., испытывало проблемы с составом, определением рабочих планов. Стоит полагать, что Грушевский оказался начальником без подчиненных. Например, 18 декабря 1932 г. он отвечал на запрос секретариата АН СССР, что не состоял «директором какого-либо из головных институтов»¹⁵⁵. На внутриакадемические проблемы накладывалось состояние здоровья самого Грушевского — болезнь глаз. Из-за этого историк нередко пропускал сессии АН СССР в Ленинграде¹⁵⁶. Эти моменты после смерти ученого отмечал в своем дневнике академик В.И. Вернадский (30 ноября 1934 г.): «Я увидел последний раз Гр[ушевского] в 1932 <г.> Летом перед <моей> поездкой за границу, он уже в Москве, не имел права выехать в Киев <...>. Я к нему заехал, желая выяснить, что делается на Украине. В Академию он не ездил (кажется, после разгрома Фигатнера). <...> Усталый, больной, окруженный трогательной заботой семьи — жены и дочери. <...> Он начал слепнуть, силы были сломаны. Архивной работой не мог заниматься — но все же работал — над ист[орией] <украинской>

¹⁵³ Робинсон М.А. К истории создания Института славяноведения в Ленинграде (1931–1934 гг.) // Славянский альманах 2004. М.: Индрик, 2005. С. 227.

¹⁵⁴ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 167. Л. 30.

¹⁵⁵ Там же. Л. 41.

¹⁵⁶ Там же. Л. 30, 31, 32.

лит[ературы]»¹⁵⁷. По всему было видно, что отмеченные обстоятельства отразились на прожекторской активности Грушевского. Вопрос о функционировании первой академической украиноведческой институции за пределами УССР откладывался на неопределенный срок.

Несмотря на это академические треволнения и собственное здоровье, М.С. Грушевский продолжал работу по написанию своей «Истории Украины-Руси», в 1932 г. успел подготовить для первого выпуска «Трудов» Института славяноведения историографическую статью «Самовидец Руины и его позднейшие отражения», по просьбе литературоведа академика А.С. Орлова написал некролог, посвященный памяти историка К.В. Харламповича, а на мартовской сессии АН СССР в 1933 г. собирался прочесть доклад «Об украинской историографии XVIII в.: несколько соображений»¹⁵⁸. В это время на Украине разворачивалась критика концепции Грушевского, определенного в «классовые враги» / «буржуазные националисты» / «вожди украинской контрреволюции», а ученый вел вполне себе спокойную академическую жизнь в Москве и Ленинграде, старался поддерживать контакты с коллегиями на Украине¹⁵⁹. Это сильно раздражало партийное руководство Украины, но с этим они ничего не могли поделать¹⁶⁰.

На судьбе М.С. Грушевского не отразилось даже «Дело славистов» / дело «Русской национальной партии», сфабрикованное против ленинградской и московской интеллигенции в 1933–1934 гг. В ходе следствия была сконструирована «контрреволюционная национал-фашистская организация, именовавшаяся „Российская национальная партия“». В состав «политического центра» организаций были определены академики Н.С. Державин, М.С. Грушевский и В.И. Вернадский. По иронии судьбы Грушевский мог окончить свои дни не только как великий украинист, но и лидер русских националистов. По «делу славистов» готовилось обвинительное заключение, но по невыясненным обстоятельствам ученые избежали ареста, а в начале 1938 г. уголовное производство было прекращено «за отсутствием состава престу-

¹⁵⁷ Вернадский В.И. Собрание сочинений: в 24 т. Т. 20. Дневники В.И. Вернадского 1923–1934 гг. М.: Наука, 2013. С. 490–491.

¹⁵⁸ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 167. Л. 34, 36.

¹⁵⁹ Пурік Р.Я. Життя Михайла Грушевського. С. 125–135.

¹⁶⁰ Там же. С. 138–139.

пления»¹⁶¹. Однако следствие по делу затронуло ряд сотрудников ленинградского института славяноведения — ученого секретаря Института В.Н. Кораблева, В.В. Дроздовского, Г.А. Ильинского. Кроме того, 10 июня 1934 г. было вынесено постановление о закрытии самого института, который трансформировался в Кабинет славяноведения при Библиотеке АН СССР, также закрытый в 1936 г.¹⁶² 24 ноября 1934 г. умирает Грушевский, через месяц не станет академика Н.Я. Марра, поддерживавшего научные проекты историка. Таким образом, из научного и административного поля исчезли ключевые акторы, способные обеспечить развитие академической украинистики за пределами УССР. Остается только гадать, что было бы, проживи Грушевский подольше. С конца 1930-х гг. усилиями Державина начинается реабилитация славистики в СССР. В 1942 г. он будет будировать вопрос о создании всесоюзного центра славяноведения, что даст важный толчок к созданию московского Института славяноведения в 1946 г.¹⁶³ И кто знает, какую роль в нем занял бы Грушевский, ведь один из отцов-основателей нового Института — В.И. Пичета — с начала 1940-х гг. занимался научной реабилитацией работ ученого¹⁶⁴.

В контексте истории исторической науки в СССР за 1924–1934 гг. биография М.С. Грушевского демонстрирует удивительную солидарность историков «старой» школы и новой марксистской генерации в продвижении ученого по академической лестнице и укреплении его академического авторитета. Научному и административному продвижению Грушевского также благоприятствовала советская национальная политика 1920-х — начала

¹⁶¹ Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы М.: Наследие, 1994. С. 70–71, 77.

¹⁶² Аржакова Л.М. Ленинградский Институт славяноведения Академии наук (к вопросу об истории изучения) // Славянский альманах 2023. Вып. 1–2. М.: Индрик, 2023. С. 382–383.

¹⁶³ Марней Л.П., Носов Б.В. Письмо и записка академика Н.С. Державина... С. 404–405.

¹⁶⁴ Лазарев Я.А. Лекция В.И. Пичеты «История Украины в период после смерти Б. Хмельницкого до конца XVIII в.» и историческая политика в СССР в 1930-е годы // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием, Новосибирск, 19–21 сентября 2019 года. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 43–53; Двадцать пять лет исторической науки в СССР / под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле, А. М. Панкратовой. М.; Л.: Изд-во Акад. наук Союза ССР, 1942. С. 164–165, 166–173.

1930-х гг. Довольно быстро Грушевский избирается академиком ВУАН, а затем и АН СССР, занимает ряд руководящих должностей. До начала 1930-х гг. он обладал серьезным академическим и административным влиянием для продвижения своих взглядов на историческое прошлое русско-украинских отношений, особенно XVII–XIX вв. В этом плане важную роль играл журнал «Украина», издававшийся при ВУАН и контролировавшийся Грушевским. Взгляды Грушевского на историю Украины XVII–XIX вв. (история казацкой государственности и национального движения) критика обходила стороной, даже в период публичных кампаний против Грушевского, обвиняемого в «буржуазном национализме». Проблема данных взглядов заключалась в том, что они тесно переплетались с политической программой украинства, которую отстаивал Грушевский еще до революционных событий 1917 г. Цель этой программы заключалась в намеренной негативизации истории русско-украинских отношений, что оправдывало бы создание украинского государства и ликвидацию Российской империи. Исторические работы Грушевского прекрасно вписывались в дискурсивные рамки того времени, когда история Украины до 1917 г. трактовалась в качестве истории угнетаемой колонии в составе Российского государства.

Это демонстрировало содержание работ лидеров историков-марксистов Москвы и Украины — М.Н. Покровского и М.И. Яворского. Арест Яворского в 1930 г., смерть Покровского в 1932 г. и последовавший разгром его концепции «торгового капитализма» и его «школы» не внесли заметных изменений в научную и публичную риторику относительно истории Украины. Получалось, что в основе советского нарратива, описывавшего русско-украинские отношения по XIX в., лежала политизированная концепция Грушевского, местами основанная на утрированных фактах и домыслах из сомнительных источников.

С начала 1930-х гг. административное влияние Грушевского на Украине серьезно уменьшилось в ходе внутренних конфликтов в ВУАН, чисток и реформирования этой организации, а также временного ареста ученого в ходе дела УНЦ. Эти события не отразились на научном авторитете историка и не прервали его академическую карьеру. Связи и статус академика АН СССР позволили Грушевскому продолжить академическую работу в Москве и Ленинграде. На первых порах Грушевский принимал

деятельное участие в продвижении своего проекта Института Украинской истории (затем — Комиссии по изучению истории Украины). Здесь ему оказывали поддержку видные ленинградские ученые, включая академика Н.Я. Марра. К сожалению, из-за внутриакадемических пертурбаций этот проект в полной мере не был реализован. Так был упущен шанс для Грушевского стать отцом-основателем общесоюзной украинистики. Из-за плохого здоровья Грушевский не смог раскрыть себя как руководитель подразделения/сотрудник ленинградского Института славяноведения (1931—1934). Великий украинский историк оказался больше «своим» в Москве и Ленинграде, чем среди гуманитарной интеллигенции УССР. В этих же столицах не было никого, кто был способен без опоры на Грушевского создать новый нарратив по истории Украины.

М.И. Яворский и дискуссии советских историков

В истории советской исторической науки 1920-х гг. фигура М.И. Яворского занимает особое место — ведущий историк-марксист УССР, обласканный местной властью, но трагически погибший в сталинских лагерях. За свою научную карьеру Яворский подготовил множество учебников и учебных пособий (курсов лекций) по украинской истории и нескольких обобщающих монографий по истории общественных движений XIX в. и революции на Украине. Некоторые из этих работ получили высокие оценки в общесоюзных научных изданиях. Отметим рецензии, выходившие, например, на страницах журнала «Каторга и ссылка». В одной из рецензий молодой историк-литературовед Ю. Г. Оксман и волей случая обозреватель актуальных украинских работ по истории презентовал Яворского в качестве «одного из крупнейших представителей современной украинской марксистской историографии», который впервые ввел «в научный оборот ценнейшие данные [из] харьковских, киевских и одесских архивов о революционном движении на Украине в 50—70-х годах XIX ст.»¹⁶⁵. Также Яворским была подготовлена статья «Украина

¹⁶⁵ Оксман Ю.Г. М. Яворський. Нариси з історії революційної боротьби на Україні. Том перший. Державне видавництво України. Харків. 1927. Стр. 415.

в 1917—1921 гг.» в разделе «Союз Советских Социалистических Республик» для популярного энциклопедического словаря Гранат¹⁶⁶. Однако наиболее известным сочинением является краткий курс истории Украины, который под различными названиями выходил на протяжении 1920-х гг., его варианты выдерживали по несколько изданий («Краткая история Украины», «История Украины в сжатом очерке»). Несколько лет краткий курс Яворского являлся, по сути дела, единственным учебником по украинской истории в УССР. Этот курс получал самые положительные оценки в партийной печати, например на страницах журнала «Летописи революции», печатного органа Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт) при ЦК КП(б)У, и активно продвигался в образовательном процессе¹⁶⁷. Проскальзывающие в печати замечания касались небрежности в подготовке текста: отсутствие прямых указаний на личности критикуемых им историков (украинских или российских), наличие ряда фактографических ошибок и искажений¹⁶⁸.

К Яворскому была расположена местная партийная элита в лице Н.А. Скрыпника и С.В. Косиора. «Своим» Яворский был и для М. Н. Покровского, и с точки зрения ЦК ВКП(б). Важное свидетельство этому мы найдем на примере отбора кандидатов в состав советской делегации на 6-й Международный конгресс историков в Осло в 1928 г. Примерно в конце 1927 г. по поручению Секретариата ЦК ВКП(б) Покровский подготовил список возможных участников конгресса, который состоял из 17 чел., представлявших историческую науку РСФСР, УССР и Белорусской ССР. Фамилия Яворского значилась среди делегатов от Украины. При этом делалась оговорка, что «точное распределение (делегатов от — Я. Л.) учреждений сделает Украина»¹⁶⁹. Однако ни у украин-

Ціна 2 крб. 75 коп. // Каторга и ссылка: историко-революционный вестник. 1928. № 8—9 (45—46). С. 254, 255.

¹⁶⁶ Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7 изд. Т. 41. Ч. III. М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1925. Стб. 430—458.

¹⁶⁷ Пуріг Р.Я. Життя Михайла Грушевського: Останнє десятиліття (1924—1934). Київ, 1993. С. 46; Кияница П.М. Яворський. Історія України в стилому нарисі // Літопис революції. 1928. № 6(33). С. 361.

¹⁶⁸ Рыбаков И.М. Яворський. Історія України в стилому нарисі. Державне видавництво України. 1928. Тираж 10 000. Стр. 356+3. Ціна 1 крб. 75 коп. // Каторга и ссылка: историко-революционный вестник. 1928. № 10 (47). С. 167—168.

¹⁶⁹ АРАН. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 175. Л. 25.

ской стороны, ни у ЦК возражений не возникло. В 1929 г. Яворского выбрали действительным членом АН БССР, а затем и АН УССР. Избрание Яворского происходило всегда в связке с одним из украинских партийных боссов — Скрыпником. Яворский был одним из тех, кто презентовал советскую историческую науку за рубежом. Подобно М.Н. Покровскому и его ученикам, Яворский активно критиковал украинских «буржуазных» историков, особенно тех, что вошли в состав Украинской академии наук, утвержденной гетманом П.П. Скоропадским в ноябре 1918 г., а затем перешедшие в советскую Всеукраинскую академию наук в Киеве¹⁷⁰. Как мы помним, одним из лидеров ВУАН стал живой классик украинской историографии М.С. Грушевский. В противопоставлении себя ученым «старой школы» Яворский претендовал на роль главного историка УССР и активно репрезентировал себя как автор единственной подлинно марксистской схемы украинской истории¹⁷¹. В целях своего символического и политического возвышения Яворский основал в конце 1928 г. Украинское общество историков-марксистов, а также лоббировал проект Украинской коммунистической академии в Харькове. Если первый проект удалось реализовать, то второй не поддержала местная партийная верхушка в лице Скрыпника, полагавшего, что новая академия станет ненужным финансовым бременем для республики.

Избрание М. И. Яворского в число ненавистных ему академиков ВУАН летом 1929 г.¹⁷² способствовало переезду историка из Харькова в Киев. Внутри ВУАН он развернул активную деятельность по продвижению марксистской методологии в исторических исследованиях, возглавив кафедру¹⁷³ истории Украины

¹⁷⁰ См., напр.: Кравченко В.В. Д.И. Багалей: Научная и общественно-политическая деятельность. Харьков: Основа, 1990.

¹⁷¹ /Скрыпник Н. А. І. О работе Українського інститута марксизму (Доклад тов. Скрыпника) // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 27 (3). С. 303–307; Касьянов Г.В. Академік М. І. Яворський: доля вченого // Український історичний журнал. 1990. № 8 (353). С. 75–86; Санцевич А.В. М.І. Яворський: нарис життя та творчості. Київ: Б/и., 1995.

¹⁷² Про стремления М.И. Яворского выдвинуть свою кандидатуру в члены ВУАН, заручившись поддержкой академиков, отмечал в своем дневнике украинский литературовед академик С.А. Ефремов, начиная с 1925 г. (Ефремов С. Щоденники, 1923–1929. Київ: ЗАТ «Газета „РАДА“», 1997. С. 185–186, 335–336, 575–576, 712).

¹⁷³ По 1936 г. кафедра являлась структурным подразделением в шестиуровневой системе организации ВУАН (кабинет-комиссия-кафедра-цикл-отдел-Пре-

эпохи империализма¹⁷⁴. Все говорило о том, что Яворский превращается в большого академического начальника. Однако неожиданно, находясь на вершине влияния и известности, в феврале 1930 г. Яворский был снят со всех постов, исключен из партии, затем заклеймен как *псевдомарксист*, а чуть позже получил ярлык *фашиста*, оказавшись в одном ряду с теми, кого он сам публично критиковал и осуждал, включая пострадавших по т. н. делу «Союза освобождения Украины». В отличие от бывших оппонентов и коллег по ВУАН, Яворский не находился в разработке по этому делу, представлявшему крупнейшую чистку академических структур на Украине¹⁷⁵. Однако развернувшаяся кампания против историка и отсутствие заработка вынудили последнего покинуть Киев и перебраться с семьей в Ленинград. Там в марте 1931 г. он был арестован по т. н. делу «Украинской войсковой организации» / «Украинского национального центра» и этапирован в Харьков. Здесь его приговорили к 6 годам лагерей и отправили на Соловки в 1932 г. Осенью 1937 г. Яворский был расстрелян в печально известном урочище Сандормах¹⁷⁶.

Ко времени падения М.И. Яворского на территории УССР проходили, как минимум, три большие репрессивные кампании, затронувшие местную интеллигенцию и партийный аппарат: в рамках дела т. н. «Союза освобождения Украины», кампании партийных чисток и борьбы с различными уклонами. Последние две имели и общесоюзный характер. В связи с этим есть большое искушение объяснить судьбу Яворского логикой сталинских репрессий, зачищавших как бы неугодную национальную интеллигенцию. Именно по такому принципу в историографии строятся объяснительные схемы, начиная от ставшей классической работы Джеймса Мейса по истории национал-коммунизма

зидиум), которую потом скажи до трехуровневой (институт-отдел-Президиум) (Ясь О. «На чолі республіканської науки...». Інститут історії України (1936–1986): Нариси з інституціональної та інтелектуальної історії (До 80-річчя установи). Київ: НАН України. Ін-т історії України, 2016.. С. 33).

¹⁷⁴ Санцевич А.В. М.І. Яворський. С. 24–26 и др.; Шаповал Ю., Верба І. Михайло Грушевський. Київ: Альтернатива, 2005. С. 307.

¹⁷⁵ См.: Пристайко В.І., Шаповал Ю.І. Справа «Спілки визволення України»: невідомі документи і факти. Науково-документальне видання. Т. I. Київ: Інтел, 1995.

¹⁷⁶ Санцевич А.В. М.І. Яворський...С. 50–51; Остання адреса: Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках: в 2 т. Т. 2. Київ: Сфера, 2003. С. 527–528.

в УССР в 1920–30-е гг. или исследований украинских историков Г.В. Касьянова, А.В. Санцевича и Ю.И. Шаповалы, посвященных судьбе и трудам Яворского, и заканчивая последними монографическими работами по истории исторической науки в СССР А.М. Дубровского и А.Л. Юрганова. Ключевым моментом, который объединяет данные работы, является увязка падения Яворского с конфликтом, возникшим у него со столичными историками-марксистами по поводу разработанной им схемы украинской истории. Случившееся недопонимание привело к кампании против украинского историка, за которой закрепилось наименование *яворщина*. В этой кампании важную роль якобы сыграл любимый ученик М.Н. Покровского — П.О. Горин. Неужели настолько высок был градус дискуссий по поводу схемы украинской истории? На примере научного наследия Грушевского мы наблюдали заметное концептуальное единство. Для понимания специфики научных дискуссий того времени нам важно понять, как в публичных дискуссиях с украинскими и московскими историками(-марксистами) себя презентовал Яворский, какие положения отстаивал и какая за этим следовала реакция.

С самого начала своей карьеры М.И. Яворский выступал как жесткий и непримиримый дискутант, равнодушный к академическому и научному авторитету оппонента. В качестве примера укажем дискуссию, начавшуюся с подачи беспартийного и уважаемого исследователя Слободской Украины академика ВУАН Д.И. Багалея (1857–1932). Дискуссия развернулась на страницах общественно-политического и историко-литературного журнала «Червоний шлях». Данный журнал только с 1932 г. станет официальным печатным органом Союза писателей Украины. Рецензия Багалея была посвящена разбору первой части «Нариса історії України» (1923), охватывавшего украинскую историю с древности по начало XVI в. Основной текст рецензии предварялся следующим пояснением от редакции журнала: «Не соглашаясь с подходом акад. Багалея до трактовки некоторых моментов очерка истории Украины Яворского, редакция с охотой дает место его статьи в порядке обсуждения важной и целиком новой для нашего времени попытки изложения марксистским методом истории

Украины»¹⁷⁷. Багалей отдавал должное тексту «молодого социолога-марксиста», пытающегося одним из первых понять ход украинского исторического процесса с марксистской точки зрения. Несмотря на это, Багалей, взяв менторский тон, разобрал методологические и историографические упущения Яворского. Им подчеркивалось, что сочинение Яворского уступало научно-популярным работам советских историков-марксистов М.Н. Покровского и Н.А. Рожкова¹⁷⁸.

Из всех вопросов и претензий Д. И. Багалея М. И. Яворский по существу ответил только по поводу древнего периода украинской истории¹⁷⁹. Остальные же страницы статьи Яворского (12 из 16) были заполнены эмоциональными и местами путанными рассуждениями, должны объяснить неправоту его оппонента. Например, по поводу принципов своей работы Яворский ссылался на обсуждения одного из своих докладов и книги на кафедре истории Украины Харьковского университета. Не вдаваясь в детали обсуждений, Яворский убеждал читателя в том, что там он подробно прояснил оппоненту свою методологическую позицию и содержание книги. В ответ Багалей обвинялся в романтизации исторического прошлого, неспособности осмысливать историю с марксистских позиций¹⁸⁰. После такого далекого от науки ответа оппоненту Яворского пришлось срочно готовить защитное слово.

Багалей отметил описанные выше недостатки текста Яворского и в особенности его тон, чуждый научной этике, в чем виделась «великая опасность для дела науки»¹⁸¹. Багалей был шокирован неуважением и пренебрежением Яворского к древолюционному историографическому наследию, его неспособностью объяснить ошибки оппонента, кроме указания на неверную политическую позицию. Багалей предупреждал Яворского, что продолжение дискуссии в прежней грубой манере заставит

¹⁷⁷ Багалій Д. Перша спроба начерку історії України на тлі історичного матеріалізму // Червоний шлях. 1923. № 9. С. 145.

¹⁷⁸ Багалій Д. Перша спроба начерку історії України... С. 146–161; см. також: Кравченко В. В. Д.И. Багалей... С. 111.

¹⁷⁹ Яворський М. Де-що про о «критичну» критику, про «об’єктивну» історію, та ще й про бабусину спідницю // Червоний шлях. 1924. № 3. С. 179–182.

¹⁸⁰ Яворський М. Де-що про о «критичну» критику. С. 167–168,

¹⁸¹ Багалій Д. З приводу антикритики проф. М. Яворського // Червоний шлях. 1924. № 6. С. 149–150, 151–153.

его «отвечать острее»¹⁸². Случившаяся полемика имела определенные последствия, но не для Яворского, а Багалея. Ученый, публично причислявший себя к марксистским историкам, стал удобной мишенью для критики со стороны украинских историков-марксистов (М.И. Волин, Ф.А. Ястребов, Н.Е. Редин, Т.Т. Скубицкий), включая самого Яворского. Багалея стали шельмовать, как маскировавшегося под марксиста¹⁸³. Было понятно, что Яворский обладает определенным иммунитетом внутри УССР, при этом особо не утруждая себя в пояснениях по поводу содержания своих работ и концепции украинского исторического процесса.

Однако ситуация стала меняться, когда лидер советских историков-марксистов М.Н. Покровский вознамерился создать под своей эгидой общесоюзную организацию историков-марксистов. Ключевая задача данной организации заключалась в создании нового и непротиворечивого марксистского нарратива по истории СССР и населявших его народов. Для этого по инициативе Покровского была создана Первая Всесоюзная конференция историков-марксистов в Москве (28 декабря 1928 — 4 января 1929 г.), на которой исследователям из разных регионов и советских республик предстояло представить свои наработки и согласовать их содержание с авторитетным жюри.

Понимание данного события невозможно без небольшой предыстории, связанной с Первой Всесоюзной конференцией марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений (22–25 марта 1928 г.). На данном мероприятии украинскую делегацию представляли, прежде всего, Н.А. Скрыпник и М.И. Яворский. Яворский взял слово после выступления Скрыпника по работе Украинского института марксизма-ленинизма¹⁸⁴. В своем выступлении он заявил, что обозначенные проблемы в деятельности марксистских учреждений и научных работников РСФСР более остро ощущаются на Украине, где до революции господствовал на историческом фронте *украинский национализм* и продолжает сохранять свое влияние. Далее Яворский подробно описал, что способствовало сохранению влияния украинского национализма — это две школы: «школа внеклассовой

и бесклассовой нации» М.С. Грушевского и «школа документалистов» Д.И. Багалея. В качестве примера влияния Грушевского указывалось на работы Иосифа (Осипа) Гермайзе (ученика Грушевского), А.П. Оглоблина и экономиста М.С. Волобуева. Обозначив имеющиеся проблемы, Яворский подчеркнул, что для их преодоления необходима координация и планирование работы историков-марксистов СССР в форме ассоциации. Только в таком случае удастся эффективно разрабатывать «методологию исторического процесса». Яворский настаивал на том, что такие темы, как «вопрос о национальном движении на окраинах» или «зарождение марксизма на Украине», было «более полезно и целесообразно» разрабатывать не в Москве (в Комакадемии), а на Украине, аргументируя это в т.ч. наличием необходимых архивов. Выступление Яворского не встретило каких-либо возражений, а, наоборот, имело поддержку со стороны собравшихся. Яворский вслед за Н.А. Скрыпником выступил за функционирование на Украине относительно независимой научной организации, которая еще и имела бы монополию на разработку определенных тем, которые разрабатывались в Комакадемии в т.ч. и под руководством М.Н. Покровского. По этой причине не было удивительным появление Украинского общества историков-марксистов в конце декабря 1928 г.

Тезисы, озвученные М.И. Яворским в марте 1928 г., были им же представлены в расширенном варианте на Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов в Москве. На этом важном мероприятии Яворский возглавлял делегацию украинских историков и являлся членом президиума конференции, а также входил в число 124 делегатов с правом решающего голоса наряду с П.О. Гориным и другими видными советскими историками¹⁸⁵. На пленарном заседании Яворский выступал после М.Н. Покровского и П.О. Горина. В самом конце выступления Горина, посвященного работе Общества историков-марксистов, вскорь было упомянуто, что «на Украине организация Общества, к сожалению, задержалась, хотя потребность сплочения подлинно марксистских сил там стоит острее, чем в других ме-

¹⁸² Багалій Д. З приводу антикритики проф. М. Яворського. С. 160.

¹⁸³ Кравченко В.В. Д.И. Багалей. С. 111–112, 120–122.

¹⁸⁴ Доповідь Скрпника. Про работу Українського Інституту у Москві // Прапор марксизму. 1928. № 3(4). С. 216–223.

¹⁸⁵ Список делегатов Всесоюзной конференции историков-марксистов // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28/XII–1928 — 4/I–1929. Т. 2. М.: Изд-во Ком. акад., 1930. С. 615–618.

стах»¹⁸⁶. Упрек Горина не носил персонального характера и не содержал политических обвинений. Он обозначил организационную проблему и давал явный сигнал о необходимости встраивания украинских историков-марксистов в единую общесоюзную организацию.

На том же пленарном заседании выступал и М.И. Яворский. Свой доклад он предварял извинениями, что будет «плохо говорить по-русски». Яворский подтвердил утверждение П.О. Горина о том, что «главным образом марксистская историческая работа ведется в историческом отделении Украинского института марксизма в Харькове», которое было представлено тремя кафедрами — истории Украины, истории Запада и истории партии и изучения Октября на Украине. При этом центры изучения «марксистской исторической мысли» и исследования Октябрьской революции располагались также в Киеве и Одессе. Яворский признавал имеющиеся недостатки — наличие «организационной проблемы», которая заключалась в необходимости создания «единого центра марксистской исторической мысли на Украине» для борьбы с (мелко-)буржуазной украинской исторической наукой и «отдельными уклонениями, отдельными неправильными толкованиями и ошибочными приспособлениями марксистской методологии к изучению украинской истории»¹⁸⁷.

Затем Яворский попытался переключить внимание слушателей на достижения украинской исторической науки, включая создание «марксистской схемы украинского исторического процесса», изложенной в правильных «марксистских учебниках», которые оказали влияние на широкие массы «учащейся молодежи». Также он публично заявил, что в целях «объединения нашего идеологического фронта» в течение всего 1928 г. велась работа по созданию отдельного Украинского общества историков-марксистов, которое и было учреждено 20 декабря того же года. В состав общества вошли 40 чел. Яворский выражал надежду на то, что 2 мая 1929 г. обществу удастся созвать Всеукраинский съезд

¹⁸⁶ Горин П.О. Доклад о работе Общества историков-марксистов // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28/XII—1928—4/I—1929. Т. 1. С. 26.

¹⁸⁷ Яворский М. Доклад о работе марксистских исторических учреждений на Украине // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. С. 37—38

историков-марксистов, а осенью того же года будет запущена украинская версия журнала «Историк-марксист», который в сочетании с другими местными изданиями — «Прапор марксизму» и «Летопись революции» (печатные издания Украинского института марксизма-ленинизма и Испарта ЦК КП(б)У) — позволят освещать с правильных позиций широкий спектр методологических и исторических вопросов по «проблемам украинского исторического процесса», Яворский заверял слушателей, что Украинское общество историков-марксистов «не будет стоять сепаратно по отношению к Российскому обществу историков-марксистов, а будет началом Союзной ассоциации историков-марксистов, создания единого во Всесоюзном масштабе марксистского исторического фронта». При этом утверждалось, что украинская организация имеет схожие цели и структуру, что зафиксированы «в уставе Российского общества историков-марксистов», и будет идти «рука об руку с нашими товарищами, историками-марксистами, с которыми думаем объединится в единую Союзную ассоциацию обществ историков-марксистов»¹⁸⁸. Слова Яворского были встречены аплодисментами.

Итак, М.И. Яворский снова повторил ранее высказанные мысли, что главная задача местных историков-марксистов заключалась в продвижении собственного общества и не в статусе филиала общесоюзной организации. Яворский не был таким академическим сепаратистом, нацеленным на разрыв. В заключение пленарного заседания историк «от имени украинской делегации» выступил со специальным приветствием, посвященным 35-летию научной деятельности М.Н. Покровского как «создателя и организатора единого идеологического марксистского фронта в исторической науке». Отмечалось «громадное» значение его работ, где «было поставлено и разработано много вопросов, касающихся и украинского исторического процесса, которые для нас служили руководством при нашей разработке украинской истории»¹⁸⁹. В стенограмме пленарного заседания было зафиксировано, что выступление Яворского оказалось полной неожиданностью для

¹⁸⁸ Яворский М. Доклад о работе марксистских исторических учреждений. С. 39—40.

¹⁸⁹ Яворский М.И. Приветствие М.Н. Покровскому в связи с 35-летием его научной деятельности — М. Яворский // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. С. 75.

самого Покровского¹⁹⁰. Юбиляр признавался, что опасался проявления неких «национальных пережитков», но они «проявили себя чрезвычайно слабо». Однако, ссылаясь на мнение «подавляющего большинства» участников конференции, все же настаивал на создании «единого общества», стремление к единой вертикально организованной организации являлось свидетельством не «великодержавности», а «организационной сплоченности» и умения «подчинять те или иные местные национальные интересы общим задачам на общем фронте классовой борьбы»¹⁹¹.

С завершением пленарных заседаний последовала работа секций. М. И. Яворский выступал на секции «Истории народов СССР» с докладом «Современные антимарксистские течения в украинской исторической науке». В своем выступлении он попытался дать краткий обзор развития этих течений, начиная от автора анонимного сочинения «История русов» до современности. Яворский персонально указал на тех, из-за кого воспроизведились «старые взгляды, старая схема в украинском историческом процессе» (М.С. Грушевский и В.К. Липинский). Затем он перечислил группу украинских историков, которые являлись проводниками антимарксистских идей и маскировавшихся под марксистов — филолог академик С.А. Ефремов, историк права Н.П. Василенко, историки Д.И. Багалей, М.Е. Слабченко и А.П. Оглоблин. В конце своего выступления Яворский поддержал призыв М.Н. Покровского бороться не только «за мировоззрение, за марксистское историческое мировоззрение, но и за марксистскую методологию»¹⁹².

За выступлением М.И. Яворского последовало обсуждение его доклада. В основном выступали историки с Украины: часть из них (Н.Л. Рубинштейн и З.Н. Гуревич) развивали ключевые мысли доклада, критические замечания высказал И.Ю. Гермайзе (ученик М.С. Грушевского), отметивший, что «любопытный и ценный доклад» грешил рядом неточностей, особенно в характеристике ряда историков и их позитивной роли (В.А. Антонович и Д.И. Багалей). Замечания Гермайзе не следует восприни-

¹⁹⁰ /Яворский М.И./ Приветствие М.Н. Покровскому. С. 75.

¹⁹¹ Там же. С. 77.

¹⁹² Яворский М. Современные антимарксистские течения в украинской исторической науке // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. С. 426, 428–432, 433, 434–435; Прения // Там же С. 443–448.

мать как что-то серьезное. На Украине и во время конференции он был объектом постоянной публичной критики (в том числе со стороны Яворского), в чьих работах было сильно влияние «украинской буржуазной и мелкобуржуазной идеологии»¹⁹³. Отдельной точкой напряжения была дискуссия Гуревича и М.В. Нечкиной по украинским аспектам истории декабризма¹⁹⁴. Только после всех обсуждений, случившихся между украинскими историками, выступил П.О. Горин, где не напрямую задел Яворского. Историк признался, что взял слово исключительно под впечатлением от выступления Гуревича: «Я по докладу т. Яворского не собирался принимать участие в прениях, но выступление т. Гуревича толкнуло меня выступить», т. к. в украинской исторической науке существовали проблемы, которые «замалчивать на нашей первой всесоюзной конференции историков-марксистов никак невозможно»¹⁹⁵. О чем же шла речь?

П.О. Горин обратил внимание собравшихся на то как в украинской исторической науке «под видом „марксизма“ преподносятся вещи из арсенала наших врагов» — на «псевдомарксистской маскировке». Это касалось, с одной стороны некритического восприятия личности и взглядов М.С. Грушевского, как бы верно — марксистки — рассматривающего революционные события, а с другой стороны, как настоящие коммунисты могут давать оценки, «с которыми могут согласиться и наши враги». В качестве примера Горин сослался на некий украинский учебник, «пользующийся широким признанием». Несмотря на просьбу из зала, Горин не поддался искушению раскрыть название учебника, хотя речь шла именно об учебнике М.И. Яворского. Историк отметил, что в описании событий рубежа XIX–XX вв., близких ему с профессиональной точки зрения, транслируются идеи, далекие от «революционного марксизма». Ссылаясь на архивные данные центральных архивов (Центрархив), Горин утверждал, что принципиальной разницы в социальном развитии России и Украины накануне революций 1905 и 1917 гг. не было. Тем удивительнее было видеть признание революционной роли за местной буржуазией и принижение роли пролетариата, когда «украинский кулак» становится союзником революции, что явно противоречи-

¹⁹³ Прения. С. 443–448.

¹⁹⁴ Там же. С. 441–443.

¹⁹⁵ Там же. С. 448.

ло концепции «союза пролетариата и беднейшего крестьянства» и ленинским постулатам. Со слов Горина, в неназванном учебнике признавалось серьезное значение австрийской Галиции, где концентрировалась «национальная и революционная сила из Российской Украины» при непосредственном участии Грушевского. Озвученные упреки в контексте той эпохи считывались как обвинения в правом уклоне. Не случайно с места последовала реплика: «Это троцкизм». Однако Горин не хотел создавать конфликтной ситуации, поэтому сделал ряд важных оговорок. Приведенные цитаты историк не стремился «представить... как какую-то оформленвшуюся немарксистскую теорию», эти «цитаты из электического учебника, в котором многое можно выскоблить, прежде чем получить подлинно марксистскую схему». Именно поэтому требовалось выработать «ясную и четкую марксистскую схему». Горин полагал, что борьба за правильную схему истории Украины и с проявлениями великодержавного шовинизма «пойдет куда успешнее, если наши украинские товарищи не будут отдавать дань некоторым отрыжкам домарксистской исторической науки на Украине». Историк подводил к очень понятной и простой мысли, адресованной к украинской стороне: отсутствие подлинной марксистской критики к дореволюционной историографии будет постоянно приводить украинских историков на чуждые буржуазно-националистические позиции, в то время как между настоящими историками-марксистами (украинскими и/или российскими) нет принципиальной разницы в понимании сущности марксистской схемы истории Украины, которая невозможна в отрыве от «исторических процессов в России»¹⁹⁶. Что же касается Яворского, то его имя Горин упомянул пару раз и в положительном ключе.

Несмотря на аккуратные и тактичные замечания П.О. Горина, некоторые члены украинской делегации посчитали, что его выступление бросает тень на М.И. Яворского. С защитным словом выступил М.А. Рубач (1899–1980). Это был молодой политработник, сделавший стремительную карьеру на Украине. С 1923 г. Рубач занимал руководящие должности в Испарте ЦК КП(б)У и являлся главным редактором журнала, издававшегося при этой организации, — «Летопись революции», после окончания Ин-

ститута красной профессуры в 1927 г. возглавил кафедру истории партии и Октябрьской революции в украинском Институте марксизма-ленинизма и одновременно руководил Центральным архивным управлением при украинском ЦИК¹⁹⁷. В слове на защиту Яворского Рубач указал, что докладчику банально не хватило времени, чтобы раскрыть предысторию описанных им антимарксистских течений. С его слов, Яворский верно раскрыл опасность «внеклассовой теории Грушевского в отношении к крестьянству», что «не вскрывается марксистами или людьми, приближающими-ся к марксизму, находящимися рядом с Грушевским»¹⁹⁸.

Для завершения дискуссии по докладу М.И. Яворского слово взял М.Н. Покровского. Историк попытался выступить своеобразным третейским судьей. Он отметил, что нет принципиальной разницы в позициях «реакции и контрреволюции в области истории в РСФСР и на Украине» в лице, например, П.Н. Милюкова и М.С. Грушевского. Последние требовало «установить твердый и единый фронт русских и украинских историков», чему мешал ряд моментов. С одной стороны, Покровский поддерживал и М.А. Рубача, и З.Н. Гуревича, а с другой стороны, их же и критикует из-за несправедливой критики М.В. Нечкиной. По этому поводу Покровский попытался пошутить, что такого рода перегибы «объясняют влияние Грушевского». В заключение своей речи он отдал должное Яворскому, который верно заметил, что «вопросы методологии» играют важную роль в создании единого фронта историков-марксистов¹⁹⁹.

Комментарии М.Н. Покровского завершали прения по докладу М.И. Яворского, после чего украинский историк выступил с заключительным словом. Яворский не был настроен миролюбиво: в заключительном слове он признал за собой авторство раскритикованного Гориным украинского учебника, а затем перешел в контрратаку. Постоянно ссылаясь на Покровского, Яворский обвинял Горина в игнорировании «национальных форм» в революции 1905 г. — опасная близость к «великорусскому» уклону.

¹⁹⁷ Терещенко Ю.І. Відзначення 70-річчя професора М.А. Рубача // Український історичний журнал. 1970. № 2 (107). С. 156–157; Інститут історії України НАН України. 1936–2006. Київ: Інститут історії України НАН України, 2006. С. 632.

¹⁹⁸ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. С. 452–453, 454–455.

¹⁹⁹ Там же. С. 455–458.

¹⁹⁶ Прения. С. 448, 449–451.

Схожие упреки получила и М.В. Нечкина по поводу истории декабризма на Украине. Критику Горина и Нечкиной украинский историк пытался разбавить иллюстрацией того, как украинские историки «критикуют у себя один другого». В очередной раз объектом критики был выбран несчастный И.Ю. Гермайзе. Свой ответ оппонентам Яворский попытался закончить шуткой, оценив украинских историков как бедняков («незаможников») в сравнении с российскими коллегами, и выразил надежду на помощь с их стороны. После этого Яворский пригласил историков во главе с Покровским на съезд украинских историков-марксистов, который должен был состояться в мае 1929 г.²⁰⁰

Однако самое главное, к чему привело выступление М.И. Яворского, — ответное слово П.О. Горина. Историк вынужден был искать оправдания того, почему не привел название учебника и не указал его авторство, мотивируя это тем, что спорные идеи были характерны не только для сочинений Яворского. Отмечая «великодушие» украинского историка, Горин заметил, что указанные им ошибки до сих пор не исправлены. Замечание Горина задело Яворского, и тот не сдерживался от комментариев с места, что все исправил, недоумевал, к чему цепляется оппонент, и предлагал «поспорить». Горин этот вызов принял, заявив, что «прямая обязанность» российских историков-марксистов помочь в «создании марксистской схемы Украины». Горину было важно, чтобы обсуждение схемы велось в научном поле, и он попросил президиум конференции дать возможность Яворскому прочитать методологический доклад «Схема истории Украины», который им был подготовлен к конференции, но не включен в программу, т. к. «тема его носит актуальный характер»²⁰¹. Однако это предложение не поддержал Покровский.

Итак, неоднократно упоминавшийся в историографии конфликт М.И. Яворского с московскими историками-марксистами и, в частности с П.О. Гориным, представлял собой не сопротивление навязыванию некой «русскоцентричной» модели исторического нарратива, а научную дискуссию пусть и местами довольно жесткую. Выступления Яворского и других украинских истори-

²⁰⁰ Заключительное слово // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. С. 460–461, 461–465, 466.

²⁰¹ Заключительное слово. С. 467–468.

ков получили положительные отклики, что свидетельствовало о многочисленных точках соприкосновения в понимании того, как следовало выстраивать украинский исторический нарратив, особенно по сюжетам до XIX в. Все участники сходились во мнении о важности борьбы с буржуазной историографией и конкретными историками, которые маскировались под марксистов, вводившими в заблуждение молодые кадры и настоящих коммунистов. Определенное удивление вызывали трактовки украинскими историками-марксистами некоторых общеизвестных событий вроде движения декабристов на Украине. Острый обмен мнениями между Гориным и Яворским случился только после тактичной попытки заострить внимание на трактовках предреволюционной ситуации и событий революции 1905 г. на Украине, противоречащих базовым положениям ленинской теории и архивным данным. Яворский сам публично раскрыл свое авторство и повел агрессивное наступление на Горина, бросив ему публичный вызов. При этом участники конференции скорее наблюдали напряженные дебаты среди украинских историков (М.И. Яворский, З.Н. Гуревич, И.Ю. Гермайзе), нежели нечто подобное между украинскими и российскими историками. Собственно, подобное восприятие нашло свое отражение на страницах столичной прессы, освещавшей работу конференции, и в мемуарах современников тех событий.

Столкновение между Яворским и Гориным не вызвало заметной реакции в публичной сфере. Это было видно по публикациям в столичной партийной прессе и в мемуарах современников. Так, газета «Вечерняя Москва» констатировала важность затронутых проблем, а выступление Яворского оценила положительно²⁰². «Правда» напечатала подробный обзор доклада Яворского об антимарксистских течениях в УССР и дискуссии по нему²⁰³. На страницах «Известий» Е. Кривошеина²⁰⁴ в заметке от

²⁰² Кут. А. /Кутузов А.В./. Завоевать исторические науки: Буржуазные течения на Украине. Традиции II Интернационала. Почему Царской России нужен был Константинополь // Вечерняя Москва. 1929. № 1(1513). С. 1; Эрде [Д.И]. История под прожектором марксизма // Вечерняя Москва. 1929. № 3. С. 2.

²⁰³ Первая Всесоюзная конференция историков-марксистов. Работа в секциях // Правда. 1929. № 3. С. 2.

²⁰⁴ Возможно, это была Е.П. Кривошеина (1898–1937), научный сотрудник Комакадемии и член бюро методологии истории Общества историков-марксистов.

11 января 1929 г. высказывалась в поддержку централизованной организации историков-марксистов с республиканскими филиалами на местах, критически упомянув некую (очевидно, украинскую) делегацию, которая этому противилась²⁰⁵. С.А. Пионтковский зафиксировал в своем дневнике 10 января 1929 г.: «Мы можем сказать, что он (Яворский. — Я. Л.) достаточно безграмотный и слишком националистически настроенный украинец. <...> По его докладу выступало несколько украинцев. Прежде всего обнаружилось, что мы, москвики, великорусы, ничего не знаем и не понимаем в истории Украины. Второе, что украинцы под историю Украины относят все, что совершилось на территории Украины, определяя эту историю по географическим принципам, а не по принципам социальным. При такой постановке национальный вопрос для них превращается не в средство, а в самоцель. Это, вот, пожалуй, основной итог съезда. Украинцы всколыхнули, несомненно, ряд вопросов. Они вышибли нас из наших торжественных великороссийских настроений, расширяют кругозор историков»²⁰⁶.

На Украине публичная реакция на итоги конференции была более противоречивой. В феврале 1929 г. Яворский, дав общую положительную оценку конференции, резко высказался по поводу М.Н. Покровского: московский историк, по словам Яворского, назвал «ересью в марксизме» попытки заострить внимание на необходимости борьбы с уклоном в сторону великодержавного шовинизма. Другие украинские участники конференции оценивали итоги мероприятия в том же духе. Например, ректор Киевского института народного образования С.М. Семко-Казачук жаловался генеральному секретарю ЦК КП(б)У С.В. Косиору на то, что украинская делегация подверглась давлению и что особенно неприятные условия для ее работы создало специальное выступление Покровского, задавшее тон «для негативного отношения к украинской исторической науке» как к «националистической»²⁰⁷. Более сдержанную оценку дал М.А. Рубач, заметивший, что в развернувшихся вокруг доклада Яворского дебатах «во

взаимной критике была отмечена нехватка марксистской выдержанности некоторых утверждений в отдельных работах и остатки влияния великодержавных схем в некоторых работах отдельных историков». Рубач даже упрекнул Яворского в искажении слов Покровского, а российскую сторону — в незаслуженных упреках, прозвучавших на страницах «Правды» и «Известий», касавшихся местной марксистской науки и «национальных загибах», которые мешали созданию централизованной организации историков-марксистов²⁰⁸. Можно предполагать, что украинские ученые посчитали критику попыткой развязать политическую кампанию, и решили ответить на нее контратакой, обострив свою публичную риторику.

Сpirаль конфликта начала раскручиваться. Уже в феврале 1929 г. в «Правде» появилась критическая рецензия П.О. Горина на «Історію України в стислому нарисі» (1928). Горин упрекал автора книги в отрицании наличия на Украине крупной буржуазии, принижении значения пролетариата и, наоборот, преувеличении роли «капиталистическо-фермерских элементов деревни». Горин заключал: «Общую ленинскую схему исторического развития нашего Союза М. Яворский хочет „исправить“ оружием из арсенала классово чуждых нам немарксистских схем». Фактически Горин намекал на «правый уклон» в позициях Яворского. Не забыл рецензент упрекнуть и Народный комиссариат просвещения УССР (возглавляемый Н.А. Скрыпником), давший книге рекомендацию к печати²⁰⁹. Ответ М.И. Яворского под воинственным заглавием «Донкихотство или русоятство» появился в журнале «Пралор марксизму» — официальном печатном органе Украинского института марксизма-ленинизма (УИМЛ). Высказанные на конференции замечания относительно проблем с организацией украинского общества историков-марксистов Яворский теперь трактовал как попытку расколоть единый фронт украинских и русских историков. Критику Горина Яворский объявил злонамеренной; он упрекнул автора рецензии в плохом

²⁰⁵ Кривошеина Евг. Итоги всесоюзной конференции историков-марксистов // Известия. 1929. № 9 (3545). С. 3.

²⁰⁶ Дневник историка С.А. Пионтковского. С. 230–231.

²⁰⁷ Касьянов Г.В. Академік М.І. Яворський. С. 80.

²⁰⁸ Рубач М. Всесоюзна конференція істориків-марксистів та деякі наші чергові завдання // Літопис революції. 1929. № 2(35). С. I–X.

²⁰⁹ Горин П. М. Яворський. Історія України в стислому нарисі. Державне видавництво України. 1928 г. 336 с. (Яворський М. История Украины в сжатом очерке. Гос. изд. Украины. 1928 г.) // Правда. 1929. № 34 (4168). С. 5.

знании ленинских работ, в искажении взглядов М.Н. Покровского по поводу самостоятельности украинского революционного процесса и в конечном счете — в том, что используемая им схема украинской истории «не ленинская», содержит элементы «троцкизма и русотяпства»²¹⁰. Итак, обвинениям в правом уклоне со стороны Горина Яворский противопоставил упрек в уклоне левом, где был якобы виден и великодержавный шовинизм!

В конце марта 1929 г. в журнале «Историк-марксист» была помещена обзорная статья М.Н. Покровского, посвященная конференции историков-марксистов. Покровский высоко оценил конференцию, а критические замечания с его стороны заслужила только украинская делегация. Покровский упрекал украинскую делегацию: она сама раскололась по вопросу о создании всесоюзного общества, а теперь обвиняет московских учёных в «великодержавном шовинизме»; более того, таким тенденциям потакают «старые ленинцы, националистами никогда не бывшие». Вступаясь за Горина, Покровский описал некую «маленькую перепалку», свидетельствовавшую о «явном заражении атмосферы этой националистической отрыжкой» — речь шла о том, что некий участник конференции (украинец) незаслуженно обвинил другого (русского) в «великодержавном шовинизме» за «то, что он классовое объяснение предпочел этнографическому, выражая, с видимым удовольствием привел цитату из книги одного украинского исторического деятеля, где украинцы называны „малороссиянами“». Покровский делал вывод: «Полезно нам будет именно всесоюзное общество историков-марксистов, лучшее средство для искоренения как „великодержавного“, так и всякого иного шовинизма»²¹¹.

После сделанных публичных заявлений Покровский вместе с Гориным постарались оказать воздействие на Яворского непублично — по партийной линии. В мае 1929 г. на заседании «коллегии института» обсуждался вопрос «против выборов Яворского в члены Коммунистической академии». С.А. Пионтковский записал в дневнике, что Покровский «самставил доклад в ЦК, где указывал на теоретические ошибки Яворского и его шовинистиче-

²¹⁰ Яворський М. Дон-кихотство чи русотяпство? (З приводу однієї рецензії) // Прapor марксизму. 1929. № 2. С. 207, 208, 211.

²¹¹ Покровский М.Н. Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 7—9.

ский уклон», а затем «этую докладную записку от имени общества „Историков-марксистов“ послали в ЦКК с требованием снять кандидатуру Яворского»²¹². Стоит полагать, что речь шла о документе, который в конце мая «по поручению коммунистической фракции Общества историков-марксистов» подготовил Горин как ее секретарь, а затем направил в секретариат ЦК. В этой записке Горин заявлял, что не так страшна попытка Яворского приспособить «к ленинской схеме национально-демократической революции Виниченко», как трактовка революционных событий 1905 г. на Украине. Горин делал вывод о нежелательности пребывания Яворского в составе «какого бы то ни было уважающего себя марксистско-ленинского учреждения»²¹³.

Параллельно с обсуждениями в Москве 15, 20, 24 и 28 мая 1929 г. на Украине развернулись свои дискуссии по поводу схемы украинской истории М.И. Яворского. Они проходили на базе исторического отделения Украинского института марксизма-ленинизма. Среди собравшихся присутствовали сотрудники института, видные украинские историки, архивисты, литературные критики и публицисты, практически все из них были участниками недавней конференции историков-марксистов в Москве — М.А. Рубач, З.Н. Гуревич, Г.А. Карпенко, Н.Е. Редин, Р.М. Шпунт, М.И. Мебель, Т.С. Каратникова, М.С. Волин, М.И. Свидзинский. Часть собравшихся представляла собой верхушку недавно созданного Украинского общества историков-марксистов (М.И. Яворский, Т.С. Каратникова и М.А. Рубач)²¹⁴. Стенограммы заседаний и замечания Скрыпника были опубликованы только весной 1930 г. уже после отстранения Яворского, следовательно, в текстах могла учитываться изменившаяся ситуация в отношении украинского историка-марксиста, первое заседание и вовсе не стенографировалось²¹⁵. Однако даже в таком виде публикации заседаний описывали весьма неоднозначное событие.

²¹² Днівник історика С.А. Піонтковського. С. 269.

²¹³ Орлов І.Б. Історик сталинської епохи на «фронті історичної науки» // Харківський історіографічний збірник. Вип. 10. Харків: ХНУ імені Каразіна, 2012. С. 124.

²¹⁴ Дискусія з приводу схеми історії М. Яворського // Літопис революції. 1930. № 2(41). С. 267—269.

²¹⁵ В публікації стенограмм прямо указувалось, что в них присутствуют вставки, сделанные редакторами и самими авторами. В первом случае указывалось, что речь шла о вставках, опущенных авторами.

Официальным поводом для многодневных дебатов являлось обсуждение схемы украинской истории М. И. Яворского перед ее публичной презентацией на первом Всеукраинском съезде историков-марксистов, перенесенном теперь на 1930 г. Согласно сведениям Г.В. Касьянова, обсуждение было инициировано самим Яворским²¹⁶, который 15 мая 1929 г. представил тезисы, обосновывающие необходимость создания новой схемы истории Украины. Эти-то тезисы и должны были стать предметом дебатов²¹⁷. Но на деле обсуждали не только тезисы Яворского, а и недостатки сочинений и схемы русской истории Покровского, где история Украины, по мнению участников обсуждения, не учитывалась должным образом.

Публикация выступления Яворского от 15 мая 1929 г. представляла собой 11 тезисов, в которых обосновывалась необходимость создания новой схемы истории. Историк-марксист пошел по пути критики предшествовавшей и актуальной историографии. В первую очередь он обрушился на российскую, польскую и украинскую дореволюционную историографию, представители которых не были способны создать «подлинную схему» украинской истории из-за доминирования великодержавного или национального подхода. Также досталось и современной Яворскому марксистской историографии, которая «не всегда справляется с решением вопроса схемы украинской истории». Объяснялось это доминированием «формально-классового подхода», т. к. «российская марксистская литература» концептуально находилась в «старых границах» предшествовавшей «великодержавной» историографии, то же самое касалось и «некоторых из украинских историков-марксистов». В следующих тезисах Яворский объяснил свое понимание украинской истории и дал ее краткую периодизацию с древности (Х в.) по Октябрьскую революцию 1917 г. как историю нации. Последняя на протяжении всей своей истории боролась за независимость, что в феодальную эпоху, что в условиях «шляхетской колониальной диктатуры» или «колониального наступления российского и австро-польского капитала». На этих этапах ведущую роль играли разные «революционные силы» от мещанства и казачества до союза украинских рабочих и рос-

сийского пролетариата, отдавая должное «националистической мелкой буржуазии»²¹⁸. После выступления Яворского началось обсуждение его тезисов. Однако вместо обсуждения схемы Яворского большинство участников обсуждали недостатки сочинений и схемы русской истории М.Н. Покровского, где не учитывалась должным образом история Украины. Некоторые защитники Яворского (В.И. Сухино-Хоменко, В.Т. Десняк) доходили до обвинений Покровского в «великодержавном шовинизме» и в следовании за историографической традицией С.М Соловьева, В.О. Ключевского и даже П.Н. Милюкова²¹⁹. Между самими участниками дискуссии возникали эмоциональные споры. Так, например, Т.С. Каретникова жестко прошлась по одному из оппонентов Яворского — М.И. Мебелью, считавшемуся того за члена «семьи» М.С. Грушевского: «Мебель поступит вполне логично и с позиции совести коммуниста вполне этично, когда заявит в ГПУ, чтобы за Яворским установить наблюдение. В этой дискуссии, которая имеет в основном научный характер и набирает сейчас политическое содержание, таких слов не надо бы употреблять»²²⁰. Некоторые из собравшихся прямо указывали на то, что напряженный характер дискуссий выходил за пределы научной этики.

В первом же выступлении Г.А. Карпенко было отмечено о недопустимости того тона, который задал Яворский в отношении «российской марксистской историографии и особенно про т. Покровского», обвиняя последнего в «великодержавности», из-за «великодержавных тенденций» в его работах не смог дать схемы истории Украины. Эти «безосновательные обвинения» происходили из-за ссылок на ранние работы Покровского за 1910 г., а не последующие. В таком «притягивании за уши» старых ошибок Покровского виделся способ скрыть собственные упущения. После этого Карпенко призывал собравшихся не идти на ненужную конфронтацию: «Нам не нужно обострение отношений с московскими товарищами, а совместная и дружеская с ними работа»²²¹. Карпенко вторил З.Н. Гуревич. Он высказал следующее соображение по поводу обвинений Яворского в адрес Покровского, что тот следовал «формально-классовому методу»: «Те-

²¹⁸ Там же. С. 269–272.

²¹⁹ Дискусія з приводу схеми історії М. Яворського. С. 284–289, 297–302.

²²⁰ Там же. С. 224.

²²¹ Там же. С. 273–274.

²¹⁶ Касьянов Г.В. Академік М.І. Яворський. С. 82.

²¹⁷ Дискусія з приводу схеми історії М. Яворського. С. 269–272.

зы М.И. Яворского определяют метод М.Н. Покровского как „формально-классовый метод“... Позвольте, между прочим, быть немного нескромным и отметить, что со стороны т. Яворского это надо рассматривать как „расплату“ с т. Гориным. Тов. Горин употребляет в своей рецензии на книжку тов. Яворского термин „формально-националистический метод“, а т. Яворский, отвечая, признает его метод, и не столько его, сколько М.Н. Покровского, как „формально-классовый метод“²²². М.А. Рубач четко обозначил, что дискуссия пошла «неправильным путем», а Яворский, реагируя на рецензию П.О. Горина, в «полемическом азарте» несправедливо пошел против Покровского²²³. Мысль Рубача в некоторой степени развил М.И. Мебель, заявив, что проблема выстраивания нормальных взаимоотношений между украинскими историками-марксистами и коллегами во главе с Покровским сводилась к негативной позиции самого Яворского, «...(к несчастью, разделяемой большей частью здесь присутствующих) по отношению к коммунистам-историкам, работающим в столице СССР, в Москве, по отношению к товарищам, которых Яворский называет „Московской школой“»²²⁴. М.С. Волин беспокоился по поводу «опасного симптома», когда историки выстраивают искусственные барьеры между собой: «Если, например, иногда слышишь такую постановку: „По какую сторону баррикады ты, т. е. ты с Харьковом или Москвой?“. Когда баррикады строятся по линии Харьков–Москва, а не по линии марксистской историографии и буржуазной». Этим «вредным настроениям и тенденциям» Яворский не дал решительного отпора в своем выступлении²²⁵.

Со стороны только этих историков-марксистов звучали критические замечания по поводу схемы М.И. Яворского, давался разбор его положений. Основное внимание уделялось оценке Яворским движущих сил революций на Украине в 1905 и 1917 гг., где признавалась роль местного пролетариата и степень влияния российского рабочего движения. Наиболее обстоятельно разбор схемы Яворского был дан М.А. Рубачем, который отметил ее «не большевистский» характер, близкий к концепции эсеров. При

этом из выступления Рубача не следовало, что следует отменять работы Яворского и ставить крест на его карьере. Яворский являлся типичным «эклектиком», в его сочинениях было немало сюжетов, которые «по-большевистски характеризуют его работу». Взгляды Яворского на украинскую историю XVIII — первой половины XIX в. оценивались «в основном правильными», а следовательно, при наличии ошибок «эти работы отбрасывать не стоило». «Неправильная позиция» проявила себя в описании сюжетов за вторую половину XIX — начала XX в.²²⁶ По этой причине Яворскому следовало публично признать и исправить имевшиеся ошибки и искажения, которые Рубач сформулировал в пяти пунктах. В первую очередь Яворскому настоятельно рекомендовалось отказаться от признания проблемы создания самостоятельной украинской державы, как ключевого периода буржуазно-демократической революции, национальный вопрос следовало трактовать как «чрезвычайно важный, но подчиненный классовой социально-экономической борьбе», а главной проблемой являлась земельно-крестьянская, которую решил пролетариат. После этого следовало окончательно отбросить теорию «двукуркульства»²²⁷, признать ее вредной — как проявление народническо-эсэровской идеологии. Следующим шагом было признание ошибочными следующих положений: выпячивание украинской буржуазии в качестве «движущей силы буржуазно-демократической революции» и революционной роли Центральной рады (особенно, в плане уничтожения основ феодального строя в производстве). И наконец, Яворский должен был признать, что недостаточно осветил роль Советов рабочих депутатов и рабочего движения в 1917 г., а также принизил значение пролетариата как движущей силы революции с самого ее начала, т. е. с февраля, а затем в своих сочинениях «установить более правильную пропорцию в подлинном освещении национального и рабочего движений и социально-экономических проблем»²²⁸. Затем на последнем заседании — 28 мая — Рубач в своем заключительном слове усилил свою критику, заявив, что на имеющейся схеме Яворского невоз-

²²² Дискусія з приводу схеми історії М. Яворського. С. 290.

²²³ Там же. С. 304.

²²⁴ Дискусія з приводу схеми історії М. Яворського (промови т.т. Гехтмана, Мебеля, Фріда, Карпенка, Картінкової та Воліна) // Літопис революції. 1930. № 3–4(42–43). С. 186.

²²⁵ Там же. С. 229.

²²⁶ Дискусія з приводу схеми історії М. Яворського // Літопис революції. 1930. № 2(41). С. 302–314, 314–325.

²²⁷ Т. е. признания наличия в среде крестьянства двух разных групп с разными политическими платформами.

²²⁸ Дискусія з приводу схеми історії М. Яворського. С. 326.

можно воспитать молодое поколение историков-марксистов, а его текущий статус (заведующий кафедрой истории Украины ВУАН) мешает бороться с псевдомарксизмом в республике, из-за чего, по сути дела, была развернута «правая платформа на историческом фронте». Выступление привело к обмену грубостями с Яворским, но, несмотря на это, Рубач не отрицал возможности для исправления своего оппонента. Яворскому следовало как можно быстрее признать свои ошибки и их исправить. При этом, как отмечали публикаторы стенограммы, сторонниками Яворского якобы распространялся слух, что выступление Рубача было частью кампании по смещению историка-марксиста с заведования кафедрой²²⁹.

Как видно, критики Яворского основное внимание уделяли его оценке движущих сил революций 1905 и 1917 гг. на Украине — предполагаемому принижению роли местного пролетариата и российского рабочего движения. М.А. Рубач и вовсе упрекнул Яворского в том, что его идеи близки к эсеровским! При этом взгляды Яворского на украинскую историю XVIII — первой половины XIX в. оценивались «в основном правильно», а следовательно, при наличии ошибок (которые Яворскому следовало признать и исправить), «эти работы отбрасывать не стоило». Такая позиция Рубача привела к обмену грубостями с Яворским. Как отмечали публикаторы стенограммы, сторонниками Яворского распространялся слух, что выступление Рубача было частью кампании по смещению Яворского с заведования кафедрой истории Украины УИМЛ.

В подтверждение своей мысли сошлемся на специальную записку М.А. Рубача, подготовленную в конце 1929 г. по следам А.А. Хвыле (Хвыле-Олинтеру), заведовавшего в 1928–1933 гг. отделом агитации и пропаганды при ЦК КП(б)У. Местное партийное руководство было озабочено выработкой правильной линии по отношению к своему главному историку-марксисту. Рубач, как главный критик Яворского, утверждал в своей записке, что «Яворский имеет определенные заслуги в борьбе с Грушевским (он вытеснил учебник Грушевского своим небольшевистским учебником, но, безусловно, лучшим для нас, чем труды Грушевского)». При всех заслугах у Яворского было неверное понимание движущих сил ре-

²²⁹ Дискусія з приводу схеми історії М. Яворського (Промоватов. Свідзінського, довідка тов. Яворського, промови т.т. Городецької, десянка, Сухино-Хоменка, Фріда Д., Редіна; довідки т.т. шпунта, Карпенка, Рубача, Сухино-Хоменка, десняка) // Літопис революції. 1930. № 5(44). 319–322.

волюции, из-за чего «развернулась правая платформа на историческом фронте». Несмотря на это, Яворского следовало сохранить как «историка-коммуниста», но не затушевывая его ошибки²³⁰.

Вероятно, под влиянием записи к ситуации с М.И. Яворским подключился и главный его покровитель — Н.А. Скрыпник. Разбор ошибок Яворского, сделанный Скрыпником, был опубликован тоже только весной 1930 г. в «Большевике Украины» (политико-экономический журнал ЦК КП(б)У). Согласно сведениям Ю.И. Шапovala, с содержанием будущей статьи Скрыпник ознакомил Яворского в августе 1929 г., надеясь на то, что без публичной огласки он признается в выявленных ошибках и внесет необходимые исправления. Насколько можно судить, первым шагом на этом пути стало публичное покаяние Яворского, сделанное в начале сентября на страницах газеты «Коммунист» (печатный орган ЦК и Харьковского окружкома КП(б)У). Важным следствием данного шага стала работа над внесением необходимых правок в новое издание учебника «Истории Украины», что было обещано в статье и сделано в начале 1930 г., когда переработанный вариант учебника отправился в издательство. Своебразным напоминанием Яворскому стало постановление бюро Харьковского горкома КП(б)У по поводу организации УИМЛ, где повторялись прежние настоятельные рекомендации о признании собственных ошибок и необходимости их исправления в новой редакции учебника по истории Украины²³¹. Публичное покаяние М.И. Яворского, вероятно, могло быть воспринято в качестве сигнала к продолжению критики его взглядов на историю Украины, и прежде всего, революционных событий. Этот сигнал уловили несколько человек.

Сначала осенью 1929 г. на страницах «Большевика Украины» появляется статья В.И. Сухино-Хоменко, в которой недавний защитник Яворского аккуратно указывал на преувеличение «национальной проблемы» в классовой борьбе. Затем в конце года на страницах того же журнала выступил М.А. Рубач, повторив свои прежние замечания по поводу характера революции 1905 г. и ее движущих сил. При этом на тексты Рубача надо смотреть двояко. Несмотря на жесткий характер его публичной критики, Рубача сложно назвать политическим «киллером» для Яворского

²³⁰ Пиріг Р.Я. Життя Михайла Грушевського. С. 95–96.

²³¹ Касьянов Г.В. Академік М.І. Яворський. С. 84; Шаповал Ю.І. Україна 20–50-х: сторінки ненаписаної історії. Київ: Наукова думка, 1993. С. 91–92.

после подготовленной записи на имя А.А. Хвыли. После статьи Рубача выходит рецензия Т.Т. Скубицкого на «Историю Украины в сжатом очерке» 1929 г., представлявшую по своему содержанию школьный учебник. Им был дан обстоятельный разбор упущений, сделанных Яворским, применительно к событиям второй половины XVII в. По мысли Скубицкого, Яворский повторял ошибки «мелкобуржуазных, националистически настроенных украинских историков», которые идеализировали социальные порядки запорожских казаков. На страницах его учебника крестьянские массы стремились к созданию «бесклассового общества», а гетман И.М. Брюховецкий и вовсе выступал в качестве «настоящего коммуниста», которому благодаря беднейшим слоям (голоте) удалось национализировать предприятие, а также уничтожить все привилегии и частную собственность. При этом критика давалась с опорой на работы М.Н. Покровского: «М. Яворский, преподнося на страницах своего учебника такую чепуху, не удосужился просмотреть II том русской истории М.Н. Покровского, где дана правильная марксистская оценка этого движения». Затем Яворского упрекнули в недостаточном (беглом) освещении деятельности партии большевиков на Украине в сравнении с «мелкобуржуазными и буржуазными национальными партиями». Подводя итоги, Скубицкий отметил, что «основные недостатки книги т. Яворского заключаются в том, что история Украины рассматривается как самобытный процесс. Национальный вопрос, выглядящий у Яворского как фактор, доминирующий над классовой борьбой, затмил ее подлинный смысл»²³². По поводу Скубицкого также следует пояснить, что это был не просто некий украинский историк, присоединившийся к критике Яворского. Скубицкий являлся учеником видного казаковеда Д.И. Яворницкого, а с лета 1926 и по середину 1930 г. обучался и работал (с некоторыми перерывами) в Институте красной профессуры в Москве, где специализировался по истории рабочего движения на Днепровском заводе и промышленности юга Украины. Научную работу Скубицкого в институте оценивали крайне положительно²³³.

Что же касается П.О. Горина, то перед тем, как его критические статьи увидели свет в январе 1930 г., ему пришлось дать

²³² Скубицкий Т.М. Яворський Історія України в стилому нарисі. Державне видавництво України, 1929, с. 345. М. Яворский. История Украины в сжатом очерке Гос. изд. Украины, 1929, с. 345 // Историк-марксист. С. 282–283, 285.

²³³ АРАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 65. Л. 1–16, 21–22, 24, 90.

публичное объяснение по поводу обвинений в троцкизме со стороны М.И. Яворского. В конце 1929 г. в одном номере с рецензией Т.Т. Скубицкого было опубликовано письмо за авторством Горина. По словам последнего, изначально письмо предназначалось для публикации в украинском журнале «Прапор марксизму», куда и было отправлено, но Горин посчитал необходимым опубликовать его и в «Историке-марксисте», т. к. дискуссия с Яворским вышла «за пределы украинского вопроса». Горин утверждал, что в своей рецензии на книгу Яворского в «Правде» вскрыл «основные методологические ошибки автора», не отмечая при этом «обилие фактических ошибок..., касающихся дат и различных исторических фактов», все свои наблюдения подкрепив необходимыми ссылками на источники. Горин обращал внимание на «недопустимо-тенденциозную форму ответа» своего оппонента, который не чурался определенного рода подтасовок, «спекулируя национальными моментами». Таким способом Яворский стремился «замазать сущность наших разногласий» по поводу движущих сил революции. Горин оправдывался по поводу незаслуженных обвинений в троцкизме, потаканию меньшевикам и осуждении национальных движений как контрреволюционных. В качестве аргументов в свою пользу он ссылался на опубликованную полемику с Л.Д. Троцким, что «в значительной мере предохранило бы М. Яворского от „неловкости“». Затем он «категорически протестовал против попыток Яворского... присписать нам всякие нелепости, являющиеся исключительно плодом его богатой фантазии», упрекая своего оппонента в том, что из него, «белорусса и политэмигранта Зап. Белоруссии», сделали «руссотяпа» (т. е. русского националиста). Только после сделанных публичных объяснений Горин позволил себе в конце письма сделать резкий выпад по адресу редакции «Прапора марксизму» и самого Яворского. Редакции журнала досталось за то, что она допустила этот текст к публикации, не разобравшись в его содержании или доверяя полностью ее автору, породив мысли о вероятной солидарности с позицией Яворского. Украинский же историк маркировался как автор «не большевистской книги», которая «является историческим обоснованием национал-правого уклона»²³⁴.

²³⁴ Горин. П. Письмо в редакцию // Историк-марксист. 1929. № 12. С. 334–335.

Во второй половине января 1930 г. выходят сразу две статьи П.О. Горина в изданиях высших партийных органов — журнале «Большевик» и газете «Известия». Журナルная статья представляла собой не просто дальнейшее развитие критики взглядов М.И. Яворского «о роли пролетариата», а и публичным высказыванием по отношению ко всей марксистской исторической науке на Украине. Насколько можно судить по названию статьи, Горин подготовил свои замечания в преддверии будущей Всеукраинской конференции историков-марксистов. Горин утверждал, что все проблемы марксистской исторической науки на Украине заключались в «недостаточном разоблачении» «illusorий реакционных, мелкобуржуазных историков» вроде М.С. Грушевского и В.К. Винниченко, из-за чего продолжали воспроизводиться ошибочные трактовки событий и ошибки. Выбор Яворского в качестве главного объекта для критики был продиктован тем, что «по его учебникам, рекомендованным Наркомпросом Украины, учатся сотни тысяч школьников», он являлся «руководителем двух основных научных учреждений: кафедр истории Украины при Украинском институте марксизма и Украинской Академии наук». Горин подчеркивал, что «ряд работ и учебников по истории Украины... поражают обилием ошибочных положений», их также следует рассматривать «как попытку приспособления схемы Грушевского и Винниченко к марксистской схеме истории Украины»²³⁵. Далее менторским тоном Горин подробно перечислял ключевые упущения Яворского, который «не хочет признавать последовательно и до конца своих ошибок». Из позитивного отмечалось, что «грубейшие ошибки» Яворского «правильно разоблачили» украинские историки-марксисты в ходе упоминавшейся дискуссии по поводу схемы истории Украины, и поэтому «тяжелая борьба украинских товарищей, отягощенная вдобавок еще и сильными пережитками великодержавного и местного национализма» не собьет их «с верного ленинского пути». В конце статьи выражалась надежда на то, что имеющиеся ошибки будут ликвидированы на предстоящей конференции украинских историков-марксистов²³⁶. По сравнению с журналь-

ной статьей в газетной заметке Яворскому было уделено гораздо меньше места. Он был одним из трех исследователей (наряду с И.А. Теодоровичем и С.М. Дубровским), которые в своей «идеализации „мелкого производителя“» являлись примером «непонимания основных положений марксизма»²³⁷.

Таким образом, в публичной критике М.И. Яворского П.О. Горин являлся не главным/ключевым оппонентом украинского историка. При этом даже самые жесткие оппоненты Яворского (М.А. Рубач) не стремились исключить его из научного сообщества, ожидая лишь публичного покаяния. Обсуждение схемы истории Украины Яворского показало, что среди украинских историков у него было достаточно сторонников, способных обратить острие критики против самого М.Н. Покровского. В этом можно видеть признание заслуг и влияния Яворского на марксистскую историческую науку на Украине. Яворский рассматривался скорее как заложник обстоятельств, который из-за недостаточной методологической подкованности допустил концептуальные упущения в понимании революционных событий на Украине. Сделанные им упущения (поправимые!) создали тенденцию для развития «правого уклона» в украинской историографии, а не ассоциировались с личностью Яворского или простиекали из его сознательной (вредительской) деятельности. Публично к критике Яворского не подключилась ни одна значимая политическая фигура в СССР или другие заинтересованные чиновники. Примечательно, что Яворский, несмотря на критику, сохранял статус признанного эксперта. Он выступал на страницах тех же «Известий» по поводу притеснения в Польше украинской культуры, отправлял телеграмму М.Н. Покровскому с приглашением на Всеукраинскую конференцию историков-марксистов, сообщая, что она «назначена на конец октября» 1930 г.²³⁸

Однако январь 1930 г. стал тем месяцем, с которого начались трагические испытания для Яворского. Все началось с того, что бывшая супруга Яворского — София — обратилась в один из районных судов Харькова с требованием выплаты алиментов на двух его дочерей. Со слов Яворской выходило, что как только рос-

²³⁵ Горин П. О роли пролетариата в революционном движении Украины // Большевик. 1930. № 1. С. 43, 44.

²³⁶ Там же. С. 45–52.

²³⁷ Горин П. Классовая борьба в СССР и современная историческая наука // Известия. 1930. № 23. С. 4.

²³⁸ Против удушения украинской культуры польским фашизмом. Протест академиков УССР // Известия. 1930. № 8. С. 1; АРАН. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 306. Л. 1.

сийская императорская армия оставила Галицию в 1916 г., ее муж оказался в рядах германской армии в разведке (группа генерала А. фон Линзингена), в 1918 г. появившись на Украине в чине «поручика (оберлейтенанта)» и став «австрийским атташе при дворе гетмана Скоропадского». Называя бывшего мужа «ретивым гетманцем», Яворская сообщала, что у нее сохранились «многочисленные фотографии и письма того времени; по словам Н.Д. Полонской-Василенко, Яворская действительно «приложила фото, на котором М.И. Яворский был действительно в форме жандарма в свите гетмана Павла Скоропадского»²³⁹. Начавшаяся в 1919 г. «украинско-польская война» в Галиции заставила Яворского вступить в ряды армии Западно-Украинской народной Республики в чине «сотника полевой жандармерии» и прервать контакты со своей семьей. Яворская не могла поверить, что ее муж стал коммунистом²⁴⁰. Таким образом, подтверждались слухи о сомнительном прошлом Яворского, ходившие среди украинской интеллигенции с середины 1920-х гг.²⁴¹ Любопытно отметить, что в 1930 г. ГПУ УССР были зафиксированы слухи, что за этой акцией мог стоять академик М.С. Грушевский²⁴².

ПОПЫТКА КАМПАНИИ ПРОТИВ М.И. ЯВОРСКОГО («ЯВОРЩИНЫ») В ФЕВРАЛЕ — МАРТЕ 1930 Г.

Уже 26 января 1930 г. по поручению главы украинских коммунистов С. В. Косиора копия заявления С. Яворской была расслана членам и кандидатам в члены ЦК КП(б)У. Яворский был вынужден оправдываться — 4 февраля он адресовал Косиору записку, называя заявления бывшей жены «злонамеренным враньем» и категорически отрицая факт службы офицером разведки (Яворский объяснял, что был всего лишь переводчиком при австрий-

²³⁹ Полонська-Василенко Н. Українська академія наук (нарис історії). Ч. I (1918—1930). Мюнхен: Б\и., 1955. С. 65—66; Ч. II (1931—1941). Мюнхен: Б\и., 1958. С. 19.

²⁴⁰ Шаповал Ю.І. Україна 20—50-х років сторінки неаписаної історії. Київ, 1993. С. 92—93; Санцевич А.В. М.І. Яворський: нарис життя та творчості. Київ, 1995. С. 46—47.

²⁴¹ Єфремов С. Щоденники, 1923—1929. Київ, 1997. С. 185.

²⁴² Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський: Справа «УНЦ» і останні роки (1931—1934). Київ: Критика, 1999. С. 125.

ском связном штаба А. фон Линзингена). Оправдание не помогло: в этом же месяце Яворский был исключен из партии. 13 февраля было принято решение, чтобы он «немедленно отказался от звания члена Президиума ВУАН», а уже 17-го числа его уволили. После этого он написал заявление в ЦК КП(б)У, сообщая о своем раскаянии в том, что «замолчал перед партией свое прошлое», признавал справедливым случившееся «суровое осуждение» и выражал готовность «принять и большую кару»²⁴³.

С февраля 1930 г. начинает развертываться публичная критика Яворского. 14 февраля 1930 г. в печатном органе КП(б)У «Коммунист» появилась статья В. Фувера²⁴⁴ «Отрывки из одной биографии». Здесь Яворский представлял верным подданным австрийского императора Франца Иосифа I, боровшимся за целостность империи «офицером австрийской контрразведки», «шефом жандармерии галицийской армии», участником карательных экспедиций против крестьян. После победы советской власти Яворский, ловко скрыв свое прошлое, нашел «тихий уголок в научной сфере», где построил вполне успешную карьеру. Автор настаивал на том, что Яворский должен быть «немедленно выкинут из партии», которую следовало и дальше очищать от подобных прилипших к ней «комьев грязи»²⁴⁵. 27 февраля вышла статья историка И. Гехтмана, недавнего участника дискуссий по схеме Яворского. Ее содержание было посвящено разбору сборника статей Яворского «На историческом фронте». Гехтман критиковал взгляды Яворского на революционный процесс на Украине, подчеркивая: после «открытия новых биографических данных» о Яворском (правда, Гехтман не сообщал, что это за данные) развеяны последние сомнения в том, что автор лишь прикидывается марксистом. Завершался текст статьи призывом «нешадно раскрывая социальную суть яворщины, консолидировать молодые силы действи-

²⁴³ Шаповал Ю.І. Україна 20—50-х років сторінки неаписаної історії. С. 93, 94; Санцевич А.В. М.І. Яворський. С. 49.

²⁴⁴ Возможно, в фамилии допущена опечатка, и автором был В.Я. Фурер — известный украинский коммунист, яркий публицист, в 1925—1927 гг. заведующий сектором печати ЦК КП(б)У, в 1928—1930 гг. находившийся на нелегальной работе в Польше; позднее — партийный руководитель донбасской Горловки. (Лысенков Н.А. «Моя болезнь, болезнь потерять доверие партии, почти неизлечима»: Предсмертное письмо В.Я. Фурера в ЦК и МК ВКП(б). 1936 г.// Исторический архив. 2015. № 6. С. 106.)

²⁴⁵ Фувер В. Уривки з одної біографії // Комуніст. 1930. № 44(3038). С. 3.

тельно марксистских историков для создания ленинской истории Украины»²⁴⁶. Таким образом в публичное пространство было запущено и понятие (яворщина), должное объяснить правильную линию по отношению к работам Яворского.

12 марта был опубликован уже целый блок статей, касающихся чисток научных рядов от враждебных элементов. В нем были помещены анонимная статья и резолюция общего собрания Украинского общества историков-марксистов от 22 февраля 1930 г. Здесь говорилось, что «яворщина» являлась одним из примеров проникновения враждебных элементов в ряды партии и научных организаций, наряду с делом СВУ и чистками кадров в УИМЛ. Идейные черты «яворщины» заключались в «выхолащивании революционной сути исторической науки, идеализации мелкой буржуазии, восхвалении кулака, приписывании ему революционных черт, сознательном затушевывании руководящей революционной роли пролетариата и его партии». Самому Яворскому давалась следующая характеристика: «авантюрист, королевский офицер и носитель чуждой пролетариату идеологии»²⁴⁷. Также давалось обещание «развернуть борьбу с „яворщиной“, как враждебной системы взглядов, что оказала влияние на некоторые круги, решительно разоблачая ошибки товарищей, что в той или иной мере разделяют отдельные взгляды М.И. Яворского» — к ним были отнесены В.И. Сухино-Хоменко, М.И. Свидзинский. Случившийся сеанс публичной самокритики подчеркивался признанием ошибочности осуждения рецензии П.О. Горина на Яворского в феврале 1929 г.²⁴⁸

Последовала реакция столичных изданий. 1 марта 1930 г. критическая заметка, вышедшая в «Правде», сообщила о результатах чистки в УИМЛ. Согласно этому тексту, Яворский был не простым «шкурником», а «политическим аферистом», который «прокрался» на руководящие посты в институте и академии. При этом осторожно замечалось, что порицание должны заслужить и те, кто «пытается использовать дело Яворского для опорочки украян-

²⁴⁶ Гехтман І. Викрити соціальну суть яворщини (з приводу книжки М. Яворського «На історичному фронті») // Комуніст. 1930. № 57(3051). С. 5.

²⁴⁷ Н.Н. Очистимо наукові лави від випадкови, чужих та ворожих пролетарській ідеології елементів: мобілізујмо Марксівсько-Ленінські наукові сили на боротьбу з буржуазними та націоналістичними течіями в українській історичній науці // Комуніст. 1930. № 70(3064). С. 3.

²⁴⁸ Резолюція загальних зборів українського т-ва «Історик-марксист» з 22.ІІ.1930 року // Комуніст. 1930. № 70(3064). С. 3.

ских партійних кадров». В тот же день была подготовлена резолюция коллегии Института истории Комакадемии за авторством М.Н. Покровского (директор) и П.О. Горина (ученый секретарь). Авторы выражали «негодование по поводу того факта, что, будучи политическим проходимцем, М. Яворский прикрывался именем члена КП(б)У, осуществляя идеологическое вредительство и дискредитируя историческую науку Украины». Специальный акцент делался на том, что дело Яворского стало результатом «отсутствия большевистской самокритики», хотя это и «ни в коей мере не может бросить тень на всех историков-марксистов Украины и Коммунистическую партию Украины»²⁴⁹. 3 марта резолюцию опубликовали в «Известиях»²⁵⁰, поместив там же отдельную статью Горина. Под пером Горина Яворский превратился в «убежденного монархиста» (сторонника гетмана П.П. Скоропадского); обосновывая этот тезис, Горин ссылался на письма, якобы принадлежавшие Яворскому. Горин приходил к выводу, что Яворский, «ловко спекулируя на нашей национальной политике», любые попытки критики своих работ трактовал «как вылазки великодержавного шовинизма, как непонимание национального вопроса и т. д.», а украинский Наркомпрос своим «формальным отношением» повторствовал «яворщине». Заключение статьи намекало на продолжение кампании: «Мы, конечно, менее всего склонны думать, что разоблачение яворщины уже закончено»²⁵¹.

Действительно, кампания против «яворщины» набирала обороты. 19 марта 1930 г. была подготовлена резолюция Общего собрания Общества историков-марксистов, развивавшая положения резолюции Института истории Комакадемии. Оказалось, что Яворский целенаправленно «фальсифицировал марксистскую историческую науку Украины» и что исключение Яворского из рядов партии вовсе не устранило «опасность национал-шовинистических тенденций, развиваемых его последователями в украинской историографии». Авторы резолюции выражали уверенность в том, что местные историки-марксисты под руководством коммунистов Украины сумеют «быстро и успешно лик-

²⁴⁹ АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 141. Л. 8–9.

²⁵⁰ Резолюция, вынесенная коллегией Института истории Коммунистической академии по делу М. Яворского // Известия. 1930. № 61(3908). С. 4.

²⁵¹ Горин П. Классовая борьба в СССР и современная историческая наука // Известия. 1930. № 23. С. 4.

видировать следы и результаты идеологического вредительства Яворского», а затем в ходе совместной работы «поведут успешную борьбу с ревизионистами, разоблачая как национал-демократические, так и великодержавные тенденции в исторической литературе СССР»²⁵². Свою оценку делу Яворского дал и партколлектив УИМЛ — принятая 6 марта резолюция этого коллектива под заглавием «Об яворщине» увидела свет на страницах «Известий» 12 апреля. «Яворщину» здесь аттестовали как «контрреволюционный заговор небольшой кучки обанкротившихся буржуазных украинских интеллигентов», ставший фактом «идеологического вредительства». Подчеркивалось, что надо бороться не только с Яворским, но и с его наследием, проявившимся «в ряде ошибок отдельных товарищей, ранее активно поддерживающих историческую схему Яворского».

Но еще раньше, 6 апреля²⁵³, в «Правде» было напечатано письмо главы КП(б)У С.В. Косиора. Свое позднее включение в дискуссию вождь украинских большевиков объяснил расчетом на то, что коллегия Института истории Комакадемии «поймет свою ошибку и сама каким-либо путем исправит ее». Косиор заявлял, что обсуждение «спорных вопросов истории Украины» — это нормальная ситуация, и упрекнул «товарищей из института истории» в неверном понимании ситуации. Он объяснял, что «неверно расценивать дело Яворского как идеологическое вредительство»: из партии Яворский был исключен «не за свои ошибки в истории, а за сокрытие своего темного прошлого». Ошибки же, имевшиеся в работах Яворского, всегда рассматривались партией как поправимые, а некоторые из них и вовсе не имели к нему отношения. С нескрываемым раздражением Косиор обрушился на Покровского и Горина за то, что они «снисходительно отнеслись к КП(б)У в оценке ее работы в связи с делом М. Яворского», и призвал «ученных товарищ из Комакадемии» не поучать украинских коммунистов «своими странными выступлениями»²⁵⁴.

²⁵² АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 141. Л. 4, 5; Резолюции, принятые на общем собрании Общества историков-марксистов от 19.III-30 г. // Историк-марксист. 1930. № 15. С. 167–168.

²⁵³ Согласно сведениям Ю.И. Шаповалы и В. Пристайко, письмо было подготовлено 23 марта 1930 г.: *Пристайко В., Шаповал Ю.* Михайло Грушевський: Справа «УНЦ» і останні роки (1931–1934). Київ: КРИТИКА, 1999. С. 124–125.

²⁵⁴ Косиор С. Письмо в редакцию // Правда. 1930. № 95. С. 6.

Таким образом, начавшаяся было публичная кампания против М. И. Яворского была остановлена руководителями КП(б)У. В неприятной ситуации оказалось руководство УИМЛ, чья резолюция появилась в печати 12 апреля и прямо противоречила выступлению Косиора. Институту пришлось готовить новую резолюцию — ее текст, принятый 4 мая, был опубликован в журнале «Прапор марксизму» рядом с перепечаткой письма Косиора на украинском языке. Здесь сообщалось, что 6 марта коллективом УИМЛ была дана «неверная оценка вредительских концепций Яворского, как „идеологического вредительства“», что главную роль в исключении Яворского из партии сыграло «открытие темного прошлого». Новая резолюция также критиковала «товарищей из Института Комакадемии» за попытку противопоставить УИМЛ и ЦК КП(б)У²⁵⁵.

Московские историки продолжали попытки атаковать М.И. Яворского. Летом 1930 г. с развернутой критикой работ и схемы Яворского вновь выступил Т. Т. Скубицкий, сделавший также выпад против наркомпроса УССР и «некоторых наших партийных органов», которые продвигали и поддерживали Яворского²⁵⁶. Но уже 30 октября 1930 г. Совет Украинского общества историков-марксистов принял резолюцию с осуждением статьи Скубицкого, в которой имелся ряд «политически ошибочных утверждений в отношении борьбы, какая велась на Украине как против яворщины, так и против волобуевщины». Скубицкому пришлось извиняться. А в новой резолюции от 6–7 ноября 1930 г. была дана и резкая критика взглядов Покровского на украинскую историю, высказываний Горина о недостаточных усилиях в борьбе с украинским национализмом и «яворщиной»²⁵⁷.

Финал трагедии М.И. Яворского

В конце марта 1930 г. Яворский покинул Украину и отправился с семьей в Ленинград — «в долгий отпуск», как об этом он сообщал секретарю Киевского окружкома КП(б)У, добавляя, что «больше-

²⁵⁵ Резолюція партколективу УІМЛ від 4 травня 1930 р. // Прапор марксизму. 1930. № 3. С. 154.

²⁵⁶ Скубицкий Т. Классовая борьба в украинской исторической литературе // Историк-марксист. 1930. № 17. С. 27–38, 39–40.

²⁵⁷ АРАН. Ф. 1759. Оп. 1. Д. 13. Л. 124–128, 130, 131, 133.

виком быть не перестанет никогда», как бы его ни дискредитировали в прессе²⁵⁸. Очевидно, он надеялся пережить разразившуюся бурю в своей ленинградской квартире на улице Надеждинской²⁵⁹. Однако в начале осени 1930 г. ОГПУ начало масштабную операцию против бывших царских офицеров на службе советской власти, которая затем перекинулась и на УССР (операция «Весна»). Самым известным среди арестованных в республике считается «военрук киевских вузов» В. А. Ольдерогге, якобы возглавлявший украинскую ячейку «военно-офицерской контрреволюционной организации»²⁶⁰. 15 января 1931 г. в рамках этой операции был арестован Г.И. Коссак, военрук Днепропетровского химического института — когда-то он служил офицером австро-венгерской армии, являлся командиром одного из полков Легиона украинских сечевых стрельцов, эмигрировал, но в середине 1920-х гг. вернулся в СССР. В ходе допросов Коссак заявил (или ему подсказали?), что он является членом контрреволюционной организации во главе с академиком М. С. Грушевским, а также перечислил завербованных им лиц, назвав в их числе и Яворского²⁶¹. Дело «Украинской военной организации» (УВО) оказалось затем связано с делом «Украинского национального центра» (УНЦ), по которому главным фигурантом проходил Грушевский. В документах следствия УВО превратилась в военизированное крыло УНЦ, а ее руководителями были названы Яворский и Коссак. А через Коссака и Ольдерогге УНЦ оказалась связана и с российской «военно-офицерской контрреволюционной организацией»²⁶².

10 марта 1931 г. Яворский был арестован и отправлен в Харьков. В рамках объединенного дела УНЦ/УВО 7 февраля 1932 г. его осудили на шесть лет заключения в Соловецком лагере особого

²⁵⁸ Шаповал Ю.І. Україна 20–50-х років сторінки неаписаної історії. Київ, 1993. С. 95]

²⁵⁹ Державний архів Харківської області, м. Харків (Государственный архив Харьковской области) (далее – ДАХО). Ф. Р-6452. Оп. 2. Спр. 2353. Арк. 112.

²⁶⁰ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. Екатеринбург: Листок, 2021. С. 144–150.

²⁶¹ ДАХО. Ф. Р-6452. Оп. 4. Спр. 1317. Арк. 19, 20, 135–139.

²⁶² «Совершенно секретно»: Лубянка–Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. документов в 10 томах. Т. 10 (1932–1934 гг.) / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. Ч. 2. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 540, 556–559; Остання адреса: Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках: в 2 т. Т. 1. Київ: «Сфера», 2003. С. 69–72, 132; Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський: Справа «УНЦ». С. 198–225, 229.

назначения²⁶³. По имеющимся сведениям, в лагере он сдружился со своим «доносителем» Г.И. Коссаком. В августе 1933 г. Яворского пытались склонить к даче показаний, компрометировавших его бывшего патрона — Н.А. Скрыпника, — но он отказался. Лагерная агентура докладывала о том, что сам Яворский винил в своих злоключениях «великодержавника» Покровского, отомстившего Яворскому и его соратникам за то, что те отставали подлинную историю Украины, где «руssкие угнетали украинцев», а не «жили дружно»²⁶⁴. В одной из его характеристик от 1 июня 1936 г. отмечалось: «За время пребывания в БЛАГ з/к Яворский проявлял себя с отрицательной стороны, неоднократно нарушая лаграспорядок, объявляя голодовки, группирует вокруг себя контрреволюционный элемент, является убежденным националистом, контрреволюционно настроенным против всех мероприятий партии и правительства. Проходит по агентурной разработке „Злостные“, является одним из руководителей контрреволюционной группировки». 3 ноября 1937 г. Яворский был расстрелян²⁶⁵.

История падения М.И. Яворского, предстающая как череда случайностей и совпадений, привела к трансформации идеиной полемики в кампанию травли, за которой последовали арест и физическая гибель. В 1929 г. Яворский был лидером украинских историков-марксистов, имевший прочные позиции для ведения агрессивной полемики со своими оппонентами. Яворский и его коллеги мастерски использовали дискурсивные особенности того времени: на упреки в «буржуазном национализме» и «правом уклоне» они отвечали обвинениями в «великодержавном шовинизме» и троцкизме. Не только у Горина, но и у Покровского не было административных возможностей, чтобы начать травлю Яворского; впрочем, они к этому и не стремились до марта 1930 г. С другой стороны, конфликт разгорелся и внутри самого сообщества историков-марксистов УССР. Яворскому, очевидно, предстояло признать свои ошибки и исправить их.

²⁶³ ДАХО. Ф. Р-6452. Оп. 2. Спр. 2353. Арк. 112; Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський: Справа «УНЦ». С. 126.

²⁶⁴ Остання адреса: Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках: в 2 т. Т. 2. Київ: Сфера, 2003. С. 491–492, 493–494, 507, 509, 511–512.

²⁶⁵ Остання адреса: Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках: в 2 т. Т. 2. С. 515–516; Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський: Справа «УНЦ». С. 128.

Все изменилось после февраля 1930 г., когда идеяная дискуссия переросла в кампанию травли, погубившей карьеру Яворского. Крах карьеры Яворского оказался результатом вскрывшихся фактов его биографии, которые автоматически лишали ученого покровительства со стороны КП(б)У. Ситуация с Яворским не вписывалась ни в одну из идеологических кампаний того времени и была полной неожиданностью для местной партийной верхушки. Для обозначения случившегося было придумано специальное понятие — «яворщина». С февраля 1930 г. развернулась кампания против Яворского и «яворщины», причем застрельщиками выступили украинские ученые, к которым спустя некоторое время присоединились и москвичи. Между ними развернулась некоторая полемика по поводу публичной трактовки данного явления. Но даже в этой ситуации партийное руководство УССР погасило кампанию, дав остротку историкам-марксистам из Москвы и заставив руководство УИМЛ публично изменить свою позицию по «яворщине».

Возможно, это дало бы Яворскому возможность пережить лихолетье 1930-х гг., но на его беду случилась операция «Весна», изначально направленная против бывших офицеров царской армии. В ходе следственных мероприятий на Украине к делу оказались привлечены люди, давшие показания на Яворского (Г.И. Коссак). Наступил последний этап падения Яворского — за крахом карьеры последовали арест, тюремное заключение и смертная казнь. Конечно, этапы падения были связаны между собой, однако это не была жесткая каузальная связь. Скорее, трагические перипетии судьбы Яворского следует расценивать как роковую случайность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1920–1930-е гг. в истории советской исторической науки стали временем экспериментов по созданию нового (советского) исторического нарратива. Они привели к кардинальному пересмотру (с марксистских позиций) исторического прошлого СССР, включая истории народов, вошедших в состав советского государства. Долгое время считалось, что этот пересмотр отразился и на трактовке национальных историй. Сначала речь шла о необходимости вписать национальные истории в единый и непротиворечивый советский нарратив, а затем — внести в него положительные

(русскоцентричные) смыслы о прошлом народов СССР в составе Российской империи. История формирования украинского исторического нарратива и дискуссии вокруг его содержания демонстрируют совершенно иную картину.

В основе советского нарратива по истории Украины лежали работы М.С. Грушевского — живого воплощения «буржуазного национализма» в исторической науке. Легитимация и адаптация научного наследия Грушевского в СССР стала возможна благодаря признанию Грушевского еще в дореволюционной России. Этому способствовали историки, придерживавшиеся разных политических взглядов (А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов, Н.Д. Чечулин, Д.А. Корсаков). Критические замечания относительно трактовки древнерусской истории, генезиса украинской народности или полноты изложения истории «казацкого государства» (Гетманщины) XVII–XVIII вв. утонули в сонме хвалебных отзывов. Практически никто не видит откровенной негативизации и политизации истории русско-украинских отношений, замешанной на откровенной расовой теории. Русскоязычные труды Грушевского обретают статус серьезных исторических исследований, хотя они и являлись продолжением его политических текстов. По большому счету, единственной силой, старавшейся хоть как-то помешать продвижению Грушевского, являлись русофилы Киева, которых сметет пламя революции и Гражданской войны. На момент краха Российской империи в отечественной историографии не было сколько-нибудь сложившейся традиции критики работ Грушевского. Абсолютно вне критики оказались сюжеты, связанные с историей «казацкого государства», заложенного Б.М. Хмельницким (1648–1764), на примере которого выводились исторические травмы украинского народа, а затем и политические претензии к российской стороне. Свою роль сыграла неразработанность истории управления данным регионом в составе Российского государства, из-за чего возникало доверие к сомнительным фактам и априорное признание факта угнетения украинского народа. По этой причине вокруг истории украинской казацкой государственности стало выстраиваться ядро украинского национального нарратива.

С утверждением советской власти академическая карьера Грушевского получила новый важный импульс. В рамках советской академической науки историк продолжил легально трансли-

ровать прежние политические взгляды, базирующиеся на спорных трактовках прошлого русско-украинских отношений. Возможности для этого были гораздо шире, нежели в Российской империи. В СССР Грушевский оказался без достойных конкурентов/оппонентов. Стараниями советской власти и органов госбезопасности из общественной жизни УССР политически и физически были исключены те представители украинской интеллигенции, что придерживались альтернативных (русофильских) взглядов и выступали против Грушевского. Более того, в рамках усиления украинизации советское правительство будет потворствовать массовой миграции украинцев из-за границы, включая польской Галиции. Советское правительство, опираясь на национальные кадры против старых, каждый раз получало национально-ориентированную интеллигенцию.

В УССР Грушевскому удалось занять заметные академические посты и получить серьезные ресурсы влияния. Важную роль в этом процессе играл журнал «Украина», печатный орган Исторической секции ВУАН, подконтрольный Грушевскому. В своих редакторских статьях и заметках им излагалось единственно правильное толкование событий и ключевых деятелей украинской истории. Теоретически, классовый анализ и экономический материализм, проповедуемый советскими историками, должны были заострить внимание на принципиальных лакунах, характерных в освещении украинской истории — отсутствие подсчетов и статистических выкладок, должных проиллюстрировать дискриминационную политику России по отношению к Украине (налоги, экономическая сегрегация, эксплуатация земельного фонда, демографические потери). На примере работ лидеров историков-марксистов СССР и Украины (М.Н. Покровский и М.И. Яворский) мы наблюдаем концептуальное и содержательное единство. В их текстах произошла (национал-)марксистская адаптация политизированного нарратива М.С. Грушевского. В итоге при описании истории русско-украинских отношений XVII–XVIII вв. советский читатель получал отчасти беллетристизированный рассказ о национальном угнетении украинского народа русским. Советская (марксистская) историческая наука оказалась неспособна на разработку альтернативного украинского нарратива, кроме как изложения истории позднеимперского периода, революций и Гражданской войны. Затем подобная ситуация усугубится на институциональном уров-

не. Переосмыслия прошлое Российского государства, советская историческая наука не смогла выйти за пределы политизированного украинского нарратива.

С середины 1930-х гг. окончательно устанавливается довольно четкая специализация историков в изучении украинской истории: ею должны были заниматься, прежде всего, историки, трудингишиеся в местных учреждениях (Академия наук, НИИ, вузы, музеи). Это не исключало возможности отдельным специалистам, не работавшим в УССР, заниматься какими-то сюжетами из их истории. Однако на институциональном уровне даже в Москве и Ленинграде не было институций, созданных специально для изучения истории Украинской ССР. По этой причине, несмотря на чистки национальной интеллигенции, устранение М.С. Грушевского и М.И. Яворского, послевоенные дискуссии об учебниках по истории Украины²⁶⁶ последующие генерации историков УССР продолжили воспроизводить негативную и политизированную схему русско-украинских отношений, не стремясь закрыть очевидные лакуны, связанные с историей управления Украиной в составе Российского государства. Последствия подобного академического разделения дали о себе знать после распада СССР в 1991 г. Российская историческая наука столкнулась с тем, что хотя сюжеты из украинской истории занимали немаловажное место для понимания истории и судьбы Российского государства, специалистов в России, которые бы специально занимались историей Украины, оказалось совсем немного. Учебные курсы и обобщающие работы, появившиеся в современной России и в которых описывалась история Украины, явили дальнейшее развитие концепции Грушевского, сдобренное многочисленными новыми ошибками и выдумками²⁶⁷.

²⁶⁶ См.: Лазарев Я.А. «А эксперты кто?»: 300-летие «воссоединения» Украины с Россией в советской исторической политике середины 1950-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, № 4(114). Сидорова Л.А. «Краткий курс истории Украины» в контексте советской исторической науки конца 1940-х гг. // Былые годы. 2012. № 2 (24). С. 48–53; Lazarev Ya. Party Political Course and Ukrainian History in the USSR // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8, No. 5. P. 1769–1784.

²⁶⁷ Киселев М.А., Лазарев Я.А. Гетманская Украина XVIII в. в современных учебных курсах по истории России: критические заметки // Историк и гражданин: сборник научных работ по истории России позднего Средневековья и Нового времени к 85-летию В. А. Артамонова. М.: Фонд «Русские Витязи», 2025. С. 280–295.

Глава 13

СОВЕТСКОЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЕ 1920-х – 1930-х гг.: ИНСТИТУТЫ, ЛЮДИ, ИДЕИ

С.Б. Манышев

Российское кавказоведение, начавшее складываться еще в XVIII в., переживало множество взлетов и падений. Первые представители академической науки, оказавшиеся в регионе, пытались комплексно подойти к его описанию: их интересовали флора и фауна, местные языки, они старались зафиксировать все то, что казалось им интересным. Сочинения И.А. Гильденштедта, С.Г. Гмелина, И.П. Фалька и многих других российских ученых до сих пор остаются важными источниками для изучения региона. Им на смену пришли российские военные, чья исследовательская программа выстраивалась в соответствии с задачами военного времени: прокладкой дорог, иной инфраструктуры, необходимой для успешного ведения боевых действий. Завоевание региона принесло возможность для систематического изучения Кавказа: были созданы самые разнообразные научные общества, которые занимались всесторонним исследованием региона. Ученые пытались создать историю планомерного завоевания этой территории, описывали ее этнографическое и языковое разнообразие. Подобные мероприятия продолжались до начала Первой мировой войны¹. Но последовавшие революция и Гражданская война привели к слому сложившейся системы, а ей на смену очень скоро пришли советские органы, которые пытались обозначить свой разрыв (часто мнимый) со всем, что было сделано в предшествующее время.

¹ Подробнее см.: Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011; Колесовская Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. М.: Каллиграф, 2015.

Развитие кавказоведения в ранний советский период в той или иной степени становилось объектом внимания историков, однако они ограничивались рассмотрением его развития в отдельных национальных автономиях, не пытаясь свести воедино и выявить общие закономерности².

1. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СОВЕТСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ: ОТ КРАЕВЕДЕНИЯ К НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ ИНСТИТУТАМ

Первые десятилетия Советской власти во многом заложили основы изучения регионов бывшей Российской империи. На смену кабинетным историкам из основных университетских центров пришли ученые, которые были готовы выезжать в многодневные экспедиции в отдаленные районы страны. Так было и на Северном Кавказе в первой половине 1920-х гг. Несколько позднее, когда здесь были созданы вузы, появилась возможность организовать региональные научно-исследовательские институты, которые должны были изучать историю и культуру в границах той или иной административно-территориальной единицы. Не была обойдена кавказская тематика и в исследованиях центральных научных учреждений.

Вместе с тем постепенно происходил процесс осмысливания истории в новых, марксистских рамках³. Предполагалось рассматривать любые выступления против Российской империи как звенья одной цепи, приведшие в итоге к установлению Советской власти, так как «без правильного анализа колониальной эксплуатации горцев царизмом нельзя понять своеобразия предпосылок Октябрьской революции у горских народов Северного Кавказа»⁴.

² Исключение составляет коллективная работа, вышедшая в начале 1990-х гг., в которой авторы постарались подвести некоторые итоги изучения Кавказа в советской этнографии. См.: Страницы отечественного кавказоведения / Отв. ред. Н.Г. Волкова. М.: Наука, 1992.

³ Подробнее см.: Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. М.: [ИРИ РАН], 2014. С. 65–75.

⁴ Лихницкий Н., Покровский Н. Против великодержавного шовинизма в изучении истории горского национально-освободительного движения // Историк-марксист. 1934. № 2 (36). С. 99.

1.1. Экспедиционное изучение региона

Экспедиционные выезды ученых на Кавказ начались в 1920 г. Причем руководили ими самые разнообразные организации при участии местных краеведческих и музеиных институций⁵. Уже в 1920 и 1921 гг. под руководством языковеда Н.Ф. Яковлева были произведены экспедиции в Кабарду и Ингушетию, полностью профинансируемые этими автономиями⁶. Среди их участников можно выделить впоследствии известного кавказоведа Е.М. Шиллинга, местного краеведа В.П. Пожидаева, а также ингушского языковеда З.К. Мальсагова⁷.

Первая экспедиция носила во многом разведывательный характер: было намечено знакомство с казачьим населением Терской области и их соседями кабардинцами и ингушами. Поездка продолжалась пять месяцев с середины августа 1920 г. по середину января 1921 г. Экспедиция была чрезвычайно плохо подготовлена как в плане оборудования, так и ее состава, а условия работы были чрезвычайно тяжелы. «Участникам поездки приходилось ездить в вагоне-теплушке... Несколько раз переживать похищение вагона, отвоевывать новый, простоявть по несколько суток на узловых станциях, подвергаться кражам, хворать». Как отмечал руководитель экспедиции, из пяти месяцев едва ли два ушло на научную работу⁸.

Экспедиция 1920 г. была комплексной, предполагалось изучение особенностей исторического развития народов Северного Кавказа, духовной и материальной культуры⁹. В Ингушетии были записаны образцы обычноправовых норм, а также обряды, сопровождавшие похороны, рождение ребенка, свадьбы, примирения кровников и вызывания дождя¹⁰.

⁵ Подробнее см.: Страницы отечественного кавказоведения... С. 9–21.

⁶ Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее — ЦГА РД). Ф. Р-168. Оп. 3. Д. 14. Л. 136.

⁷ ЦГА РД. Ф. Р-168. Оп. 5. Д. 19. Л. 119.

⁸ Там же. Л. 119, 119 об.

⁹ Тетради с полевыми записями из этой экспедиции см.: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 820. Карт. 2. Д. 5. К результатам этой поездки следует отнести и монографию, посвященную ингушам, см.: Яковлев Н. Ингushi. Популярный очерк. М.; Л.: Государственное изд-во, 1925.

¹⁰ ЦГА РД. Ф. Р-168. Оп. 5. Д. 19. Л. 120.

Отдельные отряды этой большой экспедиции в первой половине 1920-х гг. работали в разных частях Северного Кавказа: в 1921–1922 гг. началось изучение труднодоступных горных регионов, в которых проживали карачаевцы и балкарцы. Уже в этот год организация экспедиции была существенно лучше, так как имелась фотоаппаратура и фонографы для записи образцов фольклора¹¹.

В 1923 г. на средства Совнаркома ДАССР была организована этнолого-лингвистическая и художественно-археологическая экспедиция Центрального института востоковедения и Всероссийской научной ассоциации востоковедения, которую возглавлял профессор Н.Ф. Яковлев. В ее состав также входили Н.М. Бакланов, А.С. Башкиров и Л.И. Жирков. Они посетили часть аварских районов, где изучили и описали ряд археологических и архитектурных памятников. В этом году были произведены обмеры средневекового христианского Датунского храма, сняты эстампы с элементов каменного декора, произведены обмеры домов и иных построек, зарисованы башенные сооружения, собран материал по диалектам аварского языка, их грамматике, фонетике, а также сделано более 250 натурных фото¹². Работа экспедиции была признана успешной, поэтому было принято решение о ее продолжении и в следующем году на средства Дагестанского экономического совета. Также предполагалось, что материалы будут изданы, а все собранные коллекции — переданы в собственность Дагестанскому музею¹³.

В начале 1924 г. Совнарком ДАССР ходатайствовал о создании в Москве специального научного учреждения под руководством профессора Н.Ф. Яковлева для организации комплексного изучения истории и культуры горских народов Дагестана¹⁴. И хотя этого не произошло, в 1924 г. существенно расширилась территория, на которой работали сотрудники экспедиции: Е.М. Шиллинг занялся изучением аваро-андо-цеэских народов¹⁵, а другие члены

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 150. Л. 97, 98.

¹² ЦГА РД. Ф. Р-168. Оп. 3. Д. 14. Л. 104.

¹³ Там же. Л. 106.

¹⁴ Там же. Л. 137.

¹⁵ Там же. Л. 138.

обратили свое внимание на историю аула Кубачи, где было произведено детальное изучение местных промыслов¹⁶.

В том же году члены архитектурной секции экспедиции посетили Дербент, где были произведены обмеры городских ворот и составлен план кладбища Кырхляр. Всего было выполнено 48 чертежей, а также схематически зарисованы наиболее интересные образцы народной архитектуры селения Кубачи. Экспедицией было вывезено из горных районов 22 каменные плиты с рельефами, относящимися к разным эпохам, а также коллекции предметов быта и местного художественно-кустарного производства¹⁷.

Весной и в начале лета 1924 г. экспедиция также посетила Адыго-Черкесскую автономную область¹⁸. Несколько иной план работы был предусмотрен здесь: предполагалось, что к концу работы будет разработана новая графика для черкесского языка. Но сотрудниками также производились обмеры традиционных адыгейских жилищ и замеры сельскохозяйственных орудий¹⁹.

В Чеченской автономной области, помимо вопросов языкоznания, которые больше всего интересовали местные власти, члены экспедиции занимались изучением памятников архитектуры, а также раскопками на городище Фарази-кэл. Важным оставался и сбор экспонатов для формирования коллекции местного музея²⁰.

По результатам каждого подобного выезда члены экспедиции готовили доклады, с которыми выступали на заседаниях Яфетического института и Российской академии истории материальной культуры²¹. Кроме того, их популярное изложение помешалось в местной прессе²².

Академик Н.Я. Марр, характеризуя первые годы деятельности экспедиции, высоко оценивал материалы, собранные в результате археологических разведок и изучения архитектуры, и указывал, что получен «первоклассный материал как по быту современно-

¹⁶ Яковлев Н.Ф. О работах этнолого-лингвистической экспедиции 1924 г. // Дагестанский сборник. Т. III. Махачкала: [б.и.], 1927. С. 228.

¹⁷ ЦГА РД. Ф. Р-168. Оп. 5. Д. 19. Л. 113, 114.

¹⁸ Там же. Оп. 3. Д. 14. Л. 140.

¹⁹ Там же. Оп. 5. Д. 19. Л. 115, 116.

²⁰ Там же. Оп. 3. Д. 14. Л. 142.

²¹ Там же. Л. 133.

²² Яковлев Н.Ф. О работах этнолого-лингвистической экспедиции... С. 228.

го населения в анализе своеобразного типа его древних и жилых построек, так и по вещественным памятникам далекого прошлого²³. Только в Дагестане в первой половине 1920-х гг. экспедициями было обследовано и взято на учет более 150 памятников старины²⁴.

Новое административно-территориальное деление Северного Кавказа требовало более пристального изучения отдельных его народов. Например, в ноябре 1921 г. было принято решение о присоединении к Дагестанской АССР ногайцев и караногайцев, проживавших до революции в Терской области²⁵. И с этого момента вплоть до передачи территории в состав Орджоникидзевского края в 1938 г. Карангай находился в составе Дагестана.

На протяжении первой половины 1920-х гг. по заданию Дагестанского института национальной культуры в районы проживания ногайцев направлялись комплексные экспедиции для исследования различных сторон жизни общества²⁶. В частности, известный просветитель А.-Х.Ш. Джанибеков вспоминал впоследствии, что в 1926 г. по предложению директора института Д.М. Павлова в течение двух месяцев он собирал фольклор и материалы для ногайско-русского словаря по специальной программе²⁷. В 1928–1929 гг. исследование различных групп ногайцев по заданию Дагестанского Совнаркома предпринял студент Московского института востоковедения И.Т. Мутенин, но удалось ему далеко не все из-за отсутствия финансирования²⁸.

А.-Х.Ш. Джанибеков подготовил очерки по истории ногайцев, которые в основном базируются на устной традиции и немногочисленных местных письменных источниках, которые были ему доступны²⁹. И.Т. Мутенин же сконцентрировал свое внима-

²³ ЦГА РД. Ф. Р-168. Оп. 3. Д. 14. Л. 133 об.

²⁴ Там же. Л. 104.

²⁵ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 79. Л. 168.

²⁶ Там же. Ф. Р-168. Оп. 11. Д. 37. Л. 4.

²⁷ Джанибеков А.-Х.Ш. Мое жизнеописание. Педагогическая и краеведческая деятельность // Джанибеков А.-Х.Ш. Сокровищница слов / Под ред. Н.Х. Суюновой. М.: Наука, 2019. С. 447.

²⁸ Научный архив и рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА РФ ИИАЭ ДФИЦ РАН). Ф. 5. Оп. 1. Д. 67. Л. 91.

²⁹ Джанибеков А.-Х.Ш. Материалы к истории Дагестана по разделу ногайских регионов // Джанибеков А.-Х.Ш. Сокровищница слов / Под ред. Н.Х. Суюновой. М.: Наука, 2019. С. 454–484.

ние на этнографии и фольклоре группы ачикулакских ногайцев, составив достаточно интересное их описание и записав образцы устного народного творчества³⁰. А последним приставом караногайского народа Ф.И. Капельгородским был создан полновесный очерк истории и культуры караногайцев³¹.

Одной из наиболее крупных экспедиций конца рассматриваемого периода стала Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея 1936–1937 гг. Одной из главных задач, по словам А.Б. Закс, «было ознакомление с бывшей резиденцией Шамиля, находившейся в четырех верстах от селения Ведено»³². Маршрут экспедиции был построен так, чтобы охватить наиболее значимые районы Чечни и Дагестана, находившиеся под властью имама во второй четверти XIX в., — Веденский, Хунзахский и Гунибский районы. В состав экспедиции помимо ее руководителя А.Б. Закс входили Е.И. Крупнов, В.И. Изгачев, Ф.Я. Мишуков, а также несколько человек от Дагестанского музея. За два выезда сотрудникам исторического музея удалось собрать 70 документов на арабском языке, треть из которых исходила от имама Шамиля и охватывала вторую половину 1840-х — начало 1860-х гг.³³ Кроме того, были приобретены несколько так называемых «орденов Шамиля» — знаков отличия, которые были введены имамом в начале 1840-х гг.³⁴, а также предметы быта, которые вышли из употребления, в частности, в Дагестане было куплено более 30 деревянных резных вещей³⁵.

Полевые работы, проводившиеся на Северном Кавказе в рассматриваемый период, имели несколько задач. С одной стороны, это фиксация того, что можно назвать «ухудшающейся натурой», особенно это касается музейных экспедиций, которые снаряжались для сбора исторического материала для пополнения экспозиций.

³⁰ НА РФ ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 67. Л. 1–85.

³¹ ЦГА РД. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1568. Л. 68.

³² Закс А. В гостях у имама. Вождь в повседневной жизни // Родина. 1994. № 3–4. С. 14.

³³ Закс А.Б. Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея 1936–1937 гг. // Труды Государственного исторического музея. Вып. XV: Сб. ст. по истории СССР XIX в. / Под ред. Г.А. Новицкого, Г.Л. Малицкого. М.: Изд-е Государственного исторического музея, 1941. С. 151–152.

³⁴ Там же. С. 155.

³⁵ Там же. С. 184.

С другой стороны, комплексность проводившихся исследований, их системность даже в первой половине 1920-х гг. заложили основы качественного изучения самых разных сторон истории и культуры региона.

1.2. Музеи и охрана памятников старины

Определенную роль в изучении Северного Кавказа сыграли и музеи, так как часто именно они становились базой в экспедиционной работе ученых и их краеведческих начинаниях.

Старейшим учреждением региона был и остается по сей день музей в городе Владикавказе, который был создан в конце XIX в. при областном статистическом комитете. Уже в 1918 г. он был передан в ведение наркомпроса³⁶. Именно этот музей располагал наиболее крупной коллекцией, в которой было сосредоточено большое число предметов эпохи Кавказской войны, в том числе переписка имама Шамиля, внушительной была археологическая коллекция, а также небольшая коллекция предметов искусства. Но музею не хватало средств на организацию проведения систематических исследований, а также для печати научных трудов сотрудников³⁷.

Несколько иначе складывалась ситуация в других регионах Северного Кавказа. К примеру, уже в 1921 г. возникла идея создания музея в Нальчике, в котором были бы собраны предметы повседневного быта. Спустя 5 лет после своего открытия, несмотря на недостаточное финансирование, в музее было собрано более 7700 экспонатов. Причем главной его задачей, помимо культурно-просветительской, было всестороннее изучение края как в его прошлом, так и в настоящем³⁸.

Вопрос о создании музея в Дагестане возник в первой половине 1920-х гг., и первоначально вся работа была сосредоточена

³⁶ Культурное строительство в Северной Осетии: Сб. документов и материалов. Т. I: 1917–1941 гг. / Сост. Л.Д. Бирюкова, С.Д. Кулов, Э.М. Мецаев и др. Орджоникидзе: Ир, 1974. С. 221.

³⁷ Семенов Л.П. Государственный научный музей гор. Владикавказа при Северо-Кавказском институте краеведения. Краткий очерк истории и деятельности музея. Владикавказ: [б.и.], 1925. С. 7–8, 15.

³⁸ Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1918–1941 гг.): Сб. документов и материалов. Т. II / Сост. В.И. Горбатовская, Л.Б. Татарокова, Д.В. Шабаев. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 42–43.

в стенах архивного управления, которое возглавлял известный историк П.Л. Юдин. Но очень скоро стала очевидной необходимость выделения этой работы, и ее возглавил известный краевед Д.М. Павлов³⁹. Им была предложена схема организации музея, который должен был стать по своему типу краеведческим с художественным отделом. Вся работа музея должна была строиться в тесном сотрудничестве с создавшимися в это же время научно-исследовательским институтом в Махачкале. Также при музее предполагалось организовать вспомогательный архив и библиотеку⁴⁰.

В апреле 1925 г. в Махачкале состоялось открытие Дагестанского музея, экспозицию которого составили переданные в республику коллекции живописи и кавказского оружия из курского имения князя А.И. Барятинского, а также бывшего Военно-исторического музея в Тифлисе. Впоследствии в Дагестан были переданы полотна на кавказскую тематику из Эрмитажа⁴¹.

В 1926 г. в Грозном был создан областной музей в составе художественного и краеведческого отделов. Среди первостепенных его задач было издание исторических материалов о Чечне и народных легенд⁴². Помимо пополнения фондов музея из центра, производились и закупки экспонатов у местного населения. Первый заведующий музеем Б. Скилотти приобрел у местных жителей около 70 документов периода Кавказской войны, представляющих собой переписку эпохи имамата Шамиля. В этот же период формировалась и научная библиотека музея, пополнявшаяся редкими изданиями по истории Кавказа⁴³.

³⁹ Подробнее о нем см.: Лысенко Ю.М. Дмитрий Михайлович Павлов — первый директор Дагестанского научно-исследовательского института: штрихи к портрету // Вестник Дагестанского научного центра. 2012. № 44. С. 115–118.

⁴⁰ [Павлов Д.М.] Схема организации Дагестанского музея. Пятигорск: [б.и.], [1924]. С. 8–12.

⁴¹ Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920 — июнь 1941 г.): Сб. документов и материалов / Сост. В.Д. Дериглазова, А.Т. Морозова, М.А. Шахов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1979. С. 187–188.

⁴² Культурное строительство в Дагестанской АССР: Сб. документов. Т. I: 1918–1941 гг. / Сост. Г.Д. Коган, С.И. Юсупова. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1980. С. 70.

⁴³ Пономарева И.З. Из истории Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Вып. XI / Отв. ред. Ф.И. Кудусова. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1975. С. 7, 8.

Уже в начале 1920-х гг. на Северном Кавказе был поставлен вопрос об охране памятников старины. В соответствии с распоряжением председателя Дагестанского ревкома Н.П. Самурского предписывалось сохранять и не допускать разрушения остатков древних сооружений, в том числе и мечетей. В том случае, если при проведении земляных работ обнаруживались какие бы то ни было случайные находки, их предписывалось сдавать Секции охраны памятников искусств и старины подотдела искусств отдела просвещения с точным указанием места находки. Пытаясь сохранить лучшие образцы кустарной промышленности от разграбления, запрещались продажа и вывоз за пределы республики образцов оружия, предметов домашнего обихода, старинных книг. Кроме того, запрещалось самостоятельное проведение раскопок и реставрационных работ на территории Дагестана⁴⁴.

Аналогичное письмо было составлено и Кабардинским окружным исполнкомом в марте 1921 г. В нем указывалось на необходимость «внушить населению, что следует относиться к таким памятникам старины с должным уважением и ни в коем случае не содействовать их разрушению, наоборот, препятствовать такому всяческими способами, вплоть до ареста виновных, которые позволяют себе разрушать такие памятники древности»⁴⁵. Кроме того, окружным отделом народного образования была поставлена задача по составлению перечня памятников, их состояния и информации о тех, которые могли быть подвержены разрушению, а среди населения предполагалось организовать сбор всех старинных предметов для помещения их в будущей музейной экспозиции⁴⁶.

На музейные комитеты, создававшиеся в автономных республиках при наркомпросах в первой половине 1920-х гг., ложилось бремя ответственности за сохранение памятников природы, истории и культуры регионов. Первоначально эта деятельность не дала каких-то результатов. Однако увеличение числа музеев на Северном Кавказе привело к тому, что уже к середине 1920-х гг. удалось наладить относительно систематическую работу⁴⁷.

⁴⁴ ЦГА РД. Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 2. Л. 7.

⁴⁵ Культурное строительство в Кабардино-Балкарии... Т. II. С. 30.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Дагестанский музейный комитет // Дагестанский музей. Бюллетень. 1924. № 1. С. 11.

Особое внимание уделялось разграблению курганов и иных захоронений: воспрещался их снос, а исследование разрешалось лишь при наличии открытых листов, выдававшихся Главнаукой⁴⁸. Такое положение дел было связано с началом планомерного археологического изучения Кавказа. Здесь работал искусствовед А.С. Башкиров, исследовавший дербентскую крепость Нарын-кала, а также ряд поселений в Южном Дагестане, а в 1929 г. И.А. Орбели и К.В. Тревер занимались изучением курганов в окрестностях Хасавюрта⁴⁹. Уже в первой половине 1920-х гг. начала свою деятельность Северо-Кавказская Государственная академия истории материальной культуры под руководством А.А. Миллера, которой были исследованы несколько курганов эпохи бронзы в районе Нальчика, изучены археологические коллекции в местных музеях, а отряд под руководством А.А. Иессена занимался обследованием соседних областей⁵⁰.

Отдельного внимания удостоились памятники города Дербента. Впоследствии ленинградский археолог М.И. Артамонов констатировал: «Историческое значение Дербента воплощено в его замечательных архитектурных памятниках, которые не могли полностью уничтожить ни время, ни люди. Несмотря на отсутствие постоянной заботы об их охране, дербентские стены до сих пор высятся, возбуждая удивление своей грандиозностью и мощью»⁵¹.

В ноябре 1928 г. было принято специальное постановление ЦИК ДАССР, которое предусматривало принятие под охрану цитадели Нарын-кала, городских стен на всем их протяжении, кладбища Кырхляр, памятников на других кладбищах, землянки императора Петра Великого, дома, в котором жил в ссылке писатель-декабрист А.А. Бестужев-Марлинский. При этом отмечалось, что полный перечень памятников должен составить Дагестанский музей. В соответствии с решением дагестанского правительства все указанные памятники должны были поддержи-

⁴⁸ Культурное строительство в Кабардино-Балкарии... Т. II. С. 41.

⁴⁹ Подробнее см.: Давудов О.М. История археологического изучения Дагестана. Махачкала: Алеф, 2018. С. 22–30.

⁵⁰ Фоменко В.А., Тубаев М.А. История археологических исследований на территории Кабардино-Балкарии в довоенный период (20-е — начало 40-х гг. XX в.) // Общество: философия, история, культура. 2019. № 11 (67). С. 73–74.

⁵¹ Артамонов М.И. Древний Дербент. (Предварительное сообщение) // Советская археология. 1946. № 8. С. 121.

ваться в полной сохранности, а наблюдение за ними возлагалось на Дербентский исполком и городской совет. Кроме того, поручалось Совнаркому выделить средства для поддержания указанных сооружений в должном виде и последующей их реставрации⁵². Особое внимание привлекает тот факт, что охране подлежали и объекты, связанные с имперской историей, которую не очень жаловали в ранний советский период.

К концу рассматриваемого периода, когда был накоплен большой объем предметов старины, местные совнаркомы начали принимать постановления об их учете и полном описании с указанием значения тех или иных памятников для истории и культуры региона. И, как и прежде, констатировалось, что необходимо строго контролировать состояние последних, не допускать их разрушения и организовывать охрану в случае необходимости⁵³.

Стоит заметить, что научная работа музеев во многом была тесно связана с их непосредственной деятельностью по экспонированию тех или иных предметов, хотя на первом этапе деятельности они и являлись базой организации научного изучения Северного Кавказа.

1.3. Краеведческая работа

Период 1920-х гг. стал «золотым десятилетием» краеведения, когда число краеведческих организаций достигло 2000, и более двух сотен выпускали свои издания⁵⁴. Именно краеведение на не-продолжительное время на Северном Кавказе фактически стало двигателем научной работы: местные энтузиасты со специальным образованием и без него принимались за исследование археологических памятников и особенностей быта, устраивали экспедиции по сбору исторического материала и фольклора в горах.

Одной из первых краеведческих организаций на Северном Кавказе стало Осетинское историко-филологическое общество при Осетинской учительской семинарии, основанное в 1919 г. во Владикавказе. Первоначально его создатели планировали сосре-

⁵² ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 99. Л. 92–93.

⁵³ Культурное строительство в Чечено-Ингушетии... С. 205–206.

⁵⁴ Подробнее см.: Шмидт С.О. Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Шмидт С.О. Пути историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: [РГГУ], 1997. С. 153–166.

доточиться лишь на собирании народной словесности, однако очень скоро было признано, что такое «сужение задач Общества может отразиться неблагоприятно на деятельности его»⁵⁵.

Б.А. Алборов впоследствии вспоминал: «В 1919 г. я явился одним из инициаторов и организаторов первой среди горцев научной организации — Осетинского историко-филологического общества. Мной был разработан вариант устава общества (другой предложен был Дзагуровым) и доложен 25 апреля того же года в совете Осетинской учительской семинарии, где и положено начало существования общества»⁵⁶.

Именно тогда среди целей общества были обозначены сбор и охрана памятников старины, их научное описание, классификация и издание. К таким материалам были отнесены «памятники осетинской словесности, языка, обычного права, археологии». Для достижения этих целей предполагалось проводить научно-популярные чтения, печатать популярные брошюры и книги на русском и осетинском языках, издавать собственный журнал и многое другое⁵⁷.

При обществе действовала библиотека, в которой было собрано большинство наиболее ценных работ по осетиноведению, а также собрание рукописей, среди которых были неизданные нартовские сказания, а также произведения К. Хетагурова⁵⁸.

Но отсутствие средств препятствовало издательской деятельности общества: в 1922 г. его члены обращались в Народный комиссариат просвещения РСФСР с просьбой выделить деньги для издания журнала «Вестник Осетинского историко-филологического общества», публикации собранных материалов народного творчества, пополнения библиотеки иных нужд⁵⁹.

На заседаниях общества заслушивались доклады его членов, среди которых можно выделить, например, сообщение Г.А. Дзагурова «Роль Кундухова и Лорис-Меликова в переселении горцев в Турцию по архивным материалам», так как именно в это

⁵⁵ Канукова З.В. Осетинское историко-филологическое общество // Известия СОИГСИ. 2007. № 1 (4). С. 147.

⁵⁶ [Алборов Б.А.] Автобиографические материалы // Историко-филологический архив. 2007. № 6. С. 19

⁵⁷ Из протоколов Историко-филологического общества и Института краеведения // Историко-филологический архив. 2007. № 6. С. 37.

⁵⁸ Канукова З.В. Указ. соч. С. 151.

⁵⁹ Культурное строительство в Северной Осетии... С. 182.

время его автор занимался подготовкой к печати соответствующего сборника документов. К нему тематически примыкает доклад И.А. Канукова «Чем вызвано переселение осетин в Турцию в 60-х гг. XIX в.». Кроме того, об истории собирания осетинского фольклора был сделан доклад П.Т. Константинова⁶⁰.

Уже в первый год своего существования в состав общества вошли 77 человек, председателем его правления был избран филолог Б.А. Алборов, а секретарем — архивист Г.А. Дзагуров⁶¹. Однако оно всячески пыталось установить связь с корреспондентами на местах, которые были заинтересованы в краеведческой работе, для чего предполагалось разработать и разослать программы сбора материалов, обязать всех учителей записывать образцы фольклора, а также организовать филиалы общества⁶².

В 1922 г. было организовано Кабардино-Балкарское общество краеведения, в состав которого вошло 35 человек. В течение первого года своей работы оно лишь один раз собралось для обсуждения научных проблем⁶³. Его председателем В.П. Христиановичем были изданы две брошюры — «Древние греки на Северном Кавказе» и «Из прошлого Кабарды и Балкарии»⁶⁴.

Как отмечал В.П. Христианович спустя год после образования общества, «ввиду абсолютного отсутствия средств деятельность общества замерла»⁶⁵. Однако уже во второй половине 1920-х гг. это учреждение имело в своем составе три секции — историко-этнографическую, экономическую и естественно-историческую, а также экскурсионное бюро. Помимо этого, в крупных селах имелись ячейки общества, для работы которых были разработаны специальные методические материалы⁶⁶.

В созданном в 1924 г. в Нальчике в Ленинском учебном городке, в котором размещались совпартшкола, ряд техникумов и разнообразные курсы, направленные на подготовку националь-

⁶⁰ Канукова З.В. Указ. соч. С. 154, 155.

⁶¹ Из протоколов Историко-филологического общества и Института краеведения... С. 39.

⁶² Канукова З.В. Указ. соч. С. 176, 177.

⁶³ Культурное строительство в Кабардино-Балкарии... Т. II. С. 32.

⁶⁴ Сарахан Д.А. Библиография Кабарды и Балкарии. Нальчик: Тип. им. Революции 1905 г., 1930. С. 48.

⁶⁵ Культурное строительство в Кабардино-Балкарии... Т. II. С. 32.

⁶⁶ Ямпольский М.Л. Краеведческие учреждения на Северном Кавказе // Вопросы просвещения. 1927. № 3. С. 65.

ных кадров⁶⁷, также работал краеведческий кабинет. Он выполнял функции по исследованию местных условий края. Его возглавлял библиограф Д.А. Сарахан, которым было подготовлено единственное издание, вобравшее в себя информацию о работах по истории Кабарды и Балкарии⁶⁸. Однако в 1930 г. произошла реструктуризация кабинета: в связи с созданием Кабардино-Балкарского научно-исследовательского бюро экономики, культуры и краеведения к последнему перешли все функции, связанные с краеведческой работой, ему же передавалась вся библиотека кабинета. При этом признавалось необходимым привлечь к краеведческой работе педагогов и учащихся Ленинского учебного городка и «выделить кабинету аспирантов-националов на краеведческую работу»⁶⁹.

В 1924 г. в Дагестане был создан Совет обследования и изучения Дагестана, а в течение последующих трех лет развернута деятельность аналогичных обществ в Южном, Северном и Нагорном Дагестане, а также в Касумкентском и Ачикулакском районах⁷⁰. Один из инициаторов краеведческой и научной работы в республике, Д.М. Павлов, писал: «Научная работа должна быть коллективным творчеством и каждый, кто пожелает, может быть в той или иной мере науке полезным. Вопрос только в том, чтобы знать, за что, как приняться, и чтобы, чуждаясь всякого сомнения, взвешивая свои силы, не браться за то, что не может быть выполнено надлежащим образом»⁷¹.

В 1933 г. было создано Дагестанское бюро краеведения для содействия «планово-хозяйственным органам республики в деле изучения и планирования социалистического строительства». Целями организации были методическое руководство работой всех

⁶⁷ Подробнее о деятельности Ленинского учебного городка см.: Тхамокова И.Х. Ленинский учебный городок и модернизация культуры кабардинцев и балкарцев // Кавказология. 2019. № 4. С. 63–75.

⁶⁸ См.: Сарахан Д.А. Указ. соч.

⁶⁹ Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1918–1941 гг.): Сб. документов и материалов. Т. I: Народное образование в Кабардино-Балкарии / Сост. В.И. Горбатовская, Л.Б. Татарокова, Д.В. Шабаев. Нальчик: Эльбрус, 1980. С. 329.

⁷⁰ Список дагестанских учреждений и организаций, причастных к научно-исследовательской или обследовательской работе // Десять лет научных работ в Дагестане: Сб. / Под ред. Д.М. Павлова, А.А. Тахо-Годи. Махачкала: Типолит. изд-ва «Терек», 1928. Приложения. С. 1.

⁷¹ Павлов Д.М. Значение местных людей в деле изучения Дагестана. Махачкала: Изд-е Дагестанского музея, 1926. С. 5–6.

краеведческих организаций, их расширение и укрепление, соотнесение планов с хозяйственно-культурным строительством⁷².

Однако эффективность работы краеведческих ячеек в Дагестане оказалась крайне низкой, что неоднократно отмечалось республиканскими властями⁷³. Всего в республике к началу 1934 г. насчитывалось 189 краеведческих ячеек, в которых состояло 1787 человек⁷⁴.

В 1934 г. при республиканском наркомпросе было создано Общество изучения Дагестанской АССР⁷⁵. Его научно-исследовательская работа была сконцентрирована вокруг проблем изучения языков народов республики, сбора и систематизации материалов по вопросам этнографии и фольклористики, а также составления методических пособий об организации краеведческой работы⁷⁶. Однако в конце августа 1937 г. все структуры Общества изучения ДАССР были ликвидированы, а руководство краеведческой работой возложено на республиканский наркомпрос⁷⁷.

Ко второй половине 1920-х гг. в Чеченской автономной области получило достаточное развитие краеведческое движение: например, в 1927 г. при совпартшколе был организован специальный кабинет, который должен был заниматься изучением края⁷⁸.

В 1928 г. при Доме работников просвещения был создан Грозненский научный кружок, который возглавил преподаватель географии В.В. Власов. Работа кружка была разделена на 12 научных секций: общественных наук, литературы, математики, физики, краеведения, биологии, географии и астрономии, изобразительных искусств, педагогии и рефлексологии, школьной гигиены и проблем школьного строительства. Спустя полгода своего существования кружок приступил к реорганизации в Общество и вы-

⁷² ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 21. Л. 34, 35.

⁷³ Наука и высшая школа в Дагестане. Документы и материалы. Т. I: 1918 – июнь 1941 г. / Сост. Л.Г. Каймаразова, М.М. Амирханова. Махачкала: [ИИАЭ ДНЦ РАН], 2003. С. 164, 169.

⁷⁴ ЦГА РД. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

⁷⁵ Наука и высшая школа в Дагестане... С. 217.

⁷⁶ Там же. С. 270–271.

⁷⁷ ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 20. Д. 293. Л. 112.

⁷⁸ Культурное строительство в Чечено-Ингушетии... С. 81.

работке устава. Новая институция вобрала в себя и медицинский кружок, таким образом объединив более 100 членов⁷⁹.

Общество достаточно энергично взялось за организацию изучения Чеченской автономной области, в том числе ее истории и культуры. Уже летом 1929 г. в Горную Чечню были направлены отряды для сбора этнографического и археологического материала, а также исторических преданий о восстании 1877 г.⁸⁰, а среди задач на будущий год значилось «изучение истории Чечни в общем и по отдельным районам; изучение памятников старины и народного искусства»⁸¹. Однако большинство его членов были беспартийными, а его председатель, по выражению А.Г. Авторханова, «абсолютно невинным младенцем в политике». Так, при попытке расширить тематику исследований членов общества, В.В. Власов предложил к рассмотрению две темы — «Революционное разбойничество большевизма» и «Достижения и недостатки Советской власти»⁸².

В начале 1930 г. было принято решение о реорганизации Чеченского научного общества и создании Научно-исследовательского института краеведения имени 10-летия Советской власти, среди задач которого было изучение культуры, истории, быта и религии чеченцев, при этом отмечалось, что сотрудникам института не стоит замыкаться исключительно на академической тематике, а необходимо «вести жесткую борьбу за марксистско-ленинскую методологию»⁸³. Институт явился своеобразным воплощением идеи, высказанной еще в начале 1920-х гг., когда предлагалось некое специальное учреждение, занимающееся вопросами изучения языков народов Северного Кавказа, сбора образцов народной поэзии и исследования истории и быта⁸⁴.

⁷⁹ Грозненское научное общество. Грозный: Серло, 1929. С. 3–4, 19–21.

⁸⁰ Научные экспедиции Общества // Известия Научного общества Чеченской автономной области. 1929. № 1. С. 42.

⁸¹ План работ Научного общества Чеченской автономной области на 1929/30 год // Известия Научного общества Чеченской автономной области. 1929. № 1. С. 54.

⁸² Авторханов А. Мемуары. [Франкфурт-на-Майне]: Посев, 1983. С. 150.

⁸³ От вековой отсталости — к социализму. Осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии (1917–1941 гг.): Сб. документов и материалов / Сост. Е.А. Варавина, В.Д. Дериглазова, В.Л. Новикова, Т.В. Плещанова. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1977. С. 151.

⁸⁴ ЦГА РД. Ф. Р-168. Оп. 3. Д. 14. Л. 141.

Достаточное развитие краеведения в регионе в первой половине 1920-х гг. породило идею создания Ассоциации горских краеведческих организаций Северного Кавказа, учредительный съезд которой прошел в начале сентября 1924 г. в Махачкале. В его работе принимало участие 42 делегата из большинства краеведческих организаций национальных автономий, за исключением Кабарды⁸⁵. На съезде были заслушаны сообщения о краеведческой работе в Дагестане, работе Осетинского историко-филологического общества, Ингушского литературного общества, этнографических, археологических и зоологических экспедициях⁸⁶.

Кроме того, на съезде прозвучал и ряд методологических докладов, наибольший интерес из которых представляет сообщение академика Н.Я. Марра, в котором он рассуждал о путях развития отечественного краеведения. «Краеведение, — отмечал ученый, — не простое лишь материальное обогащение науки, это не расширение лишь культурно-просветительной деятельности наших убеленных сединами центральных научно-исследовательских учреждений, это и не простое высокое учительство... Краеведение — это особый путь научной работы, это источник новых методов»⁸⁷. Далее, отмечая актуальность создания Ассоциации, он писал: «Само собою понятно, как вообще краеведческим организациям, так и краеведению по северным странам Кавказа, отдельным краеведческим ячейкам или объединенно необходимо органическое общение и с другими соседящими или несоседящими краеведческими кругами, что, может быть, вопрос второй очереди, и без отсрочки с центральными научно-исследовательскими установлениями и учеными»⁸⁸.

На съезде был принят устав Ассоциации, согласно которому главной ее целью была координация работ и установление связей между разнообразными краеведческими организациями Северного Кавказа. Предполагалось способствовать расширению их сети, а также заниматься популяризацией сведений о горцах. Для этого учреждалось издательство, которое должно было сконцен-

⁸⁵ Учредительный съезд Северо-Кавказской горской краеведческой ассоциации. Пятигорск: 1-я Государственная тип., 1924. С. 5, 6.

⁸⁶ Там же. С. 14–21.

⁸⁷ Mapp N.Y. Краеведение. Л. Российская государственная академическая тип., 1925. С. 7.

⁸⁸ Там же. С. 18.

трироваться на выпуске краеведческих работ. Финансирование же предполагалось за счет добровольных вступительных и членских взносов, доходов от издательской деятельности⁸⁹.

В соответствии с выработанной программой Ассоциации была предпринята попытка продолжения издания дореволюционного многотомного «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа». В 1926 г. в Махачкале вышел его 45-й выпуск. Как отмечалось в предисловии, «за последние годы имело место несколько попыток возобновить „Сборники“. Попытки эти предпринимались в Баку, где последним редактором издания Л.Г. Лапатинским была подобрана для очередного выпуска часть материала, в Ростове, где два года тому назад Крайоно даже вводило в смету соответствующие ассигнования, и, наконец, в Махачкале — нынешнем центре Северо-Кавказской горской краеведческой ассоциации»⁹⁰. Первый том возобновленного издания включал публикацию писем А.П. Ермолова, отложившихся в фондах дагестанского музея, перевод сочинения секретаря имама Шамиля Мухаммед-Тахира аль-Карахи, а также две исследовательские статьи — И.И. Мещанинова о поясных бляхах и Д.М. Павлова об искусстве Карабая.

Следующий, 46-й выпуск вышел в 1929 г. Редакционная коллегия решила изменить направление содержания, включая в сборник не только историко-этнографические материалы. Это было связано с тем, что в сравнении с дореволюционным периодом на Кавказе больше не осталось специализированных изданий. Поэтому, помимо писем в адрес Л.Н. Толстого с Кавказа, перевода сочинения Г.-Э. Алкадари «Асари-Дагестан» и исследования Г.Ф. Чурсина об амулетах и талисманах, в сборник были включены статьи, посвященные флоре и фауне региона⁹¹.

Однако постепенное свертывание краеведческой работы в стране и последовавшие репрессии, которые напрямую затронули Д.М. Павлова и А.А. Тахо-Годи, бывших инициаторами этого издания, привели к его закрытию.

⁸⁹ Учредительный съезд Северо-Кавказской горской... С. 34–35.

⁹⁰ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала: [б.и.], 1926. С. I.

⁹¹ См.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 46. Махачкала: [б.и.], 1929.

1.4. Создание региональных научно-исследовательских учреждений

Первые попытки институционализации краеведения были предприняты уже в 1920 г., когда во Владикавказе был образован Северо-Кавказский институт краеведения. Его целями было «планомерное и систематическое» изучение региона и приложение научных знаний «к опытно-практической деятельности правительственные учреждений». Первоначально в его состав входили геофизический, естественный, антропогеографический и промышленно-экономический отделы, а также музей, библиотека, мастерские для изготовления наглядных пособий и ряд других вспомогательных учреждений⁹². В качестве сотрудников этого учреждения было привлечено до 70 человек, но очень скоро их число сократилось до 12, кроме того, ощущалась нехватка финансирования. Отсутствие средств также не давало возможности издать какие бы то ни было научные труды, хотя такие сотрудники, как В.П. Пожидаев, Д.М. Павлов, Л.П. Семенов и другие, регулярно публиковались в местной печати⁹³. Поскольку большинство ученых работало одновременно и в Северо-Кавказском институте краеведения, и в педагогическом институте, то ими были подготовлены учебный план и учебная программа по кавказоведению⁹⁴.

На заседаниях института с докладами выступали не только его сотрудники, но и научные работники из республик Северного Кавказа, Москвы, Ленинграда, Баку⁹⁵. Были также попытки открыть филиал в Пятигорске, но из-за нехватки финансирования они оказались неосуществленными⁹⁶.

Просуществовав до 1924 г., институт был ликвидирован, что было связано с новым районированием и упразднением Горской АССР⁹⁷. Однако ликвидация Северо-Кавказского института краеведения повлекла за собой несколько процессов: с одной стороны, создание аналогичного учреждения в Ростове-на-Дону, а с

⁹² ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 19. Д. 178. Л. 1.

⁹³ Северо-Кавказский институт краеведения // Краеведение на Кавказе: Общекавказский научно-информационный журнал. 1924. № 1. С. 18.

⁹⁴ См., например, курс лекций по кавказоведению, подготовленный В.П. Пожидаевым: ОР РГБ. Ф. 820. Карт. 3. Д. 8.

⁹⁵ Северо-Кавказский институт краеведения... С. 20.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ ГА РФ. А-2307. Оп. 15. Д. 15. Л. 16.

другой — появление во всех автономиях своих научно-исследовательских институтов.

В 1924 г. был создан Осетинский центральный научно-исследовательский институт краеведения, находившийся в ведении областного отдела народного образования⁹⁸. В его составе было три отдела — естественно-исторический, экономический и общественно-исторический, а также несколько вспомогательных бюро — библиографическое, литературно-издательское, музейное и др. К марта 1926 г. в его состав входило 44 человека, прежде всего научные работники, а также «студенты, зарекомендовавшие себя как лица, интересующиеся работой и стремящиеся к изучению производительных сил своего края, его прошлого и настоящего»⁹⁹.

В 1924 г. в Махачкале был основан Дагестанский научно-исследовательский институт, при котором были созданы библиографический, этнолого-лингвистический, историко-археологический, естественно-научный и экономический разряды¹⁰⁰. Первоначально институт занимался содействием организации экспедиций в районы Дагестана¹⁰¹. Однако очень скоро обозначились три основных направления работы — это изучение истории, языков и литературы народов региона. Причем ведущей исторической темой было изучение материалов по истории революционных движений и классовой борьбы в Дагестане¹⁰². Достаточно интересен состав сотрудников института, которые должны были заниматься изучением истории, — это революционеры (П. Ковалев, С.И. Габиев, А.А. Тахо-Годи), мусульманские модернисты, получившие конфессиональное образование (А. Каляев, А. Акаев), а также представители светской интеллигенции без специального образования (Б. Малахиханов, Д. Бутаев)¹⁰³.

Согласно замыслу Д.М. Павлова, который возглавлял институт в первые годы его деятельности, работа по составлению си-

⁹⁸ Культурное строительство в Северной Осетии... С. 189.

⁹⁹ Там же. С. 191.

¹⁰⁰ Культурное строительство в Дагестанской АССР... С. 189.

¹⁰¹ Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 1924–2014 гг. К 90-летию со дня основания. Документы и материалы / Сост. Л.Г. Каймаразова, Ю.М. Лысенко, Н.Д. Чекулаев. Махачкала: Наука — Дагестан, 2014. С. 78–80.

¹⁰² ОР РГБ. Ф. 458. Карт. 10. Д. 9. Л. 3.

¹⁰³ Институт истории, археологии и этнографии... С. 100.

стематической истории Дагестана должна была стать итогом длительных изысканий, как археологических, так и архивных. Для составления очерка древней истории он предлагал тщательно изучить образцы фольклора, а также собрать «пережиточный материал». Для описания более поздних периодов истории Д.М. Павлов предполагал сначала сосредоточиться на характеристики судеб отдельных народов «и только после полной обработки их приступить к постройке целого». Решение вопроса в скором будущем он видел в подготовке небольших работ популярного характера, среди которых должны были быть краткий очерк истории Дагестана, биографические монографии об имаме Шамиле и Хаджи-Мурате, а также описание революционного движения¹⁰⁴.

Для скорейшей реализации этих задач были предприняты изыскательские работы как в центральных, так и региональных архивах с целью извлечения документов, характеризующих историческое развитие народов Дагестана¹⁰⁵.

Первые результаты работы были продемонстрированы в третьем выпуске «Дагестанского сборника», который вышел из печати в 1927 г. Здесь были опубликованы мемуары потомков Хаджи-Мурата, запись адатов кумыков, подготовленная Манаем Алибековым, а также исследовательская статья Г.Н. Прозритеева о посольстве от Шамиля к абадзехам¹⁰⁶.

Летом 1928 г. Дагестанский научно-исследовательский институт был преобразован Институтом дагестанской культуры при СНК ДАССР, что было связано с расширением возлагаемых на него обязанностей, в том числе подготовкой совместно с Госпланом пятилетнего плана научных работ в республике¹⁰⁷.

В декабре 1926 г. во Владикавказе был создан Ингушский научно-исследовательский институт краеведения, директором которого стал заведующий областным отделом народного образования О.С. Ахриев, а его заместителем экономист Г.К. Мартиросян, кроме того, в состав правления вошел историк и этнограф Л.П. Семенов. Последними были разработаны устав института и план перспективных работ, которые заключались, в первую очередь, в экспедиционных выездах в районы области. Также сотруд-

¹⁰⁴ Институт истории, археологии и этнографии... С. 116–117.

¹⁰⁵ Там же. С. 120.

¹⁰⁶ См.: Дагестанский сборник. Вып. III. Махачкала: [б.и.], 1927.

¹⁰⁷ ЦГА РД. Ф. Р-168. Оп. 8. Д. 5. Л. 82.

ники института выступали с докладами, среди которых можно выделить те, которые посвящены краеведческой работе в школе, итогам экспедиционных исследований, а также вопросам истории революции 1905 г. в Терской области и истории региональной периодической печати¹⁰⁸. Примечательно, что первоначально среди штатных сотрудников института не было ни одного историка, за исключением Л.П. Семенова, который числился специалистом по археологии и истории литературы¹⁰⁹.

В начале 1930 г. путем реорганизации Общества изучения Чеченской автономной области был создан Научно-исследовательский институт краеведения имени 10-летия Советской власти, среди задач которого было изучение культуры, истории, быта и религии чеченцев, при этом отмечалось, что сотрудникам института не стоит замыкаться исключительно на академической тематике, а необходимо «вести жесткую борьбу за марксистско-ленинскую методологию»¹¹⁰. Главными вопросами, которые ставились перед его сотрудниками, были разработка проблем экономического развития, социалистического строительства, использования естественных ресурсов, и лишь в последнюю очередь изучение проблем культуры, литературы и истории¹¹¹. Большое внимание предполагалось уделять проблемам классовой борьбы в чеченском ауле в связи с социалистической реконструкцией хозяйства. Важным также являлось и изучение культуры, истории быта и религии для проведения последующей антирелигиозной пропаганды¹¹². Институт явился своеобразным воплощением идеи, высказанной еще в начале 1920-х гг., когда предлагалось некое специальное учреждение, занимающееся вопросами изучения языков народов Чечни, сбора образцов народной поэзии и исследования истории и быта¹¹³.

¹⁰⁸ Ингушский научно-исследовательский институт краеведения. (Краткий отчет за 1926/27 академический год) // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. I / Под ред. Г.К. Мартиросиана, В.Ф. Раздорского, Л.П. Семенова. Владикавказ: Тип. изд-ва «Сердало», 1928. С. 439–440, 442–443.

¹⁰⁹ Сотрудники Ингушского научно-исследовательского института краеведения и его научного музея // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. I / Под ред. Г.К. Мартиросиана, В.Ф. Раздорского, Л.П. Семенова. Владикавказ: Тип. изд-ва «Сердало», 1928. С. 445.

¹¹⁰ От вековой отсталости — к социализму... С. 151.

¹¹¹ Культурное строительство в Чечено-Ингушетии... С. 170–171.

¹¹² От вековой отсталости — к социализму... С. 151.

¹¹³ ЦГА РД. Ф. Р-168. Оп. 3. Д. 14. Л. 141.

В подобном формате это учреждение просуществовало недолго и было реорганизовано в научно-исследовательский институт национальной культуры, в состав которого входили отделы истории, языка, литературы и искусства¹¹⁴. А Чеченский обком партии сформулировал главную задачу для сотрудников института — «работа по изданию актуальных научных трудов, укрепляющих культурное строительство Чечни, проводящих последовательную ленинскую национальную политику»¹¹⁵.

Объединение Чеченской и Ингушской автономных областей в одну административно-территориальную единицу повлекло за собой и слияние двух институтов, таким образом, в 1934 г. был создан Чечено-Ингушский НИИ языка, истории, литературы и искусства. Одной из важных проблем, стоявших перед этим учреждением, была научная разработка истории Чечено-Ингушской автономной области, в первую очередь вопросов революционного движения и изучения материальной культуры¹¹⁶. Сотрудниками сектора истории была начата работа по выявлению документальных материалов в архивохранилищах для рассмотрения отдельных сюжетов, посвященных Кавказской войне и восстанию 1877 г.¹¹⁷, поскольку любые антиправительственные выступления предполагалось рассматривать как проявления «революционного движения».

В 1926 г. в Ростове-на-Дону был создан Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт краеведения. Среди его задач значилось изучение этнических и национальных культур, организация краеведческого дела на местах, подготовка научных работников, а также содействие культурному развитию путем популяризации научных знаний¹¹⁸. Для этих целей институт издавал несколько периодических изданий — «Бюллетень» и «Записки»¹¹⁹.

¹¹⁴ Джамбулатова З.К. Культурное строительство в Советской Чечено-Ингушетии (1920–1940 годы). Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1974. С. 184–185.

¹¹⁵ От вековой отсталости — к социализму... С. 159.

¹¹⁶ Там же. С. 167.

¹¹⁷ Джамбулатова З.К. Указ. соч. С. 191.

¹¹⁸ Положение о Северо-Кавказском краевом горском научно-исследовательском институте краеведения // Бюллетень [Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института краеведения]. 1927. № 1. С. 48.

¹¹⁹ Темирболатова А.И. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследователь-

Уже в первый год своей деятельности предполагали заняться исследованием наименее изученных горских народов, к которым относились карачаевцы. Так, в плане работы значится сбор сведений по литературным данным, а также изучение народных преданий о происхождении народа и его прошлом. Кроме того, уделялось внимание остаткам родового строя, религиозным воззрениям и тенденциям современного быта. Отдельно предполагалось рассмотреть расселение народов Северного Кавказа, начиная с середины XIX в., для чего необходимо было привлечь картографические данные¹²⁰.

Однако создание новой институции, а вместе с тем упразднение краеведческого института во Владикавказе вызвали некоторое недовольство. Так, А.А. Тахо-Годи отмечал, что перенос исследовательского учреждения вдали от территории проживания народов Кавказа негативно скажется на изучении горцев¹²¹. Ему парировал директор нового института У.Д. Алиев, считавший, что пришло время для укрепления научно-исследовательской работы, которая должна быть тесно связана с хозяйственным и экономическим развитием Северного Кавказа. А возможности для этого может дать лишь крупный университетский центр, каковым являлся Ростов-на-Дону. «Существование в г. Владикавказе Института краеведения с громким предикатом „Северо-Кавказский“, как известно, ничего практически не дало, — писал У.Д. Алиев. — Институт еле влачил свою жизнь, получая жалкие гроши на свою работу (5000 рублей в год)¹²².

К концу 1920-х гг. ряд сотрудников института были уволены, а само учреждение в 1934 г. преобразовано в Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт. Была изменена и тематика исследований, которая теперь связывалась с социальным, хозяйственным и культурным строительством, при этом он являлся головным

сийский институт имени С.М. Кирова» (1926–1937)). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. С. 111.

¹²⁰ Операционный план отдела культуры на 1926–27 г. // Бюллетень [Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института краеведения]. 1927. № 1. С. 50, 51.

¹²¹ Тахо-Годи А. Еще одна вредная традиция // Горский краеведческий журнал. 1926. № 1. С. II–III.

¹²² Алиев У. Audiatum et altera pars // Бюллетень [Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института краеведения]. 1927. № 1. С. 59.

для всех научно-исследовательских учреждений Северо-Кавказского края¹²³.

В это же время в регионах Северного Кавказа создается сеть высших учебных заведений — во Владикавказе (1920)¹²⁴, Махачкале (1931)¹²⁵, Нальчике (1932)¹²⁶ и Грозном (1938)¹²⁷ открываются педагогические и учительские институты. Во всех этих учреждениях преподавали историки и этнографы, которые занимались изучением прошлого края.

Так, на объединенной кафедре всеобщей истории и истории народов СССР Дагестанского педагогического института работали известный историк права профессор С.В. Юшков и преподаватель М. Добрянская. Однако большое число аудиторных часов не могло быть в полной мере обеспечено двумя штатными единицами. «Такая перегруженность не дает возможности углубленной работы над собой, специализации, что отражается на качестве учебы», — отмечала М. Добрянская¹²⁸.

В Чечено-Ингушском педагогическом институте работали выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета А.А. Герке и молодой выпускник педагогического института во Владикавказе М.А. Абазатов. О них впоследствии вспоминал преподаватель литературы Б.С. Виноградов: «Александр Августович держался просто и с достоинством, разговаривал неторопливо... И даже небольшая борода, которую он носил, не делала его старше. Александр Августович олицетворял лучшие качества советского интеллигента, коренного ленинградца... Рядом с А.А. Герке работал молодой М.А. Абазатов — кандидат в члены КПСС, с 1940 г. — коммунист. Магомед Абазатович рано потерял родителей, воспитывался в детдоме, а потом о нем позаботилась школа-интернат. Затем педтехникум в Грозном, пединститут в г. Орджоникидзе. После двух лет педагогической работы — аспирантура в Москве.

¹²³ Темирболатова А.И. Указ. соч. С. 117, 131.

¹²⁴ Культурное строительство в Северной Осетии... С. 194.

¹²⁵ Наука и высшая школа в Дагестане... С. 138–139.

¹²⁶ Культурное строительство в Кабардино-Балкарии... Т. I. С. 343.

¹²⁷ Алиров И.Ю., Павлов М.П. Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого. [Ростов-на-Дону]: Изд-во Ростовского университета, 1985. С. 10.

¹²⁸ Добрянская М. Кафедра истории ДПИ // За ленинские нац. кадры: Орган партийных, комсомольских и профессиональных организаций Вузгородка. 1934. № 12. С. 3.

С 1938 г. Абазатов — заведующий кафедрой истории ЧИГПИ. Непоседливый, доброжелательный Магомед Абазатович легко сошелся с коллективом на долгие годы...»¹²⁹.

В рассматриваемый период кафедры вузов не внесли существенного вклада в изучение региона. Это было связано с рядом факторов. Во-первых, главной их задачей была подготовка местных учительских кадров. Во-вторых, почти все преподаватели в той или иной степени привлекались к работе в создаваемых научно-исследовательских организациях, сквозь призму работы которых и необходимо рассматривать их деятельность.

1.5. Изучение Кавказа в Центре

В первые годы Советской власти изучением Кавказа занималось огромное количество научных организаций Москвы и Ленинграда, которые то создавались, то ликвидировались: Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран при Академии наук, преобразованная впоследствии в Институт по изучению народов СССР, Российская академия истории материальной культуры, Яфетический институт, Институт живых восточных языков, Этнографический отдел Русского музея (впоследствии — Государственный музей народов СССР), Центральный музей народоведения, а также множество иных организаций¹³⁰.

Одним из первых учреждений вне Кавказа, специально основанным для его изучения, стал Институт по изучению Дагестана при московском Пречистенском практическом институте. Главными его задачами было изучение производительных сил, демографии, экономики, этнографии и истории края. Для выполнения этих задач в соответствии с уставом предполагалось организовывать экспедиции в республику, способствовать созданию исследовательских станций на местах и краеведческих музеев, а также проводить лекции и экскурсии. Руководство институтом возлагалось на правление из пяти человек, в состав которого вхо-

¹²⁹ Виноградов Б.С. Как начинался наш вуз в городе Грозном. (Воспоминания) // Вопросы северокавказской истории. Вып. 6. Ч. II / Под ред. В.Б. Виноградова. Армавир: [АГПИ], 2001. С. 83.

¹³⁰ Краткую характеристику деятельности указанных учреждений см.: Страницы отечественного кавказоведения... С. 12–17.

дили ректор Пречистенского практического института, два научных работника Института по изучению Дагестана, представитель Совнаркома ДАССР, а также представитель от правительственные учреждений РСФСР. Финансирование института происходило из средств ДАССР, РСФСР, а также отдельных ассигнований Пречистенского практического института¹³¹.

При открытии представитель дагестанского правительства П.И. Ковалев отмечал: «Институт по изучению Дагестана — учреждение первое и пока единственное в своем роде как в смысле задач и подхода к их осуществлению, так и в смысле того, кто и как эти задачи осуществляет. Русские ученые подходят к нерусской стране с целью изыскания для нее путей и способов культурно и экономически возродиться — положение небывалое и даже для Советской России первое и единственное в своем роде. Наш Институт — это пионер на этом новом поприще русской науки»¹³².

При учреждении института правительство Дагестана строило большие планы, согласно которым в его составе необходимо было организовать огромное число научных секций и подсекций, которые занимались бы комплексным изучением региона, научные сотрудники должны были приглашаться из других учреждений для качественного выполнения работ¹³³. Но отсутствие реального финансирования свело на нет все проекты, а институт сумел организовать лишь одну экспедицию в Южный Дагестан.

Несколько слов необходимо сказать об изучении Кавказа в Академии наук. Хотя традиция эта восходит к имперскому периоду, но в раннесоветское время произошли существенные изменения.

Первые послереволюционные годы в Азиатском музее продолжалась работа Н.Я. Марра, И.А. Орбели, С.Ф. Ольденбурга и других ученых, связанная с изучением армянских и грузинских рукописей¹³⁴. В 1924 г. в Отделе Кавказа и Христианского Востока начал работать научным сотрудником и ученым хранителем язы-

¹³¹ ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 21. Д. 186. Л. 34.

¹³² Культурное строительство в Дагестанской АССР... С. 119.

¹³³ ЦГА РД. Ф. Р-37. Оп. 21. Д. 186. Л. 27.

¹³⁴ Орбели Р.Р. Кавказоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР / Ред. кол. А.П. Базиянц и др. М.: Наука, 1972. С. 484.

ковед А.Н. Генко, который возглавил Кавказский кабинет после создания в 1930 г. Института востоковедения¹³⁵. Деятельность сотрудников кабинета была сосредоточена в основном вокруг истории и литературы народов Закавказья и лишь отчасти Северного Кавказа, так как последними занимался лишь сам А.Н. Генко. И хотя к середине 1930-х гг. расширение изучения Северного Кавказа стало очевидным и необходимо было разделить кабинет на два сектора, эта идея так и не была реализована.

А.Н. Генко в архиве востоковедов была выявлена и атрибутирована историческая часть работы известного кавказоведа первой четверти XIX в. С.М. Броневского¹³⁶, кроме того, им был написан ряд статей, посвященных истории Кавказской войны¹³⁷ и очерк истории ингушей¹³⁸, который не потерял своей актуальности по сей день.

В 1934 г. была создана Ассоциация кавказоведов при Институте востоковедения, работой которой руководило правление под руководством Н.Я. Марра. В состав этого органа входили такие ученые, как И.А. Орбели, И.И. Мещанинов и другие. В течение года члены ассоциации проводили по 5–6 заседаний, на которых заслушивались и обсуждались доклады¹³⁹.

Предвоенный период в деятельности Института востоковедения помог установить тесные контакты между учеными Ленинграда и научных центров Баку, Тбилиси и Еревана.

Организация в 1933 г. Института антропологии и этнографии АН СССР повлекла за собой более пристальное изучение народов Кавказа, причем первоначально вне какого-то обособленного центра — археологией Чечни и Ингушетии занимался сотрудник Кабинета Южной Америки А.В. Мачинский, а этнографией Грузии — сотрудница Кабинета Австралии Л.Б. Па-

¹³⁵ Волкова Н.Г., Сергеева Г.А. Трагические страницы кавказоведения: А.Н. Генко // Репрессированные этнографы. Вып. I / Сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2002. С. 104

¹³⁶ Там же. С. 121.

¹³⁷ Генко А.Н. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Т. II (1) / Ред. С.Ф. Ольденбург. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. 21–36.

¹³⁸ Генко А. Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. Т. V / Ред. В.В. Бартольд. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 681–761.

¹³⁹ Орбели Р.Р. Указ. соч. С. 493–494.

нек¹⁴⁰. Лишь в апреле 1936 г. был создан Кабинет Кавказа, который возглавил А.Н. Генко, а в его состав вошли два научных сотрудника — Л.Б. Панек и Л.И. Лавров. В этом же году вышел из печати сдвоенный номер журнала «Советская этнография», посвященный Кавказу. В нем А.Н. Генко выступил с программной статьей, в которой указывал на необходимость осмыслиния материалов с марксистско-ленинской точки зрения, при этом он призывал к усилению источниковедческой работы в области кавказоведения. Он считал необходимым в условиях дефицита кавказоведов выработать единый план изучения региона, усилить этнографическую специализацию в вузах, а также ратовал за периодическое издание специальных сборников по этнографии Кавказа¹⁴¹.

В этот же период сотрудниками Института этнографии была начата работа по систематизации материалов для кавказского тома «Народов СССР», а также подготовлены к печати монографии об абазинах и балкарцах, которые так и не были изданы¹⁴². Лишь совсем недавно было опубликовано исследование Л.И. Лаврова, посвященное истории убыхов и трагическим последствиям для них, к которым привела Кавказская война¹⁴³.

С созданием в 1936 г. Института истории АН СССР кавказская тематика начинает занимать определенное место в деятельности его сотрудников. В первую очередь соответствующие разделы, посвященные как Северному Кавказу, так и Закавказью, были включены в план пятитомника по истории народов СССР: их предполагалось рассмотреть уже в первом томе издания в связи с древнейшими государствами на территории СССР. Отдельное внимание уделялось Грузии, Армении и Азербайджану в период арабского завоевания, а затем в структуре последующих то-

¹⁴⁰ Лавров Л.И. Кавказский отдел МАЭ и кавказский сектор Института этнографии АН СССР // Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. XXXV: Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. К 100-летию образования первого академического этнографического центра / Отв. ред. А.М. Решетов. Л.: Наука, 1980. С. 24.

¹⁴¹ Волкова Н.Г. Кавказоведение в Институте этнографии АН СССР. (К 50-летию сектора этнографии народов Кавказа) // Советская этнография. 1986. № 4. С. 75, 76.

¹⁴² Лавров Л.И. Кавказский отдел МАЭ... С. 24

¹⁴³ См.: Лавров Л.И. Убыхи: Историко-этнографическая монография. СПб.: Наука, 2009.

мов выделялись главы, посвященные развитию народов Кавказа в первой половине XIX в. и последующему периоду капиталистической модернизации¹⁴⁴.

Сотрудники сектора Истории СССР к концу 1937 г. подготовили к печати ряд документальных публикаций, посвященных истории завоевания Кавказа в XIX в. С.К. Бушуевым был составлен сборник под названием «Материалы по истории Дагестана и Чечни первой половины XIX в.», К.В. Сивковым и Е.К. Пшеницыной — «Материалы по истории завоевания Северо-Западного Кавказа царизмом», Н.Г. Богдановым — третий том «Материалов по истории Азербайджана», а О.П. Марковой и Е.А. Мороховец — «Материалы по истории Грузии XIX в.»¹⁴⁵. В полном объеме опубликована была лишь первая из указанных работ, включающая в себя документы из архивов Москвы и Ленинграда¹⁴⁶.

Главным специалистом, занимавшимся историей Северного Кавказа в Институте истории АН СССР, был С.К. Бушуев, который помимо подготовки документального сборника занимался системным изучением завоевания региона Российской империей. Эта работа вылилась в ряд его докладов¹⁴⁷ и статей¹⁴⁸, а также большую монографию, посвященную Кавказской войне¹⁴⁹. Кроме того, проблемам феодализма в Закавказье были посвящены исследования И.П. Петрушевского, работавшего в ленинградском отделении института¹⁵⁰.

2. ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Если попытаться рассмотреть в общих чертах тематику, которая предполагалась для исследования советскими кавказоведами,

¹⁴⁴ Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах / Отв. ред. А.Н. Сахаров. Вып. 1. М.: [ИРИ РАН], 2016. С. 41, 43.

¹⁴⁵ Там же. С. 54.

¹⁴⁶ См.: Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. I: 1801–1839 / Подг. к печати Г.Е. Грюмберг, С.К. Бушуев. Махачкала: Дагестанское государственное изд-во, 1940.

¹⁴⁷ Институт истории Академии наук СССР... С. 29.

¹⁴⁸ См., например: Бушуев С. Государственная система имамата Шамиля // Историк-марксист. 1937. Кн. 5/6 (63/64). С. 77–104.

¹⁴⁹ См.: Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.

¹⁵⁰ Институт истории Академии наук СССР... С. 28, 52.

то можно взглянуть на план «Очерков по истории Дагестана», который был составлен А.А. Тахо-Годи в начале 1930-х гг. Ведущим лейтмотивом здесь была «борьба» — борьба раннесредневековых государственных образований с арабским завоеванием, походами монголо-татар и войск Тимура. Кроме того, отдельный раздел должен был быть посвящен «истории завоевания Дагестана персами, турками и русским царизмом», в этот же период «отмечается рост революционного движения среди закабаленных крестьянских масс», а также «выясняется, что Дагестан был феодальной страной с древнейшего времени»¹⁵¹.

Конечно, с позиции сегодняшнего дня многие работы историков 1920-х — 1930-х гг. могут показаться несовершенными. Для многих из них характерны излишняя социологизация и четкое следование марксистским постулатам, отсутствие архивных данных и концентрации на фактологии, извлеченной из работ русских дореволюционных авторов. Многие из них уже современниками оценивались невысоко. К примеру, профессор Н.Н. Ванаг отмечал, что брошюры А.Г. Авторханова носят популярный характер и «не могут быть причислены к работам, имеющим научное значение несмотря на то, что порой автором привлекается архивный материал»¹⁵².

2.1. В поисках феодализма

Первой проблемой, которая ставилась историками в советский период, была попытка вписать историю народов Северного Кавказа в марксистские рамки. Это касалось, прежде всего, вопросов закономерной смены общественно-экономических формаций, так как в русской дореволюционной литературе, как считали советские историки, уровень развития горцев существенно принижался. Проблема феодализма у народов региона занимала существенное место в тематике ученых, которые разрабатывали ее

¹⁵¹ Тахо-Годи А.А. Краткое содержание «Очерков по истории Дагестана» // Научное наследие А.А. Тахо-Годи. Ч. I: Книги, статьи, доклады, выступления, письма / Сост., предисл., comment. А.А. Исаева. Махачкала: [ИИАЭ ДНЦ РАН], 2006. С. 295–296. Также А.А. Тахо-Годи предполагал заниматься проблемами классовой борьбы, для чего должен был подготовить по заказу Дагестанского НИИ хрестоматию, которая, вероятно, так и не была завершена. См.: Институт истории, археологии и этнографии... С. 184.

¹⁵² ГА РФ. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 255. Л. 12.

по крайней мере с конца 1920-х гг. А к середине 1930-х гг. в Махачкале под редакцией профессора С.В. Юшкова был подготовлен сборник под названием «Феодализм в Дагестане и проблемы общественно-экономических отношений», который должен был «установить исключительное значение дагестанских материалов в изучении феодализма»¹⁵³.

Говоря о феодализме, нужно отметить несколько моментов к его переходу, которые выделялись большинством историков.

Во-первых, ученые понимали, что развитие феодализма на территории Кавказа было неравномерным. Поэтому в их работах называются самые разные даты, от которых следует отсчитывать начало феодальных отношений. Например, в Дагестане их развитие относили к эпохе раннего Средневековья, указывая, что уже в этот период возникает классовый антагонизм¹⁵⁴. Хотя в большинстве своем наблюдается некий унифицированный подход: разложение родовой общины и общинного землевладения, расслоение общинников. Но в дальнейшем в специфичных условиях Кавказа феодальные отношения приобретают свои особенности, что было связано с различными природно-географическими условиями. Именно они и обусловили темпы социально-экономического развития тех или иных частей края.

Во-вторых, это отчуждение общинных земель, явившееся базой феодальной собственности и феодальных отношений в целом. А.И. Тамай относил начало этого процесса в Дагестане к XVI в., когда аристократы начали захват общинных земель: сначала они получили их во временное пользование от сельских общин или их союзов для обеспечения своих нужд, а пастбищные участки — для выпаса войсковых лошадей. Но постепенно стали пользоваться этими землями, передавая их по наследству¹⁵⁵. Нужно заметить, что у осетин не было ясности в пользовании землей: феодалы утверждали, что они имеют право получать плату за выпас скота на общественных землях, ничего не давая аулу, которому формально эти земли принадлежали¹⁵⁶.

¹⁵³ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1392. Оп. 1. Д. 152. Л. 3.

¹⁵⁴ Тамай А. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана // Революционный Восток. 1935. № 5. С. 116.

¹⁵⁵ Там же. С. 124.

¹⁵⁶ Скитский Б.В. К вопросу о феодализме в Дигории. Орджоникидзе: [б.и.], 1933. С. 6.

Отдельные общества практиковали, по словам А.И. Тамая, приглашение правителей из других районов, обеспечивая их паштотными и пастбищными участками, добровольными податями, которые впоследствии получали силу традиции.¹⁵⁷ Вероятно, привилегированное сословие не всегда было местного происхождения, а скорее являлось иноэтничным¹⁵⁸.

К примеру, в Дигории зарождение феодальных отношений относили к рубежу XIV–XV вв., когда параллельно с коллективным владением землей развился и индивидуальный тип землевладения¹⁵⁹.

Таким образом, в процессе развития крупного землевладения возникает и разделение общества на два противоположных лагеря — феодалов и «трудового крестьянства, эксплуатируемого ими»¹⁶⁰.

Но на Западном Кавказе, в Карачае, не возникло подобных прав на общинные земли даже к середине XIX в. Земли для выпаса скота считались общественными, принадлежавшими всему карачаевскому народу. Однако карауздени (лично свободные крестьяне) не могли продать земельные участки, не предложив их сначала своему князю (таубию)¹⁶¹. В этом историки видели особенности феодальных отношений, связанные с поземельной зависимостью. Но стоит учитывать, что зависимые крестьяне наделялись скотом, а также косвенно землей, которая номинально считалась общеноародной¹⁶².

Третий важный момент — это переход от рабовладения к феодализму. В Дагестане, по словам историков, в эпоху Средневековья начинает развиваться работторговля, причем часть невольников оставалась в качестве домашней прислуги. А поскольку торговля велась военачальниками и старшинами, то среди них начинают выделяться те, кто сосредотачивал в своих руках значительное богатство. Эта знать получала от дагестанских обществ и отдельных хозяйств подати скотом, зерном, фруктами, причем происходило это в период до XVI в.¹⁶³

¹⁵⁷ Тамай А. Указ. соч. С. 124.

¹⁵⁸ Скитский Б.В. К вопросу о феодализме... С. 5.

¹⁵⁹ Там же. С. 3.

¹⁶⁰ Тамай А. Указ. соч. С. 130.

¹⁶¹ Студенецкая Е.Н. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX в. (По некоторым архивным документам) // Советская этнография. 1937. № 2–3. С. 51.

¹⁶² Там же. С. 52.

¹⁶³ Тамай А. Указ. соч. С. 116, 119.

К концу XVIII в. на Северном Кавказе, по мнению ученых, обостряется классовая борьба, которая выражалась в борьбе за ликвидацию феодальных повинностей. В частности, ряд союзов сельских общин освободился от даннических отношений. При этом установление российской власти в регионе способствовало и консервации старых, феодальных порядков, так как именно на местных владетелей она опиралась¹⁶⁴.

А уже в первой половине XIX в. местные феодалы станут главной силой, на которую опирались российские военные, в частности, в Дагестане. И лишь к 1850-м гг. возникнет сомнение в правильности такой позиции. «Отсюда, — заключал историк, — двойственная политика феодалов. С одной стороны, они опираются на военную мощь царизма в борьбе с массами и нередко сами призывают в горы царские войска, с другой же — пытаются использовать массовое движение, чтобы ослабить напор царизма и, может быть, возглавив это самое движение, утвердить свою власть, сохранив независимость или хотя бы полунезависимость»¹⁶⁵.

Стоит заметить, что описание особенностей феодальных отношений производилось исключительно в европейских терминах — «князь», «холоп», «барщина», «оброк». Историки пытались найти параллели для всех северокавказских обществ в истории развития рабовладения Рима или же феодализма в Западной Европе¹⁶⁶. Но такой подход, совершенно очевидно, был ошибочным.

2.2. Становление русско-кавказских отношений

Цели и характер российской политики на Кавказе, сформированные в советской историографии в начале 1920-х гг., продолжали господствовать вплоть до начала 1940-х гг.

Следуя традициям дореволюционного кавказоведения, первые контакты Российского государства с народами Кавказа относились ко времени правления князя Святослава, одержавшего

¹⁶⁴ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. М.: РОССПЭН, 2000. С. 110–111; Скитский Б.В. К вопросу о феодализме... С. 18.

¹⁶⁵ Покровский Н.И. Указ. соч. С. 113–114.

¹⁶⁶ Скитский Б.В. К вопросу о феодализме... С. 10.

победу над ясами и касогами¹⁶⁷. Следующий этап был связан с деятельностью Ивана IV по завоеванию Казани и Астрахани, что позволило Московскому государству выстроить торговые отношения с народами Кавказа¹⁶⁸. Однако указывалось, что систематическими они стали лишь в первой четверти XVIII в., что было связано с деятельностью русских купцов на Каспийском море и политикой императора Петра I, при котором был осуществлен Персидский поход. И хотя в результате Ирану было возвращено большинство присоединенных территорий, «Россия не оставляла планов дальнейшего продвижения в Дагестан»¹⁶⁹.

Согласно советским историкам, главной задачей империи в регионе был захват плодородных кавказских земель и обеспечение свободной торговли. Считалось, что со временем Персидского похода Россия старалась завоевать торговые пути с Запада на Восток и поставить под свой контроль как каспийское, так и черноморское побережье. Это, в свою очередь, порождало противодействие со стороны Турции, втягивая территорию Северного Кавказа в геополитическую борьбу¹⁷⁰. Как отмечал Н.И. Покровский, на протяжении XVIII в. в результате государевых пожалований было роздано более 600 тысяч десятин земли, особенно этот процесс активизировался во второй половине века¹⁷¹.

Поскольку в XVIII в. наиболее могущественными на Северном Кавказе оставались кабардинские владетели, то представители иных народов были вынуждены искать защиты у России. К примеру, осетинские алдары в 1775 г. обратились к императрице Елизавете Петровне с просьбой об отводе им земель на плоскости между Тереком и Фиагдоном. Однако, как указывал Г.А. Кокиев, таким образом «они стремились к тому, чтобы с помощью русских занять нейтральную зону на плоскости и тем са-

¹⁶⁷ Кокиев Г. Очерки по истории Осетии. Ч. I. Владикавказ: Типофотоцинкография изд-ва «Растдзинад», 1926. С. 7; Мартirosian Г.К. История Ингушии. Материалы. Орджоникидзе: Сердало, 1933. С. 42.

¹⁶⁸ Кокиев Г. Указ. соч. С. 46; Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость... С. 14.

¹⁶⁹ Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость... С. 15.

¹⁷⁰ Скитский Б.В. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739–1779). Владикавказ: Типофотоцинкография изд-ва «Растдзинад», 1930. С. 4; Сивков К. Эпизоды из истории колониального ограбления Кавказа (XIX век) // Борьба классов. 1936. № 8. С. 24.

¹⁷¹ Покровский Н.И. Указ. соч. С. 103, 104.

мым избавиться от владычества как кабардинцев, так и русских, а самим восстановить в осетинском обществе старые феодальные порядки, предусматривавшие их господство и власть над трудящимися Осетии»¹⁷².

Аналогичные просьбы о подданстве и покровительстве направлялись и другими народами Северного Кавказа, теснимыми кабардинскими и кумыкскими владельцами, начиная с середины XVIII в.¹⁷³

Начало же русско-кавказского противостояния историки относили ко второй половине XVIII в., когда началось «систематическое вооруженное наступление царизма»¹⁷⁴. Прежде всего оно было связано со строительством Кавказской линии, которое воспринималось местными владельцами как непосредственное вмешательство в их «автономию», а кабардинские князья рассматривали крепость Моздок «как дуло, направленное в сердце их политической независимости»¹⁷⁵.

В царствование императрицы Екатерины II российское правительство начинает планомерную политику привлечения местных владельцев на свою сторону, наделяя их поместьями «и укрепляя их права на эксплуатацию горской крестьянской массы». Закономерным итогом этой политики становится учреждение в 1785 г. Кавказского наместничества, включавшего Александровский, Екатериноградский, Кизлярский, Моздокский и Ставропольский уезды, что знаменовало окончание «захвата большей части Предкавказья»¹⁷⁶.

Подобные меры российских администраторов на Кавказе вызывали ответную реакцию со стороны местного населения, которая выливалась в нападения на казачьи станицы и военные укрепления, а в последней четверти XVIII в. породила восстание под руководством чеченского пастуха Ушурмы, которое в той или иной степени охватило все районы Северного Кавказа.

Уже первый специальный очерк, посвященный шейху Мансуру, имел «агиографический» характер: автор писал, что че-

¹⁷² Кокиев Г. Указ. соч. С. 75.

¹⁷³ Мартirosian Г.К. Указ. соч. С. 44.

¹⁷⁴ Магомедов Р. Дагестан в период царского завоевания. Махачкала: Дагестанское государственное изд-во, 1940. С. 5.

¹⁷⁵ Скитский Б.В. Холопий вопрос... С. 12.

¹⁷⁶ Покровский Н.И. Указ. соч. С. 108.

ченцы под командованием шейха уничтожали русские войска, «забрасывая их горстями земли, которая обращалась в его руках в страшное оружие»¹⁷⁷. Советские историки рассматривали движение в контексте колониальной политики России в регионе. А.Г. Авторханов констатировал: «Чрезвычайно отсталая экономика и техника, отсутствие всяких культурных сил, господствующее положение мусульманской религии, единственной тогда духовной пищи чеченца, окутывали национально-освободительное движение религиозной оболочкой и цементировали его крепостью ислама». Однако, несмотря на это, он признавал движение чисто политическим, цель которого — национальное освобождение¹⁷⁸. Им признавался «светский» характер религии, а движение Мансура и Кавказская война, по его мнению, «придали мюридизму бесспорно политический характер»¹⁷⁹. Причина движения обосновывалась расширением колониальной экспансии Российской империи, которая стремилась захватить новые торговые пути и укрепить тем самым свое положение на юге.

Для этого периода характерно гипертрофированное восприятие локального по своей сути восстания. Ученые придавали чрезвычайно большое значение разгрому отрядов Н.Ю. Пьери, указывая, что именно этот факт заставил российские власти переоценить все движение¹⁸⁰. И именно тогда царское командование, пытаясь ослабить Мансура, стало привлекать на свою сторону местных владельцев.

Движение было признано общекавказским на том основании, что по призыву Мансура, кроме чеченцев, к нему стекались народы Дагестана, ингуш, осетины и черкесы¹⁸¹, а он сам «сделался постепенно подлинным вождем национальной освободительной борьбы горцев всего Кавказа». При этом ничего не говорилось о скором отходе от него большей части местного населения. Сле-

¹⁷⁷ Шерипов З. Шейх Мансур. (Краткий историко-биографический очерк). О тех, кого называли абреками. Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. [Грозный]: Изд-е Чеченского отдела народного образования, 1927. С. 151.

¹⁷⁸ Авторханов А. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1931. С. 8.

¹⁷⁹ Авторханов А. К основным вопросам истории Чечни. (К десятилетию Советской Чечни). [Грозный]: Серло, 1930. С. 9.

¹⁸⁰ Там же. С. 11.

¹⁸¹ Авторханов А. Краткий историко-культурный... С. 9.

дуя своей стройной концепции, авторы писали о том, что Мансур в своих воззваниях призывал объединиться против царского режима¹⁸². Однако тут же А.Г. Авторханов констатировал, что «отсутствие поддержки всех племен Северного Кавказа» сыграло злую шутку, и поэтому движение потерпело поражение¹⁸³.

Не отрицались и возможные связи шейха с Турцией, которая могла помочь единоверцам¹⁸⁴. Религиозная идея являлась тем фактором, который был доступен и понятен горцам для консолидации сил, но М.Н. Покровский отмечал, что недостаточный колониальный гнет со стороны империи привел к отходу от движения большей части горцев¹⁸⁵.

Таким образом, в этот период складывалась оценка движения как национально-освободительного, несмотря на его стихийность и неорганизованность.

В рамках концепции М.Н. Покровского была написана и статья преподавателя Северо-Кавказского педагогического института Б.В. Скитского — единственное специальное исследование раннесоветского периода, посвященное Мансуру. Ученый рассматривал это движение в одной цепи с деятельностью дагестанских имамов первой половины XIX в. Он отмечал, что у выступления Мансура было несколько причин, среди которых расширение русского торгового капитала и классовая борьба горцев. «Движение Мансура, — писал Б.В. Скитский, — было выражением классовой борьбы, обострившейся внутри горских народов к концу XVIII в. Сам имам Мансур был классовым борцом, выразителем определенных классовых интересов»¹⁸⁶.

В полемику с Б.В. Скитским по поводу материального состояния шейха Мансура вступил научный сотрудник Горского научно-исследовательского института Николай Покровский, который к середине 1930-х гг. подготовил к изданию монографию, посвященную истории Кавказской войны. Он отмечал, что, судя

¹⁸² Шерипов З. Указ. соч. С. 154.

¹⁸³ Авторханов А. К основным вопросам... С. 11.

¹⁸⁴ Шерипов З. Указ. соч. С. 153; Авторханов А. К основным вопросам... С. 11.

¹⁸⁵ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: Сб. ст. М.: Красная новь, 1923. С. 208.

¹⁸⁶ Скитский Б.В. Социальный характер движения имама Мансура // Известия 2-го Северо-Кавказского педагогического института имени Гадиева. Т. IX. Юбилейный сборник / Отв. ред. Г.М. Горемыкин. Орджоникидзе: Северо-Кавказское государственное изд-во, 1932. С. 119.

по всему, сам Мансур относился к крестьянству среднего уровня достатка, и к нему примкнули не только бедняки. При этом Н.И. Покровский констатировал, что по территориальному охвату движение не имело себе равных. «Но неоформленность и кратковременность понижают его значение в истории борьбы горцев за независимость, — отмечал ученый, — и поэтому восстание шейха Мансура может рассматриваться лишь как предвестник имамата»¹⁸⁷.

Однако в советской публицистике продолжали господствовать концепции, которые нашли отражение в небольшой брошюре выпускника историко-филологического факультета Московского университета писателя Анатолия Виноградова, который на протяжении почти четверти века работал в Румянцевском музее — Государственной библиотеке имени В.И. Ленина. Автор вспоминал об одной из своих встреч со Львом Толстым, который, как пишет А.К. Виноградов, считал Мансура «обыкновенным европейским неудачником»¹⁸⁸.

Начавшаяся в 1920-е гг. научная разработка истории Северного Кавказа в вопросе о характере движения шейха Мансура закрепила за ним характеристику религиозно обусловленной борьбы против колониальной империи, которая была поддержана большинством народов региона. Но недостаточное обращение исследователей к архивным документам не позволило существенно расширить дореволюционную фактологию. При этом у русских авторов XIX в. была заимствована и концепция, согласно которой Кавказская война рассматривалась логическим продолжением движения Мансура.

2.3. Кавказская война

Безусловно, ключевой научной темой для советских историков являлось мусульманское повстанчество на Северном Кавказе в первой половине XIX в., которое успешно было реинтерпретировано и загнано в рамки национально-освободительной борьбы с Российской империей. На протяжении 1920-х — 1930-х гг. эта

¹⁸⁷ Покровский Н.И. Указ. соч. С. 117.

¹⁸⁸ Виноградов А. Шейх Мансур. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 7.

проблематика постоянно присутствовала в планах научно-исследовательских организаций¹⁸⁹.

Предпосылки Кавказской войны историки видели в политике Российской империи в регионе, которая была направлена на обеспечение стратегического превосходства на берегах Каспийского и Черного морей. Особенно возросло значение Северного Кавказа после присоединения в 1801 г. Картли-Кахетинского царства¹⁹⁰.

С.К. Бушуев предлагал несколько иную периодизацию событий: систематическое завоевание Восточного Кавказа он относил ко времени после разгрома армии Наполеона и Персии, когда чисто юридически эта территория была включена в состав Российской империи¹⁹¹.

Историки видели в возникавших периодических волнениях в регионе «восстания против царизма», причем принимали в них участие местные владетели и старшины, которые старались добиться своей прежней политической независимости¹⁹². Приход России на Кавказ лишил местных владетелей большой части их доходов, получаемых от набегов на территорию Грузии. Но они продолжали совершать свои военные предприятия: Сурхай-хан Казикумухский предпринял крупный рейд, который угрожал Тифлису¹⁹³.

Восстания на территории Кавказа были связаны с теми повинностями и податями, которыми было обложено население после его включения в состав России, например, ремонт дорог и постройка мостов по Военно-Грузинской дороге легли на население Восточной Грузии¹⁹⁴.

Отдельное внимание уделялось и проводникам царской политики в регионе, первым из которых был А.П. Ермолов, считавший основной задачей завоевание Чечни и Дагестана, для чего предпринял ряд энергичных мер, среди которых была проклад-

¹⁸⁹ Джамбулатова З.К. Указ. соч. С. 191; Институт истории, археологии и этнографии... С. 212, 228.

¹⁹⁰ Магомедов Р. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала: Дагестанское государственное изд-во, 1939. С. 21.

¹⁹¹ Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость... С.17.

¹⁹² Кровяков Н. Шамиль. Очерк из истории борьбы народов Кавказа за независимость. М.: Воениздат, 1940. С. 13; Магомедов Р. Борьба горцев... С. 22.

¹⁹³ Магомедов Р. Борьба горцев... С. 24.

¹⁹⁴ Там же. С. 23.

ка просек в непроходимых лесах. Можно сказать, что это был наиболее активный наступательный период войны¹⁹⁵. Историки подчеркивали «насильственный» характер покорения горцев, акцентируя внимание на сооружении линии передовых военных укреплений¹⁹⁶. Но «наступление царизма не только не сломило сопротивления чеченских народных масс, — писал Р.М. Магомедов, — а, наоборот, еще больше его усилило»¹⁹⁷.

В таких условиях на политическую сцену выходит первый имам Дагестана Гази-Мухаммед. Он считал необходимым заниматься проповедью шариата и введением его норм в быт горцев. Хотя в первое время его действия не выходили за пределы аула Гимры, он достаточно быстро завоевал уважение и симпатии среди местного населения¹⁹⁸. Однако очень скоро его проповедь вышла далеко за границы, но натолкнулась на сопротивление со стороны правителей Аварии и Тарковского шамхальства. «Тем не менее, — указывал С.К. Бушуев, — ему удалось в сравнительно короткий срок сплотить вокруг себя значительные силы местного населения. В этом движении большое участие принимали широкие слои горского населения»¹⁹⁹.

Историки отмечали, что именно Гази-Мухаммеду принадлежала идея объединения в борьбе за независимость²⁰⁰. Благодаря его талантливым проповедям удалось собрать вокруг себя большое число последователей, которые объединялись в отряды мюридов под знамена «священной войны»²⁰¹.

Первые попытки очертить его биографию в советский период напоминали, скорее, яркие публицистические зарисовки, в которых герой выступает своеобразным Робин Гудом, который, видя тяжелый крестьянский труд и «грабежи» со стороны «царизма», решает возглавить движение против последнего. Его проповедь шариата столкнулась с непониманием со стороны большинства

¹⁹⁵ Самурский (Эфендиев) [Н.П.] Дагестан. М.; Л.: Государственное изд-во, 1925. С. 34; Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость... С. 17.

¹⁹⁶ Кровяков Н. Указ. соч. С. 11–12; Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость... С. 20.

¹⁹⁷ Магомедов Р. Борьба горцев... С. 29.

¹⁹⁸ Покровский Н.И. Указ. соч. С. 185.

¹⁹⁹ Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость... С. 74.

²⁰⁰ Магомедов Р. Борьба горцев... С. 43.

²⁰¹ Самурский (Эфендиев) [Н.П.] Указ. соч. С. 36; Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость... С. 76.

мулл и сельских старшин, которые всячески старались дискредитировать его учение²⁰². Именно Гази-Мухаммеду приписывается объединение разрозненных до того момента народов Дагестана «для решительной борьбы с русскими»²⁰³.

После смерти Гази-Мухаммеда ему на смену пришел имам Гамзат-Бек, который по своему происхождению в сложившейся традиционной структуре дагестанского общества не мог претендовать на то, чтобы занять какие-то должности или посты. Как отмечал Н.И. Покровский, он «приобрел даже некоторую известность пьяństвом и сомнительными походжениями. Одним словом, в будущем имаме не было заметно никаких признаков святости»²⁰⁴. Кроме того, Гамзат-Бек «и в отношениях к царизму проявил себя как типичный феодал»²⁰⁵. Однако очень скоро он начал подготовку к походу против царских войск: объехал всю Аварию, а также разоспал письма в другие регионы Дагестана²⁰⁶.

Интересна та противоречивая оценка, которую давали Гамзат-Беку некоторые советские историки. Они указывали на ряд нестыковок на его пути к имамству. В частности, непонятно, почему он задержался и не принял участия в битве у аула Гимры, где погиб Гази-Мухаммед, неясно, каким образом он был избран имамом. Хотя при этом же отмечается существенное пополнение казны мюридов, что дало возможность развернуть боевые действия вновь²⁰⁷.

Чрезвычайно важным для историков было выявление характера Кавказской войны, ее религиозных оснований. Н.П. Самурский писал, что дагестанцы для борьбы с Россией объединились под лозунгами учения «Тарикат» и возникшего на его почве религиозно-политического течения — мюридизма²⁰⁸. «Мюридизм как учение, направленное против местных эксплуататоров и завоевателей, был идеей, сплотившей народные массы в освободительной борьбе»²⁰⁹.

²⁰² Магомедов Р. Борьба горцев... С. 44–46.

²⁰³ Самурский (Эфендиев) [Н.П.] Указ. соч. С. 36.

²⁰⁴ Покровский Н.И. Указ. соч. С. 224.

²⁰⁵ Там же. С. 225.

²⁰⁶ Магомедов Р.М. Борьба горцев... С. 54.

²⁰⁷ Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость... С. 79–80.

²⁰⁸ Самурский (Эфендиев) [Н.П.] Указ. соч. С. 35.

²⁰⁹ Кровяков Н. Указ. соч. С. 17.

Несмотря на отрицательное отношение к религии в рассматриваемое время, исламская оболочка народного движения, ка-ковым признавалась и Кавказская война, считалась прогрессивной. Под мюридизмом понимали религиозное учение, которое тесно связано с борьбой против «русского царизма» и священной войной против «неверных»²¹⁰. Но он приобрел такое значение не сразу, так как первоначально подразумевал всего лишь проповедь строгого аскетизма, отречения от мирских дел. Но этот «новый революционный мюридизм», который был предложен дагестанскими имамами, существенно отличался²¹¹.

Н.И. Покровский усматривал в мюридизме «громадное крестьянское движение» с религиозными лозунгами. Он же видел в нем и опасность, связанную с тем, что эти лозунги подхватывались «аульской верхушкой», тем самым терялся всякий смысл, который вкладывался первоначально в это движение. «То, что обычно носило имя „мюридизм“, — явление в гораздо большей мере социальное и политическое, нежели религиозное», — заключал ученый²¹².

Таким образом, советская историческая наука наследовала фактически изобретенное российскими военными первой трети XIX в. понятие, которое прекрасно вписалось в марксистский понятийный аппарат и объясняло религиозно мотивированное восстание.

Однако главной фигурой Кавказской войны оставался третий имам Дагестана и Чечни — Шамиль, отличавшийся «большим государственным умом, стратегическим и административным даром, умением окружать себя хорошими помощниками»²¹³. Именно о нем в рассматриваемый период вышло два специальных биографических издания²¹⁴, да и все остальные исследования так или иначе были построены вокруг этой персоны.

Описывая Шамиля, историки не жалели ярких красок и пре-восходных эпитетов. Всячески подчеркивалось его простое про-

²¹⁰ Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость... С. 75; Кровяков Н. Указ. соч. С. 15.

²¹¹ Скитский Б.В. Классовый характер мюридизма в пору имамата Шамиля. Владикавказ: Ингтиография изд-ва «Сердал», 1930. С. 113, 115.

²¹² Покровский Н.И. Указ. соч. С. 150.

²¹³ Самурский (Эфендиев) [Н.П.] Указ. соч. С. 36.

²¹⁴ Магомедов Р. Шамиль. Махачкала, 1940; Кровяков Н. Указ. соч.

исхождение — родившийся в семье бедного крестьянина, он не отличался крепким здоровьем, якобы с молодости увлекался джигитовкой, но при этом проводил массу времени за чтением книг, был близок к первому имаму Гази-Мухаммеду. В отличие от своего отца, Шамиль никогда не употреблял спиртных напитков и табака²¹⁵. Он «рано научился ненавидеть царизм, который поддерживал местных феодалов и с помощью своих войск помогал им расправляться с бедняками»²¹⁶. Словом, идеальный революционер. Впрочем, некоторые историки считали Кавказскую войну именно революцией, которая использовалась в политических целях, несмотря на ее религиозную оболочку²¹⁷.

Подчеркивая стратегическое мышление имама, Р.М. Магомедов писал: «Два года Шамиль готовил горцев к войне. В 1835 г. его мюриды подняли восстание чеченцев. К концу 1836 г. восстанием был охвачен, за исключением Хунзаха, весь северный Дагестан»²¹⁸.

Новшеством в проповеди Шамиля, по мнению Н. Кровякова, было то, что под «неверными» он понимал не только русских, но и тех мусульман, которые помогали им, прежде всего имея в виду «феодальных владетелей»²¹⁹.

Вершиной деятельности третьего имама принято считать создание им теократического государства — имамата. По мнению Н.И. Покровского, это государственное образование было выразителем надежд горского крестьянства, боровшегося с царской Россией. Для этого крестьянства наиболее важной была задача окончания «борьбы за независимость», а также ликвидация «феодальной эксплуатации узденской массы ханами и беками»²²⁰.

В начале 1840-х гг. сложилась четкая структура имамата, во главе которого стоял сам Шамиль — религиозный вождь, политический диктатор и военачальник. В 1841 г. им был учрежден государственный совет, занимавшийся решением наиболее сложных и важных дел. Территория «государства» была разделена на округа — наибства, во главе которых стояли наиболее близкие

²¹⁵ Кровяков Н. Указ. соч. С. 7–8; Магомедов Р. Шамиль... С. 5.

²¹⁶ Кровяков Н. Указ. соч. С. 10.

²¹⁷ Скитский Б.В. Назрановское возмущение 1858 г. (Страница из истории ингушского народа). Владикавказ: Типофотоцинография изд-ва «Растдинад», 1930. С. 4.

²¹⁸ Магомедов Р. Шамиль... С. 7.

²¹⁹ Кровяков Н. Указ. соч. С. 29.

²²⁰ Покровский Н.И. Указ. соч. С. 335.

к имаму люди. Кроме того, была учреждена регулярная армия, начато производство оружия и пороха, а также наблюдались зачатки социальной политики²²¹. Все эти действия, по оценкам историков, привели к тому, что в 1840-е гг. наблюдается наступление горцев на российские укрепления на Кавказе.

Но имамат не был каким-то идеальным государством. С одной стороны, имам требовал от своих подчиненных неукоснительного исполнения норм шариата. Это нравилось далеко не всем людям, даже приближенным к нему. Поэтому уже в 1850-е гг. часть наибов, включая Даниял-Бека Элисуйского, начинает переговоры с российским военным командованием, предлагая передать под контроль последних возглавляемую территорию²²².

Несмотря на неудачное для России завершение Крымской войны, начался новый, наступательный, этап в войне Кавказской, который позволил пошатнуть устои эфемерного исламского государства. Имамат рухнул, а имам Шамиль был пленен и отправился в ссылку. Советская историография видела в этом событии противоборство групп, которые «оставались в рядах восставших до самых последних дней и под конец, изменив борьбе, перешли на строну царизма»²²³.

2.4. Развитие региона в позднеимперский период. Революция 1905 г.

В истории позднеимперского Кавказа советскими историками рассматривались несколько наиболее важных сюжетов. Первый из них — это особенности капиталистической модернизации региона после окончания Кавказской войны и проведение буржуазных реформ. Для этих целей российские власти пытались выяснить особенности социально-экономической структуры северокавказских обществ, для чего учреждались особые комиссии по разбору личных и поземельных прав. Таким образом, главным сюжетом, который рассматривался в ранней советской историографии, стало решение аграрного вопроса в крае²²⁴. Руководствуясь

²²¹ Магомедов Р. Борьба горцев... С. 90–109.

²²² Покровский Н.И. Указ. соч. С. 459; Магомедов Р. Борьба горцев... С. 130.

²²³ Магомедов Р. Борьба горцев... С. 131.

²²⁴ Алиев У. «Кара-халк» — черный народ. Очерк исторического развития горцев Северного Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр.

указанием В.И. Ленина о том, что именно на Северном Кавказе происходила наиболее «сильная колонизация», историки писали об обратной стороне этого процесса, связанной с обезземеливанием горского крестьянства, которое было поставлено «перед фактом захвата своих лучших земель на плоскости»²²⁵.

Отдельного внимания в историографии удостоилось восстание 1877 г. в Дагестане и Чечне, о котором в 1937 г. защитил кандидатскую диссертацию дагестанский историк Р.М. Магомедов под руководством А.А. Тахо-Годи²²⁶.

Поскольку в сознании большинства населения Восточного Кавказа Российская империя все еще воспринималась как недавний враг, то слухи, распространявшиеся в регионе о готовящейся очередной русско-турецкой войне, нашли благодатную почву. Кроме того, проводившиеся реформы, породившие перемены в горском обществе, «тяжело ощущались народом»²²⁷. Поэтому некоторые авторы рассматривали восстание как часть мусульманского повстанчества, увязывая события Кавказской войны, деятельность Кунта-Хаджи Кишиева, а затем и Алибека-Хаджи Алдамова и Умы Дуева²²⁸.

Говоря о системе управления краем, историки подчеркивали, что установившаяся система была направлена исключительно на рост числа чиновниччьего аппарата. И хотя формально по своей форме имперские институты «были родственны горскому устройству, существовавшему до завоевания Дагестана царизмом, но по содержанию своему они были так же чужды горцам, как и царские офицеры и чиновники всех рангов»²²⁹.

Ростов-на-Дону: Севкавкнига — Крайиздат, 1927. С. 31–38; Тамбиеев И. Карачай прежде и теперь. Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1931. С. 12–14.

²²⁵ Авторханов А. Революция 1905 года в национальных образованиях Северного Кавказа // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Т. I (IV). Вып. 1. Грозный: Тип. Чечингиздата, 1936. С. 25.

²²⁶ Подробнее об этом см.: Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1971. С. 195–200.

²²⁷ Скитский Б.В. К истории общественного движения среди мусульманского населения Сев. Кавказа в 1876–7 г. (Материалы) // Сборник Научного общества этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте. Т. I. Владикавказ: Тип. изд-ва «Сердало», 1929. С. 3.

²²⁸ Авторханов А. К основным вопросам... С. 16–20. Ср.: Самурский (Эфендиев) [Н.П.] Указ. соч. С. 39.

²²⁹ Магомедов Р. Восстание горцев Дагестана в 1877 г. Махачкала: Дагестанское государственное изд-во, 1940. С. 5.

Причинами восстания, по мнению ученых, была политика, проводившаяся российскими властями в регионе: увеличение налогов, податей и повинностей. Российские власти при наделении горцев землей существенно уменьшили размер их наделов, отдавая предпочтение казакам. Была введена круговая ответственность за проступки, при этом преступления в отношении «туземного» населения почти никогда не расследовались²³⁰.

А.А. Тахо-Годи, говоря о причинах восстания, указывал, что основным фактором его возникновения следует считать мусульманское духовенство, которое всячески старалось подорвать авторитет светской власти²³¹. Кроме того, указывалось на последствия насильственного завоевания Северо-Восточного Кавказа и проявления колониальной политики империей, которые привели к тяжелому экономическому и политическому положению. «Таким образом, — заключает историк, — для трудового населения Дагестана оставался один путь избавления от все усиливающегося колониального гнета — путь насилиственного ниспровержения полицейско-чиновничьей власти, путь восстания»²³².

Оценивая действия российских властей, советские историки писали о том, что его усмирение было чрезвычайно жестоким: уничтожались аулы, сжигались посевы, налагались контрибуции, а тысячи восставших с семьями выселялись в Сибирь²³³. Такие меры были предприняты вследствие того, что восстанием были охвачены почти все общества Дагестана. Но особое место в его подавлении принадлежит местной горской милиции и офицерам и старшинам, находившимся на царской службе²³⁴.

При этом, оценивая итоги событий 1877 г., Р.М. Магомедов парадоксально отмечал, что «национально-освободительное крестьянское восстание» носило стихийный характер, а потерпело поражение исключительно потому, что не были установлены связи с пролетариатом, «только одного способного довести его до полной победы над царизмом»²³⁵. Однако, по мнению Б.В. Скит-

²³⁰ Скитский Б.В. К истории общественного движения... С. 4.

²³¹ Тахо-Годи А.А. Восстание Чечни и Дагестана в 1877 году. [1925] // Научное наследие А.А. Тахо-Годи. Ч. I: Книги, статьи, доклады, выступления, письма / Сост., предисл., comment. А.А. Исаева. Махачкала: [ИИАЭ ДНЦ РАН], 2006. С. 227.

²³² Магомедов Р. Восстание горцев... С. 34.

²³³ Тахо-Годи А.А. Восстание Чечни и Дагестана... С. 238, 239.

²³⁴ Там же. С. 240; Магомедов Р. Восстание горцев... С. 53.

²³⁵ Магомедов Р. Восстание горцев... С. 71.

ского, «нужно было пройти суровую школу капитализма и русского абсолютизма, чтобы народились и консолидировались новые социальные силы с новым идеологическим содержанием», которые впоследствии и встали во главе революции 1905–1907 гг. на Северном Кавказе²³⁶.

Закономерным развитием народов Кавказа, согласно постулатам, выдвинутым В.И. Лениным, была русская революция 1905–1907 гг.

Как отмечали ученые, в Терской области к 1904 г. насчитывалось менее 10 тысяч рабочих, которые были рассредоточены на грозненских нефтяных промыслах, добыче руд в Садоне и фабриках во Владикавказе²³⁷. Такое незначительное их число было связано с особенностями развития промышленности на Северном Кавказе, которая начинает развиваться лишь в 1890-е гг. вместе с ростом площади добычи нефти на грозненских промыслах, а также строительством Владикавказской железной дороги²³⁸.

В большинстве своем горцы не принимали участия в революции, хотя социалистические кружки имелись здесь в отдельных учебных заведениях. Историки же записывали крестьянство в участники революции, указывая на его бедственное экономическое положение. «Революционное движение, протесты народных масс против царизма выявлялись в самых разнообразных формах», — писал С.К. Бушуев²³⁹. Правда, отмечалось, что основным методом «борьбы» крестьянства был путь абречества — «путь открытой вооруженной борьбы с царизмом»²⁴⁰. Поэтому все случаи столкновений абревоков с военными, конокрадство, грабежи записывались в «арсенал» революции²⁴¹. Сюда же были записаны и забастовки косарей 1902 г., происходившие на фоне понижения заработной платы, которые охватили около 10 тысяч человек на всем протяжении Владикавказской железной дороги²⁴². Некоторые авторы видели «массовую пролетаризацию горского населения» в связи с проникновением товарно-денежных онтогений

²³⁶ Скитский Б.В. К истории общественного движения... С. 12.

²³⁷ Мартirosian Г.К. Указ. соч. С. 123.

²³⁸ Авторханов А. Революция 1905 года... С. 35, 38.

²³⁹ Бушуев С.К. Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905–1907 гг. (Исследование и материалы). Грозный: Чечингосиздат, 1941. С. 21.

²⁴⁰ Мартirosian Г.К. Указ. соч. С. 125.

²⁴¹ Там же. С. 127–128.

²⁴² Бушуев С.К. Революционное движение... С. 15.

в горы, что увязывалось с ростом числа сельских жителей-отходников в городах²⁴³.

«Грозненский пролетариат, — писал А.Г. Авторханов, — как и весь русский пролетариат, искал выход из своего тяжелого экономического положения и политического бесправия на революционных путях»²⁴⁴. Причем события 1905–1907 гг. некоторые историки оценивали как «национально-освободительную борьбу»²⁴⁵.

Советская историография чрезвычайно преувеличивала роль революционных событий в жизни населения Кавказа. Но при этом она же указывала на то, что они вскрыли существовавшие на протяжении полувека противоречия и стали определенным толчком к последовавшим преобразованиям. В ходе революции малоземельные жители Терской и Дагестанской областей захватывали войсковые и казенные земли и распахивали их, в результате чего зачинщики были преданы суду и отправлены в ссылку²⁴⁶. При этом последовали и иные репрессивные меры. В частности, были упразднены выборы сельских старшин. Теперь на эти должности назначались благонадежные и проверенные правительством люди, непричастные к выступлениям.

К причинам поражения революции на Северном Кавказе историки относили незрелость пролетариата, неполный охват крестьянства пролетарским руководством²⁴⁷, а также ее очаговость и разрозненность выступлений, благодаря чему властям удалось их подавить²⁴⁸.

В ранней советской историографии складывается несколько важных тенденций, которые затем на протяжении всего советского времени будут в ней присутствовать. Во-первых, отмечается ведущая роль грозненской и бакинской групп РСДРП в революции. Указывается, что именно благодаря последней в Дагестанской области получило развитие революционное движение, так как большое число отходников трудилось на нефтепромыслах и являлось

²⁴³ Авторханов А. Революция 1905 года... С. 25.

²⁴⁴ Там же. С. 41.

²⁴⁵ Мартirosian Г.К. Указ. соч. С. 130.

²⁴⁶ Там же. С. 140–141.

²⁴⁷ Там же. С. 143.

²⁴⁸ Бушуев С.К. Революционное движение... С. 39.

носителем социалистических идей²⁴⁹. Именно с этими группами связывается создание ячейки партии в Петровске, которая должна была стать связующим звеном²⁵⁰. Во-вторых, в историографии начинает складываться региональный «пантеон» профессиональных революционеров, которые впоследствии стали участниками революции 1917 г., а некоторые — вошли в советское руководство республиками. Например, в Дагестане это были М. Дахадаев и Д.-Э. Коркмасов, которые вели «энергичную подпольную работу среди рабочих, солдат, крестьян, учащихся». И именно с их деятельностью связываются волнения на селе, происходившие в Дагестане, хотя и указывалось, что «вспыхивали они стихийно, не было достаточного кадра подготовленных руководителей и необходимой организованности»²⁵¹.

* * *

Советское кавказоведение 1920-х — 1930-х гг. начало складываться как краеведческая дисциплина, которая достаточно быстро «обросла» большим числом научных учреждений — от исследовательских институтов до музеев. В рассматриваемое время можно выделить несколько его организационных форм: прежде всего, это многочисленные экспедиции, которые проводились как местными учреждениями, так и центральными. Именно такая организация научных исследований являлась преобладающей.

Начало изучения истории Северного Кавказа в советский период в национальных автономиях — это процесс, который был связан не столько с профессиональными учеными, сколько с разного рода энтузиастами, которые пытались вписать бывшие национальные окраины в общий контекст истории Советского Союза. Постепенное «оседание» ученых в научно-исследовательских институтах и на кафедрах вузов позволило попытаться перейти к некоторому осмыслинию истории народов края. Уже к середине 1920-х гг. в историографии под влиянием идей М.Н. Покровского складывается концепция многовекового русско-кавказского взаимодействия, основанная на его экономической обусловлен-

ности и насилиственном характере. С небольшими изменениями такой подход просуществует до конца рассматриваемого периода. Первые советские ученые попытаются, с одной стороны, создать обобщающие работы по истории отдельных национально-государственных образований. С другой стороны, сконцентрируются на частных вопросах развития народов Северного Кавказа, главным из которых будет оставаться Кавказская война и ее последствия. Именно в этот период произошло закрепление за горским повстанчеством конца XVIII—XIX вв. трактовки его как «национально-освободительного движения», которая присутствует в региональной историографии по сей день.

²⁴⁹ Самурский (Эфендиев) [Н.П.] Указ. соч. С. 60.

²⁵⁰ Бушуев С.К. Революционное движение... С. 19.

²⁵¹ Самурский (Эфендиев) [Н.П.] Указ. соч. С. 59, 60.

Именной указатель

Абазатов М.А. 441, 442
 Абыкалыков М. 297
 Абрахманов Ю. 291
 Авенариус Р. 65
 Авторханов А.Г. 432, 447, 453, 454, 462, 464, 465
 Агафонов В.К. 357
 Аггире Рокас К.А. 31
 Адоратский В.В. 185, 190
 Айно А. 118
 Акаев А. 436
 Акимова А.С. 3, 51, 78, 95, 106
 Аксенова Е.П. 370
 Аксенов В.Б. 240, 370
 Алаторцева А.И. 294
 Алданов М.А. 81
 Алексберли М.А. 97
 Александр Невский 56
 Александрова Л.П. 102
 Александрова М.А. 118
 Александров Г.В. 232, 233, 237
 Александров Г.Ф. 298
 Александров Д.А. 7
 Александр I 124, 134, 145, 150, 170, 172, 185, 192, 194, 200, 205, 214, 222, 223, 224, 226, 227, 228
 Александр II 85
 Александр III 238, 239
 Алексеева Г.Д. 74
 Алексеенков П.Т. 294, 295
 Алексей, царевич, сын Петра I 107, 108, 112, 115, 116
 Алибеков М. 437
 Алиев У.Д. 440, 462
 Алироев И.Ю. 441
 Аллилуева С.И. 280
 Алпатов А.В. 92, 100
 Алпатов В.М. 372
 Амирханов М.М. 431
 Ананьев В.Г. 361
 Ангаров А.И. 111, 112
 Андреев А.А. 111, 112
 Андреева Е.В. 362, 363
 Андреева Т.В. 134
 Андреев Ю.А. 102
 Анна Иоанновна, императрица 331

Анненков И. 85, 164, 180, 183, 191, 193, 198
 Анненков П.В. 85
 Антонович В.Б. 330, 339, 348, 349, 384
 Антонов-Овсеенко В.А. 252, 265
 Апостолов А.И. 245
 Аракчеев А.А. 184, 196, 224, 230
 Арапов А.А. 180
 Аржакова Л.М. 372
 Аристотель 19
 Артамонов В.А. 415
 Артамонов М.И. 426
 Артизов А.Н. 306
 Аршавский К.Г. 170
 Асман А. 58
 Асман Я. 231
 Асфендиаров С.Д. 291, 292, 295
 Афанасьев Ю.Н. 5
 Ахриев О.С. 437
 Ашенбреннер М.Ю. 138
 Ашинин Ф.Д. 372
 Ашукин Н.С. 160, 161
 Багалей Д.И. 157, 329, 362, 364, 376, 379, 380, 384
 Багалий Д. 362, 363, 379
 Багдасарян В.Э. 35
 Багрецов Г.И. 84
 Базиянц А.П. 443
 Бакланов Н.М. 419
 Бантке С. 221
 Барг М.А. 72
 Бартольд В.В. 444
 Барт Р. 16, 18, 19
 Барятинский А.И. 424
 Басаргин Н.В. 128
 Бахрушин С.В. 308, 313
 Бахтурин В.В. 118
 Башкиров А.С. 419, 426
 Бейдеман М. 81
 Бекмаханов Е.Б. 297
 Белинский В.Г. 94, 98, 229
 Белодубровская М. 232
 Белоруссов 321, 327
 Белый А. 104, 244, 271, 272
 Бельчиков Н.Ф. 123, 124

Беляков В.К. 235
 Беркли 65
 Бескина А.А. 99
 Беспалов И.М. 98
 Бестужев И.А. 161, 168, 192, 193, 202, 229, 426
 Бестужев-Марлинский А.А. 426
 Бестужев-Рюмин 229
 Бирюкова Л.Д. 423
 Бицилли П.М. 78, 79
 Блок А.А. 81, 139, 158, 246, 274, 406
 Бляхин П.А. 167
 Богданов А.А. 46, 66
 Богданов К.А. 9, 10, 76
 Богорачев М. 170
 Богословский М.М. 213, 360
 Богословский Н.В. 90, 92
 Бодлер 63, 65
 Божко Ф. 288, 290
 Бокова В.М. 134
 Болеслав-Юрий II 332
 Болотников 79, 85, 86, 91, 92
 Бонарпарт Л. 30
 Бонарпарт Н. 240
 Борисов П. 128
 Бороздин И.Н. 94, 95, 138
 Бочкарев В.Н. 146
 Брайнин С. 293
 Бранденбергер Д. 41, 76, 245, 246, 247, 292, 310, 318, 354
 Брик О.М. 92, 98
 Бровкин 89, 113
 Бродо Г.И. 288, 295
 Брокгауз Ф.А. 123, 222, 224
 Броневский С.М. 444
 Брукс В.В. 25
 Бруни В.А. 173
 Брюсов В. 104
 Брюховецкий И.М. 400
 Бубнов Н.М. 340
 Будилович А.С. 337
 Бузескул В.П. 360
 Буйносов, князь 113
 Булгакова О. 106
 Булдакова Д.И. 118
 Булдаков В.П. 30
 Бурдье П. 23, 24, 25, 27, 50
 Бутаев Д. 436
 Бухарин М.Д. 361
 Бухарин Н.И. 36, 72, 182, 186, 269, 270, 271, 277, 316, 361
 Бушуев С.К. 446, 451, 456, 457, 458, 459, 464, 465, 466
 Ваганян 96, 97, 99
 Вайзер Т. 215
 Вайнштейн О.Л. 226
 Валиханов Ч. 291
 Вальбе Б.С. 83, 87, 88
 Вальтер Скотт 61
 Ванаг Н.Н. 447
 Вандалковская М.Г. 47
 Ван Э. 25, 57, 59, 62, 67, 302
 Варавин Е.А. 432
 Варлыго А.А. 335
 Василенко Н.П. 336, 352, 384, 404
 Васильев Д. 250, 251, 253
 Васильев С. 252
 Васильевы, братья 246
 Вацетис И.И. 242
 Величкина М. 274
 Венкстерн Н.А. 162
 Вернадский В.И. 347, 366, 370, 371
 Вертов Д. 3, 164, 232, 233, 234, 235, 237, 238, 242, 243, 246, 254
 Веселов А. 92, 93, 100
 Веселовский С.Б. 312, 339, 340
 Виленский-Сибиряков В.Д. 138
 Винниченко В.К. 402
 Виноградов А.К. 94, 455
 Виноградов Б.С. 441, 442
 Виноградов И. 311
 Виноградов П.Г. 46
 Виппер Р.Ю. 35, 65
 Власов В.В. 431, 432
 Волгин В.П. 370, 372
 Волин М.И. 380, 393
 Волин М.С. 393, 396
 Волкова Н.Г. 417, 444, 445
 Волков Е.В. 232
 Волконская З.А. 84
 Волконский С. 168
 Волобуев М.С. 381
 Володьков О.П. 48
 Волчек Б. 251, 267, 268
 Выговский И.Е. 337, 346
 Вяземский (князь) 113
 Вяткин М.П. 297
 Габаев Г.С. 127, 128
 Габиев С.И. 436
 Гаджиев В.Г. 450

- Гази-Мухаммед 457, 458, 460
 Галузо П. 288, 290
 Ганин А.В. 284
 Гардин В.Р. 169
 Гебль П. 164, 180, 183
 Гегель 71
 Генко А.Н. 443, 444, 445
 Генрих IV 101
 Герке А.А. 441
 Геркулов Е.Ф. 161
 Гермайзе И.Ю. 381, 384, 388, 389
 Герцен А.И. 84, 121, 122, 124, 143, 153, 154, 182, 185, 186, 189, 190, 194, 201, 203, 206, 217, 220, 230
 Гехтман И. 396, 405, 406
 Гете 103
 Гильденштедт И.А. 416
 Гильминтинов Р.Р. 74
 Гиль С.К. 274
 Гинзбург Л.Я. 135
 Гладков Ф.В. 96
 Глинка 229
 Гмелин С.Г. 416
 Гоголь Н.В. 84, 229
 Голицын В.Н. 150
 Голицын Д.В. 218
 Голощекин Ф. 288
 Голубев А.В. 289, 302
 Горбатовская В.И. 423, 430
 Горбачев Е.Г. 79, 80, 88, 89
 Горбачев О.В. 232
 Горданов В.В. 107, 108
 Гордин Я.А. 135, 136
 Гордон А.В. 6
 Горин П.О. 352, 353, 354, 378, 381, 382, 385, 386, 387, 388, 389, 391, 392, 393, 396, 400, 401, 402, 403, 406, 407, 408, 409, 411
 Городецкий Е.Н. 35, 298
 Горожов В.Г. 64
 Горький М. 85, 86, 87, 215, 269, 281, 282
 Готье Ю.В. 48
 Гофман Л. 160
 Гоффеншефер В. 93
 Гохберг И.К. 132, 155
 Гранат А. 152, 153, 154, 182, 186, 190, 195, 201, 214
 Гранат И. 152, 153, 154, 182, 186, 190, 195, 201, 214
 Грачев 326
 Греков Б.Д. 52
- Грекулов Е. 160
 Гриб В.Р. 98
 Грибоедов А.С.(Вазир-Мухтар) 79, 82, 90, 125
 Гринберг И.Л. 98
 Гринфельд Ф. 166
 Грейсман Я.И. 252
 Гронский И.М. 87
 Гроссман Л.П. 85, 92, 93
 Грузинская В.С. 52, 77, 366
 Грушевский М.С. 157, 303, 317, 319, 320, 322, 323, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 354, 355, 360, 361, 362, 363, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 376, 384, 404, 410, 414
 Грюмберг Г.Е. 446
 Гуревич З.Н. 309, 384, 385, 387, 389, 393, 395
 Гутнов Д.А. 320
 Гэй П. 63, 65
 Гюго В. 100
 Гюнтер Х. 106
 Давудов О.М. 426
 Давыдов В.Л. 127
 Даляр В. 344
 Данилевич В.Е. 339, 340
 Данилевский Г. 330, 332, 344, 413
 Даниял-Бек 461
 Даҳадаев М. 466
 Дворниченко А.Ю. 6
 Демидов 112, 113
 Деникин А.И. 109
 Денисиюк М. Е. 114, 116
 Державин Н.С. 369, 370, 371, 372
 Дериглазов В.Д. 424, 432
 Десня В.Т. 395, 398
 Джавахишвили М.С. 94, 97
 Джамбулатова З.К. 439, 456
 Джиджоре И.Н. 332
 Дзагуров Г.А. 428, 429
 Дзержинский Ф.Э. 259, 267, 272, 273
 Дибич 219
 Диккенс 100
 Дитякин В.Т. 95, 96
 Дмитриев А.Н. 38, 69, 70
- Добренко Е.А. 106, 245
 Добрянская М. 441
 Довженко А. 232, 246
 Довнар-Запольский М.В. 335, 338, 339, 340
 Долгова Е.А. 69, 70
 Долинин А.А. 61
 Дорошенко П.Д. 326, 337
 Дорьян Н.В. 108
 Драгоманов М.П. 307, 330, 360
 Дрие Х. 286, 293
 Дродзовский В.В. 372
 Друбек Н. 243
 Дружинин Н.М. 132, 133, 144, 148, 150, 158, 160, 218, 297
 Друнина Ю.В. 281, 282
 Дубровский А.М. 6, 42, 50, 293, 301, 318, 354
 Дубровский С.М. 403
 Дубровский-Эшке Б.В. 107
 Дуев У. 462
 Дукельский С.С. 268
 Дулатова Д.И. 288, 297
 Дымов С. 165, 166
 Дьяконов М.А. 344
 д'Аршиак 85
- Евдокия Михайловна 274
 Евстигнеева А.Л. 106, 164
 Егоров 363
 Едиге 298
 Ежов 250
 Екатерина I 108
 Екатерина II 34, 225, 227, 325, 452
 Елецкий П. 345
 Ермилов В.В. 101
 Ермолов А.П. 434, 456
 Ефремов С.А. 157, 352, 366, 376, 384
 Ефрон И.А. 123, 222, 224
 Ефросинья, любовница царевича Алексея 108
- Жаров М.И. 108
 Жигулин 89, 112
 Жирков Л.И. 419
 Житецкий И.П. 326
 Житомирский С.В. 122, 123
 Жуков 262, 264
 Жуковский-Жук И.И. 138
 Жуковский А. 347
 Журавлев С.В. 55, 75
- Заверткина А. 231
 Загоскин М.Н. 83, 86
 Закс А.Б. 422
 Замошкун Н.И. 90
 Зарубина И.П. 108
 Зезин М.Р. 7
 Зеленов М.В. 5, 39, 49, 52, 53, 76, 301
 Зелинский К.Л. 101
 Зельцер И.М. 98
 Зиновьев Г.Е. 70, 247, 252, 254, 260, 261, 269, 273, 276, 277
 Златогорова Т.С. 256
 Золотарева В.А. 162
 Зорин А.Н. 289, 295
 Зоркая Н.М. 244
- Иван Алексеевич, царь 110
 Иванов А. 3, 81, 84, 95, 103
 Иванова М.Г. 3, 95, 103
 Ивановский А.В. 164, 168, 169, 170, 171, 180
 Ившин В.С. 348
 Иггерс Г. 57, 59, 62, 67, 302
 Иессен А.А. 426
 Изволов Н. 233
 Изгачев В.И. 422
 Изотов И.Т. 81, 99, 100
 Иловайский И.Д. 304
 Ильина И.Н. 52
 Ильин П.В. 52, 133, 135
 Ильинский Г.А. 372
 Иманов А. 292, 293, 294, 297, 298, 300
 Исаев А.А. 447, 463
- Каганович Б.С. 79
 Каймаразова Л.Г. 431, 436
 Калинин 259
 Каменев Л.Б. 242, 247, 252, 254, 260, 261, 266, 269, 277
 Канукова З.В. 428, 429
 Кануков И.А. 428, 429
 Капельгородский Ф.И. 422
 Каплан Ф. 267, 268, 270, 274
 Каплер А.Я. 246, 247, 248, 249, 250, 252, 253, 255, 256, 257, 258, 261, 262, 264, 267, 276, 277, 280, 281, 283
- Каппес О. 5
 Караваева А. 83
 Карамзин Н.М. 303, 304
 Карелин П.Н. 128

Каретников Т.С. 393, 395
Карл XII 96
Карнаухова М.Г. 216
Карпенко Г.А. 393, 395
Карпов Г.Ф. 326, 348
Карпюк С.Г. 45
Карский Е.Ф. 361
Кастелин Н.А. 278
Касьянов Г.В. 318, 376, 378, 390, 394, 399
Катанин В.А. 98
Каутский 45
Каховский П.Г. 161, 192, 195, 218, 229
Кацис Л.Ф. 135
Каяев А. 436
Кедров Л. 100
Кенесары Касымов 298, 299
Кенжин А. 288
Керенский А.Ф. 239, 240, 241, 263
Керженцев П.М. 246, 247, 248, 250, 268
Кесарийский П. 342
Кечкер Л.Х. 271
Киачели Л. 97
Кириллов 262
Кирсанова Л.И. 232
Киселева Н.П. 150, 246
Киселев Г.Ф. 252
Киселев М.А. 147, 415
Кияница П.М. 375
Киянская О.И. 118, 134
Кларк К. 50, 64, 66
Клевенский М.М. 161, 218
Климова Л.В. 47
Клюев А.И. 52, 77
Ключевский В.О. 25, 36, 71, 330, 331
Кобрин В.Б. 5
Ковалев П.И. 2, 436, 443
Коган Г.Д. 424
Козинцев Г.М. 164, 173, 175, 281
Козловский И.П. 340
Козьмин Б.П. 138
Кокиев Г.А. 451, 452
Колеров М. 134
Колесников М.Е. 416
Коллонтай А.М. 237, 272
Колоницкий Б.И. 239
Колосовская Т.А. 416
Кондратьева Т.Н. 5, 7, 8, 301
Кондратьев С.В. 5, 7, 8, 301
Коновалов А.И. 262

Константин Константинович, великий князь 345
Константинов 270, 272
Константинов П.Т. 429
Константин Павлович, цесаревич 193, 199, 205, 206, 220, 223
Кон Ю. 104, 162, 249
Копосов Н.Е. 16
Кораблев В.Н. 372
Корев С. 161, 162, 163
Коржихина Т.П. 52
Корнеев В.Е. 74
Корнилов Л.Г. 237, 240
Коробов 272
Коротина О.А. 232
Короткий В.А. 338, 340, 457
Корсаков Д.А. 329, 331, 413
Корф М.А. 120, 121, 122, 124, 129, 220
Косиор С.В. 362, 375, 390, 404, 408, 409
Коссак Г.И. 410, 411, 412
Костомаров Н.И. 303, 307, 347, 348, 355
Котюкова Т.В. 284, 285
Кочетов В. 280
Кравченко В.В. 364, 376, 379, 380
Крандиевская Н.В. 87
Красильников С.А. 7
Кретов Ф.Д. 312, 313
Кржижановский С.Д. 98
Кривошеев Ю.В. 6, 56
Кривошина Е.П. 389, 390
Криницкая А.И. 167
Крих С.Б. 10, 11, 12, 13, 32, 37, 45, 46, 71, 72
Кровяков Н. 456, 457, 459, 460
Круглый А.И. 150
Крупнов Е.И. 422
Крупская Н.К. 251, 252, 258, 274, 282
Крутко К.И. 118
Крымский А.Е. 362
Крэг Г. 109
Кугельман Л. 36
Кудусова Ф.И. 424
Кузьмина Е.А. 168, 281
Кузьмин И. 168, 281, 288
Кукарцева М.А. 16
Кулиш П.А. 221
Кулов С.Д. 423
Кундухов 428
Кутузов А.В. 109, 230, 389

Кюхельбекер В.К. 79, 192, 193
Лавренев Б.А. 168, 246
Лавров Л.И. 444, 445
Лавров Н.Ф. 128, 218, 444, 445
Лагутин 263
Лажечников И.И. 83, 86
Лазаревский А.М. 329, 349, 350
Лазарев Я.А. 3, 316, 326, 348, 354, 372, 415
Лазимир П.Е. 265
Ланда С.С. 133
Ланн Е.Л. 95
Лапатинский Л.Г. 434
Лаппо-Данилевский А.С. 330, 331, 332, 344, 413
Лаппо И.И. 330, 331, 332, 334, 338, 339, 344, 413
Лебедев Н.А. 180, 236
Левашов В.В. 209
Левидов М.Ю. 95, 98
Левин К.Н. 152, 153, 154, 161, 182, 186, 190, 195, 201
Левин М. 152, 153, 293
Лежнев А. 95, 98
Лейбниц 114
Ленин В.И. 3, 28, 29, 30, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 72, 74, 104, 130, 131, 132, 137, 154, 161, 182, 185, 186, 189, 190, 194, 195, 196, 197, 201, 202, 211, 233, 239, 241, 242, 243, 244, 246, 247, 248, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 281, 282, 283, 316, 317, 320, 362, 455, 462, 464
Леонидов Б.Л. 170
Леонтьева О.Б. 123
Лермонтов М.Ю. 229
Лернер Н.Н. 118
Лефорт 86, 87
Лещенко Н.М. 112, 114
Линзинген А. фон 405
Лиотар Ж. 22
Липинский В.К. 352, 384
Липман М. 26
Липранди И.П. 121
Листов В.С. 234, 244, 426
Литвин А.Л. 310, 354

Лихницкий Н. 417
Лозинская Т.Б. 161
Лозинский З.В. 306
Локкарт Р. 271, 272
Локшин А.Е. 285, 292
Ломоносов М.В. 79, 90, 91, 92
Лонсевиль Ш. 94
Лопухин 113
Лорис-Меликов 428
Лотман Ю.М. 17, 135, 165, 178, 179, 181
Лубский А.В. 16
Лукач Г. 61, 100, 101
Лукин 362
Луначарский А.В. 80, 84, 237
Лунин М.И. 135, 140, 183, 184, 191
Лурье С.Я. 71
Луцкий Е.А. 294
Лысенко Ю.М. 424, 436
Любавский М.К. 308, 363
Люббе Г. 68
Любченко П.П. 362
Ляпунов Б.М. 360
Магомедов Р.М. 452, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464
Мазепа И.С. 337
Мазур Л.Н. 233, 239, 245
Майяковский В.В. (в тексте: Міяковський) 157
Максимович Г.А. 340
Малахов К.И. 97
Малахиханов Б. 436
Маленков Г.М. 298
Малицкий Г.Л. 422
Маловичко С.И. 60
Мальсагов З.К. 418
Мальцев Ю.В. 236
Мансур (Шейх) 299, 453, 454, 455
Мануильский Д.З. 251
Манышев С.Б. 3, 299, 416
Марголит Е.Я. 180, 181
Марич М.Д. 78, 79, 81, 92
Мария Ильинична (Ульянова) 274
Мария Федоровна, супруга Павла I 226
Маркс К. 11, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 39, 40, 44, 45, 72, 79, 87, 105
Марней Л.П. 369, 372
Марр Н.Я. 368, 369, 372, 374, 420, 433, 443, 444

Мартин Т. 305, 309, 318
Мартиросиан Г.К. 437, 438, 451, 452, 464, 465
Мартов 262
Маршак С.Я. 97
Марьямов Г. 281
Масальский 86
Матвеева Л.Н. 110, 272, 273, 275, 363
Матвеев А.С. 110, 264, 272, 273, 275, 363
Матыш И.Б. 330, 332
Мах Э. 65
Мачинский А.В. 444
Мебель М.И. 393, 395, 396
Мегилл А. 20, 21, 22, 68
Медведев И.П. 132, 133
Медокс 164, 165, 174, 175, 176, 177, 199
Мельников С. 167
Меншиков А.Д. 108, 111
Мережковский Д.С. 161
Мессер Р.Д. 95, 98
Метель О.В. 45, 46, 52, 77, 178
Мещаев Э.М. 423
Мешанинов И.И. 434, 444
Миклашевский А. 288, 295
Миллер А.А. 426
Миллер А.И. 26, 302
Милюков П.Н. 235, 387, 395
Минц И.И. 52
Мироненко С.В. 134
Михальченко С.И. 339
Мишле Ж. 79
Мишуров Ф.Я. 422
Модзалевский Б.Л. 128, 140
Молотов В.М. 182, 185, 186, 190, 247, 248, 250, 259, 268, 365, 369
Мордовцев Д. 100
Морозова А.Т. 424
Морозова А.Ю. 66
Морозов Н. 66, 109, 424
Мороховец Е.А. 446
Москвин А.Н. 181
Мосолов В.Г. 28
Муравьев А.М. 140
Муравьева Н.М. 156, 168, 196
Муравьев-Апостол М.И. 122, 140, 156, 161, 229
Муравьев С.И. 156
Мустангова Е. см. Рабинович Е.Я. 83
Мутенин И.Т. 421
Мухамеджанов М.М. 28

Мухаммед-Тахира аль-Карахи (в тексте: Шамиль) 434, 456, 459, 460, 461
Мякинин О.В. 337
Мякотин В.А. 341, 344
Наталья (жена товарища Василия) 274
Недоброво В.В. (??? 173) 172, 178
Нектарий 112, 113
Немировская О.А. 78, 81, 82, 83, 84, 85
Немзер А.С. 122
Нечкина М.В. 30, 32, 34, 47, 71, 79, 117, 121, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 137, 144, 147, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 160, 179, 182, 183, 187, 191, 196, 197, 211, 218, 331, 388
Никандров 242
Никитенко А.В. 205
Никитин Е.Н. 365
Николай I 118, 192, 207, 208, 214, 218, 219, 220, 222, 223, 226, 227, 228, 230
Никольский Н.М. 357, 358
Никулин Л.В. 86, 87
Новиков В.Л. 92, 432
Новиков-Прибой А.С. 92
Новицкий Г.А. 422
Нович И.С. 95
Норов В.С. 205
Носов Б.В. 369, 372
Оболенский Е.П. 122, 127
Овсянников А.А. 35
Огарев Н.П. 121, 122, 124, 230
Оглоблин А.П. 352, 381, 384
Огудов С.А. 165, 174, 175
Одоевский А.И. 193
Озерский Ю.И. 362, 363
Оксман Ю.Г. 158, 159, 172, 173, 174, 175, 179, 374, 375
Ольденбург С.Ф. 361, 362, 443, 444
Ольдерогге В.А. 410
Ольминский М.С. 137, 197
Орбели И.А. 313, 426, 443, 444
Орбели Р.Р. 443, 444
Орджоникидзе 423, 441, 448, 451, 454
Орлов А.С. 371
Орлов А.Ф. 208
Орлов М.Ф. 208, 209
Ортега-и-Гассет Х. 237
Островский Н. 108

Оукшотт М. 26
Павел I 225, 226, 227
Павленко П.А. 246
Павлов Д.М. 125, 161, 421, 424, 430, 434, 435, 436, 437, 441
Павлов-Сильванский Н.П. 125
Пакентрейгер С.И. 99, 100
Панек Л.Б. 444, 445
Панкратова А.М. 42, 43, 297, 313
Панчулидзе С.А. 129
Паперный В. 41
Паустовский К.Г. 94
Перетц В.Н. 335, 361
Перцов В.О. 94
Перченк Ф.Ф. 363
Пестель П.И. 125, 152, 161, 188, 190, 217, 229
Пестрово Н.В. 253
Петров В.М. 107, 109, 111, 112, 114, 115
Петров Ю.А. 260, 265
Петрушевский Д.М. 362
Петрушевский И.П. 446
Петр I (в тексте также: Петр Первый; Петр Великий) 3, 33, 34, 40, 47, 51, 79, 86, 87, 88, 89, 92, 93, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 114, 115, 116, 145, 147, 220, 227, 325, 328, 331, 333, 343, 356, 426, 451
Петр III 225
Пиксанов Н.К. 127
Пионтковский С.А. 308, 310, 354, 390, 392, 393
Пиотровский А.И. 178
Пиріг Р.Я. 369, 371, 375, 399
Пихоя Р.Г. 6
Пичета В.И. 343, 372
Платонов С.Ф. 6, 48, 92, 304, 308, 344, 345, 360, 361, 363, 365, 413
Плеханов Г.В. 34, 45, 153, 304
Плех О.А. 3, 95, 117, 118, 213
Плешанов Т.В. 432
Плохий С. (в тексте: Плохой) 318
Погодин Н.Ф. 246, 247, 248, 252, 355
Подвойский Н.И. 265
Подорога В.А. 232
Пожидаев В.П. 418, 435
Покровский М.Н. 34, 38, 46, 47, 48, 49, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 124, 127, 131, 132, 147, 149, 152, 153, 154, 162, 182, 186, 187, 190, 195, 196, 201, 202, 215, 217, 242, 304, 305, 306, 308, 309, 351, 357, 358, 359, 363, 365, 375, 380, 387, 392, 414, 454
Покровский Н.И. 450, 451, 452, 455, 457, 458, 459, 460, 461
Покровский Н.Н. 450
Полонская-Василенко Н.Д. (в тексте: Полонська-Василенко Н.) 404
Полонский В.П. 79, 90
Полуботок П.Л. 325, 343
Пономарева И.З. 424
Попова О. 359
Попов Н.Н. 359
Попов П.С. 209
Порох И.В. 122, 461
Поршнев Б. 71
Потапова Н.Д. 16, 135
Пресняков А.Е. 127, 128, 129, 159, 183, 187, 197, 202, 218, 221, 222, 223, 224, 225, 308, 362, 363
Прибылев А.В. 144
Пристайко В. 346, 362, 366, 367, 369, 377, 404, 408, 410, 411
Прозрительев Г.Н. 437
Пропп В.Я. 103
Пугачев Е. 79, 133
Пушкин А.С. 103, 133, 134, 169, 193, 229
Пушкин И.И. 122, 140, 192, 193
Пфальцская Е.Ш. 111
Пшеницына Е.К. 446
Пыпин А.Н. 124, 154, 184, 185, 194, 200
Пьери Н.Ю. 453
Пятаков 269, 270
Рабинович Е.Я. 83
Рабичев Н.Н. 250, 268
Радек К.Б. 242
Раевская М. 168
Раевский В. 125
Раздорский В.Ф. 438
Разин С. 79, 80, 82, 83, 86, 87, 92
Разумовский К.Г. 326
Ранке Л. фон 50, 63
Рафес М.Г. 287, 294, 295
Рахаев Дж.Я. 314
Рахманова И. 293
Рахья Э.А. 247, 252, 255, 283
Рачук И. 279

Редин Н.Е. 380, 393
Рейтон С.Р. 272
Репин Л.П. 18, 45, 60
Решетов А.М. 445
Ржешевский А.Г. 246, 248
Робин Гуд 457
Робинсон М.А. 360, 361, 366, 367, 369, 370
Родзянко 261, 262, 263, 264
Рожков Н.А. 304, 343, 379
Розенберг У. 59
Розов М.А. 64
Ромм М.И. 244, 248, 249, 252, 255, 257, 258, 264, 266, 268, 270, 277, 280, 281
Ростовцев Е.А. 188, 330
Рошаль Г.Л. 249, 270
Рубач М.А. 307, 386, 387, 390, 391, 393, 396, 397, 398, 399, 400, 403
Рубинштейн Н.Л. 40, 145, 147, 148, 149, 384
Рудницкая Е.Л. 122
Рузвельт 115
Румянцева М.Ф. 18
Русанин С. 81
Руссо 30, 58
Рутковский 262, 264
Рыбаков И.М. 375
Рыжковский В. 71
Рыжков 262, 263
Рыков А.И. 242, 267
Рылеев К.Ф. 128, 161, 180, 188, 192, 198, 202, 203, 206, 210, 211, 218, 229
Рыскулов Т.Р. 288, 295
Рязанов Д.Б. 138, 362, 363

Сабинский Ч.Г. 169
Савва В.Н. 338, 339, 340
Савельев А.И. 182, 185, 186, 190, 232
Савельева М.А. 182, 185, 186, 190
Савинков 262, 271
Савчук А. 347
Садовский А.Д. 265
Самойлович А.Н. 313
Самурский Н.П. 457, 458, 459, 462, 466
Сандомирский Г.Б. 138
Санцевич А.В. 318, 376, 377, 378, 404, 405
Сарахан Д.А. 429, 430
Сарсенбаев Б.С. 285
Сафаров Г. 288

Сафонов М.М. 131, 132, 133
Сафонова Ю.А. 26
Сахаров А.Н. 314, 410, 446
Свердлов Я. 153, 259, 263, 267, 270, 271, 273
Свидзинский М.И. 393, 406
Свиристюнов П.Н. 128
Святополк-Мирский Д.П. (в тексте также: Д.П. Мирский) 95, 99
Сельвинский И.Л. 101
Семевский В.И. 125
Семенова Н.В. 245, 438
Семенов Л.П. 245, 423, 435, 437, 438
Семко-Казачук С.М. 390
Сергеева Г.А. 92, 444
Серебрянский М.И. 98, 100, 101, 102
Сиверс А.А. 140
Сивков К.В. 446, 451
Сидорова Л.А. 37, 71, 415
Симонов Н.К. 107, 108
Синеокая Ю.В. 66
Синин Е.Ю. 265, 266
Сироткина И. 65
Сказин Е.В. 129, 130, 160, 203, 220
Скилotti Б. 424
Скитский Б.В. 448, 449, 450, 451, 452, 454, 459, 460, 462, 463, 464
Скоропадский И.И. 325
Скоропадский П.П. 407
Скрыпник Н.А. 362, 375, 376, 380, 381, 391, 393, 399, 411
Скубицкий Т.Т. 380, 400, 409
Слаченко М.Е. 352, 384
Славин Л.И. 246, 248
Слепенко И.А. 73
Слискова В.В. 75
Смирнов П.П. 339, 340
Смит Р. 65
Смолов В.А. (в тексте: Смолія) 366
Соболев Л. 270
Соболевский А.И. 361
Совкино 164, 175, 176, 177, 233, 236
Соколова А. 238
Соколов О.Д. 46
Соколов Р.А. 56, 232
Соловьева С.М. 221, 303, 304, 306, 325, 395
Соловьев В. 86
Сперанский М.Н. 150, 361
Сталин И.В. 7, 10, 11, 28, 29, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 49,

53, 54, 56, 104, 105, 108, 109, 112, 132, 133, 232, 239, 242, 243, 247, 248, 249, 253, 254, 258, 259, 260, 263, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 273, 276, 277, 278, 279, 281, 282, 283, 287, 293, 298, 310, 311, 316, 317, 362, 410
Старчаков А.О. 98, 99
Стасюлевич М.М. 124, 185, 194, 200
Сташевский Е.Д. 338, 339
Стейла Д. 46, 65
Степин В.С. 64
Сторожев В.Н. 357, 358
Струве В.В. 52
Студенецкая Е.Н. 449
Суворин А.С. 125, 214
Суворов Н.Г. 107, 110
Суханов 165, 174, 176, 177, 179, 184, 188, 189, 199, 209, 211
Сухарьков Г.Н. 265
Сухинов И.И. 165, 175, 181, 199
Сухино-Хоменко В.И. 395, 398, 399, 406
Сухорукова А.С. 232
Суюнова Н.Х. 421
Сыроечковский Б.Е. 128, 146, 148, 158, 204, 207, 208
Сыромятников Б.И. 145, 146, 147, 148, 150

Тамай А.И. 448, 449
Тамбив И. 462
Тарасова А.К. 108
Тарле Е.В. 365, 372
Татарокова Л.Б. 423, 430
Татищев А.И. 218
Тахо-Годи А.А. 430, 434, 436, 440, 447, 462, 463
Телешов И.Я. 128, 207
Тельвак В.В. 320, 326, 338, 343, 345, 346, 361, 368
Темирболатова А.И. 439, 441
Теодорович И.А. 138
Теплов Г.Н. 326
Тер-Ваганян В.А. 96, 99
Терещенко М.И. 262, 263
Терещенко Ю.И. (в тексте: Ю.И.) 387
Тимашев Н. 41
Тимофеев В. 167
Тимофеев Н. 293
Тинченко Я.Ю. 410

Тихонов В.В. 1, 2, 3, 4, 7, 16, 28, 47, 51, 52, 57, 69, 71, 95, 147, 245, 284, 285, 293, 301, 311, 312, 314, 316, 417
Толстой А.Н. 88, 89, 90, 95, 96, 106, 107, 112, 114, 115, 184, 191, 198
Толстой Л.Н. 90
Толстой Я.Н. 127
Торошелидзе М.Г. 97
Трайнин И.П. 236
Трауберг Л.З. 164, 173, 175, 281
Тревер К.В. 426
Трепавлов В.В. 314
Тригос Л. 118, 134, 135
Троцкий И. 155, 242, 260, 261
Троцкий Л.Д. 36, 41, 104, 237, 242
Трубецкой 151, 188, 193, 201, 202, 218, 229
Тубаев М.А. 426
Тумаркин Д.Д. 444
Тургенев Н.И. 122, 123, 124
Тхамокова И.Х. 430
Тынянов Ю.Н. 79, 81, 82, 83, 84, 86, 87, 89, 90, 92, 93, 94, 96, 98, 99, 170, 172, 173, 174, 175
Тьерри О. 79
Тютюкин С.В. 34

Уайт Х. 17, 19, 20, 23, 26, 30, 31, 47, 61
Уваров С.С. 329, 330
Ульянов Н.И. 344
Ульяновський В.И. 338, 340
Урицкий М.С. 259, 267, 270
Усиевич Е.Ф. 85, 92, 93, 250
Успенский Б.А. 17
Успенский Ф.И. 360
Устриялов Н.Г. 120
Ушурма 452

Файнштейн см. Нович И.С. 95
Фальк И.П. 416
Февр Л. 64, 65
Федоров А.В. 244
Федоров В.А. 122
Федоров Е. 288, 289
Фейдер В. 161
Ферсман А.Е. 362
Фигнер В.Н. 138, 144
Филина Ю.С. 3, 117, 231, 244, 246
Фирсов Н.Н. 225, 226
Флоринский Т.Д. 344

- Фоменко В.А. 426
Фонвизин М.А. 135
Формозов А.А. 5
Форш О. 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 92, 98, 169
Франс А. 100
Франц-Иосиф I 405
Фрейд З. 65
Фрид Л.С. 166
Фролов И.А. 180
Фурер В.Я. 405
Хаджи-Мурат 437
Халатов А.Б. 87
Халид А. 289
Ханжонков А.А. 242
Харламович К.В. 288
Хылые А.А. 398
Хылыевой М. 350
Хетагуров К. 428
Хмельницкий Б.М. 319, 323, 324, 331, 357, 358, 359, 372, 423
Хорхордина Т.И. 73
Христианович В.П. 429
Христофоров В.С. 410
Хрушев Н.С. 278
Хунзахский 422
Цагарели 247
Цивьян Ю.Г. 165, 178, 179, 181
Цыганкова Э.Г. 363
Цыганов Д. 55
Цырлин Л.В. 98, 99
Чапаев В.И. 101
Чапыгин А.П. 79, 80, 82, 83, 86, 87, 92, 98
Чекулаев Н.Д. 436
Ченцов Н.М. 117
Червяков Е.В. 169
Черкасов Н.К. 108
Чернавский М.М. 138
Чернобаев А.А. 46
Чечулин Н.Д. 326, 327, 413
Чиаурели М.Э. 246, 247, 248, 279
Чичерин Г.В. 104
Чокаева А. 285, 291
Чубарян А.О. 16
Чулков Г.И. 225
Чурсин Г.Ф. 434
Чухрай Г.Н. 281
Шабаев Д.В. 423, 430
Шамиль 230, 456, 459, 460, 461
Шапиро А.Л. 46
Шаповал Ю.И. 318, 346, 362, 366, 367, 369, 377, 378, 399, 404, 405, 408, 410, 411
Шапорина Ю.А. 162, 168
Шатин Ю.В. 8, 9
Шахматов А.А. 345
Шахов М.А. 424
Шаховской Д.И. 146
Шведчиков К.М. 236
Шебунин А.Н. 123
Шевченко Т.Г. 350, 355, 360
Шемякина О.В. 136
Шерипов З. 453, 454
Шестаков А.В. 128, 129, 148, 149, 152, 183, 227, 228, 229, 288, 293, 294, 295, 296, 297, 307, 311, 312
Шестериков С. 127, 205
Шиллинг Е.М. 418, 419
Шильдер Н.К. 129, 214, 220
ШильдкRET К.Г. 79, 91, 92
Шишков В.Я. 79
Шишко С.К. 180
Шкиль М. 231
Шкловский В.Б. 90, 94, 98
Шляпников А.Г. 242
Шматко Н.А. 22
Шмидт С.О. 6, 427
Шмурло Е.Ф. 103
Шостакович 247
Шпунт Р.М. 393, 398
Штейнгель В.И. 122
Шторм Г.П. 79, 84, 85, 86, 90, 91, 92, 98
Штрайх С.Я. 140
Штраух М.М. 240, 252
Шульгин В.В. 336
Шумяцкий Б.З. 106, 253, 268
Щапов А.П. 303, 307
Щеголев П.Е. 125, 161, 168, 169, 171, 172, 216, 218
Шербаков А.С. 298
Шукин Б.В. 252, 258
Эдельман О.В. 126, 134, 135, 136
Эйдельман Я.Н. 98
Эйзенштейн С.М. 3, 164, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 238, 239, 240,
241, 242, 243, 246, 250, 256, 265, 269, 275, 276
Эйнштейн А. 64
Эйхенбаум Б.М. 83, 84
Эко У. 233
Энгельс Ф. 28, 29, 32, 34, 39, 40, 42, 44, 45, 105
Эннкер Б. 36
Эрде Д.И. 389
Эрл А. 231
Эрлих С.Е. 133, 135, 136
Эфендиев 457, 458, 459, 462, 466
Юдин П.Л. 424
Юзефович Б.М. 335, 337, 338
Юрганов А.Л. 6, 42, 53, 301, 318, 378
Юркова О. 366
Юсупова Г. 166
Юсупова С.И. 424
Юткевич С.И. 247
Юшков С.В. 441, 448
Яворский М.И. 317, 351, 352, 353, 355, 356, 363, 364, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 400, 401, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 414
Ядринцев Н.М. 303
Якимова А.В. 138
Яковлев А.И. 298
Яковлев Н.Ф. 418, 419, 420
Якубович 170, 192
Якушкин Е.Е. 128
Якушкин И.Д. 128, 182
Ямпольский М.Л. 429
Ямщикова М.В. 92
Янковская Г.А. 7
Ястребов Ф.А. 380
Ясь О. 346, 369, 377
Яхонтова М.С. 118
Яцимировский А.И. 326
Barber J.F. 46
Berger S. 57, 59
Berkhofer R.F.Jr. 61, 303
Brandenberger D. 41, 76, 245, 246, 247, 292, 310, 318, 354
Eco U. (Умберто Эко) 233
Enteen G.M. 46
Fay Br. 16, 17
Feldner H. 59
Golubev A. 302
Iggers G. 57, 59, 62, 67, 302
Kotkin S. 58
Lazarev Ya. 415
Mace J.E. 318
Macintyre S. 59, 63
Maiguashca J. 59, 63
Marcuse G. 28
Palgrave Macmillan 46, 58, 118, 134, 180
Passmore K. 59
Platt K.M.F. (Платт К.М.Ф.) 215
Pomper Ph. 16, 17
Pók A. 59, 63
Tillett L. 299, 311
Timashev N. 41
Trigos L.A. 118, 134, 180
Vann R. 16, 17
White J.D. 46
Whittington A. 311
Widdis E. 232
Yilmaz H. 286, 313

Научное издание

**Советский исторический нарратив 1920–30-х годов:
содержание, акторы и механизмы конструирования**

Издание не подлежит маркировке
в соответствии с п. 7. ч. 2.2 ст. ФЗ 3 436-ФЗ

Ответственный редактор *В.В. Тихонов*
Выпускающий редактор *А.В. Безрукова*
Корректор *О.Н. Картамышева*
Компьютерная верстка *Н.И. Павловой*
Дизайн обложки *Ю.А. Натепрова*

Подписано в печать 20.11.2025. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Newton». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30. Тираж 400.

ООО Издательство «Совпадение»
123181, г. Москва, ул. Исаковского, д. 26-2, оф. 253
Интернет-магазин издательства: www.sovpadenie.shop
info@sovpadenie.com